Анатолий Головкин

Большой круг жизни

Тверь
2021

Анатолий Головкин

Большой круг жизни

Тверь
2021

УДК 82-94:39(470.22)
ББК 63.3(2)
Г61

Г61 **Головкин А.Н.** Большой круг жизни. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2021. – 496 с.

ISBN 978-5-94789-997-9

Автобиографическая книга «Большой круг жизни» охватывает период жизни автора с его детских лет и до преклонного возраста, в условиях перехода из второго в третье тысячелетие и от социализма к капитализму. Автор, являясь свидетелем и участником событий переходного времени, устами очевидца повествует о драматических изменениях, происходивших в Тверской области и городе Твери при смене социального строя в России на переломе веков и тысячелетий. Это повесть о том, как любовь помогает в жизни человеку преодолевать любые неурядицы и невзгоды.

На обложке: здесь до конца XX века была карельская деревня Петряйцево, Родина автора книги.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94789-997-9

© А.Н. Головкин, 2021
© Макет ООО «Издательство «Триада», 2021

От издательства

Издательство «Триада», специализируясь на печати книг медицинской тематики, тем не менее, издает книги многих тверских авторов. Среди них – книги Анатолия Николаевича Головкина по истории России, Тверского края и Тверской Карелии. Нами издано уже шесть книг этого автора, настоящая книга – седьмая.

Читатели его книг и выступающие на презентациях заявляли о том, что книги чрезвычайно серьезные, как и все исследования автора. В его книгах убедительная фактография на прочной документальной платформе. Емкая, концентрированная аналитика, в которой, как в капле воды, отражены огромные периоды жизни российского общества в определенный значимый исторический период.

Учителя школ поселка Спирово заявляли: «Это ценнейший материал, по нему необходимо проводить конференции, популяризировать и внедрять в школы, знакомить детей с историей своего края и своих предков. Книги действительно очень интересные, рекомендуем их всем».

Выступающие на презентациях говорили о том, что каждое новое историческое исследование А.Н. Головкина – всегда значимое событие и всегда открытие. Разрабатываемые им темы ранее широко не обнародовались, а фактография была сокрыта в архивных документах. Обращения Анатолия Николаевича к «своим» темам – не случайные изыскания – он сам их неотъемлемая принадлежность, выросший и сформировавшийся в культурной среде своего народа и при личной причастности к его исторической памяти. Несмотря на обладание автором особой научной проницательностью и реальным знанием материала, для него непреложна документальность. Воссозданию целостной картины освещаемой эпохи неизменно сопутствует титаническая работа с архивными массивами.

Посвящаю эту книгу
любимой жене, Зинаиде Ивановне

Введение

Мной желанье овладело,
мне на ум явилась дума:
дать начало песнопенью.
«Калевала», песнь 1, стр. 17

По утверждению китайского мудреца Конфуция, мужчине дается пройти «большой круг жизни» в 72 года, для совершения предназначенных ему дел – создания семьи, оставления наследников и наследства, решения общеполезных проблем. Тому, кто по-прежнему остается нужным для общества после этого срока, даруется еще и «малый круг» в 12 лет, во время которого мужчина может сделать еще что-то полезного сверх своей меры. У каждого человека свой срок жизни, великие люди и в свой короткий срок смогли совершить многое и оставить память о себе на долгие годы.

Задумываясь об этом, я пытался пройти в своей жизни хотя бы «большой круг» и за это время сделать что-нибудь полезного для семьи, своего народа, государства, общества и окружения. Окружение судит о человеке не по словам, а по поступкам и действиям. Добрых, часто прорывных, поступков и дел в своей жизни я совершил немало.

Можно выделить 12 основных этапов моей жизни:

1. Уличное детство
2. Учеба в школе
3. Учеба в техникуме
4. Служба на флоте
5. Работа в школе
6. Служба в прокуратуре
7. Работа в школе
8. Законодательное Собрание
9. Администрация области
10. Администрация г. Твери
11. Администрация области
12. На пенсии

Моя судьба, на начальном этапе жизненного пути, типична для многих деревенских юношей послевоенного времени: школа, служба

в армии, создание семьи и уход из деревни в город. Но после службы в армии у каждого юноши нашего поколения начиналась своя судьба, хотя первоначальная основа для нее у всех нас была одинакова.

В моей жизни было много неожиданных поворотов судьбы и смены профессий. После учебы и службы в Военно-морском флоте я одиннадцать лет отработал в школе, сначала учителем Карело-Кошевской школы Сонковского района Калининской (Тверской) области, а во второй туда приход – директором школы № 1 города Конаково. Отслужил двенадцать лет в органах прокуратуры Калининской (Тверской) области помощником районного прокурора, следователем, прокурором района, имею чин «младший советник юстиции».

Потом пятнадцать лет находился на государственной службе, сначала депутатом Законодательного собрания, а затем – в исполнительных органах государственной власти Тверской области. Везде старался работать ответственно, не жалея здоровья, времени и сил, внедряя что-то новое и достигая неплохих результатов. Постепенно воспитал в себе чувство ответственности за работу и за семью. Это чувство до сих пор держит меня в каком-то непонятном постоянном напряжении. Любая работа меня захватывала, я отдавался ей полностью, она меня радовала. В душе не было пустоты ни на работе, ни дома, я постоянно был чем-то занят, не говоря о том, что мысли в голове просто роились, перескакивая одна на другую.

Судьба мне приготовила много подарков, встреч с интересными людьми, преподнесла разные неожиданности. Я прошел разные уровни человеческого общения: в начале пути приходилось глядеть в глаза и разговаривать с убийцами и насильниками, а позднее – с послами, учеными и руководителями страны. Половину своей жизни я прожил в Советском Союзе при социализме, вторую половину – в Российской Федерации при капитализме. Поработал в структурах законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, участвовал во многих новых начинаниях. Видел частичку государственного управления и жизни простых людей в других странах: Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Финляндии и Эстонии.

Но мне за свою жизнь так и не суждено было понять, почему люди могут легко порвать связь со своей Родиной, не задумываясь, навсегда уехать жить в Америку, Англию или на Ближний Восток, где нет ничего нашего, отечественного. Приехав в Крым, я уже через два месяца начинаю тосковать по своей деревне, которой уже нет, по речкам,

тропинкам, ельнику, в котором не был больше 25 лет, по окрестным умершим карельским деревням.

С 2011 года, уже после выхода на пенсию, понемногу начал писать книгу о себе, своем жизненном пути под названием «Большой круг жизни», в 2012 году издал часть этой книги – «Откровения отставного чиновника». Как любой человек, я прожил обычную жизнь, которую попытался осветить и осмыслить в этой книге. В своей жизни страдал, и немало, от своего упрямого характера, от желания быть независимым в поисках справедливости.

Основной материал книги закончил писать в 2014 году, тогда мне исполнилось 65 лет, до окончания «большого круга жизни» оставалось 7 лет. Постепенно дополнял книгу новыми материалами и фактами, о которых постепенно вспоминал или находил их в своих рабочих записях. Конечно, много моментов из жизни опущено, всего не вспомнить и не рассказать, а вот каких-либо приукрашиваний фактов в книге нет. Сожалею, что записи я начал активно вести лишь с 1994 года, когда стал депутатом Законодательного собрания Тверской области, а прежние редкие записи к тому времени не сберег.

Теперь, думаю, настало время, чтобы издать полностью эту, возможно, последнюю мою книгу, посвященную своей жизни и работе. Я хотел, чтобы книга получилась красивой, так как я прожил полноценную красивую жизнь, встречался и меня окружали, в большинстве своем, красивые люди и очень красивая природа. Ведь книги писателя – это отсветы его души и его жизни.

Эта книга посвящена большой и светлой любви мужчины и женщины, созданию семьи, поддержке друг друга в сложных жизненных ситуациях на протяжении многих лет. Это повесть о том, как любовь помогает в жизни преодолевать любые неурядицы и невзгоды, о необходимости развития института семьи в современном мире с целью укрепления государства.

Чтобы в этой книге рассказать обо всех сторонах нашей жизни и работы, мне пришлось в нежные человеческие отношения между мужчиной и женщиной добавить немного грязи деловых и общественных отношений, которая всегда есть в обществе политиков и чиновников. Показать, как легко может человек опуститься в своей жизни, и как тяжело постоянно совершенствоваться. Хорошо, когда это совершенство уже заложено в семье и дальше может только развиваться независимо от статуса человека.

Написанная книга, перед ее изданием, должна отлежаться некоторое время – полгода, год, два, три, чтобы возвращаться к ней снова и решать – нужно ли ее печатать или нужно еще доработать. А вот книга «Большой круг жизни» ждала своего часа очень долго, более 7 лет, неоднократные правки и редактирование пошло ей на пользу.

Почему я здесь пишу о себе? Лучше американского писателя Генри Дэйвида Торо ничего не скажешь: «*Я не говорил бы так много о себе, если бы знал кого-нибудь так хорошо, как себя*».

Автор книги, как человек субъективный по своей природе, не может быть беспристрастным в своем повествовании. Интерпретация событий всегда неизбежна, так как их оценивает конкретный человек, исходя из своих взглядов, опыта, душевного состояния и других факторов. Я написал эту книгу потому, что в жизни действуют жесткие законы диалектики: ***кто начинает что-то новое, тот никогда его не завершает, и о нем нередко вообще забывают. То, что было, продолжать необходимо, но забывать не следует.***

Возможно, прочитав эту книгу, кто-то задумается над чужими ошибками и не совершит своих ошибок. Кто-то поймет, что основа жизни в России – это ***семья и общинность***, как бы их не хотели прервать, а людей разобщить, что радость человека в общении с другими людьми и в работе во благо других людей.

«Большой круг жизни» у меня закончился 13 мая 2021 года, с этого времени моя жизнь пошла «по малому кругу». Наступило время вспомнить и передать читателям из своей жизни хотя бы то, что еще не стерлось в памяти. Мне сейчас очень не хватает завывания ветра в печной трубе, которое слушал в детстве, когда лежал на русской печке в деревенской избе, не хватает скрипа морозного снега под валенками, когда шел в школу по санной дороге. Не хватает запаха сена, когда летом спал на сеновале, не хватает родных лесов, речек, полей и еще многого того, что было в детстве. Но жизнь продолжается, лишь бы она продолжалась дольше…

В книге привожу выдержки из карело-финского эпоса «Калевала», составленного Э. Леннротом в 1849 году. Перевод на русский язык Э. Киуру и А. Мишина, Петрозаводск, 1998 год.

Глава I
Из карельского рода

Из воспоминаний моей матери

Этим песням мать учила,
нить льняную выпрядая,
в дни, когда еще ребенком
я у ног ее вертелся.
«Калевала», песнь 1, стр. 18

«Родилась я 26 августа 1922 года в карельской деревне Поцеп Бокаревской волости Бежецкого уезда. Весь наш род по линии мамы – Абрамовой Акулины Абрамовны – был карельским из деревни Душково. У нее было два брата, Михаил и Егор, а также сестра Агафья. У моего дедушки Абрамова Абрама Абрамовича была сестра Степанида, братьев у него не было. Потом в доме деда, что на красном посаде посредине деревни Душково, жила с семьей моя двоюродная сестра по материнской линии Третникова (Абрамова) Татьяна Егоровна, дочь Егора Абрамовича.

Мой отец Визюркин Иван Иванович родом из деревни Поцеп, род тоже чисто карельский. У отца был брат Петр, который жил со своей семьей под одной крышей с нами. Наш дом был на две избы через сени, изба Петра Ивановича выходила окнами на деревенскую улицу, а наша – в огород и на речку Каменка. Дворы для скота были пристроены к боковым стенам изб.

Их сестра Наталья вышла замуж в своей деревне Поцеп за Белова Степана. Вторая сестра Анисья вышла замуж в деревню Муравьево, вместе с ней жила еще одна незамужняя сестра Анастасия. У брата отца, Петра, было 8 детей – семь дочерей и один сын. Он со всей своей семьей завербовался в город Петрозаводск в 1931 году. Перед отъездом он продал свою избу, ее разобрали и увезли. На ее месте наш отец построил двор для коровы и овец. Наш дом оказался единственным в деревне, который стал выходить на улицу скотным двором, а не окнами избы.

Вместе с ними завербовалась и уехала в Карелию моя тетка Анисья Ивановна со своей семьей из деревни Муравьево, у них тогда было три дочери. Сестра отца Наталья Ивановна переехала с семьей в город Петрозаводск уже после войны, в 1947 году. Ее старшая дочь Мария уехала туда раньше, сразу после окончания школы, в возрасте 14 лет. Так что в Петрозаводске живет много наших родственников, но я к ним никогда не ездила, и они к нам не приезжали.

В нашей деревне Поцеп жили одни карелы, говорили только по-карельски, русских жителей в деревне не было. Русские слова и предложения многие знали, особенно мужчины, которые ездили в Бежецк на рынок, а зимой работали в Петербурге.

1 сентября 1929 года я пошла в школу, учиться грамоте. Школа была в русской деревне Слепнево, в одном километре от нашей деревни. На втором этаже бывшего барского дома Гумилевых жили коммунары, на первом этаже учились дети первого и второго классов. Я вошла в класс, не зная, что делать дальше. Подошла учительница Анастасия Константиновна Лебедева, спросила, как меня зовут. Я промолчала, так как не поняла по-русски ни одного слова. Учительница усадила меня за парту, прозвенел колокольчик, такой же, какой был под дугой у лошади – маленький и звонкий. Рядом со мной учительница посадила Круглову Веру.

Ее семья еще до революции переселилась в новую деревню Синьково, которую на берегу Синьковской реки отстроили пять семей из нашей деревни, они же после революции стали коммунарами Синьковской коммуны и жили на втором этаже бывшего дома Гумилевых. Вера стала переводчицей, она переводила слова учительницы на карельский язык, а мои ответы – на русский язык. Сама она уже немного знала русский.

На краю нашей деревни в сторону Слепнева жили родители активиста карельского движения Белякова Ивана Степановича. У его младшей сестры были букварь и книги для чтения на карельском языке. Я пыталась читать эти карельские книги на латинице, но ничего не понимала. Тогда я стала настойчиво изучать русский язык и русскую литературу. Меня перевели в другую школу села Карело-Кошево, где в старших классах меня учила замечательная учительница русского языка Лебедева Вера Алексеевна.

До вступления в колхоз у моего отца было 10 гектаров земли, сеяли лен, рожь, пшеницу, овес, ячмень, сажали картошку. Всю землю

обрабатывали на лошадях и вручную. В 1930 году стали создавать колхозы, мой отец не спешил туда вступать. Чтобы проучить единоличников, жителя нашей деревни Николая Дмитриевича Соколова признали кулаком. Чтобы отменили ему твердые поставки, Соколов обжаловал решение Душковского сельсовета в райисполком. Одновременно с жалобой, в тот же день он написал заявление о вступлении в колхоз «За Новый Быт». В тот день заявления в колхоз подали еще 17 жителей деревни, в том числе и мой отец. Но так как он был вообще неграмотным, за него заявление написал и расписался в нем житель деревни Петр Костров, которого к тому времени сняли с должности председателя Душковского сельсовета за поддержку кулаков.

Мой старший брат Михаил, 1914 года рождения, один из первых в деревне нарушил вековые традиции карел и в 1936 году женился на русской девушке Марии из деревни Рудихово Краснохолмского района. Следом за ним в 1937 году вышла замуж за русского Смирнова Ивана в деревню Зобищи моя старшая сестра Анастасия, 1919 года рождения. Эта деревня находилась в Бежецком районе, в 5 километрах от нашей деревни. Младшая моя сестра Александра, 1926 года рождения, вышла замуж в 1951 году за Быстрова Василия из деревни Петряйцево. После свадьбы они сразу же уехали жить в Ленинградскую область.

До Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) в деревне Поцеп было 33 дома и 187 жителей. К 1960 году в деревне осталось 18 домов и 59 жителей. Во время войны погибли 12 мужчин из нашей деревни Поцеп, пропали без вести в июле 1943 года мой родной брат Михаил и двоюродный брат по линии матери Абрамов Михаил Егорович из Душкова. Сразу после войны жители 9 домов из Поцепа выехали жить в город Ленинград и Ленинградскую область. В 1990 году деревни Поцеп не стало, ее сравняли с землей.

Нам родители говорили, что карелы сюда пришли с Карельского перешейка еще до Петра I, а когда пришли, откуда именно и почему пришли они сюда – пока никто не знает. Да и род свой стали забывать, потому что при советской власти все поминальники уничтожили, а память человека короткая.

В августе 1946 года я вышла замуж в деревню Петряйцево за твоего отца – Головкина Николая Яковлевича, 1918 года рождения. Он только что в июне того года вернулся с войны из Германии и жил с матерью Ириньей Тимофеевной. Кроме них, в доме жила семья ее старшего

сына Михаила вместе с женой Татьяной, родом из Горбовца, и сыном Вовой. Еще жила приехавшая во время войны его старшая сестра Анна с дочерью Верой. Другая сестра твоего отца Пелагея жила с двумя дочерями в деревне Душково.

Старший брат твоего отца Михаил жил со своей семьей вместе с нами полгода, из-за болезни жены, в начале 1947 года переехал жить сначала в Горбовец к ее родителям, а после смерти жены – в Сонково, где он работал в уголовном розыске. Младший брат твоего отца Петр родился в 1921 году, он пропал без вести во время войны.

Ты родился в родильном доме деревни Калиниха в час дня, туда рано утром 13 мая твой отец меня отвез на лошади. Роды принимала акушерка Вера Александровна Румянцева, в девичестве Жаркова. В роддоме я пролежала три дня, а еще через десять дней вышла сажать картошку на своем участке. После этого стала работать в колхозе, возила на поле навоз, грузить его на телегу женщины мне не разрешали, после этого начался сенокос, и пошла постоянная работа.

В 1950 году старшая сестра твоего отца Анна с дочерью перешла жить в маленький домик на краю деревни, мы стали жить вчетвером, с нами осталась свекровь. В июле 1950 года твоего отца забрали за то, что во время войны был в плену, свекровь сразу же перешла жить к дочери Анне. Я осталась в большом доме с пустыми стенами одна с тобой, тебе был 1 год и 2 месяца. Надо было как-то жить и работать в колхозе, чтобы не отправили куда-нибудь за тунеядство.

Зимой я тебя тепло одевала, расстилала на пол ватное одеяло, сажала на него тебя, давала пустые коробки от спичек, палочки от веника, и уходила на работу. Весной и летом иногда, когда было особенно тяжело, относила тебя в Поцеп к бабушке Акулине. Летом брала с собой в поле, ты сидел под копной сена или соломы, пока я работала вместе со всеми. Осенью снова оставляла одного дома, приходила в обед, кормила, чем придется, и снова уходила на работу. Иногда вообще нечем было кормить, я оставляла тебе принесенные с поля листья капусты, или капустную кочерыжку, или кусок турнепса, брюкву или репу, ты оставался грызть это, а я со слезами снова уходила на работу.

Во время войны погибли 12 мужчин деревни Петряйцево, после войны из 11 домов жители, кто по одному, а кто и полностью всей семьей выехали жить в город Ленинград. Почему они выбирали этот город? Наверное, чтобы быть поближе к родине предков – Карельскому перешейку. В Ленинграде всегда жили наши родственники – карелы.

Наши мужчины, которые уходили на зиму работать туда, всегда могли остановиться жить у кого-нибудь из них. И после войны, когда начали отстраивать разрушенный город, многие наши жители уезжали туда к дядьям, теткам и другим родственникам. Так что у нас в Ленинграде много родственников, а в Москву наши карелы почти никогда не ездили.

Нынче, в 1997 году, в деревне Петряйцево живут 7 человек, из карел – одна я, остальные русские. Уже нет карельских деревень Поцепа, Акинихи и Терехова». *(Воспоминания записаны в деревне Петряйцево Сонковского района Тверской области в октябре 1997 года).*

* * *

Через два месяца после этих записей, в декабре 1997 года, мою мать, Иванову (Головкину, Визюркину) Наталью Ивановну, поразил тяжелый инсульт. Ее лечили сначала в Сонкове, потом в Бежецке, после лечения она 2,5 года пробыла в палате сестринского ухода Борисковской участковой больницы Бежецкого района. Участковая больница располагалась в единственном сохранившемся строении бывшего имения Кузьминых-Караваевых. Умерла мать 25 сентября 2000 года в возрасте 78 лет, похоронена в селе Карело-Кошево рядом со своими родителями и сестрой Анастасией Ивановной. Еще до ее смерти, в январе 1996 года, в этой же могиле был похоронен мой отчим Иванов Владимир Федорович.

Немой

Где достать такие мази,
раздобыть такого меду,
чтобы хворого намазать,
исцелить больного сына?
«Калевала», песнь 15, стр. 163

Я родился 13 мая 1949 года, и до 15 лет рос и воспитывался в глухой лесной карельской деревне Петряйцево Сонковского района Калининской (Тверской) области, где тогда было 32 дома и 110 жителей.

Наш род был чисто карельским, вплоть до моего рождения смешения кровей не было. Мой отец Головкин Николай Яковлевич, которого я вообще не помню из-за его ранней смерти, родом из деревни Петряйцево, мать Визюркина Наталья Ивановна родилась в соседней деревне Поцеп. Все их предки и они сами были карелами, у нас дома и в деревне звучала только карельская речь, которую хорошо помню с раннего детства.

Деревню Петряйцево с трех сторон окружали леса под названиями «Репенка», «Тропан-Кохта», «Оносиха» и ельник, который подходил к ней на расстояние до 300 метров. Две небольшие речки окаймляли деревню со всех сторон, с севера и запада – Теплинка, с юга и востока – Оносиха.

Все мое детство было связано с лесом, этими речками и полями. В детстве пережил многое: безотцовщину, послевоенный голод и бедность до 5 лет, счастливое и радостное время детства с 5 до 15 лет, хотя и тогда забот было немало, как у взрослых, так и детей. Себя помню с четырех лет, воспоминания отрывочные и неполные.

Март 1953 года. В нашем доме собрались девки и вдовы, около десяти человек, читают вслух в газете статью о смерти И.В. Сталина и плачут. В доме пусто, остались две деревянные лавки, один стол, одна металлическая кровать с сеткой. В правом переднем углу на полке несколько старых икон в деревянной оправе. Как я потом узнал, все было конфисковано в июле 1950 года, когда забирали отца за плен во время войны, конфисковали корову, овец, сено, зерно, муку, одежный и посудный шкафы вместе с одеждой и посудой. Сначала нам помогала мать отца, бабушка Иринья, хотя сама перешла жить к старшей дочери Анне на край деревни. Она родилась в 1880 году в соседней деревне Поцеп, откуда была родом и моя мать. Когда она умерла в 1953 году, нам стала помогать другая бабушка Акулина, которая до этого помогала своей старшей одинокой дочери Анастасии с пятью детьми.

Апрель 1953 года. В наш дом снова собрались женщины, человек шесть, они говорят о том, что закончили перебирать бурты с колхозной картошкой, в буртах осталось много гнилой картошки. Можно отобрать ту, которая получше, и варить ее. Ближе к вечеру все ушли из дома, я остался в пустом доме один. Электричества тогда не было, в доме темно и страшно. Меня посадили на лавку под образа, наломали от веника палочек, дали несколько пустых коробков от спичек, сказали, чтобы играл.

Приходит мать, зажигает керосиновую лампу без стекла, начинает печь оладьи из пахучей гнилой картошки, вонючий запах идет по всему дому. Потом мы макали эти оладьи в подсолнечное масло и ели их.

Обычной нашей пищей, пока в наш дом в 1954 году не пришел отчим Иванов Владимир Федорович, была *мурцовка* – это хлеб и лук, покрошенные в воду, а также *тюря* – хлеб, покрошенный в квас, очень редко – в молоко.

Июль 1953 года. Мать завела небольшую козочку, мы с матерью идем далеко-далеко в лес под названием «Тропан-Кохта», там она руками рвет траву. Завязывает эту траву в охапку веревкой, а мне делает маленькую охапочку, и мы возвращаются домой. Мать почему-то всю дорогу плачет. Я отстаю от нее и усаживаюсь на дороге, опустив ноги в колею от лошадиных телег. Мать садится рядом, прижимает меня к себе и заливается горючими слезами. Потом мы медленно идем по дороге дальше.

Август 1953 года. Мать отвела меня к бабушке Акулине в соседнюю деревню Поцеп, это в двух километрах от нашей деревни. Я хорошо помню, как мы вместе с двумя двоюродными братьями, которых бабушка взяла на лето у дочери из деревни Зобищи, забрались в дремучие кусты с красной смородиной и ели ягоды. Бабушка Акулина зовет нас обедать, на обед по три картофелины в мундире для каждого, у меня картошка уже очищена. Двоюродный брат, ему семь лет, схватил у меня одну картофелину, я плачу, бабушка ругает брата и возвращает мне картошку. Я макаю ее в соль и ем, очень-очень вкусная была та картошка.

Октябрь 1953 года. Мне еще нет 4,5 лет. Мать посадила меня на теплую, только что истопленную русскую печку, а сама ушла на колхозное поле рубить капусту. Дома ее не было долго, я захотел есть. Знал, что на верхней полке, которая шла в чулане от печки до окна, в мешочке была сушеная свекла. Мать на зиму сушила свеклу и морковь, которыми заваривала чай, мы пили его со свеклой вместо сахара. Я с печки полез по полке к окну, набрал горсть сушеной свеклы, и не знал, что делать дальше. Развернуться на узкой полке я не смог, боялся упасть вниз, до пола было около двух метров. Я потихоньку пополз задом обратно на печку, уронив из кулачка на пол несколько долек свеклы. По ним мать догадалась, что я ползал по полке, сильно испугалась, что мог упасть. Ругала и внушала, чтобы больше так не делал. После этого случая, она, уходя на работу, на печке меня никогда не оставляла, усаживая на лавках или на полу.

Я ничего не говорил до пяти лет, заговорил летом 1954 года. Хорошо помню январское утро 1954 года, я просил у матери что-нибудь

поесть, показывая ей что-то знаками. Она меня не понимала или делала вид, что не понимает. Я злился и щипал волосы на ее ногах. Она вскрикивала от боли, потом достала мне хлеба и чуть-чуть сахарного песку, кучку примерно с ноготь. Я стал показывать, что мне этого мало, мне надо больше. Когда она отказала в этом, я смахнул песок на пол. Разозленная мать взяла ремень и отхлестала им меня, как следует.

Через несколько дней после этого случая к нам пришла бабушка Акулина. Она по вечерам долго говорила с матерью обо мне по-карельски. Я все слышал, что-то понимал, но сказать ничего не мог. Вся моя голова была покрыта какими-то лишаями, на голове повязан женский платок. Я его все время срывал, но мать опять повязывала платок. Это потом, намного позднее, уже став взрослым, я узнал, что такая корка на голове образуется от постоянного голода.

Из разговора матери с бабушкой я понял, что мать написала своей сестре Александре в Ленинградскую область письмо, где просила записать меня к врачам. Александра вместе с мужем Василием и годовалой дочерью Татьяной жили тогда в одной комнате коммунальной квартиры в поселке Горохово возле Гатчины. Они ответили, что записали меня к врачам в военный госпиталь. И вот мать с бабушкой решали между собой, кто из них повезет меня в Ленинград, и где взять денег на эту поездку.

Решили, что повезет бабушка, мать привезла нас на лошади через лес за девять километров на станцию Дор. Как я понимал своей детской интуицией, мать не очень верила в успех этого дела. Мужа забрали в 1950 году за нахождение в годы войны в плену у немцев, когда ей было всего 28 лет, сын оказался немым, ему уже пятый год, а он ничего не говорит, только мычит, злится, да плачет.

Она на лето относила меня на руках к своей матери в Поцеп за два километра. Бабушка Акулина сажала меня на колени, много говорила и внимательно следила за моей реакцией – понимаю я ее или нет. Матери говорила, что мальчик все слышит и понимает, меня надо показать врачам, я должен заговорить. Это она настояла, чтобы мать написала письмо своей сестре, сама она была неграмотной.

В феврале 1954 года меня привезли к тетке в поселок Горохово, началось мучительное для меня лечение. Хорошо помню, как дядя Вася, муж моей тетки Александры, зажав меня между своих колен, пинцетом с корнем вырывал с головы по одной волосинке вокруг очередного лишая. На другой день везли в госпиталь, там этот лишай чем-

то срезали, потом укладывали меня на кушетку. Голова была между кварцевыми лампами, мне нужно было лежать, не шевелясь, в течение одного часа. Бабушка Акулина была постоянно рядом, иногда на некоторое время ее заменяла медсестра. Она меня успокаивала, чтобы я не волновался, бабушка скоро придет и принесет мне пряников.

Лечение продолжалось более одного месяца, для меня время тянулось вечностью. В марте 1954 года мы с бабушкой прибыли на станцию Дор. Я издали увидал идущую нам навстречу мать и закричал: «Мама! Мама!». Это было мое первое сказанное слово. Услышав мой голос, мать, не добежав до нас, так и рухнула на снег, повторяя: «А-вой-вой! Заговорил, заговорил!». Дома я был недолго, уже в мае снова жил с бабушкой, но ей становилось все хуже и хуже. Мать привела меня домой, в то же лето бабушка умерла.

Хорошо помню один случай летом 1954 года. Дома мне мать дала отрезанный ломоть дуранды, из жмыха подсолнечных семян, с ним я пошел на улицу. Там было много девчонок и мальчишек, все готовились к какой-то игре. Среди них была моя одногодка, пятилетняя сирота Борисова Вера, мать которой умерла во время родов, а кто был ее отец – никто не знал. Ее мать работала в городе Ленинграде, там же родила Веру уже после войны, а ее муж погиб во время войны. Вера воспитывалась у бабушки с дедушкой Скоробогатовых до второго класса. Со второго класса ее отправили в школу-интернат города Бежецка. После окончания восьмилетней школы уехала к родственникам в Ленинград.

В тот день у Веры в руках был большой ломоть черного хлеба с хрустящей корочкой. Он был помазан подсолнечным маслом и посыпан солью. А у меня был кусок подсолнечного жмыха – «дуранды». То ли я с завистью посмотрел на тот кусок хлеба, то ли она что-то заметила. Подошла ко мне, разломила ломоть хлеба пополам и сказала: «Давай меняться». Я с радостью отломил ей больше половины куска дуранды, она ее есть не стала, отнесла домой.

В моей памяти тот хлеб остался для меня самым-самым вкусным хлебом на свете, которого я никогда не пробовал позднее. Не знаю почему, но вечером мне мать сказала, чтобы я больше ни у кого не брал хлеба. Такое голодное детство у меня продолжалось еще полгода.

В то же лето мать отправила меня погостить к сестре матери – Анастасии в деревню Зобищи за шесть километров. Мне уже исполнилось 5 лет, я мог разговаривать. Я не любил эту безлесную деревню, там некуда было идти. Леса нет, речка Уйвешь, что в километре, малорыбная.

Позднее пробовали с двоюродным братом Алексеем ловить рыбу вилками, корзинами, но ничего не получалось. Ходили на песчаный карьер, где редко попадалась земляника. Здесь не было никакого сравнения с нашей деревней, окруженной лесами и речками – иди куда хочешь.

Однажды мы с двоюродным братом Алексеем забрались на яблоню сорта «белый налив». Ни сколько набрали яблок, сколько уронили на землю. Нас отругала его старшая сестра Нина, ей было уже 15 лет. Я испугался и, ничего не сказав, побежал домой не обычной дорогой через Хотену и Слепнево, а через болотный кустарник по тропинке мимо Акинихи. Так сюда меня вела мать, я хорошо запомнил этот путь.

Поднялся на высокий левый берег реки Каменка и побежал к Поцепу по Воронихинской горе. Добежал до деревни Поцеп, где раньше жила моя бабушка, с Воронихинской горы увидал, как внизу на другом берегу речки деревенские бабы шевелили сено, они меня заметили. Моя тетка Маруся подбежала ко мне, спросила, откуда я иду, и проводила до дома. Мать не ругала, спросив, что случилось. А к вечеру прибежала за шесть километров перепуганная двоюродная сестра, на ночь у нас не осталась, вернулась домой. После этого случая меня мать из дома никуда одного не отправляла.

Суровый быт послевоенной деревенской жизни рано приучал детей к самостоятельности. По просьбе матери, с августа я стал ходить в лес за грибами один, а было мне всего 5 лет. Вот тогда я первый раз по-детски осознал свою нужность для матери, а значит – для нашей маленькой семьи. Эта ответственность перед домом и семьей позднее не покидала меня никогда.

Познание жизни

Пой о том, как мир прекрасен,
как леса мои чудесны,
как поля мои богаты,
плодородны мои земли!
«Калевала», песнь 2, стр. 33

В годы моего детства жители деревни, как и всей страны, не отошли еще от тяжести потерь своих мужей, сыновей, отцов, любимых, погибших в годы Великой Отечественной войны, не отошли от бедности

и постоянного голода. Многие жили в ожидании без вести пропавшего на войне родного человека, веря, что он должен вернуться.

Дедушек своих не застал, дед Яков по линии отца умер в 1936, а дед Иван по линии матери – в 1940 году. Бабушка Иринья по отцовской линии умерла, когда мне исполнилось 3 года, бабушка Акулина по материнской линии – когда мне было 5 лет, я ее немного помню. Бабушки успели спеть над моей колыбелью карельские песни-плачи. Их напев был прост, диковатый и древний, рожденный еще на родине далеких предков на Карельском перешейке. Сами бабушки были неграмотными, по-русски говорить не умели, но некоторые русские слова понимали.

У карел мелодичные, печальные и нежные напевы, которые говорят, что они не воинствующий, а миролюбивый народ. У них нет ритмов, пробуждающих ярость, жестокость и насилие. Над моей колыбелью бабушки пели-плакали на карельском языке о судьбе своих сыновей, не вернувшихся с войны. Они просили птичку слетать в дальние края, узнать об их судьбе. Чтобы потом она, вернувшись, села на березу и пропела три раза, они будут знать, что сыновья живы. Но только не надо биться о стекло, как перед покойником, просили они птичку. Бабушки пели мне, что я переживу это голодное время и все болезни, буду большим и сильным. Только бы не свалилась на наше поколение война и другие напасти, которые были в жизни у них и их детей.

При рождении ребенка в карельской избе окна занавешивали, проходившие мимо избы люди улыбались – здесь родился человек. Новорожденного ребенка, независимо, мальчика или девочку, заворачивали по традиции в отцовскую рубаху. Шесть недель малыша могли видеть только домочадцы, чужим его не показывали. Отец делал из осины деревянную люльку, которую на веревках цепляли к длинному березовому шесту – оцепу, продетому в железное кольцо под потолком.

Через шесть недель в дом приходили родственники с подарками «на зубок» новорожденному – пирогом, калитками или тряпками для пеленок. Мать к этому времени уже выходила работать в поле, ее возле люльки заменяла бабушка. Первой игрушкой у маленького ребенка обычно был заячий хвост, подвешенный на нитке над люлькой. Ребенок все пытался поймать его своими непослушными ручками. Потом появлялись игрушки, вырезанные из дерева, – зайцы, собачки, медведи, лошадки.

Я помню плач женщин в марте 1953 года, когда умер Сталин. Одни плакали оттого, что не представляли жизни без вождя, вторые – от своего одиночества, им было по 25–28 лет, а женихи погибли на войне, третьи от радости, ожидая возвращения из сталинских лагерей мужей и женихов.

Я еще не понимал происходящих перемен, но гармошки на улицах зазвучали чаще. По вечерам парни и девки, а также молодые женщины и мужчины устраивали пляски под гармонь. Потом был XX съезд коммунистической партии, осудивший культ личности И.В. Сталина.

Мать с самого детства учила меня говорить на русском языке, хотя сама дома и на улице говорила только по-карельски. Но под влиянием карельской речи, я с детства хорошо усвоил родной язык, понимая почти все карельские слова. Но, понимая карельскую речь, я невольно с детства начинал уже думать по-русски и мысленно переводить карельские слова на русский язык.

В первые годы своей жизни и знакомства с внешним миром, карельские слова я узнавал через подруг матери. Они, такие же одинокие после войны, приходили к нам по вечерам и говорили о последних деревенских новостях и событиях в стране. Я понимал почти все, хотя не умел вообще говорить до пяти лет. Потом, став взрослым, я узнал, что моя болезнь была следствием голода.

Зимой, когда от домашнего тепла запотевали окна, я начинал левой рукой писать на стеклах заглавные русские буквы. Исписав оба стекла, вставал на лавку и начинал писать буквы на большом верхнем стекле. Буквы держались некоторое время, потом от тепла стекали ручейкам в нижнее корытце зимней рамы. Мать тряпкой выбирала оттуда воду, а я дышал на стекло и снова принимался писать буквы.

Мои познания жизни во всех направлениях углубляли и расширяли деревенские мальчишки, с которыми я проводил все дни. У меня с пяти лет не было ни бабушек, ни дедушек, ни другой родни, которая могла бы со мной сидеть. Поэтому я, как и другие деревенские дети, был предоставлен сам себе. Каждое деревенское утро летом наполнялось голосами людей, животных и птиц. Мычали коровы, пыля по деревенской улице, лаяли собаки и кричали петухи. С лугов доносилось ржанье лошадей. Мы сначала изучали деревенскую улицу, свои огороды, усадьбы и заулки, потом выходили из деревни на поля, луга, речки, бродили по опушке ельника. Этот опыт, приобретенный за лето, пригодился мне уже к осени 1954 года, когда мать отправляла

меня одного, пятилетнего, в лес за грибами, чтобы солить их на голодную зиму.

4 ноября 1954 года мать вышла замуж за отчима, наша жизнь резко изменилась, в доме появились хлеб, молоко, другие продукты и одежда. Я начал есть три раза в день нормальную деревенскую здоровую пищу. У нас появился хлеб, много хлеба, мать пекла по 8–10 буханок на 4–5 дней. Зимой, наигравшись на улице, прибегал домой, мать отрезала большой ломоть черного хлеба, куриным пером намазывала на него подсолнечное масло и посыпала солью. С эти куском хлеба с маслом и солью выбегал на снова улицу, какое же это было лакомство, особенно хлебная горбушка!

Тогда в деревню приходило много нищих и беженцев, которые просили хлеба или пустить ночевать. Когда мы жили без отчима, мать боялась и никого не пускала. При отчиме у нас несколько раз ночевали разные бездомные, которые говорили: «В вашей деревне говорят на каком-то непонятном языке, зато ругаются понятно для нас».

Иногда меня брала к себе тетка Анна, сестра отца, которая жила на краю деревни возле леса. Сидя у замерзшего окна, выдув дыханием небольшие просветы, она, мешая карельские и русские слова, говорила о зайчишке, который живет вот под той елочкой. Надо будет когда-то встать на лыжи и отвезти ему морковь. А под другой елочкой живет хитрая лиса, которая хочет дождаться ночи, придти в деревню на двор и задушить куриц. Я внимательно всматривался вдаль, но не видел, ни зайца, ни лису.

Мне шел шестой год, я уже хорошо знал этот лес, куда прошлым летом много раз ходил за грибами. На другой день я вставал на лыжи и шел к опушке леса, сначала по санной дороге, которая вела через ельник в государственный лес на делянки заготовителей. Потом поворачивал по целине налево, кружил вокруг кустов можжевельника и молодых елочек, видел следы зайцев, иногда пересекал нитку лисьих следов. Когда о них рассказывал дома, отчим говорил, что лису поймать легко, надо на ее хвост насыпать соли. Мне тогда еще не было шести лет, я принимал все всерьез, вставал на лыжи, брал с собой спичечный коробок с солью, уходил далеко в поле за речку Теплинка и долго-долго бродил по лисьим следам, но лису близко никогда не видел. Лыжными палками служил частокол, сломанный по моему росту из изгороди.

Я немного помню древний осенний праздник *kegri* (кегри), который был посвящен окончанию полевых работ. Его проводили каждый год

1 ноября после окончания сельскохозяйственных работ. В этот день до создания колхозов хозяева рассчитывались за работу с наемными работниками и угощали их пивом.

В течение всего дня 1 ноября маленьким детям говорили, что вечером придут «кегри», надо их слушать, а то они возьмут с собой. Вечером, когда мы сидели за столом и ужинали, раздавался сильный стук в уличную дверь. Я мигом оказывался на печке. Мать шла открывать дверь, в сенях громко стучали батогами, разговаривали по-карельски. Потом с шумом входили в избу. Я в это время перелезал с печки на полати и от страха забивался в дальний угол.

В дом входили ряженые, обычно одетые в шубы, вывернутые наизнанку, лица их были закрыты платками и самодельными масками, в руках держали батоги или палки. Они спрашивали меня, хорошо ли я себя веду, слушаюсь ли родителей, помогаю ли им, уважаю ли старших в деревне. Я во всем с ними соглашался, отвечал на вопросы утвердительно. Я помню три случая «кегри» с 5 до 7 лет, потом этого обычая не стало, и к нам ряженые уже не приходили.

Хотя я догадывался и понимал, что это голоса Фомичевой Марии и Тарасовой Екатерины, но боялся их вида и одежды. Их поили пивом, каждой давали по клубку пряжи. Если когда маленькие дети плакали, им говорили, чтобы перестали, а то придет «кегри» и напугает их. Я считал и считаю, что древний карельский обычай «кегри» был придуман не только для расчета осенью с наемными работниками, но и для воспитательного воздействия на детей.

Летом 1955 года, когда мне исполнилось шесть лет, я первый раз побывал с отчимом на базаре в городе Бежецке, что в 20 километрах от нашей деревни. Когда в деревне говорили: «поехали в город», то это был город Бежецк, ближайший к нашей карельской местности. Лошадиные дороги были проезжими лишь летом в сухую погоду и зимой. Весной и в осенние дожди дороги практически были непроезжими.

С вечера были смазаны дегтем колеса телеги, приготовлено сено. Мы выехали в четыре часа утра, день начинался жаркий, солнечный. Лошадь была запряжена в одер, на нем могли ехать шесть человек, свесив ноги, по три человека с каждой стороны. В средине одра сидеть невозможно, если не подослать сена или соломы. Отчим повез продавать на базар, оставшийся после посадки лук, чтобы купить продуктов. Проехали карельскую деревню Поцеп, потом русские деревни Слепнево, Хотену, Теребени, Старый Борок и Градницы. Дороги,

ведущие к любой деревне весной и летом, были изрезаны многими тележными колеями, так как после дождей каждая лошадь пыталась объехать лужи или найти себе путь суше. Эти колеи сохранялись и летом. За Градницами выехали на тракт Красный Холм – Бежецк и ехали по большаку.

Приехали на рынок, я помню, что вся рыночная площадь была заполнена народом и подводами. Вдоль небольшого парка, усаженного тополями, шли деревянные коновязи из жердей. Отчим привязал лошадь на свободное место, взял мешок с луком и пошел его продавать. Я, оставшись в телеге, стал смотреть по сторонам. Увидал некоторые ряды с товаром, ближе всех был молочный ряд, где продавали молоко, сметану, творог, домашний сыр и масло. Дальше шли ряды с овощами, мясные ряды были не на улице, а в помещении. Я тогда был совсем маленьким и не знал основного закона рынка, когда одни хотят дороже продать, а другие – дешевле купить.

У коновязи крепко пахло лошадиным потом, мочой и гнилым сеном. Земля вокруг подвод и лошадей превратилась в грязь. Я полдня промаялся на солнце, не слезая с одра. Отчим управился к полудню, купил конфет-подушечек, баранков, пряников, мешок хлеба. Он смазал дегтем все колесные оси с помощью деревянной лопатки (лабейки), и мы поехали обратно домой. Ведро с дегтем висело сзади под телегой на крючке.

Начиная с 1955 года, на трудодни стали выдавать по итогам года не только зерно, но и деньги. Родители зимой ездили в Ленинград, отвозили туда на продажу лук и мясо теленка, привозили оттуда одежду и продукты, которых не было в деревне.

В июле 1956 года у меня родился брат Вова, незадолго до родов в доме собрались деревенские женщины посудачить о жизни, семьях, мужьях и делах. Стали гадать, кто же родится у моей матери – сын или дочь. Одна женщина предложила матери сесть на пол, вытянуть ноги и упереться в пол любой рукой, какой ей удобно. Мать уперлась правой рукой, женщина сказала, что родится сын. Она сказала, что есть такая старая примета, которая исходит из положения ребенка в утробе матери. Мальчик тянет вправо, а девочка – влево.

В августе 1956 года я, семилетний мальчик, совершил первый важный в своей жизни поступок. После рождения брата Вовы мать с отчимом собрались ехать в Краснооктябрьский сельсовет регистрировать их совместного сына. Накануне поездки мать усадила меня за стол и вела со мной серьезный разговор о том, что отчим хочет меня усыно-

вить и записать на свою фамилию. Я упрямо, несколько раз повторил матери, что хочу остаться Головкиным, а не Ивановым, что у меня отец Николай, а не отчим Владимир. Мать не стала, помимо моей воли, изменять мне фамилию и отчество.

Хорошо помню плач баб на деревенской улице в ноябре 1956 года. Они еще не понимали, что случилось, но в воздухе стояло страшное слово «война». Плакали два дня, пока кто-то не разъяснил, что наши войска вошли в Венгрию спасать дружественный венгерский народ от буржуазии. Этим и успокоили жителей деревни.

По зимним долгим вечерам в наш дом приходили парни и молодые мужики. Рассаживались на лавки, скамейки и начинали течь долгие разговоры о том, как прошел день, какой наряд будет на завтра, обсуждали последние деревенские новости. Обменивались опытом, как лучше согнуть дугу или хомут, как готовить деревянный клей, чтобы он клеил надежно. Постепенно развязывались языки, начинали говорить о политике, особенно после выступления Хрущева на съезде о культе личности И.В. Сталина. Карелы чего-то боялись и не всему верили. Они по-прежнему верили Сталину в том, что внутри страны много врагов. Этот страх остался у тех поколений до конца своих дней.

Но были и праздники. Я жил в деревне, когда сохранялось родство, родственники приезжали не только на праздники. На вечернее чаепитие приходили сестры, братья, тетки и дядья родителей со своими детьми, иногда даже за 2–5 километров, чтобы ночью возвращаться домой. Родители поддерживали отношения не только с родными, двоюродными братьями и сестрами, их детьми, но и с дальними родственниками. Это было интересно и поучительно.

В большой мир нас выводили книги, первой из них была книга «День египетского мальчика». Читая, я думал, почему не карельского мальчика? И вообще, почему мы усиленно изучаем истории Египта, Греции и Рима, а не историю России?

Потом были книги Марка Твена, Жюля Верна, стихи А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Читая книги А.П. Гайдара, я не сомневался в том, что деревня Алешино – соседняя с нами русская деревня, которая стоит за лесом. Я забирался на крышу дома, пока не было родителей, садился возле трубы и высматривал через лес русскую деревню Алешино и печалился, почему Гайдар не прошел через лес в нашу карельскую деревню, до которой всего четыре километра, и не написал ничего о ней. Книги во многом способствовали моему познанию жизни.

С 1957 года в наших карельских деревнях появилось радио, жители стали выписывать газеты, чаще всего «Сельскую жизнь» и районную – «Дело Октября». Теперь они знали больше новостей о событиях, которые свершались в стране, а их было немало. Собираясь по вечерам у нас в избе, мужики курили и обсуждали прочитанные новости.

Согревшись на печи, я доставал «Географический атлас» и внимательно смотрел, где находятся Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Корея, Куба, о которых часто и много тогда говорили по радио. Тренируя память, запоминал руководителей этих и других стран, и где находятся эти страны.

Мне под руки попала привезенная из Ленинграда книга Г.И. Матвеева «Тарантул», 1957 года издания. Хотя я был еще мал, но с глубокими переживаниями читал о жизни ленинградских подростков в годы Великой Отечественной войны. После чтения этой книги мне очень захотелось побывать в Ленинграде.

В одиннадцать лет, в январе 1961 года, меня вместе с только что женатым, двоюродным братом Борисом Визюркиным отправили в Ленинград. Я с малых лет был очень стеснительным, особенно в незнакомой обстановке. В вагоне почти все время лежал на третьей полке, свернув под голову свое пальтишко, и смотрел в узкое окно вагона. Одну ночь я ночевал у них в коммунальной квартире, на второй день Борис отвез меня к тетке отчима, Ивановой Татьяне Ивановне, семья которой была раскулачена в феврале 1931 года. Но они смогли избежать высылки по настоянию жителей деревни, и уехали жить в Ленинград. Ее муж, дядя моего отчима, Иванов Дмитрий Иванович погиб в войну. У Татьяны Ивановны было трое детей, младший сын Дмитрий – мой ровесник, родившийся от кого-то уже после войны.

Их семья жила в двух маленьких комнатках коммунальной квартиры с общей кухней, общим туалетом и душем. Я своим детским умом не мог представить, как можно жить в таких условиях в большом городе. В восьмиметровой комнатке на железной кровати спала мать и ее 24-летняя дочь, инженер на заводе. В двенадцатиметровой комнатке на кровати спал 27-летний брат Димы, тоже инженер на заводе, а мы с ним спали под обеденным столом на ватном одеяле. Дима мне говорил, что обычно он спит на одной кровати с братом, у них есть еще раскладушка.

Дима многое показал мне в Ленинграде: Исаакиевский и Казанский соборы, Адмиралтейство. Мы бродили по берегам Невы, Фонтанки

и Мойки, проходились вдоль многих каналов. Целый день посвятила экскурсии по Эрмитажу, пройдя незначительную ее часть.

Любовались памятником Петру I, который одной рукой показывал на здание бывшего сената, а другой рукой – на Неву. Ленинградцы тогда говорили, что этим император предупреждает жителей города, что лучше утопиться в Неве, чем судиться в сенате или суде.

Мы с Дмитрием и его матерью побывали на заснеженном Пискаревском кладбище с расчищенными дорожками к братским могилам. Пискаревское кладбище, как мемориал, было открыто совсем недавно, весной 1960 года. В музее мемориала читали дневник погибшей во время блокады девочки-блокадницы Тани Савичевой.

Мы побывали на нескольких новогодних елках, там я занимал первое место по кручению шпагата на палочку, получил несколько подарков. Мы ходили в Кировский театр, где смотрели спектакль «Оптимистическая трагедия», который я запомнил на всю свою жизнь. Поездка в Ленинград открыла мне глаза на жизнь в городе, которую я сравнивал с жизнью в деревне. Мне Ленинград очень понравился, но уезжать из деревни тогда я еще никуда не хотел, очень любил свою деревню и просторы вокруг нее.

Потом Дима несколько раз летом приезжал в нашу деревню, мы с ним спали на душистом сеновале при свежем воздухе. Днем бродили по полям, купались в речке, ловили рыбу, ходили в лес за ягодами и грибами. Были заняты с раннего утра до позднего вечера, ему очень нравилось в деревне.

В деревне самыми уважаемыми людьми были священники и учителя. Но коль священников к тому времени уже не стало, оставались учителя, их слово для учеников и их родителей было непререкаемым. Если дома ученик начинал в чем-то упрекать учителя, то родители никогда не вставали на сторону ребенка, объясняя ему, почему прав учитель.

Перед тем, как мне идти в пятый класс, моя мать долго беседовала со своей бывшей учительницей русского языка и литературы Верой Алексеевной Лебедевой. Они вспоминали, как моей матери трудно давался русский язык, так как до школы она не знала ни одного русского слова. Мать просила Веру Алексеевну обратить на меня внимание, вовлекать в литературные чтения, а та советовала, чтобы я больше читал книг, а также изучал правила правописания.

Мать хотела, чтобы я хорошо усвоил русский язык, поступил учиться дальше и жил в городе. По ее мнению выйти в люди можно

только в городе. Дома между собой родители говорили только по-карельски, но со мной говорили только по-русски. Они хорошо знали историю «карельского дела», так как односельчанин матери Беляков Иван Степанович, будучи первым секретарем окружного комитета ВКП (б) Карельского национального округа, был в 1938 году арестован. Его родители и дочери рассказывали деревенским жителям эту историю, мать ее знала. Мать и отчим не хотели для меня каких-либо неприятностей, соглашаясь даже забыть свою национальность и называть меня русским. На улице я постоянно слышал карельскую речь, так как русских в деревне почти не было.

Русской у нас в деревне была одна бабушка Ульяна, ее привел после Гражданской войны из русской деревни Ножкино, чтобы в 7 километрах от нашей, Нетрусов Иван. Она постепенно научилась карельским словам и могла общаться в семье мужа. Так как Нетрусовых в деревне было несколько семей, Нетрусова Ивана и всех его детей стали называть по имени жены Ульяновыми, из молодых жителей деревни мало кто знал их настоящую фамилию.

Было удивительным то, как горстка карел в 13 деревнях среди русского населения такое длительное время, более 300 лет, сохраняла родной язык. Они говорили и думали по-карельски. Странное впечатление производила карельская речь в глухом центре России, в 200 километрах от столицы для тех, кто приезжал в карельские деревни по каким-то делам. А наше поколение уже начинало не только говорить по-русски, но и думать по-русски, мысленно переводя карельскую речь родителей на русский язык.

Деревенское детство

Так у нас ведут хозяйство,
так работы выполняют.
«Калевала», песнь 23, стр. 265

Мое детство длилось пятнадцать лет, сначала до 5 лет голодное и бедное, с пяти до 15 лет – счастливое и радостное деревенское детство. Когда мы жили вдвоем с матерью, дома не было хлеба, ели «дуранду» – лепешки и караваи из льняного жмыха, из которого выжали льняное масло. Особенно было плохо зимой, летом было легче. Голодное дет-

ство давало большую волю фантазии: ребятишки перепробовали на язык всю зелень и все ягоды. С пяти лет я почти постоянно был в лесу и на реке.

Сразу же, как сходил снег, шли в лес в поисках первых грибов – сморчков и строчков. Они росли порою на солнечных полянах, когда вокруг поляны еще лежал снег. На солнцепеке вырастала первая крапива. Щи из первой крапивы, которые спасали от голода и многих болезней, остались одним из моих любимых блюд. Молодая крапива, картофель, морковь, лук, да одно яйцо на человека и получались замечательные щи. Ранней весной бегали на поля, ели стебли хвоща, называли их «опестыши». Потом подрастала заячья капуста и щавель. Из щавеля обязательно варили зеленые щи. Ели корни осоки – белые и сочные. Летом на берегах рек росло вдосталь будок, их очищали от кожуры и наслаждались зеленой мякотью.

Затем уходили на горох, гороха с овсом сеяли тогда много. Ребятишек, выгоняли с полей не потому, что было жалко гороха, а просто много топтали гороха и овса, которые назывались «вико-овсяная смесь». Ели зеленые яблоки, с которых только успел опасть цветок, зеленый крыжовник, смородину. Удивительно, как это все переваривалось в детских желудках, когда эту зелень дома запивали молоком, простоквашей, сывороткой и другими молочными продуктами. Молоко от своей коровы я стал пить, когда в 1956 году пошел в первый класс.

В 1955 году в колхозе на трудодень давали 60 копеек, тот, кто работал каждый день без выходных, по итогам года получал 219 рублей, что после денежной реформы 1961 года составляло 21 руб. 90 коп. Билет на двоих до Ленинграда и обратно стоил тогда 240 рублей, больше годовой зарплаты одного колхозника.

В 1956 году реабилитировали часть граждан, расстрелянных в годы «большого террора». Семьям расстрелянных заплатили компенсацию по 650 рублей за человека. На эти деньги можно было купить ватник или теленка. Первая корова по кличке Субботка у нас появилась летом 1955 года, ее телкой купили в деревне Сулежский Борок, отелилась она в феврале 1956 года, с тех пор в течение 40 лет у нас было четыре коровы – две Субботки, Нежданка и Жданка.

Какие развлечения были зимой в заснеженной дикой деревне? Молодежь собиралась на беседы в нанятой избе, сюда приходили парни и девки из других деревень, что в 1–2 километрах. Играла гармошка, плясали «ланцею» и «русского», влюблялись. Женщины собирались

у кого-то из них на посиделки, захватив с собой прялки, слушая пластинки на патефоне с песнями Лидии Руслановой. Мужики собирались группами в одном или двух домах поговорить, покурить, почитать дошедшую до деревни газету, да обсудить насущные хозяйственные вопросы.

Веселее стало с 1957 года, когда провели радио, и можно было слушать новости в стране и мире, репортажи с футбольных полей, радиоспектакли и классическую музыку. С 1963 года в домах стало светлее, провели электричество, а через год у кого-то стали появляться первые небольшие черно-белые телевизоры с постоянными помехами и рябью.

Работы в деревне было много круглый год. Зимой – это постоянный уход за колхозным и личным скотом: раздать корма, напоить, подоить коров, убрать навоз. Ночные дежурства во время массовых отелов коров, приплода овец, лечение маленьких телят и ягнят. Сено и клевер колхозному скоту на фермы возили из стогов и сараев. Туда же привозили силос из силосных ям, с трудом добывая его, иногда с применением лома. Льнотресту зимой вывозили на лошадях на льнозавод за двадцать километров.

Радость деревенской жизни была не в потехах и праздниках, которые тоже отмечали, а в постоянной работе, порою тяжелой и длительной с раннего утра до позднего вечера, после которой оставалось время лишь на сон. День в деревне начинался рано, мать летом вставала в четыре часа, а зимой в пять часов. Сразу же затапливала большую русскую печь, пока она топилась, мать доила корову, поила из ведер и задавала корм овцам, теленку и корове. В шесть часов вставал отчим, уходил на ферму, поил и задавал корм колхозным телятам, за которыми ухаживала мать. На обратном пути приводил к дому лошадь и запрягал ее. Пока лошадь хрумкала сено, мы все вместе завтракали.

Я просыпался полседьмого, проснувшись, еще некоторое время лежал, слушая в тишине тиканье маятника настенных часов. Печь к завтраку уже протапливалась, на красные угли мать ставила железные листы с *обарниками* – булочками из серой ржаной муки, которые быстро пеклись на углях. Или на этих красных углях мать пекла блины, ставя специальным ухватом поочередно две сковородки. Обычно красные угли после топки из печки сгребали в жаратки – углубления в боковых стенках на шестке. Под печи становился гладким, на него ставили чугуны и чугунки со щами, с мясной и грибной тушенкой,

разными кашами, с молоком для его топления, простоквашей для творога, а также чугуны для подогрева воды. В тот день, когда была истоплена печь, в деревенском доме всегда могли накормить, кроме семьи, троих-пятерых неожиданных гостей.

Хлеба пекли много, по 8–10 буханок, его хватало на 4–5 дней. Чаще всего хлеб получался коричневатый, когда не было дрожжей и настаивали тесто с вечера в квашне на закваске. Хлебом баловали теленка, корову и лошадь. Когда пекли хлеб, над всей деревней по утрам разливался вкусный-превкусный сладковатый запах дыма.

Если на углях хотели печь блины, оладьи или булочки-обарники, то холодные угли выгребали из жаратков и бросали на красные, чтобы они нагрелись, потом равномерно распределяли по поду печи. На угли ставили железные листы с обарниками, на сковородках пекли блины. Угли из жаратков использовали также для разогрева самоваров.

Позавтракав булочками или блинами с молоком, сметаной, творогом или вареньем, попив из самовара чаю, мы расходились по своим делам. Отчим на лошади ехал за сеном, соломой или грузить тресту для завтрашней поездки на льнозавод. Мать шла смотреть на ферму, что там нужно делать. Я же в семь часов утра шел к кому-то из своих одноклассников, и мы бодро шагали по деревенской улице в школу. Со стороны леса деревня была ограждена изгородью из еловых жердей, которая называлась «околица».

Мылись в печках, бань в наших деревнях не было до 1960-х годов, у нас общественную баню построили в 1962 году. Накануне женщины обметали печь от сажи. Утром топила жарко, больше обычного подкидывая дров. Ставили большие чугуны с водой. Варили «щелок», хорошо просеянную золу засыпали в чугун, заливали водой и ставили в печь. Мыться начинали после пяти часов вечера. Вытаскивали ухватом из печи чугун со «щелоком», сливали воду, сколько могли. Запасали много холодной воды. Первыми забирались в печь по очереди мужчины, пока было очень жарко. На под печи постилали свежую солому, туда ставили или деревянную шайку с теплой водой, или чугун.

Отчим обычно наполовину прикрывал устье печи заслонкой, чтобы было жарче, и начинал хлестать себя веником. Потом мылся с хозяйственным мылом, стараясь стряхивать воду с ладоней в чугун, чтобы меньше лить на под печи. Напарившись, он открывал заслонку, звал мать и ложился на живот на шестке, она начинала хлестать веником его спину.

Потом отчим снова садился в печке и мыл голову «щелочью». После этого вылезал из печи и обмывался в корыте, которое стояло возле устья печи в чулане. Надевал чистое белье и садился пить чай, выпивал по шесть – восемь стаканов.

После отчима мылась мать, она брала меня с собой до шести лет, потом меня в печке мыл отчим. В больших семьях каждая из женщин брала с собой в печь мыть ребенка, иногда сразу двух детей.

Деревенские люди так привыкли мыться в русской печке, что почти не задевали за ее стенки, потолки и не мазались сажей. Порою продолжали там мыться, когда уже была общая баня. Другое дело, когда начинали мыть гостей из города. Они, особенно дети, вылезали из печи, измазанные сажей. Приходилось отмывать их в корыте с мылом или щелоком. После мытья солому выгребали и выбрасывали во двор на подстилку скотине. Весь дом был заполнен запахом веников, соломы и чистоты. Мне пришлось мыться в русской печке до 12 лет, пока в деревне не построили общую колхозную баню.

Приготовленным щелоком не только мыли голову и мылись сами, но и стирали в корыте белье в теплой воде. Зимой я отвозил корыто с бельем на санках на пруд «Часовенка» или «Шави-прувду» в конец деревни, где мать его полоскала. В прудах уже были проруби для полоскания белья. Рядом с прорубью я маленьким топориком делал углубление.

Прополоскав с помощью кичиги – палки с утолщением и изгибом на ее конце, что-то из белья, мать складывала его в углубление. Наполнив его бельем, начинала толочь его кичигой, и так происходило 2–3 раза, прополоскав белье третий раз, мать складывала его в корыто. Потом из углубления вычерпывала грязную воду и засыпала его чистым снегом. После этого подобным образом полоскала очередную порцию белья, к концу полоскания ее руки были красными от мороза.

Дома мать развешивала белье на улице, и оно на морозе промерзало целую неделю. После этого белье сушили дома, раскатывали его вальком, складывали стопкой и убирали в сундук до следующего нашего мытья в печке.

В нашей деревне редко кто пускал теленка, поросенка или баранов на полную зиму, много нужно было им корма. Обычно резали их на зимнего Николу 19 декабря или, в крайнем случае, на Сретенье, 15 февраля. Деньги в деревне по итогам года первый раз после войны выдали в 1955 году, с того времени мои родители перед Сретеньем

(15 февраля) ежегодно ездили в Ленинград закупать продуктов. Подготовка к поездке начиналась за неделю, резали теленка или двух баранов. Рубили мясо на куски и аккуратно укладывали их в большой фанерный чемодан, на дно которого в два слоя была постелена белая простынь, ею же закрывали мясо сверху. Тяжелый чемодан с мясом до отъезда волокли в кладовку. В другой такой же огромный чемодан складывали на продажу лук.

Кто-то из родственников на лошади провожал родителей до станции Дор за девять километров. Там родители садились в общий вагон поезда Москва-Ленинград Северной железной дороги и, через Пестово и Мгу, приезжали прямо на городской рынок. Там они продавали мясо и лук, потом ехали к сестре матери. У нее гостили несколько дней, закупали продуктов, лыжи, велосипеды, одежду.

Когда деревенские жители ездили в Ленинград к своим родственникам, видели, как те, бедные, маялись в маленьких комнатках коммунальных квартир с общей кухней. Как они считали каждую копейку, когда при маленькой зарплате нужно было покупать овощи, фрукты, мясо и молочные продукты, которых в деревне в избытке.

В нашей семье так завелось, что отмечали религиозные праздники, а дни рождения ни детей, ни взрослых не отмечали. Скорее всего, это происходило из-за отсутствия денег, их ведь начали платить только с июля 1966 года, когда я уже перешел учиться на третий курс в техникуме. Но после продажи лука и мяса из Ленинграда обязательно привозили подарки. Первыми подарками у меня были лыжи и детский двухколесный велосипед. Потом купили подростковый велосипед, а затем – взрослый.

После того, как летом 1966 года в деревне стали каждый месяц давать месячную зарплату, к концу года в зимней избе нашего дома две лавки, стоявшие вдоль стен, заменили купленными в магазине четырьмя стульями. Под божницей установили комод с ящиками для белья, в следующем году на нем поставили купленный телевизор. У задней и боковой стены стояли два фанерных гардероба с одеждой. У переборки в чулан стоял самодельный кухонный шкаф, который еще в 1956 году смастерил отчим. Нижняя часть этого шкафа закрывалась наглухо двумя дверцами, дверцы верхней части были со стеклами.

Спали на железных кроватях с сетками, на которых укладывали тюфяки и одеяла, накрывали их покрывалами, и несколько пышно взбитых подушек. Подушки покрывали белыми тканевыми накидками

с выбитыми на них ажурными узорами по краям и в центре. На окнах висели легкие занавески с ажурными кружевами. Тяжелый чугунный угольный утюг был заменен на легкий, электрический.

Тогда же керосинки и керогазы были заменены газовыми плитами, установленными в чуланах. Газовый баллон устанавливали на улице в металлическом ящике, напротив чулана. Отработанные газовые баллоны на лошадях отвозили для обмена на центральную усадьбу колхоза в деревню Бережки.

Сельповский магазин в Карело-Кошеве снабжал товарами первой необходимости жителей всех окружающих карельских деревень вплоть до смерти многих из них. Жители ближайших деревень Бережки, Шейно, Гремячиха могли чаще приходить в магазин пешком с котомками, загружая их товарами. Из дальних деревень, что в 3–4 километрах, в магазин приезжали нечасто, и на лошадях. После получения денег по итогам года закупали мешок сахарного песка, много соли, бидон керосина, а также подсолнечное масло, селедку, вино. Потом долго не приезжали в магазин, пока не появлялись деньги.

С лета 1966 года, когда в деревне стали платить ежемесячную зарплату, по заявкам колхозников в сельский магазин стали привозить одежду и мебель. Продавец магазина занимал высокое положение в деревне, он по авторитету был вторым после председателя колхоза, авторитет председателя сельсовета, помня время коллективизации и раскулачивания, был значительно ниже. Продавец мог оформить в кредит что-то из мебели, одежды, продать товар из-под прилавка, оставить его знакомым или продать им вне очереди. Карелы окрестных деревень называли продавца магазина прежним словом «*приказчик*».

После Великой Отечественной войны наши родители оставались активными членами-пайщиками сельпо. Отдельной организацией в системе райпотребсоюза была заготконтора, которые заключали договоры на заготовку разного сырья. Еще после войны в наших деревнях появлялись заготовители, закупая тряпье, кости, бумагу, шкуры животных. Они заключали договоры со школами и нашими родителями на сбор сырья.

Нам, послевоенным ребятишкам, школьные учителя и родители поручали сбор лекарственных трав: мать-и-мачеху, подорожник, иван-чай, зверобой, полевую душистую и аптечную ромашку и другие. Мы сушили эти травы и относили в школу. Кроме лекарственных трав по весне, в марте-апреле, мы собирали почки березы, сидя высоко на

дереве. Заготавливали кору ивы в местных болотцах, которую родители сами отвозили целыми возами за 20 километров в заготконтору райпотребсоюза.

С первыми колхозными пенсиями, назначенными в 1965 году, возникла явная несправедливость, из-за которой в скором времени многие молодые семьи уехали жить в совхозы под Ленинград. Незадолго до ее назначения, в 1962–1963 годах, самые отстающие колхозы в каждом районе преобразовали в совхозы. Передовые остались колхозами, первая пенсия колхозникам была установлена по 12 рублей в месяц. А пенсионеры бывших беднейших колхозов, ставших совхозами, начали получать пенсию по 30 рублей в месяц. Начинался новый этап в жизни деревни, когда деньги были, а покупать было нечего, стало развиваться пьянство. Почти каждая деревенская семья относила излишки денег в сберкассу, они в 1990-е годы пропали у крестьян, оказавшись в руках разных проходимцев, вдруг ставших миллионерами.

Памятные рассказы

Далеко несутся вести,
слух расходится повсюду…
«Калевала», песнь 3, стр. 34

Я многое узнал о советском прошлом деревни и страны от бывшего хозяина нашего дома Василия Васильевича Паскина, который приезжал посмотреть на свой дом зимой 1960–1961 года. Я тогда учился в пятом классе Карело-Кошевской семилетней школы. Вечерами в нашем доме собирались молодые мужики и слушали дядю Васю, которого уже мало кто помнили из мужиков и женщин. Но его хорошо знали и помнили оставшиеся в живых старики и старухи. В.В. Паскин первым в нашей деревне назвал Сталина «извергом и тираном».

До Октябрьской революции он жил с семьей на краю деревни в сторону Поцепа, хозяйство было крепким. В 1917 году, после смерти одного хозяина, Паскин купил у его наследников второй дом в центре деревни. В 1918 году полностью его разобрал, и на этом месте построил совершенно новый дом-пятистенок. За огородом построил житницу для хранения зерна, а на усадьбе – два сенных сарая. За усадьбами

на пригорке построил новую ригу. В 1931 году дядю Васю вместе с семьей выселили в Казахстан, а дом со всеми постройками, скотом и сельхозинвентарем забрали в колхоз. В нем сначала был колхозный детский сад, а потом – правление колхоза. Где-то в 1937 году этот дом выкупила у колхоза моя бабушка по отцу Иринья Тимофеевна.

Дядя Вася похвалил отчима за то, что он подрубил дом и содержит его в исправности, хотя дому тогда было 43 года. Он вспоминал, как раскулачивали и отправляли в Сибирь его вместе с семьей весной 1931 года. У него было шесть малолетних детей да жена-инвалид. Сначала был раскулачен в 1930 году, у него отобрали все, что можно было отобрать, оставив семью на голодное существование. Но этим не успокоились, 8 февраля 1931 года Душковский сельсовет дал ему твердое задание сдать государству одну корову, одного теленка, один центнер льносемени, десять центнеров клевера, пять центнеров соломы, тридцать центнеров сена, два центнера ржи, четыре центнера овса, четыре центнера картофеля, один центнер льноволокна.

На другой день, 9 февраля 1931 года собрались на свое собрание все жители деревни, чтобы поддержать Паскина, который сам стал голью перекатной, ничего не имея, кроме дома да детей. Жители деревни просили уполномоченного по коллективизации прокурора Голубева не выселять семью Паскиных, которая уже стала нищей, власть взяла у них все, что могли. На этом собрании жителей поддерживал и пытался защищать семьи Паскиных, Ивановых и Прохоровых председатель Душковского сельсовета П.П. Костров, молчал секретарь сельсовета И.Д. Баруздин. Лишь недавно вернувшийся из Ленинграда Михаил Майоров требовал раскулачить Паскиных, Ивановых и Прохоровых. Он агитировал жителей деревни за вступление в колхоз.

Сонковский райисполком оставил жалобу Паскина и просьбу жителей без удовлетворения. Когда представители власти вместе с милицией приехали забирать семью для высылки, Паскин истошно кричал: «Подавитесь домом и сараями вместе с ригой. Все равно все пропьете да проедите, все у вас прахом пойдет. А вот руки мои да голова со мной останутся, я не пропаду!»

Позднее Петр Петрович Костров из деревни Поцеп пострадал за то, что защищал на собраниях зажиточных крестьян и крепких хозяев. Благодаря ему, не были выселены из своих деревень Дмитрий Иванович Иванов из деревни Петряйцево и Николай Дмитриевич Соколов из деревни Поцеп. За то, что он «не вел работы по очищению

колхозов от кулацких вредительских элементов» Кострова исключили из партии коммунистов и сняли с должности председателя Душковского сельсовета.

Семью Паскиных привезли на жительство в Казахстан, куда именно, я уже не помню. Дядя Вася говорил, что через Казахстан поезда с заключенными шли на Дальний Восток примерно так же, как воинские эшелоны шли на запад во время Отечественной войны 1941–1945 годов.

Шла одна волна репрессий за другой: тех, кто арестовывал и расстреливал, через некоторое время признавали «врагами народа» и самих направляли в лагеря или расстреливали. Родителей разлучали с детьми, братьев и сестер друг с другом. Люди, умирая, так и не понимали, за что их выслали с родины, и за что они умирают. В пути и в местах временного расселения было много больных, особенно детей, распространялись: корь, скарлатина, воспаление легких, дизентерия. В вагонах и помещениях для временного размещения находилось много народа, питание плохое, лекарств и врачей не было. В Казахстане эшелоны с переселенцами принимали спецкомендатуры, на разгрузку одного эшелона отводились не более трех часов.

Из рассказа В.В. Паскина помню, что в Казахстане сначала они жили в землянках, потом он построил для своей семьи хороший дом, в котором прожил до 1947 года. В том году он продал дом в Казахстане, переехал с семьей в город Сестрорецк Ленинградской области, где опять выстроил дом, лучше, чем был в Казахстане и в деревне Петряйцево. И вот решил на старости лет побывать на своей родине, посмотреть родную деревню и рассказать о своей судьбе.

Дядя Вася рассказал, что когда он ехал на поезде из Ленинграда сюда, на свою родину, в Пестове рядом с ним сел один мужчина. Они разговорились, тот тоже оказался карелом, высланным с родины, но по другим причинам. Сам он родом из карельской деревни Остречиха, что в Сандовском районе. Сначала районный центр был в селе Сандове три года с 1929 по 1932 годы. В 1931 году недалеко от этого села вблизи станции Дынино обнаружили гравий хорошего качества. Поэтому районный центр из села перенесли в деревню Орудово при железнодорожной станции Сандово в том же 1932 году. А село Сандово переименовали в Старое Сандово.

Я слушал дядю Васю с открытым ртом, мать просила всех говорить по-карельски, чтобы ребенок ничего не понял. Она даже не подозревала, что я все хорошо понимаю и на карельском языке.

Как я понял из рассказов жителей деревни, в доме В.В. Паскина, после его раскулачивания, в 1931 году организовали деревенский детский сад, но он был недолго. Продукты для детского сада приносили из колхоза, но воспитателем там быть никто не соглашался. Потом в доме сделали правление колхоза. Когда председателем колхоза в 1937 году избрали Майорова Дмитрия Яковлевича, он перевел правление колхоза в свой дом, а дом Паскина стал пустовать.

Жена умершего в 1936 году от болезни моего деда Головкина Якова, бабка Иринья выкупила этот дом из колхоза. Она переселилась сюда с краю деревни жить вместе со своими сыновьями Михаилом, Николаем и Петром. Дочь Пелагея была уже замужем в деревне Душково, вторая дочь Анна после смерти отца уехала жить в Ленинград. Вскоре сын Михаил женился, они вместе с женой стали жить в Петряйцево. Жена Михаила работала счетоводом в колхозе, была членом партии. В начале войны Анна вернулась из Ленинграда с маленькой дочерью, они жили в этом же доме, а уже после войны перешли в дом на краю деревни. После ареста сына Николая в 1950 году бабка Иринья ушла жить к своей дочери Анне и жила там до своей смерти в 1952 году.

* * *

Позднее, изучая архивные документы, я узнал, что недалеко от станции Дынино создали лагерь заключенных между бывшим районным центром и деревней Агафоново. В этом лагере содержали около 30 тысяч заключенных, которые стали осваивать месторождение гравия. Этим гравием с Дынинской, Мухинской, Старосандовской и Сивцевой гор в 1934–1937 годах выложили весь канал Волга-Москва. Для многих заключенных лес между Старым Сандовом и Агафоновым стал могилой. Местные жители стали называть оставшиеся после разработок гравия карьеры «Проклятыми горами».

Начиная с 1931 года, сразу после обнаружения гравия из окружных карельских деревень Большая Попиха, Малая Попиха, Григорцево, Дымцево, Туково, Благовещенье, Остречиха стали вывозить семьи крестьян в Семипалатинскую область. Всего из этих деревень вывезли 64 семьи, в том числе и семью этого мужчины, остальные семьи переселили в другие русские деревни. Теперь он переехал жить в поселок Пестово, и ехал на родину навестить могилы своих предков.

На пересыльных пунктах в 30-е годы судьба столкнула дядю Васю с одним карелом из Овинищенского района Пьяновым Власом Степановичем. Тот рассказал, что родом из деревни Вяльцево Быковского сельсовета. Его признали зажиточным и в 1931 году приговорили к 3 годам лишения свободы. Вспомнил о том, как встретили коллективизацию в их районе, а также в соседних Сандовском и Весьегонском районах.

Значительно позже из архивных документов я узнал, что в марте 1930 года активно выступили жители карельского села Залужье Топалковской волости Сандовского района. Они требовали выпустить всех арестованных и восстановить их в правах, восстановить и возвратить населению разрушенные церкви, вселить в свои дома всех раскулаченных, возвратить старым владельцам все маслобойки, мельницы и конезаводы, выселить из деревни всех коммунистов и посадить весь их актив.

В Международный женский день 8 марта 1930 года перед зданием райисполкома собралась толпа граждан около 2-х тысяч человек. Мужчины были вооружены топорами, а женщины – кольями. Пытавшегося выступить председателя Сандовского райисполкома толпа скинула с подмостков.

Митингующие выдвинули требования: неприкосновенность личности и жилища, свободу слова и собраний, прекращение гонений на религию, освобождение из-под ареста священнослужителей и крестьян, не совершивших уголовные преступления, привлечение к ответственности тех, кто угрозами и насилием загонял в колхозы женщин Сандовского района. Одновременно в тот день митинги прошли в деревнях и селах района, в них приняли участие до шести тысяч человек.

Такие же выступления в феврале-марте 1930 года прошли в крупных карельских селах Чамерово и Кесьма Весьегонского района. На подавление бунтов из Бежецка и Москвы прибыли милиционеры и целые воинские подразделения. Пересажали в лагеря почти всех мужиков из Сандовского и Молоковского районов. Он, Пьянов, оказался среди них.

Такова была политика коммунистической партии и советского правительства, направленная на государственный разбой в отношении крестьянства под вывеской «раскулачивание».

Работая с архивными материалами через полвека после этой встречи, я узнал из них, что Паскин Василий Васильевич, 1893 года рождения, уроженец и житель деревни Петряйцево Бокаревской волости

Бежецкого уезда, крестьянин-единоличник, был обвинен по ст. 58 п.п. 10, 11, арестован 25 февраля 1931 года. Приговором тройки ОГПУ по Московской области от 20 апреля 1931 года он вместе со всей семьей был выслан в Казахстан сроком на 3 года.

Учеба в школе

Никогда в былое время
мать ума не занимала,
не просила у соседей.
«Калевала», песнь 32, стр. 385

В 1956 году я пошел в первый класс Карело-Кошевской семилетней школы. Начальная школа размещалась в здании бывшей церковно-приходной школы, построенной еще до 1885 года. С 1885 по 1897 годы там находилась земское народное училище, а с 1 октября 1897 года – церковно-приходская школа. При нас начальная четырехлетняя школа была с двумя совмещенными классами, учительской, жилой комнатой учительницы Тамары Павловны Румянцевой с семьей, и маленькой кухней. Из коридора дверь вела в большой класс, где учились второй и третий классы. Через этот класс можно было пройти в наш класс, где вместе с нами, первоклассниками, обучался и четвертый класс.

В нашей деревне тогда было 32 дома, 110 жителей, из них более четырех десятков детей дошкольного и школьного возраста. Вместе со мной в школу ходили 27 учеников из одной нашей деревни. Только через три года после войны стали отходить от физических и душевных ран вернувшиеся деревенские мужики. Кто-то из них отходил после ранений и болезней, кто-то после голодных лет плена, находясь там, на пороге жизни и смерти. Да и окрепнуть сразу не смогли в голодной послевоенной деревне, понемногу приходя в себя через 2–3 года после войны.

В 1949 году деревенские бабы выстрелили, как из автомата, родив сразу 13 детей в одной нашей деревне, через полтора-два года – еще половину того. Родильный дом тогда располагался в деревенском доме в деревне Калиниха, что в семи километрах от нашей деревни.

Еще до школы наши одногодки Нетрусов Валера вместе с родителями уехал жить в Ленинград, Малинин Вова – в Мурманск, приезжая

каждое лето к своим бабушкам в деревню. А мы, оставшиеся 11 одногодок, 1 сентября 1956 года дружно отправились учиться в первый класс Карело-Кошевской семилетней школы.

Родители работали в поле, им было некогда провожать нас в первый класс школы. Они просили кого-нибудь из старшеклассников позаботиться о нас. Шефство надо мной взяла Румянцева Нина, которая училась в шестом классе. В первые учебные дни она утром приводила меня в класс, а после уроков – домой. Через неделю мы вместе с одноклассниками освоились и ходили в школу уже самостоятельно без провожатых.

Выходили из дома рано, часа за два до начала занятий, до школы было три километра. Пройдя с километр до Душкова, мы садились на бревна под окнами у дома Моревой бабы Паши и слушали по радио «Пионерскую зорьку», она начиналась в 7 часов 40 минут и шла до 8 часов. Отдохнув, шли дальше, на уроки никогда не опаздывали. По пути в школу, в Душкове к нам подсоединялись местные мальчишки и девчонки. С утра до вечера в деревне слышались веселые голоса детворы, деревня жила заботами о детях. Школьная жизнь была интересной и насыщенной.

Пока учились в начальных классах, зимой нас иногда довозил до школы молоковозчик Старшов Петр вместе с бидонами молока, перевязанными веревкой в передке саней. Мы рассаживались на бидоны или пристраивались, свесив ноги сзади и по бокам саней. Молоковозчик возил молоко на молокозавод за 11 километров в село Головское. О том, что там, на кладбище похоронен министр путей сообщения царской России М.И. Хилков, а также весь род Неведомских, мы тогда и понятия никакого не имели. При советской власти молокозавод разместили в разрушенной церкви, кладбище уничтожили, разрушив все могилы.

Иногда во время сильных морозов или вьюг нас отвозили в широких санях-розвальнях кто-то из наших родителей. На сани укладывали поддон, сплетенный из длинных ивовых или черемуховых прутьев. Он был сделан по форме саней – спереди узкий и высокий, а сзади – широкий и плоский, у нас его называли «кошева» или «постельник».

Детей или почетных гостей при встрече сажали на охапку сена в передок этого поддона спиной к лошади. Укутывали в тулуп, поднимали воротник, было тепло и удобно. Возница сидел в задней части саней лицом к лошади, не обращая внимания на летящие из-под копыт комья снега.

В начальных классах придавали большое значение красивому почерку, по которому судили о грамотности человека. Для этого в школе был введен урок чистописания, на котором каждая буква выводилась, соблюдая наклон, нажим пера и переходы от буквы к букве. Писали мы перьевыми ручками с тонким пером «звездочка» или «комарик». Перо с утолщением на конце «лягушка» нам разрешили использовать с пятого класса.

Нужно было писать не только правильно и красиво, но так аккуратно и осторожно, чтобы не поставить кляксу на тетрадный лист. Макнешь мало чернил, они быстро кончались, не успеешь написать одну-две буквы. Макнешь много чернил, только успеешь донести ручку до тетради, как посадишь на лист кляксу. Но большинство из нас приноровилось писать ручкой с пером аккуратно, красиво и правильно. Чаще всего, когда заканчивалась 24-страничная тетрадь по русскому языку, математике или чистописанию, на ее листах не было ни одной кляксы.

Во всех классах у меня были хорошие и отличные оценки. На уроках арифметики нам попадались задачки, где нужно было ответить на вопрос: за какое время из ванны выльется вода, если наливается столько-то литров в минуту, а выливается столько-то? У нас, деревенских мальчишек, было больше вопросов к учительнице, чем у нее. Что такое ванна? Откуда туда льется вода, если ее черпают ведром из колодца? Куда выливается вода, когда ее выливают на помойки? Наша учительница начальных классов Антонина Федоровна Ботина, направленная к нам из города Рыбинска, подробно все объясняла.

Однажды была сильная февральская метель, я ходил тогда в третий класс. Из деревни в школу мы пошли вдвоем с Нетрусовым Володей, с трудом прошли деревню Душково, никого из школьников по дороге не было видно ни спереди, ни сзади. Когда вышли из-за дома Баруздиных в деревне Шейно, сильный порыв ветра уронил нас в снег. Но мы упрямо добрались все-таки до школы. Никого из учеников в школе не было, в учительской сидели три учительницы – Тамара Павловна, которая учила второй и четвертый классы, Галина Васильевна Грачева, обучавшая первый класс и наша учительница Антонина Федоровна Ботина. Услышав наши шаги, они очень удивились, что мы такие маленькие вдвоем добрались до школы в сильную метель. Нас они напоили чаем с вареньем и отправили обратно домой.

Хорошо помню, как на уроках труда в начальных классах учительница учила и девочек, и мальчиков вышивать крестиком и гладью, чинить

одежду, пришивать заплатки, штопать шерстяные носки. Нас учили тому, что было необходимо в деревенском быту, особенно девочкам.

Когда перешли из начальной школы в семилетнюю, сильно повезло в том, что русский язык и литературу преподавала учительница Лебедева Вера Алексеевна – дочь священника. С ней мы пропадали в школе допоздна: рисовали стенгазеты, готовились к литературным вечерам и праздникам, засиживались в библиотеке, состоящей из трех двухстворчатых шкафов с книгами, помогали друг другу в обучении русскому языку, а также проверяли по ее просьбе тетради учеников младших классов. Она разрешала отмечать ошибки красным карандашом, хотя после этого обязательно тетради перепроверяла.

Вера Алексеевна каждый год готовила вечера памяти А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, других писателей и поэтов. Лучшим исполнителям стихов дарила томики сочинений этих авторов. Она вспоминала, что моя мать в школе плохо знала русский язык, коверкая слова и ставя ударение на первом слоге, и хотела, чтобы я в совершенстве овладел русским языком и русской литературой. Ворчала и бранилась, когда мы не ходили в школу в праздник Сретенье 15 и 16 февраля каждого года.

Каждое утро дежурный по классу приносил в фанерных ящичках наполненные чернилами чернильницы-непроливайки. За все годы обучения я не помню ни одного случая, чтобы дежурный, спускаясь со второго этажа утром или, поднимаясь на второй этаж после уроков, споткнулся и уронил ящик с чернильницами. Посредине каждой парты было отверстие для чернильницы, ручки с перьями у учеников были свои. Редко, но были случаи, когда зимой чернила замерзали, тогда мы писали карандашами на черновиках.

Мы восемь учебных лет каждый день преодолевали путь до школы в три километра, несмотря ни на что. Интересно было идти утром в школу целой ватагой, рассказывать и слушать, что было накануне. Подшучивали друг над другом, зимой клали комочки снега в валенки впереди идущего, весной – яйца дроздов в карман рубашек. Были слезы, плач и смех. Ходили в школу в любые морозы и метели.

Каждый вечер, согреваясь после гуляния на русской печке, я внимательно слушал последние известия. Согревшись, спускался с печки, открывал «Атлас мира» и начинал искать страны, о которых говорили по радио. Внимательно изучал расположение страны, моря, которые ее омывали, реки, указанные на карте, столицы. Запоминал руководителей этих стран. Поэтому уроки географии мне давались очень легко.

Многие ученики школы пробовали себя в других внеучебных занятиях, которые в школе проводили с нами учителя. Вместе с учителем труда и физкультуры Анатолием Михайловичем Бычковым после уроков оставались на тренировки. Бегали кроссы и короткие дистанции, прыгали в длину и высоту, метали на дальность мячи и гранаты. Оставались с ним заниматься в кружках технического творчества – выпиливали, вырезали из дерева, мастерили полочки, рамочки, фигурки, моделировали парусники, самолеты, корабли. К тому времени построили учительский дом, семья учительницы Т.П. Румянцевой выехала из школы, в бывшей ее жилой комнате оборудовали столярную мастерскую. Установили верстаки, приобрели слесарные тиски, столярный и слесарный инструмент.

В деревенских школах весенние каникулы были не по расписанию с 24 марта, как это было в городах, а во время половодья. Оно начиналось в разное время, поэтому и каникулы могли быть с 1 апреля или с 7 апреля. Нередко случалось, что в последний учебный день нам приходилось с трудом преодолевать речки и канавы. Вода хлестала поверх деревянных мостов так, что почти заливала наши резиновые сапоги, пытаясь сбить нас в реку. По сложившейся традиции, в те дни мы возвращались из школы вместе со старшеклассниками. Они выбирали из загона длинную жердь, становились по обе стороны моста, держа ее в руках. Мы перебирались через мост, держась руками за эту жердь. Тех малышей, кто боялся таким образом перейти мост, старшеклассники переносили на спине.

Летом отрабатывали практику на пришкольном участке, ездили на велосипедах в Карело-Кошево полоть и поливать гряды. Пришкольный участок кормил учеников каждую зиму. Молодая энергичная директриса Нина Арсеньевна Румянцева много внимания уделяла пришкольному участку, кроликоферме и нашему питанию. До нее мы приносили с собой в школу бутылки с молоком, заткнутые газетной пробкой, да домашние булочки или лепешки. С ее приходом учеников начали зимой на большой перемене поить горячим чаем, из дома приносили только хлеб. Потом стали собирать яблоки, черную смородину, крыжовник, из них варили варенье и поили нас чаем с вареньем.

Каждую осень, начиная с пятого класса, школьников направляли на сельхозработы: подбирать картошку и расстилать лен. Возили в кузове грузовика в самые дальние деревни: Акиниху, Терехово, Байки, Горбовец, Калиниху, Петряйцево. Мальчишки иногда домой ночевать не

ездили, оставались в той же деревне, где работали. Друзья разбирали ребят по домам на ужин, а ночевали в сенном сарае.

Однажды две ночи мы ночевали в Горбовце, в сенном сарае, вечера проводили на горе, где был старый маяк, там стояла палатка геологов. В конце третьего дня пошли пешком по домам, до деревни было больше семи километров. Мы с Нетрусовым Володей дошли до Душковской реки, нарвали сухих ольховых листьев, свернули цигарки и закурили. Я затянулся всего один раз, от дыма закружилась голова, сильно закашлял. Испугался, что дома будут ругать, Володя учил, что надо пожевать лавровый лист, и запаха не будет. Я дома так и сделал, но мать откуда-то прознала, что курил, не ругала, а внушала. Это был первый и последний раз в моей жизни, когда попытался курить, после этого не выкурил в жизни ни одной сигареты.

Число учеников в нашем классе постепенно сокращалось: кто-то остался на второй год, кто-то уехал с родителями в другую местность. За год до выпуска школа стала восьмилетней, в нашем классе осталось девятнадцать человек из двадцати восьми, пришедших в первый класс.

В один день октября 1963 года, после трех уроков в школе, нас отправили в Бежецк, вступать в комсомол. В тот год по неумному решению Н.С. Хрущева по укрупнению районов, наш Сонковский район отнесли к Бежецкому. Сопровождала нас молодая учительница, окончившая институт. Нина Арсеньевна Румянцева, недавно ставшая директором школы.

Нарядно одетые, протопав по грязи 9 километров от школы до железнодорожной станции Подобино, мы прибыли на поезде в Бежецк. В райкоме комсомола нас завели в маленький кабинет заведующего отделом. Тот, сидя за столом, достал из нижнего ящика комсомольские билеты, потом встал и сунул их каждому в руку. Сказал несколько слов о задачах комсомола, и мы, без обеда, отправились обратно на поезд, перекусив в вокзальном буфете чаем с булочной. Домой я пришел уже затемно, голодный и уставший, прошагав от станции 12 километров.

С молодой директрисой школы Ниной Арсеньевной Румянцевой пробовали учиться играть на баяне, но у меня не получалось. Зато она дала первые уроки увлечения фотографией.

В июне 1964 года я с отличием окончил Карело-Кошевскую восьмилетнюю школу, мне исполнилось 15 лет, нужно было определять свою дальнейшую судьбу.

Глава II
Мы – дети природы

Наши детские заботы

На вершок всего поднялся,
уж ему дают работу.
«Калевала», песнь 31, стр. 376

К пяти годам я изучил поля, луга и речки вокруг деревни, начинал захаживать в окрестные леса, сначала по их опушкам, потом заходил все глубже и глубже. Так постепенно я прочно связывал себя с природой, по собственному опыту уже знал, что под елками растут белые грибы, под осинами – подосиновики, под березами – подберезовики и тоже белые грибы. Каждому грибу – свое место, среди кустов ивняка растут грузди, волнушки и серушки, а на березовых пнях – опята. С заботой о семье, я начал собирать в лесу грибы уже с пяти лет, ягоды – с семи, ловить рыбу с восьми лет.

В деревне ребенок с малых лет имеет свои обязанности по дому, чем он старше, тем больше его ответственность. Деревенская жизнь учила нас, подростков, быстрее расти и лучше понимать жизненные заботы. Еще при нашем детстве были случаи, когда девочек с восьми лет на лето определяли в няньки, а мальчиков с десяти лет – в пастухи. Пример родителей был для нас на виду – постоянная тяжелая работа с весны до зимы. Лишь зимой можно было дать некоторую слабину – ухаживать за скотиной, прясть нити, столярить да принимать гостей.

Начиная с осени, по вечерам долго не зажигали лампу, экономили керосин. Отчим в сумерках что-то делал на улице, мать в потемках поила теленка и овец. Мы с братом лежали на печке, я слушал радио, мать, как бы про себя говорила, что вот уже Нетрусовы и Фомичевы зажгли лампы, пора и ей зажигать ее. Пятилинейная лампа висела на крючках перед простенком между окнами. Когда кончали ужинать, лампу перевешивали низко над столом, и я начинал делать уроки.

Зимой дни короткие и очень долгие вечера, отчим делал рамы, табуретки, шкафы. Я помогал ему, чем мог – строгал рейки, отпили-

вал их в размер, прибивал, вместе дело шло быстрее. Зимний вечер очень долгий.

Домой из школы мы возвращались около трех часов дня и еще полтора часа до темноты успевали покататься на санках или лыжах. Было весело и жарко, несмотря на морозы. Потом делали уроки, на них обычно уходило два – три часа, зимними вечерами оставалось много времени для чтения книг и изготовления разных поделок. Когда были страшные метели, дети все равно ходили за три километра в родную школу.

Я любил весну не только потому, что весной у меня день рождения. Весной под солнцем начинали чернеть от конского навоза санные дороги. Весной появлялся на снегу наст, и можно было, распахнув пальто, катиться на лыжах при помощи попутного ветра. Прилетали грачи, они строили многочисленные гнезда на березах, бродили по дорогам в поиске соломинки или веточки. Я очень жалел их, когда вдруг, после солнечных дней, наступали холода и сильные ветры обдували грачей в гнездах со всех сторон.

В начале марта мы начинали ремонтировать скворечники, сняв их с берез, или делали новые. Обычно после 25 марта прилетали скворцы и начинали обживать старые и новые свои домики. Как только в средине марта снег оседал и уплотнялся, со средины деревни в оба конца начинали бежать весенние ручьи. Мы делали игрушечные деревянные плоты с парусами и отправляли их в поход по ручью к краю деревни. На Пасху в домах вынимали вторые рамы из окон, на некоторое время распахивали наружные рамы, и весенняя прохлада вместе с солнцем, гвалтом птиц и уличным шумом заполняли всю избу. Изба проветривалась первый раз за всю зиму, из нее выходил душный застоявшийся воздух с кислым запахом.

Дети и подростки много помогали дома, особенно весной и осенью. Весной копали гряды, а осенью поднимали в поле лен. Зимой собирали и сдавали леснику еловые шишки. Весной собирали и относили в школу березовые почки. Весной и осенью по воскресеньям лесники привлекали нас сажать в лесу елочки. Работали в паре мальчик и девочка. Мальчик резко опускал тяжелый меч и расшатывал его к себе и от себя. В образовавшуюся ямку девочка опускала саженец ели и притаптывала ногой. Так шли до конца борозды. Потом на бывших вырубках вырастали ровные ряды стройных молодых елочек.

В средине марта, когда снег немного оседал, его сбрасывали деревянными лопатами с крыш домов, дворов и построек. Я любил подни-

маться на самый гребень четырехскатной крыши своего дома, пытаясь увидеть, что же происходит за лесом на дороге Бежецк-Красный Холм. Из-за деревьев ничего увидеть не мог, лишь слышал шум и звяканье проезжавших редких полуторок.

Снега на крышах скапливалось много около полуметра. Деревянной лопатой откалывал снежный прямоугольник, подталкивал его, и тот легко скатывался вниз. Иногда сугроб, в котором я стоял, не удерживался на крыше, я вместе с ним и лопатой в руках оказывался погруженным выше колен в снежный вал.

После того, как снег сбросили, возле скотных дворов сугробы становились продолжением крыши. Мы на санках и лыжах катались с крыш, на гребень которых забраться было непросто.

Мне, давно взрослому, нередко снился сон, когда я вместе со снегом скатываюсь не с крыши двора, а с высокой крыши дома. Внизу перед собой вижу оголенные электрические провода, идущие от столба к дому, и в этот момент всегда просыпался.

В дни весенних каникул, когда еще не сошел полностью снег, прихватив нож и топорик, я утром по насту шел в ближний ивняк драть корье. Связав вязанку корья веревкой, нес ее на спине домой. При поездках в районный центр за комбикормом или удобрением отчим грузил на телегу или сани корье, тряпье, кости, шкурки кротов, чтобы по пути сдать их в заготконтору. В условиях полного безденежья выручал хоть какие-нибудь рубли и копейки.

У меня был маленький топорик, я его носил под ремнем, которым опоясывал свое старенькое пальтишко. С топориком я ходил на речку в апреле вырезать ивовые прутья для мерд, а потом ходил в мае устанавливать сплетенные из ивовых прутьев мерды. Делать заплоты для мерд меня с 8 лет научил брат отчима Валентин, который был на десять лет старше меня. Мерду ставили посредине речки, закрепив ее двумя кольями, вбивая их, под углом друг к другу. От мерды к двум берегам под углом делали заплот, вбивая колья в два ряда, а между ними укладывали сучья ольхи. Вся вода вместе с рыбой, начинала стекать в мерду. Таким способом ловили рыбу обычно до конца мая.

В начале июля начинала созревать земляника, с семи лет я ходил в лес за ней почти каждый день весь период ее созревания. 3 июля 1956 года почтальон Щукина Шура сказала отчиму, что звонили из больницы на почту, родился сын. Вечером отчим сказал мне, что завтра после обеда поедет навещать мать. На другое утро я встал очень

рано, сходил в лес, набрал пол-литровую кружку земляники. Боялся опоздать, но успел принести ягоды домой до отъезда отчима, попросил его отвезти землянику матери. Так с семи лет я летом стал ходить за ягодами для семьи, сначала за земляникой, потом за малиной и черной смородиной, и уже не ел их вволю в лесу, а нес домой.

Мой младший брат по матери Владимир родился 3 июля 1956 года, детских садов в наших деревнях не было, бабушки и дедушки умерли. Никаких отпусков по уходу за ребенком не было, в деревне даже не использовали положенные 56 суток до рождения и 56 суток после рождения ребенка. Женщины работали до самых родов и выходили на работу через неделю после родов. Летом 1957 года младшему брату исполнился годик, мать с отчимом с утра уходили на работу, оставляли его со мной, случались разные истории, ведь мне было всего восемь лет.

Однажды я усыплял брата в самодельной кроватке, которая могла качаться. В это время прямо на улице молотили лен. Для этого улицу выровняли, подмели, на дороге разослали снопы льна в четыре ряда попарно головками друг к другу. По ним ездила грузовая машина под управлением нашего соседа Быстрова Алексея из одного конца деревни в другой. Она колесами отбивала льносемя, в кузове катались мальчишки и девчонки с визгом и криками. Мне очень хотелось быть там, и кататься вместе с ними. Я открыл окно и смотрел, как они катаются, но в это время брат заплакал.

Я принес из кладовки длинную веревку, один конец ее привязал к кроватке, а второй конец петлей надел на свою ногу. Стал качать кроватку и смотреть в окно. Проезжавшие мальчишки что-то крикнули мне, я высунулся дальше в окно, чтобы посмотреть на них. Не рассчитав, сильно дернул ногой за веревку, брат с ревом оказался возле передней лавки, на которой я сидел. Пришлось оторваться от окна, успокаивать его, качая кроватку.

В другой раз я что-то мастерил за столом, годовалый брат сидел на подоконнике, спиной к раме. Он стал раскачиваться, ударяя спиной о раму. Я не успел выскочить из-за стола, увидел, что шпагат на гвоздике развязался, окно открылось, и в нем мелькнули ноги брата. Окна в избе были на такой высоте, что взрослому человеку с улицы в них не заглянуть, но достать рукой до нижнего наличника было можно. Со страхом я выбежал на улицу, брат лежал на земле. Все обошлось, на нем не было ни повреждения, ни царапины.

Когда я не мог успокоить заплаканного брата, сажал на «закорки», то есть на спину, и тащил его в поле к матери. Она его там кормила грудью и успокаивала, я нес его в дом обратно на спине. К осени 1957 года брат уже хорошо ходил, как-то он решил забраться по ступенькам на печку. На краю ее висело одеяло, брат карабкался наверх до последней ступеньки, потом вместе с одеялом упал на скамейку, с нее на пол, и опять все обошлось.

Уже зимой, когда брату исполнилось полтора года, я был в школе, а он с родителями сидел на низкой скамейке, на улице. Родители не уследили, как малыш упал с этой скамейки и вывихнул руку в плече, она болела больше месяца. Вот такие жизненные казусы, когда судьба оберегала меня от подобных неприятностей.

К 10 годам я не только самостоятельно ходил в лес за ягодами и грибами, но уже сам делал заплоты для мерд, отводил и приводил из леса или с поля лошадь.

Брату было пять лет, а мне 12, мы с ним ходили в лес за грибами. С нами ходил Поляков Витя из Ленинграда с братом Володей, тому было семь лет. Мы сдерживали своих братьев, чтобы они не бежали бегом в лес. Когда до леса оставалось метров сто, мы подавали команду «Вперед». Наши младшие братья до прихода нас в лес, должны были найти как можно больше белых грибов. Победителю устанавливали приз – выполнение его желания: сделать лук, рогатку, взять с собой купаться на реку, дать покататься на своем велосипеде, да мало ли желаний и возможностей их исполнения было в деревне.

Однажды мы с Поляковым Витей, который приехал в нашу деревню к бабушке из Ленинграда, шли в лес. Увидав на изгороди скворцов, он выстрелил в них из рогатки. Один скворец упал на землю, Витя подбежал, взял его в руки и заплакал. Он повторял, что не хотел его убивать, просто проверял свою меткость. Скворец немного отогрелся в руках, зашевелился, потом взлетел, Витя радостно засмеялся.

Карелы никогда не ели голубей, считая их явлением святого духа, даже если умирали от голода. Но в голодные годы после войны старшие подростки ловили на ферме голубей, в темноте освещая их фонариком или фонарем, потом варили из них суп. Это было следствием не только голода, но и воинствующего атеизма, проводимого советской властью.

Однажды младший брат моего отчима Валентин принес мне раненого голубя, очень красивого, фиолетового цвета. Я посадил его в

кроличью клетку, кормил и выхаживал его всю зиму. Весной, посадив голубя на плечо, выходил с ним на усадьбу. Голубь взлетал, делал большие круги в воздухе, улетая далеко до леса, потом возвращался и садился мне на плечо. Так продолжалось около трех месяцев. В начале августа голубь взлетел с моего плеча, сделал надо мной круг и улетел. Я ждал его часа три, но так и не дождался. Вечером безутешно плакал, родители меня с трудом успокоили, принеся через несколько дней маленького щенка.

Как-то в конце лета я один пошел за грибами в лес под названием «Тропан-Кохта», в переводе с карельского языка «Место троп», эти тропы там наделали лоси. Я шел по дороге и справа от себя услышал хруст сломанного валежника, посмотрел в сторону и обомлел. Вдоль дороги метрах в двадцати от меня в том же направлении шли пять лосей. Впереди шел большой рогатый сохатый с обвислыми губами и лохматой бородой. Второй шла лосиха, она была меньше ростом и без рогов, следом за ним шла годовалая телочка тоже без рогов. За ней – два маленьких лопоухих теленка. Сохатый с рогами и бородой покосился в мою сторону, я от испуга остановился возле большой осины, чтобы, в случае чего, забраться на нее. Но лоси спокойно прошли мимо меня, немного подождав, когда они скроются из вида, я тоже пошел дальше.

Был июль 1961 года, мне недавно исполнилось 12 лет. Бригадир Нетрусов нарядил меня сгребать клевер на тракторных граблях. Трактористом был Быстров Николай из соседней деревни Душково, пять лет назад он женился на нашей соседке Нетрусовой Марии. К тому году у него уже подрастали двое сыновей. Тяжело было высидеть целый день на жестком металлическом сиденье граблей, без всякой амортизации. Я вытерпел три полных дня, на четвертый день после обеда меня разморила полуденная жара. Но я всеми силами пытался уверенно сидеть на жестком железном сиденье и вовремя поднимать рычаг, чтобы ряды клевера были ровными. Николай увидел, что я стал уже пареный, и, чтобы не свалился под грабли, посадил меня в трактор рядом с собой. К рычагу он привязал веревку, пропустил ее через заднее открытое окно кабины трактора.

Я сидел вполоборота, и когда надо, дергал за веревку, чтобы поднялись грабли и сделали валок клевера. Увидал, как вдоль межи смешно бежал коростель, у нас его называют «дергач». Он сильно пригибал голову к земле и отчетливо поднимал вверх свой хвост. К вечеру у

меня болела шея, отошла только к утру. Поля с клевером мы в то лето с трактористом Быстровым Николаем сгребали целую неделю.

Мне нравилось ездить на лошади верхом рысью или скакать в галоп. За всю мальчишескую жизнь с лошади ни разу не падал, один раз мы упали вместе с лошадью на деревенской улице. После того, как отчим распряг ее, я надел на шею лошади веревку с цепью, сел верхом и хлестнул уздечкой по боку. Лошадь от неожиданности отпрыгнула в сторону, наступила на цепь и повалилась на бок, придавив мне левую ногу. Я пытался вытащить ногу, исцарапав ее. Лошадь вскочила, я подвел ее к одру, с него снова сел верхом, и мы уже медленно поехали вдоль деревни. Больше такого падения никогда не повторялось.

Детство – это не просто минуты, а счастливые и радостные дни, недели, месяцы и годы жизни, о чем мы задумываемся, лишь став взрослыми, и куда мысленно уходим при трудных жизненных ситуациях.

Одежда деревенских мальчишек

Не хочу заморских платьев,
мне пшеничный хлеб не нужен!
Обойдусь простой одеждой!
«Калевала», песнь 4, стр. 49

Летом мы, послевоенные мальчишки, одевались в черные трусы и белые майки. В такой одежде проходило все наше босоногое детство со средины мая и до средины августа. На сенокосные луга обували сандалии на «босу ногу», чтобы не колола ноги стерня после покоса. В лес надевали рубаху с длинными рукавами да хлопчатобумажные старые штаны.

Мне исполнилось шесть лет, один раз мы пошли в лес за грибами с двоюродным братом отчима, тот был на десять лет старше меня. Стояла холодная осенняя погода, я надел на себя старое пальтишко. Идя по выгону, Иванов Анатолий, поглядев на мое пальто, сказал: «У тебя на пальто одни батраки, даже хозяина не видать». Действительно, оно было все в заплатках, новое пальто мне купили через год перед школой.

Идя в лес, на ноги обували резиновые сапоги или вошедшие тогда в моду кеды. У каждого мальчишки было обычно по две-три пары кед:

новые в школу, а старые в лес или гонять мяч. На голове всегда была кепка-восьмиклинка, но одно время, лет пять–шесть, была мода на татарские тюбетейки, которые носили и взрослые мужики, и мальчишки, потом эта мода постепенно отошла.

Кепка была основным сезонным атрибутом не только у деревенских мальчишек, но и мужиков. Они не снимали ее с апреля по октябрь. Интересно было смотреть на лицо мужика, щеки и подбородок которого были загорелыми до черноты, а лоб и лысина совершенно белыми. В деревенском обиходе было много выражений, связанных с кепкой.

«Гулял без кепки», означало, что мужика привели домой пьяного, он в прямом смысле был без кепки. Это, наверное, положительный момент, так как на второй день он ходил по домам искать свою кепку. Дело обычно было в праздники, чем больше домов он обходил в поисках кепки, тем больше его угощали пивом и самогоном. Нередко на поиски кепки ходила жена, чтобы не допустить своего суженого до такого состояния, в каком он был накануне.

Плотники-карелы были мастеровыми людьми. При строительстве не только домов, но даже сараев не допускали никакого просвета в пазах между бревнами. На плотника – бракодела говорили: «У него между бревнами кепка пролетит».

Иногда по весне или осени, озоруя на охоте, жертвовали своей кепкой. На спор или просто из-за азарта один бросал свою кепку бумерангом вверх, а второй из ружья стрелял в нее.

Взрослые мужики рассказывали, что раньше в деревне были силачи, которые одной рукой за нижнее бревно приподнимали с камня угол бани или житницы. Если кто-то из мальчишек донимал этого богатыря, он догонял его, срывал с головы кепку и клал ее между нижним бревном житницы и камнем. Потом, через два-три дня, сжалившись, приподнимал угол житницы и доставал кепку ее хозяину.

Кепка была незаменима везде: на реке, в лесу, на покосе. Она оберегала от солнца, от комаров, ею зачерпывали жарким летним днем воду из реки, болота или лужицы, и пили из кепки.

Кепка была одним из основных орудий лова у мальчишек, ею сбивали низко летящих майских жуков, накрывали бабочек, которые кружились стайками на лугах и полях.

Кепкой накрывали упавших с гнезда птенчиков, которые безуспешно пытались взлететь. Приносили их домой, родители, отругав, заставляли отнести птенца обратно в лес под ту же елку, откуда взял.

Кепка помогала поймать бельчонка в лесу или маленького зайчишку в поле, когда жали рожь. Самое трудное было взять их из-под кепки, они царапались и кусались.

С кепкой в руке гонялись по полю за птенцами коростеля. Смешно было видеть, как они, спрятав в межу голову и подняв хвост, бежали по меже.

Осенью в школу ходили в хлопчатобумажных или вельветовых костюмах: брюки и пиджак, а чаще куртка. Вельвет тогда был необычайно популярен – долго носился и дешево стоил. В таких костюмах ходили, пока из него не вырастали или не истирали коленки и локти добела. На праздники надевали шерстяные костюмы, обычно черные, реже – серые или коричневые.

Начиная где-то с моего третьего класса, в деревне все больше стала появляться школьная форма. Тогда проблем с одеждой почти не стало: пять-шесть лет в школу ходили только в форме, даже на праздники надевали новую школьную форму.

Обувь была разная, когда сухо, надевали сандалии, кеды, ботинки. Тогда низких полуботинок почти не носили, носили высокие ботинки со шнурками. Когда было сыро и грязно, обували сапоги, кирзовые или резиновые «литые». Обычные резиновые не обували, от них болели пальцы ног, а вот «литые» носились безболезненно.

Но чаще всего носили кирзовые сапоги из поросячьей кожи. Особенность их была в том, что когда их долго не носишь или они высохнут после дождя, становились как железные. Приходилось разнашивать один-два дня. И еще их трудно было отмыть. Как бы ни мыл в луже перед школой, все равно они были серыми и грязноватыми из-за углублений в коже.

Зимой надевали двое штанов, зимнее ватное пальто, шапку-ушанку и обязательно валенки. Почти у каждого в семье было по две-три пары валенок. Замочив одну пару, ставили на русскую печь и обували вторую пару валенок, в сырую пору – с калошами. Некоторые мальчишки из бедных многодетных семей бегали босиком до октября месяца, пока не выпадал снег.

Самое интересное время было весной, начиная с марта. Накануне мы договаривались с другими мальчишками, в чем пойдем в школу – в валенках или сапогах. Потом вместе надевали кепки вместо шапок, потом вместе сбрасывали с себя пальтишки и так до лета одновременно меняли одежду.

Понятие о какой-нибудь моде не было, лишь бы было что одеть и обуть. Первые модники в узких брюках стали приезжать в деревню из Бежецка и Ленинграда примерно в 1961–1962 годах. Ширина их брюк внизу доходила до пятнадцати – четырнадцати сантиметров. Этих парней сразу метко окрестили – «стиляги». Бабы с осуждением смотрели вслед и перемалывали языками и брюки, и парней, и их родителей. Мужики надсмехались и спрашивали у мальчишек: «Вы тоже хотите стать такими стилягами?» Мы отрицательно качали головами, а сами с завистью смотрели на парней.

В эти же годы незаменимые телогрейки-фуфайки осенью заменили плащи-макинтоши из прорезиненной ткани. В Ленинграде покупали по одному или два таких плаща на каждого. В них ходили в школу осенью и весной, в лес во время дождя.

Примерно в 1960–1961 годах мальчишкам стали покупать войлочные зимние ботинки на резиновой подошве. Их можно было носить зимой, когда небольшие морозы. Местные острословы сразу переделали поговорку: «Недаром говорится, «форсун» мороза не боится». Всех, кто вместо валенок с калошами носили также зимние ботинки, стали называть «форсунами».

Первые модные брюки я заказал в 1965 году на втором курсе техникума. Тогда в моде были «клеши». Была цель – заработать деньги на разгрузке вагонов или разгрузке машин в райпо. За вагон платили по шесть рублей каждому, когда разгружали его вшестером, за машину по три рубля каждому из трех грузчиков. Брюки стоили примерно двадцать два – двадцать четыре рубля, а именно: одиннадцать – двенадцать рублей материал и двенадцать рублей за шитье. За четыре вагона можно было заработать на брюки.

Было приятно вместе с сокурсниками идти в ателье, выбрать 1,2 метра ткани по своему вкусу и с помощью друзей заказать брюки «клеш» шириной внизу двадцать пять – двадцать семь сантиметров. Я дорасклешивался до того, что попал служить в Военно-морской Флот сразу после окончания техникума, где три года продолжал носить брюки-клеш.

Летний день в деревне

На ноги мальчишка встанет,
повзрослеет, возмужает,
станет сын могучим мужем.
«Калевала», песнь 31, стр. 373

28 июля 1961 года я проснулся, как обычно, от петушиного крика. Времени было шесть часов утра, мать и отчим были на колхозном покосе, я оставался в доме один, пятилетний брат был у своей бабушки Фени – матери отчима. Проснувшись, я сбегал «по-маленькому» на двор, успел сосчитать до девяноста, пока все сделал. Умылся под чугунным умывальником в чулане.

Чулан был очень маленьким, примерно два на два метра. Одно окно на улицу, напротив окна – устье русской печи. Ее отчим сложил на второй год, как пришел в дом. Сделал, как положено, чтобы шесток был на уровне подоконника, и свет от окна падал до задней стенки печи. Печь была большая и теплая, из устья дышало жаром. Значит, мать уже до покоса успела ее истопить, как она говорила «на скорую руку», чтобы поставить туда обед.

Раньше, до прихода отчима, была другая печка с каржиной. Каржина служила лазом в подполье. Зимой на ней можно было спать, прижавшись спиной к теплому боку печки. Печка от старости стала дымить и плохо греть. В 1955 году отчим сложил новую печку, уже без каржины. Лаз в подпол был сделан у входной двери за печкой. На лавках в чулане стояли ведра с водой, в самодельном шкафу хранилась посуда. Наверху с обеих сторон шли широкие полки – *palca,* ниже их – поменьше полицы *(palcazet)* для посуды из 2–4 полок, соединенных боковыми стенками с продольными рейками, чтобы посуда не падала. Посуду на полицы ставили под углом к продольным рейкам для просушки. Широкие полки шли от передней стены до печки.

Быстро умывшись, я взял с полки граненый стакан зеленого цвета, достал каравай хлеба, принес их из чулана в избу на стол. Сбегал в сени, где стоял плетеный из драни шкаф-молочник *sudnicca* (суднича). Туда родители ставили молоко, чтобы оно не так быстро скисало, холодильников тогда не было. Я отрезал два ломтя хлеба, прижимая каравай к груди, как это делали мать и отчим. Посолил хлеб и стал запивать его молоком.

На все ушло не больше десяти минут. Взял новую большую корзинку, сплетенную отчимом этой весной, и пошел в лес за грибами. Закрыл дверь в дом, вставив в замочную петлю прутик. Это означало, что в доме никого нет, туда ходить незачем. Замок на дверь обычно вешали только тогда, когда уезжали в гости на два-три дня и никого дома не оставалось. Ключ тогда отдавали соседке, которая ухаживала за нашей скотиной. В те времена в деревне чужого ничего не брали, а если что находили, всегда отдавали хозяину, не жалея времени на поиски владельца.

Деревня шла в два посада, по шестнадцать домов на каждом посаде. Вдоль деревни летом можно было идти хоть по пыльной дороге, хоть по тропинкам вдоль домов. Это весной и осенью деревенскую улицу так развозило грязью, что пробираться возле домов красного посада можно было, лишь держась двумя руками за частокол палисадников. На северном посаде почему-то палисадников не обустраивали, там вдоль домов проходила хорошая твердая тропинка. Весной и осенью на лошадях ездили по усадьбам вдоль огородов. Я обернулся на свой дом и зашагал по деревенской улице.

Наш дом стоял в центре деревни на самом высоком месте. Вспомнил, как в 1957–1958 годах за весну и осень успевали общиной построить по три-четыре новых дома – Нетрусовых, Майоровых, Ивановых, Фомичевых, Семеновых, Базловых, Быстровых. Денег друг у друга не брали, их просто в деревне не было. После окончания постройки одного дома, два-три дня пили у хозяина самогон и пиво, потом начинали строить дом у другого хозяина. Наш дом подрубали весной 1958 года, по вечерам угощали мужиков пивом да кормили обедом и ужином. Крыши новых домов белели свежей дранкой, станок для ее изготовления стоял за деревней возле выгона, на пути в ельник.

Я тогда еще не задумывался о том, что домов у человека за жизнь может быть несколько. Но самый светлый, самый лучший тот дом, в котором провел свое детство. Я тогда не мог знать и даже предполагать, что это были последние построенные семь домов за триста лет существования деревни. Больше в ней дома уже не строились, а построенные были разобраны на дрова и бани через 40 лет, и куда-то увезены.

Вблизи деревни начинался выгон, весь поросший мелкой травой. По нему утром и вечером прогоняли скот в лес, потом обратно, когда поля были еще заняты зерновыми, льном, клевером и сенокосами. После их уборки коров и овец выгоняли на стерню и отаву. В обед до-

ярки ходили доить коров на опушку леса. Здесь, в выгоне, на зеленой траве, мы оборудовали футбольное поле.

Пока я шел к лесу, навстречу никто не попадался и не догонял, до леса было меньше полукилометра. Я любил этот ельник с детства, лет с пяти. В 1954 году, когда отчима еще не было, мы с матерью жили очень бедно, мать просила меня сходить в лес и собрать хоть каких-нибудь грибов. Я с пяти лет один ходил и набирал разных сыроежек, серушек, волнушек, опят. Мать солила грибы на зиму.

Она мне внушала, чтобы я не боялся леса, ориентировался по солнышку и домой всегда шел на него. Позднее отчим учил меня, что если нет солнца, то надо смотреть на елки, у них больше сучьев с южной стороны, смотреть на пни, где кольца шире с южной стороны. В крайнем случае, никогда не перелезать огород, а идти вдоль него до дороги или до поля.

Лес спасал меня каждый год от уколов и прививок. Завидев приближающуюся к деревне фельдшерицу, я убегал в лес и не выходил оттуда до тех пор, пока не видел с высокого дерева, что она ушла из деревни. Мать выходила на край деревни, кричала, звала меня, я ее слышал, но не откликался, пока в деревне была фельдшерица.

Ельник был в форме треугольника вершиной к выгону. От деревни до леса был сделан выгон для скота. Сам лес, длиной около двух километров и шириной в его глубине тоже до двух километров, был огражден изгородью, которая называлась по-карельски «*aida*». На опушке ельника широкой полосой рос можжевельник, из него плели обручи на шайки, из корней – корзины. Им обрабатывали все шайки и бочки перед засолкой огурцов и грибов. Им окуривали корову после отела и перед выгоном на пастбище.

Со второй половины апреля всю первую половину мая каждый год крестьяне ходили «по огороды» ремонтировать их. Приносили с собой много первых весенних грибов – сморчков и строчков.

Сегодня я шел за белыми, знал, что идет первый хороший слой белых, и шел уже не первый раз. Мать говорила: «Ты не бегай по лесу, ищи грибы внимательно. Грибы ведь не бегают, они стоят на месте и ждут тебя». Я хорошо знал свои места, которые не подводили. Замечал, что утром, когда у меня хорошее настроение, ветки елок мягкие, не колются и ласково отгибаются от лица.

Под многими из них на земле росли белые. Когда кто-то портил настроение, и лес как бы ощетинивался, пытаясь уколоть ухо, глаз или

подложить бревно, чтобы споткнулся. Я пришел на первое его место, которое все называли «на краю». Взрослые, да и многие мальчишки уходили сразу вглубь леса, это место пропускали, но я знал, что это делают они зря.

Роса еще не сошла, небольшие лесные поляны заполняли запахи хвои, грибов и земляники. Я медленно обходил кочки со мхом, пытаясь обнаружить маленькое белое или коричневое пятно шляпки гриба. Ставил корзинку, обхватывал руками этот гриб, приминая мох, аккуратно срезал под самый корень складным ножом, который всегда носил с собой. Затем опускался на колени и руками начинал мять мох на кочках, приподнимать ветки деревьев, проползая вокруг каждого дерева.

Обычно на одном месте находил десяток – полтора крепких, ядреных, замечательных белых грибов. После этого шел на другое место «у болота», обходил это болото, используя проверенный свой способ поиска грибов, находя еще десятка два – три белых. Потом шел «на клин», потом «к прудику», потом на развилку трех дорог, потом «за низину». Набирал полную корзину белых грибов, это обычно 200–250 штук. Пристегивал к ручке корзины свой брючной ремень, и нес ее на ремне через плечо. Белые грибы, в отличие от всех других, мы всегда считали на штуки.

На поиск и сбор грибов у меня уходило 1,5–2 часа, времени было еще немного, около восьми часов утра, поэтому я не шел сразу домой, а направлялся к шалашу пастуха Морева дяди Вани, который всегда ходил босиком до снега. Дядя Ваня из соседней деревни Душково пас в нашей деревне лошадей, которых было около тридцати. Он приходил в лес вечером, когда лошадей после работы загоняли в выгон, а уходил домой утром, когда в лесу были люди. Я знал, что дядя Ваня раньше восьми часов утра не уйдет из леса и заходил к нему. Тот снова удивлялся, что я набрал так много грибов, рассказывал, как он провел ночь.

Когда он с колотушкой в руках делал обходы, видел лосей, зайцев, тетеревов, рябчиков. Дядя Ваня рассказал, что утро выдалось очень тревожное. Ночью из Сулежского леса в ельник пришли волки. Встревоженные лошади с жеребятами выбежали на опушку леса и сгруппировались недалеко от выгона. Он с кнутом в руках пошел посмотреть, что происходит. Лошади кругами стали бегать вокруг него так, что он вместе с жеребятами оказался в центре табуна.

Из леса выскочили волки, их было около десятка во главе с большим и сильным вожаком. Лошади как по команде повернулись голо-

вами к центру табуна, где были жеребята вместе с пастухом, и стали яростно отбиваться от волков копытами. Некоторым волкам досталось по мордам и бокам. Они не смогли проникнуть к жеребятам в центр табуна, и были вынуждены ретироваться восвояси через «Тропан-Кохта» в Сулежский лес. На прощанье дядя Ваня несколько раз с громким звуком хлестнул кнутом, вслед уходящим волкам.

О встрече с лесными обитателями он умело и подробно рассказывал. Я откладывал ему десятка два белых грибов на суп, а дядя Ваня дарил мне свирельку из бузины или ивовую палочку с красиво вырезанной кожурой. В этот раз он подарил очередную изящную корзиночку для ягод. Мы поговорили с полчаса, дядя Ваня угостил чаем с дымком, заваренным зверобоем, мятой, иван-чаем и другими травами, и мы пошли вместе по домам.

Я пошел не деревенской улицей, а усадьбами, чтобы завистники не слишком зарились на добычу. Подходя к своей усадьбе, увидел, что мать и отчим уже вернулись с колхозного покоса и, как они говорили, «уповодочками» по одному часу каждое утро, косили свою усадьбу. «Уповодок» – это старое слово, которое идет с той поры, когда еще не было часов. Оно означает время от еды до еды, зимой три уповодка, летом – четыре. Первый уповодок летом считался от восхода солнца до завтрака, или от 4 до 8 часов, второй – от завтрака до обеда, или с 8 до 12 часов. Третий уповодок от 12 до 16 часов и четвертый от 16 до 21 часа.

Я поставил корзину с грибами в своем огороде под яблоней, вышел на усадьбу и стал руками разносить сено из копен, скошенное позавчера. Потом взял стоящие у изгороди грабли и стал шевелить вчера скошенное сено.

Мать с отчимом были ниже, за картофельным участком. Они видели, что делает сын, но никто никому ничего не говорил, жалко было времени. Сделав дело, я подошел к родителям, мать спросила, удачно ли сходил в лес, велела ставить самовар, они полчасика еще покосят. Броды на покосе были пройдены накануне.

Прежде, чем косить траву на своей усадьбе, отчим приглашал туда соседей с обеих сторон. На границе, обозначенной большим камнем, он ставил вешку – высокий шест, возле него вставал сосед. Потом отчим проходил в конец усадьбы, находил в траве пограничный камень, ставил там вторую вешку, возле нее вставал второй сосед. Отчим шел по траве, ставя одну ногу перед другой, и внимательно глядя на вешку. Соседи наблюдали за идущим, чтобы он не сбился ни влево, ни впра-

во. Если брод в траве все-таки получался кривой, то один из соседей, повторно делал его. Таким же способом проходили брод и с другой стороны усадьбы. Брод проводили ранним утром во время обильной росы, чтобы его было хорошо видно.

Я зашел в свой огород, подошел к сосне, которую принес из леса и посадил этой весной. Однажды в мае бродил по лесу в поисках сморчков и строчков и увидел пятилетнюю сосну, она была единственной среди елок. Я заметил место, вернулся домой, взял заступ, выкопал сосну в лесу и посадил у задней стороны огорода. Каждое утро наблюдал, все ли нормально, если не было дождей, поливал ее.

По-видимому, это не случайность, если потом через пять лет встретил девушку, символ которой «сосна», и счастливо прожил с ней всю свою жизнь. Эта сосна может называться ***мемориальным деревом*** не только нашей усадьбы, но и всей деревни Петряйцево, как и сохранившийся дуб в Слепневе. В мае 2021 года, когда я завершаю писать эту книгу, сосне исполнилось 65 лет, и 60 лет со времени ее посадки на нашей усадьбе.

А в то утро я пришел с усадьбы домой, оставил корзину с грибами в сенях, начал ставить самовар. Налил из ведра воды, заложил в трубу угли из тушилки. Ножом из сухого полена нащипал щепы, зажег ее, вставил в самовар, поставил трубу. Пока самовар закипал, почистил грибы, разложив по решетам. В одном решете были грибы постарше, которые мать будет сушить на печке, разослав там газеты. В другом решете были средние белые, которые будут жарить, а в третьем поменьше, которые пойдут на суп и яичницу.

Мать с отчимом вернулись около 10 часов утра. Мать начала ставить на стол завтрак, а отчим пошел поить теленка, который был привязан на клину, то есть на участке земли, который был нам дан из-за нехватки размера усадьбы в сорок соток.

На стол были выставлены из русской печки: пшеничная каша с румяной корочкой в чугунке, яичница со вчерашними белыми грибами тоже в чугунке, земляника со сливками, утром испеченные в печи на железных листах булки – обарники. На стол был водружен самовар. Вернулся отчим и отрезал хлеба, также прижав каравай к груди. Хлеб обычно мать пекла один раз в четыре-пять дней, до десяти караваев. Хлеба шло много, им баловали иногда корову, теленка и лошадь, посолив солью.

Сначала поели, потом стали пить чай. В стаканы наливали густую заварку и кипяток из самовара. Заварочный чайник постоянно стоял на

камфорке самовара. Чай пили с блюдечек, наливая из стаканов, слегка дуя на него, положив в рот кусочек колотого сахара. В сахарнице вместе с 2–3 кусками сахара лежали небольшие щипцы. Ими от куска откалывали маленькие кусочки сахара, и с ними пили по 5–6 стаканов чая.

Завтрак продолжался не менее часа, в 11 часов мать с отчимом ложились отдыхать на час – полтора. Мы с мальчишками, девчонками и старушками шли шевелить (переворачивать) позавчерашнее и вчерашнее колхозное сено, на обратном пути я пошевелил сено и на своей усадьбе. Домой пришел около часа дня. Мать ушла доить корову возле скотного двора, на так называемый «белый двор». Отчим в это время отбивал косы как свои, так и принесенные почти с третьей части деревни.

Мы с мальчишками побежали купаться на речку Оносиха, где было два глубоких омута. Один из них, где мы постоянно плавали, почему-то называли «Киомут», а второй, где ополаскивались – «Парник». Речка Оносиха начиналась от родников на границе нашего ельника и леса с таким же названием «Оносиха». Возле дороги на Грудино в нее впадал ручей, вытекающий из родников Душковского ельника.

В омуте на другой речке Теплинка купались очень редко, там было мелко. Когда в 1962 году на его берегу построили общественную баню, речку перегородили запрудой, воды стало больше. Но купаться попрежнему ходили редко, так как ноги увязали в слое ила, и вода быстро мутилась.

Если бы не деревенские заботы, на реке можно проводить хоть весь день, так весело здесь было. Когда мы были маленькими и не умели плавать, брали с собой наволочки. Надували их воздухом, дважды обернувшись вокруг себя, клали под голову и так плавали. Лет с 8–9 плавали уже без наволочек, учились плавать, ныряя. Нырнув и проплыв какое-то расстояние под водой, поднимали голову и продолжали плыть, сколько могли. И сегодня на реке, в двух ее омутах, было человек около двадцати ребятни.

Но до обеда надо было последний раз этим летом успеть сбегать в лес за земляникой, потом нужно будет собирать малину. В нашей деревне по установившейся традиции взрослые разрешали нам, мальчишкам и девчонкам, собирать ягоды, когда они полностью созреют. Землянику и чернику собирали с 12 июля, малину – с 25 июля, бруснику – с 25 августа, клюкву – с 10 сентября. Обычно эти сроки придерживались все, правда, клюква у нас расти перестала из-за мелиорации полей и осушения болот.

Я купался не больше часа, и в два часа также один пошел с корзинкой дяди Вани в лес собирать землянику. Этот лес назывался «Тропан-Кохта», то есть место, где много тропинок. Тропинки эти наделали лоси. В этом лесу разрешалось пилить деревья – осину, ольху и березу на дрова. Вокруг оставшихся пней, особенно березовых, в траве было много земляники. Мне требовалось немногим более часа, чтобы набрать с литровую банку земляники. В ельнике тоже была земляника, но там ее было меньше.

Крестьяне еще по-старинному обычаю в ельнике пней не оставляли. Свалив дерево на строительство дома или двора, мужики все ветки и верхушки привозили в деревню на дрова, а парни – их сыновья корчевали пни вместе с корнями, кололи их на две или четыре части и отвозили пни на единственную оставшуюся ригу. Там ими топили большую печь для просушки льнотресты.

Я прошел мимо последней оставшейся риги Паскина дяди Васи, она была на пригорке в полукилометре от деревни. Печки там уже не было года три, туда свозили сено, как и в сараи. Домой вернулся около четырех часов дня, дома готовились к обеду. Из самодельного посудного шкафа, который стоял в зимней избе, отчим доставал и расставлял посуду. Мать возилась в чулане, доставая из печки чугуны и чугунки. На первое были густые дымящиеся щи из квашенной прошлогодней капусты с мясом – говядиной.

Когда осенью резали теленка, то оставляли в кладовке висеть четверть туши, из которой готовили еду зимой. Остальное мясо солили в деревянные шайки. Одну шайку оставляли на конец зимы и весну в кладовке, а вторую ставили на хранение в подполье. Это уже позднее мать солила мясо в трехлитровые банки, а тогда мясо еще солили в шайки. В них же солили огурцы и грибы, капусту тоже квасили в деревянные шайки.

На второе была тушеная в печке картошка с мясом. К ней были поданы соленые огурцы и грибы. Хотя прошел почти год со времени их засолки, но были они крепки, ядрены и вкусны. На керосинке мать успела пожарить белых грибов, которых ели после тушеной картошки. Из печки она достала топленое молоко. Не успели его допить, как бригадир Нетрусов стал звонить в подвешенный на березу рельс.

Это означало, что пора запрягать лошадей и возить в сарай позавчерашнее сено. В начале шестого часа мужики с бабами и девушками выехали в поле возить сено. Парни пошли к сараям, чтобы складывать

привезенное сено. Мальчишки и девчонки тоже разбрелись по сараям, чтобы трамбовать сено и укладывать его, заполняя углы и пустоты.

Жаркая пыльная работа продолжалась до девяти часов вечера. Затем мальчишки дружно побежали купаться на реку Теплинку. Когда я вернулся домой, мать уже доила корову, отчим привел теленка, загнал в хлев овец и готовился ко сну, покуривая на крыльце.

Дверь из сеней на ночь запирали на деревянный засов, продетый в толстые скобы. Так закрывали двери, ворота и калитку со двора во всей деревне. В десять часов вечера все легли спать, чтобы встать полчетвертого утра, а в четыре выйти на покос. Я тоже лег спать, завтра в шесть часов утра снова встану, и буду проводить день по своему расписанию, завтра днем первый раз в это лето пойду за малиной. Наступила ночь, деревня затихла, даже петухи замолчали. В домах не единого огонька, и трудно одинокому путнику с дороги разглядеть деревню, лишь на фоне неба, присев на корточки.

Это у взрослых день короткий: утром – «здравствуй», а вечером – «до завтра». У ребенка день очень долог, за день он проживает целую маленькую жизнь. В этот день 28 июля у отчима был день рождения. Стояли жаркие солнечные дни, которые позволяли заготовить на зиму больше сена. Поэтому отмечать день рождения решили тогда, когда пойдут дожди. Ведь в деревне летом живут и работают не по рабочим дням и выходным, а каждый погожий день, от зари до зари. Отдыхать можно было не в воскресенье, а когда идет дождь. Человек осознанно чувствовал и относил себя к частице природы, где больше естественности и нет надуманных искусственных правил.

Гроза

Улетай на небо, ветер,
поднимись повыше, к тучам,
к роду-племени родному,
к челяди своей, семейству!
«Калевала», песнь 42, стр. 479

Почему-то я помню свою первую грозу, которая прошла летом 1952 года, хотя мне было тогда всего три года. Как раз в Петров день 12 июля 1952 года над деревней пронесся ураган, была страшная гроза.

Мать оставила меня, трехлетнего, в сенях на матрасе, набитом сеном, одного, а сама убежала вместе с другими колхозниками тушить телятник, который загорелся от молнии. Спасти помещение и телят не удалось. Я помню темноту, треск, удары грома, яркие вспышки молний, сильно испугался и плакал.

Потом в деревне долго обсуждали этот пожар, связывали его с разрушением часовни. Рассказывали передававшуюся из уст в уста легенду, как в 1690 году после пожара была построена часовня на берегу пруда. Ее несколько раз перестраивали, разрушили летом 1951 года, бревна пустили для строительства колхозного склада. А через год, в июле 1952 г., над деревней и прошел тот страшный ураган, он обрушился не на дома жителей, как было в 1690 году, а на колхозные постройки. От молнии загорелись скотный двор и телятник. Пока спасали и выводили упиравшихся коров, многих телят спасти не удалось. Спаслись только те, которые сами выбежали со двора.

После урагана старушки подходили к тому месту на берегу пруда, где была часовня и молились, чтобы не случались пожары, просили у Бога помощи. Это был первый и последний пожар в нашей деревне до ее кончины, от пожаров никто не пострадал.

Во время грозы мы с матерью, когда еще жили вдвоем без отчима, всегда выходили на крыльцо и переговаривались с соседкой Калачевой тетей Машей из-за дощатых переборок крыльца, не видя друг друга. Однажды тетя Маша на крыльцо не вышла. Обеспокоенная мать после грозы пошла к соседке, тетя Маша сказала, что дома была одна без сына и дочери, сильно испугалась и пряталась от грозы в шкафу.

С ней были связаны и другие курьезные случаи. Однажды ее сын Володя на стене приклеил картину молотобойца во весь рост. Тетя Маша как обычно спала на печке. В четыре часа бригадир Нетрусов под ее окном крикнул: «Выходи на покос!» Спросонок, услышав крик и увидев картину мужика во всю стену, тетя Маша сильно испугалась и упала с печки.

Другой раз она с сыном заготовила дрова в лесу. Через неделю поехала одна за дровами, когда стала брать дровину, из дровяной кучи кто-то высунулся. Тетя Маша схватила с саней топор, закрыла глаза и с перепуга ударила топором. В деревню она привезла отрубленный хвост енота.

Один раз в мае 1958 года, мне только что исполнилось 9 лет, я пошел рано утром проверять мерды, навстречу шел сосед Калачев

Володя, сын тети Маши, он был на десять лет старше меня, ему тогда исполнилось девятнадцать лет. Нес две щуки, сказал, что одну взял из моей мерды, и отдал мне рыбину. Скорее всего, он тогда отдал мне свою рыбу, и это была радость для семьи. Так было или нет, никто не узнает, так как Володя погиб, будучи молодым парнем, пьяный перевернул комбайн с Душковской горы в речку.

Старшая дочь тети Маши, Александра вышла замуж за Быстрова Алексея из соседней деревни Душково. Зять Алексей работал шофером в колхозе сначала на грузовой машине, потом на бензовозе, жил в доме у тещи, в 1958 году построил свой дом на краю деревни.

Как-то сентябрьским днем 1958 года Алексей ехал домой из районного центра, куда отвозил из колхоза зерно на склады конторы «Заготзерно».

В тот день по дороге нагнал старушку с рюкзаком на спине, она ходила за шесть километров в районный центр за хлебом и шла домой из магазина. Алексей остановил машину и предложил бабушке сесть, до ее деревни оставалось около 4 километров. Старушка ответила отказом: «Милок, куда же я с такими грязными сапогами сяду, всю машину испачкаю». Алексей проехал до ближайшей лужайки, остановил машину и вышел из нее. Дождался бабушку и снова предложил ей сесть в машину. Старушка на этой лужайке долго оттирала травой сапоги от грязи, прежде чем сесть в машину.

Высадив старушку возле ее деревни, подъехав к границе своего колхоза, Алексей поднялся на гору, с которой были видны все окружающие деревни, и остановил машину. От обеда, который ему приготовила дома жена, оставались соленые огурцы и хлеб. Стограммовая стопка у него всегда была с собой. Алексей выпил стопку водки, закусил огурцом, через некоторое время повторил, и потихоньку поехал домой.

Такая уж была у него манера вождения: чем больше выпил, тем медленнее ехал. При этом уникальность была в том, что он проездил на машинах более 40 лет без единой аварии и поломки.

Каждый раз вместе с мальчишками босиком бегал после грозы по лужам деревенской улицы. Позднее приходилось переживать грозу не только дома, но и в поле, в лесу, на речке. Когда я ходил в лес за грибами или ягодами, не всегда успевал уходить домой до грозы.

Нередко гроза заставала в лесу, я быстро находил старую ель с распластавшимися по земле ветками, на четвереньках заползал под них к стволу дерева. Ни разу, какой бы дождь ни был, меня не намочил. Становилось темно и страшновато, были слышны непрерывные раскаты грома и сплошной шум дождя. Самым сложным оставалось, не замочившись, выбраться из-под мокрых веток.

Начиная с 10 лет, я летом пас то овец, то телят, с овцами было немного проще. Когда начинался дождь и гроза, они сбивались в плотное стадо, прижимались куда-нибудь к опушке леса, ближайшей изгороди, кустарникам или стогу сена. Так они, тесно прижавшись друг к другу, пережидали до конца грозы. Больше всего овцы боялись остаться в одиночестве, отставшая овца или ягненок метались по пастбищу до тех пор, пока не находили стада. С телятами было намного хуже, они часто забегали в клевер, на усадьбы, в деревню, случались неприятности от бригадира или деревенских жителей.

В нашей местности особенно ценили ласточек, которые из грязи и соломы лепили свои гнезда под стрехами домов. Родители категорически запрещали нам разрушать их гнезда, заявляя, что в дом может придти беда, в том числе и пожар. Щебетанье ласточек возле своих домов мы слышали каждый летний день с утра до позднего вечера. По ласточкам взрослые жители определяли, будет ли дождь. Если ласточки летали высоко, то дождя ничего не предвещало, если опускались низко вслед за мошкарой, значит жди дождя.

Нередко туча приходила из-за леса, возле которого пасся скот, неожиданно и быстро. Мошкара и за нею ласточки не успевали опуститься вниз, летая высоко. Я видел, что ласточки, вслед за мошкарой, влетали в дождевое облако и скрывались из вида. Сначала в природе становилось тихо-тихо, лишь где-то вдалеке сверкали молнии и слышались раскаты грома. Я напрягал слух и слышал приближающийся шум дождя, нельзя было медлить ни минуты. Тогда я решительно и быстро делал в ближайшей скирде сена, клевера или соломы нору и забирался в нее. Вход прикрывал тем же сеном или соломой. Было темно, тепло и сухо. Когда дождь утихал, вылезал оттуда сухим и бодрым, продолжая пасти овец или, засучив штаны, искать убежавших куда-нибудь телят.

Однажды в июне 1960 года я вместе со своим одногодком Старшовым Толей по наряду бригадира сторожил кукурузу. Отдежурили неделю, никаких неожиданностей не было. Шалаш мы поставили у

леса на «Высочке», так называлась та возвышенность в километре от деревни, настелили достаточно много елового лапника и прошлогодней соломы. Как-то вечером мы с Толей наварили картошки на костре, вскипятили в алюминиевом чайнике чай, заварив его мятой, цветами зверобоя и иван-чая, поужинали и легли спать. Ночью началась гроза, которая не давала спать до утра, было страшновато, ведь было нам по одиннадцать лет. Наш шалаш, укрытый еловым лапником в несколько рядов, выдержал и дождя не пропускал.

К утру, гроза кончилась, и мы уснули мертвым сном. Проснулись от крика и мата бригадира, который пришел проверить и застал нас спящими. Поле было усеяно грачами, воронами, галками, которые вытаскивали зеленые всходы кукурузы. Мы вскочили, убежали по домам и на дежурство больше не пошли. Уже после обеда сходили к шалашу, взяли оттуда нашу одежду, чайник и другую посуду.

В те годы со страниц районной газеты «Дело Октября», центральной газеты «Сельская жизнь», которые выписывали колхозники, шла хвала кукурузе и бобам. Бобы у нас не сеяли, а кукурузы сеяли все больше и больше, не давая права председателям колхозов сеять кормовые травы, кроме клевера, и отдыхать полям под парами. У нас кукуруза не успевала созревать, ее скашивали на силос, не измельчая.

Ох, и материли мужики и бабы этот силос из зеленой кукурузной массы, когда зимой нагружали его на сани, запряженные лошадьми. Замерзшие кукурузные пласты были такими тяжелыми, что один пласт поднимали вилами четверо мужиков или шесть женщин. Девок и молодых баб, кормящих детей грудью, к погрузке силоса не допускали. Они возили его на лошадях на ферму и там разносили по кормушкам коровам, телкам и бычкам, понемногу давали подросшим телятам. От кукурузного силоса коровы и телята поносили, доярки и телятницы готовили для них хвойный отвар из сосны, отпаивали их, но помощи от него было немного. Мы, мальчишки и девчонки, после школы часто были возле родителей, стараясь как-то помочь им.

Гроза учила меня быстро оценивать обстановку и принимать решение. Учила вырабатывать интуицию и продумывать правильные варианты выхода из конкретных ситуаций. Учила не бояться трудностей, не вздрагивать от ударов грома, не закрывать глаза от яркого света молний. Днем, сразу же после грозы во всех домах открывали окна, чтобы наполнить избу чистым и свежим воздухом.

Забавы деревенского мальчика

Что за славная деревня!
В мире лучшее местечко!
«Калевала», песнь 25, стр. 299

Дел у деревенского мальчика было всегда много в любое время года. Мы с нетерпением ждали первых морозов, когда станет лед на пруду возле часовни. Лед становился крепким и надежным уже к осенним школьным каникулам, которые наступали каждый год 4 ноября. К этому времени уже были подготовлены коньки, финки, санки и самокаты.

Коньки крепили к валенкам с помощью двух тесемок и палочки, которая стягивала их. Самокат – это две доски, одна вдоль, другая поперек, а также треугольник из досок и руль. К поперечной доске прибивали два конька, третий конек крепился к рулю. Катались на самокате по льду, отталкиваясь одной ногой. Финки были согнуты из одного толстого металлического прута в виде угла в 45 градусов, имели два полоза и дугу, за которую держались. На финках катались по льду, а позднее – по накатанной санной дороге.

Пока не было снега, санки тоже применяли для катания по льду. Для этого во льду мы пробивали отверстие, через него в землю вбивали кол, к которому крепили поперечину. Все, кто хотел, привязывали свои санки к этой поперечине на длинных веревках. Двое крутили эту конструкцию, а остальные со смехом и визгом катили на санках по кругу.

Рыбная ловля. В апреле мы почти неделю ходили на берега рек в заросли кустарника за ивовыми прутьями. День тогда становился длиннее, мы после школы успевали нарезать охапку прутьев. А по вечерам вместе с отчимом плели корзины и мерды для ловли рыбы.

Мерды начинали ставить обычно в начале мая, когда сходила большая вода. В майские праздники, взяв мерды и топор, уходили ставить их на речки, что опоясывали деревню. Перегораживали речку, забивая в дно ольховые колья в два ряда. Между кольями делали плотный заплот из хвороста. В средине реки устанавливалась мерда, закрепленная двумя кольями, забитыми в дно реки под углом друг к другу. Мерда – означает «мережа» или «верша».

Вся вода стекала только в мерду, обходя заплот с двух сторон. Каждый мальчишка обычно ставил четыре-пять мерд и каждое утро до школы, а также после школы проверял их. Попадались маленькие

рыбешки, называли их «камса», иногда попадались налимы, щуки попадались редко. Другие мальчишки и мужики, чужие мерды не проверяли. Если когда проверяли, рыбу отдавали хозяевам.

Потом зацветали наши дикие сады, сначала – черемуха, потом сирень, вишня и ирга, за ними – яблони. Это был знак для нас, мальчишек, мы с нетерпением ждали этого дня. Нам родители разрешали купаться только с того дня, как зацветут яблони. Если даже было холодно, мы просили родителей выйти в огород и убедиться в том, что яблони уже зацвели. Мы бежали купаться, и нас всю дорогу сопровождало пенье жаворонков и тревожные крики чибисов – у нас их называли «луговками».

Если говорить о рыбалке, то рыбу ловили все лето разными способами. Мы любили ловить рыбу вилками и корзинками. Брали с собой вилки и уходили вниз по течению каменистой Синьковской реки до впадения ее в Каменку, оттуда начинали лов, идя по реке против течения, чтобы поднятая муть не мешала ловить рыбу.

Идя неспешно по дну реки, ребята поднимали медленно камень, где нередко находился налим. Моментально наносился удар вилкой, и налим был пойман. Его насаживали на ольховую рогатину, и мы шли дальше. Если налим уплывал от камня, за ним начиналась охота, которая не так часто была успешной. Пока возвращались до своей деревни, обычно ловили по 20–30 налимов. С таким богатым уловом мы приходили домой порадовать родителей.

Другое дело ловить рыбу корзиной, чаще всего карасей, налимов и пескарей, реже – щук. Мы брали с собой по большой плоской корзине, в которой зимой хранили на печке лук, подводили осторожно корзину к берегу под углом, плотно прижав один ее край. С другой стороны начинали очень активно шуровать ногой под берегом. Пошуровав ногой с полминуты, поднимали корзину, в ней обычно находились один–два налима. Нередко были случаи, когда по дну корзины был сильный удар, я сразу выбрасывал корзину на берег. В ней был большущий налим длиной около пятидесяти сантиметров, которого страшно было брать в руки. Поборов страх, я брал его под жабры и насаживал на ольховую рогатину.

В августе ловили щук-сеголеток корзинами или руками. Обычно, подойдя к омуту, увидев там множество небольших щурят по двадцать пять–тридцать сантиметров, омут загораживали с двух сторон камнями. Потом мутили воду и начинали ловить корзиной или ру-

ками. Вылавливали одно ведро и опять разгораживали омут, чтобы остальная рыба не погибла. Так же ловили и другую рыбу, загородив омут: окуней, плотву, пелядь.

Чудеса рыболовного искусства показывал мой отчим. Идя вдоль берега, он внимательно смотрел в воду и нередко колол щуку вилами, прижимал ее к берегу граблями или вытаскивал налима из норы руками. Мужики не позволяли брать мальчишкам слишком маленьких щурят или налимов. Придя домой с таким уловом, можно было получить рукой по шее или ремнем по другому месту. Нередко бывали случаи, когда ловилась некрупная рыба, мужики опускали ее в ведро с водой, а мы переносили ее в другую речку, где рыбы было меньше.

У взрослых мужчин было немного времени для рыбалки, обычно неделя после навозницы до покосов в конце июня, да неделя после покоса до уборочной в начале августа. Зимней рыбалки на мормышку в деревне тогда не было.

Иногда ловили рыбу по первому льду следующим образом. В удобном месте взрослые делали метровую полынью на всю ширину речки. Ставили невод против течения, мальчишки шли издалека по льду и стучали по нему палками. Когда мы приближались к полынье, невод поднимали и вытаскивали на лед. Чаще всего это рыбалка была удачной, попадались щуки, налимы, окуни, плотва.

Подвижные игры. Деревенские мальчишки много времени, кроме ночи и уроков, проводили на улице. Самыми популярными играми у нас были: русская лапта, футбол, городки, игра в «чижа». Чиж, это палочка, срезанная с обеих сторон наискосок. Ее клали на дощечку и подбрасывали, наступив на кончик ногой, и били по чижу палкой, как при лапте.

В прятки мальчишки нередко играли вместе с девчонками на деревенской улице. Прятались за углами домов, крыльцами, деревьями, колодцами, зарывались в сваленное в заулке сено или солому. Играли до тех пор, пока не стемнеет, или пока не обидится тот, кому приходилось чаще других водить.

В русскую лапту играли зимой и летом, но чаще и больше – зимой на улице деревни. В игре участвовали от восьмилетних мальчишек до восемнадцатилетних парней. В команде, было обычно пять-шесть человек, больше не брали.

Не попавшие в команду ребята стояли на обочине и дожидались заменить того, кто устанет или плохо играет. «Плохо играет» означало: медленно бегает, не умеет увернуться от мяча, не умеет метко бить

битой по мячу и мячом по играющему, не умеет при ударе далеко забить мяч и ловить «свечи». Взрослые парни не старались бить очень далеко, хотя все они делали это отменно. Обычно они старались «дать свечу», то есть забить мяч высоко вверх под облака, порою так, что его не было видно. Этим они учили нас ловить «свечу», что было непросто. Развитие от русской лапты было многосторонним: быстрый бег, точность, меткость, умение играть в коллективе, расчетливость, взаимопомощь. Вообще, в играх деревенские мальчишки показывали свою силу, меткость, ловкость и смекалку.

Как только в марте-апреле появлялись первые проталины, начинались игры «в городки». Всем известная игра, развивающая силу и меткость.

Летом, когда улица деревни подсыхала, большой радостью для нас была ходьба на самодельных деревянных ходулях. Мы устраивали соревнования, кто быстрее пройдет всю улицу деревни из конца в конец, ни разу не ступая на землю.

В футбол мы играли с весны до поздней осени, до наступления морозов. В нашей деревне сами мальчишки оборудовали два футбольных поля – на лугу возле построенной бани, и в выгоне. Мы сами на лошади привозили из леса жерди, сколачивали ворота, на земле делали разметку по периметру поля, центра поля и вратарских площадок, прокапывая небольшие канавки. Эти канавки заполняли речным песком. Все лето, пока скот пасли в лесу, мы играли на поле возле бани, на другом поле, в выгоне, было много коровьих кизяков. С августа, когда коров начинали пасти на освободившихся ото льна и зерновых культур полях, мы переходили в выгон, убрав подсохшие кизяки. На поле возле бани вся трава нами была уже выбита, а в выгоне зеленела бархатным покровом.

Сначала играли резиновыми мячами, но они рвались от сильных ударов. Мы вскладчину купили настоящий футбольный мяч с камерой, кожаной покрышкой и супоневой шнуровкой. Мне лично чаще всего приходилось играть вратарем, неплохо брал верхние мячи и слабо брал нижние мячи. Мы даже заразили взрослых мужчин играть с нами в футбол. К нам приезжали играть мальчишки из других деревень – Душкова, Поцепа и даже дальних: Климантина, Байков, что в шести километрах от нашей деревни.

Совместные игры помогают общению и дружбе, воспитывают чувство взаимной выручки, умение быть в коллективе. Не случайно,

наверное, за все годы моей школьной поры в деревне, да и в школе, между мальчишками не было ни одной серьезной драки.

Игры в ножи. У каждого из нас были наборы из складных ножей, рогаток и луков со стрелами. В ножи играли по-разному. В одной игре складной нож складывали под углом 90 градусов и играли на доске или деревянном крыльце. Втыкали нож в доску и указательным пальцем возле основания рукоятки подбрасывали его в воздух. Нож переворачивался один раз и снова втыкался в доску. Сколько пальцев проходило между доской и основанием рукоятки, столько игрок получал очков. Иногда их умножали на 10, например, если два пальца, то 20 очков и так далее. Если нож втыкался так, что его лезвие и основание рукоятки были на доске, считали за 5 очков. Устанавливали победное число очков, например 500, до которого все стремились. Проигравшего игрока наказывали по одному щелбану в лоб за каждые 10 очков. Если до победы ему не хватило 200 очков, то 20 щелбанов.

В другую игру с ножом играли на земле. Нож полностью выпрямляли, кончик лезвия поочередно ставили на голень, ладонь, локоть, плечо, голову и сбрасывали его вниз. Он должен был перевернуться в воздухе и воткнуться в землю. У кого нож не втыкался в землю, он ждал своей очереди и повторял движение с прежней позиции. Кто заканчивал последним, тот проигрывал. Ему устраивали испытание, он должен был вытащить из земли зубами тонкий колышек длиной с его мизинец. Игроки договаривались заранее, один или два удара рукояткой ножа может сделать каждый игрок, забивая колышек в землю. Чаще всего колышек в нее уходил полностью.

Устраивали соревнования по метанию ножа на меткость в дерево, постепенно увеличивая расстояние. Начинали с трех шагов и доходили до десяти шагов, а иногда и дальше. Клали нож вдоль ладони рукояткой вперед, прицеливались и бросали так, чтобы нож перевернулся в воздухе и воткнулся в дерево. Особенно удобно было устраивать такие соревнования в лесу во время отдыха при сборе грибов или ягод.

Проводили соревнования на дальность полетов стрел из лука. Стреляли за деревней вдоль дороги, чтобы можно было быстрее отыскать стрелы и отметить расстояние. Стреляли из лука на точность, попадая в дерево или доску. Для этого в стрелу вбивали гвоздь и остро его затачивали. Стреляли на точность из рогатки по деревьям, висящим диким яблокам, по воробьям. Других птиц, в том числе скворцов, дроздов и ласточек никогда не трогали, чтобы не попало от родителей.

Мы, мальчишки, во всех играх и соревнованиях заранее придумывали наказание проигравшему: пробежать какое-то расстояние, проползти его, пройти гусиным шагом или прыжками, прыгнуть с места до установленной отметки, вытянуть зубами небольшую палочку. Не обходилось без синяков и порезов, полученные ранки лечили просто: обмывали собственной мочой, стараясь не волновать родителей по таким незначительным поводам.

Увлечение фотоделом. С 14 лет я начал активно заниматься фотографией. Дело в том, что фотографий в деревне тогда было мало, память о предках оставалась лишь в поминальниках, которые всегда хранили за образами. У нас сохранилась фотография моего дедушки, Ивана Ивановича Визюркина. До революции он ездил в Царское Село, где служил его старший младший брат Петр Иванович. Они вдвоем сфотографировались в мастерской П.И. Видинеева, что была в Царском Селе на углу улиц Конюшенной и Средней. Была также армейская фотография моего отца и отдельно фотография матери, снятая в городе Бежецке.

Первый раз меня вместе с матерью, отчимом и младший братом сфотографировал в марте 1958 года Коноплев Юрий. Он тогда учился в зоотехникуме, купил фотоаппарат и любил фотографировать деревенских жителей. Мы сидим на скамье возле угла только что подрубленного своего дома. Мне тогда шел девятый год, а брату было полтора года. До того времени нет ни одной моей фотографии, в наш дальний угол фотографы не заезжали, а в Бежецк фотографироваться меня не возили. Вот тогда, в марте 1958 года, я решил, что тоже буду фотографировать и делать фотографии.

Эта моя мечта осуществилась через пять лет. 13 мая 1963 года мне исполнилось 14 лет, я решил по-своему отметить свой день рождения. Собираясь в школу, захватив рыболовную вилку с расширенными зубьями. После школы пошел домой не через деревню Шейно, как обычно, а через Высочку. Спустившись с крутой горы к реке Каменка, снял ботинки, перебросил их через шею, засучил штаны и начал вилкой ловить рыбу, приподнимая камни. Прошел так по реке до моста у деревни Шейно, от которого пошел домой привычной дорогой.

Мать в этот день усердно копала гряды под лук, мне от нее досталось сполна, что брожу по рекам, вместо того, чтобы копать гряды. И отчим ушел в поле на весь день, хотя выдалось свободное время для своего огорода. Я ей напомнил, что у меня сегодня день рождения и ушел домой делать уроки.

Через несколько дней, когда я с отличием перешел в восьмой класс, получил замечательный подарок – свой первый фотоаппарат «Смена-4». Чтобы его купить, родители отвезли в Грудино всю овечью шерсть, что была в доме, и продали ее там каталям на валенки. Позднее купили фотоувеличитель и ванночки для растворов. Первые уроки по фотоделу мне дала директор школы Румянцева Нина Арсеньевна на организованном ею фотокружке. Она учила нас правильно вставлять в фотоаппарат и снимать пленку, проявлять и закреплять ее. Показывала, как надо проявлять и закреплять фотоснимки. Увлечение черно-белой фотографией оставалось у меня на протяжении четверти века, пока на смену не пришло цветное фото.

Скучно в деревне не было, по традиции деревенские ребятишки сами организовывали игры и не ждали, когда взрослые нас будут веселить. Знали, что взрослые много работают, и им надо в этом помогать. Мы обращались к взрослым за помощью лишь зимой, когда было свободное для них время. Родители, старшие братья делали для мальчишек и девчонок санки, самокаты, финны – загнутые из толстой проволоки два полоза. Помогали делать скворечники, кормушки, плести корзинки и мерды. Просто на многое у нас не хватало свободного времени.

Первая влюбленность

У земли в достатке силы,
что вовеки не иссякнет,
если дочери природы
добротой не оскудеют.
«Калевала», песнь 2, стр. 32

Когда мне и моим ровесникам исполнилось по 14 лет, мы стали устраивать гулянья возле новой бани на берегу речки Теплинки, ее построили за год до наших гуляний, в 1962 году. Играли в разные игры, суть которых заключалась в том, кто с кем идет гулять по берегу реки Теплинки. Появлялись первые симпатии, и сердце тревожно билось, когда выходило идти гулять по берегу с той, которая нравилась. Но как-то получилось, что позднее только три пары из одной деревни оказались крепкими и создали свои семьи, у других не сложилось.

Девчонки в классе не обращали на меня никакого внимания. Ну и что, если отличник, всегда на доске почета, всегда с грамотами, весь такой правильный. Им нравились мальчишки другие – хулиганы, задиры, зимогоры. Вот совсем другое дело одноклассник Быстров Николай, правда, мы догнали его в учебе, оставленного на второй год, отчаянный до безумия, всегда был горазд на выдумки.

Он всегда что-нибудь отмочит, например, заберется на колокольню местной церкви, долго бродит там по шатким доскам, осматривая ниши, все чего-то выискивая. И нашел ведь целое ведро медных монет. Раздал всем мальчишкам по 10 монет, остальные оставил себе. После этого так весело стало в школе. На каждой перемене играли в деньги – «в стенку» или «в орла». Получалось так, что обычно Николай выигрывал у других монеты, а на другой день снова раздавал их мальчишкам.

Он всегда что-нибудь придумывал. Один раз мы поехали на уроке физкультуры кататься на лыжах на Шейновскую гору. Николай убедил пожилого учителя физкультуры Ивана Васильевича Харчикова, что мы сможем справиться сами, к урокам математики и русского языка не опоздаем. Тогда у мальчишек уже стали появляться первые часы Чистопольского часового завода «Полет». Когда до конца урока оставалось десять минут, и надо было возвращаться в школу, Быстров Николай предложил нам проехать по Высочке два километра, а потом уже вернуться в школу. Девчонки отправились в школу прямо с горы, а мальчишки проявили солидарность и поехали за Николаем. Он первым стал торить лыжню по целине, пробирались по берегу речки Каменка долго. Вернулись в школу, когда уже закончились все уроки.

Нас ожидала директриса вместе с учителем физкультуры, который, как оказалось позднее, занимался с нами последний учебный год. В следующем году в школу пришел новый молодой энергичный учитель физкультуры Анатолий Михайлович Бычков.

А когда идем утром в школу, Николай положит какой-нибудь девчонке за шиворот или в валенок комок снега. Та визжит, а мальчишки смеются. Или по весне положит какому-нибудь мальчишке в нагрудный карман яйцо дрозда и прихлопнет его рукой. Такие мальчишки, как Николай, девчонкам почему-то нравились, а вот такие тихони, как я, нет. Нужно сказать, что долгие годы потом Быстров Николай отслужил в ленинградской милиции.

А еще девчонкам нравились ребята постарше себя, которым вот-вот идти в армию, а туда брали тогда с 19 лет. Идет какая-нибудь дев-

чонка по улице, а приехавший незнакомый парень из другой деревни откроет окно и кричит: «Соседка, а соседка, ну подожди, давай поговорим». Та гордо пройдет мимо, как бы не обращая на него внимания, а вечером, глядишь, они уже вместе.

Я уже несколько раз ходил в кино, сначала с отчимом, потом с деревенскими мальчишками. С отчимом ходили в клуб деревни Душково, что в одном километре от нашей, с мальчишками – в клуб деревни Бережки за четыре километра. Под старый клуб в деревне Бережки еще в 1930-е годы приспособили большой дом одного из раскулаченных жителей, говорили, что это был дом выселенной семьи Горельцовых. В том доме выпилили стену между зимней и летней избой, оставив для прочности часть бревен по 70 см с двух сторон и три верхних ряда бревен. В летней избе оборудовали сцену, подняв пол, а в зимней избе вместе с чуланом – зал. Там разобрали русскую печь и дощатую переборку, для отопления на сцене выложили голландскую печь. Когда местными силами устраивали концерты, зрители сидели на скамейках лицом к сцене. Когда показывали фильмы, на сцене находилась киноустановка, на противоположной стене вывешивали экран. После кино устраивали танцы, отставив все скамейки вдоль стен. В этом же доме, кроме сельского клуба, находилась сельская библиотека, а до лета 1954 года и Бережковский сельсовет.

Однажды в средине августа 1963 года я вместе с другими ребятами шел смотреть кино в Бережки по деревне Душково. Увидали крупные яблоки в одном огороде возле дороги, попробовали, оказались вкусными. Ребята предложили мне забраться на огород, с огорода на яблоню и потрясти ее. Сказали, что здесь живет моя родственница Белозерова баба Дуня, она меня ругать не будет, а они наберут яблок и угостят ими девчонок.

Я забрался на яблоню и стал ее трясти так, чтобы яблоки падали ближе к дороге, а не в огород. Вдруг из дома вышла хозяйка, все мальчишки разбежались. Я прыгнул с яблони на дорогу, но неудачно, в мою штанину попала крепкая толстая частоколина. И я на ней повис, качаясь вниз головой. Брюки оказались крепкими, не рвались, а частокол не ломался, только гнулся. Баба Дуня подошла ко мне и сказала: «Ну, зачем ты так, Толя, мог бы убиться или пораниться. Пришел бы в дом, я тебе дала столько яблок, сколько тебе надо». А я все висел на частоколине, уже едва касаясь пальцами рук земли, и пытаясь сломать ее. Хозяйка взяла меня на руки и стала помогать вытянуть меня из

этой жерди. И только освобождаясь, жердь слегка царапнула мне ногу, а так все обошлось.

Молодая энергичная директриса школы Нина Арсеньевна Румянцева устраивала по субботам танцы. Это были уроки бережного, доброго и внимательного отношения к девушкам, уроки первых прикосновений к другому полу и первых танцевальных движений. Девчонки почему-то танцевали более умело и учили танцевать мальчишек. Начинались взаимные симпатии, а иногда – безответная влюбленность.

Когда я учился в 8-м классе, мне понравилась одна девочка из младшего, идущего за нами класса. Я долго преодолевал себя и свое волнение, чтобы пригласить ее на танец. С другими девчонками я танцевал, хоть и неумело, но, не волнуясь и не переживая. Танцуя с ней, я потел, терялся, наступал ей на ноги, не попадал в такт музыке. Она не обращала на меня никакого внимания. Так продолжалось с полгода, когда весной после нашего выпуска она прямо заявила, что я ей не нравлюсь, она не хочет со мной дружить. Чтобы я не пытался с нею встречаться и приглашать ее на танцы, она не пойдет со мной танцевать и поставит меня в неловкое положение.

Я не мог понять, чем она привлекала и тревожила, обыкновенная девчонка, нельзя сказать, что симпатичная, со средними способностями в учебе. Неразговорчивая «бука», без обычной девичьей улыбки и нежности. Я никогда не оставался с ней один на один, не держал ее за руку. Великим счастьем для меня было танцевать с нею, я волновался и дрожал от прикосновения ее рук. При танце опускал глаза и не мог заставить себя посмотреть на нее.

Только став взрослым, и полюбив раз и навсегда одну женщину, я понял, что первая юношеская влюбленность в 14 лет не имеет отношения к настоящей любви, настоящая любовь бывает одна и на всю жизнь. А тогда была именно влюбленность, притом не взаимная.

* * *

Летом 1980 года, когда я работал прокурором Сонковского района, Быстров Николай пришел ко мне на прием. Рассказал, что приехал к родителям в отпуск, через день у соседа взял удочки и велосипед. Поехал ловить рыбу на речку Каменку возле бывшей деревни Слепнево, остановился в полукилометре от нового озера Уйвешь. Только

размотал удочки и не поймал ни одной рыбины, как по противоположному берегу подъехал мотоцикл, с двумя мужчинами. Один разделся, переплыл речку, подошел к Николаю, сказал, что он рыбинспектор. Предложил показать путевку на ловлю рыбы или разрешение. Николай спросил у него удостоверение. Рыбинспектор ответил, что удостоверение плывет следом. Второй мужчина подошел к Николаю, повторил требование, на отказ ударил Николая в челюсть.

После этого мужчины забрали удочки и велосипед, сказали, что за ними можно приехать в милицию Бежецка. Он ездил в Бежецк, там потребовали от Николая подробные сведения о себе и уплатить штраф за ловлю рыбы без разрешения. Он ничего этого делать не стал, испугался, что сообщат по месту его службы в Ленинград. Из Бежецка Николай проехал прямо ко мне в Сонково. Я позвонил прокурору Бежецкого района, объяснил ситуацию, сказал, что был задержан сержант ленинградской милиции. Он не знал о запрещении на ловлю рыбы вблизи озера, так как запрещающих знаков нет. Рыбы он не поймал, а удар в челюсть получил. Прокурор Бежецкого района сказал, чтобы Николай приезжал в милицию за велосипедом и удочками, с учетом обстоятельств никакого акта на него составлено не будет. Больше Быстрова Николая я никогда не встречал.

Глава III
Любовь и семья

Учеба в техникуме

Помни – мать тебя взрастила,
грудью собственной вскормила.
«Калевала», песнь 23, стр. 269

В сентябре 1964 года после окончания Карело-Кошевской восьмилетней школы я поступил учиться на техника-механика сельхозмашин в Бежецкий машиностроительный техникум. К тому времени история техникума была недолгой, всего около десяти лет. В 1953 году на базе завода «Бежецксельмаш» был открыт вечерний машиностроительный техникум. К 1956 году открылось дневное отделение техникума, оно тогда располагалось в здании бывшей ремесленной школы с общежитием для учащихся-сирот. Здание техникума стояло на Богословской горе вплотную с городским садом на левом берегу оврага. Рядом с техникумом в помещении бывшего храма Иоанна Богослова тогда работала кроватная фабрика.

Через дорогу на Красной Горке еще оставались стены и часть зданий бывшего до Октябрьской революции красивого Воскресенского собора. Позднее рядом с остатками этих стен был построен автовокзал.

Напротив техникума через овраг на улице Садовой располагалась школа № 4, где до революции находилась женская гимназия. Вся Садовая улица построена не прямо, а с поворотом вдоль речки Похвала, которая протекала сначала по равнине, а затем по дну большого оврага, что рядом с техникумом. Название речки происходит от финского слова «Pohja» (дно), она первоначально называлась Похъяла, то есть «бегущая по дну оврага». Это название, как и другим речкам – Уйвешь, Могоча, Мелеча, Молога, дало проживавшее здесь до прихода славян племя «весь». Позднее пришедшие славяне стали называть речку Похвала.

В Бежецком машиностроительном техникуме обучали двум специальностям – технолог литейного производства и техник-механик

сельхозмашин. Обучение проходило в течение 3,5 лет, на каждом курсе было по одной группе технологов и одной группе техников-механиков, всего 8 групп по 30 учащихся. Были задействованы все помещения двухэтажного здания, в подвале находились мастерские, там обучали слесарному делу, а также обучали устройству сельхозмашин в отдельно стоящем помещении.

Первые месяцы нахождения в Бежецке, я жил на чае, твороге, сметане и других продуктах, которые привозил из дома. Тогда стипендию начинали давать лишь по итогам успеваемости за первый семестр, в деревне денег тоже не платили, там зарплату стали платить лишь с июля 1966 года, родители дать их мне не могли. За проживание учащихся деньги хозяевам платил техникум по 12 рублей в месяц.

Мать однажды приезжала ко мне на квартиру, привезла продуктов. Я встретил ее с поезда, и мы пошли три километра по городу пешком. Мать несла на спине мешок с продуктами, я робко предложил взять этот мешок, она отказала. Одета мать была в плюшевую жакетку, на голове коричневый шерстяной платок, на ногах – резиновые сапоги. Я испытывал какой-то стыд за мешок, за ее одежду и обувь, вдруг нас встретят однокурсники. Был тогда я совсем глупым, потом всю жизнь мне было не по себе за тот стыд.

С нового 1965 года я стал получать стипендию 20 рублей в месяц, мог позволить каждый день обедать в столовой. На день нам хватало по 60 копеек, если были запасы сахару. Утром и вечером мы пили чай с батоном за 13 копеек. Днем был полный обед в студенческой столовой за 30–35 копеек. Достаток у нас всех, проживающих в общежитии или на квартирах, был одинаков, большинство из нас приехали в город из деревни.

Сначала я жил на квартире у знакомых своей матери Беловых, на Садовой улице возле средней школы № 4. Эти знакомые матери после Великой Отечественной войны переехали в Бежецк из деревни Климантино. Они жили на втором этаже двухэтажного кирпичного дома. Из рассказов хозяев я узнал о том, что до революции в этом доме находилась городская управа, а на крыше дома возвышалась пожарная каланча. После Октябрьской революции каланчу с крыши дома убрали и построили ее рядом с этим домом, во дворе его. В то время хозяин квартиры, в которой я жил, был начальником пожарной команды.

Перед ноябрьскими праздниками 1964 года хозяева стали вставлять зимние рамы и разбили одно стекло тонкими полосками. Ведро

со стеклами поставили возле моей кровати. Утром я стал надевать брюки и проткнул стеклом ногу насквозь. Скорая помощь отвезла меня в больницу, где стекло вытащили. Потом еще целый месяц ходил в калоше с шерстяным носком.

После этого случая я перешел жить на другую квартиру по улице Новой, в конце Кашинской улицы, в противоположной стороне от дороги к нам. Там уже жил однокурсник Калугин Анатолий, с которым мы стали дружить. Каждое утро наблюдали картину, когда муж просил у жены рубль денег на обед и проезд на автобусе. Она говорила, что деньги давала вчера, они у него должны остаться, начинались подсчеты: проезд на автобусе 3 копейки, обед в рабочей столовой – 30–35 копеек. Мужу приходилось признаваться, что оставшиеся деньги он потратил на пиво, 24 копейки за кружку. Такие ежедневные утренние разборки до получаса, мы с Анатолием могли выдержать два месяца.

В феврале 1965 года мы с Калугиным попросили наших однокурсников поговорить с хозяйкой, чтобы жить с ними вместе. Они жили вчетвером на улице Шишкова, бывшей Воздвиженской, возле церкви, что на площади Красной. Хозяйка впустила нас жить, мы вшестером прожили четыре месяца до конца первого курса, кто-то спал на раскладушках, а мы с Калугиным спали на полу. После окончания техникума Анатолий Калугин стал художником, женился на дочери известного пародиста Александра Иванова, жил в Москве.

На втором курсе нас всех шестерых поселили в общежитии возле кладбища. В нашу комнату с Калугиным подселили еще двух учащихся с третьего курса Владимира Молякова из Сонкова и Александра Морозова из Максатихинского района. У входа на кладбище стояли два двухэтажных дома, между которыми были ворота, до Октябрьской революции в этих домах жили монашки. На кладбище стояла церковь Спаса Нерукотворного образа, она была единственной действующей тогда во всем городе. Во время праздников мы из окна общежития наблюдали за крестным ходом вокруг кладбища, который проводили обычно поздно вечером или рано утром.

За водой ходили во двор к священнику, на дне его колодца были набросаны серебряные монеты. Местные жители с улицы Нечаева, бывшей Мещанской, в том числе и батюшка, у которого мы брали воду, говорили, что на площади перед этими двумя домами раньше стояла самая высокая в городе колокольня. После Октябрьской революции колокольню взорвали, а два дома, церковь и трехэтажный кирпичный

приют для отставных священнослужителей оставили. При нас в этом кирпичном здании приюта находилась школа-интернат для слабовидящих детей. На спортивной площадке школы слепых мы по вечерам тренировались на турниках, играли в волейбол и футбол.

Когда мне исполнилось 16 лет, мать стала добиваться для меня паспорт. Сначала она ходила несколько раз к председателю колхоза, чтобы он дал справку для получения паспорта, хотя я никакого заявления о вступлении в колхоз не писал. Председатель сельсовета В.П. Ракитин говорил ей, что я автоматически становлюсь членом колхоза, но никакой справки ей председатель колхоза не дал. Она три раза ходила за десять километров в сельсовет, первые два раза председатель сельсовета Ракитин в справке ей отказал, заявив, что она должна ему представить справку, выданную из колхоза. Мать поехала в паспортный стол, поговорила с начальницей Галиной Ивановной Бардиной.

Та сказала, что никакой справки из колхоза не надо, так как я учусь в техникуме и заявления в колхоз не писал. Нужна только одна справка из сельсовета, она тут же позвонила Ракитину и сказала, что у него нет никаких оснований не давать справки. Мать вернулась домой радостной и счастливой. На второй же день помчалась в сельсовет, Ракитин говорил матери, что теперь она потеряет сыночка, что домой он уже не вернется. Получив справку, мать отвезла ее вместе с моим свидетельством о рождении в паспортный стол. Г.И. Бардина назначила день получения паспорта, договорились, что я приеду после обеда из Бежецка в Сонково на поезде. Когда я на выходные приехал домой, мать сказала, когда и где надо получить паспорт. Так я стал обладателем заветного документа, какого тогда у колхозников не было. Мои родители получили паспорта через 11 лет после меня, в 1976 году.

Последние полтора года учебы я жил в общежитии техникума, которое располагалось в трехэтажном доме на пересечении улиц Красноармейской, бывшей Постоялой, и Рыбинской. Жили в комнате на втором этаже, где было самое большое окно из трех частей. Через улицу Красноармейскую стоял трехэтажный дом из красного кирпича, где тогда размещалась школа № 3, говорили, что до Октябрьской революции здесь была гостиница, которую выстроил купец А. Кузнецов.

Напротив нашего общежития на другой стороне Рыбинской улицы стоял двухэтажный дом. На первом этаже дома была студенческая столовая, на втором этаже – техникумовская библиотека. До револю-

ции это был дом купчихи Е. Сергеевой, она с семьей жила на втором этаже, а на первом находился их магазин. Через несколько домов от своего, на пересечении улиц Рыбинской и Спасской, Сергеева построила женскую богадельню. При нас там располагалась средняя школа № 2, а позднее – Бежецкое педагогическое училище.

С первых дней обучения в техникуме я поставил перед собой цель – овладеть прочными знаниями, так как отличные школьные оценки этих глубоких знаний мне не дали. В первый месяцы учебы в техникуме я скатился до троек по математике, химии, физике и иностранному языку. Это грозило тем, что по итогам первого семестра мог бы не получить долгожданной стипендии.

Как тогда жить, как учиться, если в деревне небольшие деньги на трудодни тогда давали один раз в год? Я внимательно и старательно усваивал предметы на уроках, много занимался дома. Ходил домой к своим однокурсникам, которые жили в Бежецке, и занимался с ними. Занимался много, упорно и старательно, к новому 1965 году у меня оставались тройки по математике и химии, которую я так и смог усвоить. На итоговой контрольной работе по химии мне пришлось рисковать.

Я сидел на первой парте и мучился над заданиями. Понимая, что могу их не выполнить, достал свои конспекты, положил их, не скрывая, на парту, и стал списывать с них ответы. Подошла учительница, уперлась руками о нашу парту, практически о мою тетрадь, стала внимательно смотреть вдаль на других учеников. Видела ли она мои конспекты или нет, не знаю, но контрольную работу написал на четверку, которая позднее вошла в итоговую ведомость. Со второго семестра я стал получать стипендию в 20 рублей в месяц, а со средины второго курса оказался на Доске почета и не сходил с нее до окончания учебы в техникуме.

Математику нам преподавал легендарный в Бежецке человек Борис Иванович Белобородов. Он всегда был прилично одет в костюм с безрукавкой, белую рубашку с бабочкой. Его часто можно было встретить на улицах города, где он был одет в темно-серое пальто, на голове шляпа. Ходил с неизменной тросточкой в правой руке и со светло-коричневым кожаным портфелем в левой руке. При встрече с кем-либо из знакомых, он перекладывал трость в левую руку, правой приподнимал шляпу и кланялся.

У Бориса Ивановича была странная привычка. Во время ответа у доски кого-либо из учащихся, он оставлял на столе очки, шел в аудиторию, вставал за спиной одного из юношей. Просовывал руку ему под

пиджак или рубашку на груди, шевелил пальцами и слушал отвечающего учащегося. Все привыкли к этому, и особой реакции не было, но однажды в классе раздался громкий хохот. Все стали оборачиваться и увидели, что рука Бориса Ивановича под кофточкой одной девушки, которая была в крайней степени смущения.

В ответ на смех Борис Иванович быстрым шагом вернулся к столу, надел очки, посмотрел на ту девушку, сильно смутился, покраснел, отпустил счастливого отвечающего студента на свое место, и стал объяснять нам новый материал. Было удивительно слышать от Бориса Ивановича обращение «коллеги» к нам, учащимся, больше никто из преподавателей к нам так не обращался.

Во время учебы в техникуме, как и потом в дальнейшей жизни, я применял метод «треугольника»: книга – голова – тетрадь. Я никогда не применял метод «прямой линии»: книга – тетрадь. Не переносил мысли из книги прямо в тетрадь, а делал все обдуманно. Не записывал в тетрадь правила, формулы или обоснования, пока не доходил до их сути своим умом. Нередко для этого мне приходилось переводить сложные научные термины на простой человеческий язык.

Позднее я понял для себя истину, что когда человек формулирует свою мысль не простыми словами, а запутанно и туманно, то он просто хочет запутать собеседника, обмануть его, или сам до конца не понимает того, о чем он говорит. Поэтому прежде, чем записать мысль в тетрадь или шпаргалку, я убеждался в том, что понял ее до конца. Если этого не происходило, вновь и вновь обращался к книгам, конспектам, сокурсникам или преподавателю. Учитывая, что к технике относился безразлично, изучение технических наук мне давалось тяжело.

Когда студенты ложились спать, общежитие успокаивалось, я прихватывал учебник, тетради, стул и садился в конце коридора у подоконника. До средины ночи полностью осваивал одну, уже пройденную тему по предмету «Сопротивление материалов» (сопромат). К концу его изучения хорошо знал практически все темы: упругость, растяжение, твердость и другие характеристики по большинству применяемых в машиностроении материалов.

Чтобы закрепить успехи в учебе, сделал свою первую шпаргалку именно по сопромату. Двойной лист из тетради в клетку сложил так, что образовалась маленькая книжечка из 32 листков. Прошил ее ниткой, и убористым мелким почерком записал туда основные формулы. К нитке привязал один конец тонкой резинки из конструктора. Второй

конец резинки привязал к булавке, которую приколол вовнутрь левого рукава пиджака. Когда было нужно, я правой рукой доставал из рукава эту шпаргалку, зажимал ее в левой руке, списывал то, что надо. Потом разжимал кулак, и шпаргалка улетала в рукав.

Я использовал разные варианты крепления шпаргалки. Во время сдачи экзамена по предмету «Сельхозмашины» вставил исписанную мною книжечку между двумя шестернями модели веера, и с помощью паразитного колеса листал ее на нужную страницу. Когда преподаватель Н.М. Удальцов проходил мимо, я очень старательно изучал этот веер, поворачивая его кожухом к преподавателю. Николай Михайлович Удальцов был из Сонкова, не имея семьи, каждый день ездил на поезде домой и обратно, в Бежецке у него была комнатка в коммунальной квартире. Неповоротливый увалень с толстыми губами был добряком, учащиеся его любили.

Нередко за нитку, которой прошивалась книжечка, пришивал шпаргалку спереди к изнанке подола свитера, джемпера, пуловера или футболки. На коленях отворачивал подол, находил и записывал то, что мне было нужно, и снова прикрывал шпаргалку. Когда подходил преподаватель и смотрел под парту или на пол, куда нередко был устремлен мой взгляд, то ничего там не находил. Написание шпаргалок требует большого напряжения силы воли и ума. Нужно не только повторить весь материал, но и суметь выбрать из всей его массы самое основное и важное. Первый семестр закончил с одной тройкой по математике, но уже второй семестр первого курса окончил без единой тройки.

Мы учились шесть дней в неделю, выходной день был один в воскресенье, я на каждый выходной на поезде или автобусе ездил домой за продуктами. От станции Подобино до дома 12 километров, от остановки автобуса в Сулежском Борку – 7 километров.

Начало сентября обычно было дождливым, от дома до поезда идти очень далеко. Увидев с высокой Душковской горы родную деревню, я прибавлял шаг, чтобы скорее оказаться в домашнем тепле и уюте, откуда-то появлялись силы. На другой день вставал утром под шум дождя в тепло родительского дома. Печь уже была истоплена, обарники – горячие, завтрак готов. До железнодорожной станции Подобино идти два часа, поезд проходил около двух часов дня, значит из дома надо выходить в двенадцать. Самые лучшие часы были с девяти до одиннадцати, пока мы завтракали и разговаривали обо всем: деревенской жизни и заботах, об учебе, о питании в городе.

Я всеми силами пытался оттянуть время выхода из теплого дома под холодные струи дождя. Потом надевал плащ «болонья», сверху макинтош с капюшоном. На ноги обувал резиновые или кирзовые сапоги, на плечи надевал рюкзак и выходил на улицу, как в бездну. В те годы плащи «болонья» вошли в моду, с 1963 года швейное объединение «Радуга» начала их выпускать, из-за отсутствия какого-либо элементарного выбора, они стали пользоваться большим спросом.

Каждый раз, когда я уезжал из дома, мать выходила провожать меня за деревню. Мы проходили на усадьбы, мать останавливалась в конце этих усадеб и долго-долго смотрела мне вслед. Я уже проходил целый километр, спускался к речке, потом поднимался в Душковскую гору и с горы видел, что мать все стояла и стояла в конце деревенских усадеб и смотрела из-под руки мне вслед. Я оборачивался, махал ей рукой, но из-за дальности она этого не видела.

В августе 1966 года нас, учащихся 3-го курса, направили в стройотряд на строительство детского сада в село Сукромны. Мы начали стройку с того, что копали траншеи под фундамент, закладывали их бутовым камнем и заливали фундаменты.

С сентября 1966 года в одной комнате вместе со мной по-прежнему жили еще пять человек: Орлов Виктор, Цепников Владимир, Калугин Анатолий, Осипов Володя и Белов Геннадий. Нам хотелось приодеться, купить рубашку, сшить брюки. Поэтому по ночам разгружали вагоны с дровами и углем на станции города. За ночь шесть человек зарабатывали по 6 рублей каждый. Иногда разгружали по вечерам машины в райпотребсоюзе, три человека зарабатывали по 3 рубля. Другого выхода не было, так как родители ежемесячную зарплату в колхозе начали получать только с 1 июля 1966 года, но расходов было много. Родители хотели накопить денег на одежду, велосипеды, телевизор и стиральную машину, чтобы не отстать от людей, относя деньги на сберкнижку.

В сентябре 1966 года наш курс машиностроительного техникума направили на уборку льна в деревню Красное Раменье. (Красным раменьем раньше называли окраину соснового или елового леса, а черным раменьем – окраину лиственного леса из березы, осины и ольхи – А.Г.). Я работал на льномолотилке, работать в рукавицах было неудобно и небезопасно, ее вместе с рукой могло затянуть между валками. Подавая снопы льна в агрегат без рукавиц, я уколол средний палец правой руки. Палец начал нарывать, через три дня пришлось идти шесть километров через болото в деревню Житищи. Там мне па-

лец разрезали, очистили от гноя, обработали и забинтовали. Я купил в магазине два арбуза и в сетчатой авоське принес их сокурсникам.

Через два дня мне нужно было идти на перевязку. Ребята собрали деньги и попросили взять с собой рюкзак, чтобы купить больше арбузов. Подсчитали, что денег хватит на 30 кг арбузов, одному нести их тяжело, сопровождать меня добровольно вызвался Большаков Юрий из Вышнего Волочка.

Мы преодолели при помощи шеста болото, на котором была заметна тропинка, шедшая в Житищи. В участковой больнице мне снова обработали рану, забинтовали палец, и мы с Юрием пошли в магазин. В магазине арбузов не оказалось, недолго думая, мы сели в кузов попутной машины и доехали до бывшего районного центра Моркины Горы, что в 25 километрах от Житищ. В магазине того села арбузов также не оказалось.

Мы сели в крытый кузов попутной почтовой машины и доехали до микрорайона Штаб города Бежецка, проехав еще 38 километров. В центр города ехать не решились, боялись встретить кого-либо из преподавателей. Там в магазине заполнили два больших рюкзака арбузами, поели, запивая булку лимонадом, и тронулись на попутной машине в обратный путь. На грузовике добрались обратно до Моркиных Гор, оттуда пешком пошли в сторону села Теблеши. Прошли километра два, нас догнала грузовая машина и подвезла до деревни Шульгино. Дальше хорошей дороги уже не было, мы пошли по лесу пешком к деревне Нечаево.

Юрий шел впереди, я за ним, пошевелил больным пальцем, он шевелился. Обрадованный, я громко закричал: «Юрка, шевелится!» Юрий с огромным рюкзаком резко соскочил с дороги в канаву, лег поперек кювета головой кверху и испуганно спросил: «Кто шевелится?» Я тоже сначала испугался, потом засмеялся: «Палец шевелится». Юрий с моей помощью выполз из канавы, и мы пошли дальше. Юрий долго выговаривал мне за то, что напугал его.

До деревни Нечаево пришли уже в сумерках, нашли сарай с сеном. Зашли в него, разрезали один арбуз, поели его с булкой. Сделали в сене норы, забрались туда и быстро уснули. Проснулись от сильного холода, зуб не попадал на зуб. Быстро вылезли из нор, на улице трава от мороза была белой. Мы быстрым шагом пошли по раскисшей дороге в Красное Раменье, до которой было еще более пяти километров. В лесу нас нагнал трактор с санями, мы сели на сани, освободили болевшие

плечи от рюкзаков. Вода в некоторых ямах доходила до верхнего настила саней, мы не замочились только потому, что сидели на копне соломы.

Прибыли в деревню около 6 часов утра, ребята еще спали рядком на полу. Я подошел к старосте группы Белову Анатолию, потихоньку разбудил его, мы прошли с ним в чулан. Анатолий сказал, что утром двое – Орлов Виктор и Цепников Владимир должны были идти в Житищи искать нас. Они боялись, что мы сбились с тропинки и утонули в болоте, а мы рассказали ему о своих приключениях. Стали просыпаться ребята, мы повторяли и повторяли свой рассказ. А вечером в местном клубе давали концерт для жителей деревни. Вот с этих концертов начинали свои выступление будущие знаменитые в городе Бежецке музыканты Стратонитский Борис и Грибов Сергей. После концерта и ужина мы все дружно ели арбузы.

Зимой 1967 года началась преддипломная практика на заводе «Бежецксельмаш», она продолжалась полгода. За это время я смог поработать на токарном, сверлильном, фрезерном и заточном станках. Здесь летом 1967 года мне выдали трудовую книжку с первой записью «токарь 3 разряда». Эта книжка сопровождала меня 42 года, весь трудовой путь.

В феврале 1968 года я успешно защитил дипломную работу по теме: «Копирующее устройство льноподборщика». С увлечением работал над этой конструкцией, пытаясь сделать ее практичной и простой в работе. По замыслу эта конструкция состояла из небольшого колеса, копирующего почву, нескольких тяг и масляного насоса. Копирующее колесо, которое крепилось к льноподборщику, шло на 1–1,5 метра впереди него. При неровностях почвы оно поднималось или опускалось. Движения колеса через тяги передавались на поршень масляного насоса. Когда сам льноподборщик подъезжал к этой неровности, с помощью масляного насоса он поднимался или опускался, то есть полностью копировал почву. Сложность была в том, чтобы копировать подъемы и впадины на почве, а не любую ямку или холмики, сделанные кротами. Иначе льноподборщик мог пропускать тресту или зарываться в землю.

Когда я в 1971 году вернулся домой после службы в Военно-Морском флоте, с чувством удовлетворения увидел на наших полях льноподборщики, на которых было смонтировано мое копирующее устройство с некоторыми усовершенствованиями.

В поисках любви

Нет прекрасней девы лета,
девы теплых дней – щедрее.
«Калевала», песнь 32, стр. 383

В 16 лет я думал о том, что меня никто и никогда не полюбит. У меня было непривлекательное лицо, сутулые плечи, отчим все недоумевал, как я буду носить погоны на таких покатых плечах. Высокий лоб, редкие волосы, зачесанные назад, с широким пробором. Утром я причесывал их одежной щеткой, прижимался затылком к стене и долго сидел, чтобы волосы не распадались, и прическа была красивой. Но они упрямо распадались на две стороны, обнажая этот широкий пробор.

Нет, как бы я ни старался, такой красивой прически, какая была у артиста Вячеслава Тихонова из кинофильма «Дело было в Пенькове», у меня не получалось. Я смотрел этот фильм сначала в своей деревне, когда его летом 1958 года вручную крутили в сарае. Потом посмотрел еще раз в клубе соседней деревни Душково, когда барабан с кинолентой уже крутил движок. Я уходил в лес, долго там бродил, постепенно успокаиваясь. Поняв, что такой красивой прически у меня никогда не будет, я стал зачесывать волосы на левый бок.

Кроме прически, я внушил себе, что ни одна девушка меня никогда не полюбит из-за длинного носа с горбинкой. При этом кончик носа был вздернут, а не смотрелся ястребиным клювом. По ночам я прижимал кончик своего носа к подушке, мечтая таким образом превратить его в красивый орлиный нос. Единственное, что я умел – это красиво рассказывать о прочитанных книгах, о кинофильмах, о своих мечтах. Я мечтал встретить красивую душой девушку, жениться на ней, воспитывать вместе детей и заниматься своим любимым делом, полагая, что это будет не работа на заводе, а что-то другое.

Имея первый отрицательный опыт взаимоотношений с девчонкой, я очень переживал, что никогда мне не жениться, никто из девчонок ко мне не подойдет. А если кто и подойдет, я абсолютно не знал, как надо себя вести. С такими мыслями закончил два курса техникума.

В мае 1966 года, в один из понедельников, я пошел на поезд, меня до села Карело-Кошево провожал друг Николай, который по своим делам шел в Бережки. В селе нам встретилась молодая красивая девушка,

которую я сразу не узнал. Николай сказал, что это Лебедева Зина, работает в школе учительницей. Я целую неделю думал об этой девушке, в субботу, проходя домой через Карело-Кошево, заглянул в школу.

Зина была там, я отозвал ее, мы немного постояли и поговорили у окна прихожей на первом этаже школы, она мне сказала, что после окончания семилетки училась сначала в Пищалкине, потом в Сонкове, получила среднее образование. Уехала в Ленинград, там немного поработала на фабрике, и вот вернулась в родную школу работать пионервожатой, а также заменила учительницу русского языка и литературы, ушедшую в декретный отпуск.

В следующую субботу мы с Николаем пошли в клуб, дорогой он мне говорил, что с Лебедевой Зиной дружит учитель истории, хочет на ней жениться. Николай говорил, что учитель – умный, начитанный парень, предложил с ним познакомиться. Мы пришли в дом Кононовой бабы Матрены в деревне Шейно, где жил учитель, та сказала, что его нет дома, но скоро придет. Предложила нам чаю, мы отказались, в скором времени пришел и он, Николай нас познакомил, они стали о чем-то разговаривать. Учитель меня не впечатлил, но я решил не вставать у него на пути. Летние каникулы 1966 года проводил дома, помогал родителям, ходил в лес и на рыбалку, а вечером – в кино и на танцы, но Зины за все лето больше, ни разу не видел. Позднее узнал, что в то лето она готовилась к экзаменам и поступила в Калининский пединститут на учителя начальных классов.

В тот год по стране только определили для крестьян новый праздник «День колхозника», который должны были отмечать в октябре. Как-то, уже в сентябре, я шел с поезда домой через деревню Бережки, где был старый деревянный клуб. Я заглянул туда на огонек, в клубе хозяйничала киномеханик Римма. В тот день на сцене колхозная и учительская молодежь готовилась к празднику, проводя репетицию номеров концерта. Среди них был и мой друг Николай, который играл на баяне. Я остался на репетиции, так как знал несколько сценок, которые мы ставили в деревенских клубах во время поездок в колхозы на картошку. Вот эти пьески я и начал репетировать со своими местными ребятами.

Воскресенье, 9 октября 1966 года, один из самых ярких, самых памятных дней в моей жизни. Концерт прошел с большим успехом, колхозники остались довольны. Председатель колхоза выделил участникам художественной самодеятельности 100 рублей. На эти деньги накупили вина, закусок, что-то принесли из дома. Прямо на сцене

был установлен и накрыт длинный стол. Выступившие участники художественной самодеятельности сами устроили праздник для себя.

За столом я оказался напротив Лебедевой Зины, я посмотрел на девушку, почему-то покраснел и опустил вниз глаза. Она тоже посмотрела на меня и как-то засмущалась. Налили в стаканы красного вина, Зина предложила мне выпить за праздник. Мы чокнулись, выпили по глотку, закусили. Через некоторое время начались танцы. Я подошел к радиоле и стал заводить пластинки, Зина танцевала с другими парнями.

Когда объявили «белый танец» она подошла ко мне и пригласила меня танцевать. Танцуя, мы о чем-то говорили, спрашивали друг друга. После этого я два раза пригласил ее на танец, потом ушел снова заводить пластинки. На всю жизнь запомнил, что один танец мы танцевали под мелодию «Под небом Парижа» в исполнении Ива Монтана, другой танец – под недавно вышедшую популярную мелодию Сальваторе Адамо «Падает снег», обе на французском языке.

Зина подошла ко мне, сказала, что уходит домой, провожать ее пойдет учитель истории. Предложила в следующую субботу зайти к ней домой пить чай. Я спокойно отреагировал на это и пошел домой совершенно в другую сторону, между нашими деревнями расстояние семь километров.

Прошла неделя, в субботу 15 октября 1966 года, я прямо с поезда пошел не домой, до которого было 12 километров, а в деревню, где жила Зина. Времени было восьмой час вечера, на улице темно, в окнах ее дома на краю деревни горел свет. Еще в общежитии я обул кирзовые сапоги, так как на дороге была сплошная октябрьская грязь, в другой обуви не пройти. Перед ее домом в пруду долго отмывал от грязи эти сапоги.

До чего противны кирзовые сапоги из свиной кожи. Если долго их не носить, они становятся жесткие, как из металла. Когда их отмоешь, они черны, и вроде бы ничего. Но немного просохнут и становятся серыми, как будто постоянно грязные.

Взойдя на открытое крыльцо, я несмело постучал в дверь. В сенях сразу же зажегся свет, Зина открыла мне дверь и пропустила вперед. Я в сенях снял свои кирзачи и вошел в избу. Там была ее тетка, которая заменила умершую при родах мать. Войдя в избу, я снял макинтош, Зина предложила сесть на стул возле стола.

Сама она проверяла тетради по русскому языку. Я несмело взял одну тетрадь, нашел ошибки, она передала мне простой карандаш. Я стал им подчеркивать обнаруженные ошибки. Мы сначала сидели

над тетрадями, молча, поглядывая друг на друга, и смущаясь, когда наши взгляды встречались.

Зина попросила меня рассказать о себе с того времени, как она ушла из школы пять лет назад. Она тогда окончила семь классов школы и уехала сначала в один поселок, где окончила восьмой класс. Потом переехала жить в районный центр, где окончила 11 классов в прошлом году.

В своей школе она училась на два класса старше меня. После нее я учился еще три года с шестого по восьмой классы. При нашем выпуске школа перешла с семилетки на восьмилетку. В школе мы друг с другом не общались, знали друг друга так, в общем. После окончания восьмилетки я поступил в техникум и учился уже на третьем курсе.

Зина рассказывала о себе, что воспитывалась с бабушкой и тетей. Ее мама умерла во время родов, отец позднее женился и уехал жить в Ленинградскую область. Дедушка умер, когда ей было семь лет. Бабушка умерла два года назад. После школы она ездила к отцу, он оформил ей паспорт. Она немного поработала на прядильной фабрике, работа была не по душе. Когда в феврале 1966 года освободилось место в родной школе, она с радостью вернулась домой.

Рассказав немного о себе, я, проявив полную бестактность, неопытность и свою глупость, спросил: «Ты училась на два года раньше меня, тебе уже 19 лет?» Она ответила, что не 19, а уже 20 лет, так как пошла в школу с 8 лет. Я окинул взглядом ее, такую уже взрослую, опытную и хозяйственную, она сильно покраснела, щеки ее залил румянец.

Проверив все тетради, она пошла в чулан, разогрела там чайник на электроплитке, мы вдвоем стали пить чай. Зина поставила на стол печенье, сушки, конфеты, сахар, вазочку варенья из крыжовника. Сказала, что варенье варила сама. Мы пили чай и разговаривали об учителях, о книгах, о школе. Она сказала, что поступила на педфак пединститута, учится на первом курсе.

Я сказал, что дважды хорошо запомнил ее. Первый раз мы на машине ехали на поле копать картошку мимо ее дома. Она в это время после стирки выливала в заулке воду из тазика. Я тогда совсем не придал значения, что девочка-подросток самостоятельно занимается хозяйством в доме.

Второй раз, когда мы со своим классом работали в ее деревне, остановились ночевать в сарае напротив ее дома. Я видел, как она, стоя дома на полу, мыла окна с двух сторон – изнутри и снаружи. Тогда я

даже залюбовался ею, но ребята меня отвлекли. Это было четыре года назад, когда мне исполнилось 13 лет. Возле деревни, где жила Зина, находилась самая высокая точка Бежецкого Верха. Мы тогда поднялись на эту гору, там стояла деревянная вышка, возле нее – палатка геологов, в ней жили парень и девушка. Они изучали свойства местного песка, можно ли его использовать на строительство автомобильных дорог. С горы открывался прекрасный вид на всю окрестность с холмами, ручьями, перелесками и лесами.

Нужно сказать, что через 30 лет после этого от самой высокой горы остался глубокий котлован. Весь песок пошел на строительство и ремонт шоссейных дорог всех ближних районов области.

Зина вспомнила о том, как одна ее одноклассница спрашивала меня о моем двоюродном брате, с которым она дружила. Тогда все девчонки их класса высыпали на лестницу, ведущую на второй этаж школы, и слушали этот разговор. Она тоже была среди них, они учились в последнем седьмом классе.

Такие вот воспоминания нахлынули на нас в первый совместный вечер. Она предложила в следующую субботу тоже зайти к ней домой. Я пожал ее руку, она в ответ пожала мою – это было наше первое бессловесное согласие на общее будущее. Я пробыл у нее два с половиной часа, в начале одиннадцатого ночи оделся, попрощался и пошел домой. Ночь была темной, не было ни звезд, ни луны. До своей деревни надо было идти семь километров, больше часа. Было немного жутковато, когда я проходил рядом с кладбищем, когда спустился с Шейновской горы и был под нею на мосту. Не очень уютно чувствовал себя, спустившись с Душковской горы, когда вокруг темень, лишь слышно журчание воды в реке под мостом.

Я всю дорогу думал об этой девушке, вспоминая ее лицо, ее голос, ее уверенность в движениях. Вспоминал моменты нашего разговора, не веря, что она хочет со мной встречаться и дружить. Она уже взрослая, ей 20 лет, ей уже пора идти замуж, а я еще желторотый птенец, ничего не умеющий и ничего еще не имеющий. Мне было приятно и страшно, при прощании едва посмел дотронуться до ее руки. До этого я ни с кем за ручку не ходил, тем более, ни с кем не целовался, хотя шел мне уже восемнадцатый год.

Пришел домой уже за полночь, весь мокрый и грязный, сказал встревоженной матери, что опоздал на поезд, добирался сначала по большаку на попутной машине, потом от Холма шел пешком.

Через неделю я снова зашел в дом Зины, мы снова проверяли тетради, пили чай, потом вышли на улицу. На ней было осеннее белое пальто в темную мелкую клеточку. Позднее, прожив друг с другом сорок лет, мы купили для нее пальто такой же расцветки, только зимнее.

В тот вечер мы стояли друг против друга возле стены ее дома и о чем-то говорили, говорили. Она рассказала мне о бабушке, которая воспитывала ее, о тете, которую она называет «мамой». Дошла до девичьих откровений, сказав, что ее преследует учитель истории, ему 24 года, предлагает ей выйти за него замуж. Но он ей не нравится, она не хочет с ним встречаться, поэтому в выходные дни нет никакого желания идти в клуб.

Я рассказал, что в школе хотел дружить с одной девчонкой, но она меня отвергла. Сначала я очень переживал, но потом все прошло. Прощаясь, я пожал ее холодную ладошку, задержав на некоторое время ее в своей руке. Потом шел домой долгую дорогу, вспоминая о встрече и о чем-то мечтая.

Эти наши еженедельные субботние встречи продолжались весь ноябрь и в начале декабря 1966 года. От Зины я многое узнал о ее семье и родственниках.

Ее отец, Лебедев Иван Михайлович, 1921 г. р., мать Смирнова Мария Ивановна, 1920 г. р. родом из Горбовца. Мама умерла во время родов, был праздник Успенье, все врачи ушли праздновать, маме никто не помог. После смерти матери отец женился на Рычаговой Александре из деревни Моисеиха, у них родились два сына. Потом он еще раз женился на женщине из деревни Безумово, они с ней уехали жить в совхоз возле станции Саблино Ленинградской области. У той женщины была довоенная дочь, а муж погиб на фронте. Совместных детей с ее отцом у них не было.

Родителями матери Зины были Смирнов Иван Федорович, 1886 г. р. и Блохина Татьяна Ивановна, 1889 г. р., родом из русской деревни Сосновка, что в 3 километрах от Горбовца. Дома у них все друг с другом разговаривали по-карельски, а с бабушкой Таней или в ее присутствии – по-русски. У дедушки Ивана были братья: Дмитрий Федорович и Александр Федорович. Дмитрий Федорович жил рядом с дедом, Александр Федорович – в соседней деревне Калиниха, в полукилометре от Горбовца. У дедушки были также две сестры Мария Федоровна и Екатерина Федоровна, обе жили в Горбовце.

Дом прадеда Федора был в центре деревни, когда Иван Федорович и Дмитрий Федорович женились, им построили дома на краю деревни. Екатерина Федоровна вышла замуж в соседний дом за Голубева Василия.

Отец ее бабушки Тани Иван Федорович Блохин был родом из деревни Сосновка, а мать Мария родом из деревни Гостиницы. У бабушки Тани были четыре сестры: Мария Ивановна, Елизавета Ивановна, Анна Ивановна и Евдокия Ивановна. Елизавета Ивановна вышла замуж в Сулегу, умерла рано и там похоронена. Ее дочь Анна уехала работать в Москву, там вышла замуж, родила двух сыновей и дочь.

Евдокия Ивановна вышла замуж за Зубова Дмитрия из той же деревни Сосновка, перешла из родительского дома к мужу. Ее прабабушка Мария похоронена в Карело-Кошеве в их общей могиле, а прадедушка Иван на кладбище в Головском.

У матери Зины было два брата – Василий Иванович, 1914 г. р., и Иван Иванович, 1925 г. р., а также три сестры: Надежда Ивановна, 1917 г. р., Анастасия Ивановна, 1910 г. р., и Анна Ивановна, 1929 г. р.

Отец Зины Лебедев Иван Михайлович, 1921 г. р., родился в Горбовце, его отец Михаил имел сестер: Марию, Прасковью и Ольгу. Мария вышла замуж за Голубева Нила и осталась жить в Горбовце. Другие две сестры деда по отцовской линии еще до войны уехали в Ленинград, она их ни разу не видела. Братьев у дедушки Лебедева не было. Мать ее отца бабушка Дуня была родом из деревни Моисеиха, она вышла замуж в Горбовец. Были ли у нее братья и сестры, Зина не знала, так как после смерти ее мамы и вторичной женитьбы отца, родственники и она сама с бабушкой Дуней общались мало. Зину воспитывали бабушка Таня и сестра матери Надежда Ивановна. Их дом стоял на одном краю деревни, а дом бабушки Дуни – на другом.

У Зининого отца Ивана Михайловича был брат Николай Михайлович и сестра Антонина Михайловна. Брат Николай жил в Ленинграде, а сестра – в Саблине.

Я тоже многое рассказывал о себе, говорил, что своего отца не помню, меня до пяти лет воспитывала мать, потом в дом пришел отчим. Так за два месяца мы поведали друг другу свои судьбы.

Утром одного декабрьского воскресного дня ко мне домой пришел друг Николай, с которым мы в школе сидели за одной партой, потом продолжали вместе проводить свое свободное время. Николай хоро-

шо знал, с кем я встречаюсь, в деревне ничего ни от кого не утаишь. Он рассказал, что на празднике в соседней деревне познакомился с одной девушкой из-за леса. Предложил в следующую субботу вместе сходить туда, там много девчонок, можно познакомиться.

Я ответил другу, что уже встречаюсь с одной девушкой, она мне начинает нравиться. У нее чистая глубокая душа, она много пережила в своей жизни, многому научилась, с ней очень интересно. Меня смущало лишь то обстоятельство, что за ней ухаживает взрослый парень, который намерен жениться. Другу я об этом не сказал, лишь подумал, хотя он все знал не хуже меня. Николай сказал, что за Зиной ухаживает учитель истории, он хорошо знает этого учителя, несколько раз бывал в доме, где тот живет, с ним очень интересно беседовать. Один раз в разговоре с ним учитель обмолвился, что если ему ничто не помешает, он хотел бы здесь жениться на Зине и остаться работать в нашей школе.

Друг Николай все-таки сумел убедить меня в том, чтобы я не мешал учителю истории, в следующую субботу никуда не заходил, а шел прямо домой как можно раньше. На душе у меня было неспокойно, я понимал, что делаю что-то не так. Разрывался между старой мальчишеской дружбой и новыми нарастающими отношениями с девушкой.

Обычно домой я ездил на поезде до станции Подобино, а потом 12 километров шел домой. Мой путь проходил по проселочной дороге мимо деревень Дельки, Красный Октябрь (Коммуна), Гостиницы, Карело-Кошево, Шейно и Душково. Дорога зимой была накатана санями, а летом – телегами, запряженными лошадьми. Машины и трактора по этой дороге от Подобина до Карело-Кошево не ездили. Я шел по лошадиному следу, иногда отступаясь в колеи от телег. От Карело-Кошево до дома шел, выбирая тропинки и обочины, вдоль расхлестанной тракторами дороги. Проходил по деревянным мостам через речку Уйвешь возле Коммуны, речку Каменка у Шейна и речку Оносиха у деревни Душково.

Но в следующую субботу поехал из города домой не на поезде, как обычно, а на автобусе, который шел по маршруту Бежецк-Красный Холм. Сошел на остановке Сулежский Борок, от которой до дома было семь километров. По санному лошадиному следу я дошел до Ханина, затем – до Слепнева. Миновал Поцеп и пришел домой около пяти часов вечера.

Дома отдохнул, хорошо пообедал и забрался греться на русскую печку. Полседьмого вечера пришел Николай, сказал, что в семь часов

они идут в деревню Прокино, будет пять человек, стал звать идти вместе. Не очень-то хотелось идти мне, уже уставшему, но что не сделаешь ради дружбы. Тепло одевшись, обув на ноги валенки, вшестером тронулись в путь за семь километров через лес, из них лесом надо было идти четыре с половиной километра.

В местный клуб пришли где-то полдевятого, кино уже кончилось, начинались танцы. Во время танцев мы познакомились с местными девчонками. Мне понравилась одна местная девушка, она училась на первом курсе техникума в городе Красный Холм. Мы танцевали с ней, разговаривали, но она не захотела, чтобы я ее провожал. Все ребята пошли провожать девчонок, а я один пошел через лес обратно домой.

Мороз был около двадцати градусов, на небе – звезды и луна, которая двигалась вместе со мною. Я шел по узкой санной дороге, над которой смыкались верхушки высоких деревьев. Вдруг услышал тяжелый скрип, остановился, осмотрелся, увидел, что скрипит дерево, упавшее в развилку другого. Мне стало как-то жутко одному в этом ночном лесу, и я побежал, впереди меня по небу бежала луна. Бежал до тех пор, пока не устал, домой пришел в первом часу ночи.

Утром к моей матери приходили деревенские женщины и спрашивали, в какое время я пришел домой. Говорили, что их сыновья пришли уже в третьем часу ночи.

После этого случая я приезжал в субботу домой, никуда не ходил, субботний вечер проводил дома, занимался фотографиями. Приходили друзья, звали меня снова в Прокино, но я отказывался. В деревню к Зине идти мне тоже было очень стыдно, как ей объяснить, почему я неожиданно пропал?

В феврале была «неделя невест», в нашу деревню к родственникам на лошадях приехали девушки из дальних деревень. Их приглашали в другие дома, знакомились с ними, по вечерам в нанятом доме проходили беседы. Там они с взрослыми парнями плясали и танцевали под гармошку. Парни на этой неделе выбирали себе будущих жен. В наш дом в гости тогда приехали две девушки, мои троюродные сестры. Мать и приехавшие родственники усиленно знакомили меня с ними, нахваливая их мне и меня им. Но те девушки так, ни с кем из нашей деревни и не подружились, позднее уехали в город Березники, где и сложилась их судьба.

В начале марта я еще раз сходил в Прокино, танцевал там с девушками. Опять хотел проводить домой ту, которая мне понравилась, но

снова получил отказ. Из-за леса никто из наших деревенских парней, моих ровесников, себе жену не привел. Хотя раньше, лет десять назад, наоборот полдюжины местных девушек вышли замуж за русских парней из-за леса. Местные парни бились за них, одного даже убили оглоблей, но ничего не помогло, девушек из нашей деревни увели.

Отошли те далекие времена, когда родители силой выдавали девушку замуж, порою за богатого, но нелюбимого. Теперь, наоборот, за красивой девушкой ухаживали несколько парней, но нередко выбор был не за ними, а за ней. Она могла выбирать, кто серьезный парень, а кто легкомысленный. Счастливы потом были те из них, которые могли предположить свое будущее и помочь суженому его добиться.

Пришла любовь

За нее ты стой стеною,
будь надежною опорой.
«Калевала», песнь 24, стр. 283

Любовь не может придти сразу, в один день, она приходит и крепнет постепенно. Любовь приносит не только радость узнавания друг друга, но и сердечную боль вместе с тревогой за близкого человека и наши дальнейшие отношения. После холодной зимы наступила весна 1967 года, это была лучшая весна в моей жизни!

В один из субботних вечером в средине марта я один из парней своей деревни пошел в клуб на центральную усадьбу своего колхоза в деревню Бережки, остальные парни снова пошли в Прокино. После кино в клубе начались танцы, возле Лебедевой Зины стоял учитель истории, она посмотрела в мою сторону, этот взгляд я запомнил навсегда. Я отошел к радиоле, где заводили пластинки, и стоял там, ни с кем не танцуя. Зина подошла ко мне и пригласила на танец. Я сразу весь вспотел, всегда сухие ладони стали влажными.

Танцуя, она спросила, почему пропал, где был и что делал. Я, не умевший врать, сказал ей всю правду. Что она уже очень взрослая, что за ней ухаживает учитель, который хочет жениться на ней. Что я еще даже несовершеннолетний, до женитьбы далеко. Что поддался на уговоры друга и дважды ходил в чужой приход. Она подтвердила, что учитель от нее не отстает, сегодня опять пойдет провожать. Я уз-

нал, чтобы быть поближе к той, которую учитель уже называл своей невестой, с осени 1966 года он перешел жить в Гремячиху. Одно дело шагать после свидания из Горбовца пять километров до Шейна и другое дело – два километра до Гремячихи.

Что-то горячее и тревожное поднялось в моей груди. Я сказал Зине, что это будет последний раз, я отлучу учителя от нее. Она спросила, как я это сделаю, ответил, что знаю как. Сразу после этого танца я ушел домой, чтобы больше никого сегодня не видеть. Этот судьбоносный танец я запомнил на всю жизнь.

Целую неделю думал о том, как быть дальше, что делать. Идти к ней в дом, сойдя с поезда, и прошагав пять километров, я не мог, так как сам испортил начавшиеся добрые с нею отношения. В субботу поехал домой не на поезде, а опять другим путем на краснохолмском автобусе, потом пешком прошел через Ханино, Слепнево и Поцеп, чтобы вечером успеть в кино и на танцы.

В клуб пришел рано, до кино оставалось полчаса. Весь был какой-то взволнованный, красный, нервный, все доставал из кармана и убирал обратно складной перочинный нож. Это заметила киномеханик Зубова Римма, попросила у меня нож, чтобы зачистить клеммы. Она что-то поделала этим ножом и убрала его в ящик стола. Я стал просить, чтобы она вернула мне нож. Римма сказала, что он ей еще пригодится сегодня, а мне незачем. Я ответил, что надо отучить одного хахаля от одной девушки. Римма сказала, что тем более не отдаст мне нож.

Я вышел на улицу, подошел к соседнему огороду, где сломал кол потолще. С этим колом, опираясь на него, как на посох, пошел по улице, в конце деревни стал ждать. Увидел, что они приближаются, идут, держа друг друга за руки. Я загородил им тропинку, сказал Зине, чтобы она шла вперед, а с ним надо поговорить. И вот стояли мы друг перед другом – взрослый сильный учитель школы и щуплый худой подросток – студент техникума.

Я сказал учителю, чтобы с этого момента он не смел больше, подходить близко к девушке, иначе этот кол начнет гулять по его телу. Тут что-то произошло, но учитель испугался, не заходя в клуб, повернулся и пошел в деревню Гремячиха, где он снимал квартиру. Уже взрослый и опытный, он понимал, что парни во время первой влюбленности становятся яростными, шутить с ними нельзя. Или просто не стал связываться с малолеткой, чтобы не давать повода для дурной славы о себе среди деревенских жителей.

Придя в клуб, во время киносеанса я сел рядом с девушкой, и первый раз в жизни взял ее за руку и не отпускал ее. С момента нашей первой встречи прошло уже больше пяти месяцев, все это время в наших душах зрело большое чувство. Она смотрела кино, а я все смотрел на нее, смотрел по-новому, запоминая черты ее лица. Она была немного поменьше меня, худенькая с осиной талией. Волосы русые, челка прикрывала родимое пятно на ее лбу. Нос курносый, немного задиристый, губы небольшие, но полноватые, глаза серые.

Потом мы танцевали, и никто нас не мог разлучить. После танцев я пошел ее провожать, дорогой мы не могли наговориться друг с другом. Говорили друг другу, что теперь будем дружить, и никто из нас никуда не будет пропадать. Даже нечаянное прикосновение к ее руке сначала приводило меня в трепет, я весь терялся, краснел, смущался. Потом мы долго-долго стояли возле ее дома, молча, слушая свое прерывистое дыхание. Я несмело взял ее руку и слегка пожал ее, она ответила взаимностью, я взял вторую ее руку.

Я тогда еще не знал, что все влюбленные юноши отличаются робостью, а девушки – смелостью.

Она со мной не кокетничала, а я никогда не принимал перед ней небрежной позы, не позволял никакие непристойные жесты. Я понимал, что девушка шла «постоять» на свидании с тем парнем, который ей нравился. У нее был ясный открытый взгляд и красивая улыбка. У меня не было той мужской смелости, которая способна поймать момент, чтобы во время порыва страстно обнять, расцеловать и расположить к себе девушку. Да и за всю последующую жизнь такая смелость у меня появлялась лишь в отношении одной-единственной женщины – своей жены.

До этого времени Зина жила своей жизнью, где не было меня. Но после этой встречи мы с трудом дожидались субботы. Нас объединило то, что обое были сиротами, но поняли, почувствовали богатую душу друг друга. Нам с молоком матери внушили народную мудрость: «Раз жениться – век жить». На вид я был некрасив, но понимал, что по характеру все больше и больше нравился ей. Я приезжал домой на автобусе, семь километров шел пешком. Быстро ужинал, переодевался и шел в клуб. Она приходила туда вместе с деревенскими мальчишками и девчонками. В воскресенье на поезде я возвращался в город.

Однажды Зина пожаловалась мне, что учитель истории грозит ей и даже один раз дал пощечину. В следующую субботу я, проходя с поезда

по селу Карело-Кошево, случайно встретился с учителем истории, который шел в магазин, встал у него на пути. Я был мирным, спокойным парнем, до того времени ни с кем не подрался. Но, увидав учителя, я разволновался, достал из кармана брюк складной нож, раскрыл его и, держа в опущенной руке, сказал, что если хоть еще раз он нагрубит моей девушке, я ему этим ножом истыкаю весь зад, что не присядет и не приляжет. После сказанного, не дожидаясь его ответа, гордо пошел дальше по дороге домой.

После этого случая друг Николай в разговоре передал мне еще раз просьбу учителя истории, чтобы я отошел в сторону. На этот раз я ему прямо и честно сказал, что Зина мне нравится, я буду к ней ходить, пока она сама не откажется встречаться со мной.

Наступил апрель 1967 года, ах, какая это была весна! Это была самая лучшая весна в моей жизни! Я постоянно никак не мог дождаться окончания недели и очередной субботы. Чем чаще я виделся с Зиной, чем больше с ней разговаривал и узнавал её, тем все больше и больше находил в ней достоинств. Меня пленили её простота, непосредственность, не по годам житейская мудрость и хозяйственность, её практичный ум, речь, голос, не говоря о красоте лица, волос, фигуры и вдумчивых глаз.

В комнате общежития нас было шесть студентов. По вечерам, некоторые из них начинали рассказывать о своих похождениях и своих победах над девушками. Я просил их замолчать и держать при себе то, о чем вслух говорить не надо. Говорил, что легкие победы над девушками никакой радости в жизни не приносят. Если меня не слушали, я брал книгу, выходил в коридор, садился на подоконник и читал ее.

Нечасто, но бывало, что вечером ребята собирались, чтобы выпить портвейна или другого красного вина. Особенно после удачной ночи по выгрузке вагонов с углем или дровами. Я ложился на свою кровать, отворачивался к стенке, в выпивках участия не принимал. Они звали меня, тормошили, но я заявлял им категорическое «нет».

После занятий в субботу, сломя голову, бежал по городу три километра на железнодорожный вокзал, рядом с которым была автостанция, чтобы успеть на автобус. Выйдя из автобуса в чистом поле между Сулежским Борком и Борисковым, мчался прямиком по растаявшим полям и снежным балочкам, укорачивая себе путь домой. Немного отдохнув, мчался за четыре километра в клуб на свидание с Зиной.

Чтобы я по ночам не ходил от нее расстояние в семь километров, чтобы можно дольше быть друг с другом, Зина перебралась жить в

учительский дом к подруге-учительнице в село Карело-Кошево, где была школа. От этого села до дома мне нужно было идти всего три километра.

Первый раз я поцеловал Зину 2 мая 1967 года. Это был первый поцелуй в моей жизни, он хорошо запомнился. После танцев мы пришли к учительскому дому, сели на упавшую березу. В тот год весна была ранней, на черемухе уже начинали распускаться листья, наполняя воздух окрест дурманящим горьковатым запахом. Над нашей головой в зарослях черемух заливисто пели голосистые соловьи.

Я правой рукой держал ладошку ее левой руки. Через некоторое время перехватил ее ладонь в левую руку, а правой обнял ее за плечи. Она покорно наклонила голову к моему плечу. Я повернулся к ней и неожиданно для себя поцеловал ее в щеку. Она сказала, что никого еще не целовала, кроме трехлетнего двоюродного братишки. И показала, как она его целует, чуть прикоснувшись к моим губам. У меня внутри все поднялось, затрепетало, горячая волна прошлась по телу от головы вниз и тяжело остановилась внизу живота. Я обнял ее двумя руками, впился губами в ее губы и долго не отпускал, пока хватило дыхания.

Смутившись оба, мы некоторое время сидели молча, потом снова говорили и снова целовались. Это был один из самых красивых, самых ярких, самых памятных вечеров в моей жизни. Нас повенчала душистая черемуха под трели соловья. Мы с Зиной находились в том возрасте и состоянии, когда наша любовь была бесхитростна, мечтательна и бескорыстна. Мы с ней мечтали о том, чтобы любовь оставалась такой на всю нашу совместную жизнь. Поздно ночью я проводил ее в учительский дом и пошел, нет, не пошел, а полетел домой, как на крыльях.

В тот май мне исполнялось 18 лет, родители начали усиленно готовиться к этой дате. Варили пиво, варили студень, закупали в магазине вино и продукты, к тому времени деньги в колхозе платили уже каждый месяц. Также тратили зимние деньги, оставшиеся от продажи в Ленинграде мяса и лука. Основные продукты были заготовлены дома – соленые огурцы, соленые и сушеные грибы, мясо, овощи. На день рождения я пригласил Зину, своих друзей, молодых учителей школы, всего человек двадцать.

С утра пошел на Высочку, наломал целую охапку цветущей черемухи. Ее поставили в глиняных кринках на столах, весь дом был заполнен запахом черемухи. На стол выставили зимние запасы: соленые грибы и огурцы, солянку из сушеных грибов, мясную тушенку, холодец, ви-

негрет, а также продукты из магазина – селедку и колбасу. Мой друг Николай играл на баяне, танцевали на улице. Деревенские бабы и мужики пришли посмотреть на молодежь и наши танцы. Когда все разошлись, я пошел провожать свою девушку в дом одноклассницы, у которой она ночевала в нашей деревне.

После этого праздника моя мать была всерьез обеспокоена, не женится ли ее сын совсем молодым еще до армии? Она видела, какие теплые, задушевные отношения были между мной и Зиной. Это был не только день моего рождения, это были и ее смотрины. Раньше Зина в нашу дальнюю деревню никогда не приходила, многие жители деревни ее не видели и не знали. А в тот день они по одной или парами заходили в наш дом, поздравляли меня с днем рождения, а сами открыто рассматривали Зину.

Для жителей деревни был приготовлен отдельный стол недалеко от двери. На столе были выставлены закуски, им наливали то, что они просили: вино, водку, пиво или чай. О Зине и раньше ходила добрая слава, но после того дня она пошла по нашей деревне дальше. Было, наверное, много потом обсуждений ее среди деревенских жителей.

Я успокаивал мать, говорил, что полюбил эту девушку за ее ум, заботливость, хозяйственность, житейскую смекалку, честность. Она степенная, сдержанная, рассудительная. Но о своей любви ей еще ничего не говорил и ничего ей не обещал. Поэтому жениться я буду только после армии, если она меня дождется. Она ведь постарше меня, и ей хочется выйти замуж, за время моей службы случиться может всякое.

Летом я спал в летней половине дома, однажды проснулся от тихого разговора за стеной. Мать разговаривала с пришедшей женщиной, чьим сыном я дружил в начальных классах. Она рассказывала женщине, что вот сын вот-вот заговорит о женитьбе, а ему только еще 18 лет, надо идти в армию. Соседка на это вспомнила Калачева Володю, который просил разрешения у своей матери жениться до армии, но та не разрешила. А теперь что получилось, ему 28 лет, беспробудно пьет, жениться не хочет, да и мало какая девушка пойдет за пьяницу. Так что, если отговаривать, то надо отговаривать осторожно, чтобы не ошибиться.

Нужно сказать, что наш сосед Калачев Владимир погиб в августе 1969 года в возрасте 30 лет. Он, будучи пьяным, спускался на комбайне с Душковской горы, не справился с управлением, и вместе с комбайном упал с крутого берега в речку. Володя погиб на месте, а комбайн восстановлению не подлежал. Я в то время служил в Военно-морском флоте.

В то лето 1967 года Зина перешла на второй курс пединститута, где училась на учителя начальных классов. Ездила на сессию, я работал в строительном отряде, заливали фундаменты под будущий детский сад в селе Сукромны Бежецкого района. Но времени для встреч все равно было достаточно.

Мы встречались в клубе, вечера в клубе отличались от деревенских посиделок, которые я хорошо помнил. В клубе парни девушек к себе на колени не сажали и не целовали при всех. Когда какой-нибудь еще довоенный парень хватал за руку, проходившую мимо девушку, и сажал ее на колени, она вырывалась, вскакивала и отбегала от него подальше.

После танцев я провожал Зину домой, в деревню Горбовец, времени для разговоров было много. Возвращался обычно под утро, чтобы сильно не раздражать мать, не заходя домой, шел в лес, чтобы придти домой с грибами. В лесу я набирал в рубашку и кепку грибов, приходил домой уже с белыми грибами. Говорил, что встал рано утром и ходил за грибами, хотя, в самом деле, еще не ложился спать. Мать обо всем догадывалась и молчала.

Мы с Зиной понимали, что о своих чувствах надо говорить тихо и только друг другу, чтобы не вспугнуть их. Не надо о них говорить, кому попало, а тем более, кричать на всю округу, хотя именно так и хотелось сделать. И только в лесу я мог давать волю своим чувствам – петь, бежать, подпрыгивать, кувыркаться через голову и улыбаться.

В конце августа 1967 года Зина отмечала свой день рождения, пригласила меня и двух своих подруг. Как-то я шел по лесной дороге, возле болотца попалась целая поляна незабудок. Они росли так густо, что их цветы казались сплошной, наброшенной на луг, скатертью. Я мечтал о том, как вместе с Зиной мы придем на эту поляну, и я скажу, что дарю ей всю эту поляну. Утром в день ее рождения я пошел в лес, нашел эту поляну, набрал целый букет незабудок, чтобы вечером подарить их Зине. Принес цветы домой, поставил в стеклянную банку с водой, чтобы взять их с собой.

Я после обеда поехал к Зине на велосипеде. Мать сказала, чтобы новые шерстяные брюки взял с собой, а ехал в простых штанах. Тогда в деревне были брюки двух видов – простые из хлопчатобумажного материала для работы и шерстяные для праздников. Я доехал на велосипеде до горы возле Горбовца, заехал в лес, там переоделся, старые штаны оставил завернутыми в газете под березой. Букет незабудок тоже был вместе с одеждой, завернутый в газету. Пока я его вез, цветы

все завяли, съежились, потеряли всякий вид, их пришлось выбросить. В новых шерстяных брюках, рубашке и синем пуловере появился перед Зиной. Был какой-то пустяшный подарочек, что именно, уже не помню, но что можно было ждать от бедного студента.

За столом ее две подруги говорили о себе, о своей дальнейшей жизни, мечтали удачно выйти замуж, лучше за комсомольского или партийного работника, и прожить с ним счастливо. Они вслух обсуждали будущих возможных кандидатов в женихи. Прошлись по всем районным комсомольским секретарям, начальникам отделов. Потом начали обсуждать молодых перспективных районных партийных работников, в том числе и недавно назначенного первого секретаря райкома партии. Позднее он длительное время работал председателем облисполкома. Как мне казалось, они с недоверием смотрели на меня, как деревенского юношу без всяких дальнейших перспектив. Могу ли я сделать счастливою их подругу? Конечно, нет.

Надо сказать, что одна из них так и сделала. Ушла из школы, где работала учительницей, поступила работать в райком комсомола, вышла замуж за второго секретаря райкома. Они с мужем в скором времени уехали жить в развивающийся тогда город Тольятти. Пути-дороги ее со своими подругами разошлись навсегда.

Я пробыл у Зины до позднего вечера. Вторая ее подруга, приехавшая издалека, осталась ночевать. В лесу я снова переоделся и поехал на велосипеде в темноте по ночной дороге домой. Решил спуститься с Душковской горы в самой высокой ее части, а не там, где спускались все. Но гора была столь крутой (это потом ее частично спустили бульдозером), что тормоза не выдержали, с колеса слетела цепь и меня понесло. Перед самым мостом или на мосту нужно было вывернуть руль влево градусов на сорок пять.

Я летел с горы с такой бешеной скоростью, что уже попрощался с жизнью. В то же время надеялся, что ударюсь не об камни на дне реки, а перелечу на другой берег и ударюсь об деревья. Мгновенно пережив все это, я невероятным усилием воли все-таки вывернул руль влево в 10–15 сантиметрах от края моста. По инерции проехал по дороге метров 40, остановил велосипед, оставил его на дороге. Вернулся и долго стоял на мосту, еще раз переживая все возможные варианты своего падения.

Я понял, что мост соединяет двух людей, как два берега реки. Можно определить мост, как образ всей дальнейшей жизни – ты оказался на мосту или под мостом. И от того, что все обошлось, что я жив,

здоров и завтра опять увижу любимую девушку, мне стало так счастливо и радостно на душе, что, не скрывая своих эмоций, громко запел: «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!»

Были последние три дня лета и последние встречи перед новым учебным годом. Расставались со слезами на глазах, неделя для нас казалась вечностью. В первую же субботу сентября я пришел к ней домой, мы попили чаю, потом пошли в клуб. Опять начались лишь субботние встречи-провожанья-расставанья и семь километров пути домой. Ночи в сентябре темные, однажды я забыл фонарик, прошел уже много, оставалось пройти последнюю деревню Душково. Был я в летних ботинках, перед деревней угодил в лужу, прошагав по ней 3–4 шага. Остановился и стал решать – идти вперед, полагая, что лужа скоро закончится, или идти назад. Так и пошел по луже, которая была больше десяти метров длиной.

Пройти от дома невесты до своего дома расстояние в семь километров для меня было обычным делом. Мне было не привыкать шагать по земле пешком, быть на ногах с утра до вечера, ходить то по полю или лесу, вдоль речки или по дороге в школу и обратно. Даже если предлагали подвезти на деревенской телеге, чаще всего отказывался, очень на ней тряско, и не намного быстрее, чем пешком.

* * *

После окончания учебного года учитель истории, который раньше ухаживал за Зиной, уехал куда-то далеко. Через много-много лет, когда я был уже заместителем губернатора области, встретил того учителя, который в молодости провожал до дома мою будущую жену. Тот пришел ко мне на прием просить материальной помощи на жизнь. Рассказал, что его помотало по области. В последние годы он преподавал историю и обществоведение в одном из районных центров.

Женат, но детей у них с женой нет. Живут в комнате общежития, своего дома или квартиры у них никогда не было. До пенсии ему еще пять лет, но он давно уже на инвалидности. Жена тоже инвалид, работать они не могут. Я тогда оказал ему максимально возможную материальную помощь. Дома рассказал своей жене об этой встрече, вместе обсудили ее возможную перспективу. Больше я этого учителя никогда не видел и разговора о нем дома не заводил.

Преодоление

Не берут невесту силой,
против воли не увозят.
«Калевала», песнь 18, стр. 204

У матери укоренилась мысль о том, что именно она сможет устроить судьбу своего сына, как это было раньше у предыдущих поколений. Молодой глупый сын может совершить ошибки и неправильно устроить свою судьбу. Чтобы как-то отвлечь меня от Зины, мать шла на разные уловки. На лето в деревню из школы-интерната города Бежецка, где я учился, приехала к родственникам односельчанка с подругой. Мать разговаривала с сиротой-подругой, приглашала в гости пить чай. Та несколько раз приходила в наш дом. Я сразу же поднимался, брал корзинку и уходил из дома в лес. Душой понимал, для чего мать приглашает в наш дом эту девушку.

В конце сентября 1967 года мать сказала мне, чтобы шел не на поезд, а пошел в Бежецк через деревню своего двоюродного брата, до нее было шесть километров. Сказала, что надо что-то передать брату, отдав мне какой-то узел. Что от той деревни до большака брат довезет меня на машине, а там до Бежецка можно доехать на рейсовом автобусе. Я пришел в деревню брата, зашел в его дом. Он весь разнеженный и самодовольный лежал на кровати с 17-летней девушкой, которая была на 7 лет младше его. Был уже полдень, дверь в дом не была закрыта.

Я передал брату узел и хотел идти дальше. Брат, не вставая с кровати, предложил сесть на табурет и отдохнуть. Начал говорить о том, что вот они подружились с этой девушкой, скоро они поженятся и все у них будет хорошо. Зачем же я дружу с той, которая почти на три года старше меня. Неужели в городе, где я учусь, мало девчонок. Нашел бы себе моложе, а после армии женился, а сейчас жениться еще рано.

Я поблагодарил брата за совет и ушел из этого дома, прошагав пешком до Бежецка еще 14 километров. Попутных автобусов не было, во мне кипела злость на мать и брата, что по их прихоти пришлось вместо 12 километров на поезд, отшагать 20 километров от дома до Бежецка. Что зачем они вмешиваются не в свое дело, отношения мы со своей девушкой разрешим сами, без их вмешательства. Свадьба брата была поздней осенью того же года, я был на ней вместе с родителями. Опять зашел разговор обо мне, из-за которого были неприятные последствия с

Зиной, чуть не приведшие к нашему с ней разрыву. Больше никогда в дом двоюродного брата не приходил, а через пять лет этой деревни не стало.

Через неделю я рассказал матери о встрече с братом и разговоре с ним. Спросил, не специально ли она построила эту встречу, чтобы как-то отвадить меня от своей девушки? Мать этого не отрицала, говорила, что мне еще надо идти в армию и чтобы у меня не получилось чего-нибудь непоправимого. Я убеждал свою мать в том, что все прекрасно понимаю, мы со своей девушкой ведем себя достойно и честно. Я понимал волнение, и беспокойство матери, и на нее по-серьезному тогда не обижался.

Нет ничего на свете нежнее, чем девичья рука. Когда я брал в свою руку ладонь Зины – это было *умопомрачение*. Только таким словом, можно определить состояние моей влюбленности. Мы встречались один раз в неделю каждую субботу в старом клубе. Если я приходил раньше, а ее в клубе не было, шел ей навстречу. После танцев шел ее провожать, времени для разговоров было много. Мы шли дорогой, держась за руки, и когда возле ее дома целовались, я чувствовал, как все тело пронизывает электрическим током.

Был холодный октябрьский вечер 1967 года, мы стояли возле ее дома, глядя в глаза друг другу, и взявшись за руки. Со дня нашей первой встречи прошел целый год. Освободив левую руку, я притянул к себе ее голову и прошептал: «Я тебя люблю!» В этом шепоте было столько теплоты, ласки, нежности, полета в счастливое будущее, что она тут же ответила: «Я тебя тоже люблю!» А я смущенный, неопытный, взволнованный сказал: «Спасибо!» Она отреагировала, что за *это* спасибо не говорят. Я долго не решался произнести эти самые главные в жизни слова. Как она отреагирует на них? Поверит ли она мне? Не будет ли этот вечер окончанием наших таких доверительных, чистых, теплых отношений.

В этот вечер мы породнились словами, могли уже думать о будущем и мечтать вдвоем. Мы говорили о том, что я отслужу в армии два года, мне исполнится 21 год, мы создадим счастливую семью. Она обещала ждать меня столько, сколько будет нужно. Говорила, что за ней пытались ухаживать парни, но они ей не нравились. Она ждала того, с кем можно обо всем говорить, которому можно доверять, на кого можно надеяться, кто может стать опорой для нее и будущей семьи. По-видимому, она своей женской интуицией понимала, что свое счастье не надо ждать, его надо искать, брать и вести в свой дом.

Чаще всего именно девушки выбирают себе в мужья парней, одновременно давая понять парню, что выбор не ее, а его. Вот поэтому девушка никогда не скажет первой о своей любви, даст возможность сделать это парню. А уже после него повторит главные слова жизни. С момента нашей первой встречи, как я уже написал, прошел год.

После того, как было сказано самое главное, трудно было уйти. Я не хотел своим уходом обидеть ее, а она – меня. Она уже несколько раз сказала, что поздно, но не делала никакой попытки отстраниться. Она вслух читала стихи Степана Щипачева: «*Все будет, слякоть и пороша, но вместе надо жизнь прожить. Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить!*»

Осень 1967 года пробежала быстро, как один миг. В ноябре Зина приехала на сессию в город Бежецк, где я учился. Туда выезжала приемная комиссия преподавателей пединститута из Калинина. Мы встретились, она сказала, что хочет познакомить меня со своей тетей и ее семьей. Они только в прошлом году переехали из деревни в город, дом еще не был полностью достроен.

К вечеру мы пришли к ее родственникам. Я сел на стул в прихожей, меня стали расспрашивать о себе, о родителях, родственниках. Я сидел на стуле, подкидывал и снова ловил свои перчатки. Попили чаю, выйдя на улицу, мы с нею поговорили и распрощались. Я через весь город пошел в свое общежитие. Уже позднее родственники Зины говорили мне, что при первом знакомстве я оставил о себе неплохое впечатление. Особенно запомнили, как подбрасывал перчатки во время разговора.

Шла подготовка к Новому году, в клубе наряжали елку, на стены навешивали гирлянды. Зина стояла на столе и вешала игрушки у макушки елки, я их подавал. Она потянулась вверх, я посмотрел на нее, увидал ее чулки, застеснялся, ушел в угол сцены и сел на скамейку. Она стала звать меня, говорила, что надо подавать игрушки. Я ничего не мог объяснить, только попросил сойти со стола и наряжать нижние ветки елки. Новый год в клубе отмечали накануне, то есть 30 декабря. Были новогодние представления, которые давали учителя и ученики старших классов, были хороводы и танцы.

На другой день Новый год я вместе со своим одноклассником Володей отмечал у Зины, с нами была ее подруга, недавно приехавшая в эту местность фельдшером. Мы всю ночь выпивали слабое вино, танцевали под радиолу, пели песни, разговаривали. Засиделись долго,

потом разбрелись спать. Володя с подругой остались сидеть на диване, так и продремав сидя до утра.

Мы с Зиной забрались на теплую печь и легли, не раздеваясь, обнимали друг друга, целовались. Я самозабвенно и нежно целовал ее, она отвечала взаимностью. В какой-то момент меня охватило такое неуправляемое желание близости, что с большим трудом смог сдержать себя. Когда немного отошел от этого страстного желания, долго лежал на спине, не мог отдышаться. Я радовался тому, что огромной силой воли сумел побороть свое бурное желание.

Одновременно представлял, какую глупость по отношению к любимой девушке только что мог совершить. Это могла быть непоправимая ошибка, перечеркнувшая все наши дальнейшие чистые, добрые отношения. Это могло бы в корне изменить всю мою дальнейшую жизнь. Я в душе ругал себя за минутную слабость, и в то же время немного гордился собой, что могу управлять своей волей и своими желаниями. Страсть и сила воли боролись друг с другом.

Кто знает, возможно, и она не очень обиделась бы на меня, полагая, что надежен. Но я своим сознанием понимал, что близость с любимой может быть только после свадьбы. А до свадьбы еще далеко, мне надо отслужить в армии. Я не хотел быть ни трусом, ни виноватым перед нею. Как распорядится наша судьба, с кем она еще повстречает меня и ее? Многие семьи могли быть хорошими и счастливыми у тех, кто дружил с юных лет, но не выдержали, поспешили по своей глупости познать близость, ее познали, а семья не создалась.

Она, скорее всего, заметила внутреннюю борьбу во мне, прижалась, положила голову на мою руку и уснула. Я не спал очень долго, пока не онемела рука. Осторожно освободил свою руку из-под ее головы, обнял другой рукой и уснул. Я не знаю, так ли было на самом деле, но считаю, что, хотя еще не было в наших отношениях самого главного, но Зина в эту ночь почувствовала себя счастливой от моих безумных поцелуев и ласк. Возможно, это просто была моя юношеская неопытность думать именно так.

Утром пили чай с конфетами, потом мы вместе с одноклассником пошли домой. Пройдя километр, в снежном поле повстречали двух парней, Николая и Геннадия. Они шли в дом Зины, к ее подруге. Сначала наш разговор был неспокойным, потом все успокоились.

Тогда, 1 января 1968 года никто ничего еще не знал, что с кем будет.

Приближался выпускной вечер в техникуме, который наметили на 23 февраля 1968 года. Выпускной отмечали торжественно, вручали

дипломы, были поздравления, были танцы. Я пригласил на этот вечер Зину, к нам подходили сокурсники, знакомились с нею, ей нахваливали мой характер и говорили о моих успехах.

Постепенно образовался круг тех выпускников, которые должны были по распределению ехать на Украину. Получилось так, что по учебе мы были отличниками, первыми выбирали себе место своей работы. Выбрали не большие города, как это сделали остальные, а маленький поселок Макошино в Менском районе Черниговской области Украины.

Забегая вперед, надо сказать, что постепенно оттуда уехали все, отработав необходимые три года. А те, кто учился хуже нас, выбрали Свердловск, Рязань и другие города, да так и осели там до конца своей жизни.

После выпускного вечера в феврале 1968 года я проводил свою девушку к ее родственникам, проживающим в Бежецке, и вернулся в общежитие. На другой день мы вместе уехали в ее деревню, оттуда поздним вечером я пришел домой.

Через день вместе с обозом на лошадях поехал в районный центр. Ранним морозным зимним утром из деревни выехала вереница из семи лошадей. Ехали за комбикормом для телят. На возчиках были надето теплое белье, свитера, ватные штаны и фуфайки, поверх которых надевали тяжелые шубы или тулупы с высокими меховыми воротниками.

Я сел в передок саней, спиной к лошади. Отчим укрыл мои ноги, обутые в валенки, шубой из овчины. На большак через Горбовец не выезжали, ехали через деревню Байки, а потом лесом, чтобы спрямить дорогу. Дорога была долгой, до районного центра 20 километров, ехали больше трех часов. Я успел многое передумать, ехал в районный военный комиссариат проситься на службу в армию. Мне через два с половиной месяца исполнялось 19 лет. К тому времени уже вышел закон, когда впервые за послевоенные годы призыв шел с 18, а не с 19 лет. Срок службы в Советской Армии сокращался с 3 до 2 лет, а служба в Военно-Морском флоте – с 4 до 3 лет.

Я понимал, что по действующему закону меня обязательно направят работать по распределению, а уже оттуда призовут в армию. Я же хотел поговорить с райвоенкомом о том, чтобы поставили на воинский учет в своем районе, и весной отсюда призвали в армию. Сначала меня направили к помощнику военкома, но тот ничего не решал. Я добился приема райвоенкомом, долго убеждал его в том, что нет никакой необходимости ехать на 1–2 месяца так далеко, чтобы оттуда

призываться в армию. Просил и уговаривал, чтобы меня поставили на учет в своем районе. В городе Бежецке, где я учился, с воинского учета уже сняли. Но военком твердо заявил, что надо ехать работать туда, куда направили, и там вставать на воинский учет.

Мы договорились с отчимом, что встретимся в чайной рядом с милицией. Мужики появились там часа через три после меня, я уже успел попить чаю, походить по главной улице поселка, и снова согревался в чайной. Мужики стали пить пиво, с собой у них была водка, которую они из-под полы доливали в пиво. Собрались мужики и из других карельских деревень, они делали последние поездки со льнотрестой.

Среди них был и Скворцов дядя Петя из Горбовца, о котором ходили целые легенды. Он всегда был серьезен, и непонятно, шутил он или говорил серьезно, чем приводил в растерянность даже бывалых продавцов. Как-то пришел в районный магазин за хлебом и спросил: «А с чем у вас булки?» Весь белый хлеб в нашей местности называли булками, а не батонами. Ему ответили, что с изюмом, дядя Петя заявил с серьезным видом: «Наковыряй мне из них килограмм изюма!» В другой раз зашел в чайную и попросил на обед пуд оладий.

Отогревшиеся водкой с пивом мужики тронулись на лошадях домой уже большим обозом. Здесь были возчики из Горбовца, Бережков, Душкова и Петряйцева. Я приехал домой замерзший, расстроенный, сказал матери, что на воинский учет меня в районе не поставили. Придется ехать работать на Украину. Тогда шел уже второй год, как колхозникам ежемесячно выдавали деньги, поэтому какие-то деньги в семье были. Кроме того, в техникуме мне выдали подъемные.

Домой к Зине я пошел на следующий вечер, был мрачен, малоразговорчив, рассказал о своей поездке в райвоенкомат. Она даже обиделась на меня за эту поездку. Не сбежать ли в армию именно от нее я хочу. Я еще раз повторил, что мне лучше и легче было идти в армию из своего района, иначе получится лишняя канитель с отъездом и проводами в армию.

В марте 1968 года мы встречались каждый вечер. Однажды в порыве своих чувств я сделал ей предложение, чтобы она выходила за меня замуж именно сейчас, в марте. Мы распишемся, и я поеду служить со спокойной душой, ведь ждать из армии очень тяжело, уходят самые прекрасные молодые годы. Она ответила согласием, но только после службы, обещала терпеливо ждать меня все годы. Сказала, что на себя она надеется и мне не изменит, лишь бы я ничего не изменил.

Утром следующего дня я сказал матери, что мне скоро 19 лет, хочу жениться, чтобы остаться здесь и не ехать по распределению. Просил мать направить к невесте сватов. Мать спросила, а какое мнение самой невесты, я рассказал. Мать полностью согласилась с ее мнением, заявив, что жениться мне рано, жениться надо после армии. Ведь в деревне жизнь проходит на виду, здесь самое главное, чтобы не осудили люди. Людское осуждение – самый страшный суд для совестливых жителей деревни, где чтили нормы морали и обычаи предков.

Зная о предстоящей разлуке, мы при встречах не могли наговориться, налюбоваться друг другом, испытывая самые нежные чувства. Боялись словом, взглядом, неловким движением обидеть друг друга. Я так сильно переживал предстоящую разлуку, что пропал аппетит, сильно похудел, душа моя была в смятении.

* * *

Через тринадцать лет, когда я уже работал прокурором в родном районе, ко мне приезжал за помощью тот двоюродный брат, который когда-то советовал не встречаться с Зиной. Брат женился на той девушке, у них родилась дочь. Он с молодой женой гулял на нашей свадьбе в 1970 году. А через десять лет, в 1980 году, брат рассказал, что первые три года у них с женой все было хорошо. Потом молодая жена загуляла с другими мужчинами, стала выпивать. Он ее стыдил, выговаривал ей, упрекал, но все без толку.

Вот и теперь загуляла с одним комбайнером, а у того жена и дети. Он уже ничего не может сделать и просил меня приехать и помочь разобраться. Мы вместе со своей женой ездили к брату в другой район, говорили с его женой, я поговорил с комбайнером. На некоторое время жена двоюродного брата успокоилась. В конце концов, она умерла от алкоголя в возрасте около сорока лет. Но это все было потом, а в сентябре 1967 года еще никто ничего не знал о своем будущем.

Нужно сказать, что подруга моей жены, с которой вместе отмечали Новый год, в том же 1968 году вышла замуж за одного из этих парней, шедших к ним в первый день нового года. Они некоторое время жили в деревне, потом переехали жить в город, воспитали двух детей. Счастливо прожили всю жизнь, не требуя друг от друга ничего лишнего. У него была всего одна запись в трудовой книжке «токарь-расточник».

Она сначала работала по специальности медсестрой, потом – вахтером в общежитии.

Второй встретившийся парень играл потом свадьбу почти одновременно с нашей свадьбой. Он женился на девушке, которая когда-то в ранней юности, нравилась мне. Мы вместе с молодой женой Зиной тогда гуляли на их свадьбе. Потом вместе, вшестером, встречали 1973 год в доме матери этого парня. Все собрались и долго ждали его. В доме было очень холодно и неуютно. Хозяин дома задерживался на службе в районном центре и должен был приехать на рейсовом автобусе, потом прошагать пешком 5 километров. Когда он вошел в дом, его жена с радостным криком повисла на его шее.

Но их совместная судьба не сложилась. Девушка сильно любила его, родила сына и дочь. Через несколько лет совместной жизни, когда они уехали из своего родного района, он загулял с другой женщиной. Совсем запутался между двумя женщинами и застрелился еще совсем молодым. Она вышла замуж второй раз, родила еще одного ребенка.

Одноклассник, вместе с которым мы встречали Новый 1968 год, женился позднее, летом 1972 года на молодой учительнице нашей школы. Молодежь округи гуляла на их свадьбе, моя жена так красиво плясала на свадьбе русского и цыганочку, хотя была уже на седьмом месяце беременности. До этого одноклассник отслужил в армии два года. Позднее окончил сельскохозяйственный техникум, работал механиком колхоза. Потом его направили председателем колхоза на родину его жены.

Немного о военной службе

Укко, бог ты наш предвечный,
сам великий небожитель!
Пламенную дай мне шубу,
огненную дай рубашку,
чтоб меня в бою хранила.
«Калевала», песнь 43, стр. 486

С пятнадцати лет я начал самостоятельную отдельную от родителей жизнь, обучаясь в Бежецком машиностроительном техникуме. После его окончания был направлен на работу в Черниговскую область на Украину. Там полтора месяца отработал контролером ОТК завода

«Сельхозмаш», что в поселке Макошино Менского района, оттуда был призван на службу в Военно-Морской флот сроком на три года.

Из Черниговской области я приехал домой 17 мая 1968 года на две ночи. Были проводы на флот, мать с отчимом организовали хороший стол, я пригласил друзей, проводить меня пришла почти вся деревня. Накануне отъезда мы просидели и проговорили с любимой девушкой Зиной всю ночь. Говорили о моей будущей службе на флоте, о своих чувствах, мечтали о будущем. Я очень переживал, что служить придется не два, а три года. Говорил, что после службы на флоте буду учиться дальше, пока не знаю на кого. У нас будет большая дружная семья, родятся дети, мы будем их любить. Мы построим себе дом там, куда уедем жить.

Она говорила, что мечтает о доме где-нибудь недалеко от озера или моря. Чтобы возле дома были сад и огород. Чтобы можно было сделать шаг из дома за порог, и ты уже на улице. Чтобы можно было постирать, и через час все белье сухое. Чтобы к нам на лето приезжали дети, внуки и родственники.

Я обещал, что все это будет, только не сразу, потому что для нас никто ничего не приготовил. Никто нам не поможет пробиваться по этой жизни, все надо делать и добиваться самим. Она соглашалась с этим и говорила, что вдвоем нам ничего не страшно, всего можно добиться, если захотеть. Мы клялись, что готовы ждать друг друга, чтобы потом создать семью. Я с любовью глядел в ее умные глаза, излучавшие, не по возрасту, житейскую мудрость.

Утром на лошади поехали через лес на станцию Дор, что в девяти километрах от нашей деревни. Именно по этой дороге полтора года назад я вместе с другими парнями два раза ходил за семь километров в клуб на танцы. До леса под названием «Оносиха» шли пешком, провожала вся деревня, в том числе старухи и дети. Многие плакали, вспоминая свое, играла гармошка, пели частушки. Зина провожала меня на поезде до районного центра Сонково, не уезжала до тех пор, пока я не пересел на московский поезд.

Мы долго стояли на перроне, не обращая внимания на прохожих. В тот момент мы были одни-единственные не только на перроне, но и во всей вселенной. Но время летело, мчалось, и надо уже идти в вагон. Я поднялся на ступеньку и стоял, стоял, пока поезд не набрал ход, и перрон скрылся за поворотом. А она все шла и шла, пока не кончился перрон, махая рукой. Войдя в вагон, я сел возле окна на место, которое

придержал мне отчим. Вспоминал и вспоминал, думал и думал, очнулся и вернулся к реальности, когда поезд подошел к городу Кашину.

Мы с отчимом приехали в Москву, встали в очередь на такси, чтобы доехать от Савеловского до Киевского вокзала. Подошел один таксист, предложил за бутылку водки и закуску довести куда надо. Мы по-деревенски подсчитали, что это три рубля, так как водка тогда стоила два рубля восемьдесят семь копеек, а батон – тринадцать копеек.

Водитель спросил с нас четыре рубля, мы с огорчением отдали ему еще один рубль.

Надо помнить, что пенсия в деревне тогда была двенадцать рублей, зарабатывали по семьдесят – восемьдесят рублей. Билет до Москвы стоил четыре рубля тридцать копеек, до Ленинграда – шесть рублей.

В Москве мы сели на киевский поезд, доехали до станции Бахмач. Там пересели на другой поезд и приехали в поселок Макошино Черниговской области, где я тогда работал. Прибыли вечером 20 мая, переночевали одну ночь в общежитии, на другой день нас посадили на поезд в отдельный вагон. Возле вагона распрощался с отчимом, своими друзьями, с которыми вместе приехали с родины сюда работать. Отчим вернулся обратно домой через Москву, а мы с однокашником Орловым Виктором были в Чернигове рано утром 22 мая 1968 года.

Подробности этих событий уже забыты из-за давности лет. Я помню, что собрали нас в клубе, что-то говорили о военной службе, но очень хотелось спать. Когда поднялось солнце и стало тепло, новобранцев вывели из клуба на стадион, где мы маялись до самого вечера. Из наших бежецких парней, мы были вдвоем с Орловым Виктором, остальные сокурсники оставались пока работать в Макошино. Домашние харчи мы подъели, рядом оказались местные черниговские ребята, стали угощать нас хлебом с салом. Поздно вечером нас погрузили в эшелон и повезли в Киев. Там прямо на вокзале ночевали одну ночь на 24 мая, в это время шел сбор призывников украинской столицы, много ребят было из района Дарница.

Утром посадили в поезд, и мы тронулись в Москву. Там молодое пополнение разместили на базе военно-морского флота частей центрального подчинения. Помыли в бане, забрали нашу гражданскую одежду, выдали не всю военно-морскую форму, а только рабочую робу. В ней мы проходили целый месяц, находясь потом в учебке войсковой части.

На базе в Москве я впервые столкнулся со «стариками – командирами», которые прибыли за нами. Ими были украинцы Власенко,

Петренко, Сидоренко и другие. Одни из них были большие и сильные, другие маленькие, но наглые.

Первым делом старшина второй статьи Власенко стал обменивать часы на пустые футляры без механизма. Меня ребята об этом предупредили, торг происходил в туалете, на призыв, «махнем не глядя», я ответил отказом. Власенко пытался сорвать с моей руки часы силой, я встал в угол туалета и внятно сказал, что часы не отдам. Когда Власенко приблизился, я коленом ударил его между ног, тот скорчился от боли. Я прибежал в казарму, которую называли «кубриком». Проходя мимо меня, Власенко сказал, что в части он со мной рассчитается. Других «стариковских» проявлений в отношении меня больше в Москве не было.

Выехали из Москвы мы 31 мая, в воинской части, что возле Новосибирска, были 2 июня 1968 года. Нас разместили в бараке для молодого пополнения, начался месяц учебных занятий. Я помню, что в первую ночь на 3 июня выпал снег, что всех нас сильно удивило. За месяц проведения в учебке, кроме занятий, мы усиленно набирали вес, особенно те, кто был призван не из дома. Питание было неплохое, за месяц я поправился с 59 до 67 килограммов, но постоянно хотелось есть.

Командиры – украинцы по утрам и вечерам тренировали подъем и отбой по десять – пятнадцать раз до изнеможения. Добивались, чтобы по последнему матросу подъем и отбой были не больше сорока пяти секунд, при этом одежда должна быть аккуратно уложена. На мое счастье командиром взвода молодого пополнения был назначен старшина из Челябинска Черепанов Анатолий. Он служил пятый год, учился в последнем выпускном классе вечерней школы в соседнем от нашей части поселке, и после службы хотел поступить в институт. Большой, сильный, как увалень, он косолапо ходил по «кубрику», замечал все недостатки.

В вечерней школе ему трудно давались физика и математика. Из личного дела он узнал, что я недавно окончил машиностроительный техникум. Заметил, что мне легко даются все уставы. Через пятнадцать – двадцать минут я мог свободно цитировать на память статьи воинских уставов. На третий или четвертый день он попросил меня во время занятий по уставам решить задачи по физике и математике. Я с удовольствием согласился, и легко решил все задачи.

Этот день определил мое благополучное будущее на полгода. Когда однажды ночью ко мне подошел командир другого отделения Власенко

и сказал, чтобы шел мыть и скоблить «сортиры», я ответил, что не пойду, нет никакого повода, он не является моим командиром, а завтра скажу об этом Черепанову. И как бы ни шипел, ни грозился Власенко, обзывая меня «салагой», я с койки не встал. Стащить меня со второго яруса он не смог, я скатился к соседу, отбиваясь руками и ногами. Утром я сказал о Власенко Черепанову, отношение ко мне всех младших командиров резко изменилось в лучшую сторону. Нужно отметить, что за три года службы, в отличие от немногих других, меня ни разу не побили. Через месяц все молодое пополнение перевели на службу в военно-морскую батарею.

Там нам выдали парадную форму, форма номер два – это черные брюки, тельняшка, белая форменка, на бескозырку надевали белый чехол. Форма три – черные брюки и синяя форменка, форма четыре – поверх них надевается бушлат. Очень красива матросская форма, молодой человек, надевший ее, представляется бесстрашным, честным и ответственным юношей. Мы подписали форму разведенной в воде хлоркой, нашили погоны и сдали ее в каптерку до первого увольнения, оставаясь по-прежнему в рабочей робе.

В первое свое увольнение в город Новосибирск каждый из нас, в том числе и я, решил сфотографироваться и отправить фотографии родителям и любимой девушке. Месяца через два многие ушили форменки по своей фигуре, заузили брюки в коленях и расширили внизу. Все свое свободное время за швейной машинкой сидел матрос Валера Войтенко из города Нежина, выполняя просьбы матросов и младших командиров.

Мы начинали службу в Военно-морском флоте, когда в СССР только начиналось серийное производство ракет для малых ракетных катеров. Первое боевое применение этой серии ракет было проведено Египтом за полгода до начала нашей службы в ВМФ. Для нас все было новое, как сама служба, так и работа с этой серией ракет, поэтому в нашей команде все матросы имели среднее или среднее специальное образование.

В ночь на 20-е августа 1968 года нас подняли по тревоге, и, при полном боевом снаряжении, отвезли в лес на объект. При повышенной готовности мы находились около недели, потом служба перешла в обычный ритм. Через несколько дней нам сообщили, что в период с 20 августа по 11 сентября 1968 года в Чехословакии прошла операция «Дунай».

Целью операции «Дунай» была смена руководства компартии Чехословакии во главе с А. Дубчеком. 25 августа он был смещен с поста первого секретаря, а 11 сентября советские войска покинули Прагу.

Старшие командиры нас многому научили, 5 декабря 1968 года в День Конституции я собирался в наряд, мороз ночью был 54 градуса. Я тепло одевался, мне помогал командир по боевому расчету старший матрос Александр Комаров из города Александрова Владимирской области. Он, как и другие его призыва, служил уже пятый год из-за изменения срока службы на флоте с четырех до трех лет.

На теплое белье я надел матросскую робу, потом ватные штаны и ватник. Комаров Саша наблюдал за мной, я на носки навернул портянки и стал обувать валенки. Комаров подошел, взял мои валенки, сходил в сушилку и принес вместо них валенки большего размера. Сказал, чтобы я поверх портянок обмотал ноги газетами. Когда я стал обматывать ноги газетами, Александр спросил, неужели у меня мерзнут пятки? Взял и сам обмотал мне газетами ступни ног.

После этого я надел брезентовые штаны поверх валенок и брезентовую куртку. Затем Саша надел на меня тулуп и подпоясал ремнем, нажав коленом на мой живот. На голову надели шерстяную маску с прорезями только для глаз и шапку, завязав ее под подбородком. В наряде по охране военных складов мы тогда, из-за сильного мороза, стояли по одному часу вместо двух.

В средине марта 1969 года в нашу часть прибыл представитель пограничников с Дальнего Востока. Им нужна была наша военная техника, наша кровь для раненых, а также оборудование для укрепления границ. Значительно позже мы узнали подробности случившегося.

В ночь на 2-е марта 1969 года около 300 китайских военнослужащих заняли советский остров Даманский на реке Уссури, площадью менее одного квадратного километра. Утром 2-го марта пограничники заставы «Нижне-Михайловка» во главе со старшим лейтенантом Иваном Стрельниковым были обстреляны с острова китайцами.

В тот день погиб 31 советский пограничник, в том числе и Стрельников, 14 получили ранение. Подоспевшее подкрепление согнало китайцев с острова на их территорию.

Утром 15 марта китайцы вновь захватили остров Даманский. Советские войска впервые применили ракетные установки «Град», уничтожив шквальным огнем более 700 китайцев.

Пограничник увез от нас колючую проволоку, какое-то оборудование и нашу кровь для раненых. Но в сентябре 1969 года Советский Союз передал Китаю этот остров Даманский. Китайцы засыпали протоку в реке Уссури, и остров стал частью китайского берега.

Командиры – украинцы вдоволь повластвовали над нами через полгода, когда ушли матросы и старшины, прослужившие четыре с половиной года. Однажды матрос, по фамилии Мороз, не выдержал издевательств, и зимой по снегу в одном нижнем белье и тапках побежал через контрольно-пропускной пункт к дежурному по части. Дежурный немедленно доложил об издевательствах командиру части капитану первого ранга Боярских.

Командир части ночью построил всех нас по тревоге на плацу. Приказал матросу Морозу громко и внятно рассказать, что случилось. Тот рассказал, что пятую ночь подряд его поднимает дежурный младший командир и заставляет лезвием скоблить унитазы. После этого оправляется сам или заставляет оправляться дежурных часовых, и снова заставляет скоблить. Когда он отказался, младшие командиры его жестоко избили, он не выдержал и рассказал об этом дежурному по части.

Командир части направил матроса Мороза на освидетельствование и спросил, кто еще может подтвердить издевательства младших командиров. Еще несколько матросов нашего призыва и других, более молодых призывов, подняли вверх руки, подтверждая факты неуставных отношений с подчиненными со стороны младших командиров – украинцев. Заслушав еще трех – четырех матросов, командир части приказал командирам команд здесь же на плацу сорвать погоны со всех младших командиров – украинцев, а из нашего призыва отобрали одиннадцать человек и направили учиться на трехмесячные курсы в Москву.

В Москве мы обучались с августа по ноябрь 1969 года. В сентябре 1969 года в Москве проходили международные соревнования по гребле на байдарках и каноэ. Нас, будущих младших командиров, привлекали на них в качестве держателей. Поперек Химкинского водохранилища на сваях обустроили деревянный настил, на котором высились фанерки с номерами команд. Мы ложились на живот, носками ботинок цеплялись за один край этого длинного настила, а руками удерживали байдарку или каноэ, чтобы спортсмены не совершили фальстарт. По команде, которая подавался выстрелом из ракетницы, мы отпускали лодку.

К 7 ноября – дню Октябрьской революции в часть прибыло целое отделение младших командиров. Мне и Кузнецову Александру из города Гжатска было присвоено звание «старшина I статьи», остальным – «старшина II статьи». Я тогда в третий раз ехал с Казанского вокзала Москвы через Свердловск в Новосибирск. По возвращении был назначен командиром первого отделения первой команды военно-морской батареи.

Эту дорогу Москва-Тюмень-Новосибирск я преодолевал потом еще несколько раз. В первый свой отпуск в феврале 1970 года был отправлен самолетом, где потерял счет времени. Вылетали с аэродрома Толмачево под Новосибирском в шесть часов утра, прилетели в Москву тоже в шесть часов утра, так как самолет летел четыре часа и разница во времени тоже четыре часа.

В один из воскресных дней марта 1970 года наша команда получила приказ о проведении учебных стрельб из личного оружия – автоматов АКМ. Мы на лыжах с мягкими креплениями отправились за пять километров на стрельбище, одеты были в шинели, на головах – шапки-ушанки, на ногах – рабочие ботинки. День был солнечный, около десяти градусов тепла, снег сырой, пока добирались до стрельбища, ботинки намокли. Отстрелялись мы около 17 часов, пошли в обратный путь, погода резко испортилась, поднялся ветер, лыжный след заметала поземка. Температура опустилась до тридцати градусов мороза.

Как командир первого отделения первой команды, я шел на лыжах первым, торил лыжню для остальных, иногда меня на короткое время заменял старший матрос Сергей Буртник из города Жмеринка Винницкой области. Уже в пути я почувствовал, что отморозил пальцы ног. По прибытию в часть меня сразу же отвезли в окружной военный госпиталь в Новосибирск. Там мне сделали несколько «горячих уколов» хлористым кальцием, что по всему телу шло тепло и жжение. До этого времени мне никогда никаких уколов в жизни не делали, я их избегал любыми путями. Решался вопрос об ампутации четырех пальцев, но все обошлось, лишь сошли ногти на всех пальцах. Через две недели я вернулся в часть.

В апреле 1970 года я был награжден медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина» и мне предоставлен второй очередной отпуск. Во время отпуска произошло великое событие в моей жизни – свадьба.

Через год после этого, в период со 2 мая по 4 июня 1971 года мы пополняли нашу часть молодыми призывниками, проехали на поезде от Барнаула до Северодвинска и обратно до Новосибирска. Каждую ночь останавливались в больших городах, где в эшелон приводили новобранцев, проехали: Искитим, Новосибирск, Омск, Исилькуль, Петропавловск (Казахстан), Курган, Свердловск, Ижевск, Казань, Канаш, Арзамас, Муром.

Оставив эшелон с новобранцами в Москве, отдохнув три дня, при этом сумев вырваться к жене на одну ночь, я поехал в Северодвинск формировать новый эшелон новобранцев. Переночевали в каюте у корешей – северодвинцев, которые встретили нас хорошо со свежими огурцами и помидорами в условиях севера. Утром погрузили уже переодетых молодых матросов в эшелон и тронулись в Исакогорку, там была короткая остановка для пополнения из Архангельска. Далее также останавливались на ночь в городах: Обозерский, Плесецк, Нямдома, Вологда и Ярославль, оттуда прибыли в Москву.

Сформировав этот второй эшелон новобранцев, мы отправились обычным поездом в Новосибирск, и были там через двое суток. Вся эта эпопея по сбору молодого пополнения началась 2 мая 1971 года, а закончилась 4 июня. Потом еще целую неделю я ждал вручения партийного билета и был демобилизован 11 июня 1971 года, через 21 день после окончания моего срока службы.

О самом главном

Дева юная природы,
дочь воздушного простора,
долго святость сохраняла.
«Калевала», песнь 1, стр. 19

Тогда в деревне служба парней в армии считалась не только обычным делом, а почетом. Всем, но особенно девушкам, нравилась морская форма с бескозыркой. За тех, кто в армии не служил, девушки замуж выходили неохотно, лишь вдовы да перестарки. Девушки считали такого парня не совсем полноценным, полагая, что из-за его болезни или по другой причине и наследство от него будет хилым, а может, и совсем не будет.

С первого дня пребывания на пересыльном пункте в Москве началась моя переписка с Зиной, которая длилась ровно три года. Мы писали друг другу письма, один-два раза в неделю. Получив от нее письмо, я несколько раз перечитывал его. Она писала о себе, о школе, учениках, своей учебе в институте, о своих чувствах, иногда присылала переписанные ею стихи С. Щипачева, В. Тушновой, С. Есенина. Сообщала деревенские новости, сетовала на долгую нашу разлуку.

Я писал о своей службе, своих переживаниях, что не могу видеться с нею. Носил ее письмо в кармане рабочей робы у сердца до тех пор, пока не получал следующее. В свободное время доставал из тумбочки связку писем и перечитывал их вновь и вновь. Мечтал скорее получить отпуск и встретиться с нею, но не получалось.

Первая наша встреча с Зиной состоялась более чем через год, в августе 1969-го. Меня тогда направили в Москву на курсы младших командиров. Она только что перенесла операцию аппендицита, но обещала приехать, как станет ей лучше. За неделю до нее ко мне приезжали мать и отчим. Меня отпустили на сутки в увольнение для встречи с родителями. Мы зашли в фотоателье, сфотографировались на память. Потом поехали в Сходню к старым знакомым матери, которые во время войны жили в нашей деревне. Утром к ним, неожиданно для меня, приехала внучка хозяев дома, с которой нас познакомили. Раньше мы друг друга не знали, а тогда поговорили обо всем и ни о чем. Нас оставили вдвоем в комнате.

Вернувшись в часть, вспоминая все разговоры, я вдруг понял, что эта встреча не была случайной. Ее специально устроили, чтобы познакомить с надеждой на то, что мы понравимся друг другу и подружимся. По-видимому, и внучка знакомых моей матери была не против этого, если приехала из Москвы в Сходню, но я своим поведением дал ей понять, что рассчитывать на меня не надо.

При встрече мать сказала мне, что моя девушка дружит с учителем физкультуры. Они вместе ходят домой из школы, он ее провожает и носит ее сумку. Сказала, что раньше моя девушка жила в деревне со своей теткой. А теперь перешла жить на центральную усадьбу в комнату вместе с подругой, которая приехала работать медсестрой. К ним могут заходить парни, и неизвестно, что там может быть. А мне служить еще полтора года, девушка может меня не дождаться и выйти замуж. Я на это ответил, что при возможности поговорю с нею, и мы вдвоем с ней разберемся сами.

Через неделю в субботу уже к вечеру меня вызвали на контрольно-пропускной пункт. Я, не переодеваясь, в рабочей матросской робе пришел туда, там была Зина. Начальник КПП разрешил нам прямо в помещении поговорить в течение двух часов. Мы договорились встретиться на следующий день. Я сумел добиться увольнения, мы бродили по Москве. В разговоре я спросил об учителе физкультуры. Она ответила, что один раз днем в мае месяце они вышли вместе из школы, и он помог ей нести сумку с тетрадями. В деревне все обо всех знают, поэтому сказали, наверное, моей матери.

Зина сказала, что перешла жить на центральную усадьбу, потому что от нее ближе до школы. Она хотела жить в учительском доме, чтобы не ходить каждый день за четыре километра домой. Но много учителей молодых, мест в учительском доме не оказалось, а подруга пригласила ее к себе. Ей выделили комнатку прямо в фельдшерско-акушерском пункте. Так вот они и живут вместе с марта этого года.

В тот раз Зина остановилась у своей родственницы, которая жила вместе с матерью и бабушкой в Одинцове. Родственнице еще не было тогда и сорока лет. Она сказала Зине, что за любовь свою надо держаться и бороться. Говорила, что она в молодости очень любила одного парня. Однажды во время свидания они шли под руку по улице. Она увидала, что у него на ботинках развязались шнурки. Ничего не сказав, она оставила парня, убежала домой и больше не стала с ним встречаться, считая его неряхой. Теперь, когда прошло много лет, она каялась, оставшись на всю жизнь одна. Теперь она думает, что лучше бы сама завязывала тугим узлом ему шнурки на ботинках, лишь бы быть вместе.

После этой встречи в одном письме Зина написала, что в один вечер в конце августа деревенские девушки и парни ходили в клуб смотреть кино. На обратном пути увидели, что всю низину накрыл плотный туман, в десяти метрах ничего не было видно. Парни ушли вперед и скрылись из вида. Когда до деревни оставалось с полкилометра, кто-то из девушек увидел в тумане белые привидения. Они размахивали белыми крыльями и приближались к ним. Все девчонки завизжали от испуга и бросились бежать.

Зина была после операции аппендицита, и бежать не могла. Мертвой хваткой ухватилась за руку одной девушки и не отпускала ее. Привидения приближались к ним, они от испуга остановились, оцепенели и не могли двигаться. Остальные девчонки уже убежали в деревню,

стали стучать в окно дома одного парня, чтобы тот шел на выручку оставшимся. Родители сказали, что сын еще домой не приходил.

Немного постояв поодаль, привидения стали отдаляться от стоявших двух девушек и растаяли в тумане. На второй день выяснилось, что трое парней, отделившись от девушек, прибежали в деревню, зашли в дом одного из них, взяли там три белых простыни. Услышав девичьи голоса, они отошли в поле от дороги, набросили на себя простыни и предстали перед напуганными девушками.

Для отношений между юношей и девушкой важна и полезна проверка временем. Если через год, два года чувства остаются прежними, если дни и ночи думаешь о ней, то эти отношения надолго, возможно – навсегда. Разумная девушка, прежде чем полюбить, умеет задуматься о будущем, присмотреться к своему избраннику, оценить его и сравнить с другими, с которыми она была знакома ранее. Она много думает, стараясь что-то предугадать и не совершить ошибки. Беда может быть в том, что иногда ошибку совершает он, уйдя от нее. Но самое главное, надо уметь различить, является ли ошибкой ее любовь к нему или нет.

Зимой мне дали первый отпуск, в начале февраля 1970 года я прилетел в Москву самолетом. Затем поездом прибыл в районный центр около четырех часов утра. До деревни невесты 15 километров, до своего дома – 22, в те годы автобусы еще не ходили, я пошел пешком. Была морозная февральская ночь, светила луна. На мне была надета матросская шинель, шапка-ушанка, на ногах – флотские ботинки. Я отпустил на шапке клапаны, подхватил чемодан и потопал к Зине. Нет, не потопал, не пошел, а полетел к ней, как на крыльях.

В чемодане была самодельная шхуна с парусами, сделанная из текстолита, какие-то покупки, которые сделал в Москве, и бушлат. Я прихватил бушлат, чтобы по деревне ходить в нем, а не в длинной шинели. Понимал, что буду нарушать устав, так как бушлат можно носить с бескозыркой, а не шапкой, но кто в деревне будет это проверять.

Я примчался к ней быстро, за два часа, в начале седьмого постучал в ее дверь. Открыла дверь тетя, которая сильно удивилась, обрадовалась и повела в избу. Я радостный, окрыленный увидел Зину красивую, сонную на кровати. Прямо с мороза, лишь сбросив шапку, уткнулся в ее лицо, в ее волосы, вдохнул и задохнулся. Она открыла глаза, протянула руки, обняла, стала страстно целовать меня. И меня не стало, я умер от счастья. Мы долго не могли оторваться друг от друга.

Потом она предложила мне раздеться, я снял шинель. Она накинула халат, быстро умылась и стала хлопотать в чулане. Приготовила на стол завтрак, мы не могли наговориться, нарадоваться, налюбоваться друг другом.

Позавтракали, попили чай и я пошел провожать ее в школу, на себя надел бушлат. Шинель и чемодан оставил у нее, прихватив какие-то подарки для родителей. Договорились, что вечером приду к ней. Дома меня встретили радостно, но радовались недолго. Я сказал, что вечером иду к невесте и остаюсь у нее ночевать.

Вечером Зина приготовила для меня гречку с колбасой, что в деревне была страшным дефицитом. Мы поужинали, после ужина я по своей неопытности и отсутствия всякой дипломатии и такта сказал, чтобы она не готовила для меня гречку, ею закормили на флоте.

И была наша первая ночь, первая близость. Это произошло впервые и у меня, и у нее, оставив на всю последующую нашу совместную жизнь след непорочности, чистоты, доверия, ответственности и любви. Каким сладким был ее сон на моей руке и мой сон рядом с ней!

Как важен и нужен для будущих семейных отношений союз женской девственности и мужской чести и порядочности! Смысл этой вершины счастья позднее, уже в постсоветской России, опошлили, опоганили одним импортным словом, которое не подразумевает каких-либо чувств, кроме половой близости. Вместо любви это слово стало предметом торга и огласки, как любой другой продукт рынка. Этим импортным словом стали прикрывать разврат, распущенность, ранние половые связи и связанные с ними мужское бессилие и бездетность.

Мы с момента первой своей близости поняли и осознали, как сладок и важен вкус любви, но еще важнее ее послевкусие. Одно дело, оставаться лежать на руке любимого, слушая его ласковые слова любви и нежности. Другое дело, быстро натянув штаны, спешить куда-то, чтобы оправдываться перед другой женщиной или перед другим мужчиной. Так что послевкусие любви даже порою важнее ее вкуса, оно приводит к ее продолжению. Хорошо, когда это длится до бесконечности, до старости, до последней возможности.

В ту ночь мы были вдвоем, ее тетя ушла ночевать к соседям. Я хорошо запомнил то февральское утро, когда мы встретились, и ту нашу первую ночь. Последующие ночи напрочь отбили у меня всю память и реальность времени. Из строгой, принципиальной учительницы по

вечерам Зина превращалась в нежную, добрую, ласковую, заботливую женщину. Мы спали по 2–3 часа, утром я провожал ее до школы, потом шел домой. Вечером опять шел к ней, декада пробежала одним мигом, надо было возвращаться в часть.

При прощании я клялся жениться на ней в следующий отпуск, говоря, что за хорошую службу, в виде исключения могут дать второй отпуск. Говорил, что к свадьбе надо готовиться, на это сейчас не остается времени. Говорил, что я ее люблю, я ее не опозорил, мы больше трех лет ждали этой близости. Такого не будет, чтобы я ее бросил. Она клялась верно ждать меня до конца службы, служить мне оставалось еще больше года. Я вернулся в свою часть, и полетели письма в оба конца. В одном из писем, которое я получил в средине апреля, она написала, что беременна. Я ответил, что написал рапорт на отпуск, может, меня отпустят, и мы поженимся.

Свадьба

До чего чиста невеста,
до чего светла девица.
«Калевала», песнь 24, стр. 280

События стали развиваться стремительно, 22 апреля 1970 года отмечали 100-летие со дня рождения вождя Октябрьской социалистической революции В.И. Ленина. К этому событию готовилась серьезно вся страна. Меня в числе немногих матросов и младших командиров нашей воинской части наградили юбилейной медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Я тогда был отличником боевой и политической подготовки, командиром одного из лучших отделений в батарее и в части. Мне поочередно присваивали звания специалиста третьего, второго, первого класса. А когда прошел все БЧ и лаборатории, присвоили звание «Мастер своего дела».

Через несколько дней после этого события был издан приказ о моем втором отпуске в качестве поощрения за службу. Во второй половине мая я вылетел самолетом домой, чтобы готовиться к самому важному событию своей жизни – свадьбе. Об этом заранее сообщил письмом матери и отчиму. Ранним майским утром тем же маршрутом,

что и в феврале, я был у Зины. Она встретила меня со слезами радости на глазах. Пока провожал в школу, мы договорились, что завтра приду ее сватать.

Эту ночь я ночевал дома у родителей. К ритуалу бракосочетания в деревне всегда относились с особым вниманием, с верой и надеждой на то, что это событие бывает всего один раз в жизни человека. Как и наши предки в прежние годы, мы играли свадьбу, помня то немногое из обычаев и традиций, что еще осталось.

К вечеру второго дня вместе с матерью и теткой по отцовской линии мы пошли сватать невесту. Тетка моя ворчала дорогой, что в прежние времена свадьбы когда угодно не играли, играли только после Покрова. А тут когда захотят, тогда и свадьба. Мать говорила, что сев уже заканчивается, до навозницы еще две недели, между севом и навозницей как раз и можно сыграть свадьбу.

Со стороны Зины были тетя и бабушка по отцовской линии, которая уже вернулась домой на лето из поселка Саблино Ленинградской области, где она каждую зиму жила у дочери. Сватая невесту, получив согласие на свадьбу от Зины и от меня, сваты стали подробно обговаривать условия свадьбы – у кого в доме будет свадьба, сколько денег потратить, что готовить самим, что покупать в магазине и т. д. Договорились, что свадьба будет в доме жениха, расходы пополам.

После сватовства, я вместе с матерью и теткой вернулся домой. На следующий день зашел за Зиной в школу, мы прошли в ее деревню. Пообедали и пошли прямо по полям за три километра в Краснооктябрьский сельсовет подавать заявление на бракосочетание. Дорогой стали обсуждать дату свадьбы, решили, что надо дождаться начала июня, чтобы не играть свадьбу в мае и потом всю жизнь не маяться. Тогда и сомнений не было, чью фамилию возьмет невеста, тогда все брали фамилии мужей независимо от их красоты и звучности.

В сельсовете мы попросили председателя расписать нас в понедельник 1 июня. Тогда мы не знали, что позднее дата нашей свадьбы совпадет с праздником – Днем защиты детей.

О дате свадьбы я сообщил своим родителям, она – своей тете. Те начали закупать в магазине вино, водку, продукты. Зина попросила в школе дать ей свободный день, так как учебный год уже заканчивался. Мы поехали в областной центр за обручальными кольцами и свадебным платьем. Я, привыкший жить на всем готовом, еще не научился принимать быстрые и правильные решения. В магазине «Рубин» областно-

го центра Зина сама подобрала себе свадебное платье, примерила его, подобрала фату, купили кольца. Раньше я никогда не бывал в своем областном центре и ничего там не знал. Зина уже оканчивала четвертый курс института, часто приезжала сюда и хорошо знала центр города.

Деньги в колхозе давали ежемесячно с июля 1966 года, но небольшие, жизнь в деревне была еще малоденежной. А сам я пока был гол, как сокол. Не смог купить себе даже свадебного костюма, денег на него у матери не хватило, а может быть, она просто их пожалела. Потом от людей я узнал, что родители держали деньги на сберкнижках. Редко, наверное, кто-то женится не в костюме, а в рубашке и флотских брюках. Но я к этому отнесся спокойно, все это казалось мне мелочью по сравнению с таким важным событием в жизни, как женитьба. За последние два года я поправился, раздался в плечах и возмужал, стал настоящим мужчиной.

Я проводил все время с Зиной, практически не принимал никакого участия в подготовке к свадьбе. А в те дни, как говорили в деревне, была большая стряпня, пекли блины, пироги разных видов. Варили пиво, готовили закуски. В один из дней я съездил на поезде в районный центр, чтобы райвоенком продлил мне отпуск еще на 10 суток. Тот прекрасно меня понял и продлил отпуск. Чтобы подольше побыть с любимой, я решил обратно лететь самолетом, продлив наше счастье еще на двое суток. Потом ездил в город Бежецк, где учился, встретился с одним однокурсником Николаем Крыловым, договорился, что он будет свидетелем на свадьбе.

Наступил день свадьбы – понедельник, 1 июня 1970 года. Утром я съездил на велосипеде в село Карело-Кошево, где было много сирени, в нашей деревне сирени не было. Привез домой целую охапку. После этого надел белую рубашку, галстук, флотские брюки клеш и ботинки. Накинул сверху болоньевый плащ и пешком пошел за семь километров в деревню невесты. Со мной пошел Базлов Николай с фотоаппаратом, он делал свадебные фотографии. В Горбовце у своего дома мыл и возился с машиной «Газик» водитель Иван Кузьмин, который возил председателя колхоза. Это была тогда единственная легковая машина в колхозе. Заранее договорились, что он повезет нас на запись в клуб.

Сельсовет вместе с партийной организацией колхоза решили организовать торжественную регистрацию нашего бракосочетания в колхозном клубе в деревне Бережки, в котором мы познакомились 3,5 года назад. Водитель сказал мне, что подъедет к дому невесты к

назначенному времени. Я пошел по деревне в дом невесты, там были ее тетя и приехавшая из Ленинграда двоюродная сестра невесты. Остальные родственники с ее стороны уже ушли в клуб, чтобы там встречать молодых.

Тетя сказала, что Зина рано утром уехала в город делать прическу. Мы втроем стали поджидать ее, увидали издалека, пошли навстречу. Базлов Николай сфотографировал этот момент. Невеста, вся в заботах, разгоряченная с дороги, прошедшая уже больше десятка километров пешком, быстро выпила стакан чаю и стала переодеваться. Ей помогала одеваться двоюродная сестра. До назначенного часа бракосочетания времени оставалось немного, поэтому одевали невесту быстро. Белые туфли она взяла с собой, на ногах были обуты короткие сапожки.

Машина подошла к дому, мы вчетвером сели и поехали. На выезде из деревни нам преградили путь местные мужики, натянув веревку поперек дороги. Шофер остановил машину, сказал, что надо бы дать выкуп. Я вышел из машины и дал мужикам денег на водку. Мужики расступились, мы поехали дальше, возле клуба толпилось много народу. Были родственники с ее и моей стороны, местные жители. Нас встретили хлебом-солью, сыпали жито, чтобы жизнь была богатой.

Зал клуба в Бережках был торжественно украшен, ближе к сцене стоял стол, накрытый красной скатертью. Мы вошли в зал, нас пригласили к столу. Началась церемония торжественного бракосочетания, какие обычно проводятся в загсах. После обмена кольцами и поцелуями пошли напутственные слова. От имени советской власти нас напутствовала в долгий жизненный путь секретарь сельсовета Комякова Евгения. От имени партийной власти слово сказала секретарь парткома колхоза Клавдия Ивановна Борисова. Потом мы танцевали традиционный вальс, все подняли шампанское, некоторые местные мужики – водку. После торжеств мы на легковой машине ГАЗ, а родственники на грузовой машине, поехали в нашу деревню, где все было готово к свадьбе.

У крыльца моего дома нас также встречали хлебом-солью, осыпали житом, чтобы совместная жизнь была богатой и долгой. Мои родители и ее тетя провели нас за стол и усадили на самое почетное место. Когда первый раз за столом закричали «горько», на улице возле углов дома раздались ружейные выстрелы, это местные мужики салютовали нам, молодым.

На свадьбу съехались наши родственники из Ленинграда, Бежецка, Сонкова, пришли приглашенные друзья и учителя местной школы, всего не менее 30 человек. Кроме них, угощали соседей и других деревенских жителей, это еще более 20 человек. Столы расставили буквой Г, вдоль стенок разместилось человек 17–18, другие сидели напротив. Деревенских жителей угощали по очереди за отдельным столом возле задней стены избы. Родители хотели сделать так, чтобы потом в деревенских пересудах не говорили плохо и не судили хозяев, невесту, жениха и свадьбу, думаю, что это им удалось.

Плясали под гармошку и танцевали под радиолу на улице, но недолго. Начался сильный дождь с грозой. Гости отметили это, как хорошая примета и перенесли пляски в дом. Невеста под гармошку красиво плясала «русского» и «цыганочку», я плясать не умел, любовался ею. Зина вместе с другими женщинами и девушками плясала в кругу друг против друга. Вина мы с невестой не пили, пили домашнее пиво да квас, я ласково смотрел на нее, она отвечала взаимностью.

Около полуночи мать отвела нас в дом Нетрусовой бабы Маши, что напротив нашего. Мы провели первую ночь как законные жена и муж. Так и соединились две половинки одной души, чтобы всю жизнь идти вместе.

Гости в доме продолжали веселиться без нас. На второй день утром за нами пришла мать, сказала, что будут бить горшок с деньгами. Я ответил, пусть мать не волнуется, моя жена – хорошая хозяйка, мести умеет. Когда мы входили в дом, был разбит горшок с деньгами и приготовлен веник. Зина подметала, деньги я брал себе в карман, мусор мели в угол. Гости старались, гости усердствовали, они бросали на пол больше бумаги и мусора, чем денег. После этого снова все сели за стол. Потом вышли на улицу, гуляли по деревне, фотографировались и снова садились за стол.

Значительно позднее я оценил, сколько трудов затратили родители, чтобы наготовить для гостей столько закусок, наварить пива и все в домашних условиях – в русской печке, да на газовой плите.

О каком-либо «медовом месяце» и речи не могло быть, 7 июня я отправился в обратный путь, на поезде до Москвы, из аэропорта Домодедово вылетел в Новосибирск на самолете. Судьба отвела нам с Зиной всего лишь шесть счастливых суток после свадьбы. Шесть суток безмерного счастья, а потом снова длительная разлука и нестерпимое ожидание встречи.

И все-таки, получив от Зины свадебные фотографии, я пожалел, что послушал мать, и был на свадьбе не в морской форме, в которой смотрелся бы значительно солиднее, чем в рубашке без пиджака. Оправданием был жаркий день, когда все мужчины и парни поснимали свои пиджаки и оставались в одних рубашках. Вечером прошла гроза, а на другой день свадьбы опять стояла жара.

Как долго длился последний год моей службы! День казался неделей, но при мне оставались прикосновения Зины, ее взгляды, поцелуи, тепло рук. В ноябре родилась дочь Татьяна – наш первенец. Теперь в письмах жены основное внимание уделялось дочери. Когда дочери исполнилось четыре месяца, Зина сфотографировала ее, и фотографии отправили мне. Но сама судьба хотела осчастливить нас, хотела, чтобы мы встретились еще раз до окончания службы.

Мы на флоте придумали считать оставшиеся до демобилизации дни по селедке. Нам на обед каждый день давали по 2 см селедки. Поэтому на вопрос мы отвечали: «Служить осталось 3 метра селедки». Это означало, что служить еще 150 дней. А у меня был совсем неожиданный третий отпуск в марте 1971 года за два месяца до демобилизации.

Командир части капитан I ранга Боярских в феврале проводил смотр молодого пополнения. Я в то время был командиром взвода молодого пополнения. Командир части вывел из строя матроса моего взвода Федорова Анатолия из Белгорода и стал им командовать. Тот, не всегда уверенно выполнявший команды во время учебы, здесь сделал все безупречно. Командир части поощрил командира взвода и командира отделения внеочередным десятисуточным отпуском. А дома меня ждали жена и дочь, которой было четыре месяца, уезжать не хотелось. Понимал, что через два месяца вернусь насовсем.

Это было хорошее время не только потому, что мы были молоды, но и потому, что все были одного примерно достатка. Поэтому тогда и речи не могло быть о замужестве или женитьбы по расчету. Семьи строились на любви и симпатиях. Как показало время, постепенно стали отходить от традиционной семьи, равенства супругов, что приводило к частым разводам, которые в старых деревенских семьях были редкостью.

Глава IV
Начало совместной жизни

Работа в школе

Все спешат в дома родные,
возвращаются под крышу.
«Калевала», песнь 34, стр. 402

Закончилась флотская служба, надо было устраивать гражданскую жизнь. К тому времени я был женат, дочери исполнилось семь месяцев. Вернулся домой 14 июня 1971 года, был теплый ласковый день. Я пошел отшагивать свои пятнадцать километров от райцентра. Недалеко от поселка Сонково меня догнал мужчина на лошади, запряженной в телегу. Подвез шесть километров до поворота на краснохолмскую дорогу, дальше я пошел пешком. Все радовало меня: молодые зеленые листья в лесу, щебет птиц, начинающая колосится рожь, курицы на дороге в деревне Сабурово. Лица встреченных людей были самыми светлыми, самыми добрыми.

Жены дома не было, она оканчивала в это время педагогический факультет пединститута и находилась в Калинине, где сдавала государственные экзамены. В доме была теща, которая нянчилась с семимесячной нашей дочкой Татьяной, названной так в честь Зининой бабушки, воспитавшей ее. Дочка внимательно посмотрела на меня большими черными глазами, нахмурила бровки, поджала губки и заплакала. Она вобрала в себя самые лучшие черты лица от нас обоих. Теща положила маленькую свою внучку в коляску, я стал ее качать. Привез дочери большого белого плюшевого медведя, с которым она потом любила играть до трех лет, пока не посадила в ведро с водой, чтобы «помыть Мишку». Но дочь при первой встрече со мной не успокоилась до тех пор, пока коляску не стала качать ее бабушка.

Я навестил родителей, пробыл дома два дня и поехал вставать на учет в Черниговскую область, откуда призывался на флот. Еще, будучи на службе, я просил своего земляка – начальника штаба части полковника Аралова, чтобы меня направили на свою родину. Но тот

сказал, что есть три пути – остаться в Новосибирске, поступить в военно-морское училище или ехать туда, откуда призывался.

Я заехал в областной центр, где жена в это сдавала государственные экзамены. Это была наша первая ночь после службы, по страсти такие же, как в феврале прошлого года. Мы не спали всю ночь, выходили на балкон, говорили о своем будущем, работе, о дочери, строили разные планы.

На заводе в поселке Макошино Менского района Черниговской области Украины меня встретили хорошо, назначили мастером участка, через две недели – начальником участка. Все мои сокурсники, отработав положенные три года, из поселка уехали. Квалифицированных наладчиков на заводе не было, приходилось самому налаживать расточные, фрезерные, строгальные и другие станки под определенные операции. Станки были старыми, схемы наладок утеряны, приходилось надеяться на свои знания и опыт. А опыта, как такового, не было, поэтому каждая ошибка в наладке сопровождалась скрежетом шестеренок и болью в сердце.

Работы жене в маленьком поселке не было, детского сада тоже не было. Отработав полтора месяца, я написал заявление на увольнение, сообщил об этом жене. Меня вызывал к себе директор завода, предлагал должность начальника цеха. Потом вызывали в районную прокуратуру, где выяснили, что положенные три года я уже отслужил на флоте, могу быть свободен от трудовой повинности. Рабочие завода мне говорили, что правильно делаю, уезжая на родину, потому что «*свой край – родная мать, а чужая сторона – мачеха*».

Зина приехала ко мне в последнюю неделю моей работы на заводе. По вечерам мы вместе с моими новыми заводскими знакомыми уплывали на лодке по Десне, ловили рыбу. Уже ночью ее жарили на углях и варили уху прямо на улице во дворе у знакомых. Гуляли по поселку, когда над головой висели яблоки, груши, сливы и другие южные фрукты. Жена сказала, что в нашей школе освободилась должность учителя труда и физкультуры. Вместе с женой я вернулся на родину.

С августа 1971 года меня приняли на работу в родную школу учителем труда, физкультуры и черчения. Работа в школе меня увлекла, на уроках физкультуры старался выполнить всю годовую программу. Предметы знал, много читал, занятия по лыжной подготовке и легкой атлетике не составляли труда. В школе имелся набор лыж с палками для любого возраста, начиная с пятого класса, как с лыжными ботин-

ками, так и с мягкими креплениями для валенок. Лыжню можно было проторить в любом месте и на любые дистанции.

Площадку для легкой атлетики поддерживали и обновляли сами. Сюда входила яма с песком для прыжков в длину и высоту, беговые дорожки на 60 и 100 метров, сектор для метания мяча и учебной гранаты, полоса препятствий, дистанции для кросса на один, два и три километра. Что касается игровых дисциплин, то не было никаких проблем с волейболом, лаптой, футболом и другими играми с мячом.

Сложнее было с гимнастикой и баскетболом. Легче стало заниматься после того, как приобрели маты, козла для прыжков, установили баскетбольный щит с кольцом в одном из классов, приспособленном под миниспортзал. Приходилось много тренироваться самому, чтобы показать ребятам тот или иной элемент гимнастики. Мы с учениками подготовили спортивную площадку, сделали новую полосу препятствий.

Когда выпал первый снег, по нему накатали рядом шесть лыжней. Когда снег растаял, на этих снежных лыжнях тренировали попеременный и одновременный лыжные хода, технику работы рук и ног. Как раз в это время приехал в школу инспектор РОНО и был поражен, что в ноябре мы занимаемся лыжной подготовкой.

Старшие ребята в значительной степени были подготовлены моими предшественниками – А.М. Бычковым и А.П. Белоусовым. Моя первая задача была поддержать этот уровень и развить его. На открытие лыжного сезона в районный центр поехали двенадцать человек, шесть участников младшей группы и шесть – старшей.

Каково было удивление преподавателей и учеников из других школ, когда наша старшая группа заняла пять призовых мест из шести, а младшая – три призовых места из шести. Я на всю жизнь запомнил имена и фамилии победителей – в старшей группе: Жемчугов Саша из Поцепа, Володченков Эдик из Терехова, Быстров Володя из Душкова, Шуваловы Тамара и Надя из Муравьева. В младшей группе победителями стали Кострова Вера из Поцепа, Ботина Валя из Муравьева и Быстров Толя из Душкова. В командном зачете мы заняли первое место среди школ. Таков был мой дебют, мы привезли в школу переходящий кубок.

Потом было третье командное место на зональных соревнованиях в городе Бежецке. Когда выпал настоящий снег мы со старшими ребятами проторили трех- и двухкилометровые лыжни. В каждом классе кто-то обязательно был освобожден от физкультуры по состоянию

здоровья, я просил их быть судьями. Сам, вместе с освобожденными от физкультуры учениками, пускал на старт ребят через каждые тридцать секунд, затем передавал им секундомер и тетрадь, бросался вдогонку последнему лыжнику, постепенно обгоняя всех, подбадривал и первым приходил на финиш, чтобы записать время каждого. Если я не успевал прибежать к первым пришедшим лыжникам, их время записывал ученик, освобожденный от занятий.

В то время я бегал на лыжах по второму разряду за сорок – сорок две минуты десять километров, ранее участвовал в соревнованиях за техникум, за батарею на флоте.

База для уроков труда в школе была неплохая, можно было выполнить всю годовую программу с каждым классом. Кроме верстаков, столярного и слесарного инструментов, в мастерской были установлены и работали фрезерный и сверлильный станки по дереву и металлу, токарный станок по дереву и электроточило. Я волновался за технику безопасности, но за пять лет работы ее нарушений со стороны учащихся ни разу не было. Деревенские дети отличаются дисциплиной и ответственностью за дело. Проводя уроки труда, я постоянно задумывался, зачем нужны эти занятия с рубанком, стамеской и напильником для девочек? Но приходилось заниматься не только с мальчиками, но и с девочками.

Черчение я хорошо знал по занятиям в техникуме, методику преподавания этого предмета усвоил легко и быстро. Меня радовало, что дети увлеченно работали над чертежами, у одних разрезы и сечения получались сразу, другим приходилось переделывать по 2–3 раза. Некоторые из них, которым черчение давалось трудно, говорили мне, что никогда не поступят учиться туда, где есть черчение. Позднее узнавал, что они поступили учиться на закройщиков, в строительные и индустриальные техникумы, где именно черчение было одним из основных предметов.

Кроме основной работы, меня в школе директриса нагружала разными дополнительными делами. Во-первых, как учитель труда, я бесплатно вставлял в школе разбитые стекла, делал различные стенды, ремонтировал парты и стулья. Как учитель физкультуры, оборудовал спортивный зал в одном из классов начальной школы, спортивную площадку на улице.

Во-вторых, начиная с сентября 1972 года, директриса поручила мне показывать учебные фильмы на школьном кинопроекторе. Никто

меня этому не обучал, она сама просто показала, как надо делать. Основная задача – правильно заправить пленку в кинопроектор с петлей в 24 кадра, чтобы совпадал звук с картинкой, не рвалась пленка, и не было помех. Фильмы поступали из Калинина в район, оттуда – по школам. Я показывал учебные фильмы, как для всех старшеклассников школы одновременно, так и на отдельных уроках других учителей по конкретным темам. Показывал фильмы также на общественных началах, без какой-либо доплаты.

Молодой энергичный школьный коллектив был ядром общественной жизни в округе. В октябре 1971 года начали готовиться к празднованию очередной годовщины Октябрьской социалистической революции. По вечерам в клубе репетировали песни и сценические номера. Это был уже не старый деревянный клуб в деревне, а новый кирпичный клуб в стороне от деревни, открытый на Новый 1971 год. Заведовал клубом мой друг, баянист Николай, который вернулся из армии осенью 1970 года.

В один из октябрьских дней в нашу деревню прибыл со службы из Германии односельчанин, с собой привез четверых сослуживцев, которые были родом откуда-то с Урала. Гуляли они весело, когда мы с женой, оставив маленькую дочку на попечение бабушке, пришли в клуб, друг сказал мне, что пять пьяных солдат спят в комнате, где мы должны были репетировать. Попросил меня помочь разбудить и вывести их из той комнаты, чтобы начать репетицию.

Я провел жену в зал, где уже было много народа, и пошел с другом. Мы поочередно стали будить и выводить из комнаты пьяных солдат. Когда вывели последнего, я пришел в зал и увидал, что один из солдат уперся руками за поручни стула и разговаривает с моей женой. Зина просила его отойти и не дышать на нее перегаром. Я подошел к ним, спросил, в чем дело и попросил солдата отойти от жены.

Тот сказал: «Чего?», выпрямился, развернулся и замахнулся на меня кулаком. Я перехватил левой рукой его руку, а правой ударил в челюсть. Солдат полетел в угол зала. В это время на меня набросились три его дружка, местный солдат в драке не участвовал. Мой друг Николай схватил одного из них за грудки и удерживал его. А я отбивался от троих, как мог. Но все-таки один удар достиг цели, под моим левым глазом появился фингал. Солдат стали растаскивать местные парни и девушки. Жена колотила обидчика кулачком по голове. Репетиция все-таки состоялась, но на танцы мы с женой не остались.

На второй день мне надо было ехать на семинар учителей физкультуры в районный центр, так и поехал на семинар с фингалом. Родители местного солдата подумали, что я поехал заявлять в милицию и военкомат, быстро отправили всех четверых гостей на поезд. Когда я вернулся, они просили не заявлять на их сына, я ответил, что даже и думал об этом.

Наверное, жена оценила тот поступок, наши теплые отношения стали еще нежнее. Именно в эти дни у нее зарождалась новая жизнь второй дочери Галины, родившейся летом следующего года. Но это была единственная драка с моим участием, больше в жизни я никогда, ни с кем не дрался.

Я тогда встречал свой первый Новый год в своей семье после службы на флоте. За два дня до праздника на лыжах съездил в лес, срубил елочку, которую установил в отверстии деревянного креста. Украшали елку картонными игрушками, конфетами и стеклянными шарами. Маленькая годовалая дочь Татьяна смотрела на елку во все глазенки.

На майские праздники 1972 года к нам приехал из Ленинграда двоюродный брат жены Вячеслав, тогда ему было уже 33 года. Все его родные потеряли надежду на то, что он женится. В последний день апреля он пришел ко мне на урок физкультуры, который я проводил на спортивной площадке в 100 метрах от школы. Ученики занимались легкой атлетикой, бегали дистанцию 60 метров, бросали на дальность мяч.

Вячеслав стоял рядом со мной и наблюдал за ними. На крыльцо школы вышла директриса, крикнула: «Анатолий Николаевич, кто там у Вас, уж не инспектор ли?» Я сказал, что если она подойдет ближе, то увидит. Директриса пришла на площадку, увидела Вячеслава, с которым она училась когда-то в одном кассе этой школы сразу после войны, узнала его и пригласила к себе домой на чай.

Вячеслава не было у нас дома два дня, придя к нам, он с порога заявил: «Поздравьте меня, я женился!» Сначала он жил в доме жены, устроился работать по специальности, электриком в колхозе. Через два года они поменялись жильем с братом жены Михаилом Арсеньевичем, и переехали жить на Карельский перешеек.

Летом 1972 года я вместе с Вячеславом обивал изнутри классы школы сухой штукатуркой. К нам пришла заведующая почтой, жена моего друга-баяниста, сказала, что у меня родилась дочь. Не раздумывая ни минуты, я сел на велосипед, приехал домой, собрал передачу и

помчался за 15 километров. Приехал в роддом уже поздно вечером, Зина расстраивалась, что опять родилась дочь, а не сын, она очень хотела подарить мне сына. Я ее успокаивал, говорил, что дочери – это очень хорошо, они ласковые, заботливые.

Теперь забот у нас прибавилось, младшая дочь плохо спала по ночам. Жена укачивала ее практически всю ночь, я менял ее на какое-то время, но уснуть она не могла. Дочь засыпала под утро, Зина, поспав 2–3 часа, шла в школу. Проведя уроки, она мчалась за четыре километра домой, чтобы накормить дочь грудью, а вторую – обедом. Я в эти осенние дни сдавал вступительные экзамены на юридический факультет. Потом ждал результатов, потом ездил на установочную сессию. Так мы и прожили ту зиму в заботах. Жена не спала, качала дочь, я не спал, готовя контрольные и курсовые работы.

С сентября 1972 года меня нагрузили более основательно, кроме своих трех предметов, поручили вести физику, историю, основы государства и права в выпускном классе, обществоведение в вечерней школе. К этому надо добавить, что дома ждали две дочери, по ночам писал контрольные и курсовые работы по учебе в институте, помогал теще ухаживать за колхозными лошадьми. А еще с осени 1971 года был секретарем комсомольской организации, а с ноября 1973 года – заместителем секретаря партийной организации колхоза «Знамя Ильича».

В июне 1973 года после окончания учебных занятий, я с классом, в котором моя жена была классным руководителем, отправился в поход на реку Сить, где 4 марта 1237 года русское войско во главе с владимирским князем Георгием Всеволодовичем вступило в битву с превосходящими силами монголо-татар. Страшная там была сеча, русские потерпели поражение, мало кому удалось спастись. Возле села Божонка насыпан большой курган, под которым погребены русские воины.

В поход мы готовились неделю, учились устанавливать палатки, разжигать костер, готовить еду, ориентироваться по компасу, вести дневниковые записи, составляли маршрут похода, снаряжение. В поход пошли 12 человек – 7 мальчиков и 5 девочек в возрасте 13–14 лет. Пять километров прошли пешком от школы до деревни Холм, там сели на автобус и доехали до Сонкова.

Оттуда вдоль железной дороги прошли пешком 12 километров, кроме рюкзаков, по двое на палках несли две палатки. День был жарким, дети устали, но терпеливо шли вперед. Со станции Пищалкино перешли в поселок Октябрь Ярославской области, где сели на мотовоз,

который по узкоколейке возил рабочих на торфоразработки. Доехали до деревни Горка, оттуда 5 километров шли пешком до берега реки Сить. Остановились на опушке леса в двух километрах от Божонки, чтобы не беспокоить местную молодежь.

Девчонки устали, были уже никакими, мы с мальчиками дали им возможность немного отдохнуть, нарубили кольев, установили две шестиместные палатки, нарвали травы, разослали ее, поверх настлали еловых веток и накрыли одеялами. Потом стали чистить картошку и разводить костер. Отдохнув, девочки начали готовить ужин, в одном ведре сварили суп, в другом – тушёнку, вскипятили чай. Поужинав, все заснули, как убитые, не замечая назойливости комаров.

Я спал с мальчиками с краю, встал в 5 часов утра, нарезал ивовых прутьев, из них сплел большую корзину. В 7 часов разбудил Морева Володю и Быстрова Анатолия, попросил их этой корзиной половить в прибрежной траве рыбы. Они за полчаса наловили плотвы, окуней и даже налимов на уху.

В 8 часов мы разбудили остальных, девочки стали готовить на завтрак кашу и чай, мы с мальчишками носили сухостой, поддерживая костер, делали записи о событиях вчерашнего дня. После завтрака мы оставили наши палатки без присмотра и отправились в деревню Божонка. С собой взяли только деньги и ценные предметы, тогда в деревнях еще ничего не воровали.

Пройдя по деревне, мы расспрашивали жителей, что они знают о битве 1237 года. Они говорили, что была страшная сеча с монголо-татарами, в большом кургане захоронено много русских людей, и больше они ничего не знают. На обратном пути мы подошли к кургану, обошли его несколько раз, поднялись на него и спустились. Тогда курганы в нашей местности еще не раскапывали и не грабили. Никакого памятного знака, стелы или надписи не было. С этим мы вернулись к нашей стоянке, сварили уху, пообедали и тронулись в обратный путь.

Мотовоза ждали недолго, от Пищалкина доехали до Сонкова на поезде, оттуда до Холма на автобусе, который выходил в 18 часов 20 минут. От Холма вместе дошли до поворота на Горбовец, потом каждый пошел в свою деревню. Кому-то, как Егоровой Вале и Голубеву Василию нужно было пройти до Гремячихи еще три километра, Зубову Саше и Козловой Тане 4 километра до Бережков, Быстрову Толе и Мореву Вове – 6 километров до Душкова, Румянцеву Юре и Ботиной Вале – 7 километров до Муравьева.

Через несколько дней мы собрались в школе, составили дневник похода, его паспорт, а осенью участвовали в районных соревнованиях по туризму. Они проходили в деревне Петровское, на реке Сить, недалеко от ее истока. Река Сить берет начало у деревни Сабурово, ранее впадала в Мологу, теперь – в Рыбинское водохранилище.

В 1974 году Зинаиду Ивановну назначили директором школы, она передала мне классное руководство своим выпускным классом. Отработав до этого в школе уже более 8 лет, за два года директорства она успела многое сделать для школы. Добилась выделения денег, приобрела необходимые стройматериалы. Летом 1975 года наняла бригаду местных мужиков, которые перекрыли крышу шифером, раньше она была крыта дранкой. Предложила мне сделать новые заборы вокруг обеих школ – начальной и восьмилетней.

Заменила все кирпичные печи, уже пришедшие в упадок, на металлические, заказав их в городе Красный Холм. Внутри эти металлические печи обложили огнеупорным кирпичом, чтобы лучше грели и дольше служили. Привела в порядок запущенный школьный огород, где выращивали овощи для школьных обедов, там же был сад. Летом учителя варили варенье на зиму для учеников, чтобы те могли пить чай с вареньем.

В самом большом пустующем классе начальной школы оборудовали спортзал, где могли обучать детей гимнастике, элементам баскетбола и волейбола. Туда закупили легкоатлетические маты, мячи, коня, козла, навесили один щит с кольцом для изучения элементов баскетбола. Купили дополнительные пары лыж на ботинках с лыжными палками.

В августе 1975 года, когда мы после отдыха вернулись из Крыма, учителя пожаловались, что после танцев повадились в школьный огород подростки. Тогда я решил по ночам дежурить на огороде. Однажды в конце августа я, спрятавшись в кустах, услышал приближающиеся голоса. По направлению к школьному саду шли трое парней или подростков. Они перелезли через забор, подошли к одной яблоне и начали ее трясти. Я выскочил из укрытия, подбежал к ним, схватил одного за воротник и поволок к своему дому. Остальные двое убежали. Постучал в окно, жена открыла его.

Я спросил, что будем делать – отпускать или вызывать милицию. Подросток был не местным, приехавшим из Москвы. Жена расспросила, как его зовут, к кому он приехал, кто был вместе с ним, сказа-

ла, чтобы я отпустил его. На следующий день к жене, как директору школы, пришли родители всех троих подростков, просили прощения. На этом инцидент был исчерпан, больше в то лето и в ту осень в школьный сад не забирался никто.

Радостно было каждый день возвращаться домой из школы, когда там ждали дочери, кругом кипела жизнь, а в деревнях – еще много народу. Мы с женой ежедневно проходили до школы четыре километра и столько же обратно. Перед нашими глазами проходил весь цикл полевых работ. В начале сентября в полях комбайны завершали уборку и обмолот зерновых, тракторы с плугами заканчивали поднимать зябь. По вспаханным зяблевым полям шли тракторы с культиваторами и сеялками, высевая озимую рожь. Одновременно на других полях начинали работать картофелекопалки. Вдалеке, на освобожденных от вытеребленного льна полях, паслись стада коров. Навстречу по дороге изредка попадались бензовозы и порожние грузовые машины, которые отвозили хлеб нового урожая на элеватор в районный центр.

Зимой жизнь на дороге в школу и окрест затихала, поля были покрыты снежным покрывалом. Дорогу, которую от снежных заносов расчищали снегоочистители, переметало сверху так, что мы шли по ней, как в тоннеле с двухметровыми стенами. С приходом весны поля и дорога в школу оживали снова, все это я мог наблюдать с 1971 по 1976 годы, пока я работал учителем Карело-Кошевской восьмилетней школы.

Когда в 1975 году я, будучи классным руководителем выпускного класса, выписывал свидетельство с отличием об окончании восьмилетней школы Румянцеву Юре из деревни Муравьево, решил пролистать страницы книги выдачи свидетельств. Хотел посмотреть, кто же после войны еще получал свидетельство с отличием, нашел единственного отличника за 1964 год. Кто же еще отличился в этой школе? Посмотрел фамилию – это была моя фамилия.

* * *

Как показало время, это был правильный выбор нашей дальнейшей жизни. Мой младший брат по матери Владимир после окончания Бежецкого машиностроительного техникума также был направлен по распределению на Украину, но не в какой-то захудалый поселок, а

в город Харьков. Работал мастером литейного цеха на Харьковском тракторном заводе, женился, родились двое сыновей. После развала СССР завод прекратил работу, брат с женой были вынуждены мыкаться по разным другим работам.

На старости лет брат и его жена остались жить в городе Харькове одни, старший сын уехал жить в Тверь, а младший поехал искать счастья в Америку, мотаясь там из одного города в другой. Старший сын длительное время не мог навестить родителей, так как власти Украины своим законом запретили бывать в их стране всем российским мужчинам в возрасте от 18 до 60 лет. Младший сын не мог навещать родителей из-за дальности нахождения и отсутствия необходимых средств на перелеты.

Мы с братом Володей у вокзала в Симферополе 22 сентября 2010 года

Мы с братом встречались очень редко, обычно в деревне у родителей, когда он до 1991 года мог приезжать туда. Последний раз виделись 22 сентября 2010 года в Симферополе, тогда они с женой возвращались домой с отдыха из Нового Света. Я с 2014 года тоже не мог ехать на Украину, чтобы встретиться с братом Владимиром, так как половину

каждого года жил в Крыму. Украинские власти грозили арестовывать и заключать в тюрьму любого, кто выезжал в Крым без их разрешения. Телефонные переговоры тоже прекратились, последний раз брат ответил на мое письменное телефонное послание летом 2015 года, после этого ответов от него на мои телефонные сообщения не было, полная информационная блокада.

На пути к намеченной цели

Знания отца прекрасны,
мудрость матери прекрасней,
лучше всех своя наука.
«Калевала», песнь 3, стр. 35

Как и все нормальные люди, я мечтал об успешном будущем и счастливой жизни. В детстве, наслушавшись разных историй и рассказов родителей и деревенских жителей, мы мечтали и считали за счастье, чтобы больше никого и никогда из наших родственников и близких людей не выгоняли из собственных домов, не отправляли в Сибирь и на Север. Эти два слова были страшными для нас. Для нас счастьем было то, чтобы никого из наших родных больше никогда не расстреливали и не отправляли в лагеря. Чтобы на столе каждый день был хлеб, каша, щи и молоко, о большем в детстве мы тогда и не мечтали.

Когда становились взрослее, понятие счастья все больше и больше расширялось. Хотелось интересной работы, хорошей семьи, заботливой жены, удобных условий жизни, разнообразных продуктов и так далее. О чем я никогда не мечтал, то это о собственной машине. Ее у нас так никогда и не было на всем протяжении совместной жизни с женой.

О своем будущем я думал с раннего детства, лет с пяти, после того, как заговорил. Но тогда и присниться не могло, что я поднимусь на такие вершины и буду активно участвовать в изменении общественного и государственного строя на областном уровне. Не мог себе предположить, что буду учиться проведению реформ в Америке, Англии, Германии, Италии и Финляндии. Не мог представить, что судьба поднимет на областную вершину сначала для подготовки законодательной базы при переходе от социалистических устоев к капитализму, а затем для

исполнения новых законов в системе исполнительной власти. Не думал, что притронусь и к реформе судебной власти, создавая институт мировых судей.

Первые мечты стать строителем у меня начали проявляться под влиянием отчима в шестилетнем возрасте. В заднем углу избы возле двери зимой стоял столярный верстак. При свете керосиновой лампы отчим строгал доски, рейки, долбил отверстия в рамах. Когда все детали оконной рамы, табуретки или стула были готовы, он варил деревянный клей. С помощью лезвия рубанка стругал стружки от куска клея в клееварку, напоминающую нынешнюю небольшую кофеварку. Потом наливал в нее воду и ставил на керосинку. Когда клей разваривался, по избе шел его дурманящий запах. Этот запах деревянного клея я ощущал потом всю жизнь. В течение вечера, пока клей не остыл, надо было собрать и «посадить» на него все детали стула, оконной рамы или табуретки.

Я мечтал быть строителем и строить дома, сараи и скотные дворы, какие видел в своей деревне. Хотел жить в своей деревне и работать здесь. После поездки в Бежецк в шестилетнем возрасте думал о том, как буду строить двухэтажные кирпичные дома, но тоже в своей деревне.

Собравшись долгими зимними вечерами в доме Нетрусовой бабы Маши, которой тогда было всего 48 лет, девки и молодые бабы, занимаясь прядением и вязанием, говорили обо всем. Их интересовала и судьба нас, еще маленьких мальчишек и девчонок. Когда я отвечал, что буду строителем, начинали активно «уговаривать» идти на инженера. Инженер, по представлениям деревенских женщин, был самым умным, самым грамотным, воспитанным, культурным, высокооплачиваемым человеком, с которым будет счастлива вся семья. Приводили примеры питерских родственников – двоюродных брата и сестры моего отчима, правда, сожалея, что из-за учебы и работы он до 30 лет так и не женился, а она не вышла замуж. Хотя бы он чаще приезжал в деревню, где оставались незамужними более десяти девок его возраста.

Каждый из деревенских мальчиков и девочек мог сам себе сотворить будущее, так как исходные условия для всех были одинаковыми. Однако многие ими не воспользовались, обладая практическим умом, неплохо учась в начальных классах, переставали в дальнейшем проявлять усилия в учебе. Несмотря на насмешки сверстников, их обидные высказывания, поддерживаемый матерью, отчимом и учителями,

я проявлял большую усидчивость в учебе. Гуманитарные предметы давались легко, над точными науками приходилось много работать. Но уже тогда своим умом понимал, что только трудом и стараниями смогу свершить свою судьбу. Я с детства ставил себе цели, к которым стремился, но не всегда получалось.

После окончания восьмилетней школы я не хотел изменять своей детской мечте, желая ехать в областной город Калинин поступать в строительный техникум.

Но никто из деревенских жителей тогда в Калинине не был, от ближнего к нам города Бежецка до областного центра железной дороги нет. Деревенские жители чаще бывали в Ленинграде и Пестове, реже в Москве и Рыбинске. Но как доехать до областного центра, представляли очень трудно. Говорили, что туда ходят автобусы, кто-то предлагал ехать туда через Москву на поезде.

Мать не хотела отпускать меня так далеко, ведь кроме Бежецка и Ленинграда я никуда еще не ездил, да и денег на дальние поездки и учебу в деревне не было. Мать сказала, что мне пока все равно, что строить – дома или машины, поэтому лучше поступать в Бежецкий машиностроительный техникум, хоть на выходные буду приезжать домой и брать продукты на проживание. Учиться и жить в Калинине не на что, денег в семье нет.

Нужно сказать, что деревенская молодежь в начале своего жизненного пути тогда упорнее достигала поставленной цели, чем городская. С детства, познав тяжелый труд, ответственность за семью и младших, деревенские жители не были избалованы жизнью. Добиваясь в ней положения своим упорным трудом, учебой, упрямством, мы считали достигнутую цель, как награду. Однако постоянное внушение молодому человеку, что он уже подает большие надежды, не подкрепленные его трудом, порою так и остаются для него несбыточными надеждами и мечтами.

Работая во время учебной практики на токарном, сверлильном, шлифовальном, фрезерном станках завода, я понимал, что от техники очень далек. Шум станков, визг сверл и звук резца по металлу были не по мне. Особенно это осознал, когда стал работать мастером участка на заводе в поселке Макошино Черниговской области, приходилось самому налаживать станки, затачивать резцы и сверла. Каждый сломанный резец и сверло, скрежет шестеренок после наладки станка били прямо по сердцу.

Правильный путь в будущую профессию мне был подсказан во время службы в Военно-Морском флоте. Через месяц после нас, на объект начальниками лабораторий прибыли три молодых лейтенанта, окончившие институт, сроком на один год. Разница в возрасте между нами была 3–4 года. Через год службы два лейтенанта ушли снова на гражданку, а наш командир Айзенфиш остался служить еще на три года. Он недавно женился, его жена училась на последнем курсе юридического факультета. Я подружился с ним, к концу моей службы Айзенфиш был уже в звании капитан-лейтенанта. Служба ему нравилась, он хотел оставаться служить дальше после окончания своего трехлетнего срока.

Его жена к тому времени успела закончить юридический факультет института, и стала работать следователем в прокуратуре. Во время ночных дежурств, дальних поездок за молодым пополнением Айзенфиш подробно и интересно рассказывал мне о работе своей жены, о расследовании ею уголовных дел, его рассказы звучали, как песни.

В мае-июне 1971 года мы с ним более месяца находились в поезде, принимали молодое пополнение от Барнаула до Москвы, потом от Северодвинска до Москвы. На одной из станций нас попросил пустить в свое купе молодой лейтенант милиции из Киева. Пока он добирался до нужной ему станции, рассказывал о службе в милиции и дал мне свой адрес.

После службы на флоте меня направили встать на воинский учет по месту призыва. Из дома я сначала поехал не в Макошино Черниговской области, а в Киев. Нашел коммунальную квартиру того молодого милиционера на Крещатике, он был на дежурстве. Соседи сказали, что милиционер вернется вечером, можно переждать у них. Я пошел бродить по Крещатику, соседним улицам, но не стал ждать вечера, чтобы не опоздать на свой поезд. Так я и не стал милиционером в Киеве.

Но под впечатлением рассказов капитан-лейтенанта Айзенфиша, еще на флоте, я загорелся мыслью после службы поступить учиться на юриста, что и сделал, поступив в юридический институт на заочное отделение.

Понимая, что мои знания не глубокие и недостаточные для поступления на юридический факультет, я еще во время службы на флоте заручился характеристиками и направлением в институт. В последние месяцы службы собрал характеристики, справки, направление, но времени для подготовки не оставалось. После службы, работая учителем школы, сразу поступил на подготовительные курсы, всю

зиму по вечерам и ночам писал курсовые и контрольные работы, понимал, что пробить без всякой поддержки себе жизненную дорогу очень непросто.

Через год, в октябре 1972, поехал поступать на Московский факультет Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), где на вакантных 600 мест было более 13 тысяч желающих абитуриентов. Сочинение написал на «хорошо», устный экзамен по литературе тоже на «хорошо», историю сдал на «отлично». С немецким языком произошел казус: нужно было прочитать на немецком языке текст, перевести его на русский язык и ответить на вопросы.

Текст был о приезде Ленина на Финляндский вокзал Петрограда в апреле 1917 года. Перевод со словарем занимал много времени, а я помнил этот текст по истории. Написал его по памяти, потом стал сравнивать со словарем и много лишнего исключил. Когда стал читать текст, экзаменаторы сказали, что число 1917 так не произносят. На это я ответил, что у нас в школе всегда так его произносили. Они спросили: «Где это у вас?» Я ответил: «В Карело-Кошевской восьмилетней школе Калининской области». Они переглянулись друг с другом и сказали, что по-немецки надо было прочитать: «девятнадцать сотен, семнадцать», а я прочитал – «одна тысяча, девять сотен, семнадцать».

С трудом прочитав текст, я стал быстро переводить его по исписанным мною черновикам. Экзаменатор отобрала у меня эти черновики, без которых перевод получался очень плохо. Я схватил у нее написанный текст, зажал его двумя локтями, заявляя, что я его перевел сам, а не кто-то другой. Второй экзаменатор засмеялась, сказала, что с ним делать, давайте поставим «удовлетворительно», он все равно не пройдет по конкурсу.

Экзамены на положительные оценки сдали 4820 человек из 13 тысяч абитуриентов, конкурс оказался 8 человек на одно место. По какой-то счастливой случайности меня зачислили студентом ВЮЗИ, скорее всего, сыграли роль флотские характеристики, направление на учебу, членство в КПСС, подготовительные курсы и что больше никто из деревенских абитуриентов тогда не сдавал экзамены. В основном, абитуриенты были из Москвы, областных центров и очень редко из районных центров. Через пять лет я стал дипломированным юристом, и эту специальность пронес все 33 года с 27 лет и до своей пенсии.

Обучаясь в институте, я, как и в техникуме, использовал прежний метод подготовки шпаргалок, что мне нередко помогало. Лишь однаж-

ды, во время сдачи предмета «История государства и права», шпаргалка меня подвела. Я по памяти подготовил ответы на все вопросы, и готов был сдавать экзамен. Но для себя решил уточнить, когда же, во время Великой Отечественной войны комиссары были заменены политотделами, и когда были введены погоны вместо петлиц. Я вытащил из левого рукава шпаргалку, а резинка неожиданно лопнула. Преподаватель увидел что-то неладное, подошел ко мне, потребовал раскрыть ладони. В левой руке у меня была шпаргалка, большего позора, чем в тот раз, я не испытывал никогда. Раскрыл ладони, преподаватель забрал шпаргалку, прошел к своему столу, и выбросил с него мою зачетку к порогу, заорав: «Вон из аудитории!».

Я подхватил зачетку, никому ничего не сказал, уехал домой, в деревню. Потом несколько раз звонил в институт, узнавая, когда можно пересдать «Историю государства и права». Узнав, что тот преподаватель ушел в отпуск, я помчался из деревни в Москву. Знал предмет отлично, но другой преподаватель заявил, что больше, чем «хорошо» он поставить не может, так как это пересдача экзамена. Хотя я доверился ему и подробно рассказал о причинах пересдачи, получил по предмету лишь оценку «хорошо».

Таким образом, все эти годы, пока дочери были маленькими, я заочно учился во Всесоюзном юридическом заочном институте в Москве. Это были трудные для нас годы. Утром рано идти в школу, там отработать, вечером вести домашнее хозяйство и готовиться к завтрашним урокам. По ночам нужно было писать курсовые работы, читать учебную литературу к экзаменам, иногда вставать к маленьким дочерям. В институте было много предметов по идеологии марксизма-ленинизма: «История КПСС», «Основы марксизма-ленинизма», «Основы марксистско-ленинской философии», а также «Обществоведение» и «Политическая экономия». Про наши поколения говорили, что мы – счастливые люди, так как писали и говорили одними цитатами из книг по марксизму-ленинизму.

В деревне утверждали, что именно телевизор во многом способствовал уходу молодежи в города. Деревенские жители увидели по телевизору городскую жизнь с работой 8 часов в день и выходным в воскресенье. Показывали, как живут горожане в отдельных квартирах, позднее названных «хрущевками», переселившись из коммунальных квартир. Показывали, как отдыхают горожане в выходные дни, как они ездят на курорты и дома отдыха во время отпуска. По телевизору

рассказывали, какие у горожан зарплаты, показывали их машины, мотоциклы и дачи. Брожение, начинавшееся в деревне до появления телевизоров, резко усилилось.

Молодежь в деревне не видела для себя личной перспективы, если остаться работать дояркой, то это на всю жизнь. Остаться работать трактористом, тоже никакого тебе продвижения по работе. На стройке рабочий со временем мог дорасти до бригадира или прораба, на заводе – до мастера или инженера. Любой желающий мог учиться дальше и получать высшее образование. Колхозники всеми силами, правдами и неправдами пытались отправлять своих детей после окончания школы в города на фабрики, заводы или на стройки.

Житейские будни

Дева Калевы, красотка,
та, чьи пальчики прекрасны,
чьи движения красивы,
что всегда быстра, проворна,
посреди избы порхала,
возле печки хлопотала,
много сделать успевая.
«Калевала», песнь 20, стр. 226

Неправы те исследователи и писатели, кто утверждает о ленивом, беспечном прозябании деревенского человека, ему прозябать некогда. Крестьянин в деревне работает с раннего утра до позднего вечера каждый день, зимой и летом, не зная отпусков и воскресных выходных дней. Выходной летом у него лишь тогда, когда идет дождь, а зимой – в пургу и метель, и то не всегда.

Работа в деревне – основа жизни. Деревенские жители работали много испокон века, из поколения в поколение. Особенно много работали крестьяне при колхозном строе, ежедневно выходя на работу по наряду бригадира на колхозное поле, еще нужно было найти время ранним утром и поздним вечером, чтобы поработать на своем приусадебном участке, да ухаживать за домашним скотом.

В конце 1971 года, меня, как молодого коммуниста с годичным стажем, избрали секретарем первичной комсомольской организации

колхоза «Знамя Ильича». Мы создали лыжную команду из молодежи колхоза, участвовали в районных соревнованиях, заняли второе место. Организовали волейбольную и футбольную команды. Колхозная молодежь увлеченно участвовала в подготовке концертов для своих жителей.

Обычно устраивали концерты на «День весны» в июне и «День колхозника» в октябре. Для проведения концертов, еще при моем предшественнике Александре Белоусове, молодежью, которую он организовал, была построена летняя эстрада в березовой роще возле деревни Бережки. Через год меня, двадцатипятилетнего парня, избрали заместителем секретаря парткома колхоза, а Белоусов Александр вновь стал секретарем комсомольской организации.

В деревне забот всегда хватает: наготовить дров на зиму, накосить сена корове и теленку, накосить осоки им для подстилки, наносить воды. В 1973 году мы с женой решили перестроить двор, дополнив его теплым хлевом. Для этого нужны были бревна. Я сказал жене, что надо позвать отчима валить лес. Она заявила, что не надо его отрывать от дел, мы вдвоем сами заготовим бревна.

В августе мы пошли с пилой и топорами в лес, стали пилить высокие елки. Я раньше никогда не валил деревья, лишь видел, как это делают, а жена – тем более. Уставали, отдыхали, принимались снова за работу. Потом стали срубать сучья плотно к дереву. Зина начала рубить сучья не с комля, а с вершины. Я нервно высказал ей, как надо правильно это делать, чтобы не оставались пеньки от сучьев, и не повреждалось бревно. Потом мне стало стыдно за повышенный тон, когда она со слезами на глазах сказала: «Да я первый раз валю деревья, и ни разу не видела, как это делают!»

Молодая женщина, родившая двух дочерей, хрупкая, небольшого роста, здесь, на лесоповале! Да не только благодарить ее надо, а вообще не допускать к тяжелой мужской работе. За три дня мы наготовили бревен, которые осенью приволокли трактором к дому. Но для себя я сделал зарок на всю оставшуюся жизнь – постараться полностью освободить жену от тяжелого труда. Когда находился дома, не давал поднимать тяжести, выполняя данное себе слово. Но тяжелые сумки с продуктами из магазина она носила постоянно.

Я поражался, когда мы еще жили в деревне, как она зимой в проруби пруда кичигой и руками полоскала белье. Вода невыносимо холодная, от белья идет пар, а она голыми, красными от холода, руками

полощет белье, откинув в сторону кичигу – палку с утолщением и изгибом на ее конце.

В июне 1973 года меня уговаривали ехать в областной центр оформляться на должность второго секретаря райкома комсомола. Перед поездкой в областной центр мы с женой проговорили всю ночь. Она сказала: «*Ты сейчас учишься на юриста, если по службе будут переезды, поеду за тобой, как декабристка. Но если ты пойдешь работать в комсомол, я с тобой не поеду*». Эти слова стали самым решающим аргументом, и в областной центр я не поехал.

В 1974–1975 годах учителя школы и колхозная молодежь активно готовились отмечать тридцатилетие победы советского народа над фашистской Германией. Зина была агитатором, всю зиму 1974–1975 годов мы вдвоем ходили после школы по деревням. Она читала жителям деревни лекции на разные темы, а я фотографировал ветеранов колхоза, участников Великой Отечественной войны для оформления стендов. Я тогда продолжал увлекаться фотографией, приобрел новый фотоаппарат «Зенит-С», а фотоувеличитель и остальные приспособления принес от родителей.

Мы с учениками школы собирали вырезки фронтовых газет о своих земляках, их письма, фотографии, чтобы в школе сделать музейный уголок. Я собирал сведения о карелах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Беседовал с фронтовиками, тружениками тыла, которые делились своими воспоминаниями. Позднее использовал некоторые собранные материалы в своих будущих книгах. Домой возвращались поздними вечерами, с двумя маленькими дочерьми нянчилась Зинина тетя, которая воспитала ее, и которую мы называли «мама». Ко Дню победы успели сделать стенды, и оформить музейный уголок в школе.

Партийная организация колхоза поручила мне подготовить и прочитать доклад на торжественном вечере, посвященном тридцатилетию Победы. Зал местного нового клуба был забит до отказа, стояли возле стен и в проходах. Я видел в первых рядах фронтовиков – родителей своих учеников, еще полных сил и здоровья. По случаю праздника они надели ордена и медали. И я, двадцатишестилетний послевоенный парень, отец которого был после войны арестован за немецкий плен, читал им свой часовой доклад на местном материале, который собирал и готовил целую зиму. Никто из них даже намека не сделал о моем отце, в перерыве обнимали, жали руку, благодарили. Потом

был большой концерт, который подготовили учителя и местная молодежь. Я был поражен, насколько терпимы, порядочны, надежны, добры были люди того военного поколения.

Летом во время отпуска мы работали везде – в колхозе, школе, на подряде. Я хотел заработать больше денег, чтобы семья не знала нужды. Во время работы в колхозе случалось всякое. Вспоминаю курьезные случаи из нашей деревенской жизни.

Однажды бригадир попросил меня помочь ветеринару вставлять в нос кольца годовалым бычкам, чтобы их можно было выводить на палке-водиле. Бычки были привязаны цепями к металлической трубе. Я вместе с колхозником Григорьевым дядей Васей надевал на рога бычку веревку, и мы держали бычка за веревки с двух сторон в то время, пока ветеринар с противоположной стороны кормушки протыкал бычку ноздрю и вставлял кольцо.

Уже вставили кольца где-то пятнадцати бычкам, подошли к очередному бычку, натянули веревку. У меня веревка лопнула, бычок вскочил передними ногами в кормушку, а ветеринар пропал. Мы посмотрели в кормушку, под нее, ветеринара нигде не было. Через некоторое время он вошел на скотный двор через ворота. Оказалось, что напротив этой кормушки в стене внизу было небольшое оконце, в которое и нырнул ветеринар. Мы попросили его проделать то же самое в спокойной обстановке. Он просунул одну руку, голову, но дальше пролезть не смог. На что только способен человек в моменты опасности!

Через неделю этих бычков стали грузить на машины, чтобы отвезти на мясокомбинат. Мы вместе с Григорьевым дядей Васей придерживали бычка с двух сторон за веревки с двух сторон, чтобы он не побежал вперед. Одна старушка вела бычка за палку-водило с крюком, который был вставлен в кольцо. Когда вели очередного бычка, палка-водило соскочило с кольца, мы за веревки не смогли его удержать. Бычок побежал вперед и слегка поддал старушку рогами под зад. Каково было наше удивление, когда увидели, как бабушка, этот божий одуванчик, птичкой вспорхнула по изгороди на балку скотного двора, села на нее верхом и кричала: «Снимите меня, снимите меня!».

Были у меня и неприятные моменты. Я вместо тещи, которая оставалась сидеть с нашими двумя маленькими дочурками, после школы ухаживал за колхозными лошадьми. Нужно было запрячь лошадь и ехать за соломой. Я взял узду, подошел к стойлу, где стояла лошадь по кличке Казбек, открыл дверцу. Но лошадь не стала поддаваться мне.

И я совершил глупость, войдя в стойло и закрыв дверцу на задвижку. Лошадь отворачивалась от меня, а я пытался надеть на ее морду узду. В какой-то момент лошадь резко развернулась, и я оказался у ее хвоста. Хорошо, что позади меня была изгородь, я не поворачиваясь, задом быстро забрался по ней на балку. Только успел подняться, как лошадь начала бить задними ногами по этой изгороди, при этом громко ржала.

В связи с механизацией дойки на животноводческом комплексе в Бережках, с 1974 года в деревне Горбовец стало часто отключаться электричество. В связи с увеличением мощностей на комплексе, не выдерживали предохранители. Электрика дожидаться надо было более суток, иногда несколько дней. Местный житель Григорьев Василий показал мне, как можно отключать рубильник и устанавливать новые вставки. После этого в течение двух лет, примерно один раз в квартал, мне приходилось подключать свет в Горбовце, используя вместо заводских ставок медную проволоку. Я выбирал время отключения подстанции, чтобы не шла дойка на комплексе, иначе были бы неприятности, так как при этом отключался свет во всем колхозе, но все обходилось.

Летом 1973 года дома я сделал закрытое крыльцо. Втроем с отчимом и Дмитрием Лучинским летом 1974 года перестроили двор. Рано вставали, летом в четыре часа, и шли с женой на покос. Косили и сдавали сена в колхоз по восемьдесят – восемьдесят пять центнеров за лето, не уступая многим колхозникам.

Наша жизнь тогда шла не шагом, а бегом: бегом утром на работу, чтобы не опоздать на уроки, бегом после работы, чтобы накормить детей. Зимой вставали в шесть часов утра, перед уходом в школу жена готовила еду для маленьких детей. До школы было четыре километра. И все равно успевали отдыхать – летом куда-нибудь уезжали. Зимой по воскресеньям мы с женой на санках катали маленьких дочерей по деревне и с горки, ходили на лыжах в лес – сосняк, где я их фотографировал. В больших снежных сугробах возле дома проделывали лазы и ходы, в которых дочери играли вместе с подружками.

Обручальное кольцо – символ любви

Ты сама идешь в ученье,
на страданье, на мученье.
«Калевала», песнь 22, стр. 252

Получилось так, что моя жена, трижды потеряв свое обручальное кольцо, навсегда сохранила его. Первый раз она потеряла его в мае 1973 года, когда мы шли домой из школы четыре километра. За километр до дома она схватилась, что на пальце нет кольца. Я возвратился до школы, пройдя три километра, и обратно, внимательно осматривая дорогу. Не обнаружив нигде кольца, пришел домой. Мы расстроенные сидели на диване, отдыхая от пройденного пути.

Зина сказала, что ничего не поделаешь, надо разбирать сумки и садиться обедать. Она взяла свой свернутый плащ и повесила его, потом взялась за мой плащ, встряхнула его. Обручальное кольцо звякнуло об пол и покатилось. Значит, когда дорогой мы сняли свои болоньи плащи, и жена, свертывая их, вытащила руку, кольцо осталось внутри свернутого плаща. Мы очень обрадовались, поцеловались, настроение резко улучшилось, домашние дела пошли более успешно.

Второй раз она потеряла обручальное кольцо в ноябре того же 1973 года. Мы мысленно с ним уже расстались навсегда, так как нигде его не могли найти. Стали ждать 1 июня следующего года, чтобы на четвертую годовщину свадьбы купить новое кольцо. Всю зиму жена ходила без обручального кольца. Весной 1974 года, в конце апреля, она веником стала подметать улицу возле дома. Когда подметала с обратной стороны дома, где всегда вешали постиранное белье, что-то блеснуло. Это было обручальное кольцо, которое пролежало на земле под снегом всю зиму. Получалось, что когда она в ноябре встряхивала выстиранное белье, чтобы его повесить на веревку, обручальное кольцо упало с пальца и осталось лежать на земле. Нам трудно верилось в это маленькое счастье, но так было.

Новый 1974 год отмечали в семье моего друга-баяниста Николая, собралось десять человек. Проводили старый год, встретили новый, пели песни, танцевали. Около четырех часов утра молодые женщины решили перемыть посуду и снова накрыть стол. Бывший учитель-физкультурник Александр Белоусов, который был еще не женат, сказал, что вчера он, согласно очереди, топил колхозную баню в своей деревне. Надо бы идти ее прибрать, пока она не остыла.

Все парни решили помочь ему, пока наши жены готовят новый стол. Пошли в соседнюю деревню, что в одном километре, зашли в баню. Пар еще вышел не весь, в бане было тепло. Мы разделись, ополоснулись, некоторые опустили ноги в таз с теплой водой, откинулись на лавки, да так и заснули. Мать Саши Белоусова подождала нас некоторое время, потом пришла в баню и увидала картину сонного царства. Она нас кое-как разбудила, привела в свой дом, напоила чаем.

Мы вернулись в дом Николая продолжать празднование Нового года. Наши жены, не дождавшись, тоже прилегли спать, стол уже был накрыт заново. Хозяева затопили печку, чтобы было тепло, времени было около семи часов утра. Мы снова сели за стол, и праздновали до четырех часов дня. Такой долгой встречи Нового года с девяти часов вечера до четырех часов следующего дня у нас в жизни уже не было никогда.

Летом 1974 года исполнилось три года, как я вернулся со службы на флоте, и как мы с женой жили вместе. Когда уходили на работу, а иногда по вечерам шли в клуб, с внучками оставалась бабушка Надежда Ивановна. А я помогал ей ухаживать на конюшне за лошадьми. После работы в школе привозил им сено, солому, задавал корм, выгонял на водопой. В 1973 году теща вышла на пенсию, стала более свободной, полностью отдавала себя внучкам. Когда в следующем году Зину назначили директором школы, мы решили переехать жить самостоятельно в учительский дом в селе Карело-Кошево. В течение двух первых учебных месяцев приводили дом в порядок: сложили русскую печь, я обил стены и потолки сухой штукатуркой, заготовил на зиму дров. Во время ремонта учительского дома на ночь по-прежнему ходили в Горбовец, где продолжали жить.

В начале октября 1974 года молодежь собралась ехать на грузовой машине в соседнюю школу играть в волейбол. Жена не захотела ехать, говорила, что дома нас ждут маленькие дети. Она сошла с машины возле Горбовца, отговаривала ехать и меня, но я упрямо поехал вместе с другими. Я считал, что общественная обязанность превыше личных дел. Понимал, что дома ждут две маленькие дочери, но с ними была замечательная женщина – теща.

После игры собрали стол, немного выпили, поехали обратно. На обратном пути я сошел с машины у своей деревни, подошел к дому, дверь была заперта. Стучал в дверь, стучал в окно, но жена

домой меня не пускала. Говорила, чтобы шел туда, откуда пришел. Хотя уже было холодно, я зашел в сенник, вырыл там нору в сене и проспал ночь.

За тот вечер жена сожгла в печке все мои письма, присланные ей из армии, а также свои письма, написанные мне во время службы, которые я сохранил и привез домой. Не думаю, что этим она хотела показать мне, что все наши теплые, любовные отношения разорваны, как эти письма. Она этого не хотела, это был короткий агрессивный порыв ревности. Болезненная ревность делала ее импульсивным человеком. Я не сомневался в том, что ее действия по отношению ко мне были совершены в порыве сильного гнева, но по своей неопытности до конца еще не понимал, что этот припадок ревности означал ее сильную противоречивую любовь.

О случившемся узнала моя мать, пришла за семь километров в нашу деревню. Как говорит пословица: «Хорошая молва на печи сидит, дурная – по дороге бежит». Мать стала звать меня домой, говорила, что не надо унижаться и позориться, я не бездомный. Но я упрямо заявил, что семья моя здесь, никуда от семьи не уйду. Несколько ночей мы с женой спали отдельно, но потом все наладилось.

Нужно сказать, что у жены с моей матерью до последнего дня были прохладные отношения мирного существования без какой-либо дружбы, близости и взаимного понимания. Хорошо, что две мои женщины жили не вместе, а вдалеке друг от друга.

В конце октября 1974 года мы втроем вместе со старшей дочерью переехали в учительский дом в село Карело-Кошево. Прежде всего, в нем сложили новую русскую печь, а стены и потолок я обил большими листами сухой штукатурки. Напротив дома через дорогу стояла Сретенская церковь со сбитыми набок крестами, и кладбище, на котором по ночам ухал филин и противно кричал сыч. Дочь брали с собой в школу, она сидела в учительской, гуляла с ребятами на улице или сидела на последней парте в классе. Рисовала, смотрела в окно, рассматривала картинки, вела себя тихо и заниматься матери с классом не мешала.

Мы с Зиной тогда еще не знали, что кроме непредвиденных случайных кризисных ситуаций, есть место закономерным кризисам в жизни человека. Семейные кризисы могут наступить через месяц после свадьбы, после рождения первенца, в год, когда ребенок пошел в школу и когда взрослые дети ушли из дома и супруги остались одни.

Но уже тогда я понимал, что во время кризиса не надо поддаваться эмоциям, трезво оценивать создавшуюся ситуацию. Выяснить меру своей ответственности и не принимать первых, пришедших на ум решений, а подумать. Попытаться прогнозировать каждый из возможных вариантов выхода, к каким результатам он может привести и принять правильное решение.

Третий раз кольцо было потеряно женой в мае 1977 года, мы тогда уже жили в районном центре. Жена считала, что кольцо она потеряла на огороде, когда копали там гряды и сажали овощи. Мы отчаялись найти его в третий раз, но через две недели, когда стали сажать лук, жена обрадовано вскрикнула. Она увидала, что на хвостике одной луковицы насажено ее обручальное кольцо.

Это означало, что когда она готовила лук для посадки и очищала его от шелухи, кольцо слетело с пальца в луковицу. Хорошо, что оно не оказалось в шелухе, которую выбросили.

Пока эти загадки я не отношу к разгадкам жизни, возможно, их я никогда не разгадаю. Но твердо для себя усвоил, что с милым рай в шалаше только в первый год. Если на протяжении нескольких лет у семьи не будет своего жилья, с таким милым надо расставаться. Усвоил это правило потому, что уже подрастали две дочери, о которых нужно было позаботиться.

В деревне жизнь постепенно замирала. Сначала перестала крутить свои крылья ветряные мельницы, муку стали привозить в сельповский магазин. Вокруг остановившейся мельницы уже не стояли подводы с зерном, и не толпился народ. Потом стали закрываться риги, в которых раньше молотили зерно и сортировали лен. Теперь зерно молотили молотилками, а позднее – комбайнами, лен сдавали государству без сортировки.

После мельниц и риг в деревнях стали закрываться кузницы, оставалась одна кузница на центральной усадьбе. Замолчали красивые голоса кузнечных звонниц – постукивание молотков по наковальне. Уже не клепали из проволоки самодельных гвоздей с квадратной шляпкой, не клепали обода на колеса и сани, не ковали подковы для лошадей, лошади ходили с неподкованными копытами. Большинство работ проводили не на лошадях, а тракторами. Запчасти к ним привозили из районной «Сельхозтехники».

После кузниц ликвидировали маленькие фермы на 30–40 коров во всех деревнях. Коров и телят перевели на огромные животноводческие

комплексы. В деревнях не стало работы кузнецам, косцам, дояркам, телятницам, многие семьи стали уезжать из деревни в поисках работы. Постепенно все деревни стали распадаться, оставалась лишь центральная усадьба. Учеников в школе становилось все меньше и меньше, если при нашем обучении в классе было 15–25 учеников, то во время нашей работы в школе по 6–15 человек. Надо было думать о будущем своей семьи и о своем будущем.

Обстоятельства жизни сами подсказали нам, куда идти дальше и где работать. Получилось так, что эти обстоятельства зависели не только от нас самих, но и от других людей.

* * *

Друг-баянист Николай женился на девушке из соседней деревни летом 1968 года, когда меня проводили в армию. Про ту девушку, с которой он дружил раньше и ходил к ней на свидания через лес, сказал: «Она любительница острых ощущений, а это не по мне». В ту же осень, уже после свадьбы, его призвали служить в армию на два года, вернулся осенью 1970-го. Его сыну было уже полтора года. После армии работал заведующим клубом, кузнецом, а позднее – лесником. Очень любил природу, рыбалку, охоту, многое умел. Играл на баяне, хорошо фотографировал, ковал изящные поделки, занимался резьбой по дереву. У них родилась дочь, жили на центральной усадьбе колхоза, колхоз представил им полдома. Потом он построил свой дом в соседней деревне за рекой.

Еще в самом начале совместной жизни со мной, Зина пыталась отвадить меня от друга Николая, то ли ревновала к нему, то ли считала, что он плохо действует на меня, пытаясь сбить с жизненного пути.

Нужно сказать, что в 1997 году Николай ушел от жены к другой женщине, помогал ей растить внуков. Я последний раз встречался с ним в тот год, убеждал его, что неправильно он делает, надо сохранить семью и добрые отношения с женой. Он меня не послушал, от той женщины ушел жить в родную деревню и целую зиму прожил один в пустом доме.

Больше я в свою деревню не приезжал, там не осталось жителей, наши пути с Николаем разошлись навсегда. Проживая один в пустом доме, Николай вместе с лесником стал рубить из осины бани и про-

давать их. Одну баню продали молодой женщине с тремя детьми под Ленинград. Николай познакомился с этой женщиной и уехал жить к ней. Жена осталась доживать одна в большом пустом доме. Наверное, потом он не один раз пожалел, что когда-то ушел от жены.

Наши первые поездки

Дай нам, Бог, дозволь Создатель,
дай нам радоваться жизни.
«Калевала», песнь 44, стр. 490

С первых лет совместной жизни мы с женой хотели расширять свой кругозор и путешествовать. Наша первая семейная поездка с ней состоялась в августе 1973 года. Целый месяц я вместе с отчимом «шабашил» у одной учительницы. Мы с ним покрыли крышу дранкой, подняли и подрубили сени. На заработанные деньги с женой поехали в город Винницу на Украину к ее дяде. Профессиональный военный он был уже в отставке, хотя было тогда ему сорок восемь лет. Работал завскладом на одном из заводов. Время мы с женой провели замечательно, гуляли по городу, где прямо над нашими головами висели совершенно зрелые груши, сливы, яблоки, шелковица. Мы никак не могли удержаться, чтобы не сорвать какой-нибудь фрукт.

Всюду было вино и пиво, для России, где год назад приняли указ о борьбе с пьянством, это казалось непонятной роскошью и вольностью. Вино по сорок копеек за стакан продавали в отдельном закутке любого магазина. За двадцать копеек можно было купить его из любой бочки или в автомате. Люди были веселыми и незлыми, улыбались, шутили. Еще нас поразило множество клумб и цветов, их никто не срывал, и по ним не ходили.

Один раз в выходные дни мы выезжали на территорию бывшей резиденции Адольфа Гитлера «Вервольф» – «волчье логово», что совсем недалеко от Винницы. Бункер был взорван, изуродован, торчали штыри металлической основы железобетонных блоков, но он оставался символом войны, зла, амбиций фашизма.

Были в склепе хирурга Николая Ивановича Пирогова, участника Крымской войны 1854–1856 годов. Забальзамированное тело сохранилось, но сильно уменьшилось. Ловили рыбу на реке Южный Буг, ходи-

ли на аттракционы, были на концерте молдавского ансамбля «Жок». Приехали домой, полные впечатлений и рассказов.

В августе 1975 года мы ездили отдыхать в город Евпаторию на берег Черного моря в Крыму, брали с собой пятилетнюю старшую дочь. Жили на квартире у хозяйки, питались утром и вечером в столовой, на обед покупали фрукты и что-нибудь в пляжных буфетах. Выбор питания, конечно, был скуден: котлеты, колбаса, куры да пирожки. Но накупались и позагорали вдоволь, с трудом находя свободное место на пляже. Тогда на песке еще было достаточно много мелких ракушек. Мы лениво перебирали песок и отбирали ракушки покрупнее. Позднее, уже дома в деревне, Зина насадила ракушки на нитки, сделав бусы для себя и двух своих дочерей.

Дома были две маленькие дочери пяти и трех лет, с ними постоянно находилась замечательная женщина – моя теща, тетя жены Надежда Ивановна Смирнова, которую мы называли «мама». Мы не могли уделять дочерям много внимания, так как работали, выполняли разные общественные поручения, я заочно учился в институте. Тогда был один выходной в неделю – воскресенье. Зимой мы с дочурками катались на санках с горок, ходили в лес на лыжах, в больших сугробах возле дома я выкапывал ходы и лазы, где дочки играли. Летом ходили купаться на деревенский пруд, за ягодами и грибами в сосняк. Многое из этого я фотографировал, чтобы сохранилась память об их детстве.

В начале июня 1975 года я вернулся из Москвы с очередной экзаменационной сессии в институте, перейдя на четвертый курс обучения. Зинаида Ивановна тогда работала директором школы, она сказала, что в школу приезжали прокурор района и помощник прокурора области по кадрам. Они интересовались мною, просили приехать в областную прокуратуру. Я поехал в районный центр, познакомился с прокурором района Е.Г. Лаврентьевой, договорился о прохождении у них практики в течение лета. Попросил позвонить в областную прокуратуру и сказать, что я хотел бы перейти на службу через год, когда буду учиться на последнем курсе.

Весной следующего, 1976 года, я поехал в областной центр, написал заявление о приеме на работу в областную прокуратуру. Там мне предложили на выбор должность помощника прокурора или следователя в одном из восьми небольших отдаленных районов области. По-видимому, там была проблема с кадрами, заканчивали работать

фронтовики и довоенное поколение. Послевоенных подготовленных кадров было еще немного, и они имели небольшой опыт работы.

Вернувшись из Калинина домой, я посоветовался с женой, мы решили вместе с ней съездить посмотреть отдаленный юго-западный Пеновский район области. Сели на поезд до станции Бологое, там пересели на другой, который шел в город Полоцк, что в Белоруссии. На один из предлагаемых районных центров, поселок Фирово, посмотрели из окна поезда. Он представлял собой невзрачный небольшой поселок из одноэтажных деревянных домов, двухэтажных было 3–4 дома. Решили, что в этот районный центр, который нам предлагали в числе других, мы жить не поедем.

Прибыв утром в дальний юго-западный Пеновский район, сойдя на станции Пено, встретились с прокурором. Та очень обрадовалась, так как уже долгое время не было следователя, и она сама расследовала уголовные дела. Просила подойти после обеда, чтобы вместе идти к первому секретарю райкома партии.

Мы пошли гулять по главной улице поселка, которая вывела нас на мост через протоку между двумя озерами. День был пасмурный, ветреный, на озерах – большие пенистые волны. Поселок маленький из деревенских деревянных домов. Мы прошли в гостиницу, поспали там четыре часа, пообедали. Во время обеда решили в райком партии не ходить, а срочно уехать домой. Мы представили себе, как во время отпуска будем добираться на родину. О поездках туда на выходные не могло быть и речи. И таким далеким, серым, неуютным показался нам тот поселок после нашей холмистой местности с лесами и перелесками.

Приехав домой, отдохнув два дня, договорились, что в другой отдаленный районный центр, город Весьегонск на севере области, я поеду один. Зина сказала, что она полностью мне доверяет, если скажу, что город понравился, и надо туда ехать, она оставит свою работу и поедет со мной. Если не понравится, то вместе поедем в следующий районный центр из тех, что предложили. Я съездил на поезде в тот отдаленный город, подробно рассказал жене о городе, мы решили ехать туда работать.

Я написал заявление в РОНО об увольнении из школы. Жена достала две туристические путевки по Прибалтике на июль. Прежде, чем мне перейти на службу в прокуратуру, в средине июля 1976 года мы вдвоем с женой поехали по туристической путевке в Прибалтику:

Рига – Вильнюс, посетили Юрмалу, Тракай и другие города. Это была последняя наша поездка перед моей службой в прокуратуре.

Мы с ней приехали на Рижский вокзал Москвы, встали в очередь за билетами. Небольшой зал вокзала был полон людьми, присесть было негде, многие взрослые и дети сидели на своих вещах или прямо на полу. Работала всего одна касса, мы стояли в очереди с 8 часов вечера, сначала стояли по очереди, примерно по одному часу. К единственной кассе сквозь толпу народа то и дело пробирались ветераны войны, другие льготники, перекупщики.

Около трех часов ночи я психанул, сказал жене, что не нужна эта поездка, надо ехать обратно домой. Она ответила, что отстояли в очереди целую рабочую смену, осталось стоять недолго. Зина простояла в очереди еще около трех часов и незадолго до отправления поезда Москва-Рига купила билеты. Этот кошмар на Рижском вокзале, где мы с женой провели бессонную ночь, простояв в очереди за билетами около 10 часов, я запомнил на всю жизнь.

В Прибалтике мы увидели разительное отличие от центра России и даже Москвы. В магазинах было достаточное разнообразие продуктов и небольшие очереди. На улицах – улыбающиеся люди без суеты и агрессии.

В один вечер мы с Зиной решили сходить в ресторан отведать рижского бальзама. До этого ни разу в ресторанах не были, даже находясь в Виннице, Евпатории и Москве. О рижском бальзаме много слышали, но еще не пробовали. Народу в ресторане было немного, играла музыка. Мы заказали целую бутылку бальзама, салаты и вторые блюда. Официант спросил, будем ли они заказывать водки, когда отказались, он посмотрел на нас удивленно. Уже в конце своего пребывания в Латвии мы узнали, что бальзам добавляют в водку, чай или кофе. Зина лишь попробовала бальзам, а мне пришлось осилить полную бутылку в 350 грамм. К концу вечера пить бальзам было уже тяжело. Позднее мы иногда употребляли рижский и другой бальзам, но уже разбавляя с чем-нибудь.

Увидав в магазинах разнообразие вещей, решили накупить одежды для дочерей и себя. Свободно зашли в один из магазинов, который нас ошеломил. Такого богатства детских вещей мы не видели никогда. Зина набрасывала на руку кофточки, платьица, колготки, курточки, видя, что цены на них невообразимо низкие. Когда подошли рассчитываться к кассе, нас спросили, а какие у нас деньги? Зина ответила,

что обычные советские рубли. Тогда нам популярно разъяснили, что это валютный магазин «Березка», здесь все продается только на доллары и марки. И вообще, как нас могли пропустить в этот магазин? Взяли у Зины всю отобранную ею детскую одежду и сложили у кассы. Но видя ее расстроенное до слез лицо, продали за рубли какие-то две мелкие вещички.

Однажды, увидев на улице очередь за футболками, решили отстоять ее. Я остался в очереди, а Зина пошла в соседний магазин. За мной заняла очередь пожилая латышка. Через некоторое время она обратилась к стоящим за нею женщинам: *«Я стою вот за этим самостоятельным мужчиной, ненадолго отойду»*. Когда она вернулась, я спросил, почему она назвала меня «самостоятельный». Она ответила: *«Потому назвала, что Вы «сам», то есть мужчина, «стоите» в очереди. Вот поэтому и самостоятельный»*.

В один из дней отдыха мы сели на электричку и поехали в Юрмалу на берег Балтийского моря. На побережье народу было мало, вода холодная, но я все-таки искупался, понимая, что вряд ли когда мне это удастся сделать еще когда-нибудь. Когда шел по воде к берегу, увидел красивый камушек и подобрал его. Мы внимательно его разглядели – это был янтарь, и вдвоем с полчаса бродили вдоль берега по песку, находя небольшие янтарные камушки, которые привезли с собой домой. Из Латвии мы на поезде переехали в столицу Литвы – Вильнюс. Посетили старую столицу Литовского княжества – небольшой городок Тракай.

Вернувшись из поездки по Латвии и Литве, я стал настойчиво добиваться осуществления своей цели – поступить на службу в прокуратуру Калининской области, несмотря на все препоны. После этой поездки мы стали ожидать серьезных изменений в нашей жизни со сменой работы и места жительства.

Глава V
Служба в прокуратуре

Помощник прокурора

Не тоскуйте, не тужите,
не впадайте в грусть большую
оттого, что уезжаю,
отправляюсь в край безвестный!
«Калевала», песнь 24, стр. 287

Вернувшись из Прибалтики, я попал в первую жизненную кураленицу. Мне нужно было уже ехать работать в Весьегонский район помощником прокурора, а в РОНО не отдавали трудовую книжку, хотя прошло больше месяца с подачи моего заявления. Почти каждый день я ходил на почту за три километра от деревни, и вел телефонные переговоры с отделом кадров областной прокуратуры. Помощник облпрокурора по кадрам Борис Васильевич Иванов по телефону говорил, чтобы я сам уладил отношения с райкомом партии.

Через неделю переговоров я не выдержал и поехал к первому секретарю райкома партии В.Д. Володину. Тот долго уговаривал меня не уезжать из района, и не снимал с партийного учета. Говорил, что скоро в районе освободится место следователя, и я буду нужен здесь. Я снова позвонил в областную прокуратуру, сообщил им о предложении первого секретаря райкома оставаться в районе, но там сказали, что надо ехать в Весьегонск. Опять поехал к первому секретарю, стал добиваться снятия с учета. Меня в тот день, наконец, сняли с партийного учета и дали согласие заведующей РОНО на увольнение.

Я прибыл к месту назначения 9 августа 1976 года, для начала дали несколько проверочных материалов и жалоб. Как их проверять, я уже знал по практике в прокуратуре Сонковского района, которую проходил год назад. Примерно через неделю меня взяли на осмотр места происшествия. В одной деревне возле села Тимошкино было совершено убийство. Следователь осматривал место происшествия, а оперативники искали убийцу. Я отошел немного в сторону и услышал

разговор доярок на карельском языке. Они показывали глазами на пастуха, который очень активно помогал следователю осматривать место происшествия, и говорили, что это он убил доярку.

Я подошел к начальнику уголовного розыска и тихо сказал, что убийца – пастух, его надо брать. И захватить с собой двух доярок для показаний. Начальник уголовного розыска удивленно посмотрел на меня. Я пояснил, что доярки в разговоре указали на убийцу. Так знание карельского языка подняло мой авторитет при первом расследуемом убийстве.

Семья оставалась жить в деревне. Поезд от Весьегонска до нашего районного центра расстоянием сто десять километров шел ровно четыре часа. Я выезжал домой в пятницу около шести часов вечера, приезжал на станцию Сонково в одиннадцатом часу ночи. Пешком шел домой пятнадцать километров, приходил около двух часов ночи, по пути случалось разное.

В первый выходной я подходил к кладбищу за деревней Сабурово, светил фонариком и увидел на дороге зеленые глаза. Кладбище находится возле леса, до деревни назад было около километра, до дома еще около пяти. Решил идти прямо, справа во ржи кто-то зашуршал. Было страшно, но другого выхода, как идти вперед, не было. Зверь с зелеными глазами побежал в рожь, там явно захрюкали кабаны, а я побежал домой так быстро, что около часа ночи был дома. Жена спросила, почему так рано, я ответил, что очень быстро шел.

В другой раз, проходя мимо этого кладбища в лесу, издали увидел, что от могил что-то поднимается, светясь. Я сначала остановился, в голове промелькнули разные страшные рассказы и легенды. Знал, что недавно был похоронен разбившийся тракторист. Напротив кладбища я остановился и стал внимательно наблюдать, силой воли подавляя внутреннюю дрожь. Увидел, что на белых могильных памятниках, которые освещала луна, отражаются ветки деревьев. Они от ветра шевелились, и создавалось впечатление, что от земли вверх поднимается светлая струя. За кладбищем по обе стороны дороги начинался лес. Когда я вошел в него, возле дороги с березы громко крикнула сова и прислушалась, может кто-то зашуршит на земле под листьями или пискнет, чтобы стать ее добычей. В это время луна скрылась за облаками, крик совы в темную ночь прибавил мне шагу.

После этого случая в следующий свой приезд я решил дожидаться рассвета на вокзале в Сонкове. Около четырех часов ночи, когда нача-

ло светать, пошел домой, шел быстро. В начале седьмого часа был уже возле березового леска, который в народе все еще называли «сосняк», так как до пожара там росли сосны. Вышел на взгорок и увидел метрах в пятидесяти от себя двух волков. Волчица грызла кость, а волк смотрел по сторонам. До сосняка было метров сто – сто пятьдесят, до деревни с полкилометра, дорога шла мимо волков. Подумал несколько секунд, заложил в рот большой и указательный пальцы левой руки кольцом, и громко свистнул. Волчица резко вскочила и побежала к деревне Калиниха в сторону леса, а волк, немного помедлив, поплелся вслед за ней.

В один из выходных дней в начале сентября я домой не поехал, ко мне приехала жена. Я встретил ее с поезда, недалеко от вокзала увидели надпись «Ресторан». Мы проходили мимо ресторанов в Москве, Виннице, но заходили в него один раз в Прибалтике. Знали, что в ресторанах все дороже, чем в столовых и магазинах, это было не по нашим зарплатам. В тот раз жена предложила нам пообедать в ресторане. Мы поднялись на второй этаж, сели за столик, народу не было. Зал ресторана в сравнении со столовой в нашем райцентре, показался уютным. В нем было светло, просторно, опрятно, столики накрыты белыми скатертями.

Официантка принесла небогатое меню, практически – обычный обед. Мы выбрали себе салаты, первое блюдо и шницель с макаронами, заказали по фужеру красного вина. Вечером гуляли по городу, выходили на широкий берег реки Мологи. На другой день ходили на ближнее болото за клюквой. В той местности, где мы жили, клюква не росла, я собирал ее первый раз в своей жизни. А вечером проводил жену на поезд. По настроению жены я понял, что в этом городе ей начинает нравиться, радовался за нее.

Договорились, что в следующие выходные я приеду за ними, мы перевезем необходимую мебель и переедем втроем жить в этот город. Я за неделю должен найти отдельную комнату, где можно жить. У старой хозяйки, где я жил, жене не понравилось, там была проходная изба с диваном для меня, а жене хотелось отдельную комнатку.

Надлежащего автобусного движения в Весьегонском районе тогда не было. Меня часто направляли в колхозы проверять решения их правлений, направляли в сельсоветы для приема граждан, давали другие поручения. Для поездок по району мне вручили жезл автоинспектора, я останавливал любую попутную машину, предъявлял свое

служебное удостоверение, просил подвести до той деревни, куда ехал водитель. Так на перекладных добирался до Любегощей, Большого Овсянникова и других удаленных деревень и сел района. Такая вот была практика, но отказов от водителей не было ни разу.

В первой половине сентября 1976 года я перевез в тот дальний северный районный центр области жену со старшей дочерью. Договорились в своем колхозе с машиной, погрузили мебель и переехали. Жене предложили место воспитателя группы продленного дня в одной из школ города. Ради своего любимого, ради будущего своей семьи она поменяла достойную должность директора школы, чтобы начинать свою работу в другом районе воспитателем группы продленного дня.

Имея специальность учителя начальных классов, она хотела работать с малышами. Успокаивая меня, говорила, что работа в группе положит начало более близкого отношения с учениками начальных классов, так как ранее она никогда с ними не работала. Мы поселились в четырехметровой комнатке деревенского дома. Я учился на последнем курсе института, хозяйка дома разрешила мне заниматься за столом в зале. Приехав в выходной день на станцию Сонково, мы дожидались утреннего автобуса, на нем ехали в деревню, где с бабушкой оставалась наша младшая дочь.

Как-то в порыве откровенности прокурор района Рудольф Николаевич Воробьев спросил у меня: «*Ты не знаешь, почему я до сих пор юрист I класса и мне не присваивают звание «младший советник юстиции», хотя мне уже 38 лет?*». И рассказал мне историю, послужившую, по его мнению, причиной этому. Однажды в воскресенье он поехал рано утром на зимнюю рыбалку на речку Реня. Река эта сама по себе рыбная, туда приезжает много рыбаков. Но в то раннее зимнее утро сидел всего один рыбак. Шапка-ушанка была опущена и завязана под подбородком, воротник тулупа поднят, левая рука засунута за пазуху. Рыбак, не торопясь, дергал удочку правой рукой.

Считая себя хозяином этой местности, прокурор района Р.Н. Воробьев подошел к рыбаку сзади и громко спросил: «*Ну, что мужик, уже с утра напился, руку отморозил, за пазуху ее сунул?*». Рыбак медленно поднял голову, и Воробьев узнал прокурора области Владимира Емельяновича Цветкова. У него еще на войне оторвало кисть левой руки, вместо нее был протез. В.Е. Цветков был родом из Весьегонска, у него здесь еще оставался родительский дом, куда он иногда приезжал на выходной день. Рудольф Николаевич оцепенел так, что потерял дар

речи, начал бормотать: «Извините меня, Владимир Емельянович!» Тот предложил сесть рядом и порыбачить, при этом подробно расспросил о ситуации в районе.

С тех пор прошло шесть лет, а он, Воробьев, по-прежнему остается юристом I класса. Я сказал, что это не может быть причиной, но Рудольф Николаевич горячо заспорил. Через три года я узнал, что Р.Н. Воробьев, так и не получив очередного звания, перешел работать в адвокатуру. На его место перевели прокурора Краснохолмского района Алексея Алексеевича Чернова.

В Весьегонском районе я проработал недолго, всего три месяца. Первый секретарь райкома партии В.Д. Володин настойчиво добивался в прокуратуре области о переводе меня в свой район.

Через 20 лет, когда я был уже заместителем губернатора Тверской области, во время одной из бесед Владимир Андреевич Смородин, бывший в 1970-е годы первым секретарем Весьегонского райкома партии, сказал мне: «Ваша судьба могла сложиться иначе, я бы Вас из своего района не отпустил. Когда Вы уезжали из нашего района, я находился в Калинине (теперь Тверь). Отругал третьего секретаря за то, что он снял Вас с партийного учета, не дождавшись меня. Но было уже поздно, первый секретарь Сонковского райкома партии В.Д. Володин по телефону мне сказал, что Вас уже поставили на партийный учет и назначили на должность».

Следователь районной прокуратуры

Там взял оберег свой малый,
там защитой заручился.
«Калевала», песнь 12, стр. 129

В ноябре 1976 года меня перевели следователем Сонковской районной прокуратуры Калининской области. Жена со старшей дочерью оставались в Весьегонске еще две недели, которые она должна была отработать по закону. В конце ноября состоялся наш обратный переезд в деревенский дом тещи. В нем мы прожили четыре месяца, пока не дали нам первую квартиру в Сонкове. Вставали в шестом часу утра, жена готовила еду для детей, одной дочери было шесть лет, а второй четыре года. В седьмом часу выходили в соседнюю деревню Холм, что

в полутора километрах, на автобус. Приезжали в районный центр Сонково где-то полвосьмого утра.

Я сразу начинал работать, Зинаида Ивановна иногда заходила ко мне на работу, так как школа, где она работала, была еще закрыта. Особенно трудно ей было в январе–феврале 1977 года, когда я был на экзаменационной сессии в Москве. Жену по утрам сначала сопровождала собака Шарик, но потом она обленилась, не помогали ни печенье, ни сушки, собака с полдороги возвращалась домой. Зинаиде Ивановне приходилось в темноте одной добираться за полтора километра до деревни Холм, где была остановка автобуса Бежецк-Сонково.

Телефона у тещи не было, он был у бригадира А.М. Григорьевой, что через дом от нас. Анне Михайловне приходилось часто приходить к нам по разным сообщениям. Событий за время работы следователем прокуратуры было достаточно, память сохранила некоторые из них.

Как-то звонок раздался в двенадцатом часу ночи, звонила прокурор района Екатерина Григорьевна Лаврентьева, сказала, что в соседней деревне Холм стоит лошадь, а в санях – труп. Меня разбудила Григорьева Анна Михайловна, сказала о приказании прокурора. Мне в полночь пришлось идти пешком с фонариком в деревню Холм, где разбудил семьи Козыревых и Брызгаловых, чтобы они присутствовали понятыми при осмотре трупа. Я узнал местного связиста Анатолия Грачева из села Карело-Кошево, судебный эксперт позднее установил, что он умер от сердечной недостаточности. После осмотра, труп на этой же лошади мне самому пришлось везти за 18 километров в морг Сонковской районной больницы, так как никто не согласился его сопровождать. Ночь, темень, а я еду в санях наедине с покойником по пустынной дороге в лесу, жутковато!

Вернулся с лошадью уже под утро, в Холму меня ждала жена умершего, учительница Галина Васильевна Грачева. Доехал с ней до поворота на Горбовец, пришел домой, позавтракал и, не спавши всю ночь, вместе с женой сразу же пошли на автобус обратно в Холм, чтобы ехать на автобусе на работу в Сонково.

Однажды в апреле, мы тогда с женой и старшей дочерью уже жили в Сонкове, поступило сообщение о трупе в деревне Зубарево. Передавший сообщение милиционер сказал, что прокурор велела мне одному провести осмотр места происшествия, из милиции со мной никто не поедет. Телефона в нашей квартире не было.

В распутицу добраться до деревни Зубарево можно было только пешком. Я на поезде проехал километров шесть до разъезда, вышел с поезда и прошел пешком остальные восемь километров. В сельсовете попросил пригласить двух понятых, пришел в дом, начал осмотр места происшествия, меня насторожило отсутствие трупа.

Выяснил, что накануне в деревню приехали шефы предприятия «Химволокно» из Калинина. Вечером в доме выпивали, но крови нигде не было, ни на полу, ни в подполье, ни в расщелинах между половицами. Прошел в магазин, там, среди покупателей услышал шепоток: «Дрались, дрались». До этого я опросил всех очевидцев, которые приехали и выпивали вместе с умершим рабочим, они в один голос заявляли, что тот умер сам.

При этом один очевидец сильно волновался, он заикался, и руки его тряслись. Я снова нашел его и спросил: «За что ты убил его?». Он ответил: «Не я его убивал». Я не стал дальше ничего у него выяснять, сразу же прошел в сельсовет, позвонил прокурору и попросил, чтобы в райцентре задержали тех, кто привез труп. Потом позвонил в больницу и попросил не вскрывать труп, а везти его в город Бежецк, так как похоже на убийство. Все криминальные трупы тогда вскрывал судебно-медицинский эксперт Бежецкой больницы, хирург в Сонкове вскрывал только некриминальные трупы. Врач ответил, что труп он уже вскрыл, обнаружил отрыв брыжейки и повреждение внутренних органов.

Проведя все необходимые следственные действия, я пешком пошел обратно домой. Дойдя до деревни Горка, расположенной буквой «Г», я, решив сократить путь, пошел не по улице деревни, а по усадьбам с одного конца деревни на другой конец. Сворачивая влево на деревенские усадьбы, я видел метрах в трехстах, стоящий на дороге возле шохи трактор «Беларусь» с тележкой. По ветру был слышен шум работающего двигателя, из трубы шел дым, но никого в тележке и возле трактора не было. Я подумал, что привезли удобрение и готовятся его выгружать в шоху. Даже не предполагал, какая участь меня ждала, если бы я не свернул с дороги.

На другой день задержали подозреваемых в убийстве, они сначала отказывались, потом признались в убийстве. Во время допроса подозреваемые заявили, что они поджидали следователя на складе с удобрениями у деревни Горка, чтобы прибить его и закопать в удобрения.

Милиция, которая не направила со мной ни одного сотрудника, оценила раскрытие мною убийства и мою жизнь, стоимостью элек-

тробритвы с дарственной надписью. Но прокуратура области провела длительную служебную проверку, не является ли награждение меня электробритвой со стороны УВД Калининского облисполкома за раскрытие убийства взяткой. Тогда были натянутые отношения между прокуратурой и милицией. Нервов мне помотали достаточно, но месячную проверку зональный прокурор Борис Абрамович Бейлин прекратил без последствий для меня. В порыве злости после прокурорской проверки я выбросил на помойку ту злополучную электробритву с дарственной надписью.

Другой случай был в Богом забытой деревне Одинцово, это – второе расследуемое мною убийство. Выехали мы туда на «газике» с участковым инспектором Николаем Кисляковым. Осмотрели место происшествия, допросили свидетелей, мать убитого парня, и поехали задерживать убийцу, уже было темно. Остановились возле его дома, участковый инспектор открыл капот машины и стал копаться в моторе, я подошел к сеням дома, постучал.

Меня насторожили тяжелые шаги в сенях, что-то подсознательное сработало в моей голове. Резко открылась дверь, я оказался за нею, увидел взмах топором в пустоту. От этого сильного взмаха убийца упал на землю, я подбежал к нему и ударил двумя сложенными руками по шее. Участковый бежал от машины, на ходу расстегивая с себя ремень. Мы вдвоем отобрали топор, стянули ремнем руки убийцы за спиной, посадили в машину и повезли в районный центр. У участкового инспектора почему-то не оказалось с собой наручников.

Потом, в Конакове, мы выезжали на раскрытие убийства оперативной группой в составе оперативных работников, судебно-медицинского эксперта, в некоторых случаях – эксперта-криминалиста. С собой у нас было все необходимое для осмотра трупа, места происшествия, задержания преступника и проведения других следственных действий. Но это было спустя шесть лет, а тогда служба следователем в Сонкове продолжалась.

Однажды поступило сообщение, что в деревне Горбовец, где жила моя теща, Григорьев Василий во время ссоры на ферме надел на голову таз бригадиру Голубеву Михаилу. Дно таза оказалось ржавым, поэтому таз прошел до плеч, бригадиру были причинены легкие телесные повреждения. Но беда вся была в том, что повреждения нанесены во время исполнения бригадиром служебных обязанностей, а это – прерогатива не милиции, а прокуратуры. Мне пришлось приложить

немало сил, чтобы доказать личные неприязненные отношения между ними, которые возникли после того, как Голубев стал бригадиром вместо жены Григорьева.

Я переквалифицировал действия Григорьева со служебных на личные неприязненные отношения, пригласил их вдвоем в дом тещи и предложил мировую. Разговор был долгим, не менее часа, я сказал, что жду одну неделю. Через неделю Григорьев привез мне заявление от Голубева, что тот никаких претензий не имеет, я отказал в возбуждении уголовного дела на основании примирения сторон. В следующие выходные Василий Григорьев мне сказал, что это заявление обошлось ему в месячную зарплату 100 рублей.

Летом 1977 года прокурор района Е.Г. Лаврентьева направила меня в областной центр, на семинар по борьбе с правонарушениями в народном хозяйстве. Проводил семинар областной комитет народного контроля. Когда семинар закончился, я приехал на автовокзал, но билетов до моего районного центра не было. Я сел на трамвай, доехал до областной прокуратуры, зашел в кабинет своего зонального прокурора Бориса Абрамовича Бейлина, сказал, что не могу уехать домой. Борис Абрамович спросил, кто проводил семинар? Я ответил, что заместитель председателя областного комитета народного контроля Владимир Александрович Туркин. Зональный прокурор научил, как надо поступить, и дал номер телефона старшего билетного кассира автостанции.

Я набрал этот номер и уверенным голосом произнес: «С Вами говорит заместитель председателя областного комитета народного контроля Туркин Владимир Александрович. К Вам подойдет такой-то следователь, продайте, пожалуйста, ему билет до районного центра». Старший билетный кассир ответила, что пусть он подходит к кассе № 1. Я поблагодарил Б.А. Бейлина и помчался на трамвай, до отправления моего автобуса оставалось десять минут. Подбежал к кассе № 1, представился, предъявил служебное удостоверение и мне продали билет на место номер два до своего районного центра Сонково.

Значительно позднее, когда я работал уже заместителем губернатора Тверской области, а В.А. Туркин – в секретариате губернатора, я признался, что однажды воспользовался его именем.

Следователем прокуратуры Сонковского района я проработал недолго, немногим более одного года. Прокурор района Е.Г. Лаврентьева собралась на пенсию и рекомендовала меня на эту должность. Отме-

чая в своем доме 55-летие, Екатерина Григорьевна представила меня областному прокурору Владимиру Емельяновичу Цветкову. Тот, как и первый секретарь Сонковского райкома партии В.Д. Володин был не против моей кандидатуры на должность прокурора района.

Прокурор района

Все не так в чужом жилище,
в новом доме все иначе –
каждый шаг обдумать надо,
взвесить каждый свой поступок.
«Калевала», песнь 23, стр. 260

В марте 1978 года меня назначили прокурором родного Сонковского района. Процедура назначения началась в начале года и проходила около двух месяцев. Сначала мою кандидатуру рассмотрела коллегия областной прокуратуры, затем на заседании партийного комитета Сонковского района. После этого меня пригласили в Москву на собеседование с прокурором РСФСР Борисом Васильевичем Кравцовым. Я предстал перед убеленным сединой человеком, участником Великой Отечественной войны, Героем Советского Союза. Основательно отвечал на все его вопросы, рассказывал о своей короткой биографии. Неожиданно для меня Борис Васильевич спросил, пью ли я водку. Я ему ответил правду, что не пью, прокурор республики начал вслух рассуждать о том, что это, скорее всего, плохо.

Надо представить, сказал он, что прокурор района поехал с проверкой в колхоз, после проверки председатель поставит бутылку водки. С ним, как опытным человеком, ничего не случится, а неопытному прокурору может стать плохо. Тогда председатель колхоза позвонит в райком партии, и ему, прокурору республики, надо будет подыскивать другую кандидатуру. Будь прокурор более опытным в этом деле, он сам может решать – сдавать ему в райком партии председателя колхоза или не сдавать. Я горячо пообещал Борису Васильевичу исправиться и учиться в меру пить водку. В ответ прокурор республики улыбнулся и ничего не сказал.

После обеда того же дня Б.В. Кравцов представлял мою кандидатуру на коллегии прокуратуры РСФСР. После этого была еще одна

запоминающаяся встреча с первый секретарем Калининского обкома партии Николаем Гавриловичем Корытковым, и утверждение меня на заседании бюро обкома партии. После всей этой процедуры был издан приказ прокурора РСФСР о назначении меня прокурором района.

В первый же день своей работы прокурором, в восемь часов тридцать минут я зашел в районный отдел милиции узнать обстановку за ночь. Разжиревший дежурный старшина, развалясь на стуле, сказал, что все нормально. Я прошел в изолятор временного содержания, проверил задержанных и арестованных, спросил их жалобы. Уходя, сказал старшине, что если завтра не будет надлежащего доклада, уже послезавтра он в милиции работать не будет. На следующее утро старшина резко вскочил, доложил, что за время его дежурства никаких происшествий не случилось. С этого началось налаживание дисциплины в милиции и борьба с преступностью в районе.

До назначения меня прокурором района ежегодно было по пять убийств, при мне число убийств сократилось до нуля и так держалось вплоть до моего отъезда в другой район в 1982 году. Из областных сводок узнавал, что после моего отъезда опять стали происходить убийства в маленьком Сонковском районе.

Как-то летом 1979 года меня, прокурора района, пригласил к себе первый секретарь райкома партии В.Д. Володин и поставил передо мной, как членом КПСС, партийную задачу. В одну деревню приехали на лето в родительский дом пенсионеры из Ленинграда, к их дому примыкал огород в 15 соток. Директор совхоза поставил условие, чтобы пенсионеры отработали в совхозе на уборке урожая не менее 30 дней каждый. Пенсионеры в прошлом году отказались работать в совхозе, тогда директор совхоза отобрал у них землю, оставил в этом году всего одну сотку. Так вот, в этом году пенсионеры снова отказались работать в совхозе, а на оставленной сотке посадили морковь, картошку, свеклу, лук. Надо комиссионно определить урожайность каждой культуры и сумму ущерба. От имени государства необходимо предъявить иск к этим пенсионерам.

Я, будучи молодым неопытным прокурором, не мог ослушаться первого секретаря райкома, и выехал в совхоз. Увидал, что отобранная у пенсионеров земля, которая ранее была ухоженной, заросла бурьяном и крапивой. Вместе с агрономом и экономистом совхоза составили акт, что стоимость урожая у пенсионеров на оставленной у них обработанной сотке земли 34 рубля 37 копеек.

Я привез акт с собой в прокуратуру, но рука не поднималась составить исковое заявление на пенсионеров, учитывая, что никакого ущерба совхозу причинено не было. Секретарь райкома В.Д. Володин звонил мне по этому поводу несколько раз, но исковое заявление в суд я так и не написал. Позднее секретарь прошелся по мне на пленуме райкома партии, заявляя, что прокурор не помогает руководителям хозяйств.

С тех пор между нами пробежала черная кошка. На заседании партбюро Володин добивался объявления мне выговора по служебной линии за то, что я арестовал коммуниста-убийцу до его исключения из партии. Областная прокуратура встала на мою защиту, объяснив секретарю райкома партии, что я действовал строго по закону.

Политика партии и государства в отношении деревни в те годы была вообще непонятной и невразумительной. Жители, начав с 1976 года получать паспорта, уезжали из деревни в города, оставляя пустовать свои добротные дома с хозяйственными постройками. Горожане, особенно пенсионеры, желали переехать жить в деревню, но им запрещали покупать оставленные дома. А земля вся принадлежала государству, в оборот не шла, сделки в отношении земельных участков запрещались.

Но некоторые горожане умудрялись каким-либо способом приобретать дома в деревне, чтобы заполучить место – придомовой земельный участок. Чаще всего покупали дома без всякого оформления, для городского жителя они стоили недорого – от 200 до 500 рублей. Приобретя дом и место, горожанин на земельном участке строил новый дом и становился его хозяином. Много домов покупали на снос.

Прежде, чем идти в сельсовет для оформления договора купли-продажи дома, надо было получить справку-разрешение от председателя колхоза. Тот обязан был сначала рассмотреть заявление хозяина дома на правлении колхоза, а установка была на то, чтобы разрешений на продажу домов правления давать не должны. Председателю колхоза, самовольно выдавшему справку, грозило наказание по партийной линии или перевод на другую работу. То же самое грозило и председателю сельсовета, оформившему договор купли-продажи дома без справки из колхоза. Но при этом ничего не грозило новому владельцу, который становился собственником дома.

Уже позднее, в Конаковском районе, мне пришлось расследовать уголовное дело в отношении женщины-председателя одного сельсовета, которая, имея право проводить нотариальные действия, оформила

договор дарения дома одному москвичу совершенно незнакомой ему деревенской жительницей. За оформление сделки председатель сельсовета, женщина, получила от москвича замшевое пальто за 300 рублей и сервизный набор из чешского стекла. Закончив проверку, я возбудил уголовное дело о получении взятки, председателя сельсовета заключили под стражу.

Кончилось тем, что Генеральная прокуратура СССР, по ходатайству нового владельца дома очень высокого полета, приказывала мне освободить председателя сельсовета из-под стражи и прекратить уголовное дело. Меня срочно вызвали в Москву и там, в течение двух дней убеждали в необходимости прекращения дела. Когда я отказался сделать это, заявляя, что закон одинаков для всех, дело от меня передали сотруднику областной прокуратуре, и оно было прекращено.

Но это было позднее, уже в Конаковском районе. А в Сонковском районе дома в деревнях или продавали на снос, или они оставались гнить и разрушаться, но продавать их так и не разрешали.

В сентябре 1979 года меня, прокурора района, направили на трехмесячные курсы повышения квалификации в город Ленинград. Там я смог навестить родственников жены и своих. В Ленинграде проживала моя тетка с семьей, семьи двоюродных братьев и сестер, семья дяди моей жены.

Пользуясь такой возможностью пребывания в Ленинграде, я решил отыскать отца жены, который жил тогда в Ленинградской области. В справочном киоске мне назвали адрес тестя, которого я никогда еще не видел. Я приехал к дяде своей жены, поговорил с ним и попросил вместе ехать к тестю. На другой день в субботу купил бутылку коньяку, конфет, колбасы, ветчины и мы поехали отыскивать отца жены. Электричкой добрались до станции Саблино, потом ехали автобусом и шли пешком.

В деревне нам навстречу попался возница на лошади. Дядя жены заволновался, ему показалось знакомым лицо мужчины, но он того не окликнул. Возница тоже внимательно осмотрел нас, но ничего не сказал. Мы нашли дом тестя, дверь открыла его жена. Она узнала дядю жены, спросила, а кто молодой человек? Дядя сказал, что сама сможет догадаться, и она догадалась. Сказала, что муж поехал отводить лошадь, скоро вернется. Мы с дядей вышли на берег местной реки Тосно и гуляли по ее крутому берегу. Нас окликнул хозяин дома, мы подошли к нему, познакомились, обнялись, расцеловались.

Тесть зарезал кролика, жена приготовила его. Был длинный вечер, а затем – долгая ночь воспоминаний, слез, объяснений и рассказов. Легли спать около пяти часов утра, очень сожалею, что не записал фронтовые воспоминания тестя, да и говорить о войне он много не хотел. Больше говорил о своей дочери, моей жене, ее умершей матери, которую он очень любил. Вспоминал свою дальнейшую жизнь, две женитьбы, переезд в Ленинградскую область. Его жена, Наталья Ивановна, сначала участвовала в разговоре, потом ушла спать.

Через неделю я уже один еще раз съездил к своему тестю. Приехав домой в декабре, подробно рассказал о встречах жене, началась редкая переписка. Осенью 1980 года на ноябрьских каникулах мы с женой и двумя дочерями поехали к ее отцу. Опять была задушевная встреча, воспоминания и переживания. Отец жены к нам в деревню так и не приехал, хотя очень хотел. Мы еще раз ездили к нему с женой и младшей дочерью через восемь лет, в 1988 году. Он тогда лежал в военном госпитале, мы каждый день, пока находились у родственников в Ленинграде, навещали его.

В нашей группе на курсах повышения квалификации прокурорских работников был один районный прокурор из Грузии. Однажды он пригласил четверых сокурсников, в том числе и меня, в ресторан для знакомства. Он щедро угощал всех вином, стол был богато накрыт закусками. Во время разговора прокуроры спросили, откуда у него такие возможности для походов в рестораны. Грузин удивился: «Разве вас никто не провожал?» Рассказал о том, что его помощники сообщили председателям колхозов о его командировке. Каждый председатель колхоза посчитал необходимым проводить прокурора, выделив ему от 3 до 5 тысяч рублей. Это при зарплате районного прокурора района 250 рублей в месяц. Поэтому он приехал в Ленинград с деньгами и может позволить себе ходить обедать и ужинать в рестораны.

Тогда у прокуроров российских регионов понятие «взятка» отсутствовала. Мне, например, в каждом из трех районов, где я служил в прокуратуре, пытались подарить подарок в знак благодарности. Но я в каждом случае делал так, чтобы о каких-либо подарках для меня забывали напрочь. Нам были дороже честь и наша должность.

В феврале 1980 года выдались очень морозные дни, в холодном гараже невозможно было завести застывший двигатель машины «Москвич-412». Водитель Володя решил завести его с помощью паяльной лампы, но и лампа никак не зажигалась. Он ее качал-качал в гараже,

ничего не помогало. Тогда Володя решил поджечь лампу в помещении прокуратуры.

Времени было начало десятого часа утра, я сидел за рабочим столом, изучал принесенные накануне уголовные дела и материалы, которые стопкой лежали на моем рабочем столе. Следователь прокуратуры находился в областном центре, заведующая канцелярией беседовала с посетителями, ничего не подозревая.

Володя принес эту проклятую паяльную лампу в помещение прокуратуры, где в металлическом котелке ярко полыхал огонь, нагревая воду, которая циркулировала по батареям отопления. От нагревания бензин стал расширяться, его пары распространились по комнате. Когда он чиркнул спичку и поднес к лампе, она вспыхнула вся. Одновременно от паров бензина огонь охватил пространство возле котелка, загорелись лежавшие за ним дрова. Дом был щитовым и в любой момент мог вспыхнуть свечкой. Володя с перепуганными глазами ворвался в мой кабинет, крича: «Пожар! Пожар!» Я спросил, где пожар, в чем дело, шофер объяснил. Я быстро собрал уголовные дела и материалы со стола и убрал их в несгораемый сейф. Голова работала ясно, четко, без промедления. Запер сейф на ключ, ключ положил в карман.

Позвонил в пожарную часть, вызвал машины. Накинул пальто, зашел в канцелярию, сказал, чтобы все быстро оделись и покинули помещение, захватив со стола все бумаги. Володе сказал, или мы потушим возгорание сами, или будем сидеть в тюрьме! Он в любом случае просто обязан вытащить паяльную лампу на улицу! Володя влетел в горящую комнату, схватил горящую лампу рукой с рукавицей и выбросил ее в снег. На наше счастье снег был мерзлый и брался большими пластами. Я схватил один большой пласт снега, вбежал в горящую комнату и бросил его на пол. Володя повторил то же самое, мы стали активно тушить пожар снегом. Горевшими оставались лишь дрова, да прихваченная огнем одна деревянная стена комнаты. Я сказал Володе, чтобы он вытаскивал на улицу горящие дрова, а сам стал снегом тушить стену.

Обезумевшие от страха женщины стояли на улице с широко открытыми глазами и не могли вымолвить даже слова. Когда пожар был потушен, на это ушло минут 5–7, приехали две пожарные машины, посмотрели место пожара и уехали обратно.

К 10 часам утра я пришел на совещание в райисполком, от меня люди стали отодвигаться. Председатель райисполкома спросил, откуда

так пахнет дымом. Я ответил, что только что вернулся с происшествия, о котором скажу позднее.

Вечером пригласил уборщицу пораньше, дал ей денег, попросил купить краску и кисти, чтобы покрасить стены и пол. На другое утро в прокуратуре пахло дымом вперемежку с запахом свежей краски. Не дай Бог никому пережить то, что мы пережили в день, когда секунды и минуты стали очень долгими и отчетливо фиксировали каждые наши действия.

Мне не везло со следователями, они менялись часто. Приходилось самому расследовать сложные уголовные дела. В марте 1980 года был кустовой семинар прокурорских работников в городе Бежецке. После семинара мы поехали на обед в гостиницу «Ленок», возле гостиницы я случайно встретился с однокашником по техникуму. Тот стал жаловаться о своей сложной судьбе, развелся с женой, работает в местной тюрьме, нет карьерного роста, мала зарплата. Я пригласил его работать к себе следователем, он согласился, нашел ему комнату в общежитии.

Через полгода он стал тяготиться своим жильем, я позвонил своей землячке, которая год назад развелась с мужем. Сказал, чтобы жарила картошку, мы к ней подойдем. Вместе со следователем купили водки, вина, фруктов, я позвонил на работу жене и попросил ее подойти вечером в прокуратуру. После работы мы втроем пошли к нашей общей землячке, где разговор затянулся надолго, говорили о жизни, судьбе человека, о будущем.

Мы с женой засобирались домой, хозяйка сказала следователю, чтобы он тоже шел домой. Высказала надежду на будущую встречу с ним. Свадьба их состоялась через два месяца в сентябре, благо их фамилии оказались одинаковыми. Так новый следователь навсегда осел в нашем маленьком районе, у них родился сын, создалась крепкая семья. Но счастье их было недолгим, менее 10 лет, где-то в 1990 году следователь нелепо погиб.

Как-то ко мне пришел председатель самого крепкого в Сонковском районе колхоза «Красный октябрь» Юрий Михайлович Иванов, будущий Герой Социалистического Труда. Он жаловался на низкую трудовую дисциплину среди механизаторов, пьянство и попросил меня выступить перед ними. Даже у такого сильного хозяйственника не хватало сил и терпения, чтобы поддерживать надлежащую дисциплину труда. В разговоре Юрий Михайлович сказал: «Мечтаю о том, чтобы в городах и поселках было 3% безработных, больше не надо,

этот процент достаточный. Тогда безработные приедут в деревню, и у нас будет выбор работников». Безработица в стране наступила через 10 лет после этой нашей встречи.

Через три года работы прокурором мне пришлось давать объяснение первому секретарю райкома партии В.Д. Володину по поводу отца. Он сказал, что пришла анонимка на его имя от имени женщин района. В ней написано, что сын человека, бывшего в плену, не может быть прокурором района. Я ответил, что никакой ответственности за отца не несу. После этого проработал на должности больше года, пока Володина не сменил на посту первого секретаря райкома О.И. Смирнов из Кашина.

Прокурорские будни

У людей счастливых думы,
мысли у людей блаженных.
«Калевала», песнь 22, стр. 251

Как много событий радостных и горестных произошло в нашей семье в 1978 году. Мы отметили Новый год у себя в квартире, к нам приходил тот учитель физкультуры, о котором еще писала в письме на флот моя мать, вместе со своей девушкой. К тому времени он закончил совпартшколу, его назначили председателем одного из дальних колхозов района. В колхоз приехала девушка-экономист сразу же после окончания техникума. Молодой и неженатый председатель колхоза свой шанс не упустил, стал ухаживать за нею. Отмечая у нас Новый год, вспоминали свою юность, школьные годы, армию, говорили о будущем, обсуждали восходящую звезду Аллу Пугачеву. Молодые пригласили нас с женой на свадьбу, которую они собирались сыграть в январе на родине жениха.

Мы приехали в пятницу домой к теще, на второй день пошли в соседнюю деревню за два километра на свадьбу. Там моя жена много и красиво плясала и танцевала, хотя была на восьмом месяце беременности третьим ребенком. Со свадьбы возвращались поздней ночью при сильной метели. Не раз сбивались с дороги и снова выходили на нее. Из-за метели ничего не было видно, дыхание сбивалось, я шел впереди и торил дорогу, жена прятала за моей спиной свое лицо.

В феврале 1978 года у нас родилась третья дочь Марина, я в эти дни как раз оформлял документы на должность прокурора района, только что родившуюся дочь в документах записал Марией, как мы хотели назвать дочь в честь матери жены. В августе переехали из двухкомнатной квартиры в трехкомнатную. Она отапливалась котелком, в котором надо было постоянно поддерживать огонь, подбрасывая уголь через каждые 3–4 часа. Квартира оказалась холодной, в подвале постоянно стояла вода.

В октябре восьмимесячную дочурку мы отдали в детские ясли, жена пошла работать. Она тогда работала учителем начальных классов железнодорожной средней школы. В детских яслях было холодно, они осенью не отапливались. Маленькая дочурка заболела воспалением легких. Жена пролежала с нею две недели в районной больнице, но улучшения здоровья у дочери не было. После выписки уехали в ближайший город Бежецк к родственникам. Там вызвали скорую помощь, жену с дочерью положили в местную детскую больницу.

В больнице наступила клиническая смерть дочери, врачи ушли совещаться. Мать сидела возле ребенка, который умирал на ее глазах. Она внимательно наблюдала за дочерью, надеясь на чудо. Увидела маленький пузырек слюны в уголках губ. Жена приоткрыла ей рот и ваткой вытерла слюну. Слюна вновь стала появляться. Тогда Зинаида Ивановна большим тампоном ваты выгребла из ротика дочери все, что смогла. Ребенок всхлипнул, жена побежала звать врачей. Те прибежали, установили электроотсос и стали им откачивать жидкость, ребенок задышал.

Дочь отходила от клинической смерти более четырех месяцев в областном центре, где лежала вместе с матерью. В это время старшая дочь Татьяна жила со мной, она ходила в первый класс школы, средняя дочь Галина жила в деревне с бабушкой. Была самая морозная зима за все годы, мне приходилось через каждые 2–3 часа бросать уголь в котел, чтобы поддерживать тепло в квартире. Утром готовить завтрак для себя и дочери, а вечером – варить суп и другую еду на один-два дня. Мы с женой разрывались от безысходности и горя, она постоянно была в больнице в областном центре с маленькой дочуркой, возвращая ее к жизни. Я метался между работой, домом, деревней, где была средняя дочь, и областным центром, навещая больную дочь и жену. Эти месяцы были одними из самых тяжелых периодов в нашей жизни, но мы их выдержали.

И было 8 марта 1979 года, когда дома у нас собралась вся семья. Маленькая дочь, которая в восемь месяцев самостоятельно передвигалась по кроватке на ножках, в годик стала заново учиться лишь сидеть. На праздник к нам приехали родственники из города Бежецка, а также теща из деревни, на память мы все сфотографировались.

С продуктами тогда было тяжело, всюду были очереди. Если жена вовремя к привозу не смогла придти в магазин, то могли остаться без молока и хлеба. В ассортименте продовольственных магазинов были: банки с консервами «Завтрак туриста» и «Килька в томате», сырки «Дружба» и колбасный сыр. Были сахар, соль и спички, которыми обычно сдавали сдачу вместо мелких монет. Продавали чай «Краснодарский» и «Цейлонский», чай «Индийский» со слоном на этикетке был дефицитом.

Яркая примета того советского времени – это очереди. Позднее, находясь на пенсии, я подсчитал, сколько времени нам с женой пришлось потратить на эти очереди. В неделю за хлебом и молоком кто-то из нас стоял 4,5 часа, в год – 243 часа. За 20 лет с 1976 по 1996 годы мы отстояли за этими продуктами в общей сложности не менее 7 месяцев. Один раз в месяц мы с женой ездили за продуктами в Москву, теряя одни сутки, в год – 12 суток, за 20 лет не менее 8 месяцев. По моим подсчетам, жена за свою жизнь потеряла в очередях, по крайней мере, не меньше времени, чем срок моей трехлетней службы в Военно-Морском флоте.

Очереди за хлебом и молоком выстраивались на улице, так как в магазине все не умещались, стояли по полтора-два часа. Кто приходил позднее, ни молока, ни хлеба не доставалось, так как брали его по 10–15 буханок для себя и для скота. Достать мяса в магазине «Сельхозпродукты» было большим счастьем. На праздники иногда подбрасывали колбасу, ветчину, конфеты, икру в банках, но достать их было невозможно, они расходились по партноменклатуре. В общепите можно было «по блату» достать свиную или говяжью печень, сердце, языки и другие продукты. Но, будучи прокурором района, ни разу в общепит с заднего хода я не заходил.

Для нас было хорошим подспорьем то, что в 15 километрах жила теща, которая по-прежнему держала хозяйство. У нее была корова, теленок, свинья, куры. Мы на каждый выходной приезжали в деревню, летом косили траву на сено, готовили осоку на подстилку, осенью возили дрова на зиму. С собой увозили молочные продукты, овощи, яйца, собранные грибы и ягоды.

Мы готовились к празднованию Нового 1981 года. За неделю до этого события решили съездить в Москву за продуктами, так как в местных магазинах продуктов почти не было. Местные руководители предлагали мне придти на базу райпотребсоюза и взять на праздник все, что ему нужно. Я решительно от этого отказывался, и по базам никогда не ходил.

Тогда у всех было не два, а лишь один выходной день. Мы вместе с женой выезжали на поезде около 12 часов ночи с субботы на воскресенье, в Москве бывали в шесть часов утра. Поезд полностью состоял из общих вагонов, каждый пассажир пытался быть в числе первых, чтобы занять место у окна. Там можно было спать сидя, положив руки на столик, а голову на них, или откинуться в угол купе. В каждом купе было по шесть сидячих мест, да два сбоку у другого окна. Вторые полки, на которых можно было спать лежа, уже были заняты от Рыбинска. На них спали, положив под голову верхнюю одежду, сумку, головной убор или просто руку.

Те пассажиры, кому не достались места у окна, дремали или спали, упершись локтями о колени и положив голову на ладони, или откинувшись к стене. Утром, проснувшись, каждый разминал затекшие руки, ноги и шею. При подъезде к Москве все заранее вставали в проходе, чтобы как можно быстрее выбежать из вагона и занять ячейку в камере хранения.

Я бежал вслед за одним мужчиной с чемоданом в правой руке. Когда вбегали в помещение с камерами хранения, мужик попал в дверной проем, а его чемодан уперся во вторую закрытую половину двери. На него налетела толпа, началась суматоха. Когда мужик кое-как освободил свой пустой чемодан, мы увидели, что он приобрел форму ромба и не мог войти в ячейку камеры хранения.

Закупив продукты, отстояв многочасовые очереди за колбасой в Москве на улице Горького и за конфетами на улице Пушкинской, потом очередь за билетами на вокзале, смогли уехать домой в девять часов вечера. Около четырех часов ночи были дома, вставали в семь, чтобы к девяти быть уже на работе. Подготовка к любому празднику и поездка в Москву стоила нам две бессонные ночи.

Тогда значительная часть жизни проходила в бесполезном коротании времени или ожиданием чего-либо. Мужчины коротали время, сидя или лежа на диване в ожидании завтрака, ужина или футбольного матча по телевидению. Во время работы многие коротали время в

ожидании приема начальником или секретарем райкома, в ожидании телефонного звонка или в очередях. Создавалось впечатление, что очереди – это символ социализма, что они как выстроились после Октябрьской революции, так и протянулись через все социалистические годы.

Осенью 1981 года было много грибов, особенно рыжиков. Мы с женой вставали в четыре часа утра, шли шесть километров в лес. Там набирали целые корзины рыжиков, и около восьми часов утра были дома. Придя домой, замачивали рыжики в воде, пили чай, переодевались и к девяти часам были на работе. А вечером жена отваривала грибы, закатывала их в пол-литровые банки, чтобы зимой достать, поставить на стол в сыром виде, сварить из них суп или поджарить с яичницей.

Так и жили, не чураясь никакой работой, воспитывали трех дочерей и не выставляли напоказ свое служебное положение. Как во время учебы я опирался на треугольник: учебник-голова-тетрадь, так и во время работы в прокуратуре я придерживался правила треугольника: человек-закон-справедливость.

Каждый день приходилось иметь дело со страданиями людей, будь то потерпевшие, обвиняемые или пострадавшие от несправедливости начальства. Все эти страдания проходили через мое сердце, так как по своим убеждениям и своему воспитанию, я так и не смог быть равнодушным к ним. За все годы работы в прокуратуре равнодушным не был, добросовестно исполняя свои служебные обязанности.

Уполномоченный

Пробудись от сна, землица,
Божий луг, очнись от дремы.
«Калевала», песнь 2, стр. 32

В нашем маленьком Сонковском районе, как и по всей стране, всех руководящих работников, усиленно нагружали общественной работой, которая называлась партийными поручениями. Я, как прокурор района, круглый год был уполномоченным райкома партии то в одном, то в другом, как правило, отстающем колхозе или совхозе. Сначала уполномоченным по зимовке скота, затем – по весеннему севу, сенокосу, уборке урожая.

В каждый колхоз или совхоз направляли по одному уполномоченному от райкома партии и одному от райисполкома. Нередко на телефонные звонки тому или иному работнику райкома или райисполкома мне отвечали, что он уполномоченным в колхозе. Но, проходя по поселку на обед или с обеда, я иногда видел этого «уполномоченного» с лопатой в своем огороде.

Я хорошо помню несколько случаев из этой общественной работы. В конце апреля 1978 года меня направили на весенний сев в самый отдаленный колхоз «Борец» вместе с начальником управления сельского хозяйства Николаем Семеновичем Касаткиным. Мы с ним на поезде доехали до станции Пищалкино, пересели на «вертушку» и по узкоколейной дороге добрались до деревни Горка. Нас встретили на председательском «газике», и мы еще километров девять с трудом пробирались по размытой весенней дороге до деревни Лаврово.

Туда уже подгоняли трактора Т-150 из колонны ПМК-28, которая занималась в районе мелиорацией. Практически мы добирались до колхоза, удаленного от райцентра на 25 километров, больше полудня. К вечеру успели осмотреть мастерские и готовность техники к весеннему севу, посмотрели склады с семенным зерном. На ночь нас разместили в одной деревенской избе, мы поели картошки с солеными огурцами, запили молоком с черным хлебом и легли спать на полу.

На другое утро начальник управления сельского хозяйства Н.С. Касаткин сказал мне, что он здесь справится один, а мне можно ехать в районный центр. Трактористам из мелиоративной колонны толком не объяснили, что они едут на десять дней сева. Поэтому один из них поедет домой за бельем, харчами, и предупредит жен, где они сейчас находятся.

На могучем тракторе Т-150 мы поехали по непролазной грязи в сторону районного центра, чтобы преодолеть двадцать пять километров. Проехали всего три километра, доехали до деревни Снегиревка, бывшее Дураково, на другом краю деревни нас ожидал «УАЗ». Я выбрался из трактора, подошел к машине, из нее вышли первый секретарь райкома партии В.Д. Володин и председатель райисполкома Ю.И. Тихомиров. Оба они были очень возбуждены тем, что хотели доехать до Лаврова, но дорога непроезжая, и им туда не проехать.

Я объяснил обстановку в колхозе, с кем и зачем мы ехали в районный центр. Первый секретарь В.Д. Володин стал браниться, что дорог каждый час, а такая махина разъезжает по дорогам. Он буквально при-

казал трактористу возвращаться обратно в колхоз, а меня пригласил к себе в «Уазик» и мы прибыли в районный центр. Больше в тот год меня на весенний сев в колхоз «Борец» райком партии не отправлял.

Я хорошо помню, как в 1982 году был уполномоченным по весеннему севу в отстающем совхозе «Сонковский». Вставал в шесть часов утра, в начале восьмого был уже в совхозе. Первое время в этот утренний час никого из руководства совхоза, проживавшего в районном центре, не было, не говоря о механизаторах. Быстро приучил их приезжать к семи часам утра, организовать не только обеды в поле, но и ужины.

Возвращался в поселок к девяти часам утра: проверял арестованных и задержанных в милиции, участвовал в уголовных и гражданских судебных процессах, проводил проверки в порядке общего надзора, прием граждан, рассматривал письменные жалобы, утверждал обвинительные заключения по уголовным делам, давал санкции на аресты, обыски, на просмотр корреспонденции. А после шести часов вечера, снова ехал в совхоз, прямо на поле. Там механизаторы мирно и неторопливо ужинали. Спрашивал, как дела, когда домой, они отвечали, что поужинают и по домам.

Я кипятился: «*Совесть надо иметь, после ужина часа два пахать еще можно*». С прокурором не поспоришь, пахали до девяти часов вечера, пока светло. Так совхоз переместился по севу с последнего на третье место в районе. В понедельник, как обычно, всех уполномоченных вместе с работниками райкома и райисполкома собрал первый секретарь О.И. Смирнов, не так давно назначенный в наш район из Кашина вместо В.Д. Володина, переведенного в город Калинин.

По очереди отчитывались, кого-то секретарь ругал, кого-то хвалил. О.И. Смирнов спросил у меня, как идут дела в совхозе, я ответил, что нормально, думаю, что выйдем на второе место в районе после передового колхоза «Красный Октябрь». Может, секретарю надо было порадоваться, но он спросил: «*Почему ты не был в совхозе в воскресенье?*» Я ответил: «*Был в субботу, и посчитал, что нет необходимости ехать в воскресенье, там все налажено*». Секретарь рявкнул: «*Почему сидите, когда я с Вами разговариваю?*». Я парировал: «*Вы сидите, и я сижу*», взял со стола кепку и пошел на выход, обернувшись, увидел, как опешившие участники совещания смотрели мне вслед. После обеда секретарь райкома вызвал меня к себе в кабинет, начал орать, почему я ушел с совещания. Я заявил: «*Вы большой хам, так с людьми не работают*», и вышел из кабинета.

Став прокурором района в неполных двадцать девять лет, я думал о своем будущем, не витая в облаках. Свое будущее связывал со службой в прокуратуре. Срок прокурорских полномочий был тогда установлен в пять лет, чтобы прокуроры, особенно в маленьких районах, не успевали обрасти связями и корнями. Чтобы не успевали научиться злоупотреблять своим служебным положением. Чтобы не обзаводились друзьями из числа нужных людей.

Честно сказать, я не хотел никуда уезжать из своего района, думал там проработать второй прокурорский срок до 1988 года. Близко жила теща, мы брали у нее овощи и молочные продукты, на зиму резали теленка или свинью. За продуктами, которых не было ни в магазинах, ни у тещи, ездили в Москву. Так что желание остаться прокурором в этом маленьком районе на второй срок у меня было. Район для меня родной, рассчитывал, что здесь подрастут дочери, окончат среднюю школу. После этого хорошо бы перебраться в областной центр Калинин, где наши дочери могли бы поступить в институты.

Но так и не сложилось мои отношения с новым первым секретарем райкома партии Олегом Смирновым. Тот заявил обо мне прокурору области: «*Он мне здесь не нужен ни дня*». Потом поступил вообще подло в отношении меня, подговорив бывшего председателя Краснооктябрьского сельсовета В.П. Ракитина, работавшего в то время директором районной заготконторы, написать анонимку на меня. И пошло в центральные органы партии и прокуратуру РСФСР письмо от имени женщин района с вопросом: может ли сын человека, бывшего в плену у немцев, быть прокурором района? В мае-июне 1982 года начались проверки моей деятельности по служебной и партийной линиям.

Судьба распорядилась так, что мы с женой и младшей дочерью попали в областной центр Калинин, но не через пять, о чем я мечтал в Сонкове, а через двенадцать лет уже из города Конаково. Работая позднее заместителем губернатора Тверской области, я неоднократно встречался с бывшим прокурором области В.Е. Цветковым, был приглашен домой на него 75-летие. При встрече Владимир Емельянович говорил мне, что когда он лежал в больнице, исполняющий обязанности областного прокурора А.И. Калачев ставил вопрос вообще о моем увольнении из органов прокуратуры. В крайнем случае, о переводе в Лесной или Максатихинский район следователем.

На мое счастье, прокурор области В.Е. Цветков тогда вовремя вышел из больницы всего на три дня для решения неотложных проблем,

и убедил Калачева перевести меня в Конаковский район, заявляя ему, что я не должен отвечать за своего отца. В один из трех этих дней меня срочно вызвали в областную прокуратуру, мы встретились с Владимиром Емельяновичем, но не в его кабинете, а в коридоре второго этажа областной прокуратуры возле окна. Он предложил мне должность помощника прокурора или следователя Конаковской межрайонной прокуратуры, я дал ему согласие.

Таким образом, по капризу первого секретаря райкома партии О.И. Смирнова, на второй срок прокурором Сонковского района меня не оставили, перевели на должность старшего следователя межрайонной прокуратуры в Конаковский район. Приказ о моем переводе подписал исполняющий обязанности прокурора области А.И. Калачев, прокурор области Владимир Емельянович Цветков находился в больнице. После выписки из больницы Цветкова отправили на пенсию, прокурором области стал А.И. Калачев.

Директора районной заготконторы Ракитина перевели на должность начальника дорожного участка. Во время одного застолья он проболтался, что написал анонимку на меня, а мне это передали. Значительно позднее, работая в областных архивах, я понял, что писать «подметные» письма от имени женщин района Ракитин научился у своей матери, которая еще в 1920-е годы писала анонимные письма от имени женщин коммуны «Красный Октябрь» в разные инстанции.

В скором времени, уже работая в Конакове, я узнал, что Смирнова сняли с должности первого секретаря Сонковского райкома партии, он вернулся в город Кашин, там проработал недолго в управлении сельского хозяйства, покончил жизнь самоубийством, выстрелив из ружья в своем гараже.

Переезд в город Конаково

Все иначе в новом доме.
«Калевала», песнь 22, стр. 249

В июле 1982 года меня перевели на должность старшего следователя в город Конаково, скорее всего, самый лучший город в Калининской области. Перед переводом мы с женой съездили туда, встречались с прокурором района Николаем Михайловичем Германовым,

первым секретарем горкома Юрием Ильичом Силиным. Спросили его о жилье, тот ответил: «Видели 12-этажный дом возле больницы, там и получите квартиру».

А пока мне дали комнату в общежитии техникума. По вечерам я бродил в ближайшем лесу, находил грибы, варил суп, готовил себе обеды и ужины, в столовую ходил очень редко. Тогда уже было два выходных дней в неделю, по пятницам я уезжал на автобусе домой с двумя пересадками. Доезжал до Дубны в Московской области, пересаживался на другой автобус и добирался до железнодорожной станции Савелово, что в городе Кимры. Там дожидался ближайшего поезда и около трех часов ночи бывал дома в поселке Сонково.

На выходные мы с женой и детьми уезжали в деревню к теще, с которой оставалась жить младшая четырехлетняя дочь Марина. В ночь на понедельник я уезжал на работу, путь был долгим. Поезд отходил из Сонкова около 12 часов ночи, в четыре был на нужной железнодорожной станции Савелово. Там полтора часа шагал по ночному, пустому безлюдному городу Кимры от вокзала до автостанции. Выезжал на первом автобусе до Дубны, где делал пересадку на другой автобус, приезжал по месту службы в 8 час. 20 минут. Сразу же шел на работу, и работал до вечера, с перерывом на обед. Сотрудники прокуратуры были недовольны тем, что я уезжал домой на каждые выходные, им приходилось дежурить за меня.

В феврале 1983 года нам дали четырехкомнатную квартиру на двенадцатом этаже дома, в котором и обещали дать жилье. После беседы с межрайонным прокурором Н.М. Германовым, где он мне высказал претензии со стороны сотрудников прокуратуры, я оставался на выходные дежурить, за это время циклевал шкуркой полы, делал полки во встроенных шкафах и что-то другое.

В марте привезли первую мебель, я перебрался жить из общежития в свою квартиру. Жил один до июля, пока не закончился учебный год у жены и детей. В июле полностью перевез к себе семью из Сонкова, в августе устроили новоселье. Жене предложили работу учителем начальных классов в средней школе № 1, что в старом городе. Две старшие дочери пошли в ближайшую школу № 7, а младшая дочь – в детский садик.

На должности старшего следователя я старался работать ответственно, за двенадцать лет службы в прокуратуре перетаскал на себе и погрузил около пятисот трупов. Не уезжал с места происшествия до тех пор, пока преступление не будет раскрыто. Порою выезд на место про-

исшествия занимал двое-трое суток. Спал, где придется – на топчане в дежурной комнате милиции поселка Новозавидовский или Редкино, в каком-нибудь служебном помещении, а то прямо на сиденье дежурной машины. Просыпался рано, благо по закону с 6 часов утра разрешалось проводить необходимые следственные действия – допросы, очные ставки, следственные эксперименты, обыски, выемки и другие.

Уходя зимой со службы на выходные дни, я предупреждал дежурного в отделе милиции, где буду ловить рыбу. Выйдя рано утром на берег Волги, смотрел, где больше всего рыбаков, какая погода. Потом шел на свои излюбленные места к противоположному берегу реки, ширина которой доходила до километра. Буром сверлил лунки, подкармливал рыбу, разматывал и устанавливал удочки.

Иногда только приготовлюсь к началу рыбалки, как на высокий берег Волги выезжала милицейская машина, из нее выходил милиционер и начинал кричать в мегафон: «*Анатолий Николаевич, на выход! Анатолий Николаевич, на выход!*» Я, сильно расстроенный, быстро сматывал удочки и торопливо шел к машине. Меня подвозили к дому, где за пять минут переодевался, брал дежурный свой дипломат со всем необходимыми бланками и материалами для первичных следственных действий, и выезжал на место происшествия.

То утопленник или убитый, обмороженный или сердечник, после осмотра трупа и места происшествия нужно было его грузить в машину или на деревенские сани. За ноги-то соглашались нести кто-то из понятых или милиционер, а возле головы приходилось брать и нести самому. Смотреть в лицо мертвецу и дышать трупным запахом. Так и перенес на себе не менее полутысячи трупов.

С весны и до поздней осени 1984 года я расследовал многотомное хозяйственное дело в Рамешках по трикотажной фабрике. Мы вместе с ревизором контрольно-ревизионного управления И.П. Райдуром и первым секретарем Рамешковского райкома партии отчитывались по тому делу на бюро Калининского обкома партии. После возвращения из Рамешек меня стали нагружать расследованием хозяйственных дел по Новозавидовскому экспериментальному заводу, Козловской суконной фабрике, Мелковскому зверосовхозу. Одновременно я продолжал расследовать дела, связанные с убийствами.

Несколько случаев из следовательской службы в межрайонной прокуратуре запомнились мне на всю жизнь. Двойное убийство произошло в поселке Первое Мая в июле 1985 года. Тогда шла подготовка

к фестивалю молодежи и студентов в Москве. Было велено убрать всех психически больных в их «родные» психиатрические больницы. Фельдшер поселка сказала об этом матери одного больного. Та предупредила сына, что завтра за ним придут. Психически больной сходил за пять километров в бывший родительский дом, взял там спрятанное на чердаке одноствольное ружье и пятьдесят патронов к нему.

На другой день участковый инспектор и фельдшер подошли к дому больного. Стали стучать, тот ответил, что вооружен и будет сопротивляться. Участковый попросил фельдшера сходить на стройку к студентам Калининского мединститута. Подошли трое парней, участковый отдал одному из них свою фуражку. Сказал, чтобы тот подошел к окну, постучал в него и приподнял на палке фуражку так, чтобы в окне ее было чуть видно. Парень пошел выполнять поручение участкового. В это время к дому подошла теща больного, открыла дверь и, почувствовав прижатый к ее животу ствол ружья, заорала. Через открытую дверь больной увидал, что участковый держит в руке пистолет, направленный на него. Его теща, чтобы выбежать, резко раскрыла дверь, которая потом закрылась и снова раскрылась.

Возможно, эти хлопки двери больной воспринял как выстрелы, и сам выстрелил в участкового. Ребята из мединститута увидали, что участковый упал, подбежали к нему и стали оттаскивать в сторону. Один из них взял пистолет участкового, направил в сторону больного, прикрывая отход. В местной больнице участковый инспектор от полученного ранения умер.

Я вместе с прокурором района В.Н. Алексейкиным, начальником милиции и оперативными сотрудниками, вооруженными автоматами, вылетел на место происшествия на вертолете. Мы выяснили обстановку и приняли решение окружить дом и вести с больным постоянные переговоры, чтобы он сдался сотрудникам милиции. С ним поочередно должны были говорить мать, жена, теща, соседи, убеждая, чтобы он не совершал больше глупостей и сдался.

Начали осуществлять свой план, а я, не теряя времени, в одном из деревенских домов стал допрашивать свидетелей по факту убийства участкового инспектора. Один из милиционеров помогал приглашать того или иного свидетеля. Я успел допросить студентов мединститута, фельдшера, соседей подозреваемого. Милиционер сказал мне, что прибыл заместитель начальника УВД с автоматчиками, просит меня подойти к месту происшествия.

Придя на место происшествия, узнал, что в это время из областного центра прибыл бронетранспортер и пятьдесят автоматчиков на машинах. Ими руководил заместитель начальника УВД. Начальник местного отдела милиции и прокурор доложили о разработанном плане действий. Полковник взорвался, сказал, что о случившемся уже доложено министру внутренних дел СССР, нужны оперативные действия. Под свой штаб мы выбрали соседний с преступником дом, такого же типа, с разрешения его хозяев.

Как и положено было по закону, я, являясь руководителем оперативной группы, настаивал на продолжении осуществления нашего плана переговоров с больным. Полковник, не слушал меня, отдал приказ о немедленном захвате преступника помимо моей воли. Я не согласился с мнением руководства УВД, вышел из штаба, ползком прополз по картофельному полю и встал за деревом напротив дома преступника. Я не хотел быть участником исполнения непродуманных авантюрных решений.

Услышал, как заместитель начальника УВД командовал: «*Ты по стеночке, по стеночке*», понял, что если я слышу его слова, то слышит и преступник. Наступила гнетущая короткая тишина. Затем как хлопок, одиночный выстрел, секунда затишья и автоматная очередь. Началась беспорядочная стрельба из пистолетов. Я увидал преступника в окне дома, он тоже заметил меня и дал автоматную очередь в мою сторону.

Спасло дерево, до сих пор иногда я закрываю глаза, и вижу падающие от пуль листья этого дерева. В первые годы после случившегося, бывая по делам службы в поселке Первое Мая, я ходил в ту деревню, подходил к дереву, гладил затягивающиеся новой корой раны от автоматной очереди на уровне моей головы и выше, благодарил дерево за то, что оно спасло мою жизнь.

После этой автоматной очереди я упал на землю и снова пополз по картофельному участку к штабу. Там узнал, что на захват пошли командир батальона из областного центра капитан Юрий Дагадин и сотрудник Конаковской районной милиции. Преступник выстрелом из ружья убил командира батальона Дагадина, местный милиционер с испугу замешкался. Этого было достаточно, чтобы преступник схватил автомат убитого и начал стрельбу из него.

Узнав об этом, я приказал: «Бейте бронетранспортером по дому, раскатайте его по бревнышкам!» Бронетранспортер ударил один раз, дом затрещал и немного накренился. Преступник попросил пять ми-

нут на размышление, мы дали ему пять минут. Он за это время облил весь дом изнутри керосином и поджег его, сам открыл люк подполья и залез туда, но заживо сгорел.

Так кончилась эта первомайская эпопея. По ее окончании я написал представление в МВД о награждении погибших государственными наградами и об увольнении заместителя начальника Калининского УВД с должности, что и было сделано.

В ближайшие выходные дни я приехал в Бежецк на свадьбу двоюродного брата жены Лучинского Вячеслава под впечатлением увиденного дула автомата, направленного в мою сторону, и перекошенного лица убийцы.

В институте нам криминалистику преподавал профессор Виноградов, который начинал работать сыщиком еще до Октябрьской революции 1917 года. Он подробно останавливался на методе Ломброзо. Говорил и о том, что если труп расчленен, то в первую очередь надо искать убийцу среди женщин или психически больных знакомых убитого. Еще он говорил, что чаще всего убийцами становятся близкие к потерпевшему люди, так как от любви до ненависти всегда один шаг. Случайные убийства нечасты, но в данном случае, о котором хочу рассказать, было именно так.

После основного рабочего времени с 19 до 21 часов я целых два года, не выходя из своего кабинета, расследовал нераскрытое убийство механика местного рыбозавода. Исходил из того, что капитан парома видел в лесу трех парней. Я тщательно, улица за улицей, два года изучал возможные группы из трех человек. Нашел предполагаемых убийц и направил за одним из них в южный город оперативных работников. Раскрыл преступление в день своего рождения, мне тогда исполнилось 38 лет. Этот день рождения незабываем и наглядно показывает будни следователя прокуратуры.

Рано утром 13 мая 1987 года у нас дома зазвонил телефон, мне сообщили, что с южного города привезли гражданина Т., подозреваемого в убийстве механика рыбозавода, совершенном два года назад. В 8 часов 30 минут я начал его допрос, тот дал первые важные показания. В 11 часов доставили второго подозреваемого С., который оставался жить в Конакове, в 11–45 начал его допрос, он попросил дать время подумать до 14 часов.

В 14 часов я продолжил допрос второго подозреваемого С. Он видел, как подозреваемый Т. убил механика, сам он ему в этом помогал.

Я прекратил допрос С., продолжил допрос Т., тот назвал третьего подозреваемого из Москвы гражданина Б., они вместе служили в Афганистане. В 16 часов мы провели обыск у С., нашли куртку, в которой он был в день убийства.

В 17–45 начали обыск у Т., нашли куртку, в которой он был в день убийства и фотографию Б., в 18–30 ребята из милиции на машине поехали за ним в Москву. В 19 часов я провел с работниками милиции оперативное совещание по этому делу, в 21 час пришел домой. В 23 часа 34 минуты раздался звонок из милиции, сказали, что привезли Б. Так закончился мой день рождения.

На следующий день в 8–30 был проведен допрос подозреваемого Б., он все помнил, обо всем говорил. При обыске у него в квартире нашли часы убитого. С 11 часов до 17–45 по очереди со всеми троими мы выезжали на место преступления. Применялись фотографирование и киносъемка, которую проводил сотрудник УВД. В 17–40 начал допрашивать родственников подозреваемого Т., в 20 часов 45 минут пошел домой.

Через два месяца я закончил дело по обвинению Т., С. и Б. в убийстве механика рыбозавода, на другой же день пошел в отпуск. Через месяц районный суд приговорил Т. к семи годам лишения свободы, С. к трем годам лишения свободы, Б. к двум годам лишения свободы – он попал под амнистию, так как был участником боевых действий в Афганистане.

За раскрытие дела меня поощрили – досрочно сняли выговор, который ранее объявили по этому же делу, за задержание на трое суток в качестве подозреваемого одного гражданина – капитана парома. В душе я был возмущен решением областного прокурора, так как мог спокойно забыть об этом деле и расследовать другие. ***Немногие следователи могут гордиться тем, что все убийства, расследованные за двенадцать лет работы в прокуратуре, были раскрыты***.

Служба следователя непростая и непредсказуемая, не ожидаешь, что будет через час или через пять минут. Я помню, как однажды осенью, когда на реке Донховка появился первый лед, очень хотел выйти на рыбалку. Жена отговорила, сказала, что это очень опасно. Был выходной день, я пошел без снастей на берег речки, гулял и смотрел, как рыбаки увлеченно ловят рыбу.

Я вернулся домой около трех часов дня, и почти сразу зазвонил телефон. Сообщили, что на острове возле Федоровского залива реки

Волги обнаружен труп, надо выезжать. Те, кто сообщил о происшествии в милицию, обещали приехать на турбазу возле Федоровского и показать место, где они обнаружили труп. Сказали, что возле трупа собака, и она подаст голос. Но проводники так и не приехали.

Я и еще семь человек работников милиции вместе с работниками турбазы, взялись за длинную веревку и на расстоянии четырех – пяти метров друг от друга пошли по тонкому потрескивающему льду залива на остров. С собой захватили носилки из жести, чтобы на них нести покойного.

Прошли по льду около трехсот метров, лед потрескивал, было жутковато. Светили фонариком, так как стало уже очень темно. Встали цепью, и пошли по ширине острова вглубь его. Остров сплошь был покрыт валежником и буреломом, мы не шли, а перелезали через поваленные деревья и кустарник. Искали очень долго, более двух часов. Собака не подавала голос даже тогда, когда мы наткнулись на покойного.

Провели осмотр места происшествия, трупа, освещая местность и листы бумаги фонариками. Получалось, что парень пошел на охоту с обрезом от охотничьего ружья. Засунул его между брюками и спортивными штанами. Когда стал выхватывать оттуда обрез, курок зацепился за спортивные штаны, произошел выстрел. Была повреждена кровеносная артерия, парень умер от большой потери крови.

Мы погрузили его на носилки, попытались идти обратно по острову. Это практически было невозможно с грузом из-за поваленных деревьев. Тогда решили рискнуть, вышли на берег Волги. На реке была узкая полоска льда метров пять – шесть. Мы вновь взялись за веревку и, прижимаясь к берегу, вышли по льду к Федоровскому заливу. Потом одолели его трехсотметровую ширину. Вышли на берег и буквально повалились на бревна, тяжело дыша от усталости и нервного напряжения.

Что запомнилось мне от прокурорской и следовательской службы – это братство с работниками милиции. Правда и там порою были «стукачи» или «кроты», но это очень, очень редкие случаи, от этих людей милиция моментально избавлялась.

Одним поздним вечером лета 1984 года я провел совещание в кабинете начальника Рамешковского отдела внутренних дел, на котором отрабатывали план одновременного проведения обысков у директора

местной фабрики и его родственников. Обыски провели ранним следующим утром, но мало чего нашли.

Местные жители мне говорили, что ночью из дома директора на машину грузили тюки с трикотажем и увезли в неизвестном направлении. Позднее узнал, что трикотаж увезли на время в цех фабрики, что в деревне Медведиха. Этот факт через несколько лет подтвердил и бывший участковый инспектор, дослужившийся к тому времени до заместителя начальника областного УВД. Значит, в рядах районной милиции был «крот». Директора фабрики по тому делу приговорили к условной мере наказания, а уже при рыночных отношениях его назначили одним из руководителей района.

Были и курьезные случаи. У меня была нечастая практика задержания малолетних преступников на трое суток, чтобы показать им тюремные условия. Потом я обычно прекращал их дела с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних. Не знаю ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них позднее совершил новое преступление.

Как-то расследовал дело по групповому изнасилованию, вместе с взрослыми задержал и малолетку. На другое утро вызвал его на допрос, он плакал и говорил: «Гражданин следователь, конфуз вышел. У меня спросили, что будешь кипяток или воду. Я подумал, что кипяток – это чай и попросил кипятка. Он был горячим, невозможно пить, я вылил его в ведро. Попросил воду, мне сказали, что не положено. Я остался без воды». Я ему ответил: «И ты представляешь, такие условия будут семь или восемь лет, которые тебе дадут». Он заплакал, через трое суток я его освободил из-под стражи с передачей материалов на комиссию по делам несовершеннолетних, тот больше никогда не совершал никаких преступлений.

Мне было поручено расследовать большое дело в отношении представителей секты иеговистов. Поехал в город Ухту, Республика Коми, там надо было решить судьбу руководителя местной секты иеговистов. По договоренности с начальником уголовного розыска, подозреваемого в совершении преступления против власти, посадили в камеру на двоих. На другой день утром начальник успокоил меня, что иеговист скоро заговорит. Я увидел у задержанного синяк под левым глазом, спросил: «Что случилось?». Он ответил: «Ударился о батарею». Я сказал, что поверил бы ему, если в камере были батареи. Допрос, проводимый в течение дня, ничего не дал, задержанный все отрицал или замыкался в себе.

На второй день начальник сказал, что в камере эти двое мирно беседуют. Второй день допроса тоже ничего не дал. На третий день начальник был вне себя от ярости: «Отстань ты со своим иеговистом. Он ходит по камере, заложив руки за спину, а второй стоит в углу на коленях и молится». Пришлось освобождать подозреваемого и прекращать в отношении его уголовное дело.

Однажды нам сообщили, что пропала девочка, ей 7 лет, мы выехали на место происшествия вместе с работниками милиции и прокурором района В.Н. Алексейкиным. Деревня была глухая и далекая, на границе с Московской областью. Начали разбираться, под подозрение попал один местный парень с отклонениями в психике. Стали с ним работать, он признался в том, что изнасиловал девочку, задушил ее и закопал на опушке леса. Мы взяли в деревне заступы и вместе с подозреваемым поехали к месту совершения преступления. Он показал нам недавно перекопанный участок земли, забросанный травой и сучьями.

Никто из работников милиции и понятых не решался начать копать место захоронения девочки. Я взял заступ, начал осторожно копать сбоку, чтобы не причинить повреждений. Когда показалось пестренькое ситцевое платьице, я представил на месте убитой девочки свою младшую дочь, которой тогда было тоже 7 лет. Плохо владея собой, я поднял вверх заступ и пошел на убийцу. Меня остановил прокурор района В.Н. Алексейкин, он отобрал заступ и сам стал продолжать раскапывать труп девочки.

К 1988 году наступила усталость от всего этого, я уже с трудом переносил кровь, размозженные головы, расчлененные трупы, хотелось уходить из морга при исследовании трупов. Я был весь переполнен горем, бедой, страданиями людей, которые проходили через меня, через мое сердце. К тому же времени началась борьба союзных и республиканских законов. За все время работы я не оставил ни одного нераскрытого убийства.

Но мне уже надоело отличать размозженные человеческие мозги от грязи, я с трудом переносил трупный запах эксгумированных тел. Или надо было уходить из прокуратуры, или медленно сходить с ума. По вечерам я закрывался изнутри в фотолаборатории, проявлял и закреплял фотоснимки с места происшествия. Появлялись лица убитых, раны и повреждения, орудия преступления. Жутковато было видеть все при свете красной лампы, но делать снимки приходилось

самому. Потом прилагать их в виде фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия.

Прослужив 12 лет в прокуратуре, после того, как меня не поставили ни прокурором, ни его заместителем в Конаковском районе, я решил из прокуратуры уйти. Причина того, что меня в прокуратуре не повышали в должности, была одна – мой отец, попавший в годы Великой Отечественной войны в немецкий плен. Как при переводе из Сонкова в Конаково, так и здесь я снова оказался без вины виноватый.

Я съездил в деревню к родителям, отдохнул у них. Обратил внимание на то, что когда-то со мной в первом классе учился местный житель Николай, который был старше меня на три года. Он отходил в школу 7 лет, и все эти годы проучился в одном первом классе, даже не сумев перейти во второй класс. Так вот, приехав в деревню, я узнал, что пастух Николай получает зарплату 300 рублей в месяц, а я, получив высшее образование, работая без отдыха и часто без выходных, получаю 250 рублей. Это стало еще одним аргументом для смены работы.

Глава VI
Дорога в большую жизнь

Директор школы

Здесь теперь прошла дорога,
новая стезя открылась.
«Калевала», песнь 50, стр. 568

В конце мая 1988 года мне на работу позвонила жена, сказала, что водой заливает классы третьего этажа школы, в которой она работала. Сантехника нигде не найдут, в школе остались одни женщины, не знают, что делать. Я быстро собрался, сел на автобус, до школы было около трех километров. Поднялся на чердак, где по периметру школы проходили трубы системы отопления. В тот день или проводили опрессовку системы отопления или повысили давление, старые ржавые трубы не выдержали и прорвались.

Я перекрыл на чердаке все вентили, а когда стал спускаться вниз, зацепился часами за металлический выступ. Командирские часы, подаренные мне матросами нашего призыва на 20-летие, упали и разбились. Я подумал, что это какой-то знак, но не знал – какой именно.

Через два месяца после этого случая жена подсказала мне, что в средней школе № 1 города готовятся к выборам директора школы. Я принял участие в конкурсе, победил, и второй раз вернулся работать в школу. Прокурор области Шишов уволил меня с должности старшего следователя Конаковской межрайонной прокуратуры путем перевода на должность директора школы.

С августа 1988 года я стал работать директором средней школы № 1 города Конаково. Школу принял в очень плохом состоянии, только одних разбитых стекол насчитал девяносто восемь штук. Ребята не любили школу и мстили учителям тем, что громили и рушили у школы все, что могли. Я первым делом, еще до начала отопительного сезона нанял мастеров, которые сняли все трубы с чердака и наладили систему отопления по другой схеме.

Я вновь стал видеть жизнь совсем с другой стороны. До этого были трупы, изнасилования, убийства, кровь, взятки, приписки. Сейчас передо мной были чистые, ясные, непорочные детские лица. Кем они могут стать в жизни, многое зависит от школы и родителей. С самого начала своей работы решил украсить школу так, чтобы ею гордились. Я начал активно искать деньги на ремонт школы. Писал письма в РОНО, райисполком, областной отдел народного образования, Калининский облисполком, в Министерство образования РСФСР.

Добился личной встречи с министром образования РСФСР Георгием Петровичем Веселовым, представив лично ему сметы и расчеты. Министр пообещал направить деньги по целевому назначению для нашей школы, но только через Калининский областной отдел народного образования. В области эту сумму поделили пополам, половину оставили себе, другую половину передали в РОНО. Мне пришлось помотать много нервов и потратить сил, чтобы «выбить» эти деньги из РОНО, хотя они приказом министра Г.П. Веселова предназначались именно для школы № 1 города Конаково.

В областном центре нашел неплохих дизайнеров. Первый этаж обили деревом, пропитали его противопожарной жидкостью, установили много зеркал, оборудовали столовую, комнату отдыха для учителей вместе с раздевалкой. Стены второго и третьего этажей разрисовали росписью. На меня учителя смотрели, как на чудака, говорили, что к зимним каникулам всю роспись выковыряют вместе со штукатуркой. Мы поменяли все старые двери в учебных классах и кабинетах на новые, декоративные, сами ребята в мастерских делали наличники и ручки к дверям.

Создали строительную бригаду, которая разобрала все завалы и сделала приличные помещения: кабинет для организатора, хранилище для лыж, кладовую для завхоза и другие. Нужно отметить, что через 30 лет, в 2020 году, все расписанные стены второго и третьего этажей школы оставались в неизменном виде, лишь слегка выгорела краска.

Работая директором школы, я стал требовать от классных руководителей воспитательной работы с детьми. В ответ на это одна из учительниц сказала: «Заберите у меня классное руководство». Я, не задумываясь, ответил: «Заберу, только немного позднее».

После этого все учителя школы ушли в очередной отпуск. Первого июля 1989 года мы с женой получили в школе зарплату за июнь и отпускные за два месяца – июль и август. Дома жена попросила меня

спрятать мою получку – 750 рублей, а на ее деньги мы стали покупать продукты питания. По тем меркам сумма была отложена приличная, учитывая, что килограмм мяса стоил 2 рубля, а килограмм колбасы – 2 рубля 30 копеек. Деньги я положил в журнал «Политическая агитация», целая пачка этих журналов лежала в тумбочке рядом с кроватью.

За лето мы привели квартиру в порядок, набралось много макулатуры, решили сдать ее в приемный пункт. Заодно я перевязал бечевкой пачку журналов «Политическая агитация» и сдал их вместе с другой макулатурой. Взамен получил два рубля денег. В воскресенье мы решили купить дочерям обувь и одежду, понадобились деньги. Жена спросила, куда я спрятал их. Я ответил, что положил их в журнал «Политическая агитация», который мы три дня назад отнесли в пункт приема макулатуры. Несколько минут была немая сцена, потом в наших глазах появилось выражение полного отчаяния. Жена не ругала, не ворчала, беспомощно села на стул и спросила: «Что будем теперь делать?».

Я потерял аппетит, потерял сон, с трудом дождался понедельника. В восемь часов утра я уже был у приемного пункта, ждал приемщика больше двух часов. Он спросил, что случилось. Я ответил, что вместе с журналами сдал свои документы. Приемщик открыл сарай, на вершине бумажной горы я четко увидел стопку журналов «Политическая агитация». Развязал бечевку, открыл верхний журнал – деньги были на месте. Я взял из журнала тридцать 25-рублевых купюр и положил их в свой карман. Удивленный приемщик с открытым ртом проводил взглядом движение моей руки.

Через неделю я пришел в школу, там библиотекарь рассказывала учителям историю, что один мужик сдал в макулатуру две с половиной тысячи рублей, и все купюрами по двадцать пять рублей. Когда он их обнаружил, то не дал приемщику ни одной купюры.

Я стал думать, как активизировать воспитательную работу в школе, читал много литературы, и решился. После длительной переписки и неоднократных поездок в Министерство образования РСФСР 23 августа 1989 года Калининское областное управление народного образования дало добро на эксперимент «Воспитатель-педагог», введя в штат нашей школы шесть воспитателей.

Выйдя на работу после отпуска, я по-прежнему обивал пороги учреждений, добиваясь начала проведения эксперимента. Исполняющая обязанности заведующей РОНО Л.В. Мигель издала приказ № 125 от

26 августа 1989 года о проведении эксперимента в Конаковской средней школе № 1, которым вводилось в штат шесть воспитателей сроком на три года. Хотя приказ был издан 26 августа, мне было предложено укомплектовать школу кадрами воспитателей до 25 августа – были такие парадоксы.

В районной газете был объявлен конкурс на воспитателей, 11 человек написали заявления с просьбой допустить к участию в конкурсе. Честно сказать, предварительная подготовка к конкурсу была слабовата, не было опыта, большого желания учителей и руководителей районного образования что-то менять, поэтому уровень готовности кандидатов к работе определить было сложно. Мы выбрали из кандидатов три воспитателя, по одному воспитателю на параллель в 5–7 классы. При этом учитывалось, что в классе 20–25 учеников, на воспитателя приходилось по 45–50 человек. Это, несомненно, большая нагрузка на одного воспитателя, но весь вопрос встал из-за финансирования.

Определили первичные функции воспитателя: занятия с ребятами во внеурочное время, работа с родителями и работа по месту внеклассных занятий детей. Изучение характеристики ребенка с целью быстрого поиска причины его неадекватного действия или бездействия и устранения этой причины. Сложность работы была в том, что основной причиной многих конфликтов с детьми были учителя.

Они не сомневались в своей правоте и вседозволенности, становясь буквально диктаторами. Они не понимали, что такое уважительные, равные отношения с ребенком на правах старшего. Они считали ребенка объектом обучения и относились к нему, как орел к мышонку, зайчонку. Кстати, я заметил, что такие же диктаторские замашки вседозволенности и поучений многие учителя переносили и в дом. Они могли без какого-либо повода кричать на своих детей, на мужа. Это была объективность той доэкспериментальной школы.

Я приглашал к себе, то одного, то другого учителя, говорил, что ему лучше работать с металлом, бумагами, станками, но не с человеческими душами. Некоторые понимали происходящие в школе изменения и уходили из нее. Были попытки жалоб одного учителя на другого. Я просил жалобщицу на время остаться в моем кабинете, приглашая для разговора того, на кого жаловались, просил разобраться, а сам выходил из кабинета. После нескольких таких сеансов жалобы учителей друг на друга прекратились. Ребят с десятого класса и старше называл только на «вы» и требовал этого от учителей.

Несмотря на начало работы по эксперименту с сентября 1989 года, областное управление народного образования не разрешило его проведение, хотя добро от него было ранее получено, назначены на должности три воспитателя.

Поэтому 8 января 1990 года туда были направлены очередное письмо и программа социально-педагогического развития школы, а также выписка из решения педсовета от 25 декабря 1989 года. В решение педсовета было записано: «Ходатайствовать об открытии экспериментальной площадки по проблеме «Воспитатель-педагог» на базе средней школы № 1 города Конаково». За это решение проголосовали 22 учителя, четверо воздержались от голосования.

26 января 1990 года коллегия областного управления народного образования Калининского облисполкома наконец-то приняла решение об организации на базе средней школы № 1 города Конаково экспериментальной площадки областного управления «Воспитатель – педагог».

После первого года моей работы из других школ к нам перешли 29 «преступников», стоявших на всех учетах в комиссии и инспекции по делам несовершеннолетних, я рвал их старые характеристики, и мы начинали судьбу каждого молодого человека с чистого листа. За годы работы число учеников в школе увеличилось на 150 человек, при этом контингент был сложным, но число преступлений сократилось с 11 в год до нуля. За все 5,5 лет моей работы директором школы ребята не совершили ни одного преступления.

Коллектив учителей был женским, на сорок пять человек всего четверо мужчин. Проходить в кабинет директора нужно было через учительскую, выходить тоже. Кабинет был маленьким, около девяти квадратных метров. Чтобы выйти из своего кабинета я стучал в дверь. В учительской раздавался визг, возгласы: «Подождите немного». Кто-то в это время поправлял чулки и колготки, кто-то примерял принесенную коллегой юбку или кофточку, кто-то подкрашивал губы. Подождав с минуту, я выходил через учительскую в коридор. За день несколько раз проходил по этажам и выходил на улицу.

Смотрел, не подтекают ли батареи отопления, не бежит ли бесконечно вода в туалетах, как идет строительство новых мастерских, подсыпка школьного стадиона, как осваивается новый пришкольный участок, которых до меня не было. Проверял меню в столовой, да мало ли дел и забот у директора школы. А еще надо было выслушать все

жалобы учеников и учителей, переговорить с завучем и организатором о предстоящих делах и планах.

До меня в школе не было столовой, был только буфет с пирожками и горячим чаем. С самого начала своей работы я стал добиваться открытия столовой в школе. На наше счастье Конаковская ГРЭС закупила полный комплект оборудования для столовой на улице Баскакова, но там вместо столовой решили открыть Дом пионеров. Узнав об этом, я стал добиваться передачи оборудования нашей школе, что было сделано. Потом мотался по предприятиям города, ездил в поселок Новозавидовский и город Калинин, чтобы для столовой сделали вытяжку, привезли столы, шкафы и другое дополнительное оборудование. Во всяком случае, с 1990 года столовая в нашей школе заработала.

Я приходил на работу рано, с первыми учениками за полчаса до занятий. Школа работала в две смены, с работы уходил поздно вечером, когда учащиеся оставались заниматься лишь в кружках и секциях. Мы смогли оборудовать для учителей комнату отдыха, туда поставили холодильник, телевизор и самовар. Когда стали просить меня купить второй самовар, я отказался, чтобы не создавать две группировки учителей.

17–19 января 1991 года в школе прошел «круглый стол» по вопросу: «Проблемы и перспективы внедрения новой модели «Классный руководитель»«. Вместе с работниками школы его провели Министерство образования РСФСР и редакция журнала «Народное образование». После проведения «круглого стола» по этой проблеме с нами начали сотрудничество работники Академии педагогических наук СССР во главе с известным педагогической общественности заведующим лабораторией воспитания Олегом Семеновичем Газманом.

Мы познакомились с ответственным секретарем журнала «Народное образование» Татьяной Александровной Бесковой, которая опубликовала в своем журнале мою статью об эксперименте. Небольшую заметку о нашей школе опубликовала «Учительская газета», которую тогда редактировал Г.Н. Селезнев, будущий спикер Государственной Думы.

По результатам эксперимента я написал свои первые брошюры: «Жизнь – вот ремесло…» и «Начни с себя». С 1994 года идею включения в штат воспитателей подхватил коллектив средней школы № 5 города Конаково, директор которой вначале был самым яростным

противником нашего эксперимента. Областной институт усовершенствования учителей организовал научное сопровождение эксперимента в той школе, а не в нашей. Я же в течение пяти лет так и не смог добиться поддержки и внимания со стороны областных структур. К 2003 году воспитатели работали во всех школах города Конаково Тверской области и ряде школ четырнадцати регионов России. В 2001 году по итогам эксперимента средняя школа № 1 города Конаково Министерством образования Российской Федерации была признана «Школой века» [1].

Революция 1991 года

Ой ты, Укко, бог верховный,
восседающий на туче,
поспеши в нужде на помощь,
помоги в беде несчастным.
«Калевала», песнь 45, стр. 505

С приходом во власть в марте 1985 года М.С. Горбачева начались изменения под названиями гласность, ускорение и перестройка. Гласность привела к свободе слова и печати. Основной базой ускорения называли развитие машиностроения в стране. Перестройка подразумевала обновление политических институтов общества. Но эти три направления не имели конкретных программ своего развития, а гласность обернулась обвинением партии в незаконности власти и кризисе экономики.

Объявив в 1985 году перестройку в стране, КПСС не спешила начинать с себя. К 1990 году ее популярность среди народа резко снизилась, началась борьба за выживание партии. Из нее первыми побежали руководители-карьеристы, мздоимцы, многие комсомольские руководители и другие проходимцы, которые позднее успешно примкнули к другим партиям, порою переходя из одной в другую несколько раз даже в течение одного года. Потерявшая нравственный облик коммунистическая партия перестала быть политическим авангардом.

Шла ожесточенная борьба за власть, была опасность, что малокультурные политиканы, стуча кулаком и пистолетом, будут уничтожать последние остатки русской истории, культуры и цивилизации, как

уже было после 1917 года. Тогда люди, призывавшие весь мир насилья разрушить, уничтожили многие памятники культуры, истории и искусства, во всех их трех проявлениях – классическом, церковном и фольклорном.

24 октября 1990 года в городе Конаково Тверской области прошел митинг в поддержку Верховного Совета РСФСР и его председателя Б.Н. Ельцина, организованный общественно-политическим движением города «Возрождение». В митинге приняли участие более полутора тысяч конаковцев, мое участие было весьма активным. Но я уже тогда публично предполагал, что со временем возможен вариант, когда народ с таким же азартом будет низвергать своего кумира Ельцина, которого активно поддерживал в 1990 году [2].

В те годы еще не было разделения на бедных и богатых, будущие олигархи еще ездили в автобусах и ходили пешком вместе с другими. В 1991 году Россия очень близко подошла к гражданской войне, к новой диктатуре, о чем свидетельствуют факты.

Тогда я работал директором средней школы № 1 г. Конаково, был народным депутатом Конаковского городского совета. Не предполагал, что августовские дни 1991 года определят не только судьбу нашей большой страны, но и мою личную судьбу.

Я половину своей жизни прожил в Советском Союзе, вступил в ряды КПСС в июне 1971 года во время службы в Военно-морском флоте. Из-за этого моя демобилизация задержалась на три недели, мне объясняли, что из Москвы задерживается партбилет. Я тогда волновался, переживал из-за задержки, так как дома ждали жена и дочь. Я пробыл в рядах КПСС 20 лет, и ее не стало. Состоял на учете в Сонковской районной парторганизации с 1971 по 1982 годы, в Конаковской городской парторганизации с 1982 по 1991 годы.

Судьба Коммунистической партии Советского Союза мне была небезразлична. В сентябре 1991 года я заплатил последний партийный взнос за август и передал свой партийный билет в Конаковский районный архив. Позднее мой архив перевели в Государственный архив Тверской области.

Здесь я, опираясь на документы, связанные с последними днями КПСС, попытался ответить себе на вопросы, которые волновали меня много лет. Что же произошло? Как случилось, что «руководящая и направляющая сила» страны, многомиллионная Коммунистическая партия Советского Союза в одночасье самораспустилась?

Массовый выход коммунистов из КПСС начался с первых дней 1991 года. Первым из партии рванул пролетариат, чья диктатура против крестьянства и интеллигенции была установлена в 1917 году. Одновременно с пролетариатом из КПСС выходили учителя, врачи, народные судьи и другие представители интеллигенции. Скорее всего, от своей безысходности, поневоле верными партии до конца оставались коммунисты-крестьяне.

Я в Тверском центре документации новейшей истории изучил протоколы первичных партийных собраний о выходе из партии коммунистов сельского Сонковского района и городского Конаковского района.

Сонковский райком компартии РСФСР совместно с контрольной партийной комиссией 22 февраля 1991 года провел заседание пленума. В докладе первого секретаря А.В. Володина отмечалось: «Угрожающие масштабы приобретает экономический кризис, продолжается развал народного хозяйства, материальное положение широких слоев населения ухудшается. Люди теряют веру в способность властей навести порядок. В значительной мере это результат ошибок и просчетов, допущенных в ходе перестройки. КПСС оказалась парализованной, в партийных рядах проявляется беспринципность, робость в отстаивании политических позиций. В этой обстановке народ пытаются убедить в том, что единственный выход из ситуации – возвращение к капитализму» [3].

В тот же день, 22 февраля 1991 года из КПСС вышли 14 членов партии партийной организации локомотивного депо. Следом начали выходить коммунисты станции Сонково, других предприятий районного центра, а затем и сельских парторганизаций в районе [4].

Из парторганизации зверосовхоза «Мелковский» Конаковского района 4 января 1991 года вышло 18 коммунистов, 22 января из парторганизации Завидовской фабрики игрушек – 10 членов партии, 25 января в совхозе «Конаковский» – 12 членов партии, и так далее.

10 апреля 1991 года из партийной организации Конаковского участка «Мосэнергостроя» вышло 87 членов партии и еще 24 коммуниста вышли оттуда 13 августа 1991 года, парторганизация практически развалилась. Выступая на совместном заседании Конаковского горкома КПСС и городской контрольной комиссии 25 марта 1991 года, первый секретарь Тверского обкома КПСС А.И. Ильенков сказал: «Сегодня наше общество измотано хаосом и неразберихой, многие

сбиты с толку, никому и ничему не верят, не верят Горбачеву, не верят Ельцину» [5].

Во время летнего отпуска я уехал к родителям в Сонковский район. Утром 19 августа услышал по радио, что президент СССР М.С. Горбачев болен и не может исполнять свои обязанности, поэтому создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в стране (ГКЧП) во главе с вице-президентом Г.И. Янаевым. В комитет вошли восемь человек, в основном руководители силовых структур. Задача ГКЧП – вывести страну из тяжелого экономического кризиса. Услышав это, позавтракав, я сразу решил ехать в город Конаково на свое рабочее место, прервав отпуск, до конца которого оставалась неделя.

До Конакова добирался целый день, в транспорте люди говорили о положении в стране. Кто-то поддерживал путчистов, кто-то не верил, что Горбачев неожиданно заболел, кто-то вспоминал добрым словом президента России Б.Н. Ельцина, который способен вывести страну из кризиса. Информация была такой запутанной, что очень трудно было сделать ясные выводы.

На второй день с утра я пошел в школу, учителя еще были в отпусках, работавшие педагоги совсем не ориентировались в происходящем. После обеда встретился с председателем Конаковского горсовета Г.Н. Рязанцевым, он заявил, что, может быть, утром следующего дня разъяснится, где Горбачев и что с ним. Сказал, что прошло уже два дня, а ГКЧП только заседает и ничего не делает конкретного.

* * *

События революции 1990–1991 годов развивались стремительно и непонятно для большинства жителей страны.15 марта 1990 года М.С. Горбачев был избран первым и последним президентом СССР.

24 марта того же года состоялись выборы народных депутатов Верховного Совета РСФСР, областных и районных советов.

29 мая 1990 года после третьего голосования Б.Н. Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР. 12 июня того же года на заседании съезда народных депутатов приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. А через месяц, 12 июля, на XXVIII съезде КПСС Б.Н. Ельцин публично заявил о своем выходе из рядов коммунистической партии.

19 февраля 1991 года, выступая по телевидению, председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин предложил президенту СССР М.С. Горбачеву добровольно уйти в отставку.

17 марта того же года был проведен российский референдум по учреждению поста президента РСФСР, за него высказалось 70,88% жителей республики. 12 июня 1991 года состоялись первые выборы президента Российской Федерации, им был избран Б.Н. Ельцин, за него проголосовали 57,3% избирателей. 1 июля был распущен военный блок – Организация Варшавского Договора.

Я в течение дня 20 августа 1991 года слушал радио и просматривал все имеющиеся газеты. В тот день в газетах был опубликован указ вице-президента СССР Г. Янаева от 18 августа о взятии им на себя полномочий президента СССР в связи с состоянием здоровья М.С. Горбачева. 21 августа открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР. Организаторы военного переворота, совершенного в ночь с 18 на 19 августа, члены ГКЧП, были арестованы по пути в аэропорт «Внуково». 22 августа застрелился член ГКЧП, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго.

Начался парад суверенитетов: 24 августа над Кремлем поднят красный российский флаг, в тот же день провозгласила о своей независимости Украина, 25 августа – Белоруссия, 26 августа – Эстония, 27 августа – Молдавия и так далее.

23 августа 1991 года Президент РСФСР Б.Н. Ельцин издал Указ № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», как незарегистрированной в надлежащем порядке и поддержавшей ГКЧП. Были закрыты и опечатаны здания ЦК КПСС, обкомов, райкомов, партийных архивов и другие. С 23 августа 1991 г. КПСС перестала существовать как правящая, государственная структура.

24 августа 1991 года генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев предложил партии самораспуститься. В своем заявлении он указал: «Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота. Центральный комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности. Среди заговорщиков оказались члены партийного руководства, ряд партийных комитетов и средств массовой информации поддержал действия государственных преступников. Это поставило коммунистов в сложное положение.

В этой обстановке ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске».

25 августа был издан Указ № 90 Б.Н. Ельцина «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», которым все это имущество объявлялось государственной собственностью. Был определен порядок передачи этого имущества государству. В тот день, 25 августа 1991 года, М.С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС.

К этому времени по всей стране шел массовый выход коммунистов из партии, шел распад КПСС как общесоюзной политической организации. В период с 25 августа по 2 октября 1991 года приняли решения о самороспуске Компартии всех 15 союзных республик СССР. 6 сентября неожиданно провозгласила свою независимость Чеченская Республика, входящая в состав РСФСР. 28 октября председателем Верховного Совета РСФСР был избран Р.И. Хасбулатов.

8 декабря 1991 года руководители России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.И. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич) на территории Беловежской пущи подписали соглашение об образовании Содружества независимых государств (СНГ), фактически прекратив существование СССР.

24 декабря 1991 года в 17 часов Советский Союз перестал быть членом ООН, его место заняла Российская Федерация. На другой день, 25 декабря, в последний раз по телевидению в качестве президента СССР выступил М.С. Горбачев, который заявил, что в связи с образованием Содружества независимых государств он прекращает свою деятельность на посту президента СССР. В ночь на 26 декабря 1991 года с Кремлевского дворца был спущен флаг СССР и поднят трехцветный флаг России.

В1992 году Конституционный суд Российской Федерации рассматривал дело по иску лидеров КПРФ о проверке конституционности Указов Президента РФ о приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР, других Указов, а также о проверке конституционности самих КПСС и компартии РСФСР.

В связи с передачей архивов КГБ и КПСС на государственное хранение, была создана экспертная группа, в которую вошли Н. Г. Охотин, Н. В. Петров, А. Б. Рогинский, заместитель директора ЦХСД, доктор исторических наук С. В. Мироненко. К заседаниям Конституционного Суда эта экспертная группа подготовила свое заключение. В нем были

отражены основные исторические этапы РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, а также определенные разделы, в том числе: массовые репрессии, партия и КГБ, контроль над обществом и другие. Вместе с заключением в Конституционный Суд был направлен ряд важных документов.

При ответе на поставленный вопрос эксперты посчитали вправе в равной мере привлекать материалы как самого последнего времени, 1990–1991 годов, так и более раннего времени. КПСС вменялось в вину несколько направлений ее деятельности.

1. Подмена представительных органов власти. Большинство властных функций, являющихся исключительной прерогативой органов народного представительства, либо непосредственно осуществлялось аппаратом Центрального Комитета КПСС, либо находилось под его полным контролем. Проведение сессий Верховных Советов СССР и РСФСР, включая повестку дня, доклады высших должностных лиц, утверждение Указов – готовились Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС и утверждались на заседаниях Секретариата и/или Политбюро ЦК. Аналогично определялся порядок проведения сессий Верховных Советов союзных республик – на уровне ЦК компартий этих республик, сессий Верховных Советов автономных республик, областных и краевых Советов – на уровне обкомов и крайкомов, районных советов – на уровне райкомов ЦК КПСС.

Состав избирательных комиссий, процедура выдвижения кандидатов в депутаты, ход выборов, их итоги (включая количественное распределение будущего депутатского корпуса по некоторым социально значимым параметрам – пол, возраст, образование, партийность, социальное происхождение, национальный состав), освещение хода избирательной кампании, и ее результатов в прессе – все это определялось аппаратом ЦК КПСС или местных партийных организаций.

2. Ответственность КПСС за массовые репрессии. Репрессии, проводившиеся в СССР внесудебными органами, осуществлялись по приказам и циркулярам ВЧК-ОГПУ-НКВД, которые, в свою очередь, в точности претворяли в жизнь решения высших партийных органов – съездов партии, пленумов ЦК, решений Политбюро ЦК. Уже с первых лет Советской власти репрессии, проводимые карательными органами, приобрели массовый характер, например, борьба с казачеством, духовенством, вплоть до так называемого «раскулачивания».

В течение июля 1937 года были утверждены в Политбюро составы троек по проверке антисоветских элементов. В их состав включались

начальники местных НКВД (в качестве председателей), а местные руководители ВКП (б) (первый или второй секретари обкомов, крайкомов) и соответствующие прокуроры или их заместители в качестве членов. Тройки создавались в каждой области или крае. Во всех случаях персональные составы троек утверждало своим решением Политбюро. В течение июля 1937 года секретари обкомов-крайкомов ВКП (б) направили в ЦК сведения о количестве лиц, подлежащих расстрелу. На основе этих данных и с учетом директивы ЦК, в НКВД был подготовлен проект приказа «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и представлен на утверждение Политбюро.

31 июля 1937 года Политбюро утвердило проект приказа, и тем же числом он был оформлен по НКВД за № 00447. В приказе перечислялись составы местных троек, и определялся лимит подлежащих осуждению по первой категории (расстрел) и по второй (заключение в лагеря). Общее число подлежащих репрессиям составило 268 950 человек, из них – расстрелу – 75 950 человек, в том числе 10 тыс. уже осужденных и находившихся в лагерях НКВД. Цифры, приведенные в приказе, как правило, были округлены и отличались от поданных с мест, в меньшую или большую сторону. Оговаривалось приказом упрощенная процедура следствия.

Пытки и истязания в органах государственной безопасности не прекращались до 1953 года и были официально отменены приказом по МВД СССР N 0068 от 04 апреля 1953 года, подписанным Л. П. Берия. В приказе прямо говорилось, что в МГБ было принято «широкое применение различных способов пыток: жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодные карцеры и другие».

3. *Сокрытие правды о репрессиях.* КПСС утаивала не только масштабы репрессий, но и, по крайней мере, до 1989 года правду о судьбах отдельных граждан. До сентября 1955 на запросы граждан о судьбе расстрелянных по решениям внесудебных органов родственников давались стандартные ответы: «осуждены к 10 годам лишения свободы без права переписки, но местонахождение их неизвестно».

Один из наиболее ярких примеров лжи о терроре – позиция, занятая партийным руководством в вопросе о Катынском расстреле (рас-

стрелы и захоронения в селе Медное Калининской области являлись составной частью Катынской трагедии – А.Г.). Ложь, впервые прозвучавшая в годы войны, продолжала упорно отстаиваться и в 1970-е и в 1980-е годы. Но есть веские, хотя и косвенные основания полагать, что расстрел польских офицеров был санкционирован Политбюро ЦК ВКП (б) на заседании 05.03.1940 года.

…***9. Секретный характер деятельности КПСС.*** Подавляющее большинство партийных решений и стенограмм пленумов ЦК партии не публиковалось и не становилось достоянием общественности. Всю свою деятельность партия строила на основе секретности. При этом гриф «Секретно» ставился даже «на документах, не содержащих сведений, составляющих партийную и государственную тайну, но раскрывающих методы работы аппарата ЦК КПСС». В результате своей информационной закрытости КПСС была неподконтрольна ни государству, ни обществу, в том числе и рядовым членам самой КПСС.

30 ноября 1992 года Конституционный суд отменил введенный Б.Н. Ельциным запрет Компартии РСФСР. Одновременно в связи с тем, что в августе-сентябре 1991 года КПСС фактически распалась и утратила статус общесоюзной организации, Конституционный Суд РФ 30 ноября 1992 года постановил: производство по ходатайству о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР прекратить.

Беда не приходит одна

О, творец верховный Укко,
Юмала, наш бог небесный,
приходи в беде на помощь,
появись на зов героя!
«Калевала», песнь 9, стр. 97

Очень тяжелыми выдались 1990–1991 годы, было много негативных событий, приведших меня, в конце концов, на больничную койку.

В средине марта 1990 года меня направили на курсы повышения квалификации в областной центр. Приехав в апреле на выходной день домой, от жены узнал, что в почтовом ящике оказался конверт, а там приказ заведующей Конаковским РОНО Г.И. Аксеновой о моем увольнении с должности директора школы № 1.

Я прочитал приказ и вспомнил, как развивались события. В конце марта 1990 года, когда я был на курсах в Калинине, инициативная группа во главе с завучем и парторгом школы собрали педсовет. На него пригласили заведующую РОНО и работников отдела народного образования. Я на курсы не поехал, пришел на педсовет. Речь шла о делах в школе, прежде всего об эксперименте «Воспитатель-педагог». С обвинительной речью выступил парторг школы. Оказывается, он тщательно записывал все мои дела в школьную тетрадь, набралась целая тетрадка. Моя вина была в том, что, начиная эксперимент и другие, важные для школы дела, я не согласовал их с партийным комитетом.

Так, без согласования с парткомом очистил территорию школы от разного хлама, где с учениками разбили пришкольный участок. Начал строительство стадиона, не спросив разрешения у парторганизации. Приступил к строительству мастерских, при этом велел спилить две засохшие яблони, миновав партком. Я слушал и думал: что это – старческий маразм, или стиль партийного руководства, или действительность? Парторга школы поддержали в своих выступлениях завуч школы, ряд учителей. По настроению в зале чувствовал, что многие поддерживают меня, хотя никто не решился выступить вслух в присутствии заведующей РОНО.

С опровержением всех доводов завуча и секретаря парткома резко, но аргументированно выступила жена, Зинаида Ивановна, работавшая учителем начальных классов и бывшая до моего прихода председателем профкома школы. К ее мнению в школе прислушивались. Поддержка жены придала мне дополнительную энергию, силы и уверенность в правоте своих действий.

Заведующая РОНО Г.И. Аксенова посчитала это заседание педсовета основанием для моего увольнения. В понедельник я не поехал на курсы в Калинин, написал и отнес заявление в прокуратуру, затем пошел к заведующей РОНО Г.И. Аксеновой и подробно сказал ей, какие пункты закона она нарушила. Когда вернулся домой через неделю с курсов повышения квалификации, узнал, что приказ о моем увольнении отменен, записи в трудовой книжке сделать не успели. Однако мне заявили, что вопрос о дальнейшем проведении эксперимента в школе будет рассмотрен на заседании Конаковского горисполкома.

Как развивались дальше драматические для меня и школы события 1990 года, можно проследить по документам, имеющимся в моем личном фонде Государственного архива Тверской области. После одного

года работы все бывшие воспитатели, не выдержав большой физической и нервной нагрузки, ушли с этой должности. Эксперимент был под угрозой срыва.

4 июня 1990 года на заседании педсовета был заслушан первый отчет воспитателей. В своих выступлениях учителя говорили: «Низкая культура у самих учителей, в школе развито хамство, грубость. Учителя кричат и грубят, не считаясь с возрастом школьников. Прежде чем заняться воспитанием участников эксперимента, надо воспитывать педагогический коллектив».

«Этот эксперимент – дело будущего. Если закроется эксперимент, то похороним то, что лелеяли годами. Пусть с трудом, пусть пока нет условий, надо идти этим путем. Надо продолжать работу, пересмотреть, какие были ошибки, разложить по полочкам и вести методично».

На своем заседании 4 июня 1990 года педсовет нашей школы дал положительную оценку эксперименту, и эксперимент был продолжен. Было решено: администрации школы добиться теоретического руководства экспериментом, искать путь работы воспитателя не с двумя, а с одним классом.

26 июня 1990 года исполком Конаковского городского совета народных депутатов своим решением отказал нам в открытии на базе средней школы № 1 экспериментальной площадки по проблеме «Воспитатель-педагог». В решении сказано, что с сентября 1989 года школа работала по эксперименту. В пятых – седьмых классах вместо классных руководителей работали три воспитателя. На одного воспитателя приходится сорок – сорок пять учеников. Цель эксперимента – поднять престиж и уровень воспитания в школе и микрорайоне, попытаться разработать систему воспитательной работы. Идея поддержана областным управлением народного образования.

Что к реализации эксперимента не были привлечены различные специалисты, учитывая, что директор школы не имеет педагогического образования. Все три воспитателя отказались работать в следующем учебном году. На педагогическом совете по итогам фронтальной проверки часть учителей выразили недоверие директору школы.

Я направил свои возражения на это решение горисполкома, заявив, что ***за год работы к нам перешли двадцать девять учеников других школ города из неблагополучных семей, и только один из них остался на второй год. В школе снизилась преступность с одиннадцати преступлений в год до нуля.***

Скорее всего, я тогда опередил время лет на 40–50, добиваясь воспитательного процесса в школе, за что консервативная школа простить меня не желала. Нужно отметить, что, несмотря на отрицательное решение горисполкома, эксперимент в школе все-таки был продолжен.

В июле–августе 1990 года я предложил 14 учителям во главе с завучем и парторгом уйти из школы. На их место пригласил новые силы, часть их прибыла из города Баку беженцами. Другая часть пришла из других школ, принял несколько молодых специалистов. Молодой, энергичный, умный коллектив продолжал работать по эксперименту.

Осенью 1990 года, старшеклассники стали просить приобрести музыкальную установку для проведения школьных дискотек. Я обещал купить ее после проведения всех осенних работ на полях и лесосеке, когда мы заработаем денег на спецсчет. Я сказал, что не против проведения дискотек, если ребята сами принесут из дома на некоторое время светомузыку. С ноября 1990 года по субботам вся школа грохотала и содрогалась от светомузыки. На дискотеки мы пропускали лишь своих учеников, оставляя двери закрытыми, на первом этаже дежурили воспитатели старших классов.

В начале 1991 года мы на заработанные ребятами деньги купили свою школьную светомузыку, дискотеки продолжались, молва о них шла по всему городу. Старшеклассники просили пропускать на них своих друзей из других школ, где они раньше учились. Они брали ответственность за порядок на себя, мы разрешили.

В начале марта 1991 года первый раз на дискотеку в нашу школу пришли старшеклассники из других школ, дежурили три воспитателя, я находился в своем кабинете. Прибежала одна перепуганная воспитательница, сказала, что три «чужака» на первом этаже пристают к нашим девушкам. Я выбежал из кабинета, промчался по лестнице на первый этаж, спросил, что происходит. Воспитатель сказала, что группа девушек спустилась на первый этаж поправить прически перед зеркалами. Трое одетых молодых преградили им путь и не пускают на второй этаж, где проходила дискотека. Я спросил у молодых людей, кто из нашей школы взял ответственность за них. Не получив ответа, потребовал, чтобы они покинули школу и не мешали нашим ученикам отдыхать.

Неожиданно для себя, я получил удар кулаком в челюсть, от которого упал на бетонный пол. Быстро вскочил, но тут же получил второй

удар, пока поднимался, хулиганы выбежали из школы. На второй день я заявил о случившемся в милицию, взял направление и прошел медицинское освидетельствование. Было расследование, потом – суд, я был удивлен тому, что ни один воспитатель нашей школы, проходивший по делу свидетелем, в суд не пришел.

Как раз начинались лихие 90-е годы, многие боялись бандитов и хулиганов. Подсудимым был тот парень, который нанес мне удары кулаком, его осудили по ст. 206 УК РСФСР за хулиганство с нанесением побоев. Отца у него не было, мать просила у меня прощения. Я его простил, суд приговорил к 2 годам лишения свободы условно.

Прошло три месяца после мартовской выходки хулиганов, в школе был выпускной вечер. Провели торжественное заседание, были вручены аттестаты зрелости, в ожидании полуночи начались танцы. В 12 часов ночи мы должны были с ребятами и родителями кататься по Волге на катере. Я был в своем кабинете, когда прибежали взволнованные учителя и сказали, что в школу рвутся незнакомые ребята, на первом этаже хулиганы бьют стекла.

Недолго думая, я выбежал на улицу, следом за мной выбежал один из родителей. Толпа чужих парней, человек 10–12, пересекая улицы, побежала через парк к реке Донховка. Я понял, что они из школы № 6, стоявшей на противоположном берегу реки. Рванул за одним из парней, в парке догнал его и повел в свою школу, сжимая его руку и держа за одежду, чтобы у него узнать и составить список всех хулиганов. Мы прошли уже две трети пути, когда нас догнала и окружила толпа тех же хулиганов.

Один из них в прыжке ударил меня ногой в висок, но я не упал, сумел устоять. После некоторых переговоров я отпустил парня, благо его фамилию я узнал, пока вел к школе. На другой день обратился за помощью в милицию, чтобы хулиганы вставили все разбитые в школе стекла. Стекла были вставлены в ходе милицейской проверки, не возбуждая уголовного дела. А выпускной тот вечер прошел по программе, о случившемся ребята узнали, когда вернулись к утру в школу с прогулки по Волге.

В сентябре 1991 года на выходные я поехал в деревню к теще копать картошку. Были сильные дожди, картошка в огороде вся вымокла и пропала. Оставлять тещу без картошки на зиму было нельзя. Дождавшись вечера, я пошел с мешком на поле соседнего колхоза. Там картошку убирали комбайном, достаточно много ее оставалось на

поле. Стал подбирать, проходя по боровкам, набрал мешок, картошка была сырая, тяжелая. Потом сходил второй, третий раз, принес три мешка картошки. Промысел закончил около 11 часов вечера, сильно устал, почувствовал сильную резкую боль в правом боку. К утру боль постепенно утихла.

Кроме увольнения и стрессовых ситуаций с экспериментом, другая беда для меня пришла, как всегда, неожиданно. Во время осенних полевых работ мотоциклист на дороге насмерть сбил одного из учеников школы, ожидавших прибытия автобуса. Я очень переживал о случившемся, встречался с родителями мальчика, помогал им организовать похороны, добивался возбуждения уголовного дела и тщательного расследования.

Частые стрессовые ситуации в течение трех лет, большая ответственность за обучение, воспитание и здоровье детей в дальнейшем сыграли злую роль для моего здоровья.

На нервной почве из-за стрессовой ситуации почувствовал сильное недомогание. Резко заболел позвоночник, стали непослушными ноги, были сильные боли в животе. В автобусе по пути из школы домой еле-еле стоял на ногах, ухватившись за поручень. Один молодой выпивший человек, уступивший мне место, стоял рядом и стал высказывать предположение, что я симулирую болезнь, чтобы сидеть, а не стоять. Грозился побить меня за это, но мне все уже было безразлично.

Жена три дня назад улетела в Сочи, она долгое время стояла на очереди в санаторий, и вот профсоюз выдал ей «горящую» путевку, первую в ее жизни. Старшие дочери учились в других городах, я оставался с младшей дочерью. Добравшись до своей квартиры, пробовал лежать, но боль не давала ни минуты покоя. Я сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Позвонил старшей дочери в Москву, попросил ее приехать. Не сомкнув глаз, промучился целую ночь, утром, проводив младшую дочь в школу, пошел в больницу.

Меня уложили на кушетку в приемном покое и держали так два часа, пока не перевели в палату. Лежа на кушетке, я уже стал терять сознание. Врач-хирург установил заболевание «острый панкреатит», допытывался, чего острого ел и много ли выпил алкоголя. Но в то время я алкоголь пил очень редко, лишь по праздникам. Да и не на что было его покупать, так как зарплаты учителей были маленькими, надо было учить, кормить и одевать трех дочерей. А очереди в магазин за водкой по талонам были сумасшедшие.

Я ответил хирургу, что случилось это из-за волнений, переживаний, из-за стресса. Врач-хирург предложил сделать операцию и удалить поджелудочную железу, но я резко и категорически отказался. Лечили меня в больнице две недели, потом еще на одну неделю дали больничный лист.

Намного позже я узнал, что смертность от «острого панкреатита» около 50%. Медлительность в действиях хирурга я позднее связал с тем, что три года назад, будучи следователем прокуратуры, я возбуждал в отношении его уголовное дело за халатность. Он своевременно не сделал операцию аппендицита молодому человеку, у него развился перитонит, и тот умер. Я даже не мог предположить, что хирург когда-то окажется моим лечащим врачом, но, слава Богу, тогда все для меня обошлось благополучно.

Соседом по койке был мастер Конаковской ГРЭС, который прихватил с собой транзисторный приемник, настроенный на волну «Маяка». Каждые полчаса там передавали новости, из которых мы 7 октября узнали об убийстве набиравшего популярность певца Игоря Талькова, происшедшем накануне в Санкт-Петербурге.

На одном из московских вокзалов жену из Сочи встречала старшая дочь Татьяна, а я встречал их на перроне своего города. Обнялись, расцеловались, жена передала мне нести тяжелую сумку. Я сказал, что тяжести носить не могу, и только здесь, на перроне, дочь и я рассказали Зинаиде Ивановне, что случилось. Когда она периодически звонила из Сочи домой, там дежурили приезжавшие по очереди две старшие дочери. На вопрос: «Где папа?», отвечали, что в школе или магазине, или на улице с собакой. Не хотели, чтобы она сорвалась с долгожданного отдыха и лечения, чтобы не примчалась домой раньше времени. Мы щадили и берегли друг друга, к тому времени вместе прожили уже 20 лет.

Врач посоветовал мне в свой рацион ввести больше творогу, я на неделю, которую мне отпустили по больничному листу, уехал к матери в деревню. Каждое утро и вечер в моем меню был творог.

По вечерам я расщеплял перед печкой собранный репейник и оттуда добывал белых круглых личинок комара. С утра, взяв топорик, ведро и бутерброды с мясом, уходил за два километра на речку. В то время ударили морозы, хотя снега еще не было, речки затянуло льдом. Зимние удочки я привез с собой из Конакова. Топориком делал во льду лунку, на мормышку привязывал красную нитку и насаживал личинки

комара. Окуни клевали без перерыва. Утром мимо меня проходили охотники с ружьями, когда они к вечеру возвращались ни с чем обратно, видели вокруг моих лунок набросанных окуней.

Собрав в ведро окуней, уже затемно возвращался домой, чистил рыбу. Я ножом делал надрезы возле жабр с двух сторон, и «чулком» снимал шкурку с рыбы. Потом отрезал голову и хвост. Вычищенную рыбу укладывал в лотки, их ставили в морозилку. Жарить окуней можно было в любое время.

Окрепший и пришедший в себя после стрессов и болезни, я вернулся из деревни в Конаково, чтобы с новыми силами приняться за работу по обучению и воспитанию детей. Узнал, что в школе начались проблемы с мелом, на классных досках нечем было писать. В школы района поступил некачественный, водянистый мел, записи на доске не были видны, как бы кусок мела ни крутили в руке. Срывались уроки по русскому языку, математике, химии, физике. Я лихорадочно начал искать выход из положения и нашел его.

Мы договорились с директором Конаковского энергетического техникума, что тот отправит машину-трехтонку за мелом в Белгородскую область. Расходы на поездку мы с техникумом делим пополам, перечислив деньги со спецсчета школы. В январе 1992 года на склад школы разгрузили полторы тонны кускового мела. Конечно, эти куски были неудобными в отличие от граненого мела, но писал мел на доске отчетливо. К нам стали приходить за мелом гонцы из других школ города, мы делились с ними безвозмездно. Искали и находили выход из создававшихся других проблем.

Воспитание и обучение женой, Зинаидой Ивановной, нашей дочери Марины можно сравнить с материнским подвигом. Марина в один год переболела воспалением легким и воспалением головного мозга. Диагноз: «Остаточные явления после параинфекционного менингоэнцефалита», наступала клиническая смерть. Заключение медико-педагогической комиссии – должна учиться во вспомогательной школе. Первые заявления врачей – остаточные явления, задержка развития с годами пройдут. Последующие заявления врачей – опоздали, надо было за помощью обращаться раньше, хотя куда мы только не обращались: в районную больницу, областную больницу, возили в Москву.

Один человек – мать Марины считала, что не все потеряно, она имела надежду на успех. За год до школы девочка не могла произно-

сить многие звуки, речь невнятна, медикаментозное лечение к успеху не приводило, результатов давало немного.

Несмотря на некоторые запреты, Зинаида Ивановна – учитель начальных классов стала обучать девочку в своем классе. На уроках требовала не меньше, чем от других детей. А дома – изучение мамой специальной литературы, занятия с помощью самой изготовленных наглядных пособий, рисунков, таблиц. Вопрос девочке она задавала по несколько раз, чтобы привлечь ее внимание. Любое небольшое проявление успеха было основой и стимулом для дальнейшей работы. Внимание матери сосредотачивалось на положительных фактах, весь негатив она принимала на себя, чтобы потом вылить его через слезы в подушку.

Ненавязчивыми вопросами уточняла смысл действий девочки, чтобы она в них самоутвердилась и чтобы уточнила для себя собственные мысли и значение слов. Жена давала дочери советы, как надо действовать и почему, и что не надо делать. Она сама показывала то или иное действие и просила девочку повторить его. Любому действию учила долго и настойчиво, как держать ручку, когда пальцы сжаты, как писать, когда рука не владеет, как произносить слово, когда язык не послушен.

Был продуман щадящий режим – чередование работы и отдыха, более продолжительный сон девочки. И, конечно, большое терпение мамы, и ее такт. К 14 годам в 7 классе общеобразовательной школы Марина имела удовлетворительные оценки по двум третям предметов, по одной трети предметов – хорошие и отличные оценки. Знала время, счет деньгам, умела плавать, кататься на лыжах, обращаться с бытовой техникой. Самостоятельно выполняла обязанности по дому – подметала пол, ходила за продуктами в магазин, выгуливала собаку. Обучаясь в школе, активно занималась на кружках по интересам – шила, вязала, вышивала.

Эти увлечения Марины сыграли важнейшую роль в ее дальнейшей жизни. Окончив 8 классов общеобразовательной школы, она получила среднее образование в вечерней школе. Была принята на работу инструктором по производственному обучению. Учит других людей вязать, вышивать, заниматься бисероплетением. Кроме того, ведает библиотекой, заочно окончив колледж, получив среднее специальное образование по специальности «библиотекарь». Самостоятельно совершала и совершает путешествия в другие города страны, была за границей.

Надо было как-то выживать

Как же быть и что тут делать,
у кого искать совета.
«Калевала», песнь 28, стр. 337

Практически все жители города Конаково имели садовые участки в кооперативах, которые окружали город со всех сторон. Мы, посоветовавшись в семье, также решили заиметь садовый участок. В один из ноябрьских выходных 1984 года мы вместе с шестилетней дочерью Мариной вышли с автобуса в конце города. Прошли полтора километра в правление ближайшего садоводческого кооператива «Олимпийский», созданного в 1980 году, когда в Москве проводили летнюю олимпиаду. Переговорили с председателем правления, тот сказал, что когда земли кооператива оканавили, на его территории оказались два лишних участка. Но они до сих пор относятся к пахотным землям совхоза «Шошинский». Если я сумею перевести эту пахотную землю в распоряжение кооператива, участок нам будет предоставлен, я согласился, не раздумывая.

В первый же рабочий день я переговорил с одним знакомым офицером КГБ, мы вдвоем взялись за дело. В течение зимы получили разрешения от совхоза, райисполкома, облисполкома и Совета Министров РСФСР – такова была процедура перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли садоводческого кооператива. К весне 1985 года мы получили решение правления садоводческого кооператива о предоставлении нам садовых участков. Надо сказать, что офицер КГБ так и не смог воспользоваться этим участком, так как в тот год его перевели на службу в Мурманскую область.

Получив решение садоводческого кооператива, мы купили в деревне, где жила теща, небольшой домик за 200 рублей. Взяв в марте 1985 года недельный отпуск, попросил помочь своего отчима и дядю жены, Лучинского Дмитрия, перерубить этот старый дом. Мы втроем разметили бревна, разобрали дом и срубили из бревен новый сруб.

В ту же весну мы с женой и детьми начали расчистку участка от деревьев и кустарников. Я рубил деревья, оставляя высокие пни, потом соединял два пня тросами лебедки, под названием «лягушка», и начинал качать ее рукояткой. Троса накручивались на вал, один из пней постепенно вытаскивался вместе с корнями из земли. Бульдозе-

ром пришлось корчевать один-единственный пень от толстой березы. Три березы были оставлены на участке, две возле будущего дома, а одна – у канавы. Через канаву уже начинался смешанный лес.

После корчевки сучья сжигали, а стволы деревьев сложили возле оставленных берез. На участке работали по выходным, перекапывали его и засаживали картошкой и овощами. Обедали прямо на дровах у берез половину лета, пока я не построил хозяйственный сарайчик из бревен и досок. Тогда можно было обедать и прятаться от дождя в этом сарайчике. Там же хранили весь инвентарь, который до этого оставляли под дровами. За лето был установлен фундамент из железобетонных свай для дома.

Сруб дома простоял в деревне все лето, осенью мы с отчимом перевезли его на большой машине из Сонковского района на дачный участок. Весной 1986 года я один начал поднимать сруб дома, сажая бревна на мох. Укладывал на бревна доски, садился на них, упирался ногами в переднюю стену сруба, и веревкой тащил наверх сначала один конец очередного бревна, затем – второй. Устанавливать на крышу стропила попросил помочь соседа Анатолия Пахомова и его зятя. За лето дом был возведен на фундамент и покрыт рубероидом.

За зиму отчим сделал рамы для окон дома и террасы, весной 1987 года я привез их в разобранном виде на рейсовом автобусе. Позднее приезжал отчим, он соединил рамы и установил в оконные проемы. К средине лета 1987 года дом с мансардой был готов. Начиная с того года, наша семья ночевала на даче в выходные дни и во время отпуска. К дому было подведено электричество, мы с соседом, что напротив нас, выкопали колодец на две семьи.

1991 год стал переломным для страны, в тот год экономика в стране рухнула, не было ни продуктов, ни товаров первой необходимости. Говорили, что на складах много чего есть, а полки в магазинах были пустыми. По стране пошли собрания коллективов, митинги, на которых выражали недоверие партийным руководителям и лично М.С. Горбачеву.

Как будто все разрушительные силы скопились к 1991 году. Заселенный нами 8 лет тому назад многоэтажный дом стал вдруг неузнаваем. Во входной двери и витринах разбили все стекла, на первом этаже вырвали и разбросали по подъезду почтовые ящики. В лифте сожгли пластиковые кнопки, пытались поджигать стенки лифта, расписав их бранными словами. На всех этажах появились врезные замки с

ключами для каждого жителя, чтобы с этажей не унесли счетчики, пробки, провода и другое, что можно унести.

Во дворе детская площадка была искорежена, бережно посаженные жителями в 1983 году и входившие в рост молодые березки сломаны. Как Мамай пронесся по городу. Начались частые налеты на дачные кооперативы, что-то уносили, оставшиеся банки с вареньем и солениями разбивали. Как и после Октябрьской революции 1917 году, на первый план вышли уголовники, недоучившиеся пэтэушники, неудовлетворенная полуграмотная интеллигенция. Те, кто был умнее и мудрее, долгое время не смогли сплотиться против этого зла, анархии и бескультурья.

С 1991 года начался бесконтрольный активный захват и передел государственной собственности. Руководители и их приближенные захватывали и присваивали ту собственность, которой они руководили: фабрики, заводы, магазины, природные ресурсы, выгодные участки земли. Возникали преступные группировки, которые не мирились с происходящим переделом собственности, требовали доли или просто убивали новых собственников. На первое место выходили ранее глубоко скрытые звериные инстинкты вместо разума, который затмевали американские доллары и золото. Жизнь человека становилась дешевой, появилось много оружия, даже у тех, у кого его раньше никогда не было.

Зарплата директора школы была мала, чтобы прокормить семью и выучить трех дочерей, 1991 год стал переломным годом не только для страны, но и для нашей семьи. В тот год решалось многое – или добиваться чего-то в этой жизни, или быть на ее обочине. Старшая дочь училась в институте, средняя в техникуме, а младшая – в школе. Тогда активные люди смогли выйти из ситуации, многие пассивные стали бедными. Я решил для себя сделать все возможное, чтобы выйти из кризиса.

Во-первых, летом 1992 года я поехал к родителям в деревню, где за небольшую цену купил нежилой дом. Из него сам срубил два сруба, один продал, а второй поставил на втором приобретенном земельном участке, на вырученные деньги учил дочерей. Целый месяц работал в своей деревне, как проклятый весь световой день, с 7 часов утра до 9 часов вечера. Сначала разметил на доме все бревна, развалил дом, вручную перекатывал, таскал и трелевал шестиметровые бревна. Потом на обустроенной площадке начал рубить первый сруб, работал

один топором и двуручной пилой. Отчим с матерью в это время занимались сенокосом, я им не помогал косить и сушить сено, лишь по вечерам носил сено охапками на сеновал.

В свободное время отчим помогал мне пилить бревна по размеру двуручной пилой, когда он был занят, я пилил их один. Из бревен поднял один сруб на продажу, рубил в «лапу», так было проще, чем «в угол». Сруб смог продать за 25 тысяч рублей, эти деньги как-то помогли нам некоторое время учить дочерей. Второй сруб, сделанный из бревен кухни, я потом установил на своем участке в садоводческом кооперативе возле деревни Новошино.

Во-вторых, в августе 1992 года приобрел лицензию на адвокатскую деятельность без образования юридического лица. Брал вести два-три дела в месяц, но эти дела давали мне доход в два раза больше, чем месячная зарплата директора школы. Завел тетрадь учета доходов, ее прошнуровал и закрепил печатью налоговой инспекции, куда я платил налоги. За полтора года адвокатской деятельности с пенсионеров не взял ни рубля.

Начал выигрывать дела в судах, клиентов стало больше. Стали приходить на консультации люди из разных, порою враждебных друг к другу, группировок. Просили проконсультировать об ответственности за хулиганство, изнасилование, рэкет и «крышевание» рынков. В эти годы в Конакове было убито немало молодых людей, близких к криминалу.

Сотрудники милиции, приходя ко мне в кабинет, предупреждали, что у них есть опасения за мою жизнь. Они предлагали мне диктофоны, чтобы я их клал в ящик стола и записывал наши разговоры с представителями группировок. Понимая, что это провокации, я резко и наотрез отказывался от какой-либо «помощи» беспомощной милиции. В эти годы сами сотрудники милиции, чтобы прокормить семью, в свободное от службы время, охраняли дома, гаражи и дачи представителей этих группировок.

Учителя стали жаловаться, что возле школы кружатся какие-то подозрительные молодые люди на машинах, мешая проходу. Я позвонил по телефону не в милицию, а одному местному «авторитету», которому когда-то сумел помочь. На второй же день всё успокоилось.

Меня даже стали приглашать для защиты подсудимых в города Московской области. Как-то меня попросили защитить в суде одного из городов Московской области бывшего офицера КГБ, которого судили за рэкет на рынке. Во время наших многократных совместных

поездок в другой город и обратно, товарищи подсудимого, бывшие офицеры КГБ, рассказывали мне о том, что у каждого из них есть семья, которую надо кормить и одевать. Но на них сейчас лежит клеймо организации, на работу нигде не берут. Они вынуждены «крышевать» продавцов на рынке, собирая с них дань, если их даже «крышуют» другие группировки. Между группами «крышующих» возникают драки вплоть до убийств. На их рынке действует еще одна группа бывших спортсменов-боксеров. Вот они и уговорили некоторых продавцов заявить об их друге за «рэкет».

В разговоре бывшие офицеры КГБ заявляли о том, что все равно в России возродится служба безопасности, и туда вернутся люди из их организации. Они-то сами туда возвращаться не будут, к тому времени у каждого из них будет свое дело. Вот эти новые российские капиталисты, вместе с новой службой безопасности, добьются того, что во главе России станет человек из системы бывшего КГБ. Эти ребята из одного подмосковного города в 1993 году как в воду глядели. Через семь лет Президентом России стал человек из системы КГБ.

В-третьих, выходить из создавшейся трудной ситуации нам помогало свое подсобное хозяйство – садовый участок и кролики. На участке мы сажали много картофеля, морковь, свеклу, лук, огурцы, помидоры. Мы могли давать дочерям с собой, в основном овощи, но мало денег. Чтобы иметь на пропитание мясо, на лоджии своей квартиры на 12-м этаже завели кроликов. Я сделал несколько клеток вдоль стены, отдельно для самок и самца. Заготовил летом сена на обоих садовых участках.

На участке возле деревни Новошино готовое сено сложил прямо в построенном домике, несколько раз ездил за ним. Приехав за сеном в очередной раз, в декабре, увидал, что замок на двери сорван прямо с пробоем. Все сено было украдено, хорошо, что оставались его запасы на другом садовом участке.

К выходным дням, когда приезжали дочери, брал одного подросшего кролика в корзинку с крышкой и вез его на дачу. Там убивал палкой, сделав надрезы, снимал шкурки «чулком», готовый продукт привозил домой. За зиму зарезал 14 кроликов, для нас это было подспорьем. Позднее их шкурки выделали и сшили шубку для нашей первой внучки. Потом эта шубка перешла и второй внучке.

Средняя дочь окончила техникум, поступила на работу по специальности в сапожную мастерскую, и стала деньгами помогать учиться

старшей дочери. А я в выходные дни брал в свой бывший прокурорский портфель 3–4 пары модельных туфель, полусапожек и ехал с ними в областной центр. Там продавал обувь работникам организаций, их знакомым, вырученные деньги отдавал дочери, с ней на работе производили расчет.

Через год окончила институт старшая дочь, была принята на престижную работу бухгалтером на Конаковскую ГРЭС. К тому времени учителям прибавили заработную плату. Постепенно семейный экономических кризис 1990–1993 годов нами был преодолен. Родители помочь нам не могли, их все сбережения в сбербанке пропали, перейдя в карманы «новых русских».

Через десять лет после строительства дачного домика, осенью 1995 года, в деревне матери я разобрал на баню один бесхозный двор возле разваленного дома. Весной следующего года перевез бревна на дачный участок, в течение лета один построил баню. Металлическую печку с трубой заказал на одном из заводов в Твери. С 1997 года семья мылась в своей бане. Осенью 1996 года вместе с младшей дочерью и племянником в деревне матери мы наготовили бревна для сарая. Перевез их весной 1997 года, за лето построил рубленый сарай вместо бывшего дощатого.

В то время у нас был второй небольшой участок земли в четыре сотки, на котором я срубил небольшой домик. Летом 2000 года разобрал этот домик, из него пристроил к даче летнюю кухню, на которой мы установили газовый баллон. Оставшиеся бревна использовал для столбов изгороди вдоль канавы, так как наш участок был крайним к лесу. В том же 2000-й году сам лопатой выкопал колодец, куда была установлена пятиметровая труба диаметром в один метр. Вода в колодце оказалась чистой, прозрачной, вкусной, мы ее потом всегда брали с собой в город.

В 2001–2002 годах, когда меня уволили с должности заместителя губернатора Тверской области и не давали возможности устроиться на работу ни в одной организации, мы летом жили на даче. Дача, полностью построенная собственными руками, служила нам 25 лет. Здесь я писал свои первые книги, в том числе «Историю Тверской Карелии», написал много стихов. Пробыв в 2009 году все лето в Крыму, мы осенью поехали посмотреть свою дачу. Нашли участок в бурьяне и запустении, дочери в течение лета на дачу из Москвы приехать не смогли. Было решено ее продать, покупатели из Мур-

манска нашлись быстро. Мне было очень тяжело продавать дачу, в которую вложил столько своей души, но я понимал, что это необходимо сделать.

Противостояние 1993 года

Прекратите, перестаньте,
не гремите, не бренчите!
«Калевала», песнь 40, стр. 458

Этот год грозил уничтожением Российской Федерации как государства. В июле 1993 года депутаты Свердловского областного совета приняли решение об образовании на территории области Уральской республики.

20 августа в Москве прошло Всероссийское совещание представителей общественных сил и движений, выступающих в защиту конституционного строя, парламентаризма и демократии в России. В работе совещания приняли участие 482 делегата со всех регионов России, в том числе 22 делегата от города Твери и Тверской области.

С докладами выступили доктор философских наук В.С. Липицкий и председатель Верховного Совета России Р.И. Хасбулатов. Россия тогда еще не имела мощной поддержки парламентаризма, так как опыт парламента был небольшой, с 1906-го по 1918 год, всего 12 лет. Советы в СССР никогда не были парламентским органом, так как осуществляли одновременно две функции – законодательную и исполнительную. Кроме того, они часто становились орудием в руках партийных комитетов.

После перерыва нас, делегатов совещания, на автобусах повезли к Белому дому, где прошел немногочисленный митинг. Там в числе других выступили правозащитник С. Ковалев, писатель Алесь Адамович, представители некоторых политических партий.

По приезду из Москвы я стал координатором движения в поддержку парламентаризма по городу Конаково и Конаковскому району. Еще в 1992 году мы, несколько депутатов Конаковского городского Совета, подняли голос в защиту Советов как представительных и только представительных органов народовластия, этот голос тогда потонул в общем хаосе и неразберихе.

Но здравый смысл нам подсказывал, что демократический парламент – основная опора России. Без его объединяющей силы Россия может распасться на отдельные княжества. В своем обращении к жителям города Конаково и района я писал, что создаваемое движение в поддержку парламентаризма не должно стать еще одним яблоком раздора русского народа и других народов, населяющих Россию. В это движение надо входить людям с чистыми руками и чистыми сердцами. Мы уже достаточно опозорились перед всем миром, публично оскорбляя нами же избранного президента и нами же избранный парламент. Этому позору надо было положить конец и прийти к цивилизованному согласию [6].

В сентябре 1993 года 14 краев и областей Сибири приняли решение о создании Сибирской республики, и началась активная агитация за эту идею. Чтобы приостановить распад государства и поделить власть в стране на законодательную, исполнительную и судебную, президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», где предусматривалось:

а) прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации – Федерального Собрания Российской Федерации и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами президента РФ и постановлениями Правительства Российской Федерации;

б) Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации;

в) назначить выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на 11–12 декабря 1993 года.

После официальных 17 пунктов, в том числе и того, что Указ вступает в силу с момента подписания, Б.Н. Ельцин в этом Указе сделал нетрадиционную приписку: «Выражаю уверенность, что все, кому дороги судьба России, интересы процветания и благополучия ее граждан, поймут необходимость проведения выборов в Государственную

Думу Федерального Собрания для мирного и легитимного выхода из затянувшегося политического кризиса.

Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время» [7].

Указ был подписан 21 сентября 1993 года в 20 часов, а в 22 часа началось экстренное заседание Президиума Верховного Совета РФ, который вынес постановление «О немедленном прекращении полномочий президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина». Согласно этому постановлению, исполнение обязанностей президента РФ было возложено на вице-президента А.В. Руцкого. В 22 часа 10 минут того же вечера началось экстренное заседание Конституционного Суда РФ, который признал Указ № 1400 не соответствующим действующей Конституции, что, по мнению суда, служит основанием для отрешения президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности. За это решение проголосовали 9 членов Конституционного Суда, против – 4.

В ночь с 21 на 22 сентября 1993 года началось заседание сессии Верховного Совета Российской Федерации, явка депутатов составила по палатам: Совет Республики – 70 депутатов, отсутствовали 55, Совет Национальностей – 70 депутатов, отсутствовали 52. Верховный Совет вынес постановление о прекращении полномочий президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, за это проголосовали 136 депутатов, воздержались трое: Е.М. Кожокин, Р.К. Микаилов и С.А. Носовец. 24 сентября Верховный Совет принял постановление о досрочных выборах народных депутатов и президента РФ в марте 1994 года.

В эти дни нас, делегатов Московского совещания в поддержку парламентаризма от Тверской области, собрал в здании облисполкома председатель областного Совета народных депутатов М.А. Шестов. Как я понял, задача этого совещания была в том, чтобы мы выразили свое отрицательное отношение к Указу президента страны № 1400. Наше мнение он смог бы озвучить на сессии областного Совета. В обстановке единодушия мой голос в поддержку Указа прозвучал диссонансом.

Я тогда вообще первый раз был на встрече в здании облисполкома, плохо знал, что происходит в Твери и кто кого поддерживает. Нужно отметить, что 29 сентября участники внеочередной сессии Тверского областного Совета народных депутатов посчитали Указ № 1400 антиконституционным актом, они также осудили действия исполнительной власти [8].

3 октября Б.Н. Ельцин издал Указ «Об освобождении А.В. Руцкого от должности вице-президента Российской Федерации». В этот же день Руцкой и Хасбулатов вышли на балкон Белого дома и стали призывать митингующих штурмом взять мэрию города Москвы и Останкино, привести танки, чтобы штурмом взять Кремль. Боевики и толпа народа пошли на мэрию Москвы, около 200 милиционеров сдались боевикам и побрели под их конвоем к Белому дому. За 45 минут боевики захватили пять этажей мэрии. Бойцы ОМОНа, стоявшие в оцеплении, бросая щиты и дубинки, в панике отступили, затем просто спасались бегством. Из глубины оцепления раздались автоматные очереди, несколько десятков демонстрантов упали на землю, остальные сначала остановились, затем яростно бросились на людей [9].

В ответ на эти призывы Руцкого и Хасбулатова, и на штурм мэрии, Б.Н. Ельцин в этот же день Указом № 1575 ввел в Москве чрезвычайное положение до 16 часов 10 октября 1993 года. В 19 часов 30 минут у телецентра «Останкино» собралось около 10 тысяч человек. Две автомашины «Урал» стали попеременно таранить стеклянный холл здания телецентра. Руководивший боевиками генерал Макашов обратился к защитникам Останкино с ультиматумом сдаться без кровопролития, дал для принятия решения 15 минут [10].

В 21 час 30 минут к телецентру «Останкино» подошли 15 бронетранспортеров, в 21 час 58 минут военные предупредили через мегафон, что через 2 минуты начнется стрельба по всем находившимся около здания, люди стали разбегаться.

В 00 часов 40 минут в Москву по Ленинскому проспекту вошла колонна бронетранспортеров из 40 машин, они заняли оборону вокруг здания Министерства обороны и Кремля. 4 октября в 10 часов утра из Белого дома были выведены женщины и дети. В 10 часов 03 минуты началась стрельба из танков по верхним этажам Белого дома, загорелись 6, 7 и 10-й этажи. В 10 часов 25 минут на третий этаж прорвалась штурмовая группа ОМОНа. В 10 часов 30 минут Руцкой запросил переговоры с Ельциным, тот от переговоров отказался, заявив: «Только полная капитуляция».

В 12 часов из Белого дома прорвались около 200 его защитников, в 15 часов на штурм Белого дома пошла группа «Альфа». В 17 часов старший группы «Альфа» попросил прекратить огонь, так как он вел переговоры с руководством о полной сдаче Белого дома и прекращении сопротивления. Сотни людей стали покидать Белый дом

и сдаваться правительственным войскам, их увозили на автобусах. Были задержаны и доставлены в следственный изолятор Лефортово Хасбулатов, Руцкой, Баранников, Дунаев, Ачалов, Макашов. Так была предотвращена угроза гражданской войны в 1993 году [11].

Судя по стенограммам заседаний Верховного Совета и другим материалам, по-разному вели себя в эти дни депутаты от Тверской области. Никак не проявили себя депутаты Ю.М. Краснов, В.Я. Кириллов, А.Л. Кушнарев и Н.И. Попов, где они были в те дни, знали они сами. Активную позицию в первые же дни противостояния занял депутат по 408-му Пролетарскому округу, директор Тверского камвольного комбината Георгий Леонидович Смольский. В условиях полной поддержки действий Верховного Совета он не побоялся, практически единственный, критиковать его публично на заседании десятого (чрезвычайного) Съезда народных депутатов Российской Федерации, который открылся 23 сентября 1993 года в 22 часа: «Я понимаю, что очень удобно и легко ругать тех, кого сегодня нет, как бы они виноваты не были. Но значительно труднее посмотреть на причины и на самих себя. Позволю вам напомнить маленькие вехи.

На первом Съезде народных депутатов Борис Николаевич Ельцин с трибуны трижды формулировал, что нам делать с Конституцией. Приняли решение в 1991 году и забыли о том, что его надо выполнять. Сегодня мы переживаем так называемый конституционный кризис. А с чем этот кризис связан? Мы не решились пойти к населению и провести референдум по принципам Конституции, хотим сразу ему подсунуть любую конституцию. Только пусть он попробует не проголосовать, все равно заставим!

В декабре 1992 года должны были пройти выборы, если вы помните, глав администраций на местах. Мы с вами сказали: «Не надо, мы согласны, только нас не трогайте». Мы соглашались на девяти съездах с тем, куда нас вели. Нас привели, сказали: «Не надо, ребята, уйдите совсем». И вот мы почему-то хотим сопротивляться» [12].

Активную позицию занял другой тверской депутат, Вячеслав Иванович Брагин. Правда, его действия потом нашли неоднозначную оценку, но в тех конкретных условиях он считал их самым оптимальным вариантом. Когда толпа в 10 тысяч человек собралась у телецентра «Останкино» и был предъявлен ультиматум к его защитникам, одетый в камуфляж спецназовец в одиночку выскочил из здания и громко крикнул: «Всем отойти от стекол». Он один пошел на толпу, де-

ржа автомат за ствол, выговаривая: «Вам что, обязательно все ломать надо?». Толпа расступилась перед ним, образуя коридор. Пройдя по этому живому коридору, спецназовец развернулся и неспешно вошел в здание телецентра.

Через несколько минут два оглушительных взрыва прогремели возле дверей здания и сразу же с обеих сторон заговорили автоматы. Толпа в ужасе ринулась в рощу, пытаясь спрятаться там за гаражами. В 19 часов 40 минут по указанию директора телецентра В.И. Брагина были прерваны передачи из Останкина по всем каналам. Телецентр «Останкино» тогда штурмовал сборный отряд из казаков, «Союза офицеров», «Русского национального единства», а также часть Приднепровского батальона и примкнувшие к ним боевики в камуфляжной форме. Руководили нападавшими генерал Макашов и лидер «Трудовой России» Анпилов.

Героизм и мужество при защите телецентра «Останкино» проявили милиционеры под руководством начальника охраны телецентра, полковника милиции А.П. Якушина и военнослужащие внутренних войск под началом начальника караула лейтенанта Б.П. Кудряшова. Они не допустили в здание вооруженных людей Макашова числом около 500 человек. К ним на помощь в 17 часов 35 минут прибыл отряд специального назначения «Витязь». Руководил защитой телецентра генерал-лейтенант П.В. Голубец, награжденный 7 октября 1993 года орденом «За личное мужество». Он позднее оценил действия В.И. Брагина по отключению каналов как правильные. Если бы боевикам удалось захватить телекомплекс, они могли выйти в прямой эфир. Уже были заготовлены тексты выступлений Руцкого, Хасбулатова и других лидеров путча с призывами к народу о неповиновении и захвату власти [13].

Заместитель председателя Правительства РФ В.Ф. Шумейко так оценил действия В.И. Брагина: «Было решено, что, в крайнем случае, по команде В.С. Черномырдина будет произведено отключение телепрограмм в двух точках. Атака нападавших началась примерно в 18 часов 45 мин, а сигнал на отключение программ был подан около 19 часов 30 минут. К этому времени горели два этажа, а также две трансформаторные подстанции вне здания. К чести В.И. Брагина надо отметить, что он все время находился в здании телецентра, владел ситуацией, действовал четко, без паники и профессионально. Действия руководства телекомпании «Останкино» в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах считаю правильными и обоснованными» [14].

По сообщению следственной бригады Генеральной прокуратуры России от 24 мая 1994 года, в событиях 3–4 октября 1993 года погибло 152 человека, обратились за медицинской помощью 878 человек. В числе погибших: 11 милиционеров, 6 – внутренние войска, 6 военнослужащих, 1 из группы «Альфа» и 122 гражданских лица. По местам гибели: мэрия – 2 человека, Останкино – 46 человек, у Белого дома и в других местах – 103 человека [15].

12 декабря 1993 года на всенародном референдуме была принята новая Конституция Российской Федерации и прошли выборы в Федеральное Собрание, которое начало действовать с января 1994 года в виде двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. В Государственную Думу вошли депутаты, избранные 12 декабря, в Совет Федерации – представители от регионов, избранные 12 декабря, и руководители исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Позднее представителей от регионов заменили руководители вновь избранных в марте 1994 года законодательных органов регионов.

Работа в Законодательном собрании

Будь своим сынам заслоном
детям – помощью надежной,
будь для них в ночи опорой,
днем – хранителем хорошим.
«Калевала», песнь 43, стр. 490

Когда мы с женой в январе 1994 года вернулись из Ленинградской области после похорон ее отца, учителя школы сказали, что они собрали подписи и выдвинули меня кандидатом в депутаты Законодательного собрания области. Мы с женой сначала серьезно это не восприняли, но как оказалось, выборы стали серьезным поворотом в нашей судьбе.

20 марта 1994 года меня избрали депутатом Законодательного собрания Тверской области первого созыва от города Конакова и пяти сельских округов. В апреле того же года депутаты избрали меня председателем комитета по законодательству и предложили работать на постоянной основе.

На этой должности я начал работать с 22 апреля 1994 года, постоянно работали четверо: председатель собрания В.Н. Курбатов, его заместитель В.А. Нехаев, секретарь одного из комитетов О.И. Дубов и я, остальные 29 депутатов работали на общественных началах. Пять месяцев на общественном транспорте – автобусах и электричках – я каждый день ездил из Конакова в Тверь. Приезжал в Тверь около восьми часов утра и уезжал в начале седьмого вечера. Теперь я стал наблюдать жизнь людей еще с одной стороны – чиновничьей, хотя чиновником, в прямом понимании этого слова, за последующие 15 лет работы я так и не стал.

В период проведения кампании по выборам депутатов Законодательного собрания области на многочисленном собрании рабочих Конаковского фаянсового завода один из них сказал: «Мы знаем, что в своей жизни Вы прошли огонь и воду. Мы будем голосовать за Вас, и желаем там, в области, пройти и медные трубы. Ведь власть и вседозволенность – опасные вещи, помните это!» Напутствие этого рабочего я помнил всегда, особенно когда нужно было делать какой-то выбор из сложной ситуации.

Эти выборы были самыми демократичными в области, так как по инерции наибольшую роль играл моральный и деловой авторитет личности, а не деньги, административный ресурс и политическая грязь. Депутатами Законодательного собрания тогда могли стать учителя, врачи, журналисты, руководители колхозов. Уже во время последующих выборов все больше и больше депутатами становились бизнесмены, друзья и родственники губернатора, а также члены его «команды».

Мы тогда с нуля начинали разрабатывать областные законы, у меня не было ни секретаря, ни помощников, ни машины, ни отдельного кабинета. Я сам садился за пишущую машинку и печатал структуру закона, как говорят, его «рыбу». Направлял свои наработки в профильные ведомства исполнительной власти. Там структуру закона заполняли содержанием, мы рассматривали полученный его проект на заседании комитета. Внеся первичные поправки и приняв его за основу, публиковали проект в газете «Тверские ведомости». За 2–3 недели получали до 250 предложений, замечаний и поправок. Главы районов, поселений, жители и общественники тогда еще были активны. Я собирал заседание комитета раз в неделю, мы рассматривали все поправки без исключения. Вариантов было три – принять поправку, отклонить ее или внести свою редакцию.

Через месяц работы над законопроектом получался жизнеспособный закон, который принимали на Законодательном Собрании. Эти законы с некоторыми поправками работали долгие годы. Мы работали очень много, с утра до вечера параллельно по многим законам и положениям.

Я сидел в одном кабинете с депутатом О.И. Дубовым, на постоянной основе мы с ним работали вдвоем, кроме председателя В.Н. Курбатова и его заместителя В.А. Нехаева. Дубов окуривал меня, некурящего, с утра до вечера, я просил его выходить курить из кабинета. Но он вновь забывался и курил на рабочем месте. Заседания комитета я проводил в этом же кабинете.

Кроме разработки законов было очень много работы в избирательном округе, куда я выезжал на приемы два раза в месяц. Приемы и встречи с избирателями организовывала мой помощник по работе с избирателями Галина Васильевна Капустина. После встреч я писал депутатские запросы, и добивался их исполнения, что делать было очень трудно. Готовил статьи в районные газеты, нередко ездил в Москву по поручению В.Н. Курбатова.

Полгода я первым автобусом уезжал в областной центр, поздно вечером возвращался домой. Мне предлагали гостиничный номер, но я от него отказался, просил жилье, обещали дать служебную квартиру.

Через полгода мы с женой и младшей дочерью переехали жить в областной центр. Нам дали двухкомнатную служебную квартиру, в которой прожили 3,5 года. Зинаида Ивановна нигде не работала первые полтора года, сказала, что от школы устала и больше в школу работать не пойдет. Много времени и сил она тратила на помощь старшей дочери Татьяне по воспитанию внучки Насти в первые полгода ее жизни. Я понимал, что одни домашние заботы ее сильно тяготят, так как тянуло к людям, к активности. Я предложил ей поработать ответственным секретарем в обществе культуры тверских карел.

Получилось так, что через два года Зинаида Ивановна приняла активное участие по созданию областной национально-культурной автономии тверских карел и возглавила эту организацию, отработав в ней ровно 13 лет. Началась интересная интенсивная жизнь: встречи, поездки, семинары, коллективные дела. Она побывала в Карелии, Марий-Эл, Венгрии, Финляндии, Эстонии. Встречалась с послами стран, министрами, учеными, другими знатными людьми.

Законодательное Собрание первого созыва, где я работал депутатом на постоянной основе, начинало работу в период формирования в стране новой системы органов государственной власти и местного самоуправления. Тогда были очень непростые условия острого социально-экономического кризиса. Конституция РФ наделила регионы правом принимать собственные законы в пределах своих полномочий.

Нам в первые два года работы удалось создать нормативно-правовую базу для деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в области. Также мы смогли принять первые необходимые законы в социально-экономической сфере жизни. Определенную роль в изменении видов собственности сыграла принятая нами в 1994 году Программа приватизации государственных и муниципальных предприятий. Практически все законопроекты, проекты постановлений, положений были рассмотрены нашим комитетом по законодательству.

Распоряжением председателя Законодательного собрания В.Н. Курбатова 4 мая 1994 года была создана рабочая группа по работе газеты «Тверские ведомости», которая была органом Законодательного собрания. В группу вошли депутаты О.И. Дубов, Н.А. Карпов и я. Газета в своих публикациях открыто поддерживала антиреформаторские силы, тон в этой политической направленности задавал ее главный редактор.

Газета проявляла тенденциозное отношение к Законодательному Собранию, к итогам минувших выборов. Например, рядом с отчетом о первом заседании был опубликован фельетон «Улыбнемся и будем жить дальше», автор которого сравнивал выборы в Законодательное Собрание с игрой в наперсток, с шахматной партией между администрацией и облсоветом. В газете был сделан категорический вывод: «Победили деньги и власть».

Наша рабочая группа стала добиваться изменения отношения газеты к своему учредителю, который выплачивает деньги на ее содержание. Редакция газеты, заявляя, что наша группа поставила себе целью закрытие газеты или переход ее под полный контроль Законодательного собрания, организовала перед его зданием пикеты, а также разные письма поддержки.

Письмо в поддержку той газеты, яро критиковавшей центральную и областную власть, тогда подписали, в числе других, будущие депутаты Законодательного собрания С.А. Голубев, старший преподаватель ТвГУ, В.А. Юдин, профессор ТвГУ. По-видимому, позднее, уже став

депутатами, они изменили свою позицию, поняв, что наша рабочая группа была права, требуя редакцию газеты изменить отношение к своему учредителю [16].

Тогда у депутатов первого созыва было огромное желание как-то изменить жизнь в своей области, активно работать во благо ее жителей. Председатель Законодательного собрания В.Н. Курбатов доверял мне, часто направлял в Москву на депутатские слушания по различным законопроектам, на семинары и конференции. К ним я готовился сам, свои выступления печатал на машинке, основные мысли согласовывал с В.Н. Курбатовым и его заместителем В.А. Нехаевым.

15 декабря 1994 года я сделал депутатский запрос на имя председателя комитета по управлению имуществом Тверской области В.П. Федорова и председателя Совета Федерации тверских профсоюзов А.П. Яковлева с просьбой дать обоснование процессов приватизации собственности профсоюзов в нашей области. Напоминал им, что эта собственность создавалась за счет государства и за счет профсоюзных взносов. Так как депутаты посчитали полученный от них ответ необоснованным, 12 января 1995 года на заседании нашего комитета по законодательству приняли решение о направлении письма в прокуратуру области. Однако приватизация собственности профсоюзов все равно состоялась.

К январю 1995 года мы сумели преодолеть кризис согласований законопроектов, хотя в области было 74 субъекта законодательной инициативы. Мы создавали рабочие комиссии из разработчиков, специалистов, на заседании комиссии приходили к общему решению, когда по одному и тому же вопросу был не один законопроект, а несколько. Такая процедура сокращала сроки согласований. К тому времени кризис согласований не был преодолен на федеральном уровне, там не было никакой обратной связи с регионами.

К январю 1995 года учеными из Москвы была разработана «Концепция стабилизации и развития аграрно-промышленного комплекса на период до 2000 года». Мы на своем комитете рассмотрели эту концепцию, приняли решение о полной ее переработке и вынесении на депутатские слушания, которые прошли ***26 января 1995 года.*** В своем выступлении в Москве я предлагал включить в новую редакцию концепции следующие идеи.

Во-первых, заложить идею дотирования сельского хозяйства со стороны государства, как это делается в других странах.

Во-вторых, заложить идею выплат ссуд жителям сельской местности для строительства жилья и частично погашать эту ссуду при рождении детей: при рождении первого ребенка – 10% ссуды, второго – еще 20%, третьего – 30%, четвертого – полное погашение ссуды.

В-третьих, в концепции сделать акцент на программу «Тверской лен», заложив в нее федеральные и региональные средства.

В-четвертых, прекратить практику лишения дотаций из областного бюджета тех товаропроизводителей, которые вывозят свою продукцию за пределы области. Согласно Конституции РФ, Россия является единым экономическим пространством. Мы предлагали в новой концепции определить приоритеты для государственных инвестиций в сельское хозяйство. По нашему мнению, ими должно стать производство зерна, льна-долгунца, мяса, молока и шерсти – всего пять позиций.

С этими идеями я выступил ***1 февраля 1995 года*** в Москве на Всероссийской научно-практической конференции по вопросам стабилизации и развития аграрного сектора страны, которая прошла в парламентском центре Совета Федерации. Кроме того, предложил срочно, в течение 1995 года, решить вопрос о передаче жилья от колхозов и других хозяйств в муниципальную собственность, при этом заключить с хозяйствами договоры на дальнейшее жизнеобеспечение жилья, с оплатой из средств бюджета. Сказал, что в Тверской области 75% хозяйств уже упали и долго не встанут на ноги. При этом опыт Германии показывает, что перспектива за сельхозкооперативами и обществами, а не за фермерскими хозяйствами.

На этой конференции была признана многоукладность экономики в сельском хозяйстве. Предлагалось осуществлять государственную поддержку всем товаропроизводителям сельхозпродукции – колхозам, фермерам, кооперативам, госпредприятиям, акционерным обществам. Слабым хозяйствам предлагалось самим определять свою дальнейшую судьбу – кооперироваться между собой или с сильным хозяйством, или выделяться в отдельные фермерские хозяйства. Одновременно был сделан акцент на укрепление личных подсобных хозяйств.

Будучи председателем комитета по законодательству Законодательного собрания области, я везде и всюду отстаивал идею включения районов в систему государственной власти. Предлагал также в системе государственной власти оставить все областные центры. По моему мнению, в систему местного самоуправления должны войти деревни, бывшие сельсоветы, поселки и города. Об этом я говорил и в своем

выступлении ***28 февраля 1995 года*** в Государственной Думе на научно-практической конференции «О принципах подготовки уставов субъектов Российской Федерации». Я также говорил об отмене порога явки избирателей на выборах. Если со вторым предложением со временем согласились, то районы и областные центры все-таки отнесли к органам местного самоуправления. У меня по-прежнему имеется глубокое убеждение, что это было ошибкой государства.

18 апреля 1995 года на парламентских слушаниях в Государственной Думе по проблемам разграничения государственной собственности на федеральную и региональную я предлагал не отстранять представительные органы субъектов Федерации от решения этого вопроса. Поэтому в федеральном законе надо предусмотреть, что предложения по разграничению собственности исходят от представительных и исполнительных органов региона, а не от федеральных исполнительных структур.

Говорил о том, что в правовом отношении не отрегулированы вопросы, связанные с имуществом российских государственных предприятий за границей, иностранных государственных предприятий на территории России. Сохраняются правовые пробелы в отношении имущества КПСС, в отношении объектов Министерства обороны РФ, общественных организаций – профсоюзов и ДОСААФ. Эти правовые пробелы почему-то устранили не все, поэтому были разграблены многие военные городки, военные склады и базы, в частные руки попала вся собственность КПСС, и так далее.

Где-то в сентябре 1995 года мне пришло письмо от одной местной организации с предложением поднять свой рейтинг. Я с этим письмом пошел советоваться к заместителю председателя Законодательного собрания В.А. Нехаеву. Тот сказал, что организация серьезная, надо встретиться с ними и переговорить. Вернувшись в свой кабинет, я написал ответ: «Моя родная мать не поймет и осудит меня за то, что я, работая в Твери чуть больше года, неожиданно для всех и незаслуженно оказался выше многих уважаемых людей. Спасибо за предложение».

Примерно недели через две в одной газете я ознакомился с опубликованным рейтингом конкурса «Политик года», где В.А. Нехаев был указан на первом месте, а глава областной администрации В.А. Суслов – на втором месте. Тогда я сказал сам себе: «Все, Валерий Алексеевич Нехаев – политический труп». Так и вышло, в 1997 году депутатом

Законодательного собрания он не стал. Позднее, став заместителем главы города А.П. Белоусова, своими действиями и словами обострил отношения между руководством города и области. После этого ушел поднимать сельское хозяйство в Кашинском районе.

Выступая на семинаре в Совете Федерации ***20 октября 1995 года*** по проблемам социальной политики, я говорил о том, что необходимо срочно разрабатывать законы, прежде всего «О государственных пенсиях», что ситуация, сложившаяся в социальной сфере, близка к банкротству власти или социальному взрыву. В стране нужно быстро и тщательно продумать правовые начала социальной политики.

Я тогда не знал, что все эти вопросы позднее нужно будет исполнять самому, работая уже в исполнительном органе власти Тверской области.

Подарки судьбы

Мать не знает, горемыка,
выносившая сыночка,
где ее дитя родное,
где скитается, кровинка.
«Калевала», песнь 15, стр. 154

Начиная с весны 1995 года, в нашем кабинете стал часто, примерно один раз в неделю, появляться глава Бежецкого района Владимир Игнатьевич Платов. Он подолгу разговаривал с депутатом О.И. Дубовым и со мной о проблемах местного самоуправления, о межбюджетных взаимоотношениях, о перспективе области.

Однажды летом 1995 года я сидел рядом с Платовым на заседании областного актива, которое вел глава областной администрации В.А. Суслов. Платов, хотя и негромко, но вслух комментировал окружающим высказывания оратора, выражая свое мнение. Я был удивлен и поражен некоторой смелостью поведения Платова и его высказываний. Нужно учесть, что тогда от советских хозпартактивов еще не отошли.

Где-то на следующей неделе я собирался навестить мать и отчима в Сонковском районе. Позвонил Платову, не приедет ли он в Тверь, чтобы вместе уехать в Бежецк. Платов согласился, мы с ним имели

полтора часа общения в машине по пути из Твери в Бежецк. Снова говорили о проблемах, которые стоят перед областью. В разговоре я спросил, не желает ли он в будущем 1996 году идти на губернатора области. Он ответил, что пойдет избираться депутатом Государственной Думы, чтобы оттуда идти на губернатора. Договорились, что я буду информировать его об изменениях, если они произойдут.

В сентябре 1995 года меня вызвал к себе председатель Законодательного собрания В.Н. Курбатов и поручил в течение двух-трех суток разработать проект закона Тверской области «О выборах губернатора». Я спросил, почему такая срочность, ведь выборы губернаторов через год. Он ответил, что пять-шесть губернаторов в стране будут избираться в конце 1995 года, глава администрации области В.А. Суслов тоже решил идти на выборы.

Я сел за печатную машинку и начал печатать проект этого закона. Взял за идею однотуровые выборы по большинству голосов. Через трое суток я передал проект закона В.Н. Курбатову. После этого пошел к управляющему делами администрации области С.В. Скачкову, спросил, много ли будет кандидатов в губернаторы и как они сами себя чувствуют. Скачков ответил, что кандидатов будет всего два, чувствуют они себя вполне уверенно, одних глав сельских округов в области более семисот, которые работают на них.

Я, правда, немного был поражен этой самонадеянностью. Поехал в город Лихославль к главе района, депутату Законодательного собрания, Иванову Владимиру Николаевичу (он умер 21 мая 1999 года), предложил ему идти на губернатора. Сказал, что власть нынче лежит на земле, голосовать люди будут не за Иванова или Петрова, а против Суслова. В.Н. Иванов сильно испугался и сразу же дал отказ. На второй день я позвонил по телефону главе Селижаровского района М.В. Зорину, он ответил, что сам знает, что ему делать. В голосе его я почувствовал испуг и тревожность.

После этого я позвонил главе Бежецкого района В.И. Платову, сказал, что подготовлен проект закона о выборах губернатора, выборы пройдут вместе с выборами депутатов Государственной Думы, надо бы идти в губернаторы. Он, не задумываясь, ответил: «Я иду на губернатора». 15–16 октября 1995 года закон о выборах губернатора был быстро принят Законодательным собранием области сразу во всех чтениях. В.И. Платов в то время шел на выборы в Государственную Думу, руководителем его штаба был Олег Игоревич Дубов, тоже депу-

тат Законодательного собрания области. Он позвонил мне и сказал: «Чего Вы придумали, Платов идет в Госдуму». Я ему ответил, что он сидит в Бежецке напротив Платова и должен сам договориться с ним, а я сижу в Твери.

Где-то еще через час позвонил Платов, обругал Дубова, сказал, чтобы я его не слушал, он идет в губернаторы. Я ответил, что сейчас ситуация в обществе сложная, поэтому народ не будет голосовать ни за Платова, ни за Иванова, но будет голосовать против Суслова. Это обстоятельство надо использовать.

Когда закон уже был принят депутатами Законодательного собрания, началась активная подготовка к выборам, позвонил из Бежецка Платов и сказал, что его штаб по выборам губернатора работает в магазине «Букинист», руководит магазином Виктор Исаков, а избирательным штабом руководит Олег Дубов. В его штаб тогда входили В.В. Волков, В.А. Смирнов, В.В. Исаков, о других членах штаба он не сказал.

Мы с Платовым договорились, что моей задачей будет информировать об осложнениях и изменениях, если они возникнут, и кандидатах в губернаторы. Штаб начал активную избирательную кампанию после 17 ноября 1995 года, когда Платов был зарегистрирован кандидатом. До окончания выборов я ни разу в штабе не появлялся, но они обо мне знали от Платова.

Я попросил молодого начинающего журналиста газеты «Вечерняя Тверь» Сергея Ковалева сопровождать Платова в местах его встреч с избирателями и писать в свою газету репортажи. Сергей делал это с желанием, умело, броско, качественно, достоверно, доходчиво и быстро. Чего стоил один заголовок «Платова поддержал Басаев» в то время, когда шла война в Чечне. Платова поддержал не террорист Басаев, а председатель колхоза «Знамя Ильича» Сонковского района – однофамилец.

Работа штаба была очень активной, Платов уже в первом туре выборов набрал более 50% голосов избирателей, оставив далеко позади действующего главу администрации области В.А. Суслова.

На следующее утро после выборов, 18 декабря, я пришел на работу рано, в начале восьмого часа, народу в администрации было очень мало. Через некоторое время мне позвонили с телестанции ТВ-6 и сказали, что везут из районов бюллетени в поддержку Суслова. Я попросил звонившего журналиста срочно с телекамерой идти в

центральную избирательную комиссию и там снимать все, что будет происходить. Сразу же позвонил в штаб Виктору Исакову и попросил его срочно идти в избирком, объяснил ситуацию. Это был первый мой и последний звонок в штаб. Бюллетени до Твери тогда не доехали.

Около 11 часов в моем кабинете на втором этаже дома по улице Советской, 44 появился В.И. Платов, спросил, с чего будем начинать. Я ответил, что надо сходить вместе к В.Н. Курбатову, вместе с ним подняться к В.А. Суслову, а через два дня в доме отдыха «Тетьково» будет совещание глав городов и районов. Я там выступаю с проектом закона «О местном самоуправлении в Тверской области». Надо бы туда приехать и представиться главам городов и районов.

Мы вдвоем пошли к В.Н. Курбатову, я представил Платова как победившего губернатора, хотя официальных итогов еще не объявляли. Тот встретил Платова хорошо, с пониманием. Договорились об участии Платова на депутатских слушаниях разработанного нами законопроекта о местном самоуправлении, которое будет через два дня, 21 декабря, в Тетькове. Я попросил Платова, потом зайти ко мне и вышел из кабинета Курбатова.

Платов появился у меня в кабинете после обеда, спросил, кем хочу быть. Я, не задумываясь, ответил, что хотел бы курировать силовые структуры и быть представителем в Законодательном собрании. Он сказал, что подумает, и ушел. А я в первый и последний раз пошел в избирательный штаб, где мы познакомились, выпили за удачу и разошлись по домам.

Потом оказалось, что вокруг Платова вьюном заходил Ю.М. Краснов, который в тот же день, 18 декабря, примчался из Москвы. Он стал повсюду следовать за Платовым, не выпуская его из виду. А вечером того же дня они с Платовым отмечали его победу в ресторане «Якорь». В среду 20 декабря Платов снова пришел ко мне и сказал: «Краснов рекомендует мне самому курировать силовые структуры, а тебе я предлагаю социальную защиту». Я ответил, что подумаю и ответ дам 25 декабря. В четверг 21 декабря Платов приезжал в Тетьково, внимательно слушал мой доклад и выступления депутатов.

В понедельник 25 декабря я дал согласие стать заместителем губернатора по социальным вопросам. На следующий день, 26 декабря, Платов принес присягу губернатора в киноконцертном зале на торжественном заседании Законодательного собрания с участием глав городов, районов и общественности области, в тот же день он представил

им свою первую команду. Во время принятия присяги губернатором все члены его команды сидели за длинным столом в президиуме.

Законодательное Собрание Тверской области наградило меня за активную работу в нем Почетной грамотой, я перешел работать в администрацию области. Не знаю, как происходила смена власти в других кабинетах, я постарался провести ее цивилизованно. 26 декабря после заседания Законодательного собрания, на котором мы были представлены как команда губернатора Платова, я пришел в кабинет, где предстояло работать.

Увидел напряженно-ожидающие лица сотрудников отдела. Пригласил секретаршу, попросил на 16 часов этого же дня позвать бывшего хозяина кабинета В.И. Подъячева. Передал ей деньги, попросил купить конфет и шампанского. В 16 часов я собрал всех сотрудников отдела, подошел В.И. Подъячев, мы сели за стол, открыли бутылку шампанского. Я сказал, что волею судьбы оказался в этом кресле. Это не означает, что стал незаменим. Придет время, и меня также попросят покинуть его, если не будет худших вариантов. Предложил тост за бывшего хозяина кабинета В.И. Подъячева. Во время ответного тоста Владимир Иванович попросил сотрудников отдела так же серьезно и ответственно относиться к делу, как было при нем. Сказал, что видит во мне достойного преемника. Напряжение было снято, началась каждодневная работа.

В Законодательном Собрании области я проработал один год и девять месяцев, после чего первый избранный народом в постсоветский период губернатор В.И. Платов предложил мне должность его заместителя. 26 декабря 1995 года я вступил в должность заместителя губернатора по социальным вопросам.

Нагрузили меня основательно, я курировал образование, культуру, здравоохранение, социальную защиту, пенсионный фонд, фонды социального и медицинского страхования. Мне поручили также курировать молодежную, миграционную, межнациональную политику и средства массовой информации. Я был председателем 18 межведомственных комиссий, при этом старался не упустить из вида ни одно направление. Через год у меня взяли образование, культуру, молодежную политику и СМИ, введя в штат еще одного заместителя.

Сначала я определил время приема руководителей и специалистов по 15 минут на каждого, потом сократил до 10 минут, затем – до 7 минут. Было три варианта решений – «да», «нет» и отсрочка решения на определенное время. 4 января 1996 года ко мне на прием пришел

начальник управления образования Александр Михайлович Беляев. С ним мы были знакомы с 1989 года, когда я начинал проводить эксперимент «воспитатель-педагог» в средней школе № 1 г. Конаково. Он в то время работал директором института усовершенствования учителей, с интересом присматривался к нашему эксперименту. Но когда я просил его организовать научное обоснование эксперимента, он отказался. Беляев приглашал к себе в институт руководителей инновационных школ А.М. Муравьева из Вышнего Волочка, В.М. Павлова из Твери и других, проводя разные совещания.

По отношению ко мне Беляев поступил несправедливо, взяв за основы наши идеи, приступил к научному сопровождению эксперимента не нашей школы, а школы № 5 г. Конаково. Направил туда научным руководителем кандидата педагогических наук М.М. Карлаш.

Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, придя ко мне на прием 4 января 1996 года, Беляев спросил: «Мне надо подавать заявление на увольнение?» Я ответил, что подавать заявления не надо, а продолжать спокойно работать. Через неделю меня вызвал губернатор В.И. Платов и заявил, что надо увольнять Беляева, а на его место ставить главу администрации ЗАТО «Озерный» О.И. Пищулину. Для этого надо ехать в «Озерный» и посмотреть, какая там прекрасная школа. Я выполнил поручение губернатора, съездил, посмотрел, школа мне понравилась, но финансировалась она из федерального бюджета, а не областного, где не было таких больших денег на школы.

Об этом я сообщил губернатору, тот спросил, а как с Беляевым. Я ответил, что тот был у меня на приеме несколько дней назад, ему была обещана дальнейшая работа. Губернатор сказал, что все-таки надо подумать об увольнении Беляева, так как он обещал эту должность Пищулиной. Вот в таких наших переговорах с губернатором, то спокойных, то в беспокойных, прошло полтора месяца.

2 марта 1996 года А.М. Беляев умер от острой сердечной недостаточности, он был человеком тучным, видимо, до него доходили какие-то слухи. Я пошел к губернатору, сказал ему о смерти Беляева и спросил: «Игнатьич, кто был бы виноват, если я предложил Беляеву писать заявление на увольнение?» Платов ответил: «Николаич, я всем говорю, что ты, моя лакмусовая бумажка».

На второй же день после смерти Беляева ко мне приехала Пищулина с претензией на должность начальника управления образования. Я ей сказал, что разговор о ней с губернатором у меня был, но пусть

она подождет 40 дней после смерти, так будет по-христиански. А пока исполнять обязанности начальника областного управления образования будет заместитель Анатолий Петрович Павлов, на том и решили.

Работа заместителем губернатора по социальным вопросам была беспокойной, задерживали мизерную зарплату, пенсии, детские пособия. Люди выходили на митинги, перекрывали улицы и железнодорожные пути. Я хорошо понимал, что власть должна идти к народу и вести с ним диалог, чтобы было хоть какое-то доверие людей к власти.

Получив сообщение о перекрытии Советской улицы напротив администрации области и остановке всего общественного транспорта, я сразу же одевался и выходил на улицу. Офицерам милиции говорил, чтобы они за мной не следовали, а наблюдали со стороны. С возгласом: «У кого есть вопросы ко мне?» я стремительно входил в толпу митингующих и начинал что-то говорить. Толпа на минуту затихала, ее агрессия переходила на меня, чего только не приходилось выслушивать. Отвечая на вопросы, я медленно продвигался поперек Советской улицы от дома № 44 к дому № 23. Передо мною люди расступались, образуя проход и следуя с боков и сзади от меня. Так постепенно я увлекал толпу к входу к дому № 23, где останавливался и продолжал отвечать на вопросы.

Милиция моментально запускала движение троллейбусов и автобусов, так происходило несколько раз. Однажды мне сообщили, что митингующие прошли маршем за железнодорожный вокзал и там перекрыли железную дорогу. Я приехал к толпе, начал уговаривать уйти с железной дороги и не перекрывать ее. От этого не увеличится ни зарплата, ни пенсия, наоборот, страдают люди в поездах и идут дополнительные убытки. Толпа начала медленно окружать меня, ко мне пробрались два милиционера в штатском, тихо сказали, что они хотят взять меня в заложники и усадить на рельсы. Они сами слышали в толпе такие разговоры. Мы с милиционерами стали пробираться сквозь толпу людей, они нас пропустили. После этого, простояв на путях еще с полчаса, толпа разошлась.

Позднее, наблюдая за митингами в Москве, других городах, я радуюсь тому, что тогда не было в толпе митингующих разных провокаторов и пьяных молодчиков. Улицы и железнодорожные пути перекрывали пенсионеры, требующие увеличение пенсии, матери, требующие выплаты детских пособий, рабочие, требующие погашения долгов по зарплате. Были и политические плакаты об отставке президента страны Б.Н. Ельцина и губернатора области В.И. Платова.

Глава VII
Губернская власть на переломе эпох

Тверской губернатор из Бежецка

О тебе совсем не знали,
не слыхали, не видали.
«Калевала», песнь 3, стр. 39

Последний, перед установлением советской власти, 25-й тверской губернатор Николай Георгиевич Бюнтинг в возрасте 56 лет был зверски убит на главной улице города Твери 2 марта 1917 года, а тело его затоптала ногами разъяренная толпа. Народ посчитал, что с губернаторами покончено.

Через 78 лет всенародно был избран двадцать шестой тверской губернатор – Владимир Игнатьевич Платов из города Бежецка.

Как было задумано Конституцией Российской Федерации 1993 года, губернатор, законодательная власть и органы местного самоуправления должны были стать системой, которая смогла бы объединить все духовные и материальные силы региона для развития.

17 октября 1995 года Законодательное Собрание Тверской области переименовало должность главы администрации области, назвав губернатором, и назначило выборы губернатора на 17 декабря 1995 года.

Через месяц, 17 ноября того же года, Тверская областная избирательная комиссия зарегистрировала кандидатом на должность губернатора Тверской области В.И. Платова, 23 октября 1946 года рождения, главу администрации города Бежецка и Бежецкого района.

Она же признала 18 декабря 1995 года Платова избранным губернатором Тверской области. Законодательное Собрание приняло присягу от нового губернатора и засчитало вступление его в должность с момента принятия присяги 26 декабря 1995 года.

В.И. Платов с 1992-го по 1995 год возглавлял администрацию города Бежецка и Бежецкого района. На губернаторские выборы пошел под демократическими лозунгами.

В 1990 году, за год до роспуска КПСС, вышел из ее рядов. Он говорил позднее: «Я не хотел больше быть в партии, я хотел быть вместе с народом, в массе, без партии».

На вопрос областного архивариуса Марка Александровича Ильина «Вы не хотите повторить ошибок Ваших далеких предшественников – губернаторов, которые часто воевали с земством, с тем же самоуправлением?» В.И. Платов в 1996 году ответил: «Не надо воевать. Земство надо наделить самыми широкими полномочиями, но при этом оставить в руках государственной власти какой-то рычажок, с помощью которого можно было бы руководителя нынешнего земства, орган самоуправления иной раз поправить, чтобы не было серьезных ошибок и перегибов. Этот рычажок обязательно должен быть. А в целом – самые широкие полномочия надо дать самоуправлению» [17].

Нужно отметить, что одним из самых первых решений губернатора Платова стала его попытка волевого объединения отдельных муниципальных образований: города Ржева с Ржевским районом, города Вышнего Волочка с Вышневолоцким районом, города Торжка с Торжокским районом и города Кимры с Кимрским районом. Это незаконное решение от 4 января 1996 года тогда наделало много шума, губернатору пришлось его отменить.

Я в те дни хоронил своего отчима и ничего не знал об этом решении. В середине января депутаты Законодательного собрания обсуждали этот вопрос с участием Платова и укоряли меня, как бывшего председателя комитета по законодательству, за эту его ошибку. Я отвечал им, что абсолютно ничего не знал о подготовке постановления, со мной по нему никто не советовался.

Другим неправильным шагом губернатора стало увольнение глав районов. За помощью в Законодательное Собрание обратился тогда один глава Кимрского района Алексей Иванович Шароватов. Представительный орган встал на его защиту, губернатору пришлось отменить свое решение.

По-видимому, большую роль в дальнейшем поведении губернатора Платова сыграло такое свойство характера, как постоянная борьба, спор, схватка, о которых он говорил в начале своей карьеры в 1996 году.

Но в то же время у него был решительный настрой на проведение реформ, истинное желание улучшить жизнь людей в Тверской области. Такое же желание было у людей, пришедших в его команду.

Без прошлого опыта партийного руководства вместе со мной пришли работать в администрацию области заместители губернатора О.И. Дубов, В.М. Румянцев и И.А. Ялышев. Самым молодым заместителем был 28-летний О.И. Дубов, журналист из города Кимры, мы вместе с ним работали депутатами Законодательного собрания, сидели в одном кабинете. Я видел, что он усиленно ищет себя в новых условиях глобальных перемен. Демократ по существу, побывал за очень короткое время во многих партиях нового толка, пока не вошел в команду Платова, а вместе с этим – в партию «Единство». Заместителем губернатора отработал совсем недолго, около полугода. Потом его направили в Оленинский район исполнять обязанности главы до выборов. На выборах уверенно победил, и долгое время работал главой Оленинского района. Там он прижился, нашел себя, местное население его уважало.

В.М. Румянцев был назначен первым заместителем губернатора, до этого он возглавлял комитет по бюджету и налогам Законодательного собрания, одновременно работая директором Ржевского совхоза-техникума. В администрации области он курировал отрасль сельского хозяйства.

Однако ключевые посты заняли люди из бывшей комсомольско-партийной номенклатуры, имеющие опыт чиновничьей работы. Комсомольско-партийная номенклатура быстро сориентировалась и вошла в новую власть под видом активных рыночников. Заместитель губернатора М.В. Зорин курировал лесной комплекс, транспорт, дорожное строительство и связь. Ранее он много лет был на комсомольской работе, в 1991 году стал главой Селижаровского района.

Заместитель губернатора В.А. Плешаков курировал отрасли капитального строительства, жилищно-коммунального хозяйства и газификации. Вышел из бывших комсомольских и партийных работников. С 1988 года был председателем Удомельского горрайсовета, с 1991 года – главой администрации города Удомли и Удомельского района.

На должность управделами В.И. Платов пригласил опытного чиновника с большим стажем А.И. Капитонова. Ранее он работал заведующим отделом обкома партии, затем служил в областном управлении внутренних дел.

Бывший партийный функционер Ю.М. Краснов быстро вошел в доверие к Платову, они хорошо знали друг друга по городу Бежецку. Ранее Краснов долгие годы руководил партийными комитетами Калининского, затем Бежецкого районов. Быстро переориентировался

и стал с легкостью входить во все новые руководящие партии, стремясь стать их региональным лидером. Некоторое время он руководил областным отделением партии «Единство», затем партии «Единая Россия». Как-то он мне сказал, что начал верить в Бога, я у него спросил: «А верит ли Бог в Вас?» Вице-губернатор Ю.М. Краснов по своей осторожности и большому опыту старой партийной работы стал значительным противовесом Платову.

Открываю свою записную книжку, чтобы посмотреть, какие вопросы в числе первых обсуждались на совещаниях у губернатора.

4 января 1996 года – первое совещание у губернатора. Было решено провести совещание руководителей силовых структур 9 января в 12.00 в администрации области.

Подготовить расширенное совещание глав городов и районов с участием руководителей крупных предприятий и отраслей.

Проконтролировать, чтобы деньги всех внебюджетных фондов использовались только по целевому назначению.

9 января 1996 года. **Заместителям губернатора поручено** определиться по каждому объекту, что делать с «долгостроями» социальной сферы, какие объекты надо запускать в текущем году, какие – в следующем, а какие на время «заморозить».

Разобраться внимательно со всеми существующими федеральными и областными программами социально-экономического развития области, провести их ревизию и начинать работу по программам, которые необходимо включить в финансирование 1997 года.

Посмотреть соотношение акций в сельских районах между товаропроизводителями и переработчиками продукции, определить дальнейшее направление этой работы.

Подумать о туризме, в том числе по работе с иностранными туристическими компаниями.

Внимательно изучить бюджет 1996 года по всем направлениям, а также финансирование из социальных фондов.

29 января 1996 года передо мною В.И. Платовым была поставлена задача бесплатной передачи частникам некоторых социальных учреждений с указанием в договорах определенных условий. Эту задачу я посчитал непродуманной, несвоевременной и неподготовленной, выполнять ее не стал, о чем ему позднее сказал.

5 февраля 1996 года губернатор поручил мне срочно добиться выделения из местных бюджетов на лекарственное льготное обеспечение

ветеранов и инвалидов семи миллиардов рублей и на льготное зубопротезирование одного миллиарда рублей – такова была сумма долга перед ветеранами и инвалидами. Нужно сказать, что долг полностью не был погашен до конца первого губернаторского срока и позднее, так как не было денег ни в областном, ни в местных бюджетах.

12 февраля 1996 года мы с губернатором более подробно обсудили вопросы реформы здравоохранения. Тогда же мне было поручено подготовить проект постановления губернатора «О реформе здравоохранения в Тверской области» к 1 июля. В нем отразить основные моменты: укрепление амбулаторно-поликлинической помощи, создание «кустовых» больниц, изменение системы финансирования и порядка обеспечения больниц лекарствами.

По образованию было решено провести ревизию всех инновационных проектов, посмотреть работу на стыке образования со здравоохранением и спортом.

Учитывая бедственное положение больниц, было принято решение о погашении товарного кредита колхозов и сельхозкооперативов продуктами питания в больницах.

Был объявлен мораторий на расходование средств на цели, не предусмотренные областным бюджетом.

4 марта 1996 года. На совещании у губернатора обсуждалась проблема обеспечения больниц лекарствами. Мне было поручено проконтролировать, чтобы у государственного предприятия «Фармация» наценка на лекарства была не более 15%, у аптек – не более 30%, таким образом, общая наценка не более 45%. В то время наценка доходила до 90%.

26 марта 1996 года. Проведение переговоров с английской делегацией Европейско-Российского центра военнослужащих по перспективе создания в городе Твери центра реабилитации военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей. Нужно отметить, что уже в октябре 1997 года первая очередь центра в городе Твери была открыта, со временем он стал лучшим центром в России, опыт его работы был распространен по всей нашей стране.

3 апреля 1996 года. Обсуждался вопрос о сотрудничестве областной администрации со средствами массовой информации. Было поручено заместителям губернатора, прежде всего, сделать отчеты за первый квартал 1996 года, дать оценку сложившейся ситуации и высказать пути выхода из нее.

16 апреля 1996 года. Совещание с главами городов и районов по введению в действие Федерального закона «О ветеранах». Было решено волевыми усилиями ввести в действие этот закон за счет убытков предприятий и организаций, предоставляющих льготы ветеранам, а также за счет местных и областного бюджетов.

К организациям, предоставляющим льготы, отнесли: коммунальные службы, транспортные предприятия, предприятия энерго- и газоснабжения, электросвязь, аптеки и государственное предприятие «Фармация», стоматологические поликлиники.

22 апреля 1996 года. Подготовка проекта постановления губернатора о бесплатном проезде студентов до места учебы и обратно домой один раз в месяц.

Также обсуждался вопрос о том, что нет никакой информации о Тверской области в центральных средствах массовой информации. Кстати, такое явление продолжалось практически на протяжении всего первого срока правления губернатора Платова, за редким появлением там его самого.

Также еще раз вернулись к обсуждению подготовки к следующему году областных целевых программ по всем направлениям с целью экономии финансовых ресурсов.

4 мая 1996 года мы вместе с губернатором составили программу пребывания Наины Иосифовны Ельциной в городе Твери 6 мая того же года. Нужно отметить, что напряженная программа была полностью выполнена. Наина Иосифовна взяла шефство над школой-интернатом поселка Эммаус и много помогала этой школе. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин посетил город Тверь 6 июня.

10 июня 1996 года. Губернатор провел совещание, в связи с предстоящим подписанием в Кремле Договора о разграничении полномочий между Центром и Тверской областью, которое намечено было на 13 июня.

В тот же день в 15.00 прошло совещание с главами городов и районов. Во время совещания были затронуты вопросы перспективы развития области, в том числе:

- подготовка постановления губернатора по предоставлению жилья молодым семьям;
- по реформированию здравоохранения в Тверской области, обсуждался проект постановления губернатора;
- по реформированию системы социальной защиты и выделению из него в отдельную структуру пенсионного блока;

– по увеличению посевных площадей в сельском хозяйстве;
– подготовка федеральной программы по развитию Тверской области до 2005 года.

Нужно сказать, что после этого совещания 13 июня 1996 года был подписан Договор с Президентом РФ, и началась активная подготовка федеральной программы развития Тверской области до 2005 года.

15 июня 1996 года. Обсуждался проект постановления Правительства РФ по программе развития нашей области.

Кроме того, обсуждался другой важный вопрос – заключение договора субзайма с Всемирным банком реконструкции и развития «Реформа здравоохранения». Нужно отметить яростное сопротивление ряда депутатов Государственной Думы от КПРФ: Т.А. Астраханкиной, В.А. Баюнова, В.И. Шандыбина – всего шести депутатов, которые устроили в Твери депутатские слушания по этому вопросу. В связи с этим сопротивлением договор по первому траншу кредита Всемирного банка реконструкции и развития был подписан лишь 30 марта 1999 года, то есть спустя почти три года. Переговоры с представителем банка Терезой Хо проходили в 1996, 1997 годах, 18–19 мая 1998 года.

1 июля 1996 года. Было поручено пройти согласование во всех министерствах и ведомствах проекта постановления Правительства РФ по проекту нашей федеральной программы до 10 июля 1996 года.

Мне лично пришлось обивать пороги в министерствах: культуры, образования, социальной защиты, здравоохранения, экономики. Также вел переговоры в фондах: пенсионном, медицинского страхования, социального страхования. Согласования затянулись до июля 1997 года, на целый год.

12 августа 1996 года. Обсуждался вопрос о проведении переговоров с поляками о строительстве государственного мемориала в селе Медное, где было предусмотрено обустройство польского кладбища. Мемориал был построен и открыт 2 сентября 2000 года.

Часто обсуждались вопросы погашения долгов по заработной плате, детским пособиям, пенсиям, зубопротезированию, лекарственному обеспечению, выполнению других пунктов закона «О ветеранах».

20 апреля 1998 года состоялась встреча губернатора с предпринимателями города Твери. Директор мелькомбината С.С. Потапов заявил, что создан Тверской областной союз промышленников и предпринимателей. На это губернатор заявил, что есть нормальная Торгово-промышленная палата. Создание союза может вызвать раздрай между предпринимателями.

15 декабря 1998 года был проведен первый и последний при Платове съезд деловых кругов Тверской области.

На совещании 11 мая 1999 года было поручено, к 14 мая определить кандидатов в штаб по выборам губернатора в декабре 1999 года в поддержку В.И. Платова.

Приезд Б.Н. Ельцина в Тверь

Лес, воспрянь с лесным народом,
бор могучий – с грозной ратью,
дух горы – с надежным войском.
«Калевала», песнь 12, стр. 130

В 1996 году в России готовились к выборам президента. Решением Совета Федерации от декабря 1995 года выборы были назначены на 16 июня 1996 года. К тому времени прошли выборы в Государственную Думу, где победу одержали коммунисты, набрав 22% голосов. На втором месте оказалась партия ЛДПР с 12%, и лишь на третьем месте с 10% партия «Наш дом – Россия», которая поддерживала действующего президента Б.Н. Ельцина.

Приезд в Тверь Наины Иосифовны Ельциной, а через месяц и Б.Н. Ельцина были связаны с выборной компанией. За три месяца до выборов, по определению ряда социологических служб, рейтинг Б.Н. Ельцина составлял всего лишь 6–8%, рейтинг лидера коммунистов Г.А. Зюганова – 76%. Против действующего президента Ельцина играло много факторов:

- продолжающееся с начала 1990-х годов обнищание большинства народа;
- продолжающаяся около двух лет война в Чечне;
- задолженность по зарплате шахтерам, бюджетникам, работникам государственных предприятий и структур;
- лишение вкладчиками своих сбережений в банках;
- разгул преступности и страх людей за личную безопасность;
- огромные масштабы коррупции;
- захват государственных средств массовой информации банкирами, бизнесменами и олигархами;
- недоверие народа действовавшему правительству;

– нетрезвый образ жизни президента, некоторых представителей его окружения и ряда губернаторов на местах;
– поступление более половины всех налогов в частные банки;
– высокий уровень безработицы, в том числе в результате развала колхозов, и бедственного положения сельских жителей.

При такой ситуации иностранные эксперты и специалисты советовали, чтобы основным оружием команды Б.Н. Ельцина, во главе которой была его дочь Татьяна Дьяченко, против лидера коммунистов Г.А. Зюганова было нагнетание страха:

– что коммунисты, выиграв выборы, могут начать экспроприацию частной собственности, что приведет к гражданской войне;
– что они вновь лишат граждан России прав на частную собственность;
– были постоянные напоминания о сталинских репрессиях в СССР, особенно в 1937 году, что после своей победы коммунисты вернуться к ним;
– что «новым русским», банкирам, бизнесменам придется выводить свои деньги за границу и уезжать туда самим. Нужно отметить, что многие из них так и делали, не дожидаясь итогов выборов.

Об этом постоянно напоминала еженедельная бесплатная газета «Не дай Бог!» Кроме этой газеты, штаб Ельцина стал полностью контролировать телеканалы НТВ и ВГТРК. В поддержку Б.Н. Ельцина 27 апреля 1996 года в газетах было опубликовано обращение к избирателям 13 олигархов, в том числе: Березовского, Гусинского, Потанина, Смоленского, Фридмана, Ходорковского и других.

Действующий президент Б.Н. Ельцин нашел в себе силы, чтобы начать активную выборную кампанию и провести турне по стране с лозунгом «Голосуй или проиграешь». К этой акции были подключены многие певцы, артисты кино, писатели, спортсмены. Ставка была сделана на молодежь, и тех, кто еще не определился со своим выбором. Прежде всего, штаб Ельцина определил пунктами его поездок так называемый «красный пояс» – Дальний Восток, Сибирь, Краснодарский край и ряд других регионов. По определению окружения Ельцина, Тверь не входила в этот «красный пояс».

Когда рейтинг Ельцина стал понемногу расти, в конце апреля 1996 года для его поддержки в Москву прибыли президент США

Билл Клинтон, президент Франции Жак Ширак, канцлер Германии Гельмут Коль, премьер-министр Японии Рютаро Хасимото и другие лидеры зарубежных стран.

Сначала в Тверь приезжала супруга первого Президента Российской Федерации Наина Иосифовна Ельцина. Мне было поручено сопровождать ее в течение всего дня, 6 мая 1996 года. Встретил я ее на границе нашей области, вручил цветы, поприветствовал на нашей земле. Наина Иосифовна вышла из машины, сказала: «Ну, зачем же Вы с цветами?».

Мы приехали в администрацию области, где была организована встреча губернатора В.И. Платова с Героями Советского Союза и полными кавалерами ордена Боевой Славы. Наина Иосифовна пришла на эту встречу. Разговор шел о задержках пенсии, зарплаты, невыплате детских пособий.

Участники встречи начали обвинять Б.Н. Ельцина в развале Советского Союза, в Беловежском «сговоре», ухудшении жизни и других грехах. Наина Иосифовна как могла, по-женски, но спокойно парировала все эти нападки на своего мужа. Но когда один из участников встречи очень резко выступил с обвинением, Наина Иосифовна заплакала. Разговор сразу пошел в более спокойной тональности.

Из администрации области мы выехали на полиграфический комбинат детской литературы, который только что закупил бездействующую из-за отсутствия заказов новую немецкую технологическую линию. Наина Иосифовна пообещала помочь в получении заказов по выпуску школьных учебников. Нужно отметить, что после этого посещения полиграфический комбинат обрел второе дыхание и начал энергично развивать свой потенциал.

С полиграфического комбината мы с ней поехали обедать на дачу губернатора в Рябеево. На обеде был губернатор, депутат Государственной Думы А.А. Тягунов. После обеда посетили областную детскую больницу. Наина Иосифовна обошла палаты, отделения, разговаривала с медицинским персоналом. Проблем было много: отсутствие лекарств, перевязочного материала, плохое питание, задержки зарплаты. Оставалась надежда лишь на профессионализм врачей и медсестер да клятву Гиппократа.

Из больницы мы выехали в Эммаусскую школу-интернат для детей-сирот. Ребята продемонстрировали сшитую и связанную ими одежду, выступили с концертными номерами. По лицу Наины Ио-

сифовны текли слезы, и она не стыдилась их. Затем на улице поселка была длительная беседа с жителями. Наина Иосифовна спокойно и толково отвечала на каждый вопрос. Уехала она с охраной и сопровождающими лицами уже около 11 часов вечера. Этот день остался в моей памяти навсегда.

Уже после ее отъезда я узнал, что иностранные специалисты по проведению выборов, рекомендовали штабу Ельцина, что Наине Иосифовне подошла бы роль благотворительницы. Ей было рекомендовано возглавить какую-либо благотворительную организацию и посетить крупнейшие города России.

С первым Президентом Российской Федерации Борисом Николаевичем Ельциным мне посчастливилось встретиться два раза. Первый раз встретился через два дня после приезда Наины Иосифовны 8 мая 1996 года.

Я был руководителем нашей делегации ветеранов войны, которых пригласили на празднование 51-й годовщины Победы в Москву. После парада нашу делегацию в полном составе пригласили на прием в Кремль. Пригласительные билеты на всех сумел достать председатель областной Ассоциации Героев и полных кавалеров ордена Боевой Славы Николай Петрович Масленников.

Накануне проведения Парада победы, 8 мая 1996 года в Большом Кремлевском Дворце состоялся концерт артистов, посвященный Дню Победы. В антракте мы вышли в фойе с нашей делегацией. Герой Советского Союза Мария Васильевна Смирнова сказала: «Смотрите, Борис Николаевич разговаривает с девчатами из нашей эскадрильи». Я сказал ей: «Пойдемте, поздороваемся». Мы с М.В. Смирновой подошли ближе к Президенту, я представил Марию Васильевну: «Борис Николаевич, Герой Советского Союза Мария Васильевна Смирнова из города Твери». Борис Николаевич пожал ей руку и заодно поздоровался со мной, так как я был просто рядом.

Второй раз имел возможность встречи с Президентом 6 июня 1996 года во время визита его в Тверскую область. Я был ответственным за встречу. Купили шикарный букет роз, подобрали трех симпатичных высоких статных девушек из колледжа культуры. При осмотре всего охрана Б.Н. Ельцина заставила срезать все шипы с роз. Водитель моей служебной машины А.Н. Лабутин аккуратно все сделал.

Встреча происходила на поле объединения «Заволжский». Начали приземляться вертолеты, Президент был во втором. Мы с губернато-

ром В.И. Платовым и девушками подошли ближе и стали ожидать выхода Президента. Первым по лестнице из вертолета спустился начальник охраны Президента А.В. Коржаков, еще несколько человек. Затем медленно стал выходить сам Президент. Он подошел к девушкам, взял в руки цветы, потом вернул цветы одной девушке и сказал шепотом: «Я бы тебя, красавица, взял и понес вместе с цветами». Он снова взял у нее цветы и передал их генералу А.В. Коржакову. Поздоровался с губернатором, потом со мной и другими встречающими.

Как я понимаю, Борис Николаевич хорошо знал ситуацию в области. Он пошел от вертолета к машинам, стоящим на дороге. По пути разговаривал с губернатором, подробно интересовался делами. Губернатор шел справа от него, Коржаков – слева. Позади них шли заместители губернатора, охрана Президента и другие сопровождающие лица. Президент неожиданно остановился, резко повернулся влево и оказался со мной лицом к лицу. Он строго, но со своей ельцинской усмешкой произнес: «Так что, вашего губернатора снимать надо?». Я не растерялся, понял, что вопрос не относится ни к кому, и в то же время Президент смотрит на меня. Я мгновенно ответил: «За что снимать, Борис Николаевич? Человек работает всего пять месяцев, а разгребать надо завалы десятилетней давности». Позднее, кто слышал мой ответ, шутили, что лег на броню грудью за губернатора Платова.

Сели в машины и приехали на площадь перед домом культуры в поселок Заволжский Калининского района. Там собралось очень много народу, Президент выступил, потом отвечал на вопросы.

После встречи поехали в город Тверь. Президента встречали жители города, он сделал незапланированные остановки на площади Конституции и у универмага, затем была остановка у памятника Афанасию Никитину. Прибыли в администрацию области, Президент встретился с заместителями губернатора, руководителями управлений и комитетов. Было решено, срочно разработать проект договора между Центром и Тверской областью о разграничении полномочий. Договор был подписан в Кремле 13 июня 1996 года, от Тверской области его подписал губернатор В.И. Платов и председатель Законодательного собрания В.Н. Курбатов.

16 июня 1996 года в первом туре президентских выборов Б.Н. Ельцин набрал 35,28% голосов избирателей, лидер коммунистов Г.А. Зюганов – 32,03%, генерал А. Лебедь – 14,52% голосов избирателей. Через день, 18 июня, был отправлен в отставку министр обороны П.С. Гра-

чев, а генерал А.И. Лебедь получил пост секретаря Совета безопасности при Президенте России. Он обратился с призывом к своим избирателям во втором туре голосовать за Б.Н. Ельцина.

Перед вторым туром выборов, 20 июня были отправлены в отставку директор ФСБ генерал армии М.И. Барсуков, руководитель Службы безопасности генерал А.В. Коржаков и вице-премьер О.Н. Сосковец. Во втором туре президентских выборов 3 июля 1996 года Б.Н. Ельцин набрал 53,82% голосов избирателей и остался Президентом России на второй срок, Г.А. Зюганов заручился поддержкой 40,3% избирателей.

Попытки изменить ситуацию

Люди добрые, внемлите, –
никогда, нигде вовеки
не вините невиновных,
праведных не обвиняйте.
«Калевала», песнь 16, стр. 178

Мало кто из нас, новых руководителей области, понимал, что такое рынок, и как он сможет отрегулировать многие общественные отношения. Хотя некоторые советские руководители применяли элементы рыночных отношений при плановом ведении хозяйства. Грамотные руководители некоторых областей и районов разрешали колхозам больше сеять тех культур, которые приносят прибыль.

Например, еще в далеком 1965 году за центнер продаваемой пшеницы государство платило колхозам Калининской области по 13 рублей, а на Кубани – по 5 рублей. Все равно многие колхозы области в том году оказались в убытке. Выходом было развитие прибыльного в нашей местности молочного и мясного производства. А для этого сеять больше кормовых и фуражных культур для собственных нужд колхозов, без продажи зерна государству. Колхозы и совхозы области могли продавать государству мясные и молочные продукты, так и поступали грамотные руководители районов и колхозов.

Но при советской власти это были незначительные элементы рыночных отношений, а сейчас стал сплошной рынок, и непонятно, что государство может регулировать, а что нет. Жители нашей области, как и всей страны, получавшие в годы Великой Отечественной войны

и сразу после нее продукты и товары по карточкам, в 1970–1980-е годы представить себе не могли, что карточная система снова вернется. В начале 1990-х годов нам выдавали талоны, по которым мы могли купить продукты на месяц: 1 кг сахарного песку на человека, 0,5 кг крупы, 0,5 кг макарон, а также полбуханки хлеба в день на человека.

Люди были напуганы происходящим, не знали, что им ожидать в будущем. Сберегательные вклады пропали, на полученные ваучеры большинство граждан ничего не приобрело. После сбербанка начал активно действовать госстрах, который продавал страховые полисы, якобы, для накопления денег, под 100%, потом снизил ставку до 80%. Те, кто поверили, особенно в деревне, сдавали телят, быков, коров, овец, и покупали полисы госстраха, но денег они так и не получили.

Первые фермеры, а ими были многие руководители совхозов и колхозов, создав свои фермерские хозяйства, продавали колхозный и совхозный скот, технику, с вырученными деньгами многие из них куда-то исчезали из деревни. Выданные сельским жителям на руки документы о земельных паях, оказались простыми бумажками. Реальных участков никто никому не выделил, со временем их оптом захватили предприимчивые люди под охотхозяйства, бензозаправки, лодочные станции и другие цели. Такова была обстановка к 1996 году, когда мы пришли во власть.

В 1996 году Россия по-прежнему находилась на опасной черте развала государства на отдельные «княжества», чему способствовала и политика Центра давать регионам свободы, сколько хотят. Многие государственники понимали, что основная задача – это укрепление единства государства. Прежде всего, надо было привести федеральное и региональное законодательство в соответствие с Конституцией Российской Федерации, четко определив, за что отвечает Центр, а за что – регионы.

Эти отношения нужно было строить на взаимном признании прав и обязанностей сторон, согласно требованиям Конституции, где все ясно прописано. Однако федеральная власть согласилась на заключение договоров с регионами. Такие договоры при Б.Н. Ельцине успели заключить 46 субъектов Российской Федерации из 89, или 72% территории страны.

Заключение этих договоров усугубило экономическое неравенство регионов. Одно дело – Тюменская область, республики Татарстан, Башкирия, Якутия с их запасами нефти, газа и золота. Другое

дело – Тверская область с разваленной промышленностью и сельским хозяйством, и где более 30% населения – пенсионеры.

Заключенные договоры, на мой взгляд, привели к дополнительным преимуществам регионы-доноры и еще более усугубили разницу доходов населения в разных регионах. По некоторым показателям среднедушевое обеспечение населения в разных субъектах Российской Федерации отличалось в 17 раз. Тверская область не смогла бы свести концы с концами, если бы на ее территории оставили все собираемые федеральные налоги, как этого хотели некоторые руководители области. И в нашей Тверской области также явно прослеживались районы-доноры, но больше было дотационных районов. Они требовали для себя установления льготных налоговых режимов, предоставления дотаций из областного бюджета в первую очередь и в полном объеме.

Таким образом, к 1996 году вертикаль управления в стране была разрушена, наблюдались два малосвязанных между собой уровня власти – федеральный и региональный, а также отдельное от них местное самоуправление. Многие жители страны, области, в том числе и некоторые руководители предприятий, еще не осознавали, что живут в совершенно другом государстве, где уже нет планирования и государственного регулирования, а уровень жизни во многом зависит от инициативы самого человека.

Вошло в жизнь совершенно новое понятие, которого не существовало при Советском Союзе – законы субъекта Федерации. К 1996 году депутаты Законодательного собрания Тверской области уже наработали первичные законы, необходимые для деятельности законодательной, исполнительной власти и органов местного самоуправления. Начало процессу формирования законодательства по вопросам местного самоуправления положил Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 сентября 1995 года. Он определил создание нормативной базы местного самоуправления, создание системы органов и обеспечение самостоятельности этих органов при решении вопросов местного значения.

Когда губернатор В.И. Платов приступил к своим обязанностям, социальное положение Тверской области, как и всей страны, было очень тяжелым. Закрыты многие предприятия, ликвидировано большинство колхозов, а фермерство практически не шло. Не хватало денег на заработную плату, пенсии, детские пособия, росла безработица.

Регионы тянули федеральное одеяло на себя, разорвав его на большие финансовые дыры. Почти все деньги страны сосредотачивались в Москве, где среднедушевой доход на одного человека в 9 раз превышал установленный прожиточный минимум. Там на каждого человека денег приходилось в 16 раз больше, чем в Тверской области, которая тогда находилась по финансовой обеспеченности на 67-м месте из 89 регионов страны. Всего лишь 10 субъектов Российской Федерации были донорами бюджетных поступлений, остальные 79 на свои собранные деньги выжить не могли. Иначе они остались бы без зарплаты, детских пособий, надлежащего обеспечения больниц, школ, домов-интернатов и других средств, необходимых для жизнеобеспечения. Но тогда выжили благодаря своим дачным участкам, взаимопомощи и особенностям своего характера.

Продолжительность жизни людей резко сократилась. Если в развитых странах Европы мужчины в конце XX века жили в среднем 72 года, а женщины – 79 лет, то в Тверской области мужчины – 58 лет, а женщины – 70 лет. Смертность в области составляла 18,2 на одну тысячу населения в год, или в 1,8 раза больше, чем в Европе. Детская смертность была угрожающей – 18,4 на одну тысячу новорожденных, когда в Европе этот показатель был 7 человек на тысячу. Таким образом, параметры уровня и качества жизни для значительного числа жителей области достигли критических значений. Снижалась рождаемость, росла смертность населения, сокращалось число браков, увеличивалось число разводов и количество безнадзорных детей.

Выросло употребление алкоголя, в Тверской области тогда злоупотребляли им 75,4% мужчин и 52,1% женщин. Число курящих женщин за период нестабильности увеличилось в 31 раз в сравнении с советским периодом. Кто-то в шутку или всерьез сказал, что мужики много пьют, не приносят женщинам радости, остается им одно наслаждение – курить. Отмечался значительный рост психически больных людей – почти в 2 раза, наркоманов – в 10 раз, 30% всех призывников признавались не годными к военной службе по причине заболеваний и психических расстройств.

Мы начинали работу в областных структурах в сложный исторический момент всеобщего разрушения: материального, духовного и физического. Не получавшие долгими месяцами зарплату врачи, учителя, социальные работники добросовестно исполняли свой долг. При поездках в районы вместо денег я мог предложить лишь графики погашения долгов, которые достигали шести месяцев.

Мы старались досрочно выполнить эти графики и погасить долги в тех районах, где побывал губернатор и его заместители. Было много просьб из других районов приехать и вникнуть в сложившуюся ситуацию. Так вот латали короткое финансовое одеяло.

Губернатор Платов полностью доверял мне до осени 1999 года. Нередко я участвовал вместо него на пленарных заседаниях Государственной Думы, когда он выходил с законодательной инициативой. Я ездил на заседания «круглых столов» в Совет Федерации, на совещания в Правительство РФ. Мне самому приходилось готовить свои доклады, с которыми выступал в Москве. Нагрузка была очень большой, выезжал из дома в 6–7 часов утра, возвращался в 10–11 часов вечера, но такой расклад устраивал нас обоих.

Новой команде губернатора В.И. Платова надо было принимать срочные меры по выводу области из создавшейся ситуации, нормализовать обстановку путем улучшения социально-экономического положения в регионе. Начался лихорадочный поиск путей выхода по всем направлениям: дальнейшее развитие законодательной базы, улучшение системы управления областью, а также поиск денежных средств. Нового ничего не придумали, пошли по такому же пути опережения других регионов, по которому шли практически все дотационные регионы. Перегнать других, оттолкнуть их и в числе первых разработать программы помощи области из центра.

Первым шагом было заключение ***13 июня 1996 года*** Договора о разграничении предметов ведения между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Тверской области. Надеялись на статью 14 Договора, где было записано, что на основе отдельного соглашения разрабатывается проведение эксперимента по новой системе налогообложения и межбюджетных отношений.

Сразу же после подписания этого Договора нами был подготовлен и представлен в Государственную Думу проект Федерального закона «Об эксперименте в области бюджетной и налоговой системы в Тверской области». В этом законопроекте было записано, что область заключает соглашение с Российской Федерацией, по которому аккумулирует у себя все собираемые налоговые доходы и направляет в Центр лишь фиксированную сумму. Кроме того, там было прописано, что область самостоятельно устанавливает конкретные виды и ставки налогов, категории налогоплательщиков, налоговые базы, объекты налогообложения, порядок и сроки уплаты налогов.

Процесс заключения договоров между регионами и Центром был противоречив и неоднозначен. По мере того как мы конкретизировали свои проблемы дополнительными соглашениями и запросами, никакого желания у министерств и ведомств заключать с нами соглашения не было. Таким образом, никакого влияния Договор от 13 июня 1996 года на социально-экономическое положение нашей области не сыграл. А закон об эксперименте в налоговой системе так и не был принят, несмотря на наши значительные усилия в 1996–1998 годах.

Одновременно, после заключения Договора с Центром, началась наша активная работа по подготовке проекта постановления правительства Российской Федерации «О мерах государственной поддержки социально-экономического развития Тверской области в 1997–2000 годах». Это постановление было принято правительством в декабре 1996 года и сыграло определенную роль в оказании помощи области за счет полученных трансфертов. Помощь Центра этим путем составляла примерно 10% областного бюджета, кроме того, трансферты шли в Фонд медицинского страхования.

Другим способом помощи области Центром должна была стать федеральная программа. Поэтому в 1997 году началась активная работа по разработке федеральной программы «Экономическое и социальное развитие Тверской области на 1998–2005 годы». Мы обивали пороги министерств, ведомств, фондов, проходя от одного федерального чиновника к другому, чтобы заключить соглашения по своим направлениям программы. Потратили на это много сил, времени, энергии, но перспективы оказались призрачными.

Вследствие дефолта ***17 августа 1998 года*** Центр вообще отказался финансировать все федеральные программы по развитию регионов, начиная с 1999 года. На тот год по программе было предусмотрено финансирование нашей области в размере 19 млн. рублей.

Жизнь ставила перед нами много конкретных проблем, которые надо было решать быстро, обдуманно, порою неординарно. Прежде всего, нужно было позаботиться о стариках, которые жили одни, а также о детях-сиротах.

Появилось понятие «социальный сирота», то есть сирота при живых родителях, которые вели аморальный образ жизни и не заботились о своих детях. За два года работы мы в своей области открыли для них 20 социальных приютов, где находились 630 детей. Но еще 28 тысяч детей жили в асоциальных семьях и практически являлись

социальными сиротами. Если бы дальше идти по пути открытия приютов, государству необходима была астрономическая сумма расходов. Мы решали, как научить родителей уйти от иждивенческого образа жизни, от своих вредных привычек и начать заботиться о своих детях.

Нужно было законодательно закрепить ответственность не только государства, но и конкретного человека за себя и за свою семью. Как его адаптировать к новым рыночным условиям и научить проявлять инициативу?

В этом направлении начали работать с военнослужащими, которые в ближайшее время увольнялись в запас. Постановлением Правительства РФ от 25 мая 1996 года № 640 я был включен в состав правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Председателем комиссии являлся заместитель председателя правительства Ю.Ф. Яров. В составе министерства социальной защиты был создан департамент по этому направлению работы.

Мы создали Координационный совет по социальным вопросам уволенных военнослужащих и членов их семей при администрации области. Построили один из первых в России Центр реабилитации военнослужащих и начали их учить мирным профессиям еще во время их службы в армии. Наш опыт позднее стали распространять по всей России.

Мы предприняли все усилия, чтобы максимально выполнить законы об инвалидах и ветеранах. Для их выполнения в полных объемах и по всем направлениям необходимы были средства в сумме 725 млн рублей в год.

Мы смогли убедить глав районов, руководителей предприятий, предоставляющих льготы, с 1 апреля 1996 года пойти на этот шаг в ущерб прибыли своих предприятий, так как областной бюджет таких денег не имел.

Предприятия транспорта, связи, электро-, теплоснабжения несли колоссальные убытки, выполняя федеральные законы. К 1 июля 1996 года ветераны получали следующие льготы:

а) бесплатный проезд на городском транспорте – 23 территории;
б) бесплатный проезд на пригородном транспорте – 36 территорий;
в) 50% скидка в оплате жилплощади – 15 территорий;
г) 50% скидка в оплате коммунальных услуг (кроме платы за газ и электроэнергию) – 12 территорий;

д) 50% скидка в оплате за электроэнергию – 5 территорий;

е) 50% скидка в оплате за телефон и радио – все 42 территории.

С 1 июня 1996 года был введен бесплатный проезд студентов домой и обратно один раз в месяц [18].

Глубокого реформирования требовала система здравоохранения. Участковые больницы не давали необходимой медицинской помощи, так как на селе не было опытных кадров, необходимого оборудования, лекарств и медикаментов. На их приобретение денег тоже не было. В участковых больницах практически лежали не больные люди, а социально незащищенные. Неэффективно, менее половины в год, использовались стационарные койки. Нами было решено укрепить максимально необходимым амбулатории и поликлиники, чтобы там оказывали помощь хотя бы половине обратившихся больных, а не 30%, как было.

А участковые больницы решили превратить в дома сестринского ухода, социальные приюты для престарелых жителей области и другие подобные учреждения, передав их из системы здравоохранения в систему социальной защиты. За два года число таких социальных коек увеличилось в 8 раз. Время было голодное, в больницах не хватало продуктов питания.

Было решено создавать дневные стационары, где больные днем лечились, а на ночь уходили домой. За эти же два года, к 1 января 1998 года, число коек в дневных стационарах увеличилось в полтора раза. Открыли 50 офисов врачей общей практики, позднее их стали называть «семейными врачами».

Уже в 1997 году в целях предотвращения коррупции были попытки проведения первых конкурсов по закупкам лекарств, продуктов питания для нужд больниц, домов-интернатов, детских домов. Их организатором выступала Тверская торгово-промышленная палата. Заказы формировали департамент здравоохранения, управления образования и социальной защиты. Закупки обычно проводились на значительные суммы по всему необходимому ассортименту. Поняв несостоятельность Торгово-промышленной палаты в организации конкурсов, было решено передать проведение торгов и конкурсов самим органам исполнительной власти, создав соответствующие структуры.

С самого начала правления губернатора В.И. Платова заговорили о проведении административной реформы. Но с чего ее начинать, как проводить, что изменять, исходя из условий рыночной экономики,

мало кто знал и понимал. К тому времени в стране уже активно решались первичные проблемы становления буржуазного государства: приватизация, проведение ценовой реформы, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, с выделением местного самоуправления по западному образцу. Однако большим тормозом дальнейшего движения к рыночным отношениям стали прежние, не подготовленные к новым условиям кадры. Большинство из них плавно перешло от старой командно-административной системы.

Попытки проведения реформы самих федеральных исполнительных структур после выборов Президента РФ летом 1996 года натолкнулись на мощное сопротивление старой партийной команды. При этом большинство руководителей исполнительной власти не имели соответствующего образования, опыта работы, не знали законов рыночной экономики, не владели основами политической стратегии.

Так случилось, что в 1996 году в Тверской области около 60% государственных служащих были «технарями» и лишь 6% имели юридическое или по специальностям государственного управления образование. Конкурсов для отбора квалифицированных кадров не проводилось, у власти оказалось много случайных, некомпетентных людей, не знающих вообще азов управления. Начался разгул коррупции, вседозволенности, пренебрежения к людям, суетливость, непоследовательность действий.

Уже позднее все государственные служащие были поделены на чиновников-политиков, с которыми заключались срочные контракты, и чиновников-специалистов, срок договора с которыми был заключен на неопределенное время. Это сделали для того, чтобы при смене губернатора не смогли уволить специалистов, а на их место набрать нужных людей. Нужно сказать, что конкурсная система подбора кадров при губернаторе В.И. Платове так и не заработала.

Итоги работы в социальной сфере я подвел на совещании с заместителями глав городов и районов области по социальным вопросам 9 декабря 1999 года. К тому времени мы принимали участие в 12 федеральных социальных программах, были приняты 10 областных программ социальной поддержки населения. Показатель обеспеченности детей, престарелых и инвалидов стационарными учреждениями в области в 1,6 раза превышал общероссийский.

При домах-интернатах были созданы 13 подсобных сельских хозяйств, которые обеспечивали себя продуктами питания, в том числе

картофелем и овощами – на 100%, мясом и молочными продуктами – на 75%. Мы смогли открыть 7 новых приютов для детей-сирот в Твери, Кашине, Лихославле, Андреаполе, Молокове и Конаковском районе.

Активно работала комиссия по ликвидации долгов в Пенсионный фонд. В 1996–1999 годах после отчетов на комиссии руководителей предприятий и организаций была погашена задолженность во внесудебном порядке в сумме 150 млн рублей, в арбитражный суд направлено 1,5 тысячи исков, по которым взыскано 300 млн рублей.

Долг по выплате детских пособий к концу 1999 года составил 150 млн рублей, в бюджет 2000 года были заложены средства с целью погашения долга за 1997–1998 годы. 300 тысяч граждан области тогда получали льготы в оплате за жилую площадь, коммунальные услуги, радио, телефон, газ, электроэнергию. Для инвалидов и ветеранов труда сохранялся бесплатный проезд в городском транспорте и льготы на пригородных автобусах.

Мы находили возможности в то экономически и политически тяжелое время для строительства новых объектов и реконструкции старых. За 4 года работы были дополнительно открыты 8 домов сестринского ухода, 9 врачебных амбулаторий, 41 дневной стационар. Мы построили и ввели в эксплуатацию 16 объектов здравоохранения.

Среди них Луковниковская участковая больница в Старицком районе, детские поликлиники в городах Бежецке и Конакове, терапевтические корпуса в городе Осташкове и поселке Пено, станция «Скорой помощи» в Кашине и другие крупные объекты. В стадии строительства и реконструкции в конце 1999 года были еще 18 объектов здравоохранения, в том числе: областная детская больница, областной кожвендиспансер, районные больницы в Лесном, Пено, Кувшинове. Строили поликлиники в городах Бежецке, Осташкове, Весьегонске, Ржеве, микрорайоне «Южный» города Твери. Готовили к сдаче родильные дома в Бологое, Нелидове, Ржеве и Твери.

22 октября 1999 года постановлением губернатора была создана оперативная группа администрации области по организации материальной помощи личному составу войск, участвующих в боевых действиях на Северном Кавказе, а также оказания гуманитарной помощи беженцам и районам конфликта. Я был назначен руководителем этой группы. Мы рекомендовали главам городов и районов организовать сбор средств и гуманитарной помощи для личного состава войск, которые ликвидировали бандформирования на Северном Кавказе.

2 декабря первая машина «КАМАЗ» с товарами на сумму 146,5 тысячи рублей была направлена в район селения Бамуд. Активно работали по сбору гуманитарной помощи администрации города Твери, Бежецкого, Кашинского и Кувшиновского районов. С того времени мы каждый месяц направляли на Северный Кавказ по одной машине гуманитарной помощи. Со 2 декабря 1999 года до конца 2000 года туда отправили продукты питания, одежду, палатки, кровати, стройматериалы на сумму 1,2 млн рублей. Кроме того, две машины «КАМАЗ» с одеждой были отправлены в центр временного содержания беженцев «Серебряники», куда прибыли 270 человек с Северного Кавказа.

Учитывая бедность нашего населения, я еще 24 декабря 1998 года обратился с письмом к заместителю председателя Правительства РФ Г.В. Кулику, в котором просил включить нашу область в перечень регионов, нуждающихся в поставках гуманитарной помощи из США и Канады. Проходило время, помощи не было, мы по-прежнему ее настойчиво добивались. И добились поступления помощи, организованной Московским Патриархом совместно с Международным православным благотворительным объединением Северной Америки.

Постановлением губернатора от 7 июля 2000 года я был назначен председателем подкомиссии по распределению полученной международной гуманитарной помощи. За три транша мы получили груз в объеме более двух тысяч тонн. По каждому траншу помощь была оказана 34 тысячам граждан области, а по трем – более ста тысячам населения. Каждый человек получал набор по 20 кг весом, куда входили: 8 кг риса, по 4 кг муки, гречи и подсолнечного масла. Одновременно мы добились, чтобы вся неорганизованная гуманитарная помощь проходила через нашу комиссию, чтобы не допустить фактов ее хищения и нецелевого использования.

У меня лично сложилось неоднозначное отношение к этой помощи. С одной стороны, большое желание и возможность помочь нашим бедным людям. С другой стороны, обидно за нашу большую и богатую страну. Имея все возможности для нормальной жизни, мы просили милостыню у зарубежных стран. Но мы тогда надеялись, что переживем еще какой-то период, потом все встанет на свои места, и жизнь наладится.

Эта уверенность была подкреплена избранием в 2000 году на пост Президента Российской Федерации В.В. Путина.

В течение 2000 года я вел переписку с сотрудниками администрации Красноярского края о выделении денег на памятник погибшим сибиря-

кам на станции Чуприяновка. Нищая Тверская область своих средств на его изготовление и установку не нашла. Средства на памятник выделил губернатор Красноярского края Александр Иванович Лебедь.

И вот 8 декабря 2000 года мне было поручено, торжественно открыть памятник воинам Красноярской 119-ой стрелковой дивизии на станции Чуприяновка Калининского района. За эту небольшую станцию, с которой в декабре 1941 года началось освобождение города Калинина, погибли 3273 солдата и офицера Красной Армии, в основном, сибиряки из Красноярского края. В честь открытия памятника был дан оружейный салют, торжественным маршем прошли воины Тверского гарнизона.

4 января 2001 года меня пригласил главный федеральный инспектор по Тверской области Владислав Петрович Косенко и сказал, что все документы по родословной Президента России В.В. Путина переданы лично ему полномочным представителем по Центральному федеральному округу Г.С. Полтавченко. В ответ на это В.В. Путин высказал пожелание посетить Тверскую область. В.П. Косенко попросил меня осмотреть деревни и дома родителей президента.

На другой день я выехал в село Тургиново, оттуда вместе с главой администрации сельского округа Аллой Андреевной Григорьевой выехали в деревню Поминово, где сохранился дом отца и деда Путина. Тогда это была дача одного из жителей города Москвы, дом в неухоженном состоянии, требовал ремонта.

Затем мы посетили деревню Заречье, где в очень хорошем состоянии сохранился дом матери В.В. Путина. Тогда это была дача одной из жительниц города Санкт-Петербурга, дом стоял почти напротив дома главы сельского округа Григорьевой. А.А. Григорьева мне рассказала, что местные жители сразу узнали Путина, когда он стал председателем Правительства России в 1999 году. Вспомнили, что он был в деревне Заречье всего лишь один раз в 1964 году, когда ему было двенадцать лет. Приезжали они с отцом, который работал на заводе в Ленинграде. Помнят, что В.В. Путин ловил рыбу на реке Шоша вместе с одним мальчиком, сейчас тот мужчина живет в городе Конаково. Жители деревни обижались на Путина, что ни разу не побывал на родине своих родителей, хотя его дача в Завидове находится в нескольких километрах от родины.

В архивных документах имеются сведения о родословной В.В. Путина, начиная с его далекого предка Фаддея Якимовича Путина из

деревни Поминово за 1649–1728 годы. В 1911 году в деревне Поминово родился отец Владимира Владимировича – Владимир Спиридонович Путин.

Мать Президента России Мария Ивановна Шеломова родилась и жила в деревне Заречье. Бабушка В.В. Путина Елизавета Алексеевна Шеломова была расстреляна фашистами 13 октября 1941 года. У Елизаветы Алексеевны было двое детей – сын Иван и дочь Мария.

После свадьбы Владимир Спиридонович и Мария Ивановна Путины уехали из деревни сначала в Москву, а затем в Ленинград. Там в 1952 году родился их сын Владимир. В истории России до него не было ни одного правителя, чьи корни уходят в тверскую землю.

Встречи, которые запомнились

Усади на лавку гостя,
с ласковой начни беседы,
угощай его словами,
прежде, чем обед поспеет.
«Калевала», песнь 23, стр. 268

Партизанский слет. Мне памятны встречи с интересными людьми, особенно с ветеранами Великой Отечественной войны, которые многому научили и многое подсказали. Конечно, самым ярким периодом моей жизни были шесть лет работы заместителем губернатора Тверской области. Каждый день был насыщен встречами, поездками, выступлениями, повседневной работой. Порою не было времени делать записи, поэтому значительными днями своей жизни считаю и время бездеятельности по основной работе в связи с увольнениями, когда появлялась возможность записать на бумагу те или иные события из своей жизни.

Было много встреч с представителями иностранных государств: послами, министрами, лауреатами Нобелевской премии, руководителями государств.

В июле 2000 года в деревне Шейново Торопецкого района прошел слет калининских партизан. Во время Великой Отечественной войны в этой деревне находился штаб партизанского движения Калининской области. Встретились оставшиеся в живых партизаны во главе с

председателем Совета ветеранов калининских партизан, бывшей разведчицей 2-ой партизанской бригады Клавдией Ивановной Тяпиной.

Кроме нее из Твери приехали бывший политрук партизанской бригады имени Дениса Давыдова Александр Петрович Голубев, бывший партизан отряда «За Родину» 123-й Белорусской партизанской бригады имени 25-летия БССР Андрей Иванович Калинкевич, бывший боец-радист партизанского отряда «Упорные» Павел Сергеевич Сергеичев, партизаны Иван Герасимович Сушков, Надежда Константиновна Бойдина и другие.

В деревню Шейново прибыли бывшие партизаны из Москвы и городов Тверской области: Андреаполя, Западной Двины, Конакова, Лихославля, Нелидова, Осташкова и других. Партизаны посетили памятные места, музей партизанской славы в селе Пожня, встретились с жителями окружающих деревень. К.И. Тяпина узнала молочницу, которая еще девочкой на глазах у фашистов носила молоко партизанам.

В городе Торопце посетили братскую могилу и возложили цветы. Прошло торжественное заседание, в зале было очень много школьников. Принимали участие глава Торопецкого района Валерий Семенович Ткачев и его заместитель по социальным вопросам Владимир Григорьевич Волосюк. Нужно отметить, что они неотрывно были с партизанами оба дня. На поляне у деревни Шейново развернули полевую кухню, мы с партизанами и местными жителями отведали солдатской каши, помянули погибших, выпили за здоровье живых.

Всем бывшим партизанам было около восьмидесяти лет, вместе с ними уходило от нас что-то большое и величественное: надежность, стойкость, вера, братство, дружба. На слет не смог приехать и прислал приветственную телеграмму генерал-полковник, бывший представитель Центрального штаба партизанского движения на Калининском фронте, член Военного Совета фронта Сергей Саввич Бельченко.

Первые партизанские отряды на территории Калининской области были созданы и развернули свою боевую деятельность осенью 1941 года в Андреапольском, Осташковском, Пеновском, Торопецком и других прилегавших районах. Они действовали до середины 1944 года, о подвигах партизан можно прочитать в книге В. Заболотнова «Наш позывной “Аист»«, рассказах и воспоминаниях «Шла война народная» и других.

В 1959 году на границе России, Белоруссии и Латвии, неподалеку от старинного города Себежа, входившего в годы войны в состав

Калининской области, был насыпан Курган Дружбы. К подножию Кургана вели три аллеи от этих сначала республик, а теперь – стран. Оставшиеся в живых калининские партизаны до 2001 года ежегодно ездили на автобусах к Кургану Дружбы.

К большому сожалению, для всех партизан, этот Курган оказался на территории Латвии. Руководство страны с 1998 года не разрешает нашим партизанам переходить границу и бывать на Кургане. Им оставалось поминать погибших в нескольких метрах от Кургана, через реку, разделяющую Россию и Латвию. По традиции, поездки совершались в начале июля, чтобы в первое воскресенье месяца собраться у Кургана Дружбы.

(Записано в октябре 2002 года)

Встречи с руководителями страны

С Виктором Степановичем Черномырдиным, председателем Правительства России, я встретился единственный раз, 9 мая 1996 года во время приема, устроенного Президентом РФ Б.Н. Ельциным в Кремле. Сам Президент недолго был на приеме, он улетел в Волгоград. Я увидел, что председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин разговаривал с участниками приема, и предложил нашей делегации подойти и поздороваться с ним. Я представил ему членов нашей делегации, возле Черномырдина в это время была певица Надежда Бабкина и директор Большого театра Владимир Васильев.

В.С. Черномырдин поздоровался с каждым из нас, спросил, как живет Тверь. Я ответил, что ждем приезда Бориса Николаевича Ельцина в ближайшее время. Певица Надежда Бабкина сказала, что она тоже скоро едет в Тверь с концертом. Я ответил, что жители города знают об этом и ждут ее. Владимир Васильев вспомнил некоторых великих людей из Тверской области – В.Я. Шишкова, С.Я. Лемешева, В.В. Андреева. Мы поздравили всех с Днем Победы, пожелали здоровья, мира, счастья и отошли к своим столикам.

Я вспомнил об этой встрече, прочитав, что 1 сентября 2003 года посол России на Украине Виктор Степанович Черномырдин получил студенческий билет института филологии Киевского национального университета и стал его почетным студентом. Многим запомнились выступления В.С. Черномырдина, когда он был председателем Прави-

тельства Российской Федерации. Некоторые его высказывания стали крылатыми, их передавали из уст в уста, юмористы цитировали во время своих выступлений.

Наверное, началось с его высказывания о бюджете 1995 года: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». В том же году готовились к выборам депутатов Государственной Думы. Виктора Степановича тогда спросили, не собирается ли его движение «Наш дом – Россия» самораспускаться в связи с неутешительными прогнозами. Он ответил: «Кто мне чего подскажет, тому и сделаю». Его также спросили о взаимоотношениях России и Евросоюза, на это он сказал: «Россия со временем должна быть еврочленом».

О депутатах Государственной Думы Виктор Степанович заявил: «А мы еще спорим, проверять их на психику или нет. Проверять всех!». О том, что Березовский стесняется, что он еврей, Черномырдин сказал однажды: «Если я еврей, чего я буду стесняться? Я, правда, не еврей».

Когда его спросили после отставки в 1998 году, будет ли он участвовать в «теневом кабинете», Виктор Степанович сказал откровенно: «Что я буду втемную лезть. Я еще от светлого не отошел». После его отставки в России произошел дефолт в ночь с 16 на 17 августа 1998 года. О команде С. Кириенко тогда Черномырдин воскликнул: «Ночь прошла, они хватились».

Целую тираду Виктор Степанович выдал по поводу его обвинений со стороны Джорджа Буша младшего осенью 2000 года: «Сейчас там что-то много стало таких желающих все что-то возбуждать. Все у них возбуждается там. Вдруг тоже проснулись. Возбудились. Пусть возбуждаются».

И последняя цитата, которая мне запомнилась: «Что говорить о Черномырдине и обо мне?»

(Записано в сентябре 2003 года)

Вице-премьер Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко приезжала в Тверскую область в октябре 1999 года, я тогда находился в США. Она побывала на территории будущего мемориала «Медное» и на 5 ноября 1999 года собрала у себя совещание по строительству мемориалов «Катынь» и «Медное». Совещание проходило в ее кабинете, было решено разделить строительство мемориала на две части: первоочередные объекты, потом все остальные.

Она спросила у меня, что мы предлагаем строить в первую очередь и сколько это будет стоить. Я ответил: ремонт памятного знака, мемориальная аллея, тропинки к могилам, облагораживание двух могил, сервисный блок, автостоянка и дорога. Без дороги все обойдется в пределах двадцати пяти миллионов рублей. Дорогу надо рассчитывать отдельно. Валентина Ивановна сказала, что по дороге надо говорить с Федеральным дорожным фондом, она согласилась с моими предложениями по объектам первой очереди.

Тогда я подарил ей на память о Тверской области очечник с вышивкой торжокских золотошвей и свою книгу «История Тверской Карелии» с дарственной надписью.

Нужно отметить, что после этого совещания дело по строительству мемориала «Медное» резко тронулось с мертвой точки. Второй разговор у нас произошел в июле 2000 года на Всероссийском совещании по социальным вопросам. В перерыве я подошел к Валентине Ивановне и сказал, что все, кроме сервисного блока, мы построили, поблагодарил ее и пригласил на открытие первой части мемориала, которое должно состояться в августе–сентябре 2000 года. Валентина Ивановна была удовлетворена ходом работ. Третий короткий разговор с нею был 16 марта 2001 года также о «Медном». Я сказал, что сервисный блок, скорее всего, построим к 30 октября 2001 года. Она ответила: «Давайте, вкалывайте, возможно, приеду».

Я не исключаю, что, благодаря ей мне предоставляли слово для выступления практически на всех общероссийских совещаниях в Правительстве Российской Федерации. В своем выступлении на Всероссийском совещании по вопросам социальной политики 16 марта 2001 года я обратил внимание на необходимость решения проблем жилья для многодетных семей. Также предложил использовать для жилья мигрантов бывшие военные городки, которые освобождались. К сожалению, из-за нерасторопности федеральных структур, которым эти городки принадлежали, почти все они были разграблены.

На этих вопросах остановился в своем выступлении при проведении «круглого стола» в Совете Федерации 22 мая 2001 года. Последний раз в Москве я выступал 8 июня 2001 года на форуме, посвященном 300-летию социальной службы России.

Первая моя встреча с Юрием Леонидовичем Шевченко произошла через несколько дней после назначения его министром здравоохране-

ния в 1999 году. Я приехал на очередное заседание экспертного Совета по проекту «Реформа здравоохранения». Времени до заседания Совета было около получаса, решил зайти к министру и поздравить его с назначением. Он был свободен и сразу меня принял. Мы с ним говорили более получаса, я опоздал на заседание Совета на пять минут. Юрий Леонидович говорил о своих планах, о том, что трудно ему будет разрываться между Москвой и Санкт-Петербургом, так как по-прежнему остается начальником Военной медицинской академии и имеет звание генерал-лейтенанта медицинской службы. Он по-прежнему проводит в академии хирургические операции. Его семья осталась жить в Санкт-Петербурге, будут решать, как быть дальше.

Я ему рассказывал о проекте «Реформа здравоохранения» с точки зрения областного руководителя. Говорил о ее положительных моментах и тех, которые нас не устраивают. Рассказал о ситуации со здравоохранением в нашей области.

Потом мы несколько раз встречались с ним на совещаниях в Правительстве Российской Федерации. Когда меня уволили в январе 2000 года, я позвонил ему дважды. Первый раз он мне ответил, что обязательно поможет. Второй раз сказал, что нигде не может найти губернатора Платова, он скрывается. «Скажите в приемной, пусть Володя мне позвонит», – сказал Юрий Леонидович, имея в виду Платова. Я попросил слова Шевченко передать губернатору.

Последний раз я встретился с ним в марте 2001 года на совещании в Доме правительства. Мы вместе с ним одновременно оказались в гардеробе. Времени до совещания еще было достаточно, мы с ним ходили по коридору минут десять. Говорили о проблемах медицины, хотя я ее уже не курировал, так как Платов передал ее другому своему заместителю.

Юрий Леонидович сказал мне: «Знаешь, Толя, я изменил отношение к проекту «Реформа здравоохранения». Мы будем возвращать деньги Всемирному банку реконструкции и развития, а они нам диктуют свои условия. Я говорю, что нам не нужно так много семинаров, командировок, учебы, буклетов и тому подобное. Нам нужно оборудование. Они не со всеми моими доводами соглашаются. Поэтому я не буду больше заключать договоры с Всемирным банком по туберкулезу и по СПИДу, как они нам предлагают.

Что касается наркомании, о чем ты мне говорил при наших встречах, я сделал для себя вывод: нужна профилактика тех, кто еще не

попал в наркозависимость. У кого уже прошла ломка, как бы грустно это не было, с ними ничего не сделать, хотя денег уйдет очень много».

Я рассказал ему об эксперименте по воспитательной работе в нашей школе № 1 города Конаково. Он одобрил этот опыт, сказал, что наркоманию можно победить только сообща.

Это была наша последняя встреча. Из телепередач позднее узнал, что Ю.Л. Шевченко сдал пост начальника Военной медицинской академии в городе Санкт-Петербурге, остался только министром здравоохранения.

(Записано 31.05.2002 года)

Позднее я узнал, что в мае 2004 года Шевченко покинул пост министра здравоохранения, в 2009 году на Украине он был рукоположен в священники с именем Георгий. К тому времени он стал директором Национального медико-хирургического центра им. Пирогова в Москве, в котором устроил храм святителя Николая. Являясь директором, он одновременно служил в том храме священником, не имея благословения патриарха Кирилла на священнослужение. В связи с этим Русская православная церковь проводила неоднократные проверки с целью лишения Ю.Л. Шевченко сана священника.

Встречи с зарубежными деятелями

С Нобелевским лауреатом Бетти Уильямс, которая активно боролась против насилия в ее родной Северной Ирландии в 70-е годы XX века, я встретился единственный раз 6 ноября 1998 года. Эта встреча позднее открыла для меня новые горизонты и возможности.

5 ноября 1998 года во время праздничных дней мне позвонили из приемной губернатора и передали его поручение – организовать встречу с лауреатом Нобелевской премии Бетти Уильямс. Она хотела встретиться с детьми-сиротами в детском доме или приюте. Я созвонился с руководством социального приюта на улице Макарова в Твери, согласовал время и другие вопросы. Сообщил в Москву по имеющемуся телефону, что встреча подготовлена. На другой день, 6 ноября, приехал к 11 часам в социальный приют, там уже было много народу. Из беседы с прибывшими москвичами понял, что один немецкий фотограф решил сфотографировать на красном диване 20 лауреатов Нобелевской премии XX века и взять у них интервью.

Бетти Уильямс изъявила желание фотографироваться в России. Приехав в Москву, узнала, что там снимается первый президент СССР М.С. Горбачев. Она не захотела фотографироваться в Москве, стали срочно искать, где это сделать, вышли на меня. Бетти снимали телекамерой и фотографировали с 11 до 16 часов, пока не стемнело. Все это происходило на улице, в пасмурный день. Она заходила в помещение на 5–10 минут, чтобы выпить чашечку кофе, и снова шла на улицу.

Я попросил разрешения на память об этом событии сфотографироваться на этом красном диване, который объездил полмира, вместе с Бетти Уильямс и Ниной Костиной – председателем совета директоров фонда международной помощи ребенку «Фрэнк» из Вашингтона.

Моя просьба была удовлетворена в благодарность за то, что я весь выходной день пробыл с ними. Позднее Бетти Уильямс организовала для меня и нашей делегации поездку в Италию в августе 1999 года и поездку в США в октябре 1999 года. В Италии наша делегация проживала в гостинице на берегу озера Комо, об этой гостинице писал в своей «Летней новелле» известный австрийский писатель Стефан Цвейг.

С послом Республики Польша Анджеем Залуцки я первый раз встретился 11 ноября 1996 года. Он только что прибыл в Москву и пригласил меня на прием по случаю Дня независимости Польши. Я в то время был членом Координационного совета по увековечению памяти жертв тоталитарного режима при Правительстве Российской Федерации и возглавлял подобную областную комиссию. Мы познакомились с Анджеем и подружились, с тех пор встречались по 2–3 раза в год, сначала одни, затем вместе с супругами. Он познакомил меня со многими сотрудниками своего посольства, с высокопоставленными чинами России и Польши.

Летом 1997 года в село Медное прилетел министр внутренних дел РФ А. Куликов. Мы выстроились на поле, чтобы встретить вертолеты с ними. Первым справа стоял губернатор области В.И. Платов, рядом с ним председатель Законодательного собрания В.Н. Курбатов. Далее – вице-губернатор Ю.М. Краснов, полномочный представитель Президента РФ в Тверской области Т.Т. Карякина, заместитель председателя Законодательного собрания В.А. Нехаев и я. Куликов подошел к Платову, поздоровался с ним и задержался возле него на некоторое время. Анджей Залуцки, выйдя из вертолета, огляделся и направился прямо ко мне, мы обнялись, начали разговаривать. Увидев это, Кули-

ков пропустил всех, также подошел ко мне. Я представился ему, он поздоровался со мной, затем начал здороваться со всеми от меня к Платову. Мне этот момент очень хорошо запомнился.

В 2000 году Анджей приезжал в нашу область вместе с супругой Барбарой, я был со своей супругой. Программа наша тогда была очень напряженной: Медное–Торжок–Осташков–Троеручица–Нилова пустынь – Тверь. Мы целый день были рядом, уехали они уже около 12 часов ночи. В сентябре 2000 года мы вместе открывали мемориал «Медное», а в ноябре того же года мы с супругой были у посла на приеме.

Последний раз встречался с Анджеем Залуцки 11 ноября 2001 года в посольстве по случаю Дня независимости Республики Польша. Много говорили о предстоящем визите в Польшу Президента РФ В.В. Путина. Анджей попросил меня остаться после всех, чтобы поговорить со мной подольше. После визита В.В. Путина он уезжал работать в Польшу, и мы предполагали, что это наша последняя с ним встреча. Я в то время был уволенным и не работал в администрации Тверской области.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что Анджей Залуцки инициировал награждение меня Офицерским Крестом Ордена «Заслуги Республики Польша», который мне был вручен значительно позже подписания удостоверения Президентом Республики Польша Александром Квасьневским.

С послом Республики Венгрия в Российской Федерации Дьердем Нановски у нас сложились хорошие дружеские отношения с августа 1996 года. Мы познакомились во время проведения в Будапеште II Всемирного конгресса финно-угорских народов. Тогда он познакомил меня с председателем Парламента Венгрии, а также с президентом Венгрии Арпандом Генцем. В марте 1997 года в городе Твери прошло заседание Консультативного комитета финно-угорских народов, на котором тверские карелы были приняты его постоянным членом. Мы тогда имели с Дьердем длительные беседы по истории финно-угров, в том числе и тверских карел. Эти разговоры сподвигли меня начать работать над историей тверских карел. С тех пор встречались с ним на заседаниях комитета два раза в год, тем для разговоров было достаточно.

В очередной раз встретились в декабре 2000 года в Хельсинки после моего выступления на III Всемирном конгрессе финно-угорских

народов. Он, будучи председательствующим, поблагодарил за выступление и хорошо отозвался о нем, заявив, что готов подписаться под каждым словом этого выступления.

Во время нашей встречи в городе Санкт-Петербурге в марте 2001 года Дьердь сказал, что уезжает послом в Сингапур. На некоторое время наши встречи прекратились. Хороший разговор состоялся у нас 28 июня 2008 года во время проведения в городе Ханты-Мансийске IV Всемирного конгресса финно-угорских народов. Дьердь подошел ко мне во время перерыва и сказал, что он лично переводил каждое слово моего выступления на венгерский язык своей делегации дополнительно к синхронному переводу. Ему очень понравилось выступление, возможно в очередной своей книге он что-то из него возьмет. Нужно отметить, что совместные фотографии членов Консультативного комитета он размещал в книгах под его редакцией, не только на русском языке, но и на английском. Дьердь Нановски является главным редактором изданий «Финно-угорский мир», «Сородичи по языку» на венгерском, русском и английском языках.

С послом Республики Финляндия в Российской Федерации Маркусом Люрой я познакомился во время его официального визита в Тверскую область в июле 1998 года. Я встретил посла на границе области, пересел в машину посла и дорогой кратко ознакомил его с географическим и экономическим положением области. Посол посетил «Мелькомбинат», «Тверьстеклопластик», Тверской государственный университет, встретился у главы города А.П. Белоусова с деловыми людьми.

На второй день посетили карельские деревни Алешино и Залесье Рамешковского района. Во время встречи с губернатором области В.И. Платовым посол пригласил его посетить Республику Финляндия с официальным визитом.

Я тогда сопровождал его с супругой в течение двух дней. После этого Маркус Люра неоднократно приезжал в Тверскую область во время проведения здесь российско-финляндского проекта «Будущее тверского села». Он очень глубоко проникся проблемами тверских карел, привез мне рассекреченные книги для использования материалов по их истории. Он организовал проведение в октябре 1998 года в посольстве Финляндии Дня тверских карел. Перед своим отъездом в Финляндию пригласил в посольство нас с супругой и представил новому послу. У себя на родине вступил в Общество друзей тверских карел.

Нет никаких сомнений в том, что награждение меня в 2009 году Рыцарским Знаком «Ордена золотого финского льва I класса» вместе с Обществом друзей тверских карел инициировал именно он, Маркус Люра.

Об английском принце Майкле Кентском я впервые услышал летом 1997 года, когда мы готовили к открытию Центр реабилитации военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей. Тогда принц патронировал Российско-Европейский фонд, Фонд британского королевского легиона и другие структуры, оказывающие благотворительную помощь.

На открытие центра в Твери тогда ждали принца Майкла Кентского, но он не приехал. Второй раз о нем много говорили во время нашего визита в Великобританию в феврале 1998 года, но встретиться тогда нам не удалось.

14 апреля 2003 года в администрацию города Твери пришло письмо от принца Майкла Кентского. Он писал о проекте Ралли-2003 «Навстречу 300-летию Санкт-Петербурга». Ралли начиналось 17 мая доставкой из Лондона в Екатеринбург 15 старинных автомашин 1925–1930 годов выпуска. В ралли принимали участие пятнадцать видных английских бизнесменов, адвокатов, руководителей крупнейших предприятий и компаний.

В городе Твери участники ралли находились с вечера 31 мая до 11 часов дня 1 июня. Участников встречали на Театральной площади, они прибыли в 18 часов 14 минут, опоздав на один час. Началась торжественная церемония встречи.

Принц Майкл Кентский оглянулся по сторонам и остановил взгляд на моем галстуке. Я тогда специально надел галстук организации САФФА – Ассоциации моряков, летчиков и пехотинцев Великобритании. Также надел значок фонда «Красные маки» британского королевского легиона. Он показал переводчице себе на грудь и кивнул в мою сторону. После официальных выступлений принц Майкл Кентский подошел ко мне, приподнял мой галстук и на хорошем русском языке спросил: «Когда это было?» Я ответил, что галстук и значок мне вручили в феврале 1998 года в Лондоне. Он спросил: «В связи с чем?» Я ответил, что вместе с генералом армии М.А. Моисеевым мы изучали опыт Великобритании по реабилитации и поддержке военнослужащих, уволенных в запас. Сказал, что в нашем городе мы открыли

лучший в России центр реабилитации, на его открытие очень ждали Его Королевское Высочество, но Вы приехать не смогли.

Как я узнал позднее, в Англии распространен обычай, по которому члены клубов, выпускники университетов, бывшие военнослужащие и другие группы людей носят галстуки особой расцветки, по которой узнают друг друга.

Поговорив со мной буквально две минуты, принц Майкл Кентский вместе с губернатором Платовым сели в машину принца и поехали в администрацию области. На второй день, 1 июня, мы провожали ралли в Великий Новгород. Перед тем как сесть в машину, принц подошел ко мне, сказал «спасибо» за серию открыток о Твери, что вручил ему. Я попросил его приехать еще раз в Тверь, чтобы посетить Центр реабилитации военнослужащих, уволенных в запас, где есть доля его участия. Принц ответил: «Это возможно», снял уже надетую перчатку и попрощался со мною за руку. Машины, громко и протяжно сигналя, покинули Театральную площадь города Твери.

(Записано в сентябре 2002 года).

Поездка в США

Не нужны твои ни скирды,
ни распаханные нивы,
я свои поля имею.
«Калевала», песнь 3, стр. 44

Я выезжал в США для участия в Международной программе Конгресса этой страны «Открытый мир» с 4 по 16 сентября 2000 года. Программа «Открытый мир» была основана Конгрессом США в 1999 году для сотрудничества с новыми лидерами России. На ее реализацию было выделено в 1999–2000 годах по 10 млн. долларов ежегодно. Основатели программы заявляли, что на «холодную войну» с СССР Америка тратила значительно больше. В 1999 году по этой программе в США побывали 2 тысячи человек, в 2000 году – 1800 человек. Среди лидеров России было много депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и Правительства РФ, а также руководители регионов, судьи.

Первым председателем программы «Открытый мир» был директор библиотеки Конгресса США доктор Джеймс Г. Биллингтон. Это

крупнейший историк по российской культуре, член Российской академии наук, награжден Пушкинской медалью за выдающуюся роль в пропаганде русского языка и литературы.

Мы посетили разные города Америки, познакомились с ее историей, деятельностью исполнительной, законодательной и судебной власти на федеральном уровне и на уровне штатов. Познакомились с работой некоторых общественных организаций. Наша группа из 8 человек проживала в городе Сильве-Спринг, что в 10 километрах от центра Вашингтона. Этот штат Мэриленд с центром в городе Аннаполисе.

Мы познакомились с работой конгресса штата Мэриленд. Он состоит из 44 сенаторов, руководила тогда конгрессом штата вице-губернатор, дочь Роберта Кеннеди. Она вела заседания конгресса и не имела права голосовать. Когда голоса сенаторов делились поровну, только тогда она могла голосовать, и ее голос был решающим. Конгресс штата начинает работу в январе каждого года после рождественских каникул и работает 90 дней в году. В остальное время года сенаторы работают на своих рабочих местах. Остается небольшой аппарат, который ведет всю техническую работу и готовится к заседаниям в следующем году.

Мы познакомились с работой штаба кандидата в президенты США Алена Гора, нам рассказали и показали многие выборные технологии, но в тот год победил на выборах не он, а Джордж Буш.

Нас познакомили с историей города Сильве-Спринг с населением 80 тысяч человек. Город был основан в 1938 году, к 1990 году пришел в упадок. Тогда графство выкупило у частных лиц всю собственность и землю. Потом все строения разрушили и начали новую планировку города. Сравняв город с землей, графство стало предлагать частным лицам и фирмам участки земли в аренду сроком на 10 лет и строить на участках то, что они желают, но в тех местах города, которые предусмотрены по проекту. Если были соблюдены все условия, то через десять лет, к 1999–2000 годам частные лица и фирмы получили эту землю в собственность. Дома в городе в основном двухэтажные, стоили они тогда от 300 тысяч до 1 млн. долларов.

Мне посчастливилось полдня провести вместе с сенатором конгресса штата Мэриленд от округа Монтгомери Марком Шрайвером. Это очень интересная личность, ему тогда было 37 лет, он племянник Джона и Роберта Кеннеди. А его двоюродная сестра, дочь Роберта Кеннеди, была тогда вице-губернатором штата Мэриленд. Младшая сестра Марка, Мария, была замужем за Арнольдом Шварценеггером.

Мы с Марком Шрайвером посетили два клуба для мальчиков и девочек, которые напомнили мне наши бывшие дворцы пионеров. Также посетили место, где Марк планировал построить еще один такой клуб. Сказал мне, что землю под его строительство округ уже выделил. Всего в округе Монтгомери 18 таких клубов, их годовой бюджет 11 млн долларов, из них 4 млн долларов выделяет бюджет штата, а 7 млн – это разные гранты и помощь спонсоров и частных лиц.

В Америке нас встречали и всюду сопровождали представители частной компании «Меридиан», которая сотрудничала с организатором программы «Открытый мир» – библиотекой Конгресса США. Нам рассказали основные правила проживания в американских семьях. Многие американцы недостаточно осведомлены о России, а тем более о регионах, которые мы представляли. Они хотели расширить круг своих познаний, поэтому добровольно представляли свое жилье для россиян. Сами они ведут себя за столом раскрепощенно, полагая, что так же будут вести себя и гости.

Семья собирается вместе лишь за ужином, с 18 до 20 часов. Американцы не накрывают обильные столы. Там считается расточительством приготовить больше еды, чем можно съесть. Вообще грехом считается напрасный перевод продуктов. Большинство американцев не употребляют алкоголь во время еды. В некоторых семьях по выходным дням подают вино. Многие американцы не курят, но хозяева не будут возражать, если гость покурит на улице. Американцы обычно начинают разговор о погоде, о родине гостя, о его профессии. Они не любят и не хотят обсуждать личные вопросы – сколько кто зарабатывает, сколько кому лет, сколько стоит их одежда или вещи. При разговоре обычно смотрят собеседнику прямо в глаза и считают нормальным сидеть перед гостем, закинув нога на ногу так, что к нему обращена подошва ботинок.

Я проживал вместе с неким Пугачевым, якобы хорошо знающим английский язык, в семье ученых. Хозяин – магистр психологии, журналистики и истории Дональд Кент, был на пенсии, ему 75 лет. Его жена Коллет Кент, француженка, работала переводчиком английского и французского языков. Создали семью, когда ему было 40 лет, у них 3 сына и дочь, которые проживали отдельно. Доктор Кент был специалистом по истории советского кино. Он неоднократно говорил мне о благоприятном воздействии на психологию человека советских фильмов 50-х и 60-х годов XX века. Он сожалел, что в России смотрят

теперь не эти фильмы, а американские, которые разрушительно действуют на психологию, особенно детей.

Доктор Кент читал лекции в Москве, бывал у своих знакомых в городе Ржеве. Во время наших разговоров он многократно подчеркивал значимость русской культуры для американцев и ее влияние на американскую культуру через русских мигрантов. Он и его жена восхищались единой государственной системой образования в нашей стране и просили сделать все возможное, чтобы эта система не была разрушена. Говорили, что не надо переводить государственное образование в частные школы. Об этом же говорили нам на встречах жены американских конгрессменов штатов Мэриленд и Массачусетс.

Я, к сожалению, не мог полноценно общаться с этими культурными, вежливыми людьми. Пугачев вообще знал только несколько слов по-английски. Лишь на один вечер в семью пригласили переводчика, вот тогда мы многое узнали друг о друге.

Американцы склонны к переменам в жизни. Среднестатистический американец в течение своей жизни 14 раз меняет место жительства или работу. Они очень ценят время и не любят, если кто-то опаздывает. Как правило, приходят всегда за 3–5 минут до начала встречи, собрания или мероприятия. Американцы считают, что если ценить время и быть постоянно занятым, то можно достичь хороших успехов в своем деле.

В Америке развита концепция «помоги себе сам», они гордятся, когда, родившись в бедной семье, через тяжелый труд и испытания достигли успехов. Важную роль в жизни американцев играют деньги. Начиная любое дело, они ставят перед собою конкретные вопросы: «Выгодно ли это мне?», «Окупит ли себя это дело?», «Что я буду иметь от этого дела?».

За 10 дней пребывания в США мы убедились, что американцы, как и русские, в основном доброжелательные, любознательные и трудолюбивые люди. У них те же переживания и желания: чтобы не было войн, чтобы продукты питания, воздух и вода были экологически чистыми, чтобы их дети и внуки нашли достойное место в обществе.

Многие из них имели о России очень поверхностное представление, основанное на КГБ, «кузькиной матери» Н.С. Хрущева, медведях, которые ходят по улицам, Сибири. Кроме того, они знали из российской программы «Время», которую смотрят, о русской мафии и о Чечне. Поэтому при общении у них был живой интерес к России,

к тем городам, которые мы представляли. Мы там выступали в роли информаторов о переменах в России, о наших регионах, нашей культуре и образовании.

Перед поездками в США в 1999 и 2000 годах мне было очень интересно узнать хоть немного об истории Америки, как и любой страны, где я бывал. Узнал, что когда в 1492 году Колумб открыл Новый свет, там проживали 1,5 млн. коренных жителей, которых он по ошибке назвал индейцами. Колумб принял эту землю за Индию. Коренные жители сильно пострадали от нашествия европейцев. У них посредством войн, насилия и договоров отбирали свои земли, а самих переселяли в резервации. Американцы пролили много крови, уничтожая коренное население континента – индейцев.

Из-за войн, нищеты и болезней численность коренных жителей Америки стала сокращаться, к 1920 году их осталось всего 350 тысяч человек. Некоторые племена, как манданы, вообще перестали существовать. Ряд племен утратили родной язык и значительную часть своего культурного наследия.

В Америку высылали воров, мошенников, насильников, грабителей, бунтовщиков. Из истории известно, что в период с 1607 по 1775 годы из Англии в Америку было вывезено около 50 тысяч преступников.

В период с 1840-го по 1860 год в США хлынули иммигранты из Европы, каждый год туда прибывало по 5 млн. человек. Много было иммигрантов из Ирландии, в 2000 году в США насчитывалось 39 млн человек ирландского происхождения. Значительное число мигрантов тогда прибыло из Германии, в 2000 году 22% населения США имели немецкое происхождение.

С 1880 года в Америку из Восточной Европы, где стали проходить еврейские погромы, хлынули евреи. В 2000 году их там насчитывалось 5 млн. человек. В том месте, где сейчас в городе Нью-Йорке находится мемориальный комплекс Статуи Свободы, в 1892 году были открыты «Врата златые», через которые стали пропускать всех иммигрантов.

Начиная с 1619 года, переселенцы из Европы стали привозить с собой в Америку рабов из африканских стран. В 2000 году в США проживали 12,7% жителей африканского происхождения, 27 млн человек были выходцами из испано-говорящих стран. Несмотря на многонациональность страны, официальным языком в США является один английский.

В результате помощи, которую в XX веке стало оказывать государство, численность коренных жителей-индейцев начала постепенно увеличиваться. К 2000 году их было уже около 2 млн человек, треть из которых по-прежнему жила в резервациях.

Если перевести американские «ценности» на русский язык, то основными целями американцев являются деньги, обеспеченность и сытость. Идет накопление и добывание денег любыми путями, любой ценой. Здесь презирают бедных людей, полагая, что они сами виноваты в том, что не сумели ничего в жизни добиться и сделать себе деньги. Идея американской исключительности может стать губительной для других стран.

Глава VIII
Трагедии местного значения

Конфликт властей в начале века

Налетел орел – рассеял,
курохват напал – рассыпал.
«Калевала», песнь 31, стр. 371

Второй приход губернатора Платова во власть был в 2000 году. Первый тур голосования состоялся 19 декабря 1999 года. Во второй тур вышли В.И. Платов и В.А. Баюнов – два непримиримых бежецких выходца. Второй тур выборов провели 9 января 2000 года. Я всю ночь просидел в своем кабинете. Когда начали поступать первые сведения о результатах выборов, я стал их аккуратно записывать, сколько человек проголосовало за Платова и сколько за Баюнова. Информацию давали как сотрудники администрации, так и главы районов, куда я звонил.

Где-то к часу ночи стало выясняться, что Баюнов опережает Платова примерно на три тысячи голосов. В коридорах власти была суета и подвижность. Я переговорил о положении с некоторыми сотрудниками администрации. По их сведениям, Баюнов опережал Платова. Я, очень расстроенный этой информацией, со своими выкладками, которые держал в голове, направился в кабинет полномочного представителя Президента по Тверской области Т.Т. Карякиной.

В ее кабинете в это время были начальник управления ФСБ И.А. Ермаков и его заместитель. Я не успел открыть рот, чтобы поделиться своими сомнениями, как Т.Т. Карякина воскликнула: «Победа! Победа!». Я спросил: «Чья победа?». Она ответила, что Платова. Они быстро засобирались в областную избирательную комиссию.

Я вернулся в свой кабинет, порвал на мелкие части свои подсчеты и стал ждать приглашения отметить победу Платова. Через некоторое время собрались в комнате для обедов и, не дожидаясь губернатора, стали пить за его победу. Мы стояли рядом с Ю.М. Красновым, вокруг нас толпилось много вдруг появившегося народа. Потом пришел губернатор, со мной он не поздоровался, прошел на другую сторону стола.

Народ от нас отхлынул и перешел на сторону губернатора. В порыве своего счастья губернатор через стол мне сказал: «Твои карелы – молодцы!», и один раз за весь вечер мы чокнулись. Через месяц, 10 февраля 2000 года, я последний раз в своей жизни встречался с губернатором Платовым один на один в его кабинете. Я спросил: «В чем моя вина, почему Вы меня уволили?». Он ответил: «Твои карелы проголосовали против меня». Я возразил: «Это неправда, посмотрите сведения по районам, в карельских районах самый большой процент был за Вас».

Тогда он мне сказал: «Но работники здравоохранения голосовали против меня?». Я ответил: «Голосование – личное дело конкретного человека, поэтому здесь разделять нельзя, кто голосовал против Вас – работники здравоохранения, образования или культуры». На это он мне заявил: «Я долго думал и решил взять тебя снова на работу. Но здравоохранение я у тебя забираю». Не уходя из кабинета, я написал заявление о приеме на работу в должности заместителя губернатора с 14 февраля, как мы договорились, Платов написал на заявлении свое согласие. Но бюрократы чиновники приняли меня не с 14, а с 22 февраля 2000 года, дав почувствовать, каким длинным иногда бывает даже один день.

О том, что губернатор по каким-то причинам не хочет меня брать своим заместителем на свой второй срок, я подсознательно почувствовал в средине декабря 1999 года. Он тогда пригласил меня в свой кабинет и предложил в январе выехать в Германию изучать опыт реабилитации инвалидов. Я ему возражал, что время не совсем для этого подходящее. Будет второй тур выборов, после этого вступление губернатора в должность и формирование новой команды. На это Платов ответил, что ехать надо всего на неделю, а вступление в должность произойдет не ранее трех недель после второго тура выборов. Нужно еще время на формирование команды, а ко мне у него никаких вопросов нет.

Мы выехали с делегацией от здравоохранения и социальной защиты в Германию через несколько дней после второго тура выборов губернатора. Там я узнал, что срок вступления Платова в должность перенесен на более ранний. Понял, что мне будет нелегко войти в его новую команду, что и подтвердили дальнейшие события.

Я перебирал в памяти события последних лет, чтобы понять для себя причину, из-за которой Платов не захотел меня взять на свой

второй срок. Скорее всего, самая моя основная ошибка в жизни была совершена в сентябре 1999 года.

Тогда я встречался с депутатами Законодательного собрания области, фамилии их я называть не буду, мы обсуждали кандидатуру будущего губернатора. К тому времени Платов пропадал неделями. Все остановились на том, что лучшая кандидатура – Ю.М. Краснов. Он практически руководил областью, через него шли все денежные потоки, он принимал решения. Депутаты попросили меня провести переговоры с Ю.М. Красновым, чтобы он пришел на нашу встречу.

Я пришел в кабинет Краснова, сказал ему, что группа депутатов ждет его в столовой Законодательного собрания. Он спросил, для чего, я ему кратко сообщил предмет разговора. На встречу с нами Краснов пришел, но ничего конкретного не сказал. Позднее меня и всех присутствовавших депутатов он выдал Платову. Мои увольнения 21 января 2000 года и 20 июля 2001 года стали последствиями этого случая. А возможно, тогда и не было никакой ошибки с моей стороны. Сама судьба распорядилась так, чтобы я снова поднялся и второй раз пришел во власть в 2004 году.

Динамику активности губернатора и вице-губернатора можно проследить по числу совещаний с заместителями губернатора. В первый год правления губернатор был активен, он провел с нами 22 совещания по различным социально-экономическим вопросам. За весь 1996 год вице-губернатор Ю.М. Краснов провел два совещания, всего в том году было 24 совещания, в среднем два в месяц.

В следующем, 1997 году они как бы поделили эти обязанности между собой: губернатор В.И. Платов провел 15, а вице-губернатор Ю.М. Краснов – 10 совещаний с заместителями губернатора, всего за год было проведено 25 совещаний. Примерно такая же картина наблюдалась и в 1998 году: В.И. Платов – 17, Ю.М. Краснов – 13 совещаний, всего 30 совещаний за год.

Тогда губернатор Платов имел волю и решимость принимать быстрые и решительные действия. Например, в мае 1998 года в Удомле произошел конфликт между кавказцами и русскими, который в итоге стал своеобразным поводом для налаживания межнациональных отношений в области. Тогда был создан Консультативный совет при администрации Тверской области, который занимался вопросами межнациональных взаимоотношений. Возглавить совет Платов поручил мне. В результате работы совета на территории нашего региона

за два года было создано 21 национальное объединение, и вопросы, возникающие между представителями разных народов, стало решать гораздо проще.

Сдавать позиции губернатор начал в 1999 году, многие вопросы он перепоручал вице-губернатору Ю.М. Краснову. За тот год губернатор провел всего 9 совещаний, вице-губернатор 16, всего 25 совещаний в год.

После второго пришествия губернатора Платова мы его практически не видели. За весь 2000 год он встретился с нами на совещаниях всего два раза, вице-губернатор в том году провел шестнадцать совещаний, всего за год – восемнадцать. Мне удалось активно работать в 2001 году лишь до 20 июля.

За первое полугодие 2001 года губернатор ни разу не встретился на совещаниях со своими заместителями, вице-губернатор за этот период провел десять совещаний. Последовавшие кадровые изменения, конфликты стали результатом пассивности губернатора при втором сроке его правления.

В 2000–2001 годах за полтора года губернатор встретился со своими заместителями всего два раза по десять минут по непростым взаимоотношениям между первым заместителем Строевым и вице-губернатором Красновым. Никаких вопросов не было, обсуждения тоже. После информации губернатора все сразу расходились.

Не знаю, читал ли где Платов исторические материалы о взаимоотношениях Тверского княжества с Бежецким Верхом, или не читал. Скорее всего, не читал. Но все его поведение наводило на мысль, что он пришел из Бежецка в Тверь, чтобы отомстить ей за историческое прошлое. Ни к одному городу Тверской области с его стороны не было такого предвзятого отношения, как к Твери. Централизуя основные бюджетные средства, он практически подвел город Тверь к банкротству.

Начало конфликта было положено в 1999 году. Мнительному, подозрительному, мстительному, но в своем роде талантливому, от природы неглупому и неординарному губернатору доложили о намерении главы города Твери А.П. Белоусова идти на выборы губернатора. В связи с этим срочно был пересмотрен закон о выборах губернатора с одного на два тура голосования. Начались осторожные периодические выпады в адрес главы города. Не знаю, что повлияло тогда на его решение, но Белоусов на выборы не пошел, хотя нередко появлялся в районных центрах: Максатихе, Старице, Осташкове.

Однако внушение было столь глубоким, что губернатор не забыл его во время очередных прозрений и редких выходов на работу во второй период своего правления. Кульминация наступила в 2002–2003 годах. Началась откровенная схватка в средствах массовой информации. Губернатора Платова поддерживали практически все газеты, радио и телеканалы. На стороне А.П. Белоусова оказалась одна газета «Вече Твери».

14 марта 2002 года было проведено Тверское городское общественное собрание, на котором глава города А.П. Белоусов во весь голос заявил, что больше не намерен терпеть произвол областной исполнительной власти в отношении Твери. В этой позиции его поддержали большинство общественных организаций и граждан. Целенаправленная порочная практика областной администрации по изъятию денежных средств из областного центра и перераспределения их другим муниципальным образованиям привела к тому, что денег в городской казне не осталось.

Нечем платить зарплату бюджетникам, за жилищно-коммунальное хозяйство, тепло, не на что ремонтировать дороги. Представители губернатора серьезно начали поднимать вопрос о введении внешнего управления городом.

На собрании А.П. Белоусов заявил о готовящихся кадровых переменах. Однако ошибка заключалась в том, что, кроме вновь назначенных двух заместителей, в команде Белоусова больше не появились весьма известные и очень уважаемые в Твери люди, как было им обещано.

Старая команда своим бездействием саботировала активность городской администрации. Вопреки ожиданиям два новых заместителя еще больше усугубили положение, проводя курс на расширение и углубление конфронтации с областной администрацией и губернатором.

6 апреля 2002 года в газете «Вече Твери» было опубликовано официальное прямое обращение главы города А.П. Белоусова к представителям общественности и жителям города. В обращении он писал, что прозвучавшая на общественном собрании критика существующих межбюджетных отношений между областью и городом Тверью, критика политики областных органов государственной власти, ведущая к искусственному финансовому кризису в городе-доноре, была взвешенной, доказательной и конструктивной.

Вместо конструктивного диалога с Тверью команда губернатора области В.И. Платова организовала и ведет в СМИ информационную

войну в целях дискредитации администрации города, Тверской городской Думы, ряда должностных лиц администрации и лично главы города. Критика общественности города воспринята губернатором как личная обида, как поползновение на его личную власть, как попытка главы города начать предвыборную кампанию на пост губернатора. А.П. Белоусов призывал: «Вместе мы – сила. Давайте объединяться и вместе требовать то, что городу положено по его статусу, по его вкладу в общий региональный результат. Мы имеем право на достойную жизнь и сумеем это право отстоять» [19].

В это время в отношении ряда должностных лиц областной администрации прокуратура стала возбуждать уголовные дела. Суть этих дел тверской журналист Руслан Дзкуя раскрыл в своей книге «Территория коррупции».

Мудрый губернатор понимал, что воевать на два фронта – с главой города А.П. Белоусовым и федеральным инспектором по Тверской области В.П. Косенко – очень трудно. Он решил разделаться с ними последовательно, по одному. Сначала взялся за Косенко, который появился в Тверской области в конце 2000 года и начал с того, что на совещании глав городов и районов дал понять, что в области хозяин он, а губернатор Платов и остальные будут ему помогать. Он считал, что таким образом активно укрепляет вертикаль исполнительской власти.

Но вскоре все встало на свои места, всенародно избранный губернатор Платов добился того, что федеральному инспектору в Москве разъяснили его место под солнцем. Но слова Косенко губернатор Платов не забыл, так уж он устроен: помнить все, что сказано против него. Он просто-напросто прекратил общаться с Косенко и его не замечал.

Обиженный невниманием федеральный инспектор дал несколько интервью газетам по поводу топливных махинаций в администрации области, он заявил, что стоимость закупаемого централизованно топлива искусственно завышается.

Мало того, заработанные на топливных махинациях деньги В.П. Косенко связал с финансированием чеченских банд-формирований. Губернатор обратился в суд с исковым заявлением к федеральному инспектору о защите чести и достоинства. В исковом заявлении он написал: «Публикацией данного интервью в отношении меня лично были распространены порочащие и не соответствующие действительности сведения, что Тарамов (чеченец. – А. Г.) в губернаторские выборы вложил крупную сумму денег, а сейчас его ставленник Затван

отвечает за топливно-энергетический комплекс. Счет отката пошел на сотни миллионов бюджетных средств. Между тем отец Тарамова возглавляет администрацию в Курчалоевском районе Чечни, где недавно погибли еще четверо наших ребят. Губернатора, кстати, на похоронах даже не было. А на какие деньги покупается оружие для чеченских боевиков, если люди Тарамова находятся в окружении нашего губернатора и определяют хозяйственную политику Тверской области?»[20].

Причиненный федеральным инспектором моральный вред губернатор оценил в два миллиона рублей. Весной и летом 2002 года наступила развязка. Губернатор уволил со своих постов вице-губернатора Ю.М. Краснова, заместителей Затвана, Румянцева и Полякова, отозвал из суда свое исковое заявление. В.П. Косенко был уволен с должности федерального инспектора Тверской области.

Большой мастер интриги, неуемный в своем хаотичном управлении губернатор одновременно вел борьбу не только с главой города и федеральным инспектором. Он не забывал и «местных олигархов», к которым, прежде всего, относил директора мелькомбината С.С. Потапова и владельца сети супермаркетов «АНТЭК» Н.А. Карпова. Эта борьба, прежде всего, была связана с тем, что С.С. Потапов был конкурентом Платова на губернаторских выборах 1999 года, простить ему этого он не мог. Во-вторых, экономическим фундаментом оппозиционной к губернатору газеты «Вече Твери» являлась именно компания «АНТЭК». Губернатор пытался подчинить себе эту газету так же, как он подчинил все остальные СМИ, но не мог и боролся всеми силами. Газета оставалась фактически один на один с губернатором и его мощным административным ресурсом.

Вся эта борьба губернатора привела к расколу гражданского общества в регионе, оно было разобщено, не стало разделения властей, законодательная власть была полностью подконтрольна губернатору.

Не было сильных политических партий и общественных объединений, способных реально выполнять функции по защите граждан. Не осталось независимых средств массовой информации, они куплены губернатором за деньги.

Постоянные массовые проверки фискальных органов вынудили С.С. Потапова отказаться от активной политической борьбы. Остался последний форпост – глава города Твери А.П. Белоусов. Но 9 апреля 2003 года его не стало, выборы главы города Твери были назначены на шестое июля.

Поездки на историческую родину

Я помыкался, несчастный,
жалкий птенчик, поскитался,
поплутал по землям дальним.
«Калевала», песнь 50, стр. 567

Нам с женой дважды удалось побывать на исторической родине наших предков – бывшем городе Корела (ныне Приозерск) и Сакульском погосте бывшего Корельского уезда, ныне Приозерском районе Ленинградской области. Именно из Сакульского и Ровдужского погостов Корельского уезда в XVII веке перешли на Бежецкий Верх наши далекие предки.

Первая наша поездка состоялась ***25–27 июня 1999 года*** в связи с проведением в Приозерске Международного фестиваля карельской культуры. Нас с женой и карельским ансамблем из Лихославля «Виржи» официально пригласила администрация Приозерского района. Я испытывал трепет и приятную дрожь уже тогда, когда мы с Финляндского вокзала сели на электричку и поехали по местам, известным мне только по картам и документам. Проезжая знакомые по архивным документам деревни, ставшие железнодорожными станциями с новыми названиями, я смотрел из окна электрички во все глаза на местность, в которой проживали наши далекие предки.

На фестиваль прибыли представители и коллективы из Ленинградской области, Республики Карелия, карельских общин Финляндии. Нас с женой поселили в военный санаторий, по территории которого протекала река Вуокса. Этот санаторий находится на территории уникального историко-ландшафтного парка на Спасском острове. В эпоху средневековья здесь был богатый торгово-ремесленный посад города Корелы. После захвата шведами Корельского уезда в XVII веке, именно этот остров стал резиденцией шведского губернатора Кексгольмской провинции. Шведы превратили Спасский остров в мощную каменную крепость.

После того, как в ходе Северной войны 1710–1721 годов Петр Великий освободил Карельский перешеек, на территории острова расквартировывались различные воинские подразделения, это обеспечило безопасность Петербурга с севера. В 1945 году на Спасском острове было начато формирование Кексгольмского военного санатория, в

1948 году он был переименован в Приозерский военный санаторий, в связи с переименованием города. В этом исключительном по своей красоте месте сохранились остатки валов и бастионов средневековой крепости.

Санаторий находится рядом с музеем крепости Корела, мы туда ходили пешком. Вахтером в санатории был карел – выходец из Максатихинского района, он интересовался жизнью в Тверской области, спрашивал, остались ли карелы, изучается ли карельский язык, есть ли газета на карельском языке. Сказал, что его родителей переселили сюда сразу после Великой Отечественной войны, а он уже родился здесь, но в Максатихинском районе бывал каждое лето у своих бабушек.

Вечером 25 июня состоялся прием гостей главой района, кроме нас, были представители правительства и администраций ряда районов Ленинградской области, Республики Карелия, руководители карельских общин Финляндии.

На следующий день в старинной крепости Корела прошли торжественные мероприятия по программе фестиваля. Сначала для нас провели экскурсию по крепости Корела. Какое чувство может испытывать человек, знающий героическую историю этой крепости? Сложно сказать, что я испытывал в это время, зная, как в 1610–1611 года здесь стойко защищались от шведов наши предки, оставив в стенах крепости около 2,5 тысяч погибших и умерших карел и русских стрельцов.

Сохранившиеся помещения крепости занимает историко-краеведческий музей «Крепость Корела». Мы на себе чувствовали, что в этой крепости витал дух старины, на крепостной территории расположились два музея. Один из музеев посвящен истории крепости, начиная с ледникового периода вплоть до последней реставрации в наше время. Очень подробно раскрыта тема торговли и пролегания торговых путей на протяжении семи столетий с XII до XIX веков. За много веков сменился ландшафт, раньше русло реки пролегало в другом месте, в середине XIX века река Вуокса изменила свое течение. Раньше крепость состояла из двух частей: часть построек находилось на острове, а часть на берегу, береговые постройки не дошли до нашего времени.

Другой музей находится в восстановленной Пугачевской башне, именно в ней содержали жену политического узника Пугачева и ее родственников. Позднее из записей писателя Владимира Галактионовича Короленко, сделанных им в 1900 году, я узнал, что в Кексгольм-

ской (Корельской) крепости более 29 лет сидела жена Емельяна Пугачева Устинья Петровна Кузнецова из города Уральска. Она в 17-летнем возрасте была венчана с Пугачевым 1 февраля 1774 года, а 16 апреля того же года казаки ее арестовали. Устинью Кузнецову освободил в 1803 году лично император Александр I, обходивший казематы крепости. Вместе с ней в крепость были заточены: сестра Мария Кузнецова, отец Петр Кузнецов, домработница Устинья Толкачева, стряпуха Прасковья Иванаева, кучер Семен Шелудяков. Какая же вина была у этих людей перед государством, что они могли сделать против воли разбойника Пугачева, пожелавшей венчаться с 17-летней красавицей?

Представляет интерес внутреннее устройство башни, камеры и комнаты. Раньше от башни шел подземный ход к несохранившейся береговой части крепости. Внешние стены крепости разрушены, но внутренний двор имеет вполне приличный вид.

После экскурсии состоялось торжественное открытие фестиваля на территории крепости, были торжественные речи, выступали коллективы художественной самодеятельности Ленинградской области, Карелии, Финляндии и наш ансамбль «Виржи». На фестивале нас с женой представили очень торжественно, я подарил музею «Крепость Корела» экземпляры только что вышедшей книги «История Тверской Карелии». После праздника мы на автобусах проехали на улицу Ленина, где священники провели освящение часовни Преподобного Арсения Коневского. Оттуда проехали к месту закладки камня храма Рождества Христова на Рождественском подворье.

После обеда нас повезли на остров Коневец, тогда настоятелем Коневецкого Рождество-Богородичного монастыря был только что назначенный игумен Мстислав (Дячина). В Коневецкий монастырь, расположенный на острове Коневец, летом можно добраться на катере из Владимирской бухты, ее финское название Сортанлахти (Чертова бухта).

Сначала мы немного ехали на автобусе по шоссе, потом свернули на пыльную грунтовую дорогу, от Приозерска до деревни Владимировка 35 километров. Подъехав к бухте, где нас ожидал катер, по доскам поднялись на него. От бухты до острова 5 километров, мы добрались до него за полчаса.

Любовались спокойной бескрайней Ладогой. Экскурсовод нам рассказывал, что 600 лет назад на остров высадился старец Арсений, вернувшийся со святой горы Афон. Здесь он остался, построил свою

первую келью, потом пришли монахи, строили монастырь. От древних построек ничего не осталось, так как шведы много раз захватывали и разоряли обитель. Из камня стен и храмов Коневецкого монастыря шведы построили крепость на Спасском острове вблизи крепости Корела. Лишь победа России в Северной войне 1710–1721 годов позволила православным верующим вернуться на остров, где на месте бывших монастырских строений рос лес.

Остров получил свое название от большого валуна – Конь-камня, весом более 750 тонн. Местные жители считали его священным камнем, возле которого до своего крещения в православие проводили языческие обряды. Карелы перевозили весной на лодках скот на остров, чтобы он здесь кормился до осени. Прежде всего, перевозили телят, жеребят, нерабочих коней. На острове не было, и нет змей и диких зверей. Осенью за сохранение стада карелы оставляли у Конь-камня жертву – коня.

Игумен Мстислав показывал нам и рассказывал о неизменно сохранившейся часовне и странноприимном доме. Каменная часовня была построена в 1815 году в честь Святителя Николая. Двухэтажный каменный странноприимный дом, или гостиница для бедных, которых монастырь мог приютить и некоторое время кормить, построен в 1866 году. Сохранились другие здания монастырского комплекса – колокольня, кузница, полуразрушенные каменные двухэтажные здания, которые мы с женой видели издалека, желая подольше побыть у Конь-камня.

Еще на катере, когда шли к острову, я рассказал местному экскурсоводу Ольге Гончар немного о карельских деревнях, которые раньше были на мысе озера Пюхяярви, теперь Отрадного. Сказал, что там было несколько деревень, где жили земцы Головкины. Прибыв обратно на берег во Владимирскую бухту, мы сели в автобус и поехали обратно в Приозерск.

Распорядитель от администрации района подошел к водителю и что-то ему сказал, тот от Владимировки повернул автобус влево, а не направо в сторону Приозерска. Знающие местность заволновались, спрашивали, куда их везут, скоро ужин, нас ждут в городе. Распорядитель и водитель ничего не отвечали, пока не прибыли на берег озера Отрадное со стороны базы отдыха Солнечное. Грунтовая проселочная дорога от Владимировки, которая расположена неподалеку от озера Отрадное (Пюхяярви), проходит вдоль северных берегов двух оконеч-

ностей озера и мыса Пюхяниеми между ними, до железнодорожной станции Отрадное. От деревни Владимировка до железнодорожной станции Отрадное расстояние 24 километра.

В то время на мысе Пюхяниеми, на котором давно-давно когда-то были деревни моих предков Головкиных: Пюхяярви, Гудково, Ларганово и Хаапансаари, оставались базы отдыха Уральское, Плодовое и научно-опытная станция Отрадное. Я вышел из автобуса, смотрел на озеро, будучи не наяву, а в полусне, потом разделся и пошел купаться. Долго-долго шел по дну озера, а воды все было по колено. На берегах не было видно ни деревень, ни строений, только вдалеке увидал какие-то строения, скорее всего, на бывшем острове Хаапансаари были видны полуразрушенные дома нежилой деревни Борисово. Многие гости праздника последовали за мной, и тоже вошли в озеро.

Экскурсовод из города Приозерска (Корелы) Ольга Гончар рассказывала, что карелы назвали озеро Пюхяярви (Святое) потому, что в него язычники хоронили покойников, бросали жертвоприношения, в том числе и скот, никто никогда не всплывал. Только во второй половине XX века установили, что в озере двойное дно, и между двумя пластами дна течением затягивало жертвоприношения и покойников.

Выйдя на берег и одевшись, я искренне благодарил распорядителя за предоставленную радость встречи с вечностью. К ужину мы опоздали на час, ожидающие нас хозяева во главе с главой района волновались, не случилось ли что с нами. Тогда мобильных телефонов ни у кого еще не было. Мы объяснили причину опоздания, те все правильно поняли.

Второй раз мы вдвоем с женой ездили в Приозерск в сентябре 2000 года на День Приозерского района также по приглашению администрации района. К тому времени главой района был Яхнюк Сергей Васильевич, выигравший выборы ровно год назад, в сентябре 1999 года.

С поезда на Московском вокзале Санкт-Петербурга нас встретил начальник Приозерского отдела милиции полковник Александр Алексеевич Орлов. С ним мы познакомились год назад, он интересовался жизнью в Тверской области, откуда был сам родом. Его родная деревня находилась возле села Тургиново, оставался там родительский дом, куда летом приезжал жить старший брат. А.А. Орлов привез нас на служебной машине прямо в администрацию района, где мы познакомились с главой района С.В. Яхнюком, его заместителями, нам рассказали о программе проведения праздника.

Торжественные мероприятия проходили уже в центре города, были главы районов и губернатор Ленинградской области. После торжественных речей выступал пародист Геннадий Ветров. Мне, как и другим, находящимся на сцене, пришлось слушать артиста, глядя на его спину.

После обеда мы на катере снова отправились на остров Коневец, снова бродили по нему, зная, что наши далекие-далекие предки бывали здесь, их деревни находились в 8–10 километрах от острова. Это они перевозили на лодках сюда каждую весну на пастбище телят и жеребят, чтобы осенью перевезти обратно телок, бычков и конский молодняк.

На другой день нас повезли в поселок Лосево, что в 50 километрах от Приозерска, на соревнования байдарочников. Дорогой мы узнали о том, что до начала XIX века река Вуокса не соединялась с Ладожским озером. Она впадала в озеро Суванто, ныне Суходольское, которое отделялось от Ладоги песчаным валом. В 1818 году во время сильных паводков и штормов перемычку прорвало. Мощный поток воды своротил валуны, обвалил берега и образовал водную долину. Из озера Суванто вода потекла в Ладогу, уровень воды в озере резко упал, это озеро прекратилось в широкое русло реки Вуоксы. В 1857 году реку Вуоксу в этом месте углубили взрывами, чтобы она была судоходной. Но валуны образовали пороги, о судоходстве не могло быть и речи.

Вот на этих Лосевских порогах каждый год проходят соревнования спортсменов-байдарочников. Мы наблюдали за прохождением порогов байдарочниками-одиночками с моста через Вуоксу. Нам сказали, что среди участников были спортсмены из Твери.

На обратном пути из Приозерска в Тверь мы заехали в город Тосно, где побывали в квартире отца жены Ивана Михайловича Лебедева, умершего в 1994 году, чтобы навестить его вдову Наталью Ивановну. Встреча была очень приветливой, мы ночевали одну ночь, эта была первая и последняя встреча с Натальей Ивановной после смерти ее мужа. На железнодорожном вокзале в Твери нас встречал водитель Алексей Николаевич Лагутин с печальной вестью о смерти накануне моей матери в больнице деревни Борисково Бежецкого района. Последующие дни были связаны с организацией похорон матери.

Посещение исторической родины и последующие события подтолкнули меня на дальнейшее, более активное, написание книг по истории тверских карел.

Создание мемориала памяти «Медное»

Времена идут все дальше,
чередой проходят годы.
«Калевала», песнь 1, стр. 22

Старинное русское село Медное в Калининском районе Тверской области в конце XX века стало печально известным почти во всем мире в результате обнаружения там захоронений репрессированных советской властью советских и польских граждан.

Открываю материалы, которые мне попали в руки во времена работы в координационном комитете по увековечению памяти жертв тоталитарных режимов при Правительстве РФ, чтобы напомнить о трагических страницах нашей истории.

30 июля 1937 года руководитель НКВД СССР Н.И. Ежов издал приказ, согласно которому все репрессируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрению дел на тройках – расстрелу;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагере на срок от 8 до 10 лет.

По Калининской области было утверждено следующее количество граждан, подлежащих репрессиям:

– первая категория – 1000 человек,
– вторая категория – 3000 человек.

Операцию поручено начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок. В первую очередь подверглись репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории. 31 июля 1937 года политбюро ЦК ВКП (б) протоколом № 51 утвердило приказ Н.И. Ежова. Для его выполнения отпустило из резервного фонда СНК 75 миллионов рублей.

После утверждения Политбюро ЦК ВКП (б) приказа Ежова о репрессиях расстрелы приобрели массовый характер. Если до 13 августа 1937 года за ночь в здании Калининского НКВД расстреливали по 1–3 человека, то 14 августа расстреляли 92 человека, 17 августа – 48 человек и так практически каждую ночь. Даже перед новым

1938 годом 31 декабря 1937 года палачи не отдыхали, расстреляв в ту ночь 76 человек.

5 января 1938 года палачи расстреляли 206 советских граждан, а в Международный женский день 8-го марта 1938 года поставили «рекорд», расстреляв 222 человека.

Масштабы репрессий, проведенных органами НКВД по Калининской области среди граждан своей страны, потрясают. Только за период с октября 1936 года по июль 1938 года было арестовано 16 тысяч 722 человека. В 1937 – первой половине 1938 года приговорены к смертной казни 4466 человек.

20 марта 1938 года политбюро ЦК ВКП (б) рассмотрело вопрос «Об ошибках Калининского Обкома ВКП (б) и облисполкома». В решении сказано: «Калининский обком ВКП (б) и облисполком не мобилизуют партийную организацию, партийный актив, райкомы партии, советские и хозяйственные организации на ликвидацию последствий вредительства, на выкорчевывание всех контрреволюционных элементов в областных и районных советских, хозяйственных и партийных органах.

Несмотря на совершенно очевидные факты вредительской работы, проводившейся врагами народа по подрыву пограничных районов путем развала в них колхозов, поддержания хуторской системы, сохранения элементов, враждебных советской власти, в составе пограничного населения (бывшие кулаки, перебежчики, контрабандисты, поляки латыши эстонцы, связанные с заграницей) обком партии и облисполком ничего не сделали по ликвидации последствий этой вражеской работы и тем самым объективно способствовали продолжению подрывной работы в пограничных районах».

ЦК ВКП (б) постановил освободить Рабова от обязанностей первого секретаря Калининского обкома партии, как не обеспечившего руководства в обкоме партии и большевистской работы по ликвидации последствий вредительства и разоблачению до конца врагов народа. В 1938 году П.Г. Рабов был расстрелян, в списках репрессированных по Калининской области он не значится, так как после отстранения от должности был отозван в распоряжение ЦК ВКП (б). Это означало, по-видимому, что был расстрелян и похоронен в Москве.

В тот же день 20 марта 1938 года начальник УНКВД по Калининской области Гуминский доложил наркому Н.И. Ежову, что по всей области за один день 20 марта 1938 года арестовано 1918 человек, в

том числе по операциям: латвийской –1115 человек, польской – 334 человека, немецкой – 142 и эстонской – 107 человек.

За предыдущий период с 1 августа 1937 года по 20 марта 1938 года особой тройкой было осуждено 993 человека, в том числе по первой категории 254 человека.

Буквально через неделю, 28 марта 1938 года Гуминский докладывал в НКВД СССР, что за время с августа 1937 года по 26 марта 1938 года тройкой УНКВД по Калининской области осуждено 10 200 человек, из них: по 1-й категории – 4587 человек и по 2-й категории – 5613 человек.

17 сентября советские войска вошли на территорию Польши, захватив в плен польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремных работников и гражданских лиц. Первые партии военнопленных уже 20 сентября были направлены в Козельский и Путивльский лагеря. По состоянию на 30 сентября 1939 года в Осташковском лагере на территории Калининской области находилось 8731 человек. Осташковский лагерь для военнопленных был самым крупным в системе лагерей. Лагерь располагался на острове Столбный озера Селигер в бывшем монастыре Нилова пустынь.

На 15 марта 1940 года в Осташковском лагере было 6364 польских пленных, из них 48 армейских офицеров, 240 офицеров полиции и жандармерии, 775 младших командиров и 4924 рядовых полиции.

Операция по расстрелу польских военнопленных началась с 21 марта 1940 года. Пленных из Осташковского лагеря пешком конвоировали небольшими группами по льду озера Селигер. Они двигались от острова Столбный, где находился лагерь, в местечко Тупик, теперь оно называется Сплавучасток. Там пленных грузили в тюремные вагоны и отправляли поездом в город Калинин. Отправка пленных из Осташковского лагеря началась 5 апреля 1940 года и закончилась в мае 1940 года. Когда по льду передвижение стало невозможным, пленных перевозили на катере, последний рейс был, скорее всего, 19 мая 1940 года.

Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21857 поляков, из них в Катынском лесу (Смоленская область) – 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова – 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) – 6311 человек, и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

* * *

23 июня 1994 года было издано распоряжение Правительства Российской Федерации по утверждению состава Координационного комитета по осуществлению мероприятий, связанных с захоронением и увековечением памяти жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область). На Координационный комитет были возложены функции уполномоченного органа, ответственного за координацию деятельности по выполнению положений Соглашения от 22 февраля 1994 года между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о захоронениях и местах памяти жертв войны и репрессий. Председателем Координационного комитета был назначен заместитель министра культуры Российской Федерации В.И. Брагин, членом комитета от Тверской области до конца 1995 года – В.И. Подъячев.

С января 1996 года я стал членом комитета, а по распоряжению председателя Правительства РФ № 482-р от 29 марта 1999 года – заместителем председателя комитета. Председатели комитета менялись, после Брагина были Н.Л. Дементьева, В.К. Егоров и М.Е. Швыдкой.

19 октября 1996 года Правительство Российской Федерации приняло Постановление «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)».

Правительство нашей страны приняло предложение Польши, поддержанное нашим Координационным комитетом, об образовании на территориях мемориальных комплексов польских воинских кладбищ в границах, определенных российско-польским протоколом от 26 марта 1995 года.

Министерству культуры Российской Федерации было поручено организовать в течение 1996–1997 годов проведение всероссийского конкурса проектов мемориальных комплексов.

С целью исполнения Постановления Правительства Российской Федерации от 19.10.96 г. № 1247 постановлением губернатора Тверской области В.И. Платова 14 мая 1997 года был создан областной координационный комитет, его председателем губернатор назначил меня, и утверждены мероприятия на 1997 год.

Выполняя эти мероприятия, комитет разработал положение о Государственном мемориальном комплексе (ГМК) «Медное», положение о

дирекции комплекса, представил предложения о составе дирекции и кандидатуре на должность директора ГМК «Медное» Бориса Николаевича Ещенко, который работал главой Медновского сельского округа. По приказу министра культуры РФ с декабря 1997 года Б.Н. Ещенко приступил к исполнению своих обязанностей.

Необходимо было установить точное количество жертв репрессий тоталитарных режимов. Были установлены точные границы комплекса и польского кладбища, составлена смета расходов. Будучи председателем областного координационного комитета по увековечению жертв тоталитарных режимов, я принимал активное участие в конкурсах на лучший проект мемориального комплекса в Медном Тверской области и Катыни Смоленской области, проведенных в 1997–1998 годах.

К декабрю 1997 года на заседании координационного комитета по увековечению памяти жертв тоталитарных режимов при Правительстве РФ была утверждена концепция создания мемориальных комплексов в Катыни и Медном. Концепция была предложена председателем комитета В.И. Брагиным 12 ноября 1997 года.

Было определено, что в Катыни и Медном будут созданы совместные российско-польские мемориальные комплексы, которые могут стать местом памяти жертв репрессий тоталитарных режимов, местом повиновения за действия в период тоталитарного режима, но, ни в коем случае, не ареной политического состязания.

В 1997 году был утвержден проект польского кладбища, в 1998 году – проект его российской части. В том же 1998 году был проведен конкурс среди строительных организаций, его выиграло предприятие ОАО «Тверское КПД», генеральный директор Евгений Александрович Воротников. Польские строители начали работу в апреле 1999 года, наши строители первый этап работы провели в период с 1 апреля по 23 мая 2000 года, как всегда, штурмом.

Протоколы заседаний рабочей группы областного координационного комитета, переименованного постановлением губернатора от 17 июня 1997 года в областную комиссию по увековечению памяти жертв тоталитарных репрессий, за I полугодие 2000 года напоминают по жесткости и конкретности поручения по «боевой» операции.

Задержка по началу строительства ГМК «Медное», решению проблем по землеотводу и лесам была связана с выборами губернатора. Я, будучи председателем областной комиссии, был уволен с должности заместителя губернатора и не работал с 1 по 22 февраля 2000 года.

На третий день после своего восстановления в должности, 25 февраля, я провел заседание областной комиссии, чтобы оперативно решить возникшие к тому времени проблемы.

Комиссия обратилась с письмом к заместителю председателя Правительства РФ В.И. Матвиенко и министру экономики А.Г. Шаповальянцу об оказании содействия по проведению экспертизы технико-экономического обоснования строительства ГМК «Медное». 7 марта 2000 года министр экономики А.Г. Шаповальянц издал приказ о проведении экспертизы в месячный срок.

Наша комиссия обратилась с письмом к генеральному директору Российского дорожного агентства В.Г. Артюхову по выделению средств на строительство подъездной дороги и автостоянки. Надо отдать должное В.Г. Артюхову, благодаря ему, не только были построены дорога и автостоянка, но и отремонтировано около 20 километров дороги, проходящей через село Медное от трассы Москва–Санкт-Петербург.

Комиссия обратилась к заместителю министра финансов РФ А.А. Кудрину и заместителю министра экономики РФ А.А. Шаронову по авансированию строительства. Нужно отметить, что уже к 16 марта аванс в сумме 700 тысяч рублей на первоочередные работы поступил в область.

Директору ГМК «Медное» Б.Н. Ещенко и генеральному директору ОАО «Тверское КПД» Е.А. Воротникову было поручено завершить работы по строительству ГМК «Медное» к 5 июня 2000 года.

Надо сказать, что первая очередь – мемориальная аллея, дорожки к могилам, ограждение кладбища и могил, освещение – была выполнена не к 05.06.2000 г., а к 23 мая 2000 года, за 1,5 месяца.

18 апреля 2000 года вышло постановление губернатора Тверской области № 163 об издании «Книги Памяти жертв репрессий тоталитарных режимов». Постановлением был образован редакционный совет под моим председательством, а также редколлегия, выделена часть средств на издание книги. Нужно отметить, что основные расходы по изданию Книги Памяти взяла на себя дирекция ГМК «Медное». Было решено издать I том Книги Памяти в срок до 1 июля 2000 года.

На заседании комиссии 16 марта 2000 года было поручено приступить с 20 марта 2000 года к выполнению подготовительных работ по строительству мемориала.

24 марта 2000 года комиссия приняла к сведению сообщение Б.Н. Ещенко и Е.А. Воротникова о начале производства первооче-

редных работ, решались вопросы по ускорению землеотвода для строительства ГМК «Медное», для чего было направлено письмо заместителю председателя Правительства РФ В.Н. Щербаку.

Шел поиск денег на ремонт памятного знака, установленного на территории российского кладбища в 1995 году и пришедшего в полную негодность из-за некачественного кирпича. Воистину скупой платит дважды.

На заседании комиссии в апреле было решено закончить строительство ГМК «Медное» к 1 июня 2000 года. Решался вопрос перевода 2,3 га лесных угодий в нелесные для строительства там сервисного блока. Хотя строительство фактически было начато, но решение Правительства РФ о переводе угодий в нелесные было, к сожалению, принято лишь 21 ноября 2000 года. Поэтому директору ГМК «Медное» Б.Н. Ещенко пришлось пройти судебные инстанции за незаконную порубку леса. В России всегда было, есть и будет, что инициатива наказуема.

На том же заседании в апреле 2000 года решался вопрос о ремонте дороги, проходящей от шоссе Москва – Санкт-Петербург до места захоронения через село Медное. Было решено принять необходимые меры по ее ремонту в срок до 1 июня 2000 года.

Был также утвержден представленный редколлегией график выпуска I тома Книги Памяти, чтобы выпустить ее к 1 июня 2000 года. Копия этого протокола заседания комиссии была направлена для информации заместителю Председателя Правительства РФ В.И. Матвиенко.

24 мая 2000 года заседание комиссии прошло на территории мемориала. Члены комиссии убедились в том, что все первоочередные работы на российской части ГМК были проведены, в том числе: построена главная мемориальная аллея, облагорожены и обустроены две братские могилы, к ним построены пешеходные дорожки, отремонтирован памятный знак, вся территория мемориала ограждена, построены новая дорога и автостоянка. Интенсивно шли работы по ремонту дороги через село Медное.

Ответственным лицам было поручено к 10 июня 2000 года: подготовить выставку «Музей под открытым небом», установить 20 скамеек, дорожные и внутренние указатели, благоустроить территорию, покрасить дорожные ограждения.

На 7 июня была намечена презентация Книги Памяти жертв тоталитарных репрессий в Калининской области.

5 июня 2000 года на заседании комиссии была принята к сведению информация о полном завершении работ по строительству ГМК «Медное» и дороги к нему.

Было поручено Е.А. Воротникову приступить к строительству сервисного блока с 6 июня 2000 года. Задача выполнена, можно было переходить на нормальный ритм повседневной работы.

Ожидалось, что открытие польского кладбища, строительство которого проводили с апреля 1999 года по май 2000 года, состоится 10 июня 2000 года.

Открытие было перенесено на 2 сентября. В связи с этим, 10 августа было проведено заседание комиссии на территории ГМК с участием представителей министерств культуры и иностранных дел, а также представителей посольства Польши.

Последнее заседание комиссии перед открытием состоялось 30 августа 2000 года, где была утверждена программа торжественного открытия ГМК «Медное» 2 сентября 2000 года.

На открытие мемориала приехали 1080 польских граждан, среди них 450 родственников репрессированных, официальная делегация во главе с председателем Совета Министров Республики Польша Ежи Бузеком. В состав делегации входили: маршал Сейма РП Мачей Плажиньски, руководитель канцелярии президента РП министр Иоланта Шиманек-Дереш, посол Республики Польша в РФ Анджей Залуцки, министр Внутренних дел и Администрации РП, министр Национальной обороны РП, начальник генерального штаба, министр памяти и мученичества РП Анджей Пшевозник и другие официальные лица. Был принят двухчасовой телевизионный репортаж события на Польшу.

С российской стороны официальную делегацию возглавил министр Внутренних дел РФ В.Б. Рушайло. В нее входили первый заместитель министра культуры П.В. Хорошилов, представители Администрации Президента РФ и МИДа, а также официальная делегация от администрации Тверской области.

На открытии присутствовали 810 жителей Тверской области, в том числе 160 родственников репрессированных. Около пяти тысяч семей из Тверской области не знали до недавнего времени, где похоронены без вины убитые их отцы, деды, родственники, репрессированные советской властью. Мемориальный комплекс «Медное» посвящен увековечению памяти жертв репрессий тоталитарных режимов. Он стал

местом, куда могут прийти родственники расстрелянных граждан, вспомнить и помянуть их.

Было время на раздумья

Я теперь совсем не знаю,
как тут быть и что мне делать!
«Калевала», песнь 5, стр. 65

Работая в Законодательном Собрании Тверской области, потом заместителем губернатора, я всегда к своему начальству шел со спокойствием. Мог поспорить с ним, высказать нелицеприятные слова о принятых решениях. Руководитель чаще всего правильно воспринимал эту критику, но его окружение начинало плести интриги, что-то дополнять к этим словам, что-то придумывать.

Независимость моего поведения приводила к попаданию в немилость руководству, в 2001 году меня уволили по сокращению штата, хотя эту должность не сокращали. Сослуживцы начинали избегать меня, и относится с подозрением. Однажды на мой вопрос: «Что происходит?», мне ответили: «Сослуживцы Вас стесняются». Невидимая граница опалы отделила меня от всех других чиновников. Сократив меня, дали указание, в своей области на работу нигде не принимать. Надо было на что-то жить, денег не было. Жена и младшая дочь получали очень маленькие зарплаты. Зарплату одной едва хватало на выплату за квартиру. Летом еще можно было прожить на даче, где свои овощи, грибы, ягоды.

Мне обещали работу в страховой компании «Макс-М», филиал которой я помог открыть еще в 1999 году. Я уже стал работать там, обошел много предприятий, договорился о заключении договоров страхования. Мою трудовую книжку продержали месяц в Москве, затем вернули без каких-либо записей со словами, что не хотели бы видеть меня в их офисе. Я стал ходить по многим организациям, но там говорили, что есть указание от имени губернатора Платова, на работу меня не принимать. Получалось, что сама созданная среда выталкивала из своего круга более или менее честного, порядочного государственного служащего, которого не следует называть ставшим

порочным словом «чиновник». У нас часто бывает так, если все получилось хорошо, все чиновники – герои, они впереди, лезут ближе к начальнику, отталкивая друг друга. Если не получилось, пытаются свалить на другого человека, чтобы самому уйти от руководства с глаз долой, будто они и не причем.

Я несколько раз ездил в министерство социальной защиты, где ранее обещала мне помочь заместитель министра Г.Н. Карелова. Но я так и не смог добиться встречи с ней. В 2002 году стала вакантной должность начальника департамента занятости. В отделе кадров министерства социальной защиты мне сказали, что не подхожу по возрасту, так как мне уже 52 года. А через месяц взяли на эту должность пенсионерку, и возраст был не помехой. До этого она была представителем первого президента России Б.Н. Ельцина по нашей области.

У моей жены были накопления за семь лет от пенсии, полученной за выслугу лет, мы их проели за полгода.

Наступал день рождения Зинаиды Ивановны, а денег на подарок у меня не было. Она видела, как я мучаюсь, дала немного денег со своей мизерной пенсии и попросила купить ей астры. Я понимал, что астры – самые дешевые цветы, а она говорила, что любит их. В поисках этих цветов пешком обошел половину центральной части города, денег на троллейбус и автобус у меня не было. Позднее, когда я снова начал работать и покупал ей дорогие красивые букеты, Зинаида Ивановна говорила: «Зачем такие букеты, мне бы несколько астр или три белых хризантемы».

Я хорошо понимал, что так уж заведено в нашей жизни, когда человека травят, ему редко кто поможет, все ждут, а чем всё кончится? Я боялся провокаций со стороны правоохранительных органов. В этой ситуации все средства были хороши – оставленный в кабинете конверт с деньгами и заявление о взятке. Или подброшенные в квартиру или в одежду патроны или наркотики и заявление об этом.

Но правоохранительные органы оказались здесь выше этого. Хотя с некоторыми моими соратниками поступили именно так. В отношении меня лишь милиция и прокуратура проводили неоднократные проверки, – на какие средства издана одна из моих книг, почему я отказал в субсидии на жилье одному переселенцу? Хотя я не имел никакого отношения к этим субсидиям, так как их выдавала миграционная служба, проверки проводились неоднократно и позднее, когда это было кому-то нужно.

Схема действий политиков практически всегда одинакова. Сначала они опираются на свое окружение, приближают его, потом спокойно «перешагивают» через них и ищут себе другое окружение. Я проходил эти этапы при первом постсоветском губернаторе Платове, когда был его опорой и ближайшим помощником в 1996–1999 годах, потом было отторжение, начиная с 2000 года.

С 20 июля 2001 года по 9 декабря 2002 года я не занимался активной созидательной деятельностью. Последний раз провел совещание с заместителями глав городов и районов области в городе Ржеве 23 мая 2001 года. По непонятным до сих пор причинам губернатор уволил меня с должности его заместителя с 20 июля 2001 года, не встретившись и не побеседовав со мной. Я не согласился с этим увольнением и добился восстановления судом в должности с 23 ноября 2001 года.

Сразу же после увольнения в июле 2001 года наступил определенный провал. До этого работал по 12–14 часов в сутки, часто без выходных, а в выходные находили меня дома, на даче и решали какие-то вопросы, и вдруг никакой работы, никаких звонков и встреч – пустота, полная изоляция от общества.

Зато появилось время подумать, какое место занимаю в обществе, те ли ценности поддерживаю. За шесть лет работы заместителем губернатора ежедневно занимался текущими и перспективными проблемами. Уезжал из дома часто в 6–7 часов утра, приезжал в 9–10 часов вечера. Принимал по 40–50 человек в день, пытаясь помочь им.

И вдруг – ни работы, ни денег, ни счета в банке, ни машины. За пять месяцев, которые находился на бирже труда, никто из бывших сослуживцев ни разу не позвонил, не пожелал встретиться, тем более – помочь. И это при том, что многих из них принимал на работу я. Очень трудно пережить такой переход от напряженно-активной работы к бездеятельности.

Рядом были лишь жена и дочь, больше никого, две дочери жили в Конакове, в свои переживания старался их не посвящать. Отчаяние компенсировала работа над книгой «Карелы: от язычества к православию». Думал над своими ошибками. Главной из них считаю возведение в абсолют социальной направленности своего поведения. Обо мне как человеке не подумает никто, кроме меня. Никто не будет думать о моей семье, жене, детях. Очень бы не хотелось так рассуждать, но реальность именно такая. Значит, человек просто обязан позаботиться о семье и детях.

Второй ошибкой является излишняя доверчивость. Я полностью доверился губернатору как человеку, считал, что должен говорить в глаза об ошибках, если они допускаются. Не любить человека за прямоту – одно дело, а мстить ему за это – уже подлость. Тем более, оставлять бывшего соратника без каких-либо средств существования, запрещая руководителям организаций принимать его на работу.

Пришел к философскому выводу: у человека есть три момента – рождение, смерть и память о нем, остальное все суета. Вот поэтому настало определенное время сохранить память об историческом периоде жизни, в котором мы живем. Извините нас, потомки, за то, что натворили ошибок, просто время было такое: смена общественного и государственного устройства жизни, смена веков и тысячелетий.

Губернатор В.И. Платов решил не брать меня уже на свой второй срок. После того как в феврале 2000 года в Москве его убедили принять меня обратно своим заместителем, наши отношения резко изменились. Он ни разу не пригласил к себе на беседу и всячески избегал встреч со мною. Во время очень редких коротких совещаний повторял, что некоторые заместители не хотят от него уходить, несмотря на то, что он не желает с ними работать. Я понимал, что это относится, прежде всего, ко мне, но не подавал виду и на совещаниях не произнес ни слова.

У меня оставалась достаточно много незаконченных дел: дальнейшее проведение пенсионной реформы и реформы здравоохранения, строительство Государственного мемориального комплекса «Медное», исполнение конкретных дел по жалобам граждан в отношении мигрантов и родственников ребят, погибших в Чечне. Несмотря на то, что с февраля 2000 года у меня отобрали систему здравоохранения, оставалось более десятка разных комиссий и множество проблем. Но они решили меня изжить из администрации области.

Их метод стар и прост – полная изоляция. Этот метод активно применялся в тридцатых и начале пятидесятых годов XX века. Человек должен был почувствовать себя в пустоте, изменялась атмосфера в учреждении: переставали звонить руководители районов и организаций, не стали заходить коллеги по работе. Меньше стали направлять писем и телеграмм. Это не было случайностью, чья-то рука целенаправленно вела работу по изгнанию.

В мае 2001 года я узнал о своем сокращении, написал заявление в прокуратуру области, получил отрицательный ответ. Стал искать воз-

можность встречи с губернатором, но он категорически отказывался от них. 18 июля 2001 года утром я поехал в санаторий «Карачарово», где он отдыхал, активно пытался пройти к нему, но некий Иванов, отстранивший охрану Платова, меня к нему не пропустил.

Вернулся на работу, в 13 часов на экстренное совещание всех заместителей вызвал вице-губернатор Ю.М. Краснов. Тогда он и заявил о моем увольнении. Я возражал, говорил, что губернатор в отпуске, на отдыхе, а только он один может меня уволить. Стал требовать постановление, но его мне не дали. Краснов утверждал, что это решение губернатора. Я тогда заявил дословно: «Эта ваша так называемая реорганизация боком обойдется для вас этой осенью или следующей весной». Заместитель губернатора Затван сказал, что надо заканчивать совещание, и все разошлись.

Никто тогда не знал, что действительно 22 мая 2002 года губернатор уволит вице-губернатора Ю.М. Краснова, заместителей Затвана, Румянцева и Полякова, так что слова эти мои оказались пророческими.

В суде я четыре месяца в числе других аргументов доказывал, что уволили меня Краснов и Данилов, Платов тогда был в отпуске. После восстановления в должности по решению суда я в феврале 2002 года увидел в своем деле два «липовых» документа, что 17 июля 2001 года губернатор Платов на один день вышел из отпуска, уволил меня, а 18 июля снова ушел в отпуск.

После того как суд восстановил меня в должности заместителя губернатора Тверской области, началась травля. Руководитель аппарата губернатора Данилов сказал: «Вы будете за штатом, Вы теперь никто». Судьбу бывшего прокурора решал человек, полгода проведший на нарах в следственном изоляторе. Это «никто» стало тиражироваться в телефонных разговорах, при встречах с главами и другими руководителями районов. Я слышал в Лихославле, Конакове, Бежецке, Сонкове, Спирове от друзей и знакомых: «У нас теперь говорят, что Головкин – никто».

От отчаяния в 2001 году решил попробовать свои силы на выборах в Законодательное Собрание по Лихославльскому и Спировскому районам. Параллельно шел судебный процесс по восстановлению в должности. Выиграв процесс 23 ноября 2001 года, решил поездить по сельским округам с агитацией.

Против меня был брошен сильнейший «административный ресурс». Заместитель губернатора заявляла главным врачам, директорам

школ, главам сельских округов, что будут уволены, если окажут мне помощь или я пройду по их округам. Другой заместитель стал уговаривать директора предприятия художественных промыслов Лихославля идти на выборы вопреки мне, чтобы притянуть к себе голоса карел. Директор предприятия стала заваливать школы, больницы, пенсионеров своими горшками, плошками и мисками. Одновременно они вместе с заместителем губернатора Ю.Ю. Даниловым уговорили идти в депутаты бывшего руководителя медицинского фонда Мирошкина, предварительно уволив его с должности.

Заместитель губернатора Затван выступил по радио в поддержку кандидата Масалкина. На мое заявление об использовании административного ресурса не было никакой реакции ни из прокуратуры, ни из областной избирательной комиссии.

Я держался, но не выдержала жена. На нашу беду я попросил ее помочь мне в агитации, мы вдвоем поехали в Спировский район. Ночевали у Веры Константиновны Капитоновой, которая тогда была председателем районной автономии тверских карел на общественных началах и уволена из администрации района, где она ранее была заместителем главы района.

При встрече с главами сельских округов, которым мы ранее помогали чем могли, видели испуг в их глазах. Они прямо и откровенно заявляли, что не хотят быть уволенными с работы, о чем их предупредили, так как другой работы на селе нет. Так что никаких встреч с избирателями у меня на территории их сельсовета не должно быть.

Приехав домой вечером, жена слегла, к утру у нее лопнули сосуды в глазах, тяжело дышала. Вызванная «скорая помощь» с микроинсультом доставила ее в областную больницу, где она пролежала более месяца, почти до Нового года. Я прекратил всякую агитацию, постоянно был у ее постели – жена для меня дороже всех должностей и всех людей, вместе взятых. Она предлагала мне ездить в районы и агитировать за себя, но я отказался от дальнейшей борьбы.

Еще за три недели до выборов в городе Лихославле меня предупредили, что будет взброс бюллетеней в поддержку Масалкина. Мне не разрешали встречаться с коллективами. По указанию глав районов не разрешили встретиться с коллективом средней школы № 2 поселка Спирово, Калашниковской средней школы, фабрики «Русь» города Лихославля и другими. Я отказался от этой грязной нечестной борьбы и проиграл выборы.

17 декабря 2001 года я вышел на работу, мне дали небольшой кабинет, стол, стул и телефон. Но я оказался в полном вакууме. Никаких обязанностей заместителя губернатора не давали, переписки не было, рабочий стол чист. Со мной никто не хотел встречаться в коридорах власти, сразу же при виде меня забегали в первый попавшийся кабинет и пережидали, когда я пройду. Мне кто-то сказал, что опальный чиновник намного опаснее действующего.

В телевизионной программе «Пульс недели» областного телевидения от 21 декабря 2001 года активно обсуждали причины моего проигрыша на выборах в Законодательное Собрание. Во-первых, сильный административный ресурс, брошенный против меня. Серый кардинал губернатора Ю.Ю. Данилов сдержал свое слово, давление на глав районов и сельских округов было сильнейшим. Из администрации области предупреждали: там, где выиграет Головкин, на работу в понедельник не выходить.

Во-вторых, у меня было лишь желание идти на выборы, а денег на них вообще не было. На все выборы я потратил всего 1,5 тысячи рублей личных средств, при возможном избирательном фонде до 150 тысяч рублей.

26 декабря 2001 года исполнилось ровно шесть лет работы заместителем губернатора. Написал заявление об увольнении по собственному желанию, которое было удовлетворено. После моего увольнения по «собственному желанию» 27 декабря 2001 года начали следить, куда я буду трудоустраиваться, и мешать этому. Еще в начале июля 2001 года я договорился с заместителем министра труда и социального развития Российской Федерации Г.Н. Кареловой, что в трудную минуту она мне поможет. Однако в течение всего января 2002 года она меня так и не приняла. Мне не дали возможности работать в страховой компании «МАКС», продержав мою трудовую книжку более месяца, они так на работу никем и не устроили.

Меня поставили в резерв кадров Центрального федерального округа, но за год, ни разу не пригласили и не предложили, ни одного места работы.

От отчаяния написал письмо Президенту РФ В.В. Путину 18 апреля 2002 года, а 27 мая пришла отписка из Центрального федерального округа. В тот же день, 27 мая, написал письмо Платову, что в этот трудный для области период готов вернуться на должность заместителя губернатора.

Письменного ответа не было, хотя устно заявили, что губернатор больше заместителей брать не будет. Буквально через одну-две недели были приняты сначала Пантюшкин, потом Черников, а позднее Кузнечик, то есть три заместителя, опять обманули.

В такой ситуации я оказался второй раз. Первый был во время «шоковой терапии» в 1992 году, когда нужно было учить трех дочерей, а учительская зарплата моя и жены была мизерной. В тот год стал подрабатывать адвокатом. В этот раз сильно мешало «клеймо Платова». Те, кто выступал против Платова, считали, что я из платовской команды. Те, кто поддерживал Платова, предупреждали, чтобы не имели никаких дел с этим человеком, то есть со мной. Это не наш человек, говорили они.

Заместитель губернатора, занимавшийся социальными проблемами, восстанавливающий справедливость в отношении политических репрессированных советской властью, сам оказался социально незащищенным. Самым страшным явлением оказалась трусость, низость, лицемерие, лесть и прямое предательство тех, кого я сам непосредственно взял на работу. Никто – никто! – ни разу не позвонил, при встречах порою переходили дорогу, чтобы не разговаривать со мной.

Я много думал о том, что со мной произошло. Пришел к выводу, что надо изменить мыслительную свою деятельность с абсолютно-социальной на либерально-социальную. Во время работы постоянно думал о других, забывая о себе, когда другие чиновники делали себе бизнес.

Наверное, много добра порою приводит к проявлению зла, здесь нужна тоже мера. И очень осторожно надо относиться к такому большому «классу», как чиновничество, у которых страх и чувство самосохранения затмили все.

Хотя бизнес меня никогда не интересовал, дважды ситуация заставляла к нему прикоснуться, чтобы просто выжить. Первый раз это было в 1992 году, когда я стал оказывать юридические услуги. Второй раз это было 12 марта 2002 года, когда на очередном заседании Консультативного комитета финно-угорских народов в городе Саранске меня утвердили заместителем руководителя рабочей группы по экономическому сотрудничеству финно-угорских народов России. Руководителем группы стал депутат Государственной Думы Артур Мяки из Карелии. Шестого июня в городе Твери было зарегистриро-

вано некоммерческое партнерство «Международный Бизнес-Центр «Финно-Угрия», я стал его директором.

(Записано 13.12. 2002 года)

Встречи с А.П. Белоусовым

Мы встречаемся нечасто,
редко видимся друг с другом
на межах земли убогой.
«Калевала», песнь 1, стр. 17

С Александром Петровичем Белоусовым я познакомился в первых числах сентября 1964 года при не совсем обычных обстоятельствах. Мне было 15 лет, я только что поступил в Бежецкий машиностроительный техникум, утром шел на занятия. Время было раннее, народу почти не было. Завернул за угол городского сада в Бежецке и пошел уже по прямой тропинке к техникуму.

Вдруг сзади меня сильно ударили по голове. Я не упал, схватился за голову, сквозь пальцы проступила кровь. А в это время большой и сильный мальчишка гнал прочь от меня какого-то пацана. Отогнав от меня хулигана, спросил: «Больно? Давай отведу в медпункт кроватной фабрики». Медпункт оказался в двадцати метрах от случившегося. Пока шли туда, парень сказал, что его зовут Белоусовым Сашей, а меня обидел местный хулиган Щербаков, он по утрам так промышляет деньги.

Пока мне обработали рану, смазали ее йодом, Саша ждал в коридоре. Потом мы прошли к техникуму, он пригласил меня вечером в спортзал завода «ГАРО», что на берегу реки Остречины. Там они играют в волейбол с командой Бежецкого опытно-экспериментального завода. Так мы с ним познакомились, он учился на два курса старше, уже на третьем.

Мальчишеское знакомство было обычным: «Здорово – здорово!», «Привет – привет», «Как дела? – Хорошо!». Иногда при случайных встречах приглашал на тренировки или волейбольные матчи.

Мы жили некоторое время в общежитии техникума у старого кладбища вместе с его однокурсниками: Александром Морозовым из Максатихинского района и Володей Моляковым из Сонкова. Саша

Белоусов несколько раз приходил в нашу комнату, мы вместе готовили курсовые работы и разговаривали на разные темы.

Потом наши дороги разошлись надолго, на целых двадцать восемь лет. Будучи председателем комитета по законодательству Законодательного собрания Тверской области, в июне 1994 года я был направлен на заседание Тверской городской Думы.

Меня там посадили рядом с А.П. Белоусовым, мы встретились взглядами, улыбнулись. Я сказал тихо: «БМТ», он ответил: «БМТ», пожали под столом друг другу руки, и с тех пор стали периодически встречаться. Он несколько раз приходил ко мне в кабинет, когда я работал заместителем губернатора. Решались вопросы о помощи ветеранам, выплаты пенсий, об открытии детского городского приюта и другие. В 1999 году мне несколько раз предлагали написать статьи в пику А.П. Белоусову, я резко и категорично отказался. Сказал, что он для меня больше, чем глава города. Очень часто встречались на торжествах, говорили о жизни.

До сих пор сожалею, что по каким-то причинам не смог ехать на его пятидесятилетие 20 июля 1997 года в его родную деревню Осташиха, он очень приглашал. Скорее всего, в тот день губернатор меня направил по служебным делам в какой-то район.

Хороший разговор с А.П. Белоусовым у нас состоялся в Максатихе летом 1999 года, в день района. Мы говорили о себе, наших семьях, о матерях. Он в тот день пытался выкроить больше времени, чтобы побывать у матери, которая тогда жила в Максатихе, он ее перевез из деревни Осташиха.

Осенью 2000 года мы с ним несколько раз встречались в связи с поездкой на III Всемирный конгресс финно-угорских народов в Хельсинки. Я уговорил его ехать наблюдателем на этот конгресс, Александр Петрович согласился. Я почувствовал, что во время конгресса он отошел от дел и мыслей, оттаял и немного отдохнул душой. Единственное, о чем я попросил его – выступить в последний день конгресса по вопросу экономического сотрудничества финно-угорских стран и регионов России. Его выступление, как и выступления руководителей стран и регионов, транслировалось в прямом эфире с синхронным переводом. Когда мы вернулись, мне было несколько звонков из Москвы и областного Гостелерадио с вопросом, где выступал А.П. Белоусов 13 декабря 2000 года.

Когда я уволился с должности заместителя губернатора в декабре 2001 года, долгое время не ходил к А.П. Белоусову, думал, что найду

работу без него. 25 марта 2002 года я пошел к нему советоваться о создании Международного бизнес-центра «Финно-Угрия». Он поддержал меня, и началась работа по регистрации центра.

В мае-июне 2002 года было достаточно много встреч с А.П. Белоусовым. Он предлагал мне должность главы Московского района города Твери, я категорически отказался.

20 сентября 2002 года встретились во время визита итальянской делегации из провинции Бергамо. Александр Петрович попросил меня когда-нибудь зайти к нему. Но после этого разговора мы с женой ездили на свадьбу в Череповец, я сказал ей, что приглашает Александр Петрович. Она ответила, что надо обязательно идти. Встреча состоялась 23 октября, Александр Петрович предложил мне создать на базе отдела по международным связям управление внешних связей и туризма и возглавить его. Я согласился и отнес письменное заявление. С 9 декабря того же, 2002 года глава города А.П. Белоусов назначил меня начальником управления внешних связей и туризма администрации города Твери.

Работа в администрации города Твери

Чтоб незло светило солнце,
чтоб незло луна блестела,
чтоб незло шумели ветры,
чтоб незло дожди дождили.
«Калевала», песнь 44, стр. 490

Придя на работу 9 декабря 2002 года, я убедился, что ситуация здесь непростая. Единой команды в администрации города не было, профессионалов не так много, приближенные мэра пытались внушать ему необходимость дальнейшего жесткого противостояния с губернатором В.И. Платовым, каких-либо шагов для примирения никем не предлагалось.

Некоторые решения мэра, в том числе и о создании полноценного управления по внешним связям и туризму, его заместителями попросту саботировались. Одной из основных задач нашего управления был постепенный переход от культурных связей с городами-побратимами на внешнеэкономические связи. Было обращено внимание

на развитие въездного туризма. Около девяти месяцев я отработал начальником управления внешних связей и туризма администрации города Твери. К тому времени администрацией города было сделано вполне достаточно наработок в международных отношениях с городами-побратимами.

21 января 2003 года я провел первое заседание рабочей группы по формированию туристской индустрии города Твери. Рассмотрели имеющуюся туристскую базу. К тому времени иностранные гости пользовались услугами четырех гостиниц города – «Оснабрюк», «Турист», «Мотель-Тверь» и «Волга», ремонтировались еще две гостиницы – «Селигер» и «Юность». Проблемы размещения туристов в городе не было.

Из кафе пользовались популярностью у иностранцев «Надежда», «Ермак», «Фортуна», одновременно благоустраивались другие кафе. Но тогда не работали рестораны «Россия», «Якорь», «Глобус», «Русь», проблема с питанием туристов была. Туристских фирм было около 40, но никто из них не хотел работать по въездному туризму, все они работали на выезд. На заседании рабочей группы специалисты говорили, что в городе мало мест, которые можно показывать туристам. Путевой императорский дворец длительное время находился на ремонте, тверской кремль был разрушен, набережная Степана Разина в упадке. Оставался лишь памятник Афанасию Никитину.

Уже к первому заседанию рабочей группы по развитию туризма я съездил в Москву и провел переговоры с атташе по туризму ряда стран: Польши, Финляндии, Венгрии, Мальты и Израиля. Все они изъявили желание работать с туристской индустрией своих стран по направлению туристов в город Тверь и Тверскую область. Также заявили о сотрудничестве представители Италии и Германии.

9 февраля в программе «Семь дней» телестанции «Пилот» я выступил в поддержку Александра Петровича. 10 февраля, после проведенного им совещания, я подошел к А.П. Белоусову договориться о встрече, он поблагодарил за поддержку по телевидению. Договорились встретиться в субботу 15 февраля в 11 часов дня. Эта могла быть самой определяющей нашей встречей, поэтому хотел бы на ней остановиться подробно.

В начале разговора Александр Петрович еще раз поблагодарил меня за поддержку, и мы с ним прошли в зал. Говорили около полутора часов о ситуации в городе, области и перспективах. Договорились, что

он решится идти на выборы губернатора области, заявит об этом в мае-июне. А пока будет работать в Москве с лидерами партий и движений. Я должен работать с представителями СМИ, главами районов, руководителями предприятий, социальными структурами.

Он сказал, что в любом случае работает главой города последний год. Если не выиграет на губернаторских выборах, то постарается пройти по спискам «Единой России» в Государственную Думу. Во всяком случае, весной 2004 года не исключены выборы главы города. Надо уже сейчас думать, кого готовить. Потом он сказал: «Я, скорее всего, буду предлагать твою кандидатуру на выборы главы города, и буду помогать тебе. Но сначала надо сделать первый шаг, а потом сделаем второй». На этом наша длительная встреча закончилась. После этого мы еще встречались несколько раз, согласовывали свои действия.

15 февраля 2003 года во время полуторачасовой беседы мы практически обсудили с Белоусовым план последовательных действий по подготовке к губернаторским выборам. Каждый ответственно выполнял то, что наметили.

Накоротке встречались раз в неделю, обговаривали дальнейшие шаги. Все шло так, как задумали, я работал с главами районов, руководителями крупных предприятий, общественных организаций. Александр Петрович достаточно много времени находился в Москве, проводя согласования. Даже в последний день своей жизни у него было много полезных и перспективных встреч в Москве. Ему была многими обещана поддержка на губернаторских выборах. Но, увы! Никто не ожидал, что этот сильный, добрый, мужественный человек рухнет в одночасье, не выдержит его сердце не открытой борьбы, а закулисных интриг и организованной травли.

Следующее заседание рабочей группы по развитию туризма в городе Твери я провел 4 марта 2003 года. К тому времени семь туристских фирм города изъявили желание работать по въездному и внутреннему туризму, чтобы меньше денег вывозилось из города. Дали согласие на продажу сувенирной продукции ряд магазинов. Мы тогда приступили к подготовке программы развития туризма в городе Твери.

Но в связи с предупреждением нового главы города Олега Лебедева о моем увольнении, я с июля 2003 года прекратил всю работу по подготовке программы развития туризма, и все материалы сдал в свой личный фонд Государственного архива Тверской области.

10 июня 2003 года я провел заседание «круглого стола» со специалистами, преподавателями и студентами ТвГУ по проблемам внешнеэкономического и международного сотрудничества города Твери с городами-побратимами и странами Евросоюза. В своем выступлении остановился на основных, по моему мнению, проблемах нашей страны.

Во-первых, что бы ни обсуждали в прессе, что бы ни говорили некоторые политики, Россия никогда не вступит в Евросоюз, так как наша большая страна охватывает часть Европы и часть Азии. Ни в коем случае нельзя раскалывать Россию на европейскую и азиатскую части, как это предлагали сделать некоторые политики в 90-е годы XX века. Они уже делали попытки создания Уральской республики, Сибирской республики, Дальневосточной республики. Россия в дальнейшем должна работать на основе двусторонних и многосторонних соглашений, как с Евросоюзом, так и азиатскими союзами.

Во-вторых, если Россия и вступит во Всемирную торговую организацию (ВТО), то это будет значительно позднее. Наша страна по техническому вооружению, по качеству продукции, по уровню жизни, по коррумпированности общества не готова к вступлению в ВТО. Мы не готовы на экспансию зарубежных товаров и на все условия ВТО ответить качественной, конкурентоспособной продукцией.

В-третьих, при взаимоотношениях России с Евросоюзом нужно учитывать мощную третью силу – США. В 2002 году Америка являлась для России третьим по важности поставщиком продукции после Германии и Украины. Она опережала тогда по поставкам продукции в нашу страну Китай, Италию и Францию. Германия в 2002 году поставила нам продукции на 6,1 биллиона долларов, Украина – на 2,8 биллиона долларов, США – на 2,3 биллиона долларов. В этом направлении задача внешнеполитической деятельности, на мой взгляд, сделать все возможное, чтобы Россия стала третьей регулирующей силой в отношениях между США и Евросоюзом.

Нужно отметить активное участие в работе «круглого стола» студентов ТвГУ. По итогам его работы они дали согласие пройти практику в нашем управлении и подготовить ряд проектов по развитию туризма в городе Твери и укрепления международных связей.

Впервые, в мае-июне 2003 года, тверские деловые круги представили Россию на ежегодной международной выставке-ярмарке в городе Безансоне (Франция). В числе участников были представители

ЗАО «Волжский пекарь», «Тверские узоры», ОАО «Торжокские золотошвеи», Кашинского водочного завода «Вереск» и другие.

Мы активно продолжали работать в международных ассоциациях – Союзе городов, Конгрессе муниципальных образований, Международной ассоциации «Породненные города». Мы приступили к составлению сборника инвестиционных проектов по городу Твери, начали готовить программу по развитию туризма. Но из-за смерти А.П. Белоусова сделать этого не удалось, так как в скором времени наше управление было ликвидировано.

Травля А.П. Белоусова

В Калевале ночь настала,
тьма пришла не только в избы.
«Калевала», песнь 47, стр. 526

Травля А.П. Белоусова началась в 1999 году и продолжалась около четырех лет, до самой его смерти. За последние три месяца его жизни тверские газеты напечатали более 30 пасквилей на него. К ним надо добавить периодические телепередачи, в том числе и заказные «карауловские».

Даже пришлось вмешаться Генеральной прокуратуре РФ, которая писала: «Автору и ведущему программы «Момент истины» А.В. Караулову. Уважаемый Андрей Викторович! В Генеральной прокуратуре посмотрели передачу, вышедшую в эфир 16 февраля сего (2003) года, проанализировали и провели проверку по тем сюжетам, которые имеют отношение к деятельности прокуратуры…

Прокуратурой Тверской области было возбуждено и расследовано уголовное дело, инициированное самим главой городской администрации А.П. Белоусовым, который счел клеветой и наветом то, как интерпретировалось содержание его разговора с предпринимателем А. Кудряшовым. В ходе следствия выяснилось, что ни о каких взятках в разговоре речи не было. Ваша передача невольно пошла на поводу тех, кто был заинтересован в дискредитации тверского руководства…

Е.Л. Самолина, старший прокурор управления информации и общественных связей Генеральной прокуратуры РФ» [21].

Этот ответ Генеральной прокуратуры А.П. Белоусов в своем последнем интервью от 8 апреля 2003 года на телеканале «Пилот» прокомментировал следующим образом: «Я неоднократно говорил, что точка в этом деле должна быть поставлена, но, тем не менее, средства массовой информации уже два месяца муссируют эту тему».

Тверские СМИ писали тогда не только на тему взяток, которых не существовало, но и на другие темы. Для примера приведу несколько выдержек из местных газет: «Городом руководят на редкость бездарные управленцы, которые словно специально делают все городу в убыток. Город передает и передает за копейки все, чем мог бы распоряжаться с умом, а когда все станет частным, глава города может сказать: я свои функции выполнил, все, что я мог поиметь, я поимел». (*Валерий Павлов, газета «Тверская жизнь» за 29.01.2003 г.*)

«О существовании кассеты, показанной по телевидению Андреем Карауловым, было известно еще два года назад. Эта пленка попала в мой избирательный штаб, была показана по ТВ-6, а это канал Игоря Ялышева. Прокуратура занималась этим делом в течение двух лет, после чего я получил ответ, что дело закрыто из-за отсутствия состава преступления». (*Валерий Павлов, консультант губернатора, газета «Красная неделя», 27.03.2003 г.*)

«Тверь находится на пороге поколенческой революции, о неизбежности которой мы говорили не единожды. Бездарное время белоусовщины заканчивается». (*Г. Климов, газета «МК-Тверь», 12.03.2003 г.*)

«Вся беда города в самом Белоусове. Великий приспособленец, он, как рыба в воде, плавал в смутные времена позднего Брежнева, Горбачева, Ельцина… Политический ресурс нашего улыбчивого мэра иссяк. Остался только один выход – отлучить его от власти. И сделать это необходимо как можно скорее – иначе беды для горожан от его правления будут неисчислимыми». (*Г. Климов, газета «МК-Тверь», 19.03.2003 г.*)

«С Александром Петровичем Белоусовым произошел небольшой конфуз. Его забыли выбрать в президиум… Обидеться-то он, конечно, обиделся. Но, может, даже и испугался слегка: что же это однопартийцы «сдают», бросают с партийного крыльца на растерзание разгневанных горожан? Зря испугался, «пока не бросают». (*Аксана Романюк, газета «Тверская жизнь», 18.03.2003 г.*)

И так почти каждый день или через день один негатив в отношении А.П. Белоусова. Подвел первые итоги этой травли губернатор области

В.И. Платов: «Я думаю, что Александр Петрович скоро получит, что он заслужил за свою деятельность. Ну, здесь правоохранительное расследование. Мы здесь не будем вмешиваться». (*ГТРК «Тверь», программа «Час губернатора», 29.03.2003 г.*)

Эти нападки на А.П. Белоусова напоминали хорошо организованную кампанию травли, в которой принимали активное участие как политики, их «ораторы за государственную плату», так и журналисты. Отвечать им пришлось перед собственной совестью и тысячами жителей города, которые пришли проводить в последний путь своего главу.

9 апреля 2003 года А.П. Белоусов встречался с лидером партии «Единая Россия» Б. Грызловым. Решался вопрос об участии А.П. Белоусова в выборах губернатора области в 2003 году. В Тверь он вернулся к вечеру, был приглашен на чествование нового начальника УВД А.А. Куликова. Успел произнести тост, упал, сердце его остановилось. Клевета и травля оказались страшнее пули, его совестливое сердце не было от них защищено.

На траурном митинге 12 апреля 2003 года было сказано много добрых слов об Александре Петровиче, которых он не слышал при своей жизни.

О.Н. Сысуев, президент Конгресса муниципальных образований РФ: «Мэры – все люди разные, самодостаточные, крупные руководители, политики. Александр Петрович выделялся среди нас тем, что не был похож на чиновника. Он был обычным человеком, человеком широкой души. Я много раз замечал, что, если плохо, лучшего собеседника, чем Александр Белоусов, не найти. Его улыбка одобряла, успокаивала, давала надежду».

Н.А. Ляшенко, глава города Буденновска: «Я знаю Александра Петровича как человека исключительно порядочного, честного, открытого. Мы, мэры городов, считаем, что Александр Петрович пал на поле битвы за новое, происходящее в стране. Я призываю руководителей Конгресса муниципальных образований России, мэров городов сделать обращение к Президенту РФ, потому что противостояние в регионах между мэрами и руководителями областей на территории России не должно продолжаться. Мы вместе призваны делать одно дело, чтобы наша Россия цвела и развивалась».

В.С. Опекунов, депутат Государственной Думы: «К сожалению, жизнь Александра Петровича, яркая, очень результативная, была ему и наказанием. Он был человеком очень добрым, очень доверчивым и

всегда находил согласие с теми, с кем порой найти его невозможно. Он шел на компромиссы с теми, кто впоследствии мог обмануть или поставить в более жесткие условия. Волна гонений настигла Александра Петровича. Этот молодой, сильный, работоспособный человек, как на скаку, падает и умирает. Очень жаль, что мы, люди, рядом с ним находящиеся, которые должны были подставить ему плечо в трудный момент, лишь равнодушно наблюдали со стороны, что происходит, когда надо было помочь выдержать удары судьбы. Думаю, что сегодня все мы должны понять, что лучшей памятью об Александре Петровиче будет не допустить, чтобы те силы, которые привели к сегодняшнему моменту, получили в области и городе полную власть. Очень важно, чтобы команда, которую оставил Александр Петрович, совместно с жителями города стала силой, поставившей заслон, преграду тому, против чего боролся Белоусов».

А.Д. Дементьев, поэт, почетный гражданин города Твери: «Наша любимая Тверь осиротела. Ах, если бы эти добрые слова были сказаны при жизни! Когда было так трудно ему, хозяину нашего города, который, как и вся страна, переживает тяжелые времена. И он был настолько незащищен, настолько раним и настолько скромен. Он никогда не жаловался, никогда ни о чем никого не просил. Он только слушал просьбы многих-многих людей и старался их выполнить. Он был чистый человек. Знаю, что в последнее время на Александра Петровича были «накаты» несправедливые, грязные и жестокие, и знаю, что он переживал. Надо бы собираться тогда, когда надо отстоять свою позицию, как отстаивал ее Александр Петрович. Он жил в таком ритме, в котором человеку жить невозможно, он себя не жалел. Простите нас, Александр Петрович, мы все виноваты, что это случилось».

Сразу же после известия о смерти А.П. Белоусова в администрацию города Твери стали приходить многочисленные телеграммы с соболезнованиями. Приведу некоторые выдержки из них.

«А.П. Белоусов был настоящим патриотом нашей Родины, его жизнь и деятельность – достойный пример выполнения гражданского долга» (*М.С. Горбачев, экс-президент СССР*).

«Меня потрясло трагическое известие о потере нашего дорогого Александра Петровича Белоусова. Невозможно поверить в то, что мне не удастся больше прикоснуться к этому прекрасному человеку, ощутить его теплые объятия и большое сердце. Все годы, которые я имел счастье быть рядом с ним, всегда ощущал невероятную человечность,

доброту и братское тепло. Своей широкой душой он сделал дружбу между нашими двумя городами исключительной, а великотырновцев и тверичей – братьями. Такими бывают настоящие мужчины и великие политики. Глубокий поклон перед его светлой памятью» (*Доктор Румен Рашев, мэр общины Велико-Тырново*).

«Только что с прискорбием узнал, что мой дорогой друг Александр Белоусов, мэр города Твери, скоропостижно скончался. Для меня невероятно трудно принять такую потерю, разделяю боль с его семьей и гражданами города Твери. Я отправляю траурный венок как символ дружеских связей, существовавших столь длительное время между моей провинцией и лично многоуважаемым Александром Петровичем» (*Валерио Беттони, президент провинции Бергамо*).

«Известие о внезапной смерти главы города Твери Александра Белоусова ошеломило и опечалило Оснабрюк. Возникшие в начале 70-х годов дружеские контакты молодежи наших городов переросли в 1991 году в побратимские отношения, и всегда господин Александр Белоусов был одним из «моторов» развития сотрудничества между нашими городами. Он управлял судьбой вашего города в трудные времена политического перелома в стране…

Венцом наших многочисленных совместных проектов, без сомнения, стало завершение строительства второй очереди отеля «Оснабрюк» прошлым летом, которое было отмечено им как выдающийся пример интенсивного сотрудничества. Мы скорбим вместе с вами от этой утраты и с уважением сохраним память о главе города» (*Ханс-Юрген Фип, обер-бургомистр города Оснабрюка*) [22].

В ту траурную субботу 12 апреля 2003 года Александр Петрович Белоусов уже не видел полностью заполненную площадь перед городским драмтеатром людьми, пришедшими проститься с ним, и огромного количества цветов, которые принесли ему жители города Твери. На его похоронах губернатора Платова и представителей администрации области не было, совесть не позволила. (*Записано в ноябре 2003 года*).

Медновская трагедия

Дай нам, Бог, дозволь Создатель,
дай нам радоваться жизни,
дай всегда нам жить счастливо,
дай нам умереть достойно.
«Калевала», песнь 44, стр. 490

Все-таки добили, затравили, довели до смерти. 15 февраля 2003 года скоропостижно умер директор Государственного мемориального комплекса «Медное» Борис Николаевич Ещенко. Ему был всего 51 год, остались жена, два сына, внуки.

Более десяти лет он открывал страницу за страницей медновской трагедии. Его уважали родственники репрессированных, знали в Москве, Смоленске, Польше. Его не могли простить родственники тех, кто расстреливал безвинных людей в годы сталинских репрессий. Четыре года беспрерывных проверок, гражданские и уголовные дела. 18 декабря 2001 года прокурор Тверской области А. Аникин утвердил обвинительное заключение по уголовному делу № 147021. Б.Н. Ещенко обвиняли в том, что он заключил ряд договоров с польской фирмой «Будимэкс» на выполнение работ по строительству польского военного кладбища на сумму 1,8 миллиона рублей и приступил к выполнению строительно-монтажных работ. Эти действия директора ГМК «Медное» были оценены следствием, как незаконная предпринимательская деятельность, от которой получена прибыль 213 тысяч рублей.

Далее следователи вменили в вину Б.Н. Ещенко то, что он сумел сэкономить бюджетные деньги, и на них отремонтировал административное здание комплекса по минимальным затратам. Он оказался виновным в том, что использовал при ремонте здания годный материал старых построек бывших дач сотрудников КГБ, затратив на ремонт всего 39,5 тысячи рублей.

Дошли до того, что Ещенко оказался виноватым в получении от польской стороны 19 тысяч долларов, на которые он купил компьютеры и два из них передал польской стороне, остальные компьютеры остались в мемориальном комплексе. Если в переводе на рубли польская сторона передала мемориалу около 400 тысяч рублей, то передачу полякам купленных на их же деньги двух компьютеров на сумму около

60 тысяч рублей, следователи расценили как причинение вреда мемориалу и государству. О каком вреде может быть речь, когда прибыль составила 360 тысяч рублей? Следователи обвинили Б.Н. Ещенко по четырем статьям уголовного кодекса РФ. В феврале 2002 года Борис Николаевич Ещенко оказался на больничной койке, суд затягивался, 1 февраля суд не состоялся, перенесли на май, от волнений его сердце, в конце концов, не выдержало.

В мае 2002 года Ещенко арестовали, как опасного преступника. К тому времени поляки свое кладбище на территории мемориала «Медное» уже полностью построили, его открыли еще 2 сентября 2000 года. Наша сторона со строительством сильно затянула, я в то время был не у дел, уволенный губернатором Платовым, до декабря 2002 года. Никто другой из администрации области строительством российской части мемориала дальше не занимался, комплекс так и остался недостроенным.

Борис Николаевич неоднократно заявлял ходатайства о своем освобождении, но их суд отклонял. Мне пришлось очень резко выступить в газете «Вече Твери» за 18 января 2003 года в поддержку Б.Н. Ещенко. Через пять дней после статьи, 23 января, Бориса Николаевича освободили из-под стражи.

Во вторник, 4 февраля 2003 года, я позвонил ему домой, поздравил с освобождением и пригласил приехать, чтобы поговорить о его работе. Единственный разговор состоялся у нас с ним 6 февраля в моем кабинете начальника управления внешних связей и туризма администрации города Твери, в «Доме дружбы» на Советской улице. Ещенко рассказал, что содержался в камере с убийцами. Камера рассчитана на пятнадцать человек, но постоянно находилось пятьдесят-шестьдесят заключенных. Условия содержания были ужасные, на прогулку его выводили за девять месяцев всего пять раз, по пять минут.

Очень часто у него поднималось давление, чувствовал боли в сердце. В дни судебных процессов его увозили до завтрака, привозили после обеда, целый день он оставался голодным. Осужденные за все время его ни разу не обидели, называли «Борис Николаевич» или «пан директор». Он вел с ними себя достойно, всех называл только по имени-отчеству, ни разу не позволил кого-то назвать по кличке. Имея юридическое образование, помогал оформлять жалобы, ходатайства и заявления.

Мы поговорили о работе, он сказал, что и. о. директора мемориала «Медное» вообще не хочет принимать его на работу. Я посоветовал

найти домик, куда мы будем возить туристов на мемориал «Медное», музей певца С.Я. Лемешева и другие места, куда он скажет, а с ним какая-то фирма заключит временный агентский договор до окончательного решения суда. Я ему высказал свое мнение в том, что он отстранен от должности временно, после суда он приступит к выполнению своих обязанностей. Борис Николаевич сказал, что очередной суд 3 марта, договорились, что я приду на суд. Мы попили чаю, договорились, что через неделю-другую я приеду смотреть подобранный им дом.

Утренний звонок 16 февраля, сообщивший о смерти Б.Н. Ещенко, все перевернул.

(Записано 16.02.2003 года)

Я вспомнил, что незадолго до своей смерти председатель аттестационной комиссии исторического факультета ТвГУ Майя Макаровна Червякова пригласила меня к себе домой, чтобы обсудить тему возможной моей кандидатской диссертации. Речь шла о разных периодах жизни тверских карел. Неожиданно для меня она сказала: «Прошу Вас, не пишите по теме репрессий. Это чревато последствиями». Я не решился у нее спросить, какими именно последствиями, и жалею об этом. Больше мне встретиться с ней не пришлось.

Мы написали первый том Книги памяти жертв политических репрессий Калининской области в 2000 году. Началось что-то непонятное: в 2001 году заболел декан исторического факультета Вадим Александрович Смирнов, умер в феврале 2002 года. Завели уголовное дело на директора ГМК «Медное» Бориса Николаевича Ещенко, посадили его в изолятор временного содержания, освободили 23 января 2003 года. Умер 15 февраля 2003 года, о его смерти сообщили еще одному члену редколлегии Книги памяти, Цветкову Геннадию Петровичу, в понедельник, 17 февраля. По этой или другой причине Г.П. Цветков в тот же вечер попал с инфарктом в больницу, умер утром 23 февраля 2003 года.

Я не мог даже предположить и ожидать, что в начале XXI века в Тверской области основным методом репрессий станет отстранение от труда и связанное с этим бедное существование. Страх в глазах руководителей районов, сельсоветов, чиновников разного ранга был велик. Нужно было кардинально менять ситуацию, без помощи центральной власти это сделать практически было невозможно, так как во время второго срока своего правления губернатор области Платов фактически стал диктатором.

Это старый испытанный метод, когда некоторые руководители держат своих подчиненных в состоянии постоянного стресса, так легче ими управлять. Но это негодный метод, подавляющий любую инициативу, снимающий ответственность и отвергающий доверие к подчиненным.

(Записано 24.02.2003 года)

После моего увольнения стройка мемориала памяти «Медное» была заморожена и вряд ли когда-нибудь сервисный блок будет доведен до завершения. А к строительству памятного пандуса вообще не приступали.

Когда в июле 2001 года меня уволили с должности заместителя губернатора, я жил на своей даче в Конаково. Ко мне приезжал директор мемориала «Медное» Б.Н. Ещенко. Он рассказал о том, что к нему уже несколько раз приезжал заместитель начальника областного управления внутренних дел, уроженец Северного Кавказа.

От своего земляка, который работал заместителем Ещенко по строительству, тот узнал, что на территории мемориала стоят два деревянных дома – бывшие дачи КГБ. Заместитель начальника УВД просил Ещенко отдать ему эти два дома для постройки личной дачи. Ещенко ему ответил, что он из них будет строить музей жертв политических репрессий. Когда он три раза отказал в передаче домов заместителю начальника УВД, тот пригрозил, что он об этом пожалеет.

Сразу же начались проверки и ревизии, кто-то в сени его дома подкинул патроны от пистолета, которые нашли во время обыска. По этому факту дело не возбудили, но начали шантажировать Ещенко. Я при встрече предложил ему уволить заместителя по строительству и принять другого. 18 декабря 2001 года возбудили уголовное дело в отношении Ещенко и руководителей строительной фирмы. Ему вменили в вину, что использовал при ремонте административного здания комплекса годный материал старых построек бывших дач сотрудников КГБ, которые просил у него для своей дачи заместитель начальника УВД.

При встрече я сказал Ещенко, что так дело не оставлю, буду добиваться справедливости. Бориса Николаевича арестовали, но через восемь месяцев пребывания в следственном изоляторе освободили из-под стражи. Через три недели после освобождения Ещенко умер.

После его смерти дело продолжали еще долго рассматривать в суде, менялись судьи, вновь изучали дело. Мы встречались с руководителя-

ми строительной фирмы, которые также проходили по делу в качестве подсудимых. У меня на руках была копия обвинительного заключения, исходя из полученной информации, я на общественных началах консультировал строителей. В то время я не работал, занимался выборами в губернаторы Д.В. Зеленина.

После прекращения уголовного дела в суде по факту строительства некоторых объектов мемориала «Медное», я снова встретился с руководителями строительной фирмы. Предложил им заявить в прокуратуру на заместителя начальника УВД, по вине которого умер Борис Николаевич Ещенко. Они мне ответили, что не будут заявлять, его Бог наказал, он болен онкологическим заболеванием.

За месяц до своей смерти заместитель начальника УВД позвонил мне по каким-то вопросам по разрабатываемой программе общественной безопасности. В разговоре он попросил у меня прощения, сказав, что я знаю, за что он просит прощения. Я его простил.

В ночь Ивана Купалы перед выборами

По утрам вставай, светило,
каждый день всходи отныне,
здравие дари народу!
«Калевала», песнь 49, стр. 553

В конце мая 2003 года в «Дом дружбы» на улице Советской, где я работал начальником управления внешних связей и туризма администрации города, пришли более десяти уважаемых людей и предпринимателей. Обсуждали будущее администрации города Твери после смерти А.П. Белоусова. В ходе обсуждения мне было предложено идти на выборы главы администрации. Я сказал, что на эту тему у нас раньше был разговор с А.П. Белоусовым, поэтому я согласен идти, если они меня поддержат. Договорились, что о своем решении уважаемые люди мне сообщат. Но больше никто и никогда из них в «Доме дружбы» не появлялись.

В ночь с 5 на 6 июля 2003 года в поселке Максатиха прошел праздник Ивана Купалы. Его организовали эстонская община, автономия тверских карел и дом культуры поселка Максатиха. Мы выехали на автобусе из Твери в шесть часов вечера. Была прекрасная солнечная погода, температура воздуха 28 градусов.

Проехав реку Медведицу, оказались в Тверской Карелии, которая оттуда клином идет на 190 километров к северу через Рамешковский, Максатихинский, Лихославльский, Спировский, Молоковский, Сандовский и Весьегонский районы. Длина основания этого треугольника от Алешинского округа Рамешковского района до Козловского округа Спировского района – около 100 километров. Треугольник сужается, и в Чамеровском округе Весьегонского района ширина в его вершине около 25 километров.

Мы приехали в Максатиху вовремя, но от поселка Ривицкий нас сопровождал дождь, в поселок приехали с дождем. Ждали в автобусе около часа, встречающие местные артисты ожидали нас в другом автобусе. В половине десятого вечера нас встретили с хлебом-солью и рюмкой водки.

От площади железнодорожного вокзала пешком шли с полкилометра на берег реки Волчины. Место изумительное: быстрая река, песчаный берег, сосновый бор. На поляну пробрались через проложенные мостки, которые от дождя ушли в воду, шли по воде. Началась концертная программа. Выступали местные артисты в русских национальных нарядах, ансамбль «Зоряне» пел песни на карельском языке. Затем выступил семейный эстонский ансамбль, потом ансамбль «Родник» из Максатихи – участник и призер телепередачи «Эй, Семеновна!» по центральному телевидению.

Концерт длился около двух часов, в 23 часа 30 минут все действие переместилось на берег реки Волчины. Девушки стали пускать в воду венки с зажженными свечами. Венки плыли против течения реки, так как здесь у железнодорожного моста река имела водоворот. Один венок с зажженной свечой проплыл до моста около ста метров и не погас. Его подхватил прыгнувший с высокого моста в воду парень, поднялся снова на мост и передал одной из девушек. Но свеча тут же погасла – значит, не судьба.

А в это время стали зажигать костер. Костер был сложен из круглых бревнышек очень искусно. На два бревна в основании поперек был накатан целый ряд бревнышек диаметром в пятнадцать – двадцать сантиметров, затем поперек еще ряд и так далее. При этом, чем выше ряд, тем длина бревен была короче.

Окаймляли их вертикально поставленные бревна высотой около трех с половиной метров, образуя шатер. Трое парней подожгли их горящими факелами. Костер горел очень долго. Когда мы уходили через час, он горел полным шатром, не разрушаясь. Вокруг костра

водили хороводы, устраивали игры. Было весело, темно и таинственно от трех стихий: земли, воды и огня. Сначала никак не замечали мелкий накрапывающий дождь. Но из-за начавшегося дождя мы не выполнили два пункта своей программы: не прыгали через костер и не купались в Волчине.

Нас позвали к столу, там была сварена уха и каша двух сортов, не обошлось без водки. Готовил уху и каши наш земляк из Сонкова, бывший редактор районной газеты, Лев Николаевич Самуйлов, которого я не видел примерно двадцать один год. Тогда у него не сложились отношения со вторым секретарем райкома партии, и он переехал жить в Максатиху. В Максатихе он к тому времени имел кафе и другой малый бизнес.

Возвращаясь из Максатихи, некоторые лидеры Народной партии, прежде всего, Наталья Алябышева, примкнувшие к эстонской диаспоре для поездки на праздник, еще в автобусе призывали голосовать за Лебедева. На 6 июля были назначены выборы главы города Твери. Я громко сказал: «Вы что, ошалели все?» Жена попросила не продолжать этот разговор. Домой вернулись около четырех часов утра. Я завел будильник на восемь часов, чтобы послушать передачу «Тверская Карелия».

На выборы главы города пошло 18 кандидатов, народ был в растерянности. Нужно учесть, что выборы проходили в один тур и несколько голосов решали судьбу города на четыре года. Прежде всего, была борьба листовок и наглядной агитации. Через каждые один-два часа наклеивали листовки кандидата. Были обклеены все столбы – каждый пытался повесить агитку как можно выше, чтобы не сорвали. Листовки и баннеры заливали краской, размалевывали, затушевывали. Да, далеко нам до цивилизации, когда бы листовки наклеивали на определенных щитах и тумбах, при этом площадь была поделена честно на всех кандидатов. На свою агитационную площадь кандидат мог бы наклеить все, что хочет.

Во-вторых, вместо четких, конкретных программ вывода города из кризиса шла целенаправленная агитация против других кандидатов: «Увы, среди моих соперников нет ни одного человека, годного для той огромной ноши, на которую они претендуют. Эти люди не знают, как управлять городом». (*Кандидат С.А. Исаев, «Вече Твери» от 04.06.2003 года*).

«Ошибка москвичей и местных «единороссов» заключается в неудачном выборе кандидатуры. Ни по деловым, ни по моральным ка-

чествам Бабичев не может претендовать на пост главы города… Его победа была бы одним из самых безжалостных экспериментов над нашим городом. Бабичев твердит о борьбе с коррупцией, не объясняя правды происхождения своего огромного личного состояния.

Лебедев – думский говорун, рот закрыл – рабочее место убрано. Я не завидую жителям Твери, и самому себе в том числе, этой зимой, если в кресле мэра все же окажется Олег Лебедев. Город опять будет брошен в огонь политических войн, останется без средств к существованию». (*Кандидат С.А. Исаев, «Вече Твери» от 02.07.2003 года*).

«Не может быть мэром такой человек, как кандидат Бабичев, потому что честных людей в форме не награждают за службу Родине джипами по семьдесят тысяч долларов, и на заработную плату даже начальника таможни такого коттеджа-дворца, как у него, не построить.

Нельзя голосовать за кандидата Исаева потому, что он человек из прошлого, из уходящей администрации, и не может он в один день стать эффективным руководителем новой мэрии.

Нельзя отдавать свои голоса за кандидата Лебедева, который очень красиво говорит, великолепно руководит стриптиз-клубом и сауной, куда приличному человеку и зайти-то стыдно». (*Кандидат И.А. Глик, «Вече Твери» от 01.07.2003 года*).

В-третьих, по коммунистической традиции, навязывалось коллективное мнение, забывая, что выборы – это волеизъявление конкретного человека, его личное дело и личное мнение, которым он делиться не должен ни с кем. В поддержку С.А. Исаева выступили «целые коллективы» городских больниц и роддомов. Не являлись ли подобные коллективные мнения проявлением административного ресурса? Они граничили порою с нарушением закона.

Иначе как можно было понять обращение одного из заместителей главы администрации города Твери, призывавшего голосовать за кандидата Бабичева. Свое личное мнение действующий заместитель главы связал с администрацией города. Что это: болезнь роста муниципального чиновника, незнание им закона о муниципальной службе или прямое его нарушение?

С самого начала выборной кампании определились два лидера – Олег Лебедев и Сергей Исаев. Лебедев более двух лет активно критиковал главу города Белоусова, администрацию города, мелькал на телеэкранах, выступал по радио и в газетах. Его поддерживал действующий губернатор Платов. Исаев имел неплохой административный ресурс.

Всю выборную ситуацию испортили две партии – КПРФ и «Единая Россия». Городская партийная организация коммунистов выдвинула своим кандидатом Гришина.

Областная организация грубо вмешалась в дела города, выдвинула кандидатом на главу города Азарьева, а Гришина и руководителя городских коммунистов Калинина исключила из рядов КПРФ. Стабильный и дисциплинированный коммунистический электорат города в 20–22%, увидев и оценив ситуацию, отдал свои голоса не тому и не другому партийному кандидату, а Олегу Лебедеву.

Еще больше осложнила ситуацию с выборами «Единая Россия». Были выдвинуты самостоятельно четыре члена этой партии: Исаев, Борисов, Почтарев и Шамакин. Партия не придумала лучшего варианта, как поддержать кандидатуру никому тогда не известного начальника Тверской таможни Владимира Бабичева, который не являлся членом этой партии. Мало того, партия «Единая Россия» предложила своим членам снять кандидатуры в пользу ее сторонника Бабичева. Она пошла на дальнейшее усугубление ситуации, исключив из членов партии перед самыми выборами Исаева и Шамакина. Вместо 30% голосов, на которые рассчитывала партия получить в поддержку своего кандидата Бабичева, за него проголосовали 16%, за Исаева – 15%.

Другой причиной поражения всех партий на выборах главы города Твери стали личные амбиции кандидатов, которые оказались превыше интересов города. Зная результаты опросов общественного мнения, зная, что лидируют трое: Лебедев, Бабичев и Исаев, никто из пятнадцати остальных кандидатов так и не снял своей кандидатуры.

Ситуация с выборами главы города 2003 года повторила ситуацию с выборами губернатора в 1995 году: народ власть не любит, ее не уважает, власть обратной связи с народом не имеет. Побеждает протестный электорат, желающий улучшения реальной жизни, но выбирающий порою не лучшего кандидата руководителем города или области.

17 июля 2003 года я, будучи начальником управления внешних связей и туризма администрации города, вместе с предпринимателем Н.А. Панкратьевым выезжал на празднование 1100-летия Пскова. Этому событию была посвящена деловая встреча представителей городов-побратимов России и Финляндии. Пока мы находились в городе Пскове, 18 июля в Тверской областной филармонии вступал в должность избранный глава города О.С. Лебедев. На этом мероприятии

впервые в Твери появился незнакомый тверской публике заместитель министра спорта Российской Федерации Д.В. Зеленин.

Обычно много мелькающий на телевидении, говорящий по радио и диктующий статьи журналистам газет Олег Лебедев, став главой города, неожиданно для многих надолго замолчал. Его первые шаги ошеломили политическую элиту. Вместо того чтобы составить структуру управления городом сначала в умах, затем перенести на бумагу и согласовать с городской Думой, новая администрация повела себя неадекватно.

Как и обещал Лебедев во время выборов, всем работникам администрации, вплоть до вахтеров и уборщиц, было вынесено предупреждение об их увольнении через два месяца. Начался настоящий паралич власти, чиновники перестали работать. Они читали газеты, перезванивались по телефону, искали себе работу. На место профессионалов стали приходить бывшие официантки, директоры казино – одноклассники Лебедева и подобная публика. Эта была большая ошибка нового главы города.

После первого часового выступления нового главы в городской Думе обо всем и ни о чем, умудренный опытом и знаниями председатель Думы профессор Д.В. Баженов понял, что зайти с таким мэром можно далеко, и написал заявление о своей отставке. 12 сентября 2003 года Баженова заменил И.В. Сердюк. Глава города, чем-то возмущенный, не стал ждать выборов нового председателя и со словами: «Я не участвую в этом фарсе» покинул зал заседания.

Разрыв отношений с городской Думой и противостояние с нею стало второй большой ошибкой нового главы города Твери.

(Записано 15–16 сентября 2003 года).

Дождливое лето 2003 года

Никогда, народ грядущий,
не давай детей родимых
глупому на попеченье,
чужаку на воспитанье!
«Калевала», песнь 36, стр. 424

Дожди не прекращались все лето, до 10 сентября природа рыдала по нам, горемычным. 11 сентября вышло солнце, началось настоящее

бабье лето. Тверская область стала популярна на всю Россию. Каждый день центральные газеты, радио и телевидение передавали новости из Тверской области о губернаторе Платове, но не хотелось бы такой популярности. Лучше бы не слышать и не видеть по телевидению таких новостей.

4 сентября в рабочем кабинете губернатора Платова на Советской 44, на государственной даче в Рябееве, в городах Владимире, Бежецке и Твери по месту его жительства и работы прокуратура области вместе с сотрудниками милиции и ФСБ провела обыски. Обыски были связаны с возбуждением уголовного дела по займу облигаций, по которому области причинен ущерб в 463 миллиона рублей. В 2002 году областная администрация выпустила облигации Тверской области на сумму 500 миллионов рублей. Как следует из письма губернатора В.И. Платова, направленного заместителю генерального прокурора Российской Федерации, дело обстояло следующим образом.

Заместитель Платова москвич Андрей Румянцев познакомил губернатора с одним московским бизнесменом. Летом 2002 года этот бизнесмен предложил губернатору выпустить облигации, с помощью которых, якобы, можно привлечь в областной бюджет дополнительные средства. Губернатор поручил отработать этот проект начальнику департамента финансов области москвичу Котляру. Согласно проекту, к 23 декабря 2002 года на счет областного бюджета должны были вернуться израсходованные 500 миллионов рублей. Однако к тому времени были возвращены лишь около 100 миллионов рублей. В апреле 2003 года в связи фактом причинения ущерба бюджету Тверской области было возбуждено уголовное дело, начальник департамента финансов Котляр арестован.

Чтобы оправдать его и себя, губернатор Платов в письме заместителю генерального прокурора РФ пытался перевести стрелки на главу города Твери А.П. Белоусова. Он писал: «Весь город Тверь знает о торговле между мэром А.П. Белоусовым и одним из представителей криминального мира. Было заведено уголовное дело, которое очень быстро сумели замять» [23].

Свое письмо в Генеральную прокуратуру России Платов отвез 9 апреля 2003 года. Вечером того же дня неожиданно умер от сердечного приступа глава города А.П. Белоусов. С апреля 2003 года уголовное дело, связанное с аферой по облигациям, шло своим чередом. Дата их погашения была обозначена 12 августа 2003 года. В ходе следствия

удалось установить, что фирма «Ортодокс-плюс» успешно разместила облигации Тверской области, получила 500 миллионов рублей, а затем исчезла. Ущерб для области составил 463 миллиона рублей. С апреля 2003 года губернатор Платов проходил по уголовному делу свидетелем. Четвертого сентября 2003 года одновременно с обысками было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого губернатора Платова.

Когда следователи пришли к губернатору, чтобы предъявить ему это обвинение, тот заявил, что у него нет адвоката, а в отсутствие защитника эти следственные действия будут нести незаконный характер. Прокуратура дала Платову на поиск адвоката пять суток, в среду 10 сентября 2003 года он должен был явиться в прокуратуру Тверской области для предъявления ему обвинения в превышении должностных полномочий, повлекших тяжкие последствия – нанесение ущерба бюджету области в сумме 463 миллиона рублей.

После проведенных обысков Платов выступил перед представителями средств массовой информации с резким заявлением: «У меня нет никаких сомнений, что все эти действия – организованная провокация, связанная с предстоящими губернаторскими выборами. Совершенно очевидно, что таким образом некоторые претенденты на должность главы области пытаются очернить меня в глазах избирателей. Убежден, что им это не удастся» [24].

Он сообщил, что ситуация в области совершенно другая, чем была четыре года назад, когда его рейтинг на 1 сентября 1999 года составлял всего 10–11%. Сейчас рейтинг действующего губернатора превышает 20%, что очень не нравится некоторым его конкурентам. По его мнению, эти люди четко понимают, что победить Платова на выборах им не удастся. Поэтому они запускают против него самые изощренные методы предвыборной борьбы. Он знает, кто выступил заказчиком, кто инициировал направленные против него действия правоохранительных органов.

Среди этих кандидатов есть бывшие руководители МВД РФ. Используя свои огромные финансовые, деловые и административные связи, они имеют возможность организовать подобные провокации. Но он уверен, что время все расставит на свои места. Более того, он убежден, что все эти силовые акции приведут к обратному результату: люди разберутся, кто с кем борется, почему это происходит, и обязательно сделают правильный выбор.

Платов, скорее всего, имел в виду бывшего первого заместителя министра внутренних дел России Игоря Николаевича Зубова, который прокомментировал слова Платова следующим образом: «Только суд поставит точку в этом громком деле. Однако и без его решения вполне очевидно, что действующая областная администрация довела регион до финансового и экономического краха. Более того, бедность и нищета значительной части населения были выгодны Платову, так как сделали людей забитыми, поселили в них страх. Люди боялись высказать свое мнение, проявить свою волю. Тех же, кто пытался протестовать против беззакония, давили криминальными методами» [25].

В своих выступлениях Зубов заявлял, что ему известно, что некоторые тверичи, занимающие видное общественное положение, готовы даже уехать из области, если губернатором останется Платов. Поэтому он приветствует решительные действия правоохранительных органов, которые являются свидетельством того, что власть тьмы заканчивается. Ни один коррумпированный чиновник, невзирая на звание, чины, а также высоких покровителей, не останется безнаказанным. Думает, что после сегодняшних событий в общественном сознании многое изменится.

Субботу, 6 сентября 2003 года, Платов провел на Селигере, где проходил конкурс среди журналистов на исполнение песен. Губернатор тоже попытался спеть под гитару, предварительно сказав, что у него нет ни голоса, ни слуха. Он пропел две строчки песни о том, чтобы его никто не жалел, так как и он раньше никого не жалел, то есть что-то из «Моего поколения» С. Гудзенко. Потом не очень уверенной походкой покинул сцену.

В тот вечер произошло еще неординарное событие, которое в народе окрестили «Иудов поцелуй». Бывший вице-губернатор Ю.М. Краснов, уволенный 22 мая 2002 года Платовым за «однократное грубое нарушение трудовых обязанностей», неожиданно для многих поцеловал Платова и вручил ему вазу. Дальше произошло нечто непонятное.

В понедельник, 8 сентября, Платов назначил Краснова исполняющим обязанности первого заместителя губернатора. Радостный Краснов предстал перед представителями газет и телевидения, которым заявил, что он уже написал заявление об увольнении с должности председателя комитета по охране окружающей среды Тверской области, кем он работал, а также заявление о вступлении в должность первого заместителя губернатора. Он сказал: «Губернатор в свете пос-

ледних событий опасается, что, возможно, не сможет некоторое время находиться в области, и не отрицает возможности того, что будет взят под стражу. Именно поэтому он предложил мне вернуться в областную администрацию. Владимир Платов обеспокоен за судьбу Тверского региона. По его словам, во время его возможного отсутствия областью должен руководить достойный и опытный человек. Поэтому он, извинившись за свои прошлые обвинения в мой адрес, сказал, что другого достойного кандидата, кроме Краснова, на этой должности не видит. Я готов вернуться в областную администрацию» [26].

На следующий день, во вторник 9 сентября, была распространена информация пресс-центра администрации Тверской области под названием: «Владимир Платов: Я буду бороться за правду». В ней говорилось, что 6 сентября в Осташкове Платов дал пресс-конференцию журналистам, на которой заявил: «Если кто-то думает, что я куда-то исчезну, испугаюсь, лягу в больницу – ничего подобного не произойдет. Мне абсолютно нечего бояться. В среду 10 сентября мне надо будет явиться в прокуратуру, и я приду и выслушаю обвинение – всю ту нелепицу, которую мне предъявляют. А потом я буду с этим бороться» [27].

В тот же день прогубернаторская газета «Тверская жизнь» опубликовала открытое письмо девяти редакторов местных газет Президенту РФ и прокурору Тверской области. Действия, проведенные прокуратурой области, в нем названы «начавшейся травлей избранного населением губернатора Тверской области Владимира Платова». Авторы писали: «Надеемся, что понятие «честь мундира» по-прежнему значимо для следователей этого ведомства (прокуратуры. – А. Г.) и они найдут в себе силы не пойти на поводу у новоявленных «благодетелей области», мечтающих превратить регион в очередную кормушку нечистых на руку дельцов» [28].

Кого они имели в виду под словами «очередная кормушка», трудно сказать. Возможно, эти слова относились к тем заместителям губернатора Платова, которые уже были под следствием.

25 января 1999 года заместитель губернатора Платова В.В. Волков был приговорен Тверским областным судом к девяти годам лишения свободы с конфискацией имущества за получение взятки в сумме 250 тысяч долларов США.

31 мая 2000 года первый заместитель Платова В.М. Румянцев арестован по обвинению в злоупотреблениях служебными полномочиями

и получении взятки в сумме 23 тысячи долларов США. В июне того же года попал под амнистию в связи с 55-летием Победы.

23 февраля 2001 года Центральный суд города Твери приговорил заместителя Платова И. Гулаева к трем годам лишения свободы за превышение служебных полномочий при операциях с векселями Калининской АЭС.

В октябре 2001 года главный федеральный инспектор по Тверской области В. Косенко заявил, что первый заместитель Платова А.А. Строев несколько лет находился в США, скрываясь от следствия по делу о хищениях в совместном предприятии «Перестройка».

Заместитель губернатора Платова Ю.Ю. Данилов полгода просидел в следственном изоляторе по делу о хищениях векселей Калининской АЭС, после чего губернатор поставил его на высокую должность [29].

Первая развязка событий наступила 10 сентября. Губернатор Платов в областную прокуратуру не пошел, а поехал в Москву. Вместо него к областной прокуратуре пришли организованные редактором газеты «Тверская жизнь» В.И. Куликовым пикетчики с лозунгами: «Платов – наш губернатор». Во время пикета было заявлено, что Платов поехал в Москву, чтобы дать комментарий о событиях с ним редакции «Эхо Москвы».

За пять минут до эфира Платов сообщил журналистам телекомпании «Эхо Москвы», что не будет с ними общаться, ему очень плохо. Он был отправлен в реанимационное отделение Центральной клинической больницы [30].

В тот же день, 10 сентября, не допустили к работе назначенного в понедельник первого заместителя губернатора Ю.М. Краснова. Рассказывали, что здесь, якобы, активно вмешался в ситуацию председатель Законодательного собрания М.Ж. Хасаинов. Он обиделся, что от дел отстранили его человека, первого заместителя А. Пантюшкина. После разговора Хасаинова с Платовым были аннулированы: распоряжение губернатора от 8 сентября о введении дополнительной четвертой должности первого заместителя губернатора и о назначении на эту должность Ю.М. Краснова.

Изучая материалы об афере с облигациями, я вспоминал попытки губернатора Платова провести подобные авантюры и ранее. Сначала он хотел в 1996 году перечислить немалую сумму денег за последующие поставки лекарств одному шоумену из Москвы. Я жестко сказал, что никаких бумаг подписывать не буду, так как шоумены какого-либо отношения к лекарствам не имеют, авантюра тогда не удалась.

Потом Платов пытался заключить договор на 180 миллиардов рублей (в старом исчислении) с одной из московских фирм. Он стучал кулаками по столу, кричал и требовал, чтобы я завизировал этот договор. Так как напор был большим, я решил официально направить документы в Законодательное Собрание области. Я положил эти документы в общую папку на подпись губернатора, тот их подписал. На заседании комитета по бюджету, депутаты спрашивали мое личное мнение, я им отвечал, вопрос ставится на их усмотрение, авантюра тогда также не удалась.

Иногда он мне говорил: «Николаич, ты моя лакмусовая бумажка». Действительно, я прямо и откровенно говорил губернатору как о его правильных, так и неправильных решениях. Во второй приход к власти Платов постепенно отстранил от себя практически всю первую команду: Ю.М. Краснова, В.А. Плешакова, М.В. Зорина, меня и других. Другая часть команды оказалась под следствием.

Новое окружение губернатора немало сил и времени уделяло личным проблемам – собственности, бизнесу, обустройству детей и родственников. Этим же занимались некоторые главы городов и районов. Поэтому Платов многим из его последнего окружения в этом смысле был удобен. Не было жесткого государственного спроса за их работу.

Молчали и законодатели областного Собрания. Им сначала выделили по двести тысяч на «карманные» расходы, потом еще больше – по пятьсот тысяч рублей. Куда шли эти деньги, подробных отчетов не было. Так за счет бюджетных средств были «куплены» областные депутаты, которые стали пропускать «шалости» губернатора. В первые два года своего второго прихода во власть Платов практически не работал, где-то пропадал.

В то же время областное телевидение, радио, газеты постоянно твердили о его делах и благотворительности, забывая порою о том, что губернатор просто иногда выполняет свои прямые обязанности. Так губернатор из реального руководителя постепенно превращался в виртуального. На работе его нет, но в средствах массовой информации, почти во всех, он есть. Был рожден опасный симптом – сотворение кумира во власти, который фактически стал диктатором.

Со временем Платов остался совсем один. Он нужен был всем и каждому, пока имел власть и деньги. Многие попытались отойти от него подальше, как будто и не были знакомы. Популярность – это одиночество. Уважают до тех пор, пока ты силен. Все уволенные им,

обиженные, отстраненные и отдаленные бывшие соратники со временем составили значительную часть оппозиции В.И. Платову.

В те годы на улицах города Твери можно увидеть достаточно много «бывших». Нес к чаю пакет с печеньем из магазина себе на работу бывший заместитель главы города. Старательно обходил лужи, которые он ранее не замечал из окна своего автомобиля, бывший исполняющий обязанности главы города. Перебегал дорогу в неположенном месте бывший заместитель губернатора области. Раньше к ним и другим должностным лицам люди месяцами не могли пробиться на прием.

После увольнения они рады заговорить с кем-нибудь, но их люди избегали, они уже никому не были нужны. Правда, «бывшие» находились в двух разных категориях. Первая категория прорвалась к бизнесу, имела коттеджи в своей области, а иные и за рубежами нашей великой Родины. Имели счета в российских и зарубежных банках, являлись акционерами многих строительных, водочных, топливных и других компаний. Разъезжали на дорогих автомашинах, не считая, тратили деньги. Это, прежде всего, бывшие представители областной власти.

Ко второй категории отошли немногие бывшие областные чиновники, не способные присвоить чужое. К ним относились многие бывшие городские чиновники, так как город Тверь обижали как муниципальную структуру, и они также же остались без денег и машин.

Во всяком случае, лично мне после 4 сентября дышать стало значительно легче, воздух становился более свежим и чистым. Люди более ясно стали понимать, что со мной случилось в январе 2000 года и в июле 2001 года, почему я оказался ненужным нечистому на руку губернатору. Ему рядом с собою бывший прокурор не был нужен.

29 сентября 2003 года губернатору Платову прокуратурой Тверской области было предъявлено обвинение в совершении преступления.

После этого снова начались дожди, которые не прекращались до 17 октября, когда в тот день заявил о своем желании баллотироваться в губернаторы Тверской области человек нового поколения Д.В. Зеленин.

Неужели русский мужик по природе своей злоумышленник? Не может быть такого, что если ему трудно жить, он не хочет идти в лес и валить деревья. Не хочет копать землю, растить урожай и пасти скот. Что ему легче снимать провода со столбов, разбирать колхозные постройки, дома культуры, воровать в заброшенных деревнях и дачных участках инструмент, мебель и домашнюю утварь. А прорвавшись к власти, брать себе народное достояние уже в значительных размерах.

Хотя практика нашей области это показала, но не верю в закономерность этого явления. То, что произошло в области – это временно, это случайно, это пройдет, на пороге уже были новые времена.

(Записано 18–20 октября 2003 года)

Сотворение кумира

Тот, кто дурно был воспитан,
был неверно убаюкан,
тот вовек не поумнеет,
мудрость мужа не постигнет.
«Калевала», песнь 36, стр. 424

Наличие или отсутствие общей культуры человека проявляется в кризисные периоды его личной жизни или истории народа. Именно такой переломный момент перехода от распределительной системы экономики к рыночным отношениям раскрывает душу человека. Бесконтрольность, вседозволенность, наличие власти приводят неподготовленного человека к тяжелым моральным и социальным последствиям, вплоть до уголовной ответственности, независимо от его должностного положения. Значит, с молоком матери не вложены в него элементарные постулаты общей культуры. Тверская область пережила очень тяжелый период истории.

Область имеет мощный природный, людской и промышленный потенциал, а также очень удобное географическое расположение между Москвой и Санкт-Петербургом. Беда области при губернаторе Платове – слабое управление регионом и создание условий для вседозволенности и коррупции.

Летом 1995 года глава администрации Бежецкого района В.И. Платов предстал перед нами как умный, мудрый, опытный руководитель. На совещаниях он имел смелость публично критиковать действующую власть и ее руководителей. При этом главы районов ему не возражали, лишь одобрительно улыбались. Платов неоднократно говорил о возможных перспективах развития области, о развитии местного самоуправления, о его взаимоотношениях с органами государственной власти.

Когда В.И. Платов стал губернатором области, при нем была закончена подготовка всей первичной законодательной базы по местному

самоуправлению и государственному устройству на уровне области. В первые четыре года работы действовала объединяющая сила его личности. Несмотря на разные подходы к проблемам, разный уровень подготовки, зрелости и профессионализма заместителей губернатора, начальников отделов и управлений, было стремление к объединению и совместному решению вопросов.

Разъединяющий фактор стал действовать со второго губернаторского срока Платова, когда многие чиновники стали пытаться быть ближе к губернатору, и тем самым показывать свою важность и значимость. В результате перехода от «командной системы» первого губернаторского срока Платова к конкретным личностям, группам и группировкам при втором его губернаторском сроке, на тверской земле не осталось организующей силы реформаторов или местной элиты.

При ее отсутствии этот вакуум стал заполняться приходом к областной власти «москвичей» уже при В.И. Платове.

Во время своего правления В.И. Платов, определяя для себя круг авторитетных людей, слушал их высказывания, потом озвучивал их как свои. Сначала такими «авторитетами» для него были мы с О.С. Дубовым, потом стали Ю.М. Краснов, В.В. Исаков, В.Г. Сычев. После них он определил «авторитетами» пришлых москвичей, которых привез руководить областью: Ю.Ю. Данилова, А.А. Строева, А. Котляра, А. Румянцева и других.

По характеру В.И. Платов был добрым, доверчивым и очень внушаемым человеком. В первые годы своего правления он часто просил у меня совета, нередко при этом был в состоянии крайнего возбуждения. Зная, что он быстро отходит, определяя по интонации голоса, его гнев или возбуждение, я иногда звонил кому-либо из его приближенных людей и говорил, что его вызывает Платов. Сам поднимался в приемную и ожидал, когда приближенный выйдет из кабинета. Сотрудник выскакивал оттуда красным, взвинченным, после него я входил в кабинет губернатора. Платов уже выплеснул свою злость, был спокоен, и мы начинали с ним деловой разговор.

Не обладая определенными качествами руководителя областного уровня, Платов дал возможность руководить собою тем, кто оказывался с ним рядом. В первый срок своего правления Платов доверял мне по многим вопросам, я всеми силами старался оправдать его доверие. Начиная с 1997 года, я стал обращать внимание, что Платов иногда пропадает по 3–4 дня. По-видимому, сложность ситуации в

области, неудача во всех попытках изменить эту ситуацию надломили его. Просто он не был готов к таким испытаниям жизни, а некоторым людям из его окружения было выгодно влиять на губернатора любыми средствами, даже негодными.

Однажды летом 1997 года губернатор пропал на неделю. Мне сказали, что сидит он в Рябееве и пьет там водку. Я отправил туда одного, второго, третьего сотрудника администрации области, никого из них к Платову не допустили. Тогда я приехал в Рябеево, попросил выйти из комнаты некоего Демского и других проходимцев, окружавших Платова. Сел напротив него и стал внушать, что он много чего наобещал избирателям, поэтому надо не опускать руки, а работать. Предложил Платову одеваться и ехать со мной в кардиологический центр. Мы проговорили часа два, пока я не убедил губернатора ехать в центр самостоятельно.

Из Рябеева я проехал в кардиологический центр, договорился с его главным врачом о том, что Платов пройдет у него курс лечения. На другой день Платов вызвал меня в свой кабинет и спросил, зачем я приезжаю в центр и слежу за ним. Я ответил, что буду наблюдать до тех пор, пока он не пройдет полный курс лечения. Он попросил меня больше не приезжать туда, дал слово, что все будет нормально. После этого лечения губернатор около года был более-менее адекватным.

В феврале 1999 года я выезжал в Финляндию и провел там переговоры о визите в страну губернатора Платова. С 14 по 16 апреля 1999 года наша делегация из четырех человек: губернатор В.И. Платов, начальник департамента финансов Иван Петрович Райдур, глава Максатихинского района Николай Дмитриевич Вахин и я – поехала с официальным визитом в Финляндию. Нас встречал госсекретарь, сказав, что премьер-министр страны Пааво Липпонен, к сожалению, не может принять нас, так как он находится на заседании Евросоюза в Брюсселе. Утром в четверг, 15 апреля 1999 года нас принял посол Российской Федерации в Финляндии Иван Павлович Абоимов. Я был уже знаком с ним с августа 1996 года, когда он был послом России в Венгрии. Тогда во время нашего разговора мы с ним договорились о проведении в Будапеште в Российском культурном центре «Дней тверских карел», мероприятие позднее успешно прошло.

Во время подготовки визита в Финляндию Платова я также встречался с И.П. Абоимовым. Не случайно Платов был удивлен теплоте нашей встречи. После этого мы провели переговоры в министерстве

образования Финляндии, обсуждали проект «Будущее тверского села», который позднее был осуществлен за счет средств Евросоюза. Наш губернатор на эти переговоры не пошел.

В.И. Платов там ходил только на приемы к госсекретарю, председателю парламента, послу России в Финляндии и в Общество друзей тверских карел. На деловые встречи он вообще не ходил, поручал мне вести все переговоры в министерствах и других структурах. Сам он оставался в номере гостиницы, туда же ему носили еду. Мне лично было очень стыдно за своего губернатора. Я могу об этом писать спокойно, без зазрения совести, так как всегда служил государственным интересам, а не конкретно кому-то из губернаторов.

Я дал себе слово нигде и никогда не вести больше переговоры о визитах Платова в другую страну. Хотя у меня тогда были очень хорошие возможности провести такие переговоры в Венгрии, США, Англии, Италии и Германии, куда я ездил с визитами. Нужно сказать, что В.И. Платов никогда не препятствовал мне в поездках за границу, наоборот, иногда предлагал их даже сам. Говорил, что сам он за границу никогда не полетит, так как боится летать на самолетах. Согласился лишь выехать в Финляндию на поезде.

Осенью 1999 года, когда Платов пошел на второй срок, кто-то из его окружения или из богатых людей сумел вбить большой клин между нами. Скорее всего, губернатору не нравились мои высказывания о его ошибках и промахах, о которых говорил при личных встречах. В силу своей политической малограмотности В.И. Платов не смог понять, что когда человек откровенно, честно и принципиально высказывает свое мнение, это не означает, что он вступает ему в оппозицию. У меня даже мысли такой не было, просто предлагал пути выхода из ситуации, какие видел сам.

Но когда Платов появлялся на экранах телевизоров и добродушно говорил «дорогие мои земляки», ему сразу готовы были простить ошибки, многодневное отсутствие, слухи о пьянстве и многое другое. Платов стал лидером-популистом, считающим свое место одновременно в толпе и над толпой. Он был своего рода бунтарь, не согласный со старыми утвердившимися порядками, желающий их изменить и не знающий, как это можно сделать.

Губернатор, пришедший во власть под флагом развития органов местного самоуправления, фактически сконцентрировал максимально возможные средства в областном бюджете. Направление в районы

любых, даже незначительных сумм средства массовой информации подавали как благотворительность губернатора. Пропадая неделями, губернатор становился виртуальным, областное телевидение, газета «Тверская жизнь» показывали старые факты, а также действия его заместителей как активность самого губернатора.

Губернатор Платов, пришедший во власть на гребне демократических всеобщих альтернативных выборов, после своей победы, написал в 1998 году письмо Президенту России Б.Н. Ельцину о замене выборов губернатора на их назначение. Такое же письмо он повторил новому Президенту В.В. Путину в 2000 году. Триумфально победив в 1995 году, Платов, пройдя до этого огонь и воду, не сумел пройти медные трубы.

Он отсидел в следственном изоляторе чуть более 5 месяцев – с 14 ноября 2005 года по 26 апреля 2006 года. Верховный Суд РФ снизил ему наказание с 5 лет лишения свободы реально до 3 лет лишения свободы условно и освободил его из мест лишения свободы. Выйдя на свободу, В.И. Платов заявил: «Таким, как я, побыть в тюрьме полезно. Я жил будто в тумане: вечно спешишь, то трезвый, то пьяный, нет возможности остановиться и оценить свои поступки, отношение к себе, к окружающим людям» [31].

В связи с его осуждением к лишению свободы, я высказал корреспонденту газеты «Комсомольская правда. Тверь», что остались безнаказанными те, кто визировал печально известные документы, из-за которых Платов отбывал наказание. Есть и вина депутатов Законодательного собрания области, которым стоило бы предъявить частное определение суда. В свое время в окружении Платова не нашлось тех, кто бы сказал: «Игнатьич, ты не прав», так как несогласных с ним он уже уволил. У меня лично создалось твердое убеждение, что область привел к развалу не Платов, а второе его окружение. Оно привело на скамью подсудимых и его самого.

Вообще-то Владимир Игнатьевич имел все возможности построить свою жизнь и жизнь в области иначе. Но он своей вседозволенностью создал все условия для коррупции в области, до победы над которой еще очень и очень далеко. Это случилось потому, что источником накопления капитала в стране и области перестал быть труд. Такими источниками в основном стали сырьевая база области и уменьшение доходов населения, которое выступило первоначальным донором накопления в довольно длительный период жизни одного поколения.

К этому надо прибавить систему выдвижения людей во власть, куда часто шли не добропорядочные профессионалы, а богатые и могущественные люди. В начале XXI века государственная служба постепенно превратилась в государеву службу по принципу преданности конкретному лицу. В государственных структурах стало меньше организаторов и исполнителей, но больше советников, помощников, консультантов, референтов, контролеров.

В области к концу правления В.И. Платова не осталось ни одной основы в борьбе с коррупцией – ни реальной конкуренции, ни независимых средств массовой информации. Сотворенный кумир в 2003 году был сброшен с пьедестала. По-видимому, в тот период истории России нужен был президент Б.Н. Ельцин, а Тверской области – губернатор В.И. Платов.

(Записано 15–16 декабря 2003 года).

Глава IX
Новая страница в истории Тверской области

Работа над ошибками

Думает герой, гадает,
долго голову ломает:
кто же мне засеет земли,
семена положит в почву?
«Калевала», песнь 2, стр. 25

События 2003 года показали, что среди тверской политической элиты не было единства, личные амбиции довлели над государственными интересами, а ранее избранный народом губернатор В.И. Платов утратил поддержку населения. Жителям Тверской области не оставалось ничего иного, как избирать губернатора из представителей Москвы – И.Н. Зубова или Д.В. Зеленина.

23 сентября 2003 года прибывшие из Москвы представители предложили мне принять участие в выборах губернатора Тверской области, работая в команде кандидата Д.В. Зеленина. Я тогда отрабатывал последние дни в должности начальника управления внешних связей и туризма администрации Твери. Прибывшие москвичи сказали, что никаких проблем в том, что не отработаю одну неделю, не будет.

Разговор со стороны прибывших москвичей, прежде всего, пошел о работе среди карел. Я, не задумываясь, ответил, что работать готов, но в гораздо больших сферах. В тех направлениях, которые я ранее курировал, будучи заместителем губернатора: в образовании, здравоохранении, культуре, социальной защите. Также могу работать с главами городов и районов, директорами предприятий, руководителями учреждений и организаций.

Мне определили территорию севернее дороги Москва–Санкт-Петербург, то есть двадцать два района. Первоначально нужно было организовать личные встречи будущего кандидата Д.В. Зеленина с главами районов и руководителями предприятий с целью их знакомства.

К тому времени я уже получил уведомление о том, что с первого октября управление внешних связей и туризма администрации города ликвидируется, и буду уволен. Спросил, когда надо приступать. Мне ответили, что надо бы еще вчера, поэтому, чем раньше, тем лучше. Долго думал, в какие районы ехать в первый день. Через день после встречи с представителями команды Зеленина, 25 сентября 2003 года, поехал в город Кимры, Кимрский район и Калязин. Разговор с главой города Кимры Б.В. Шпилевым был нелегким.

Он согласился на встречу с Зелениным, но только после 6 октября, надеясь, что к тому времени что-то может проясниться в отношении кандидатов в губернаторы области. Я согласился с ним, и первым предложил такой же вариант главе Кимрского района А.И. Шароватову. С ним разговор был легче, он сам был незаконно уволен Платовым в 1996 году, его защитили тогда депутаты Законодательного собрания области.

Опытный и мудрый глава Калязинского района В.Д. Орловцев сразу же пообещал поддержку, в том числе, по организации встречи кандидата с жителями города и района в кинотеатре. Нужно отметить, что во время встречи с избирателями глава района Орловцев вообще уехал из района по какой-то личной причине и с Зелениным не встречался.

Понимая, что встречи откладываются на полторы-две недели, а время не ждет, решил на второй день ехать в противоположную сторону – Лихославль и Спирово, чтобы договориться на ближайшие дни о встречах с Зелениным. Договорились с руководителями этих районов о встрече через пять дней – 1 октября, в «День пожилых людей». Я побывал на заводе «Индустрия», компании БСК в Спирове, радиаторном заводе и педучилище в Лихославле. Начала складываться система встреч. По пути в Лихославль договорился по телефону с главой Рамешковского района И.И. Тимофеевым о встрече с Зелениным в Рамешках на понедельник, 29 сентября.

Понимая, что время не ждет, дорог каждый день, резко ужесточил свой режим поездок – проезжал уже не два-три, а по пять-шесть районов в день. В один из дней проехал: Кашин – Кесову Гору – Бежецк – Молоково – Сандово – Красный Холм – Сонково, то есть семь районов за один день. Нагрузка стала резко увеличиваться, так как мне нужно было не только договариваться о встречах, времени их проведения, но и сопровождать кандидата Зеленина и знакомить его с главами районов, оставляя для беседы один на один.

Постепенно определилось отношение глав районов к кандидату: «страшно интересно». Им был интересен этот человек, молва о котором стала расширяться по области все больше и больше.

Страшно из-за того, что в губернаторы снова шел В.И. Платов. Глава Весьегонского района И.И. Угнивенко поведал мне историю о себе. В начале 2003 года город замерзал, он поехал в Тверь просить топлива. В ответ на это ему предложили более активно работать по выборам Платова на третий срок. Иван Иванович вскипел, что сейчас ему не до выборов, нужно спасать город. Потом он где-то неосторожно сказал, что при такой работе Платову в этот раз не победить. Эти слова доброжелателями были доложены губернатору.

На очередном совещании глав районов Платов заявил, что некоторые из них сомневаются в его победе на выборах. После совещания он пригласил Угнивенко в отдельный кабинет и обматерил его так, как он умел. Иван Иванович успокоился, что все этим может закончиться. Но все только началось – пошли проверки района налоговыми, финансовыми и другими фискальными органами. Дотационный район практически посадили на голодный паек. Главы районов при встречах говорили мне, что не хотят оказаться в положении И.И. Угнивенко.

Первые шесть дней я работал, ни разу не видя Зеленина, познакомился с ним 1 октября 2003 года в Лихославле. Он прибыл на встречу с главой района В.В. Гайденковым. После этой встречи мы поехали с Зелениным в Спирово в его машине. Он рассказывал мне о себе, своих планах и представлениях по выводу нашей области из кризиса.

Поблагодарил меня за то, что я в этот день не полетел в Будапешт, а остался работать здесь. В период с 1 по 6 октября в Будапеште проходило очередное заседание Консультативного комитета финно-угорских народов по подготовке к первому экономическому форуму. Оценив обстановку, я посчитал для себя более важным остаться работать на выборах.

Кстати, позднее, с 14 по 18 ноября, я также по этой причине не поехал в Хельсинки на празднование десятилетия Общества друзей тверских карел, делегация поехала без меня.

1 октября в Спирове были встречи с ветеранами района, работниками завода «Индустрия», радиаторного завода и «Балтийской строительной компании» (БСК). Я заметил тогда интересный факт: когда Зеленину задавали вопросы, он, выслушивая их, складывал перед собой руки ладонями вверх, как будто держал книгу. Он смотрел на

свои руки, думал, потом начинал отвечать. Примерно через две недели такой привычки у него уже не было, кто-то подсказал.

Через два дня после Лихославля и Спирова, в субботу 4 октября, я провел с Зелениным целый день. Сначала в Максатихе были встречи с главой района Н.Д. Вахиным, его заместителями, работниками деревообрабатывающего комбината, активистами штаба нашего кандидата.

Из Максатихи мы с кандидатом вылетели на вертолете в село Лесное. Летели над лесами, впервые с воздуха я увидел Николаевскую Теребенскую пустынь. Я о ней много читал и писал, но ни разу в ней не был. Она расположена на реке Кезе примерно в тридцати километрах от Максатихи.

Из села Лесное мы вылетели в город Бологое. В вертолете надели наушники и переговаривались с Зелениным о положении в области, о Бологовском районе, о своих впечатлениях. Он сказал, что здесь больше деревень, чем на юге области, например, в Ржевском районе. Я ответил, что это последствия Великой Отечественной войны, там шли страшные бои, были сожжены очень многие деревни, убито много людей.

Из Бологого летели прямо в Тверь, летели низко над болотами и озерами. Поднимались выше перед линиями электропередач. День был красивым, солнечным, на болотах люди, собиравшие клюкву, поднимались и смотрели нам вслед.

Я думал о том, что, может, будет все-таки работа для них, и не будут эти люди жить на деньги, вырученные от продажи клюквы. Многим из них надо идти восемь – десять километров от своей деревни на трассу, чтобы там попытаться продать клюкву.

14 октября 2003 года для меня закончился первый этап предвыборной работы. К этому времени я проехал все двадцать два района, договорился о встречах глав всех районов и других руководителей с кандидатом Зелениным, а также организовал сами встречи с ним в те дни и часы, которые были определены общим планом.

С 18 октября начались встречи Зеленина с рабочими коллективами и избирателями по месту жительства. Первые встречи прошли в городе Кувшинове. Приехали народные артисты России Анастасия Александровна Вертинская и Борис Алексеевич Хмельницкий. Холодный зал дома культуры был полным, в зале был и глава Кувшиновского района В.Н. Васильев.

Потом А. Вертинская и Б. Хмельницкий сопровождали нас во многих районах, перенося все тяготы холодной дождливой осени в неотапливаемых домах культуры.

На выборы губернатора Тверской области пошли тринадцать кандидатов, в том числе и действовавший губернатор Платов. Непонятную роль на выборах играл полномочный представитель президента по Центральному федеральному округу Г.С. Полтавченко, который предложил идти на выборы федеральному инспектору по Тверской области Ю.В. Цеберганову.

Полтавченко несколько раз приглашал глав районов, добиваясь от них поддержки Цеберганова. Он добивался также, чтобы Платов досрочно снял свою кандидатуру с выборной гонки.

В пятницу, 14 ноября 2003 года, Полтавченко пригласил глав районов для обсуждения вопросов демографии в Тверской области. Платова на совещании не было, был Цеберганов. В кулуарах Полтавченко намекал главам районов на поддержку Цеберганова во время выборов. Когда главы районов спросили, а как же Платов, им ответили, что на следующий день, 15 ноября, он будет приглашен в Москву и там вопросы будут решены. В тот день, 15 ноября, Платов действительно выезжал в Москву. Через два дня, во вторник 18 ноября, Полтавченко вновь собрал глав районов в Тетькове Кашинского района. На этом сборе Платов громогласно заявил, что он снимет свою кандидатуру в пользу Цеберганова.

Однако уже на второй день, 19 ноября, во все районы области пошли телефонограммы, в которых Платов сообщал, что он свою кандидатуру с выборов губернатора не снимает и не снимет.

После этого заявления Платова активизировался глава Бежецкого района М.А. Шибанов. Он ушел в административный отпуск сам и предложил идти в отпуск управляющему делами, начальнику управления сельского хозяйства, заведующей РОНО, главному специалисту отдела торговли своего района.

26 ноября 2003 года в двенадцать часов Шибанов провел совещание глав районов северо-востока, на котором призывал их срочно уйти в административный отпуск и работать на Платова. На совещание не приехали глава Рамешковского района И.И. Тимофеев, Молоковского района А.Я. Агроскин и Калязинского района В.Д. Орловцев.

Глава Краснохолмского района А.Н. Кондратьев на призывы Шибанова сказал, что у него нет бизнеса, он живет на зарплату чиновника,

уходить в отпуск не будет. Он же спросил Платова: определился ли он, будет ли снимать свою кандидатуру или нет? Платов ответил, что пойдет до конца и снимать свою кандидатуру с выборов не будет.

А в это время в центре области ряд глав районов, ранее поддерживающих кандидата в губернаторы Ю.М. Краснова, решили его «сдать» и работать на Платова. Во время разговора со мной они оправдывали свое поведение тем, что Краснов поздно начал свою предвыборную кампанию, имел мало денег, его не поддержала партия «Единая Россия», он имел небольшой рейтинг и во второй тур ему не пройти. Они призывали других «красновцев» – глав районов: Весьегонского – И.И. Угнивенко, Удомельского – А.Л. Кушнарева, Кимрского – А.И. Шароватова перейти от Краснова к Платову.

После 20 ноября сам Платов также активизировался. Во многие районы он направил заместителей губернатора, руководителей департаментов, управлений, отделов. Методы их были старыми. Они встречались с руководителями предприятий, звонили им и просили перечислить деньги в избирательный фонд Платова. Предупреждали глав сельских округов, директоров школ, главных врачей и других должностных лиц, что будут уволены, если у них на участке, в сельском округе не пройдет Платов.

Платов сам наконец-то стал встречаться с избирателями по месту их жительства и тем самым проиграл. Жители области видели в средствах массовой информации доброго, здорового, работоспособного губернатора. Наяву увидели больного, немощного, бесперспективного человека. Своими поездками Платов опустил свой рейтинг в два раза.

В это время сторону Д.В. Зеленина все больше и больше принимали бюджетники: прежде всего работники культуры, образования, здравоохранения. К ним примкнули безработные, студенты и учащаяся молодежь. Открыто и смело встали на сторону Зеленина глава Нелидовского района В.А. Комиссаров и глава Рамешковского района И.И. Тимофеев.

Выработанная нами система работы с главами района полностью оправдалась. Штабы работали с различными категориями населения, а мы работали с главами районов и директорами крупных предприятий. Нужно отметить, что в результате четырех увольнений у меня немного расшатались нервы. Но почти за три месяца работы – с 24 сентября по 19 декабря – я ни разу не сорвался, убеждая главу того или иного района о необходимости встречи с Зелениным и в нашей правоте

порою до полутора часов. Обычно я не предупреждал главу о своем прибытии, однако в приемной находился не более минуты, чтобы только снять плащ или пальто. В первое время сложнее всего было в Удомле, Кесовой Горе, Лихославле, Торжке, а после первого тура выборов – в Бежецке.

Значительно легче нам стало работать после встречи местной тверской элиты с министром по чрезвычайным ситуациям Сергеем Шойгу. Хотя решение генерального совета партии «Единая Россия» в поддержку Зеленина было подписано 10 октября 2003 года, реальной поддержки со стороны этой партии не было более месяца, вплоть до приезда министра.

После встречи с ним мы почувствовали активность со стороны руководителей районных отделений партии «Единая Россия», которыми были главы районов или его заместители. Однако в некоторых районах – Сандовском, Бежецком, Ржевском и других – был саботаж по выполнению этого решения.

Активно работали агитаторы, многие из них работали не ради денег, а ради идеи. Число их было большим, в каждом районе от пятидесяти до девяноста человек. Всего было задействовано, без учета города Твери, около трех с половиной тысяч агитаторов.

Последние выборы губернатора Тверской области

Сладкую согрей мне баню,
всю обдай медовым паром…
Чтобы голову мне вымыть,
чтобы добела отмыться.
«Калевала», песнь 18, стр. 200

Примерно с 18 сентября 2003 года фонд «Доброе начало» приступил к бесплатной раздаче лекарств жителям Тверской области. Я начал работать в предвыборной кампании Д.В. Зеленина с 24 сентября. Во многих городах и районах акцию по раздаче лекарств встретили агрессивно, ее проверяли работники милиции, прокуратуры и других фискальных органов.

Мне лично пришлось разрешать ситуации в Весьегонске, Калязине, Кашине, Удомле, где главы районов дали устные поручения работни-

кам милиции проверить законность этой акции. Называли много причин для закрытия пунктов выдачи лекарств: отсутствие разрешений центра контроля по лекарствам Тверской области, копии печатей на лицензиях, а не «живые» печати, отсутствие инструкций по незнакомым видам лекарств и другие причины. Комитеты по защите прав потребителей заявляли, что лекарства должны идти через аптеки.

Пункты выдачи лекарств открывались тогда в домах культуры, в офисах частных предпринимателей. По-видимому, работникам культуры терять было уже нечего. Их стали приглашать в администрации районов и городов и объявлять им дисциплинарные взыскания. Ситуации складывались порой очень острые, так как, потеряв работу, работники культуры в условиях районного центра могли ее не найти.

Одновременно с началом акции по раздаче лекарств формировались штабы будущего кандидата в губернаторы Зеленина в городах, районах и крупных поселках области. Во время выборной кампании кроме организации встреч с главами городов и районов, руководителями крупных предприятий мне иногда приходилось сопровождать Зеленина на массовые встречи. Мое сопровождение кандидата проходило следующим образом. За полчаса до начала встречи я приезжал в Дом культуры, в администрацию района или другой зал, где должна состояться встреча. Изучал кратчайший путь кандидата к сцене, предлагал освободить площадку перед зданием от машин, определял человека из штаба, который будет сопровождать Зеленина на сцену или в зал.

К главам района, руководителям крупных промышленных предприятий сопровождал кандидата сам, знакомил их и оставлял один на один для разговора. Сценарий был практически везде один, лишь глава Калининского района Юрий Иванович Гущин настойчиво попросил меня остаться при разговоре. Подождав в приемной 5–10 минут с момента начала разговора, я ехал проверять готовность следующей встречи. Порою случались разные казусы, так как встреч было достаточно много, по 6–8 в день.

Однажды в один день проводили встречи в Старице, Зубцове и Ржеве. В городе Ржеве все было готово к встрече кандидата с населением в Доме культуры. Я проводил Зеленина на сцену, и он оказался там один, никто из доверенных лиц не успел к этому времени. Их было четверо: бывший руководитель аппарата Законодательного собрания области Л.А. Никонова, генерал-майор в отставке Г.И. Левкович, на-

родные артисты России Анастасия Александровна Вертинская и Борис Алексеевич Хмельницкий.

Они отстали от кандидата по дороге из Зубцова и не успели к этой встрече. Зеленин со сцены махнул мне рукой, я быстро снял куртку, вышел на сцену, сказал 2–3 предложения о кандидате, встреча началась. Когда подъехали доверенные лица и заняли свои места на сцене в президиуме, я уехал готовить следующую встречу с руководством города и района.

В другой раз в городе Калязине, проверив готовность, дождавшись кандидата и проводив его на сцену, я поехал смотреть готовность к встрече в Дом культуры, куда должны были собраться ближе к вечеру. Оттуда приехал в машиностроительный техникум, договорился с завучем об организации встречи с кандидатом в читальном зале. Сам поехал готовить встречу с руководством района. Мне позвонили по телефону сопровождающие кандидата лица и сказали, что они с Зелениным подъехали к техникуму, их никто не встречает. Я ответил, что там к встрече все готово, дверь открывается на себя, в здании их ждут. Через две минуты мне позвонили снова и сказали, что встреча началась, все нормально.

О концентрации всех духовных, физических, умственных сил наглядно покажет один день из графика нашей работы: 4 октября 2003 года, суббота – сопровождение кандидата по маршруту Максатиха–Лесное–Бологое:

а) 9.00 – встреча с ветеранами Максатихинского района;

б) 10.00 – встреча с главой Максатихинского района Н.Д. Вахиным;

в) 11.00 – встреча с коллективом Максатихинского ДОКа;

г) 12.00 – встреча с коллективом мехлесхоза.

Из Максатихи мы с Д.В. Зелениным вылетели на вертолете в село Лесное, там были встречи с главой района С.Н. Котовым и коллективом центральной районной больницы. Из села Лесное вылетели на вертолете в город Бологое, где были встречи с главой района А.М. Лебедевым, а также с населением города в общественной приемной фонда Зеленина. В 18 часов вылетели в город Тверь, разговаривали с Зелениным через наушники, обсуждали ситуации в районах.

К 14 октября 2003 года я выполнил поставленную передо мной задачу познакомить Д.В. Зеленина с главами 22 районов и городов, расположенных севернее автомагистрали Москва – Санкт-Петербург, а также с руководителями градообразующих предприятий. Нами был

разработан дальнейший план встреч кандидата в городах и районах с населением и большими коллективами, до начала первого тура выборов нужно было провести не менее 150 таких встреч.

В результате проведенной работы за два дня до первого тура выборов по состоянию на 04.12.2003 г. из 43 глав городов и районов области сторонниками кандидата Зеленина были 25 человек, в том числе 12 глав заявили о полной поддержке нашего кандидата. Из оставшихся 18 глав поддерживали кандидатов в губернаторы: Ю.М. Краснова – 5 глав, В.И. Платова – 8, А.В. Харченко – 1, четверо еще не определились.

После встреч с главами и общественностью я постоянно анализировал ситуацию в городах и районах области. 24–25 ноября встретился с главами Вышневолоцкого, Спировского, Рамешковского, Торжокского районов и города Вышнего Волочка. Из бесед с ними понял, что происходила перегруппировка сил, активно шли переговоры с главами, поддерживающими на выборах кандидатуру Ю.М. Краснова, о его «сдаче» и поддержке Платова.

Причины, по их мнению, в том, что Краснов поздно начал выборную кампанию, у него мало денег, его не поддержала партия «Единая Россия», он имеет небольшой рейтинг, поэтому во второй тур выборов ему не пройти. По их мнению, во второй тур вместе с Зелениным пройдет Платов или Астраханкина. Бывшие «красновцы» раскололись на две части, отошли от него к Платову: глава Спировского района Никулин, Торжокского – Кирмасова и Лихославльского – Гайденков. Остались при своем мнении Кушнарев из Удомли и Угнивенко из Весьегонска. Главы районов, перешедшие от Краснова к Платову, полагали, что во втором туре будет протестное голосование в пользу Платова, так как он местный, а Зеленин чужой. На Зеленина они хотели выбросить много компрматериала, который был подготовлен, если во второй тур вместе с ним пройдет Платов.

4 декабря 2003 года после посещения администраций Бежецкого, Краснохолмского, Сандовского, Молоковского и Сонковского районов я пришел к выводу, что все главы, кроме Шибанова из Бежецка и Тихомировой из Сандова, стали ближе к Зеленину, чем к Платову. Позднее оказалось, что именно эти два района в первом туре проголосовали за Платова, во всех остальных районах области и в городе Твери первым был Д.В. Зеленин.

После первого тура выборов я встретился с некоторыми ответственными работниками администрации области и вел с ними пере-

говоры по подготовке ко второму туру выборов губернатора. Обстановка в областной администрации была тревожно-напряженной, за многими сотрудниками было интересно наблюдать. Все чиновники волновались за свое будущее, говорили, что сейчас им уже проще, так как действующий губернатор Платов выбыл из борьбы. Из кандидатов им была непонятна роль и позиция главного федерального инспектора по Тверской области Ю.В. Цеберганова – при таком низком рейтинге, с какой целью он давал согласие идти в губернаторы?

Удивила выборная кампания Ю.М. Краснова, который по старой партийной привычке все бывшие заслуги приписывал себе, а недостатки – своему бывшему соратнику действующему губернатору В.И. Платову.

16 декабря я готовил встречи уже не самого Зеленина, а представителей его штаба в городах и поселках: Кашин, Сандово, Молоково, Весьегонск и Красный Холм, 17 декабря – в Максатихе и Лесном. Это были мои последние поездки перед вторым туром выборов губернатора Тверской области, который состоялся 21 декабря 2003 года.

Все выборные технологии кандидата в губернаторы Тверской области Д.В. Зеленина были построены на позитиве. Он с самого начала выборной гонки отказался от грязных технологий, предпочитая делать акцент на свою предвыборную программу. В нее вошли самые главные направления работы в целом по области, а также первоочередные дела по городам и районам.

Первоочередной задачей новая власть считала привлечение инвесторов в область с целью поддержки жизнеспособных предприятий, подъема малого и среднего бизнеса. Акцент был сделан также на развитие спорта и туризма.

Для выполнения этих поставленных задач были определены основные пути. Подъем заработной платы жителей области к 2007 году до средней зарплаты в Центральном федеральном округе. В течение 2004 года погасить все долги жителям по социальным выплатам. К 2008 году сделать областной бюджет самостоятельным, не зависящим от дотаций центра. Ликвидировать сверхцентрализацию средств областного бюджета в руках областной администрации, провести перераспределение в пользу муниципальных образований.

В первых шагах новой администрации были указаны перечни проблем по каждому городу и району, по которым необходимо принимать незамедлительные решения. К ним относились ремонт и строитель-

ство тепло- и энергоцентралей, школ, больниц, детских садов. Разработка областных и районных программ по газификации, очистке вод, освещению дорог и улиц и других. Многие пункты программы нового губернатора позднее активно выполнялись, некоторые, правда, так и остались добрыми пожеланиями. Но в 2003 году жители области поверили Зеленину, они поверили и нам, тверским, которые тогда вошли в его команду.

Другие кандидаты в губернаторы в отличие от Зеленина свои выборные кампании строили на критике своих конкурентов. Это были последние прямые и всенародные выборы губернатора Тверской области, позднее губернатор стал назначаться Законодательным Собранием области по представлению Президента Российской Федерации.

Выборы губернатора в Бежецке

Только все-таки, но все же
дай моим ушам услышать,
что всего верней ты знаешь,
лучше прочих понимаешь?
«Калевала», песнь 3, стр. 37

Первый раз во время выборов я посетил М.А. Шибанова, главу Бежецкого района, 6 октября, договорился с ним о встрече с Зелениным на 10 октября. Шибанов сказал, что он на выборах будет поддерживать Платова, в крайнем случае, Хасаинова, если вместо Платова пойдет на выборы тот.

Говорил, что Зубова он принимать отказался, с Зелениным встретиться согласился. Договорились о встрече на 10 октября. В тот день я познакомил Д.В. Зеленина с Шибановым и вышел из кабинета, разговор у них был один на один в течение сорока минут.

Следующая встреча кандидата Зеленина в Бежецке состоялась 21 октября. В ДК завода «АСО» я приехал из Сонкова чуть раньше намеченной встречи. Зеленин задержался на встрече со священниками города Бежецка. Мы расположились в кабинете директора дома культуры, Виктора Федоровича Ратькова, и стали пить чай. На месте директора сидел генерал-майор Г.И. Левкович – доверенное лицо кандидата.

Вошел Шибанов – глава района, заявив вместо приветствия: «Что, в Доме культуры новая власть?». Кто-то ответил, что его место занял генерал. Шибанов вспыхнул и быстро вышел из кабинета. Я вышел следом, сказал ему, где находится директор Дома культуры. Шибанов спросил у меня, нужен ли он Зеленину. Я ответил: «Если он просил, значит, нужен». Шибанов ушел на сцену, сел на скамейку, и сидел один.

Я вышел в фойе, встретил однокашников, спросил, что происходит с Шибановым, они сказали, что он нервничает, стал курить, часто выпивать.

Узнав, что Шибанов активно агитирует глав районов работать на Платова, я до окончания первого тура выборов трижды пытался встретиться и переговорить с ним в надежде сблизить наши позиции. Эти попытки не удались, и. о. главы Т.И. Абалина заявила, что нет связи с Шибановым.

Встреча состоялась лишь в воскресенье 14 декабря 2003 года, уже после первого тура. Еще до встречи мне в Бежецке сказали, что Шибанов продолжает пить. Жители говорили, что есть о чем переживать, так как якобы они вместе с Платовым обанкротили хороший мясокомбинат, куда привозили скот из Бежецкого, Краснохолмского, Молоковского, Сандовского, Сонковского районов.

Встреча с Шибановым у меня была тяжелой для нас обоих, она длилась около пятидесяти минут. Я позвонил ему домой в 14.45, попросил прийти на встречу в 15.30, так как встреча актива и его с Зелениным планировалась на 16.00. Шибанов ответил, что в 15.30 он прийти не может.

Тогда я позвонил домой управляющему делами Виталию Юрьевичу Тихолазу и попросил убедить Шибанова прийти на встречу со мной. Тот ответил, что он придет, но в 15.45, я согласился. Дело в том, что в первом туре Платов победил только в двух районах – Бежецком и Сандовском. Шибанову трудно было оправиться от поражения Платова, он сильно переживал создавшуюся ситуацию.

В 15.40 я поднялся в приемную Шибанова, стал ждать, сидел один. Собиравшиеся на встречу заведующие отделами, заместители главы района проходили в кабинет, расположенный напротив, к заместителю В.А. Михайлову.

Появившийся Шибанов, не поздоровавшись со мной, резко вошел в свой кабинет. К нему зашел Тихолаз, за ним пошел я. Шибанов сидел за своим рабочим столом напряженный и злой, руки мне не протянул.

Спросил меня, почему я с ним не поздоровался. Я ответил, что не успел, как он влетел в кабинет, не заметив меня. Он сказал, что не будем на этом останавливаться, я должен сказать, что мне надо, и уходил из кабинета. Я ответил, что мне лично от него ничего не надо, но у него есть еще шанс выйти из создавшегося положения и не выступать против Зеленина.

Сказав это, я встал и пошел к выходу. Шибанов попросил меня вернуться, сесть и переговорить. Когда я сел напротив него, он в очень резкой форме стал обвинять меня в том, что я продался олигарху, предав Платова.

Я спокойно возразил, что Платова не предавал, а он меня уволил с работы дважды: сначала в 2000 году, затем в июле 2001 года. Шибанов заявил, что это он спас меня от увольнения в феврале 2000 года. Он просил Платова оставить меня на работе. Я ответил, что этого не знал, но, в конце концов, он меня все равно уволил. Сказал, что Платов сдал всю первую команду, которая вытащила его во власть в 1995 году. Поэтому, кто кого предал, еще большой вопрос.

После этого Шибанов стал обвинять тех глав районов, которые предали Платова и не ушли в отпуск, чтобы ему помочь. Я на это ответил, что ему как руководителю ассоциации глав районов северо-востока, не следовало так давить на них. Это и есть прямое использование административного ресурса.

Затем Шибанов стал обвинять в предательстве председателя Законодательного собрания М.Ж. Хасаинова, которого Платов вытащил во власть. «Хасаинов, – сказал Шибанов, – и на Вас вылил бочку дряни, а теперь Вы с ним работаете на одного кандидата. Он фактически предал Платова».

После этого Шибанов стал обвинять партию «Единая Россия», которая не поддержала Платова, отдавшего области восемь лет жизни. Он, Шибанов, готов бросить свой партийный билет прямо сейчас на стол. Я сказал, что мне этого не надо, я не член партии. Далее Шибанов заявил, что как историк он понимает, что все в жизни повторяется.

Тверь никогда не была авторитетом для Бежецка. Он даже видел решение партии большевиков конца двадцатых годов о создании Бежецкой области. Правда, это решение в жизнь не прошло, тогда Бежецкий уезд вошел в состав Московской области. Вот и теперь москвичи идут во власть Тверской области. Я спросил, а видел ли он нашего тверского лидера и кто он? Смог бы объединить он, Шибанов, все здоровые силы

области – мы объединились бы вокруг него. Но он ведь не пошел на губернатора. Не за Краснова же нам прикажете голосовать? Шибанов ответил, что он не мог предать Платова.

Тогда я констатировал факты, дескать, давайте теперь исходить из той ситуации, которая произошла. Платов во второй тур не прошел, теперь не за Зубова же голосовать. Заметил Шибанову, что в Бежецке не видел агитации за Зеленина, а за Зубова – через дом. Шибанов ответил, что он и другие решили во втором туре голосовать против всех. Я возразил ему, что это очень плохая позиция руководителей района. Просил при встрече Зеленину этого не говорить, это будет не в пользу его – Шибанова. Он взвился: «Так снимайте меня с работы. Я не хочу, чтобы из-за меня страдал район». Я ответил, что снимать его с должности никто не собирается. Наоборот, к нему относятся как к молодому, перспективному руководителю района, которому всего 34 года.

Нам тогда повезло, что Зеленин опоздал на тридцать пять минут и приехал в 16.35. Когда мы уже пили чай с Шибановым в кабинете Тихолаза, мне позвонили, что Зеленин будет через три-четыре минуты. Я быстро допил чай и спустился на первый этаж встречать кандидата. По пути успел ему сказать, что в течение пятидесяти минут говорил с Шибановым, сейчас будет легче с ним беседовать. Проводил Зеленина в кабинет Шибанова, который был уже заполнен заведующими отделами, заместителями главы, всего где-то двадцать пять человек.

Проводив Зеленина, я прошел в кабинет Тихолаза и пригласил Шибанова. Тот прошел в свой кабинет, поздоровался с Зелениным и провел его в комнату отдыха. Там они проговорили пятнадцать минут, вышли в 16.55. Во вступительном слове Шибанов сказал, что город Бежецк будет уважительно относиться к мнению избирателей Твери, Ржева, Торжка, Вышнего Волочка и других городов.

Потом с кратким вступительным словом выступил Зеленин и ответил на вопросы. Последним задал свой вопрос Шибанов: «Какая перспектива у бывшего губернатора Платова?».

Зеленин ответил, что личных неприязненных отношений у него нет. Что касается уголовного дела в отношении Платова, то здесь решение будут принимать правоохранительные органы. Со своей стороны он будет оказывать содействие в том, чтобы решение это не было чрезвычайно жестким. Также он будет вести переговоры о назначении Платова членом Совета Федерации от Тверской области. Он понимает, что эти переговоры могут быть трудными и длительными.

Встреча закончилась в 17.30, Зеленин выехал в ДК завода «АСО». Шибанов сказал мне, что в Дом культуры он не поедет, его неправильно поймут: то он за Платова, а теперь поддерживает Зеленина. Однако в самом конце встречи он появился в Доме культуры и пригласил Зеленина на пятнадцать минут для разговора в свой кабинет администрации района.

Лед тронулся, Бежецк постепенно отходил от первого тура выборов. В Доме культуры был аншлаг, все места и проходы были заняты. После встречи с Зелениным был концерт Алены Апиной, однако много людей ушло, им был более важен первый вопрос, а не концерт.

И все-таки во втором туре Бежецкий район поддержал не Зеленина, а отставного генерала Зубова.

Хуже уже не будет

Ой ты, умный Вяйнямёйнен,
вековечный заклинатель,
поверни слова святые,
забери назад заклятья,
вызволи меня из лиха,
выйти дай из затрудненья.
«Калевала», песнь 3, стр. 42

Не исключено, что Тверская область стала одним из плацдармов укрепления позиции действовавшего тогда Президента РФ В.В. Путина. Его администрация, судя по сообщениям прессы, раскололась на две части. Одна из них поддержала Зеленина как кандидата на пост губернатора Тверской области, вторая часть поддерживала сначала действующего губернатора Платова. Потом они заявили, что ошиблись в Платове и начали лихорадочный поиск кандидата. Сначала выдвинули кандидатом в губернаторы председателя Законодательного собрания М.Ж. Хасаинова, который буквально через день публично обратился через областные газеты к федеральному инспектору Юрию Цеберганову с просьбой идти на губернатора. Цеберганов согласился и выдвинул свою кандидатуру.

В среду 29 октября 2003 г. А.С. Волошин написал заявление о своей отставке с должности руководителя Администрации Президента РФ.

В пятницу 31 октября в средствах массовой информации сообщили, что Президент отставку Волошина принял. В тот же день председатель Законодательного собрания области М.Ж. Хасаинов публично заявил о снятии своей кандидатуры на пост губернатора.

Нам стало легче работать после этих событий. Основными конкурентами Зеленина оставались Платов, Астраханкина и Зубов. Непонятной была роль Ю.В. Цеберганова и поддерживающего его полномочного представителя Президента по Центральному федеральному округу Г.С. Полтавченко.

Оппозиция губернатору Платову во время его правления росла, но не объединялась. Давними его оппозиционерами были коммунисты во главе с депутатом Государственной Думы Т.А. Астраханкиной. Вторую часть оппозиции составила интеллигенция, которая делала попытки объединения вокруг доктора экономических наук В.П. Федорова, работавшего начальником антимонопольного управления по Тверской области.

Третья сила была у уволенных Платовым тверских бывших его заместителей, а также уволенных Лебедевым руководителей города. Было важным, на первом этапе объединить вокруг кого-то из лидеров как можно больше сил оппозиции. Несомненно, этому способствовали расследование по уголовному делу о пропаже облигаций, проведенные в связи с этим обыски у губернатора и предъявление ему обвинения.

Возникал вопрос, вокруг кого объединяться. Наши тверские лидеры были под оком правоохранительных органов, объединение с ними, поэтому, было весьма сомнительным. Первым из «московских» появился генерал милиции Зубов, который привлек внимание местной элиты смелыми высказываниями о коррумпированности областных чиновников.

Но его штаб был очень слаб, политического опыта у него не было, конкретной программы вывода области из кризиса тоже. И здесь на областную политическую орбиту стремительно ворвался кризисный управляющий, заместитель председателя Госкомспорта России Дмитрий Вадимович Зеленин. Оценив ситуацию, мы объединились вокруг него и начали активно знакомить его с главами городов, районов, местной элитой, жителями области, так как область для него была совершенно незнакома.

Какие-либо партии, кроме КПРФ и «Единой России», в расчет можно было не брать. КПРФ поддерживала Астраханкину, очень

сложная ситуация оказалась в «Единой России». Центральный политсовет поддержал Зеленина, о чем в Тверской области не сообщали более одного месяца. Одновременно кандидатами в губернаторы шли члены партии «Единая Россия»: сопредседатель регионального отделения партии Ю.М. Краснов, активный член партии, мэр города Ржева А.В. Харченко, действующий губернатор В.И. Платов, федеральный инспектор по Тверской области Ю.В. Цеберганов.

Первым, еще в марте 2003 года, о своем желании идти на выборы заявил действующий губернатор В.И. Платов. Вторым сказал о своем намерении 12 апреля 2003 года бывший вице-губернатор Ю.М. Краснов.

Будучи вице-губернатором, пользуясь полной пассивностью и безволием губернатора, Краснов сделал две попытки инициирования досрочных губернаторских выборов: осенью 2000 года и летом 2001 года. Работая тогда заместителем губернатора, я письменно просил В.И. Платова не прекращать полномочий досрочно. Считал, что выборы губернатора должны состояться в декабре 2003 года и не раньше.

Слухи о досрочных выборах периодически выходили из окружения губернатора. В письмах Платову я объяснял, что в области нет лидера, который может победить на губернаторских выборах. То же самое я писал и в Центральный федеральный округ.

В газете «Вече Твери» от 14 марта 2002 года за полтора года до губернаторских выборов я писал, что до Краснова дошли сведения об этих письмах, его окружение прямо высказывало мне недовольство. «Могу твердо заявить, что у Краснова была возможность победить на выборах губернатора осенью 1999 года, он этой возможности не использовал. Другая такая возможность у него вряд ли будет. Но при таком отношении к своему делу, не победит на выборах и Платов. Жители области не простят ему двухлетнего бездействия, конфликтов с законодательной властью, главным федеральным инспектором, властями города Твери, кадровой чехарды и хаотичного управления», – писал я в статье 14 марта 2002 года [32].

В письмах губернатору Платову в 2000–2001 годах я утверждал, что до губернаторских выборов есть время – более двух лет, можно подготовить достойного кандидата из молодых политиков, способных вывести область из кризисного состояния. Есть люди, есть земля, есть наука, промышленность, но нет четкой организации деятельности.

Но губернатор Платов работал не для системы, а для своей популярности. Примеров достаточно много. Надбавки к заработной плате бюджетников он устанавливал не до принятия бюджета на очередной год, а сразу после утверждения его Законодательным Собранием. Тем самым всю ответственность за положение дел он переносил на глав городов и районов. Платов знал, что деньги эти в бюджетах муниципальных образований не предусмотрены, и поступал не «по-джентльменски».

Так же поступил с компенсациями владельцам коров, обещав выплачивать их каждый год. Первый и последний раз компенсации в сумме четыреста рублей на корову были выплачены в 1999 году перед выборами. Губернатору предлагали создать фонд поддержки селян на эту сумму, но он на это не пошел, политика и здесь взяла верх над экономикой.

Платов сдал свою первую команду, которая вывела его во власть в декабре 1995 года, и практически остался один. В трудную минуту ему никто не помог при таком его отношении к людям. Эпоха Платова закончилась 7 декабря 2003 года, когда уже в первом туре губернаторских выборов он оказался лишь четвертым, набрав чуть больше двенадцати процентов голосов. Первым стал Д.В. Зеленин, набравший более сорока двух процентов голосов, вместе с ним во второй тур вышел отставной генерал МВД И.Н. Зубов.

Жители Тверской области 21 декабря 2003 года избрали нового губернатора – Зеленина Дмитрия Вадимовича, который принес присягу и вступил в должность перед самым Новым годом – 30 декабря 2003 года.

Во время встреч с избирателями я неоднократно говорил, что судьба преподносит нам подарок в лице грамотного, опытного, умелого кризисного управляющего, способного вывести нашу область из кризиса. Надо воспользоваться этим, хуже области уже не будет. Так началась новая страница истории Тверской области в связи с избранием 27 губернатора.

(Записано 2–5 января 2004 года)

Начальник управления

Их, таких людей немало,
много есть таких на свете,
кто меня корит нещадно,
кто меня бранит жестоко.
«Калевала», песнь 23, стр. 277

Я активно участвовал в выборах второго губернатора области Д.В. Зеленина, так как у него была конкретная программы вывода области из экономического кризиса. Я к тому времени был безработным, мне нужно было думать и своем будущем. После своей победы губернатор области Д.В. Зеленин собрал своих активистов на встречу в центр «Дорожник», что в поселке Эммаус, 23 декабря 2003 года. Во время разговора в узком кругу он сказал, что будет формировать свою команду после 20 января 2004 года.

Утром 19 января 2004 года я позвонил на мобильный телефон губернатора, Зеленин в это время ехал из Москвы в Тверь. Дмитрий Вадимович сказал, что к вечеру мне позвонят. После обеда позвонила И.В. Блохина, которая формировала тогда команду губернатора, позднее она стала руководить его аппаратом. Предложила мне прийти к ней на следующий день, 20 января. Разговор был долгим, более часа, она сказала, что Дмитрий Вадимович очень хорошо отзывается обо мне и просил внимательно отнестись к моей кандидатуре. Но конкретных предложений по должности в тот день от нее не поступило.

Время для меня шло очень медленно, я нигде не работал и ждал звонка, И.В. Блохина позвонила утром в четверг, 29 января, попросила после обеда подойти к ней. Она предложила мне возглавить управление административных органов, так как я юрист и имею опыт работы. Я, долго не раздумывая, здесь же согласился, спросил, когда надо приступать к работе, она ответила, что со 2 февраля.

Со 2-го февраля 2004 года меня назначили начальником управления административных органов. Началась моя новая работа, благодаря которой я снова вернулся в свою молодость, на 27 лет назад, когда пришел работать в органы прокуратуры.

К февралю 2004 года управлению административных органов Тверской области было всего 2 года и 3 месяца с момента его создания. Создавал его бывший работник прокуратуры, проработавший на от-

ветственных постах, Александр Анатольевич Кузнецов. Управление административных органов Тверской области было создано с целью проведения на ее территории единой государственной политики по вопросам укрепления законности, профилактики правонарушений и преступлений во взаимодействии с органами исполнительной власти области, местного самоуправления, правоохранительными и контролирующими структурами.

Ко времени моего назначения были решены основные организационные вопросы по созданию института мировых судей. Открыто 56 участков мировых судей из 73, которые ютились в ветхих, порою аварийных помещениях или в зданиях федеральных судов. Но не были определены основные направления взаимодействия с силовыми и контролирующими структурами, а также с органами местного самоуправления по вопросам укрепления законности, профилактики преступлений и правонарушений.

На другой же день после своего назначения, 3-го февраля, я провел первое совещание с работниками управления, рассказал о себе, познакомился со своим заместителем А.А. Артамоновым, заведующими отделами. Предложил до конца недели уточнить план работы на 2004 год, так как в нем не нашел мероприятий по взаимодействию с силовыми и другими структурами. Не была предложена работа с административными комиссиями в городах и районах области. Не было речи о создании в районах области межведомственных комиссий по профилактике преступлений. Не запланировано проведение в районах координационных совещаний по профилактике преступности.

Вообще не было задумано составление областных программ помощи милиции и другим силовым структурам по обеспечению их за счет областного бюджета квартирами, машинами, оргтехникой, мебелью и оборудованием. Ведь прежде, чем спросить работу, надо создать условия для работы.

Уже на следующем совещании 9 февраля мы решали, какие функции оставить себе, а какие передать другим структурам с целью выполнения положения об управлении. Решили остановиться на трех важнейших задачах: становление и развитие мировой юстиции в области; взаимодействие с правоохранительными и другими органами по профилактике преступлений и проведению единой государственной политики по борьбе с преступностью; а также вопросы помилования осужденных. Решили вынести за рамки нашей деятельности воп-

росы антитеррора, миграции, межнациональных отношений, борьбы с коррупцией, что нам также тогда предлагали.

За 2,5 месяца – к 15 апреля 2004 года я проехал 27 городов и районов области, провел совещания у глав с участием руководителей правоохранительных органов: начальников милиции, прокуроров, судебных приставов, федеральных и мировых судей, руководителей уголовно-исполнительных инспекций. Речь шла о становлении мировой юстиции, о создании системы по профилактике преступлений и борьбе с преступностью в нашей области, об оказании помощи милиции за счет областного и местных бюджетов.

В связи с важностью задач, поставленных перед управлением, его статус с февраля 2004 года был повышен. Оно стало не управлением администрации Тверской области, как было до этого, а ***управлением административных органов Тверской области***. Я был подчинен непосредственно губернатору области Зеленину, а не кому-либо из его заместителей.

С марта начала работать конкурсная комиссия по назначению на должности сотрудников управления заведующих аппаратами и секретарей судебных участков мировых судей. Заведующей организационно-правовым отделом была назначена О.И. Гаврилова, заведующей отделом материально-технического обеспечения Г.В. Сатарова.

26 марта 2004 года я предложил принять на должность руководителя службы безопасности губернатора, бывшего начальника Редкинского отделения милиции Конаковского района П.А. Козлова. Было еще четыре кандидатуры, но губернатор выбрал Козлова, который отработал с Зелениным до конца его деятельности на должности губернатора.

Почти через год, в конце января 2005 года у меня появился второй заместитель М.А. Алексеев, с которым мы были знакомы с 1978 года, когда он работал прокурором Молоковского района, а я – Сонковского района. Михаил Арсентьевич Алексеев стал ответственным за создание системы профилактики преступлений в области, подготовку законопроектов, разработку и реализацию областных программ, а также за работу комиссии по помилованию. До назначения Алексеев работал заведующим отделом по обеспечению деятельности комиссии по помилованию.

Заместитель А.А. Артамонов занимался укреплением материальной базы мировой юстиции: поиском и ремонтом зданий и поме-

щений, организацией снабжения участков необходимой техникой, оборудованием, мебелью, а также системами жизнеобеспечения участков.

Я усиленно занимался взаимодействием с руководителями силовых структур, главами районов, «пробиванием» проблемных вопросов в администрации области и других организациях, кадровыми вопросами и финансами.

В связи с вакансией должности заведующего отделом помилования, туда стал проситься В.Н. Зайцев, заявляя, что устал на должности заведующего отделом по взаимодействию с правоохранительными органами. На место В.Н. Зайцева я назначил бывшего дважды полковника А.А. Абрамова. Сначала он дослужился до этого звания в армии, после отставки это звание ему оставили в милиции. После отставки в милиции, Абрамов пришел к нам рядовым специалистом отдела материально-технического обеспечения. С этой должности он был назначен заведующим отделом по взаимодействию с правоохранительными органами.

Протесты пенсионеров. Особенно сложной была обстановка в области в начале 2005 года, когда пенсионеры не согласились с введением закона о монетизации. 9 мая 2005 года отмечалось 60-летие победы над фашистской Германией. То ли по недоразумению, то ли по беспечности, правительство России и Государственная Дума преподнесли ветеранам и участникам Великой Отечественной войны, всем пенсионерам своеобразный юбилейный подарок. Они своим законом отменили льготы ветеранам, которые мы с большим трудом вводили с 1996 года. Эти льготы решено было заменить деньгами, предварительно не рассчитав стоимость льгот и необходимую для этих целей сумму. Ветеранов стали обижать, начали хитрить, ничего толком не разъясняя, постепенно снижать суммы причитающихся выплат вместо льгот.

Если проездной билет по городу на троллейбусе стоил тогда 255 рублей в месяц, то ветерану на его покупку сначала стали давать по 100 рублей в месяц, позднее по 150 рублей. По всем средствам массовой информации пошли сообщения, что для приобретения проездных билетов с 1 марта 2005 года будет увеличена пенсия на 240 рублей. Торговля быстро среагировала на эту информацию, повысив цены на продукты, не дожидаясь даты повышения пенсии.

Одновременно с отменой льгот на проезд отменили льготы на лекарства, увеличили тарифы на отопление, горячую и холодную воду. В некоторых районах Тверской области увеличение этих тарифов произошло в 2–3 раза. Вместе с этим резко возросли цены на продукты питания, бензин, плата за телефон.

Получив такой предъюбилейный «подарок», ветераны войны и труда, пенсионеры вышли на улицу. Первые их массовые выступления в Твери пришлись на 18 января 2005 года, митинг у здания администрации области продолжался пять часов – с 11 до 16, при этом на три часа было перекрыто движение автомобильного транспорта по улице Советской и Тверскому проспекту. В митинге приняли участие полторы тысячи человек.

В политической жизни страны произошел социальный надлом. Протест пенсионеров против власти перешел в общественное движение. Президенту России В.В. Путину позднее пришлось признаться, что с людьми поступили неправильно. Реформы надо проводить в тех пределах, на которые согласно и способно наше общество. 2004–2005 годы показали, что поспешная монетизация льгот имела негативные последствия.

Накануне акции пенсионеров, 17 января 2005 года мы у нас в управлении провели совещание с руководителями правоохранительных органов с целью предупреждения перекрытия движения по Октябрьской железной дороге и автомагистрали Москва-Санкт-Петербург. По итогам совещания выработали меры по взаимодействию транспортной милиции с УВД. Мы рекомендовали начальнику департамента социальной защиты активизировать работу с населением по разъяснению Федерального закона о монетизации.

Я направил своего заместителя А.А. Артамонова на следующий день, 18 января, в город Вышний Волочек, где была перекрыта автомагистраль Москва-Санкт-Петербург, для изучения обстановки, проведения встреч с руководителями города и района. Одновременно подготовил предложения губернатору области Д.В. Зеленину, с просьбой поручить его заместителям проведение встреч с представителями митингующих пенсионеров в целях предотвращения обострения ситуации и проведения разъяснительной работы.

После этого, начиная с 19 января 2005 года, мы ежедневно докладывали губернатору о ситуации в области. Сообщали, где проходили митинги, кто из руководителей области, городов и районов встречался с митингующими.

До 12 февраля несанкционированные митинги прошли в городах: Бежецке, Бологое, Кашине, Кимрах, Нелидове, Ржеве, Торжке, Твери, а также в поселке Спирово. За период с 17 января по 12 февраля в Твери прошло 14 митингов, в Бежецке – 5. Используя настроения масс, коммунисты решили поднять свой политический вес и организовали проведение митингов по области на один день 12 февраля. Организованные ими митинги прошли в шести городах: Твери, Кимрах, Бежецке, Калязине, Осташкове и поселке Максатихе, число митингующих колебалось от 150 человек в Максатихе до 2 тысяч в Твери. Одновременно в тот же день партия «Единая Россия» организовала митинги в поддержку политики, проводимой Президентом Российской Федерации, в городах Твери и Ржеве.

15 февраля 2005 года я написал служебную записку губернатору, где сообщал, что ответственные должностные лица администрации области, а также правоохранительные органы заняли выжидательную и пассивную позицию, уклоняясь от конструктивного общения с участниками пикетов и митингов с целью нормализации обстановки. Отрицательную роль играли средства массовой информации, усиленно привлекая внимание жителей города Твери и области к незаконным мероприятиям, придавая им вид легитимных акций. Нужно отметить, что после этой записки несанкционированных митингов в области больше не было. Всего за январь – март 2005 года по области прошла 41 акция против монетизации льгот, из них 22 – несанкционированные.

В Тверской области была очень тревожная динамика роста преступности: 2003 год – 188 преступлений на 10 тысяч человек населения, 2004-й – 196 преступлений, 2005 год – 284 преступления. Во-первых, МВД потребовало регистрации всех преступлений. Во-вторых, все силовые структуры страны и Минэкономразвития подписали совместный приказ о едином учете преступлений. Любая правоохранительная структура обязана была регистрировать заявления граждан. Отсюда произошел такой рост.

Задача нашего управления состояла в том, чтобы объединить усилия всех структур: федеральных, областных, органов местного самоуправления, чтобы наносить по преступности не точечные, а массированные удары. Какие направления с этой целью были выбраны? Первое, мы хотели ужесточить административную практику в

Тверской области, полагая, что это и есть профилактика преступлений. В ходе рассмотрения административных дел пресекаются незначительные, а порой и тяжкие преступления. Когда идет правильная административная практика, проблем меньше. И наоборот.

Например, Государственная Дума в 2006 году приняла закон, согласно которому за управление транспортом в нетрезвом виде можно было применять единственную меру наказания – лишение водительских прав до двух лет. До этого были и штрафные санкции, и лишение прав. Что потеряла наша область в связи с этим законом? Во-первых, около трех миллионов “штрафных» рублей в бюджет. Во-вторых, налицо выявились попытки ухода многих должностных лиц и богатых людей от наказания из-за того, что дела об административных правонарушениях не рассматривались в установленные законом сроки. Где-то ГИБДД недорабатывало, возможно, умышленно пропуская установленный срок передачи материалов в суд, за вознаграждение, где-то судьи были нерасторопны. Этот вывод напрашивался сам по себе, так по рядовым водителям срок рассмотрения дел не пропускали. Мы хотели со всем этим разобраться, навести порядок.

Работая начальником управления административных органов уже третий год, я в 2006 году кожей почувствовал, что в коллективе происходит не то. К тому времени нашим непосредственным куратором был уже не сам губернатор, который курировал нас два года, а вновь назначенный заместитель, генерал-лейтенант Александр Иванович Мирошниченко.

Оказалось, что начальник отдела по взаимодействию с правоохранительными органами А.А. Абрамов втерся в доверие к нашему новому куратору А.И. Мирошниченко. Хотя наш куратор и имел большой опыт военной службы, был в звании генерал-лейтенанта, но в государственной гражданской службе он был новичок. Позднее я узнал, что при помощи Абрамова и некоторых сотрудников его отдела началась неофициальная работа по созданию управления региональной безопасности и реорганизации, в связи с этим, нашего управления. Зачем нужна была эта «тайная» реорганизация? Мудрый, опытный руководитель мог бы собрать всех заинтересованных сотрудников, провести «мозговой штурм», и все бы решилось быстро и без интриг.

На совещании в управлении 6 февраля 2006 года я заявил о том, что в последнее время некоторые сотрудники нашего управления начали активно выполнять напрямую устные поручения заместителя

губернатора А.И. Мирошниченко и секретаря Совета безопасности В.Н. Песенко, минуя меня, как руководителя управления и моих заместителей.

Когда я уезжал в командировки, некоторые сотрудники нашего управления в кабинете Мирошниченко активно работали по изменению его структуры. Я спросил у сотрудников, что это означает? Незнание своих служебных регламентов, желание сделать карьеру или желание плести интриги? Этим самым они подрывают престиж и репутацию нашего управления. Еще раз всем напомнил, что нарушение служебного регламента является дисциплинарным проступком. Поручил всем сотрудникам еще раз изучить положение о прохождении документов в администрации Тверской области. Внимательно повторить свои должностные обязанности согласно регламентам, а также положение о нашем управлении. Все письма в администрацию области должен подписывать только начальник управления или заместитель, исполняющий его обязанности.

Заявил, что все сопроводительные письма по проектам федеральных законов, заключенным договорам, по жалобам и заявлениям граждан, согласно положению, подписывает начальник управления, а не заместитель губернатора А.И. Мирошниченко. Предупредил, что если будут факты прямого обращения кого-либо из сотрудников управления к заместителю губернатора, минуя меня или заместителей, решу вопрос об увольнении работника или вывода его за штат.

Эти решительные действия спасли наше управление от фактической реорганизации на три года, с 2006 до февраля 2009 года. Вторая длительная попытка ослабления нашего управления и его реорганизации была предпринята через девять месяцев, с ноября 2006 года, и продолжалась до сентября 2007 года. Наш куратор А.И. Мирошниченко и первый заместитель губернатора М.В. Бершадский убедили губернатора, передать разработанные нами две программы по общественной безопасности несуществующему тогда управлению региональной безопасности, который они тогда мечтали создать. Послушные депутаты Законодательного собрания в течение 2007 года пять раз передавали эти программы из неоткуда нам, и от нас опять в никуда.

В связи с таким «футболом» очень важных для области программ, на совещании 5 февраля 2007 года я потребовал от всех сотрудников управления, что они могут встречаться с руководителями других

управлений и департаментов, а также с заместителями губернатора только с моего согласия. Другое будет рассматриваться как нарушение должностного регламента. Одного специалиста лишил премии на 25% за то, что он втайне готовил документы для А.И. Мирошниченко о создании управления региональной безопасности, за подписью заведующего отделом Абрамова, а не от имени начальника управления.

При личной беседе я предупредил начальника отдела Абрамова о превышении им своих служебных полномочий. Категорически запретил ему без моего ведома выполнять любые поручения секретаря Совета безопасности В.Н. Песенко, заместителя губернатора А.И. Мирошниченко и первого заместителя губернатора М.В. Бершадского. Я хорошо понимал намерение Абрамова стать начальником вновь созданного управления региональной безопасности. По-видимому, то же самое ему внушали те руководители, чьи поручения он выполнял.

Я написал служебную записку на имя губернатора, что мы справляемся с поставленными задачами по взаимодействию с правоохранительными органами отделом в 4 человека, поэтому нет никакой необходимости создавать для этих целей управление региональной безопасности численностью 30 человек. После этой записки из администрации области в мой адрес прекратились любые телефонные звонки, приглашения на совещания и визиты в управление наших кураторов и руководителей.

Я понял, что появился чиновничий нарыв, его надо проткнуть, иначе могут быть неприятности. Такой нарыв я переживал с ноября 2006 года по март 2007 года, пока губернатор не уволил с должности своего первого заместителя М.В. Бершадского.

30 июля 2007 года была наша встреча с Мирошниченко, где он впервые мне открыто, заявил о создании управления региональной безопасности на базе нашего отдела взаимодействия с силовыми структурами, и поручил начать процедуру по передаче туда наших кадров. Фактическую подготовку к созданию этого управления они к тому времени проводили уже полтора года.

Управление региональной безопасности было создано на бумаге в сентябре 2007 года. Парадокс наших взаимоотношений состоял в том, что губернатор не снял функции вновь созданного управления с нас. К нам по-прежнему обращались главы районов, руководители

управлений и департаментов по вопросам взаимодействия с силовыми структурами, которыми мы уже юридически не должны были заниматься. Так продолжалось с сентября 2007 года по февраль 2009 года, хотя совещания на всех уровнях, в том числе и у губернатора Зеленина, по изменению структуры и штатов нашего управления проводились в тот период почти каждый месяц.

Новое положение о нашем управлении было утверждено постановлением администрации области № 53-па 27.02.2009 года. Нам оставили три задачи: обеспечение деятельности мировых судей, обеспечение деятельности комиссии по помилованию и составление списков присяжных заседателей. Некогда мощное управление, пик популярности которого, пришелся на 2004–2008 годы, превратилось в хозяйственную структуру.

На протяжении всех пяти лет моей деятельности на должности начальника управления административных органов губернатор Зеленин периодически лично давал нам поручения разработать разные программы: по нотариату, адвокатуре, антикоррупционную программу, хотя мы этими вопросами вообще не занимались.

Распоряжением администрации области № 425-ра от 17 сентября 2008 года «О структуре и штатной численности управления административных органов» все аппараты мировых судей были включены в структуру и штат управления. До этого момента мы работали на основании приказа начальника управления и добивались подобного решения администрации области более 4,5 лет. В наш штат были введены первые 20 помощников мировых судей. В управлении утвердили 25 сотрудников, в аппаратах мировых судей – 331 человек, всего 356 человек, дополнительно к тому времени находились в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком 56 работников. Государственными служащими были заведующие аппаратами и секретари судебного заседания, а делопроизводители и уборщицы были бюджетниками.

В мае 2009 года я вышел на пенсию, в январе 2010 года с горечью узнал, что управление не смогло освоить оставшиеся 50 млн рублей, которые я с таким трудом добился в 2009 году для ремонта объекта Вагжанова 13, и прилегающей территории.

Создание мировой юстиции

Приходи, Господь, на помощь,
на подмогу, Милосердный,
в этом деле многотрудном,
в эти тяжкие мгновенья.
«Калевала», песнь 50, стр. 561

Одним из направлений работы управления административных органов было создание мировой юстиции. Практически ни одно мероприятие с участием юристов, какого бы уровня оно ни было, тогда не обходилось без обсуждения этой проблемы.

С первых дней моей работы на должности начальника управления административных органов началась активная деятельность по дальнейшему становлению института мировых судей. К тому времени большинство участков мировых судей было открыто при начальнике управления Александре Анатольевиче Кузнецове.

Кадры. Шел подбор кандидатов на мировых судей, заведующих аппаратами и секретарей судебного заседания. Процедура назначения судьи была долгой, многоступенчатой, порою до полугода с момента сдачи экзаменов до утверждения Законодательным Собранием области. Мировые судьи и работники их аппаратов по своему развитию, уму, деловым качествам, по уровню общей культуры составили пласт новой российской интеллигенции, уничтоженной в первой половине XX века.

Я предложил ввести в практику торжественные открытия участков мировых судей, чтобы они с первых дней понимали свою значимость. 5 февраля 2004 года в кабинете главы Заволжского района города Твери мы торжественно открыли работу участков мировых судей района. Из-за аварийного состояния самих участков, руководство района не решилось провести это мероприятие прямо на месте. С напутственным словом выступила председатель районного федерального суда, прокурор района, глава района. Инициативу по проведению подобных торжественных мероприятий наше управление взяло на себя, организовывал их заместитель начальника управления А.А. Артамонов.

На совещании 9 февраля 2004 года мы впервые упомянули о необходимости разработки программы по становлению и развитию мировой юстиции в области. В феврале 2004 года были назначены

на должности мировые судьи в Бежецком, Вышневолоцком, Краснохолмском, Рамешковском и Селижаровском районах. Я заметил, что порою было лоббирование своих кандидатов со стороны некоторых депутатов Законодательного собрания области. Поэтому с первых дней работы я занял активную и принципиальную позицию во время проведения конкурсов мировых судей на квалификационной коллегии областного суда, по подбору кадров мировых судей только по деловым качествам, исключая разные знакомства и лоббирование тех или иных кандидатов.

В сентябре 2005 года был повышен статус заведующих аппаратами и секретарей участков мировых судей, в связи с этим им увеличили зарплату. На эти должности стали принимать специалистов не со средним специальным юридическим образованием, как было ранее, а только с высшим юридическим образованием. На каждое вакантное место стали претендовать по 3–4 кандидата, которые рассматривались и отбирались на конкурсной комиссии, которая заседала тогда практически каждый месяц. Председателем конкурсной комиссии являлся начальник управления.

В первые годы работы мировые судьи имели запредельную нагрузку, в три раза превышающую допустимую. Так, за 2006 год 73 мировых судей области рассмотрели 77% всех уголовных, гражданских и административных дел. Оставшиеся 23% дел рассмотрели федеральные судьи, которых в области было ровно в три раза больше, чем мировых.

Прошло три года, как мы повысили статус заведующих аппаратами и секретарей судебных заседаний, наступила пора их переаттестации. На 2008 год мы запланировали 11 заседаний аттестационной комиссии, в том числе и выездные заседания в крупные города. Мы взяли для всех одинаковый период работы с 1 сентября 2005 года, когда был повышен статус работников, и по 1 января 2008 года. До конца года мы провели 9 заседаний комиссии, в том числе четыре выездных: в Бежецке, Вышнем Волочке, Западной Двине и Ржеве. Аттестовали 123 государственных служащих из 186, остальные работали менее года, находились в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком. По итогам аттестации 35 работников включили в резерв на помощников мирового судьи.

Подбор и ремонт помещений. Для судебных участков обычно давали самые негодные помещения, которые требовали срочного ремонта. Нашей задачей был подбор помещений для участков мировых

судей, их капитальный или косметический ремонт и оборудование рабочих мест всем необходимым: мебелью, оргтехникой, связью и системами жизнеобеспечения. Шла работа по заключению массы договоров на аренду помещений, водо-, тепло-, электро- и другое снабжение. Сразу же закупали мебель, оргтехнику, бумагу и все необходимое для работы мировых судей.

По состоянию на 19 апреля 2004 года были подобраны все 42 помещения для участков мировых судей. Брали все, что давала местная власть, а она давала самое худшее, никому не нужное. Необходимо было срочно проводить в них капитальный ремонт и создавать системы жизнеобеспечения. Мы думали, что это временные помещения, на несколько месяцев, но оказалось, что на 2–3 года. За три месяца, к 1 мая 2004 года, мы открыли 14 участков, к средине августа не работали всего 3 участка из 73.

К концу 2004 года после качественного ремонта выделенных помещений мы официально открыли судебные участки в городе Бежецке (28.05.), ЗАТО «Озерный» (07.07.), городе Ржеве (16.07.) и Рамешковском районе (26.08.2004 г.)

В 2005 году были капитально отремонтированы и открыты участки мировых судей в районах: Весьегонском (25.01.), Фировском (17.02.), Краснохолмском (28.04.), Селижаровском (25.05.) и Лесном (16.12.).

К весне 2005 года все 73 участка мировых судей в области были открыты и работали. Из них половину судей работали в приспособленных неотремонтированных помещениях, которые были готовы в 2005–2007 годах.

5 июля 2005 года комитет по государственному устройству и местному самоуправлению Законодательного собрания Тверской области заслушал мою информацию о ходе реализации Закона «О порядке назначения и деятельности мировых судей Тверской области». По итогам обсуждения законодатели приняли решение просить губернатора области поощрить работников управления административных органов за успешную реализацию этого закона, что было сделано. Меня и моего заместителя А.А. Артамонова наградили знаком «За заслуги в развитии Тверской области», сотрудников управления поощрили грамотами, благодарностями и премиями.

Мы два года потратили на то, чтобы нам выделили средства на ремонт нашего основного здания в Твери по улице Вагжанова 13, где должны были разместиться все судебные участки города Твери, Кали-

нинского района и наше управление. В конце 2005 года начали ремонт третьего этажа, исходя из суммы полученных денег. В апреле 2006 года перевели туда судебные участки Заволжского района, которые более двух лет ютились в аварийном доме. Туда же переехало наше управление с улицы Советской 44, где нас располагали, где придется, на разных этажах здания администрации области.

К сентябрю 2006 года была отремонтирована первая половина второго этажа по Вагжанова 13, в начале октября мы перевели туда из здания федерального суда мировых судей Пролетарского района, а также перевели из ветхого помещения мировых судей Московского района. Пришлось временно уплотнить их на новых площадях, заняв рабочими местами все залы судебных заседаний.

В ночь на 31 июля 2007 года в помещение участка мирового судьи Ржевского района Н.В. Завалий через разбитое окно были брошены три бутылки с зажигательной смесью, сгорели три кабинета, виновных так и не нашли. Пришлось срочно готовить проектно-сметную документацию и проводить там ремонт.

На период развития мировой юстиции, начиная с 2008 года, мы запланировали постепенное расширение площадей для 49 участков в 8 городах и районах области, где площадь на участок была менее 100 кв. метров. К ним относились 23 участка для города Твери и Калининской района. Нам оставалось отремонтировать помещения в Твери Вагжанова 13, Белом, Торжке, Ржеве, Кесовой Горе и Конакове. В Белом нам дали здание бывшего банка, в Торжке – бывшего СПТУ, в Кесовой Горе – помещение организации «Телекома», в Конакове – лесхоза.

К концу 2008 года мы смогли отремонтировать здания и помещения участков мировых судей в Андреаполе, Бологое, Кашине и Ржеве, расширив там площади за счет выехавшего магазина и устранив последствия пожара. Самый последний объект, который я принял во время своей работы, было помещение банка в городе Белом, которое мы отремонтировали и приняли 25 марта 2009 года. Уже без меня заканчивали ремонт в оставшихся двух районах – Кесовой Горе и Торжке.

К началу мая 2009 года был полностью отремонтирован первый этаж здания по улице Вагжанова, 13. В период с 14 по 18 мая сюда переехали участки мировых судей Калининского района, были приведены в порядок все помещения для архивов. Таким образом, к тому времени были отремонтированы три этажа здания, туда перевели участки всех

мировых судей города Твери и Калининского района. Четвертый этаж по-прежнему занимали сотрудники миграционной службы.

Последним моим делом была очередная попытка выселения миграционной службы с 4-го этажа нашего здания по улице Вагжанова, 13. Накануне своего увольнения 28 мая я добился проведения совещания по этому вопросу в администрации области. Но заместители губернатора Мирошниченко и недавно назначенный москвич Павлов меня не поддержали. Тогда я внес предложение сообщить о невыполнении миграционной службой распоряжения администрации и поручения губернатора полномочному представителю Президента по Центральному федеральному округу.

Заместители губернатора ответили, что делать этого не надо, иначе я подведу всю администрацию области, сказали, что подумают до утра. Утром 29 мая этот вопрос так и не был решен. Таким образом, до конца своей работы в должности начальника управления я так и не смог добиться выселения с 4-го этажа нашего здания управления федеральной миграционной службы, потратив на эту тяжбу три года времени, много сил и нервов. В этом мне не помогали, а даже откровенно мешали губернатор области, желавший иметь добрые отношения с руководством федеральной миграционной службы, и его заместители. Другие вопросы становления и начала развития мировой юстиции в области практически были решены.

В 2020 году мне сказали, что в течение 10 лет после моего увольнения больше никакого ремонта зданий участков мировых судей не было, снабжение участков мировых судей резко ухудшилось, порою сотрудникам и судьям приходилось покупать бумагу и конверты за свой счет. Мировым судьям города Твери и Калининского района приходится работать в стесненных условиях, когда залы судебных заседаний заняты рабочими местами сотрудников аппаратов. Узнал, что миграционная служба выселилась с четвертого этажа здания по улице Вагжанова, 13, лишь через одиннадцать лет после моего выхода на пенсию, в 2020 году, там был проведен, после них, капитальный ремонт.

Развитие мировой юстиции. В апреле 2006 года мы приступили к разработке проекта областного закона и других нормативных актов по созданию 10 дополнительных участков мировых судей. Одновременно начали добиваться введения в штат помощников мировых судей. К июню 2006 года по-прежнему во временных помещениях находились судебные участки в Конакове и Ржеве. В Конакове нужны были

дополнительные площади, в Ржеве нам выделили помещение, но мы долго не могли оттуда выселить казино.

29 июня 2006 года я на Законодательном Собрании области защищал нашу инициативу по увеличению числа участков мировых судей на 10, было решено направить законопроект в Государственную Думу.

Начиная с 2008 года, все наше внимание было обращено на ***развитие*** института мировых судей, мы считали, что ***становление*** его к тому времени было закончено. До ноября 2007 года, пока мы капитально не отремонтировали и не сдали последнее основное здание в городе Вышнем Волочке, шло становление мировой юстиции, с ноября 2007 года началось ее развитие. Об этом мы заявили на совещании мировых судей и сотрудников их аппаратов в конце февраля 2008 года.

13 марта 2008 года Законодательное Собрание области рассмотрело закон об открытии в области 10 дополнительных участков мировых судей. К этому времени мы уже решили вопрос с помещениями для них в 7 районах. Не подобрали помещения для дополнительных участков в Конаковском и Торжокском районе, и не смогли выселить магазин из здания мировых судей в Ржеве. К 13 мая 2008 года на дополнительных участках работало по одному сотруднику, а уже в июле все штаты там были укомплектованы.

В связи с включением в наш штат в сентябре 2008 года помощников мировых судей, мы сразу же объявили на них конкурсы. Определили требования к кандидатам: высшее юридическое образование, стаж работы по юридической профессии не менее 3-х лет и стаж государственной службы не менее 2-х лет. Высшим юридическим образованием признали магистратуру, бакалавры из конкурсов исключались.

С 24 декабря 2008 года были назначены первые в истории Тверской области помощники мировых судей: И.Ф. Лебедева на участок № 1 города Вышнего Волочка и района, С.В. Дмитриева на участок № 5 города Вышнего Волочка и района. Кроме них назначены У.В. Лебедева на участок № 1 города Ржева и района, М.А. Абрамова на участок № 1 Московского района города Твери и И.А. Зубарева на участок № 3 Центрального района города Твери. Еще 9 помощников были назначены в марте 2009 года.

Ежегодные совещания. Каждый год в конце февраля мы проводили совещания мировых судей и работников их аппаратов. В работе совещаний принимали участие губернатор области Д.В. Зеленин, представитель Президента Ю.В. Цеберганов, председатель областного суда А.Ю. Шмелев, начальник судебного департамента В.А. Каширин.

Также принимали участие руководители Законодательного собрания, областной прокуратуры, службы судебных приставов, управления внутренних дел, других правоохранительных органов. К совещанию мы готовили распоряжение губернатора о награждении мировых судей и мои приказы о поощрении сотрудников. Первые два мировых судьи В.А. Овчинников из Красного Холма и Н.П. Козлова из Вышнего Волочка в 2007 году получили звание «Почетный юрист Тверской области».

Совещание 2008 года мы готовили, как обычно заранее, направили приглашения губернатору, председателю Законодательного собрания, полномочному представителю Президента, председателю областного суда, руководителям силовых структур.

Неожиданно, накануне семинара в 15 часов дня, мне позвонил председатель Законодательного собрания области А.Н. Епишин и в категоричной форме потребовал перенести семинар на конец марта, так как он узнал о нем только сегодня. Заявил, что если я не перенесу семинар, он поставит вопрос о моем увольнении. Пришлось мне срочно писать письмо о том, что приглашение ему было направлено еще 25 января, повторное письменное напоминание – 14 февраля. Что переносить семинар мы не намерены, несмотря на угрозы моего увольнения. Это письмо я отправил с нарочным. Вечером того же дня Епишин по телефону извинился передо мной, заявив, что мои письма они получали, но он никого на семинар не направит. Правда, от этого мы нисколько не пострадали, так как представитель Законодательного собрания области ни на одном семинаре в течение всех лет моей работы не выступил.

Создание системы профилактики преступлений

Принеси мне меч каленый,
дай клинок мне искрометный,
чтоб с недугами сразиться,
извести лихое племя.
«Калевала», песнь 45, стр. 506

Вторым важным направлением работы управления административных органов Тверской области было создание системы профилактики преступлений в области. Как и всю Россию, Тверскую область захлестнула волна коррупции.

В 2005 году 77% населения России не доверяли милиции и 63% – судам. В других странах есть понятие «незаконное обогащение», когда не надо изобличать должностных лиц за взятки. Там проверяют, на какие средства куплены квартиры, машины, построены коттеджи, дома, дачи. Иначе, с какой целью чиновники декларируют свои доходы? А число чиновников в России к 2002 году увеличилось в 2 раза по сравнению с их числом в СССР к 1980 году и составило 1 миллион 259 тысяч без военных и милиции [33].

По уровню и типу коррупция Россия приблизилась к нефтедобывающим странам: Азербайджану, Венесуэле, Индонезии, Ираку, Ливии, где коррупция пронизывала все уровни власти, начиная с самого верхнего [34].

Коррупция в Тверской области к 2005 году также становилась все более массовой. ***В сентябре 2005 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по техническому заданию нашего управления провел исследования по оценке деятельности органов власти Тверской области по борьбе с преступностью.*** О коррупции и воровстве в правоохранительных органах заявили 24% опрошенных, больше всего: Вышний Волочек – 49%, Ржевский район – 42%, Кимрский и Бежецкий районы – 33%. Было заявлено, что первоочередной задачей, которую необходимо решить в Тверской области, является борьба с коррупцией и злоупотреблениями в органах власти.

Проблема коррупции в милиции – это часть проблемы коррупции в государстве. Рядовые сотрудники милиции недоумевали, почему майор милиции, имея небольшую зарплату, может ездить на иномарке – «Ауди», «Мерседесе» и других машинах. А начальник районного отдела милиции не стеснялся ездить на дорогом джипе. Возникал вопрос, а на какие средства приобретены ими в собственность эти машины? В среде милиционеров утверждалось мнение, что чем выше должностное положение начальника, тем больше размер коррупции. А эпизоды борьбы «с оборотнями» чаще всего «показуха», которая не устраняла глубинных причин коррупции.

Когда молодой сотрудник милиции еще не адаптирован в обстановке, он старается наработать любые связи. Обзаводится не только полезными, но и социально-негативными связями. Постепенно он начинает реализовывать эти связи и иметь для себя, для семьи какую-то выгоду. И тогда происходит процесс, когда милиционер заинтересован в коммерческой деятельности, а коммерсант – в милицейской

деятельности. И как любой разумный человек, он начинает двигаться в ту сторону, где ему платят деньги и кормят.

К тому же были нередки случаи, когда сотрудник милиции, пытающийся пресечь преступную деятельность, сам оказывается наказанным. Такие «наказания» милиционеров за добросовестное исполнение ими своих обязанностей также провоцировали коррупцию. Таким образом, коррупция в рядах милиции была связана также с правовой незащищенностью и уязвимостью ее сотрудников [35].

Система профилактики правонарушений. Если с самого начала работы сотрудникам нашего управления были понятны задачи по становлению мировой юстиции, то по вопросам взаимодействия с силовыми структурами по проведению единой государственной политики в сфере профилактики преступлений никаких наработок не было. Поэтому с первых дней своей работы мы вместе с сотрудниками управления ***начали разрабатывать систему профилактики преступлений в области***. В нее входили:

1. Межведомственные комиссии по профилактике правонарушений, как областные, так и районные;
2. Районные административные комиссии;
3. Координационные совещания по профилактике правонарушений.
4. Областные программы профилактики правонарушений. Несколько слов по каждому направлению.

Межведомственные Комиссии по профилактике правонарушений. С самого начала создания межведомственных комиссий их проведение было поручено мне. На заседаниях комиссий рассматривались самые актуальные проблемы профилактики правонарушений и преступлений по всем направлениям. Я предоставлял слово руководителям силовых структур и их представителям. Проект решения готовили заранее, в ходе обсуждения вносили туда поправки и дополнения. Примерно с 2007 года ряд комиссий провел заместитель губернатора А.И. Мирошниченко, но большинство заседаний он поручал вести мне.

В декабре 2005 года наше управление разработало положение о Совете безопасности Тверской области. К этому времени уже был назначен секретарь Совета безопасности В.Н. Песенко, его председателем стал губернатор Д.В. Зеленин. Основными направлениями работы

Совета безопасности мы записали антитеррор, борьбу с коррупцией, а также основные программы с точки зрения национальной безопасности: жилищную, продовольственную, образования и здравоохранения. Составили план работы Совета безопасности на 2006 год, исходя из графика его заседаний один раз в квартал.

На заседании межведомственной комиссии 4 февраля 2006 года мы решили добиваться введения в крупных районах, где была сложная криминогенная обстановка, должности заместителя главы по общественной безопасности. Просили организовать в районах межведомственные комиссии по общественной безопасности и профилактике преступлений. Разработать там комплексные программы по борьбе с преступностью с финансированием из местных бюджетов основных мероприятий.

С января 2008 года мы передали вновь созданному управлению региональной безопасности организацию работы областной и районных межведомственных комиссий по общественной безопасности и профилактике преступлений. Но они не стали заниматься методической помощью районным межведомственным комиссиям, а также при разработке районных программ профилактики преступлений.

Районные административные комиссии. В систему профилактики правонарушений входили административные комиссии в районах и сельских поселениях, они рассматривали 40 составов правонарушений. За 2004 годы было создано 43 административных комиссии, их не было лишь в Рамешковском и Сонковском районах. 30 ноября 2004 года мы провели первый семинар с председателями и секретарями районных и городских административных комиссий. Такие семинары мы проводили ежегодно в течение четырех лет, пока эти комиссии у нас не взяли в 2008 году и их не развалили. К концу 2005 года к нам пошли хорошие отзывы от глав районов, где прошли первые заседания вновь созданных административных комиссий. Они хотели более тесного сотрудничества с нашим управлением, чтобы не допускать ошибок. За 2005 год районные административные комиссии рассмотрели около 5 тысяч дел.

С января 2008 года мы передали вновь созданному управлению региональной безопасности все материалы по организации работы районных административных комиссий. Но они вообще забыли и забросили административные комиссии в районах области, которые, активно проработав четыре года, постепенно ликвидировались.

Координационные совещания. В систему профилактики правонарушений вошло проведение координационных совещаний у глав городов и районов с руководителями правоохранительных и контролирующих органов. На 2004 год мы запланировали такие совещания в десяти районах области, где была неблагополучная криминогенная обстановка. Но уже к средине июля я провел координационные совещания с руководителями правоохранительных органов, судьями и главами в 27 районах области. Этого требовала создавшаяся в области обстановка по профилактике преступлений, а также введение в действие института мировых судей. Совещания мы готовили вместе с главой района. С февраля 2005 года их стал готовить мой заместитель М.А. Алексеев, на совещания мы ездили с ним вместе. В конце 2005 года меня стал просить заведующий отделом взаимодействия с правоохранительными органами А.А. Абрамов брать его с собой. Он тогда еще не вел «двойную» игру, я брал его в Нелидово и Кимры.

Во время таких координационных совещаний оперативно решались многие вопросы взаимодействия различных федеральных и областных структур по профилактике преступлений. Некоторые предложения мы сразу стремились реализовать. Например, в административный закон области внесли изменение, дающее право составлять протоколы о нарушениях уполномоченным органов государственной власти. Предложили ввести туда новую статью, дающую такое право должностным лицам Дорожного фонда в пределах их компетенции.

Бытовые преступления совершались часто теми людьми, которые находили деньги на наркотики, водку, но не находят их на оплату жилья и коммунальных услуг. Мы видели, что разрешенной законом практики переселения таких злостных должников из нормальных квартир в общежития в области не было. То есть переселенческого фонда не существовала, поэтому оплата услуг ЖКХ по решениям судов была очень низкая, в некоторых районах всего от 13 до 30%. Постепенно в области стал формироваться необходимый переселенческий фонд.

Нетерпимая обстановка сложилась с правонарушениями в сфере экономики: незаконные порубки леса, хищения цветных металлов, вольное обращение с земельными участками. Мы искали и находили пути выхода из создавшихся положений.

В 2004–2006 годах проведено 56 подобных совещаний, на которых обсуждались пути снижения преступности, исходя из конкретной ситуации в том или ином районе области, а также помощи силовым

структурам из областного бюджета. Как я узнал позднее, о значимости таких совещаний начальник отдела Абрамов говорил куратору А.И. Мирошниченко

В связи с созданием в сентябре 2007 года управления региональной безопасности, мы не запланировали проведение в 2008 году координационных совещаний в районах области по профилактике преступлений. Как я потом узнал, про совещания силовых структур в районах области вновь созданным управлением было забыто. Однако эту идею подхватила прокуратура области, которая провела несколько подобных координационных совещаний.

Областные комплексные программы профилактики преступлений. Чтобы требовать от силовых структур надлежащей работы по профилактике преступлений, нужно было материально укрепить милицию и другие службы. Администрацией Тверской области в 2005–2008 годы было сделано для милиции столько всего необходимого, сколько не было сделано за 15 лет до нас. Было закуплено нужное количество автомашин, оргтехники, мебели, покупали сотрудникам квартиры, ремонтировали здания отделов милиции.

В систему профилактики входили как областные целевые программы, так и районные комплексные программы профилактики преступлений. В этих программах, кроме организационных мероприятий, предусматривалось укрепление материальной базы милиции и других федеральных структур, работающих на территории области. В том числе приобретение жилья для сотрудников, автомобилей, автобусов, оборудования, оргтехники, мебели.

В ответ на заботу областной администрации, в эти годы правоохранительные органы области раскрыли и расследовали много громких уголовных дел, ставших известными всей стране.

В апреле 2004 года наше управление разработало первую программу по профилактике преступлений на 2005 год, и представило ее на заседание администрации области. Однако согласования и визирование этой программы заместителями губернатора и заинтересованными структурами затянулось на срок более года, и она была принята лишь в 2005 году. По этой программе в августе 2005 года мы закупили для милиции 75 легковых машин, 27 квартир, оргтехнику, мебель и оборудование для кабинетов.

После первого удачного опыта, управление в 2005–2006 годах разработало новую комплексную программу «Общественная безопас-

ность и профилактика преступлений на 2006 год». Одновременно по поручению губернатора начали разрабатывать программу по повышению безопасности дорожного движения. Эти две программы предусматривали значительное финансирование, поэтому они ежемесячно исключались из повестки дня заседаний администрации области. Это было сигналом, что программы хотят передать на исполнение не нам, а другому ведомству – несуществующему тогда управлению региональной безопасности.

На рабочем совещании 24 апреля 2006 года я потребовал от заведующего отделом взаимодействия с правоохранительными органами Абрамова объяснение, почему он не выполнил мое поручение от 4 февраля и не подготовил письма главам районов о разработке там комплексных программ по профилактике преступлений. Нужно отметить, что к марту 2007 года в целях профилактики преступлений были разработаны комплексные программы в 21 районе области, созданы межведомственные комиссии в 27 районах.

28 июня 2006 года губернатор наконец-то подписал нашу программу «Общественная безопасность и профилактика преступлений на 2006 года» и направил ее на рассмотрение Законодательного собрания области. А в это время мы уже активно работали по разработке и подготовке подобной программы на 2007–2009 годы. Включили туда приобретение квартир, машин, оргтехники, мебели и оборудования для УВД, УФСИН, УФСКОН, УФНС, ЛОВД на станции Тверь и ГИМС. На совещании администрации области 31 июля 2006 года мною было доложено, что программа на 2007–2009 годы готова.

15 августа 2006 года я встречался с губернатором области Д.В. Зелениным по подготовке его доклада на заседании Правительства РФ на 7 сентября по вопросам общественной безопасности. Я предложил губернатору, включить в доклад цифры по выделению средств из областного бюджета на программы по общественной безопасности за 2005–2006 годы, а также наши планы по двум программам на 2007–2009 годы.

Сказал, что подобные комплексные программы разрабатываются и в районах области. Д.В. Зеленин предложил мне подготовить ему доклад, где отразить положительные моменты и проблемы. Я указал всего две проблемы: помощь со стороны федеральных структур в финансировании реабилитационно-оздоровительного центра воевавших в «горячих точках» сотрудников МВД, а также финансировании ре-

монта здания ОВД города Вышнего Волочка, общая сумма помощи 70 млн рублей.

Нужно отметить, что за проделанную работу и подготовку доклада губернатором области Д.В. Зелениным мне была объявлена благодарность.

Одновременно в начале сентября мы провели у себя в управлении совещание руководителей заинтересованных силовых структур, чтобы определить основные направления и суммы средств, которые необходимо включить в две программы на 2007–2009 годы.

В это самое время 7 сентября 2006 года Законодательным Собранием области была принята наша программа по общественной безопасности на 2006 год. Для работы нам оставили всего три месяца, в эти сжатые сроки нужно было провести 10 конкурсов и 6 котировок на приобретение квартир, автомобилей, оргтехники, мебели и спецоборудования. Мы составили и утвердили на своем совещании план реализации программы и приступили к его реализации, не дожидаясь ее подписания губернатором области.

- 7–14 сентября – подготовка технических заданий;
- 14–20 сентября – направление технических заданий в департамент госзаказа для проведения конкурсов и котировок;
- до 20 сентября – объявление всех конкурсов и котировок;
- 20 сентября – 10 ноября – соблюдение установленных законов сроков объявленных конкурсов;
- 13–17 ноября – проведение конкурсов и оформление протоколов;
- 20 ноября – 01 декабря – оформление договоров закупок;
- с 4 по 20 декабря – закупка квартир, автомобилей и другого имущества и передача его получателям;
- 20–26 декабря – оплата денег по счетам поставщикам.

Мы были вынуждены следовать столь жесткому графику, чтобы соблюсти все законы и нормативные акты и выполнить программу. Выполнение программы шло по графику, представители силовых структур постоянно находились в нашем управлении, оперативно разрешали возникавшие вопросы. Но случилось так, что за два дня до окончания поставок оставалось невыполненными 6 направлений из 18: четыре квартиры, 10 машин, один автобус, оргтехника и специальное оборудование.

Последующие два дня мы дневали и ночевали единой командой в управлении, четко распределив обязанности. К концу срока исполни-

ли программу на 32,5 млн. рублей, не удалось поставить автомашины и спецоборудование для УФСКОН на 9,98 млн. рублей.

К октябрю 2006 года мы разработали две важные для профилактики преступлений перспективные программы: ***«Общественная безопасность и профилактика преступлений на 2007–2009 годы» и «Повышение безопасности дорожного движения в Тверской области в 2007–2009 годах».*** Эти программы в дальнейшем стали головной болью для нашего управления в результате непродуманных действий представителей администрации области и депутатов Законодательного собрания.

Сразу после разработки этих программ в середине октября 2006 года я ушел в отпуск на три недели. На время моего отпуска пришелся пик активности моих противников. Они добились исключения из нашего финансирования обеих этих программ на 2007 год, без нашего ведома. Когда я пришел из отпуска, мне главный бухгалтер неоднократно говорила, что департамент финансов просит от нас официальное письмо об исключении из финансирования нашего управления этих программ. Я категорически отказался и заявил, чтобы все переговоры представители администрации и Законодательного собрания вели лично со мной.

13 ноября 2006 года на заседании администрации области мы защитили программу «Повышение безопасности дорожного движения на 2007–2009 годы».

30 ноября 2006 года Законодательное Собрание области приняло закон «Об областном бюджете на 2007 год», но этот закон долго не подписывал губернатор. Вплоть до 28 декабря 2006 года главный бухгалтер нашего управления приходила ко мне со слезами на глазах и говорила, что нас заставляют написать официальный отказ от программ, угрожают, шантажируют. Я несколько раз звонил в департамент финансов и заявлял, что оснований для отказа от программ нет.

Новый 2007 год начался с неожиданного сюрприза для нашего управления. Две разработанные нами программы: «Общественная безопасность и профилактика преступлений на 2007–2009 годы», а также «Повышение безопасности дорожного движения на 2007–2009 годы», законом Тверской области № 392 от 30 ноября 2006 года, принятым Законодательным собранием и подписанным губернатором накануне Нового года, были переданы не нам, а несуществующему тогда управлению региональной безопасности.

В это самое время первый заместитель губернатора Бершадский вновь попытался принять действия по моему увольнению, но и второй раз у него ничего не вышло. Об этом мне позднее сказали заместители губернатора, которые почему-то завизировали проект распоряжения о моем увольнении. Но губернатор категорически отказался увольнять меня. 20 марта 2007 года первый заместитель губернатора Бершадский уволился сам по собственному желанию.

В результате беспринципности и поверхностного отношения к делу депутатов Законодательного собрания и губернатора области Д.В. Зеленина, эти две важные программы в течение 2007 года ***пять раз за год*** уходили из нашего управления к несуществующему управлению региональной безопасности, и вновь возвращались к нам. Депутаты ***пять раз*** изменяли закон об областном бюджете, а губернатор Зеленин утверждал своей подписью все эти пять изменений в областном законе.

В конце концов, исполнение программ мы начали только в конце октября 2007 года и выполнили полностью за два месяца, чем вызвали удивление многих, в том числе и недоброжелателей.

События по вышеназванным злополучным программам развивались в жанре детектива следующим образом.

29 декабря 2006 года в газете «Тверские ведомости» был опубликован закон о бюджете на 2007 год. Я прочитал и был поражен до шокового состояния, когда увидал, что нам оставлено лишь финансирование участков мировых судей. До этого времени изменение функций управления с нами никто не обсуждал.

10 января 2007 года, при защите бюджетной целевой программы на 2007 год у губернатора, тот лично подтвердил, что нам остается финансирование лишь участков мировых судей. Может, еще добавится программа по развитию нотариата. Две профилактические программы по борьбе с преступностью переданы управлению региональной безопасности, которого в природе тогда еще не существовало.

Я подготовил служебную записку на имя губернатора, что в таком случае наше управление не может быть заказчиком по программам, и просил снять с нас эти функции. Все письма по программам шли в наше управление, другого управления еще не существовало. Я письменно сообщил нашему куратору А.И. Мирошниченко, что программами, согласно областному закону, мы не занимаемся. Этот закон Тверской области о передаче финансирования, принятый Зако-

нодательным собранием и подписанный губернатором, инициировали не мы, кто инициировал, тот пусть и отвечает на все письма.

На следующий день, ***11 января 2007 года***, я дал поручение работникам управления о прекращении всех действий по программам, заявив, что не хочу считать деньги в чужом кармане и работать за других. Такой «футбол» всех поручений и бумаг по этим программам продолжался в период с 11 по 22 января, пока не пришел пакет документов из Законодательного собрания области. Там говорилось, что защищать программу «Повышение безопасности дорожного движения Тверской области на 2007–2009 годы», согласно распоряжению губернатора области, должен я, а не кто-то другой.

Я позвонил представителю губернатора в Законодательном Собрании Ю.М. Краснову и заявил, что категорически отказываюсь защищать чужую программу – на это я не имею никаких юридических прав – и просил уведомить об этом губернатора области.

Утром 25 января, примерно в половине девятого, ко мне приехал курирующий заместитель губернатора А.И. Мирошниченко, как он выразился, «выяснять отношения». Я ответил, что выяснять отношения не будем, а поговорим о перспективе программ. Здесь два варианта. Первый – изменить в самих программах государственного заказчика на несуществующее управление региональной безопасности, изменив исполнителей. Второй вариант – внести изменения в закон об областном бюджете на 2007 год, и обе программы вернуть нам. Я лично за второй вариант, так как программы разработало наше управление, содержание программ знаю хорошо, и опыт их выполнения у нас уже есть. Заместитель губернатора согласился со мной и поехал на согласование в департамент финансов.

В 10 часов того же дня началось заседание комитета по государственному устройству, где я должен был защищать одну из программ. Заместитель губернатора заявил, что он в департаменте финансов согласовал изменения в бюджете. Никому уже не веря, в присутствии телекамер и прессы, я заявил, что надо сначала определиться, чья это программа. Когда депутаты меня заверили, что будут внесены изменения в бюджет, я приступил к защите программы.

1 февраля 2007 года обе программы Законодательное Собрание вернуло нам, во время моей защиты ни одного депутата против них не было, что и было сделано законом Тверской области от 14 марта 2007 года. Этим законом нам перевели от несуществующего управ-

ления региональной безопасности на один год по двум программам 72,7 млн. рублей. Начиная с февраля, мы стали собирать заявки по этим программам, с разбивкой их по годам, уточнять и конкретизировать их.

Но департамент госзаказа по каким-то причинам приостановил проведение конкурсов по нашим программам на неопределенное время. Я убедил своего куратора Мирошниченко провести у него совещание, чтобы устранить проволочки, совещание прошло, но результатов не было.

Почти одновременно с этим совещанием, без какого-либо нашего участия, тайно от нас, областным законом от ***8 мая 2007 года*** обе программы вновь были переданы несуществующему управлению региональной безопасности. Об этом я узнал только в понедельник 14 мая, сразу же письмами сообщил заинтересованным лицам и своему руководству, что мы прекращаем какие-либо действия по программам.

Через четыре месяца, ***6 сентября 2007 года, обе программы нам снова вернули, одновременно забрав от нас в создаваемое управление региональной безопасности сотрудников всего отдела, который должен был ими заниматься***. Это была не просто бюрократическая чехарда и издевательство со стороны чиновников, пытавшихся создать управление региональной безопасности, это было откровенное противодействие проведению мероприятий по профилактике преступлений в области и улучшения положения на дорогах.

Программы стали для нашего управления головной болью из-за отсутствия кадров и сжатые сроки их исполнения. Я обратился с письмом к губернатору, чтобы до конца года нам вернули обратно специалистов В.М. Курчашова, В.В. Бортяша и А.М. Шамарова. Просил срочно внести поправки в областной закон, записав там исполнителем управление региональной безопасности, а наше управление – заказчиком программы.

Работа по программам началась сразу же, без промедления, работали без выходных и каждый день до позднего вечера. Своим приказом я создал рабочую группу во главе с заместителем М.А. Алексеевым. Мы составили жесткий график проведения мероприятий с указанием сроков, были назначены ответственные лица во всех заинтересованных силовых структурах. Подготовили технические задания по всем конкурсам и котировкам. Получили квартиры, машины, оргтехнику, другое имущество и передали все получателям. К концу года прак-

тически все мероприятия по программам были выполнены, провели 20 конкурсов и 14 котировок, оплатили все счета поставщикам.

На оперативном совещании 17 декабря я просил своих уставших сотрудников выдержать еще 2,5 недели и не сломаться. Я хорошо понимал, что кроме своих основных функций, мы ускоренными темпами выполняли две программы, которые были нашим детищем.

На совещании в управлении 24 декабря 2007 года мне доложили, что по программе «Повышение безопасности дорожного движения» выполнены полностью все 12 пунктов. По программе «Общественная безопасность и профилактика преступлений» из 47 пунктов выполнены 39, а за оставшиеся до конца года пять дней выполнили и остальные пункты, кроме одного. По вине подрядчика не были завершены ремонтные работы одного объекта в городе Кашине.

Когда я по телефону доложил своему куратору А.И. Мирошниченко о выполнении обеих программ, он, неожиданно для меня, сказал: *«Этого не может быть. И сколько денег Вы вернули себе в качестве «откатов»?»*. Я ответил: *«У нас такой мысли не было, и я очень сожалею, что у Вас в голове она есть»*. Положил трубку, и больше долгое время ему не звонил и не разговаривал. В средине января 2008 года он постучал в мой кабинет, попросил разрешения войти, вошел, и мы с ним объяснились. С тех пор отношения между нами стали более доверительными и искренними.

В январе 2008 года я обратился к губернатору с просьбой, о поощрении всей рабочей группы в составе шести человек за выполнение этих программ, всем им была выдана премия. А еще 27 декабря 2007 года у себя в кабинете я торжественно вручил денежные премии 30-ти лучшим участковым инспекторам милиции из районов области.

Позднее я представил, что если бы поддался на шантаж департамента финансов и согласился письмом передать эти программы от нашего управления несуществующему управлению региональной безопасности, то всю вину за их невыполнение, конечно, свалили бы на меня и наше управление.

Я уделил здесь много внимания программам профилактики потому, что они были очень важны для области, для их реализации сотрудники управления потратили много своих сил, здоровья и нервов.

Чужой

Укко в середине неба,
на краю гремящей тучи,
поспеши судьбе на помощь,
на призыв приди скорее.
«Калевала», песнь 17, стр. 186

История с областными программами по профилактике преступлений еще раз показали мне, что многие сотрудники областной администрации не заинтересованы в успехе дела нашей области. Вопреки ожиданиям, новый губернатор Д.В. Зеленин сформировал администрацию не из профессионалов, а из родственников, знакомых и богатых людей из Москвы и других городов. Тверская политическая элита была ими подавлена. С каждым годом работы в команде Д.В. Зеленина я все больше убеждался в том, что здесь личные проблемы многих чиновников довлеют над социальными проблемами. Со временем во мне все сильнее возникало разочарование в правильности выбора, совершенного в 2003 году, но другого выхода тогда не было, милицейский кандидат стал бы еще хуже.

Я видел, как команда губернатора для создания видимости хорошей работы много внимания уделяла показухе и пиару. Губернатор, которому демонстрировали только хорошее и необходимое, по-видимому, сам хотел этой показухи. Его всегда сопровождали средства массовой информации, которые делали пиар как первым лицам области, так и самой области.

С приходом губернатора Д.В. Зеленина в Тверской области приступили к проведению административной реформы. Ее идеологи под видом сокращения штатов начали увольнять многих тверских чиновников, на освободившиеся места пришли люди из Москвы. Появились дополнительные структуры, порою совсем ненужные, с дублированием функций уже имеющихся структур: *управление регионального развития, комитет внутренней политики, контрольно-аналитическое управление, управление по взаимодействию с представительными органами, управление региональной безопасности и другие.*

Штат чиновников к 2009 году увеличился с 900 человек при Платове до 2500 человек, или в 2,8 раза. Если даже был установлен нор-

матив один чиновник на 1000 человек населения, все равно их число оставалось больше почти на полторы тысячи человек.

Уже к середине 2006 года в области была создана бюрократическая корпоративная система управления. Она преследовала две основные цели. Во-первых, получение информации о предприятиях, землях, водных ресурсах и захват лицами, приближенными к областной администрации, берегов рек, озер, лесных угодий, а также создание условий для банкротства и скупки предприятий, объектов и имущества по низким ценам. С этой целью в области действовала когорта советников губернатора, число которых постоянно увеличивалось.

Во-вторых, при губернаторе Д.В. Зеленине сместились приоритеты от социальной защиты бедных слоев к задачам, которые тем или иным образом были связаны с деньгами и дальнейшим обогащением богатых слоев. Эта направленность не противоречила общей ситуации в стране, где шла активная поддержка банкиров, олигархов. Исходя из смены ценностей и целей, была потеряна любая ответственность чиновников за порученный участок работы. Они очень рьяно бросались на выполнение любого поручения губернатора Зеленина, но на все его не хватало. Личной инициативы со стороны многих прибывших московских чиновников не было.

Одновременно создавались структуры для повышения имиджа губернатора с целью приближения его к правительственным структурам. Многие пришедшие чиновники не были профессионалами, но они были родственниками, близкими и знакомыми губернатора и его ближайшего окружения. Молодые, неопытные руководители, открывая для себя обычные жизненные явления, говорили, писали и внушали то, что многие давно уже знали. А сами преследовали корыстные цели обогащения, и до народа им было далеко. Были утрачены система ценностей и идеология укрепления государственности.

С самого начала работы в команде губернатора Д.В. Зеленина я чувствовал какое-то предвзятое отношение со стороны его первого заместителя Бершадского. Ранее я с ним не работал, встречался всего два раза, когда он работал заместителем главы администрации города Твери, и знакомился с нами, сотрудниками администрации города. Что послужило поводом для такого отношения, так и не смог понять.

Мне говорили сведущие люди, что первый раз он сделал попытку подписать у губернатора проект распоряжения о моем увольнении весной 2005 года, после того как я провел проверку по установке спец-

сигналов на машины теми должностными лицами области и богатыми людьми, которым по закону они не положены. Об этих нарушениях я сообщил письмами в облпрокуратуру и ФСБ. Проводилась тщательная проверка юридическим управлением администрации области, имел ли я право писать письма в эти структуры, оказалось, что такое право имел. Губернатор распоряжение о моем увольнении не подписал.

Тогда его первый заместитель Бершадский предпринял длительную атаку на наше управление, начиная с осени 2006 года. Прежде всего, начали проводить «разъяснительную» работу среди сотрудников правоохранительных органов, что наше управление в дальнейшем ими заниматься не будет. Что мы будем заниматься только лишь обеспечением деятельности мировых судей. Эта установка разошлась по всем районам области. Но в марте 2007 года первый заместитель губернатора был вынужден сам уволиться с должности по собственному желанию.

Основная ошибка местных властей в конце XX века – развал сельского хозяйства. Те деревни и села, в которых колхозы были реорганизованы в СПК, живут и дают свою продукцию, жители имеют работу и доход. Поля вокруг деревень, где были ликвидированы колхозы без их реорганизации, зарастают бурьяном, кустарником и лесом. Надежды на фермеров за 20 лет не оправдались. Развал сельского хозяйства – это причина нынешнего положения государства, когда уже пора заявлять о продовольственной безопасности страны.

Вторая причина кризиса, бедственного положения в промышленности и сельском хозяйстве – это низкий уровень общей культуры руководителей всех уровней и олигархов. По данным специалистов, в России всего один процент населения является хранителем русской культуры и культур народов, заселяющих нашу страну. Есть опасения внедрения западной и американской культур одновременно с исчезновением нашей. Чужаки уже заполонили телепрограммы, глянцевые журналы и книги, которые дают разовую прибыль и сразу уходят в небытие. Пока наши руководители и бизнесмены не умеют и не учатся уважать наработанный опыт поколений и брать из него все ценное. Вновь и вновь многое разрушаем и начинаем с нуля, заявляя с широко раскрытыми глазами: «Впервые, впервые, впервые…».

Анализируя систему управления областью командой губернатора Д.В. Зеленина, прихожу к выводу, что эта система негодная, основана на исполнении поручений губернатора. Практически все заместители, руководители управлений и департаментов не проявляли собственной

инициативы и не несли ответственности за порученное дело. Система работы может измениться, если чиновники будут отчитываться за свою работу не перед вышестоящим руководителем, а перед народом, обществом, гражданами, на чьи деньги они содержатся.

Чиновник обязан четко и в срок выполнять свои функциональные обязанности, а не ждать отдельных поручений губернатора. На все направления деятельности одного губернатора не хватит. Но при Зеленине сложилась система, что не чиновники работали на общество, а общество работало на них. Эта безответственность приводила к тому, что чиновники перестали реагировать на просьбы жителей. И даже не отвечали порою на письма и просьбы своих коллег – руководителей управлений и департаментов. И как бы ни раздували штат контрольного управления, система не срабатывала.

Основной задачей чиновника стало желание понравиться губернатору и своему вышестоящему руководителю с целью карьерного роста. На мой взгляд, в этом одна из основных ошибок управления областью команды губернатора Д.В. Зеленина. С годами я испытывал все больше и больше разочарования в том времени, когда активно работал на выборах в поддержку Зеленина, хотя лучшего кандидата тогда не было. Все его слова во время избирательной кампании сводились к желанию значительно улучшить благосостояние жителей Тверской области. Однако на деле много сил и рабочего времени было отдано развитию и процветанию частного бизнеса людей, ставших у власти.

Придя в высший эшелон исполнительной власти, я никогда даже не задумывался о себе, деньгах, коттеджах, машинах, роскоши. Тогда ситуация в области была такой напряженной, что становилась стрессовой, и надо было искать выходы из этого стресса.

Войдя во власть, достойно выйти из нее

Лучше пение закончить,
чем прервать, не кончив песню.
«Калевала», песнь 50, стр. 566

К 2007 году я полностью разочаровался в системе управления областью, созданной губернатором Д.В. Зелениным. Эта система включила в себя значительный рост чиновников и областных структур,

которые занимались «пиаром» губернатора. Она заключалась в очень частой смене заместителей губернатора, руководителей департаментов и управлений.

Наступило полное разочарование в партии «Единая Россия», вступить в которую неоднократно мне предлагали, но я отказывался. Мне не нравились те персонажи, которые раньше руководили комитетами КПСС, а потом стали руководить региональным отделением правящей партии. Об этом я неоднократно заявлял активным членам этой партии у себя в области, а также депутатам Государственной Думы.

Областная власть увлеклась деньгами, одновременно совершенно забыв о духовных ценностях, культуре, литературе, образовании. От власти были отторгнуты носители академических профессиональных знаний. На государственные должности принимали тех, у кого не было никакого морального и профессионального права работать на этих должностях. Власть отторгла от себя и людей моральных авторитетов, о них в области ничего не было известно. Закрывались школы, дома культуры и библиотеки.

Когда становилось очень трудно, я доставал письма, открытки, телеграммы в свой адрес, читал их, понимал свою правоту и был благодарен всем, кто меня поддерживал: «Пусть эта телеграмма поддержит Вас в трудную минуту, поможет найти верное решение, напомнит о том, как уважают Вас коллеги, ценят друзья, любят родные. С уважением глава района».

«Желаю Вам силы духа, умения преодолевать любые трудности. Пусть всегда Вам сопутствует успех в Вашей деятельности. Уверен, что Ваша энергия и работоспособность будут приносить добрые плоды для новых достижений в Вашей неустанной работе на благо Тверского края. Пусть тепло и радость наполняют Ваш дом. С уважением глава района».

«Благодаря инициативе и целеустремленности, Вы всегда находите эффективное решение самых сложных задач. Ваш оптимизм, требовательность и чуткое отношение к людям вызывают искреннее уважение. Пусть Вам во всем сопутствует удача, реализуются новые планы. Крепкого Вам здоровья, счастья и благополучия. Глава района».

«Знакомство с Вами почитается за честь, Вашим расположением гордятся. Дружба ценится, как награда. Вы, как хороший сад, где (если калитку откроют) можно найти пристанище, чтобы укрепиться душой. Пусть хранит Вас Господь и берегут те, кому Вы в жизни на-

дежда и опора. Вашими трудами щедреет благодарная земля Тверская. С уважением начальник департамента».

«Примите наши заверения в искренних и глубоких симпатиях к Вам – неординарной личности, светлому человеку и талантливому управленцу. Талантами измеряются успехи цивилизации, и они же представляют верстовые столбы истории. Мы горды тем, что Тверская земля укреплена таким талантом, каковым являетесь Вы. Руководитель Президентской программы региона».

Я до конца своих дней буду помнить, как меня увольняли с должности заместителя губернатора в 2001 году. Буду помнить, как увольняли с должности начальника управления внешних связей и туризма администрации города Твери в 2003 году. Никогда и никому я не желал и не желаю зла. Но жизнь сама наказывает тех, кто по своей или чужой воле поступает несправедливо.

Нужно отметить, что за годы правления губернатора Д.В. Зеленина в области было сделано достаточно много для улучшения жизни. Были погашены все долги по заработной плате бюджетникам, по детским пособиям. Резко увеличились налоговые поступления в бюджет, который стал более полновесным. Энергично выполнялись программы по газификации населенных пунктов области, по привлечению инвестиций, в том числе зарубежных. На территории области были построены предприятия, выпускающие новые виды продукции. Но все эти достижения были осуществлены на средства страны, полученные в основном от продажи нефти, газа, леса и других сырьевых ресурсов. Стране посчастливилось, что цены на нефть в эти годы резко возросли.

Однако в это время на территории области были остановлены многие действовавшие промышленные предприятия, резко уменьшился валовой объем выпуска продукции. К 2009 году в запущенном состоянии оставалось сельское хозяйство, увеличивалось число безработных.

Вокруг выборов депутатов Тверской городской Думы, которые состоялись 2 марта 2009 года, администрация области заранее подняла большой ажиотаж. Была разработана целая программа действий под названием «спецпроект», ключевым мероприятием которого было досрочное голосование всех сотрудников областной администрации, подведомственных ей структур и служащих, а также членов их семей. С этой целью было проведено совещание всех руководителей исполнительных органов государственной власти. На этом совеща-

нии руководителей учил, как можно обойти закон, ранее судимый за неосторожное преступление советник губернатора.

Имея предыдущий опыт таких совещаний, на него я направил своего заместителя А.А. Артамонова. Когда мне принесли бумаги и доложили, что там было, сильно возмущаясь, я позвонил полномочному представителю Президента по Тверской области Ю.В. Цеберганову и спросил: *«Как случилось, что преступник учит юристов нарушать закон о выборах?»*. Ответа не последовало. Мне было предложено написать объяснение, почему я не был на совещании. В письме было указано, что явка руководителей строго обязательна. Отсутствие могло быть только по уважительной причине – болезнь, командировка за пределы области, совещание у губернатора или курирующего заместителя. Это отсутствие должно быть согласовано с руководителем аппарата губернатора. Но объяснение я писать не стал, понимая свою правоту, напоминаний мне не поступило.

На том совещании в администрации области всем руководителям были поставлены конкретные задачи. С 25 по 28 февраля 2009 года организовать проведение досрочного голосования. Начиная с 25 февраля, руководитель исполнительного органа обязан был ежедневно до 16 часов докладывать в координационный центр о ходе досрочного голосования. До 18 часов 1 марта должны были досрочно проголосовать 95% всех сотрудников исполнительных органов государственной власти и подведомственных учреждений – школ, больниц, учреждений культуры, учреждений социальной сферы и других.

Явка на избирательные участки взрослых членов семей должна быть не менее 90%. При этом за партию «Единая Россия» должны проголосовать 90% государственных служащих и членов их семей. Форма отчета сотрудника и члена его семьи – это предоставление карманного календаря, полученного на избирательном участке. Каждый сотрудник исполнительных органов, приходящий на избирательный участок для досрочного голосования, должен был получить и иметь при себе бланк заявления о причине, по которой он голосует досрочно. По просьбе руководителя исполнительного органа государственной власти к учреждению подгоняли автобусы и организованно везли на избирательные участки.

Я сразу же заявил в координационный центр, который находился в департаменте образования, что каждый человек волен сам прийти на выборы и проголосовать за ту партию, за какую пожелает. Что постав-

ленные задачи – явное нарушение закона о выборах, поэтому никаких досрочных голосований мы организовывать в своем управлении не будем, и никаких ежедневных отчетов я писать не буду. Когда началось давление по телефону о невыполнении поручения, я на всякий случай посоветовался с некоторыми мировыми судьями. Они подтвердили, что я поступаю в соответствии с законом. На очередном совещании в управлении я заявил сотрудникам, что никаких указаний по выборам с моей стороны не будет, каждый на выборах волен голосовать за тех кандидатов, за кого пожелают.

Бюджетные служащие приходили домой, говорили, что их руководители заставляют всех голосовать за партию «Единая Россия» досрочно, иначе грозят даже увольнением с работы. На последующих совещаниях, когда дела с досрочным голосованием пошли не так, как хотели, ответственные лица также заявили, что первые три руководителя исполнительных органов будут поощрены за досрочное голосование, а три руководителя, где худшие показатели, могут быть уволены с работы.

Такая активность администрации области привела к тому, что почти половину депутатских мест в Тверской городской Думе заняли коммунисты, а не члены партии «Единая Россия», как этого хотели. Ответственному за выборы заместителю губернатора не осталось ничего другого, как покинуть свой пост по собственному желанию.

Уйти на пенсию в мае 2009 года я решил еще в 2007 году, к принятию этого решения, кроме возраста, подвигли другие обстоятельства. В 2004 году я пришел начальником управления административных органов с целью создания системы профилактики преступлений и правонарушений в области, создания института мировых судей. Начал активно проводить координационные совещания руководителей силовых структур в районах с участием глав районов. Заработали областная и районные комиссии по профилактике правонарушений. Были приняты областные и районные программы поддержки силовых структур.

И вдруг с сентября 2007 года все эти направления у нас начали постепенно отбирать, создавая отдельное управление региональной безопасности. В феврале 2009 года было принято новое положение о нашем управлении, где нам оставили два направления работы – *обеспечение деятельности мировых судей и комиссии по помилованию*. То есть меня хотели оставить большим завхозом, но эта роль была явно не по мне. Из всех внешних функций осталась одна – представление кандидатов на мировые судьи в Законодательном Собрании.

Я решил для себя, что войдя достойно во власть в апреле 1994 года и отработав 15 лет, нужно достойно выйти из нее.

13 мая 2009 года мне исполнилось 60 лет, в областных средствах массовой информации, кроме областного радио, о моем юбилее статей не было, хотя эта дата попала в книгу «Знаменательные даты области на 2009 год». Поздравить меня с юбилеем пришли более двухсот гостей: заместители губернатора, главы районов, руководители правоохранительных органов, мировые судьи и работники судов. К этому времени наше управление уже три месяца не занималось вопросами взаимодействия с силовыми структурами и более года – проблемами профилактики преступлений. Но поздравить меня с юбилеем пришли руководители и заместители почти всех правоохранительных органов: УВД, УФСИН, наркоконтроля, судебных приставов, ЛОВД на станции Тверь, ГИБДД, налоговой службы. Не было лишь представителей областной прокуратуры, хотя я 12 лет своей жизни отдал службе в этом ведомстве, имея чин «младший советник юстиции».

Почтальоны зачастили с поздравительными телеграммами и открытками, их скопилось более трехсот. Поздравить меня приехали гости из Финляндии. По случаю юбилея я взял недельный отпуск, после которого отработал еще одну неделю, чтобы передать дела своему заместителю А.А. Артамонову.

29 мая 2009 года я подписал обходной лист, сдал удостоверение, пропуск, ключи, мобильный телефон. В последний раз собрал коллектив, поставил шампанское и фрукты, мне пожелали хорошего отдыха, я всем пожелал успехов в работе, и ушел на пенсию.

Я не понимал, почему так были удивлены многие работники администрации области, что добровольно ухожу на пенсию по достижении возраста. Ведь по контракту я мог работать еще три года. Но для себя решил, что надо немного пожить для семьи, детей и внуков. Уже, будучи на пенсии, понял, что, по мнению чиновников, от власти никто добровольно не отказывается. А если кто-то и напишет заявление по собственному желанию, он знает – так надо писать, чтобы не уволили его по желанию руководства.

Некоторые представители областной администрации сделали все возможное, чтобы мой уход на пенсии остался никем не замеченным. Я не вписывался в эту неправильно построенную систему управления страной и регионами, когда чиновники ждут отдельных поручений губернатора, а те – от президента страны.

Отработав на государственной службе более 37 лет, я ушел очень тихо, не было ни одной статьи, ни одного сообщения, кроме областного радио, ни благодарности. Со мной перед уходом не побеседовали ни губернатор области, ни кто-либо из его заместителей. Правда, 8 июня мне сообщили, что губернатор Д.В. Зеленин подписал благодарственное письмо, но это письмо мне передали келейно в моей бывшей приемной почти через месяц.

В своем поздравлении губернатор остановился на основных этапах моего жизненного пути:

«Начальнику управления административных органов Головкину А.*Н. Уважаемый Анатолий Николаевич!*

Примите самые искренние и сердечные поздравления по случаю Вашего 60-летия!

Значительную часть своей трудовой биографии вы отдали служению Отечеству, отстаивая права и интересы жителей Тверского края.

За годы службы в органах прокуратуры Вы проявили себя как истинный профессионал, безукоризненно выполняя задачи по укреплению законности, усилению борьбы с преступностью и правонарушениями на территории Верхневолжья.

Высокой оценки заслуживает Ваша работа в органах исполнительной и законодательной власти. При Вашем участии разработаны Устав области, ряд законов о государственной власти и местном самоуправлении, реализованы областные целевые программы, обеспечивающие правопорядок, в том числе безопасность дорожного движения в регионе.

Благодаря Вашей четкой, спланированной работе сформирована многоуровневая система профилактики правонарушений, что способствовало снижению уровня преступности и административных нарушений, повышению доверия граждан к представителям закона. Важным блоком в реализации программных мероприятий, разработанных Вами, стало улучшение условий труда сотрудников правоохранительных органов.

Грамотный, квалифицированный юрист, принципиальный и ответственный руководитель, Вы пользуетесь заслуженным уважением своих коллег. Не случайно Ваши достижения отмечены почетными наградами и знаками отличия, которые подтверждают Ваш высокий профессиональный уровень, лучшие личные качества.

В день юбилея от всей души желаю крепкого здоровья и хорошего настроения, счастья, благополучия и всего самого наилучшего Вам и Вашим близким!

Губернатор Тверской области Д.В. Зеленин, г. Тверь, 2009 год».

Эх, зачитали бы эти слова губернатора во время торжеств 13 мая 2009 года, цены бы им не было, как говорят, дорога ложка к обеду.

Зато мой юбилей заметили в Республике Финляндия, наградив Рыцарским Крестом I класса ордена Льва Финляндии. Для меня день 5 ноября 2009 года был очень важным, тогда посол Республики Финляндия в Российской Федерации господин Матти Антонен вручил мне орден. Награда вручена за укрепление российско-финляндской дружбы, за активную работу по созданию национально-культурной автономии тверских карел и за написание книг по истории тверских карел.

С ходатайством о награждении вышло Общество друзей тверских карел в Финляндии. В посольство Республики Финляндия выезжали мы с женой, а также брат и сестра Туричевы. Посол уделил нам более 2,5 часов времени. Беседа проходила за обеденным столом, говорили о нынешнем состоянии и будущем тверских карел, их языке и образовании, о моей деятельности в качестве автора книг, о дружественных отношениях с Обществом друзей тверских карел и посольством Финляндии, строили планы нашей дальнейшей работы.

Нужно отметить, что через десять лет, в честь 25-летия образования Общества друзей тверских карел, финскими орденами в 2019 году были награждены активисты карельского движения: З.И. Головкина, Л.Г. Громова, З.А. Туричева и Н.А. Туричев. Зинаида Ивановна Головкина награждена Крестом Заслуг ордена Белой розы Финляндии.

Взгляд с высоты «областной колокольни»

Вот теперь уж и не знаем,
и не ведаем уж вовсе,
что за путь ведет нас дальше.
«Калевала», песнь 30, стр. 367

С 1994 по 2009 годы, целых 15 лет, я смотрел на происходящие в нашей стране и в Тверской области события с высоты «областной

колокольни», которая не так высока, но многое видно. Постоянно проживая в Калининской (Тверской) области, работая на разных должностях, я наблюдал за процессами, происходящими в обществе и среди властных структур.

До 1991 года советская идеология через средства массовой информации, агитаторов и политинформаторов пропагандировала нравственные ценности. Прежде всего, ответственность за семью, трудолюбие, дружбу с другими народами, любовь к родине, нравственную любовь друг к другу, верность и преданность, романтизм.

Совсем по-другому, чем при советской власти, стали складываться отношения, начиная с 1991 года. Стали ярче проявляться личное «я», личные блага, разобщенность, корысть, нажива, которые вышли явно за рамки взаимоотношений общество – личность. Средства массовой информации стали активно пропагандировать совсем другие ценности, чем при советской власти. Ими стали деньги, мошенничество, расчет, нагнетание страха, аморальность и распущенность. Это привело жителей к депрессивному состоянию, утрате с их стороны контроля над собственным укладом жизни на своей исконной территории.

Становление новой буржуазной России началось с 1991 года, подробно о развитии этой формации говорить пока рано, так как идет постепенный переход от «дикого» капитализма к более цивилизованным рыночным отношениям. Рабочие и крестьяне перестали быть «руководящей силой», став заложниками перемен и новых экономических отношений, власть в стране захватили олигархи и люди, вдруг ставшие богатыми.

После открытия железного занавеса в 90-х годах XX века из России стали массово уезжать умные люди. В одной только Америке, по разным данным, в начале XXI века было около 27 тысяч русских ученых и специалистов. Это случилось потому, что при смене формаций молодые люди не могли найти себя в своей стране.

Безработица достигла критического предела, расходы на содержание безработных приводили к большому дефициту государственного бюджета. Подобная экономика привела к резкому сокращению населения страны.

По уровню жизни населения Россия к началу XXI века откатилась на 65 место в мире с 23-го, которое она занимала в 1990 году. Это случилось потому, что новую Россию по пути капитализма сначала повели те же советские и партийные работники, резко поменявшие

свою политическую ориентацию, но не знавшие законов рынка. Они умели выживать при советской власти, постепенно приводя страну к краху, и быстро приспособились к новым рыночным условиям.

В первые годы построения рыночных отношений многие жители страны оставались за чертой бедности. К началу XXI века в России сложилась очень интересная ситуация. Деньги государство передавало не нуждающимся людям, предприятиям, фермерам, малому и среднему бизнесу на их развитие, а банкирам и олигархам. Часть бюджетных денег хранились в банках другого государства, которое считалось нашим потенциальным противником. Государство почему-то не запрещало, а поддерживало спекулятивные и мошеннические фирмы, вроде микрозаймов, а сами понятия «спекуляция» и «мошенничество» относило к разряду рыночных отношений.

Утеряны были идеология и нравственность, бранным словом считали ***патриотизм***. Порою к власти рвались криминальные личности, жаждущие личной наживы. Им было далеко до образования, культуры, сохранения исторических ценностей, преемственности власти. За деньги некоторые горе-руководители готовы были предать невесту, жену, мать, Родину. Те, кто оставался настоящими государственниками, вдруг стали изгоями общества. Во власть нередко приходили люди из-под следствия, порою из изоляторов временного содержания, думающие о личном благе. Мы, жившие в то время, не хотели совершать ошибок, если даже их совершили. Как тут было разобраться, как не наделать ошибок?

Страной и некоторыми регионами руководили те, кто ничего не мог организовать; ни тушение пожаров летом, ни очистку городских улиц от снега зимой. Когда нужно показать что-то хорошее, тут как тут все чиновники и губернаторы. Когда надо было решать какие-либо проблемы – никого их нет.

Власти на всех уровнях не хватало интеллектуального окружения вокруг себя, она почему-то остерегалась интеллигенции и профессионалов. Подмена элиты на олигархов привела к тому, что в России за два десятилетия постсоветского периода был построен алчный бандитский капитализм. Надо понимать, что олигархи и власть – это не элита общества. С 2015 года чиновников стали сажать за решетку десятками и сотнями.

После революции 1991 года и противостояния 1993 года я видел, как новые постсоветские руководители, добиваясь власти, ратовали

за постоянное движение к лучшему, за изменения в жизни народа, за прогресс. Но, придя к власти, они же, громко начинали кричать о стабильности, о прекращении каких-либо преобразований. Многие из них переставали ходить в народ на собрания, митинги, конференции, встречи. Они любили сидеть напротив телевизионной камеры и рассуждать о народе, его проблемах, о прошедших митингах и конференциях, на которых они не были, но им учтиво о них докладывали. Личное благополучие становилось у новых руководителей на первое место, деньги затмевали многое.

Создавалось впечатление, что многие чиновники потеряли чувство ответственности за порученное дело. Они возомнили себя новыми боярами и князьями, поэтому нередко вели себя вызывающе. Как может обычный государственный служащий на свою заработную плату иметь элитный дом или квартиру, дорогую машину, нередко посещать рестораны? Ответ простой – не может, да и жалко свою кровную зарплату нести в ресторан. Значит, такие чиновники воруют или берут взятки. Но вся беда в том, что подобных чиновников становилось все больше и больше. Они проникали во все властные структуры и ничего уже не боялись.

Одной из основных причин кризиса, бедственного положения большинства людей, развала промышленности и сельского хозяйства являлся низкий уровень общей культуры руководителей всех уровней и олигархов. Чтобы компенсировать утрату культуры и нравственности, попытались каждый шаг, каждый чих регламентировать законами.

Законы в основном беззубые, противоречивые, отсылочные. Многие законы были непродуманные, с одной диспозицией, без санкции. Закон без санкции – не закон, а декларация. Одновременно с принятием огромного числа законов перестало действовать обычное право, а также нормы морали и нравственности. Бумагой пытались заменить силу слова, данного мужчиной, заменить честь и совесть, но не получалось.

Множество плохих недействующих на практике законов стало одной из причин низкой правовой культуры, расцвета коррупции, сильного административного давления в этот период времени. Но много законов не всегда хорошо, еще мыслитель древнего Китая Лао-Цзы писал: «*Когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников*».

В то же время в нашей стране, при переходе к рыночным отношениям, создавалась информационная, быстрая и агрессивная жиз-

ненная среда. Каждый человек пытается окружить себя полезной и качественной информацией. Но полностью отдаваясь во власть новых информационных привычек, он теряет возможность не только эффективно работать, но и способность к фантазии и мышлению. Легкомысленное пристрастие к социальным сетям вредит *памяти, мышлению, вниманию и воображению.*

Большой поток информации требует определенных знаний, так как информации много, она доступна, но не всегда обоснована, достоверна, а порою – откровенно лживая. Новая же система образования давала не фундаментальные, а поверхностные знания, без которых трудно сориентироваться в потоке этой информации. Всемирная паутина превращает человека в рассеянного и легкомысленного, нервного потребителя, воздействуя на его психику, изменяя концептуальные рамки, основания мышления, отстраняя от окружающей действительности.

Высокая скорость жизни часто связана не с трудом, а с личным обогащением, ненужной суетой, бестолковостью и бюрократией. Агрессия, разврат, пошлость, лживая информация заполонили Интернет, и все ради денег, ради наживы. В стране различными путями формировали агрессивную среду, в которой воспитывались подрастающие поколения. Откуда было взяться доброте, если агрессия, убийства, стрельба, крики присутствовали почти в каждом постсоветском фильме, в так называемых «ток-шоу» и других передачах по телевидению.

Не работа тогда затмила мозги людей, а деньги. Главную роль в общении в семье, с близкими людьми стали занимать не моральные устои, а деньги. Когда через 20 лет после начала реформ народ и власть оглянулись назад, то поняли, что страну привели не туда. К началу XXI века в России было создано преступное государство, где основными правонарушителями, которых сотнями сажали за решетку, являлись государственные служащие.

Парадокс управления был в том, что приходилось контролировать и бороться с теми, кто сам по своему положению должен, обязан стоять на защите законов. Эти чиновники на всех уровнях власти, заботясь о личном благополучии, совершили ряд серьезных ошибок в переходный от социализма к капитализму период.

К началу XXI века в России было создано преступное государство, где основными правонарушителями, которых сотнями сажали за решетку, являлись государственные служащие. Парадокс управления был в том, что приходилось контролировать и бороться с теми, кто

сам по своему положению должен, обязан стоять на защите законов. Эти чиновники на всех уровнях власти, заботясь о личном благополучии, совершили ряд серьезных ошибок в переходный от социализма к капитализму период.

К началу XXI века в России было создано государство, основой которого стало слово, а не дело, в котором основными профессиями являлись журналисты, политологи, социологи, консультанты, государственные служащие, продавцы и охранники. Сколько же бесполезного труда стало в нашей стране?

Создали государство, в котором жители всю жизнь жили за оконными решетками или высокими заборами, как заключенные. Где человеку не было возможности пройти на перрон, чтобы проводить родственников, не пройти на озеро, не пройти в лес, которые охраняли от народа, как частную собственность. Умышленно разваливали предприятия промышленности и колхозы, чтобы за бесценок выкупить оставшиеся ценности.

Не было преемственности поколений, руководители и бизнесмены не умели уважать наработанный поколениями опыт и брать из него все ценное. Вновь и вновь многое разрушали и начинали с нуля, заявляя с широко раскрытыми глазами: «Впервые, впервые, впервые…».

Много важных и неотложных вопросов ставит жизнь перед руководителями регионов. Но они нередко пытались уйти в сторону от решения этих вопросов. В районах бывали редко лишь по представительским функциям, в проблемы жителей не вникали. Переносили решение проблем на плечи глав районов, те – на усмотрение глав поселений, а у тех нет ни средств, ни возможностей. Вот и приходится жителям ждать «прямой линии» с президентом страны, чтобы их голос был как-то услышан.

Неправильно, когда на «прямую линию» к президенту страны обращаются миллионы граждан по строительству и ремонту школ, больниц, детских садов, высоких тарифов в системе жизнеобеспечения и другим вопросам, которые должны, просто обязаны, решать руководители на местах. При такой системе управления вместе с инициативой теряется персональная ответственность чиновника за порученный участок работы.

В 1995 году народ, избрав В.И. Платова губернатором Тверской области, выдал ему определенный аванс с расчетом, что он его окупит

своей дальнейшей деятельностью. Однако Платов так и не понял, что это был аванс, стал куда-то исчезать, увлекся алкоголем и развлечениями. Он не понял до конца губернаторства своей собственной неготовности занимать этот высокий пост. Когда ему прямо стали ставить вопрос о возврате полученного от народа аванса, он ответил черной неблагодарностью, уволив всю первую команду, приведшую его к власти. Платов не понял, что наказывает он, прежде всего, самого себя.

Губернатор В.И. Платов, уволивший членов его первой команды в 2001 году, получил с лихвой неприятностей во время выборной компании на третий срок в 2003 году от своих же приближенных. Скажите, как можно, уволив человека из своей команды, приведшей его к власти, заявить во всеуслышание, чтобы в своей области его нигде на работу не принимали? Со временем эти уволенные им соратники перешли в стан оппонентов.

Нужно отметить, что кандидат в губернаторы Д.В. Зеленин, в отличие от других кандидатов, во время своей выборной компании 2003 года не унижал Платова и не говорил о нем недобрых слов. То же самое он требовал и от нас, членов его команды, чтобы о Платове, как человеке, плохо не говорить, а говорить о ситуации, создавшейся в области.

Власть нередко опирается на подлецов, так как с ними спокойнее – им не мешают моральные соображения, которые мешают порядочным людям. Начиная с 2000 года, Платова стали окружать многие проходимцы и мошенники, многих из первой команды он уволил сам по своей инициативе. Представители второй команды, большинство из них москвичи, довели Платова до тюрьмы. Его приговорили к 5 годам лишения свободы, через полгода освободили условно-досрочно.

Пока Платов сидел в тюрьме, его бросила вторая молодая жена с ребенком. Его предала не только она, но и те, кого он привел к власти и кому он доверился во время выборов 2003 года. Среди них оказались глава города Твери О.С. Лебедев и главный редактор газеты «Тверская жизнь» В.И. Куликов, одновременно работавшие во время выборов в 2003 году на кандидата Зеленина.

Главы города Твери О.С. Лебедев уволил многих муниципальных служащих с работы в 2003 году. Набрав на муниципальную службу людей по принципу лояльности, знакомства и приближенности, Лебедев почти сразу же ввел в практику систему «обременений» с целью пополнения городского бюджета. Эта система обременений

подразумевала перечисление предпринимателями части своего дохода на счета администрации города или его управлений за решения, которые принимались в их интересах. Лебедев и его команда брала «обременения» за выдачу разрешений на аренду земельных участков и помещений, на ввод строительных объектов и другие разрешения. Те предприниматели и организации, которые отказывались от уплаты «обременений», необходимых разрешений от администрации города не получали. Сначала все документы по «обременениям» подписывал Лебедев, потом их стал подписывать его первый заместитель Кудряшов, в отношении которого прокуратурой области было возбуждено уголовное дело. В июле 2005 года Лебедев воспрепятствовал выемке бухгалтерских документов в связи с возбуждением уголовного дела.

В октябре 2005 года Лебедев вместе с председателем Законодательного собрания области М.Ж. Хасаиновым предпринял попытку отстоять интересы тверской элиты от нашествия москвичей. 24 октября восемь глав городов и районов попытались создать ассоциацию экономического взаимодействия «Тверская земля». В местный ГКЧП вошли: председатель Законодательного собрания М.Ж. Хасаинов, глава города Твери О.С. Лебедев и главы районов; Вышневолоцкого – А. Пантюшкин, Калининского – П. Толстов, Конаковского – М.И. Попович, Кувшиновского – И. Авакумов, Рамешковского – С. Кузнецов и Сонковского – В.Н. Михайлов.

Глава города Твери Лебедев во время своего выступления заявил, что пришедшие к власти москвичи занимаются переделом собственности. Они пытаются подмять под себя Тверской домостроительный комбинат, завод «Центросвар», «Афанасий-пиво», Осташковский кожзавод, Кашинский ликеро-водочный завод «Вереск». Целые колхозы выставлены на продажу. В результате продажи земельных участков станет закрытым доступ к берегам наших рек и озер.

При обсуждении вопроса приближающихся выборов в Законодательное Собрание области Лебедев сказал, что после выборов станет ясно, скуплены ли администрацией области списки партий ЛДПР и «Родина». Если скуплены, то в списках «Родины» избиратели увидят фамилию советника губернатора Милованова, а в списках ЛДПР другого советника губернатора Петрова. Нужно сказать, что после выборов так и было, два этих советника губернатора прошли депутатами от названных партий.

Идея создания ассоциации «Тверская земля» не нашла поддержки, с инициаторами разделались по-разному. М.Ж. Хасаинов в Законода-

тельное Собрание не прошел, не стал он и мэром Вышнего Волочка. М.И. Попович, И. Авакумов и П.Ф. Толстов после выборов не стали главами районов. А. Пантюшкину и В.Н. Михайлову с большим трудом удалось сохранить свои места, так как их перевыборы были значительно позднее. Главе Рамешковского района С. Кузнецову областная администрация дала пряник в виде должности заместителя губернатора по аграрным вопросам. Не прошло и года, как его уволили и оставили без должности.

В декабре 2005 года суд отстранил Лебедева от должности главы администрации города Твери. Позднее в отношении его было возбуждено уголовное дело, его приговорили к лишению свободы.

Наивные люди, инициаторы создания ассоциации «Тверская земля», хотевшие плетью перешибить обух топора, то есть определить свою тверскую политику на тверской земле. Отсидев в тюрьме несколько месяцев, Лебедев был освобожден условно-досрочно. Он отделался сравнительно легко, став депутатом Законодательного собрания области. Власть москвичей стала абсолютной и неограниченной не только до увольнения губернатора Д.В. Зеленина в 2011 году, но и позднее при следующих губернаторах Шевелеве и Рудене.

Губернатор Зеленин, победив на выборах в декабре 2003 года, лично много сделал для выполнения своей предвыборной программы, но постепенно стал окружать себя разного рода карьеристами и подхалимами, у которых были совершенно другие цели. В своей предвыборной программе будущий губернатор писал, что никто лучше уроженцев местного края не справится с задачей по поднятию областной экономики. Основу новой администрации должны составлять местные кадры. Но он не сдержал своего слова, постепенно отстранив от руководства областью почти всех местных.

С 2004 по 2008 годы он уволил 46 начальников департаментов и управлений, которые менялись часто, не успев вникнуть в свои обязанности. За это время были уволены четыре начальника департамента сельского хозяйства, три председателя комитета по имуществу. Были уволены 14 заместителей губернатора, в том числе в 2007 году – 8 человек. На должности заместителей губернатора, начальников департаментов и управлений, за некоторым исключением, вместо тверских специалистов, пришли московские, саратовские, ставропольские и другие чиновники.

Основной задачей чиновника стало желание понравиться губернатору и своему вышестоящему руководителю с целью карьерного

роста. Я считал и считаю, что в этом была одна из основных ошибок управления областью команды второго всенародно избранного губернатора Д.В. Зеленина. Нужно, просто необходимо, чтобы руководители держали приближенных не за деньги, богатство, связи, знатность рода, а за ум, знания и жизненный опыт.

Где, в какой стране, может быть такое, чтобы в правовом государстве ранее судимые граждане или лица, побывавшие под следствием в следственном изоляторе, стали руководителями? Но такое было в новой постсоветской России.

Отсидевший некоторый срок в местах лишения свободы О.С. Лебедев был назначен председателем одного из комитетов Законодательного собрания Тверской области, когда его судимость еще не была погашена.

Некий москвич Ю.Ю. Данилов, полгода просидевший в следственном изоляторе по делу о хищениях векселей Калининской АЭС, губернатором В.И. Платовым был назначен своим заместителем. А при губернаторе Шевелеве вообще стал директором судебного департамента.

Первый заместитель Платова В.М. Румянцев 31 мая 2000 года был арестован по обвинению в злоупотреблениях служебными полномочиями и получении взятки в сумме 23 тысячи долларов США. В июне того же года попал под амнистию в связи с 55-летием Победы. Выйдя на свободу, был назначен главой администрации Ржевского района, и долгое время проработал на этой должности.

В 2006 году закончилось так называемое реформирование исполнительной власти Тверской области, начатое два года назад. Оно закончилось увеличение штата чиновников и введением дополнительных структур. Число департаментов увеличилось на один, управлений на два, комитетов на один. Дополнительно были созданы: департамент природных ресурсов, государственная инспекция по надзору за самоходными машинами, управление регионального развития, комитет внутренней политики и другие.

Несколько поколений граждан страны, вынужденных переходить от социализма к капитализму, не покидала надежда, что в почете снова будет человек дела, что все люди будут совестливее и добрее, не будет зла и агрессии. Но зла становилось все больше и больше. И все-таки жизнь каждого человека складывается из надежд, ожиданий, разочарований и новых надежд на лучшее.

Глава X
На пенсии

Дом в Крыму

Не печалься ты о доме,
не вздыхай ты о хорошем,
избы новые поставим,
возведем дома получше.
«Калевала», песнь 11, стр. 122

13 мая 2009 года наступила конечная точка подъема в моей жизни – 60 лет. После этого начинался спуск, который нужно было пройти спокойно и уверенно, не спотыкаясь и не падая. Хорошо, если этот спуск окажется не крутым, а пологим и долгим, чтобы не упасть раньше времени.

Во время этого спуска можно еще что-то сделать полезного для семьи, для себя, для других людей. Этим что-то для меня стали книги, которые я написал, находясь на пенсии, почти все из них я смог опубликовать при жизни. Этим что-то для нас стали дом и сад в Крыму, чтобы создавать условия для отдыха детей и внуков после суматошной жизни в городе. Чтобы дети и внуки оставались счастливыми, вспоминая дни, проведенные у моря, а вместе с этим вспоминая и нас.

Мысль купить дом в Крыму нам с женой пришла осенью 2005 года, когда мы отдыхали в городе Судаке. После купания мы сели отдохнуть на скамейку под деревьями в тень. К нам подсела пожилая женщина, я закашлялся, она спросила, в чем причина. Узнав, что у меня хронический бронхит, спросила, надолго ли мы в Крыму, я ответил, что на 20 дней. Женщина посоветовала купить в Крыму дом и приезжать сюда на все лето. Кратковременный отдых результата не даст, это все равно, что часто пересаживать деревце с одного места на другое. Сказала, что ее знакомая продает двухэтажную недостроенную дачу в четырех километрах от моря. Дала нам телефон ее знакомой, если вдруг мы решим купить эту дачу.

Вечером мы с женой обсудили это предложение. Решили, что дом в Крыму покупать надо, но не ту недостроенную дачу. Решили проехать по побережью Черного моря, посмотреть на поселки вдоль него, так как в самом Судаке земля и дома были очень дорогими. Сначала мы проехали от Судака до Феодосии, я записал поселки, которые можно будет потом посмотреть: Коктебель, Щебетовка, Курортное, Подгорное, Насыпное.

Затем проехали по горной дороге от Судака до Алупки, записывая поселки: Веселовский, Морской, Приветный, Рыбачье, Малореченское, Солнечное. На следующий день были записаны поселки по дороге Судак-Симферополь: Дачное, Переваловка и Грушовка. Началась активная мыслительная деятельность.

Жена заявила, что дорога Судак-Алупка ей не понравилась, слишком высокие горы и маленькие долины, в которых затеряны эти поселки. Слишком крутые перепады дороги, по которой страшно ехать. Для поиска решили пока взять два направления: Судак-Грушовка и Судак-Коктебель. Придя к этой мысли, продолжили отдых в Судаке.

Через полтора года после этой поездки в Судак, упорство и целеустремленность жены, да и судьба сама, нас привели к своему дому в Крыму. Вернувшись в Тверь в октябре 2005 года, мы с женой собрали семейный совет по поводу покупки дома в Крыму. Дочери поддержали эту идею, началось накопление денег всеми.

К октябрю следующего 2006 года мы смогли накопить 9 тысяч долларов, с ними поехали опять в город Судак. Со следующего дня после приезда начали обходить поселки. Сначала обошли поселок Грушовку в 28 километрах от моря, зашли в сельсовет, спрашивали жителей, читали объявления. В Грушовке никакого варианта дома мы не нашли.

В сельсовете нам дали семь адресов, по которым продавались дома в селе Переваловка, что в 20 километрах от Судака. Мы направились туда, и за полдень обошли дома по всем адресам. Село находится на вершине горы, природного газа не было, водопровода тоже, отопление печное, воду брали из глубоких скважин, которые бурили почти в каждом дворе. Остановились на одном варианте по Украинской улице. Встретились с хозяином, который запросил за дом 15 тысяч долларов, но никаких документов для продажи дома у него не было, притом, что хозяев было четверо. От этого варианта мы отказались, сама судьба нас отвела от него.

Через два дня, прочитав объявление о продаже дома за 11 тысяч долларов в другом селе Перевальное, что по дороге Симферополь-Алушта, мы поехали туда. Поселились в Алуште и начали отрабатывать вариант по покупке дома в селе Перевальное, что в 20 километрах от Алушты. Этот дом находился в дачном кооперативе, где иностранцам покупать землю по закону нельзя. Это мы узнали, уже дойдя до оформления документов у нотариуса. В этом дачном кооперативе вода была привозной, природного газа не было. Когда нотариус нам отказал оформлять договор купли-продажи дачного участка в Перевальном, мы поехали в сторону Евпатории. Прочитали в газете объявление о продаже половины дома в селе Елизаветино, что в 30 километрах от моря. Дом находился напротив фермы, что нам не понравилось, притом на два хозяина. Прямо оттуда мы уехали в Симферополь и вернулись домой в Тверь.

Через неделю в ноябре 2006 года жена снова поехала в Евпаторию, стала искать дома в ближайших поселках. Она проехала половину Сакского района, побывала в некоторых селах Черноморского района. Нашла дом в селе Добрушино, в 20 километрах от моря, договорилась с хозяйкой, что мы купим его в марте 2007 года за 15 тысяч долларов, так как хозяйка хотела прожить в своем доме зиму.

Подкопив за зиму нужную сумму денег и сняв со сберкнижки всю накопленную женой пенсию, мы снова поехали в Крым в марте 2007 года. Документы на продажу дома и участка земли хозяйка за зиму не подготовила. Поэтому в течение двух недель шла интенсивная подготовка документов к оформлению договора купли-продажи. У меня закончился отпуск, и жена осталась там одна.

Как потом она рассказала, они с хозяйкой дома поехали оформлять договор купли-продажи у нотариуса. Там выяснилось, что по документам хозяином дома является не она, а ее сын, живущий в Москве, который тоже прибыл к нотариусу оформлять сделку. Как иностранец, он должен был заплатить налог с продаж, который составлял 30% от стоимости дома. Кроме того, он не имел согласия от жены на продажу дома. На эти условия сын не согласился, и сделка на наше счастье была сорвана.

Вся привезенная нами одежда и посуда оставались в Добрушине. Отдохнув дома две недели, жена с младшей дочерью Мариной в конце апреля 2007 года снова поехали в Крым. Они взяли в Добрушине свои вещи, перевезли их в Евпаторию к новой знакомой Маргарите

Александровне Хлыбовой, у которой снимали комнату. Дочь вернулась домой, а жена обошла и объехала села и поселки: Великое, Молочное, Медведево, Суворово и другие, но там подходящего варианта не нашла.

Мы легко могли бы купить квартиру в Евпатории, в поселках Новоозерном или Мирном за 3–5 тысяч долларов. Но мы с самого начала решили не вселяться в жаркий каменный мешок, а иметь дом с земельным участком. Не будем же мы, пенсионеры, постоянно загорать на пляже или гулять по городу и магазинам. Мы хотели поработать в своем саду, в своем огороде, чтобы радоваться труду самим, и радовать родственников своими овощами и фруктами.

Зинаида Ивановна обратилась в одну фирму по недвижимости, они нашли неплохой вариант в Колосках. 16 мая 2007 года состоялась сделка. Жена купила дом в центре села, в 10 километрах от моря и 8 километрах от Евпатории. Она не просто искала дом для покупки, а подсознательно выбирала место для дальнейшей нашей жизни на пенсии. У нас с ней крестьянские корни, они снова, через 25 лет городской жизни, притянули нас к земле, в 2007 году купив дом в Крыму, мы снова стали крестьянами.

Первоначально мы покупали дом в Крыму, чтобы я там легче переносил бронхиальную астму. Однако с опытом своих лет думали и о том, что туда на лето будут приезжать дочери и внучки. Приехать из Москвы в наш областной центр радость небольшая. А вот приехать на Черное море – совсем другое дело. До пенсии мне оставалось работать еще два года.

В первый свой приезд в наш крымский дом в июне 2007 года, я, выйдя из такси, еще никогда в своей жизни не видел такого изобилия вишни. В нашей деревне она росла в трех огородах, куда мы в детстве забирались поздними вечерами и отыскивали ягоды на фоне неба. Перед отъездом из родного района, я посадил в огороде тещи ряд молодых вишенок. Попробовать ягоды с них смог лишь через 20 лет, когда мы с женой и внучкой в августе 2003 года зашли в уже пустующую деревню Горбовец Сонковского района по пути с кладбища.

От старых хозяев в доме оставался пес по кличке Шарик, похожий на степного волка. Был он еще молодым, не более двух-трех лет. Старые хозяева его держали на цепи, кормили хлебом и сухарями. Я выгреб из конуры полмешка сухарей, а собаку выпустил на волю. Она обнюхала весь участок и сделала для себя периметр, по которому стала ходить.

В октябре 2007 года мы с женой снова приехали в Крым, 13 октября заложили новый сад, посадив 16 деревьев: абрикосы, груши, черешни, яблони и сливы. Это уже третий сад, который мы с женой сажали в своей жизни. Первый свой сад, а точнее – несколько деревьев, посадили в 70-е годы XX века у тещи в деревне: яблони, вишни, крыжовник и черную смородину. Яблони каждую зиму глодали зайцы, оставляя лишь стволы. Позднее я перевез их на дачный участок, когда жили уже в Конакове, там они хорошо прижились.

На этом дачном участке возле Конакова я посадил сливы, иргу, крыжовник и черную смородину. Яблони на даче за четверть века выросли и давали хорошие урожаи. Но по сравнению с этим южным садом оба наших северных сада были значительно беднее по количеству деревьев и их разнообразию.

В ноябре 2008 года я взял несколько дней за свой счет, так как отпуска мне не дали, мы с женой приехали в Крым на неделю. С собой я привез собственные рабочие чертежи и расчеты на строительство летней кухни. Договорились с братьями Черкасскими, они за зиму построили кухню с водопроводом, газом и электричеством. Нам с женой осталось прогрунтовать и покрасить стены.

С оформлением придомового земельного участка в 17 соток была целая эпопея в 12 лет. Жена в 2007 году написала заявление на передачу нам этого участка в аренду на 49 лет, как иностранцам, которым нельзя было оформлять землю в собственность. Трудно описать, какие мытарства ей пришлось перенести, чтобы аренду оформили нам *через шесть лет*, в августе 2013 года. Из-за разных бюрократических проволочек и желания некоторых чиновников иметь от этого доход, договор с Ромашкинской сельской радой был подписан лишь в августе 2013 года.

Тогда по сговору с районным земельным комитетом какие-то фирмы и отдельные молодчики искусственно создавали очереди, ажиотаж, утренние переклички очереди. Такое продолжалось месяцы и годы, выдавали документы вне очереди за определенную сумму денег. Поговаривали, что эта сумма составляла до 40 тысяч рублей. Жене приходилось многократно ездить в Саки, где были искусственные очереди, по определенным дням проводили сверку и требовали деньги.

В марте 2014 года Крым перешел к России, мы же продолжали платить за аренду по договору с Украиной. Жена сразу же приступила к переоформлению участка земли в собственность. Каждый год за лето

больше десятка раз она моталась между администрацией Ромашкинского сельского поселения и районной властью в Саках.

Переоформление длилось *более пяти лет*, сначала весной 2018 года нам переоформили договор аренды уже на основании российских законов. Осенью того же года жена написала заявление о передаче земельного участка с аренды в собственность. Депутаты Ромашкинского сельского поселения приняли нужное нам решение 5 июля 2019 года. Оформление земельного участка в собственность стало еще одним гражданским подвигом Зинаиды Ивановны после покупки ею дома в Крыму.

Старость ищет покоя, а кроме, как на природе, его нигде не обрести. Начиная с 2007 года, мы стали каждое лето выезжать в Крым уже в свой дом, сначала первые два года жена с внуками жила там по три месяца, я еще работал, с 2010 по 2013 годы – мы жили по полгода, с 25 апреля по 18 октября. Готовясь к поездке в Крым, каждый год, начиная с февраля, мы мечтали о летнем тепле, море, солнце, встречах там с детьми, внучками, знакомыми. Сначала готовили дом и поместье к приезду дочерей и внучек.

Каждую весну мы с женой приезжаем в остывший за зиму, холодный, сырой и неуютный наш дом, запускаем воду, отопление, включаем свет, газ. Открываем все окна и двери, чтобы ушел затхлый запах и дом наполнялся свежим воздухом. В солнечные дни просушиваем постельное белье и одежду на улице. Одну-две ночи спим, согреваясь, дрожавши, потом в доме становится все теплее и теплее. Днем ходим в магазины за продуктами, активно работаем в саду и огороде. Дом постепенно отходит от зимней спячки и оживает.

После этого, в течение лета, встречали и провожали гостей. В сентябре сами ездили на море во время «бархатного сезона». Мы с женой с радостью встречали каждую из дочерей и внучек и с грустью провожали их в конце лета обратно.

Отъезд на юг в свое поместье в начале апреля, и возвращение в Тверь в конце октября, стало нашей традицией так же, как раньше было у русских помещиков, выезжавших весной из городов в свои деревенские поместья, а осенью – обратно в города. В зимний период за нашим домом присматривают соседи.

В деревне Колоски

Лишь разок петух воскликнет,
не успеет спеть вторично, –
молодым уж подниматься,
старым – почивать в постели.
«Калевала», песнь 23, стр. 261–262

Какие красивые фамилии у наших соседей: Чичерины, Черкасские, Бродские, Мазурчак, Волошенко. Хотел бы вкратце познакомиться с ними.

Сосед напротив нас Анатолий Иванович Мазурчак, родом из Винницкой области, переехал в это село из Евпатории за четыре года до нас. Он официально развелся с женой, оставив ей с сыном трехкомнатную квартиру в городе. Их дочь к тому времени жила со своей семьей отдельно. В селе он купил маленький домик за 1300 долларов, отремонтировал и расширил его. Построил мастерские вместе с гаражом, завез токарный и сверлильный станки. Имея отличные навыки токаря, мог изготовить на станке любую деталь, заказов ему появилось немало. Порою по утрам перед его домом стояла вереница машин: механизаторы, водопроводчики, частники. Многие жители села обращались к Анатолию Ивановичу по разным хозяйственным проблемам, он помогал всем.

К нему сразу же присмотрелась одна местная женщина, моложе его на десять лет. Являясь как бы приходящей сожительницей, она готовила ему обеды, стирала, помогала по хозяйству. Перед приездом к нему гостей, хозяйничала в доме, готовя еду. Гости Анатолия Ивановича ее

хорошо знали. У Анатолия Ивановича была машина, он часто брал нас с собой, когда нужно было ехать в Евпаторию. Ездил быстро, несмотря на свой преклонный возраст, даже уже после 80 лет.

Мы с Анатолием Ивановичем Мазурчаком у мемориала «Красная Горка» города Евпатории в День Победы 9 мая 2010 года

Соседом через огород у нас был Григорий Черкасский, в то время мужчина лет пятидесяти, жил он со старшей дочерью, зятем и тремя внучками. Григорий родился в деревне Ташке Татарский, куда в 1948 году переехал жить из Тарпанчи (Окуневка) его отец. Мать приехала с родителями в деревню Ташке Татарский из села Новокаменка Херсонской области. В деревни Колоски семья живет с 1964 года.

Григорий был мастером на все руки, имел неплохую мастерскую с инструментами. Это он со своим братом построил по моим чертежам нам летнюю кухню с мансардой. Они же перекрыли нам крышу на доме, он произвел стяжку веранды. По любому случаю можно было к нему обратиться за помощью, и он не отказывал.

Когда он в молодости серьезно заболел и лежал в больнице, его жена загуляла с татарином, от него родила сына, сосед с ней развелся. Но когда сын подрос, Григорий стал брать его с собой на разные работы, чтобы тот смог немного заработать. Бывшая жена заимела большой долг по коммунальным платежам, в ее доме отключили свет и газ. Тогда Григорий приютил ее у себя в доме, где она помогала ему по огороду и воспитывать маленькую внучку.

Во время одного разговора сосед сказал, что ему можно канонизировать, так как он прожил 8,5 лет с женщиной, которая ему изменяла. Григорий оказался одним из лучших собеседников по моим книгам, которые он прочитал. Книгу по истории степного Крыма он прочитал несколько раз, передавал читать своим знакомым, задавал мне много вопросов, делился своими мнениями. Его интересовала судьба ближних деревень – Ораз, Ташке, Икор, военный и послевоенный период времени и другие факты из истории степного Крыма.

Григорий Черкасский рассказывал много забавных случаев из жизни села. Я запомнил, как местные мужики расставили вдоль центральной улицы для продажи ящики с яблоками и персиками, а сами уединились в тени местного ларька и пили там пиво. Услышали громкие голоса, крики, поднялись и увидели картину. Проходившие по дороге хозяйские коровы выбирала из ящиков фрукты по вкусу, и медленно перетирали их своими губами. Больше всего им почему-то понравились яблоки.

Я записал некоторые воспоминания Григория Черкасского, которые включил в книгу по истории степного Крыма под названием «На пути в Калос-Лимен». При встречах он любил поговорить о политике, о жизни, о службе на флоте в Кронштадте.

Рядом с домом Григория, слева от него, жила женщина лет пятидесяти по имени Светлана. У нее уже давно умер муж, она познакомилась с мужчиной по имени Володя, пришедшим откуда-то в это село, они стали вместе жить. Черкасский Григорий иногда просил Володю помочь сделать то одну, то другую работу в огороде.

С другой стороны от дома Черкасского Григория жила женщина также лет пятидесяти. Они с мужем воспитали двух дочерей, потом младшая дочь уехала к бабушке по отцовской линии. Пока она там жила, отец умер, дочь вернулась к матери. Обе дочери вышли замуж, у них родились дети, все восемь человек одно время жили с матерью. В одном доме, где маленькие дети, это невыносимо тяжело, особенно зимой. Старшая дочь стала снимать жилье, младшая вернулась к бабушке, соседка нашла мужчину и стала жить с ним вдвоем. Обе дочери с мужьями и детьми со временем снова вернулись к ним жить.

Я обратил внимание, что дома на улице С. Илюхина были построены вместе с дворами для скота по типу нашей средней полосы. В связи с тем, что дети стали жить с родителями, дворы в некоторых домах пришлось переделывать под жилье. В домах стали жить дети со своими семьями, а в бывших дворах – их родители.

В доме Смеляковой Марии Александровны – нашей соседки слева от нас жил внук с женой, он служил старшим участковым инспектором, капитан милиции. Смелякова Мария Александровна вместе с семьей прибыла в деревню Ташке Татарский в начале 50-х годов XX века из Полтавской области, прожила там три года. В 1957 году они перешли жить в деревню Колоски, сначала жили в коммунарском бараке. В 1958 году вышла замуж за Смелякова Николая Андреевича, уроженца Новосибирской области, им построили дом на улице Полтавской.

Мария Александровна выращивала много индюшек, потом перестала их выращивать, завела много кур и ухаживала за ними. Осенью 2011 года она переехала жить в соседнее село к дочери. За зиму внук возвел под крышу новый дом.

Нашей соседкой справа была Седова (Кондрашова) Мария Александровна. Ее семья до войны проживала в 60 км от города Орла. Прошла все ужасы войны, старшего брата угнали в Германию, семья находилась в концлагерях Литвы, Западной Белоруссии, деревню фашисты сожгли дотла. После войны родители с семьей вернулись на пепелище, построили свой дом. С 1946 года отец стал уезжать на заработки в Крым, в 1952 году перевез туда всю семью. В деревне Колоски Мария Александровна жила с 1953 года, выйдя замуж за Н.А. Седова.

К ней на выходные дни из соседнего села Ромашкино приезжал зять Бродский Александр. Говорил, что если теща что-то просит, а он этого не делает, ей становится совсем плохо, она умирает. Он тогда бросал все дела и делал то, что просит теща, та сразу же оживала. Я записал некоторые воспоминания Марии Александровны, которые включил в книгу «На пути в Калос-Лимен». В последние годы ее жизни у нее жила внучка с мужем и маленькой дочкой. М.А. Седова умерла в конце февраля 2019 года в возрасте 87 лет.

Здесь, в Крыму, мы постоянно двигаемся, если движение – это жизнь, значит, мы нормально живем. Что в жизни может быть приятнее и полезнее ухода за садом и огородом, заготовки дров для бани и наблюдения за природой? Можно представить летний солнечный день в Крыму. Жена, Зинаида Ивановна, встала в шесть часов утра, подмела наш огромный двор от цветов и листьев акации, вишни и других деревьев, поговорила с соседкой Марией Александровной. Потом прошла на кухню готовить завтрак.

Я проснулся в восемь часов, вышел на улицу, утренние обходы сада и огорода со временем стали для меня традицией. Во время них я оп-

ределял предстоящую работу на день: прополоть траву, окучить растения, подвязать подросшие ветви винограда или провести их обломку, собрать ягоды и фрукты. В эти утренние часы село проснулось, по улице прогнали коров, соседские курицы вышли гулять в свой загон. Сосед напротив Анатолий Иванович Мазурчак уже давно включил свой токарный станок, и вовсю работал, ему привозили много заказов из разных сел.

Я где-то подвязывал виноград, собирал назревшие ягоды и фрукты по сезону. Сначала это была клубника, потом черешня, вишня, малина. Клубника здесь начинает созревать в средине мая, и собирают ее до конца июня, малина созревает после 20 июня. Все ягоды и фрукты созревают на полтора месяца раньше, чем в нашей местности. Позднее идут абрикосы, персики, яблоки, сливы и груши.

Теперь я смог бы ответить на вопрос матери, на который при ее жизни так и не ответил. Однажды, приехав к родителям, помывшись в бане, я сидел с ними за столом. С собой привез входившие тогда в моду плоды киви. Мать попробовала киви, поморщилась и сказала, что кислые, а вот однажды в Ленинграде ее сестра Александра угостила вкусным фруктом. Откусишь его, а он весь из сока, во рту приятно, и даже жевать не нужно, сок течет по губам и подбородку. Только она забыла, как называется этот фрукт. Я сказал, что, скорее всего, это арбуз. Мать ответила, что нет, неужели она не знает арбузы, это что-то другое. Я долго думал, но так ничего и не вспомнил. Так мать и не узнала до самой смерти о том, что в Ленинграде она пробовала персик. Сорвешь в своем саду с дерева зрелый крупный персик, надкусишь его, и сок крупными каплями начинает падать на землю. В соку пальцы рук, губы, щеки, подбородок.

Так получилось, что самой главной комнатой стала отдельно стоящая от дома большая новая летняя кухня, построенная в 2009 году. Из дома мы выходили утром и заходили вечером спать, а на кухне завтракали, обедали, проводили длительное время за ужином.

После завтрака я шел с мотыгой на огород или в сад, где работал до полудня. Полол траву, окучивал растения, рыхлил почву, обрабатывал фруктовые деревья и виноградники. В жаркий период шел домой, работал за компьютером или читал книги. Просматривал электронную почту и понемногу работал над своими книгами. Был перерыв на кофейную паузу около 13 часов, затем на обед – в 15–16 часов. Из-за жары летом мы старались переносить обеды на более поздний час.

Нередко обед совмещали с ужином в саду, готовя что-то на углях, это было красивое запоминающееся время. После ужина я поливал огород или деревья, потом записывал в дневник последние события и читал книги. Дневные трели разных птиц и жужжание пчел вечерами здесь заменял собачий хор.

Хотя здесь проживают более одной тысячи жителей, днем улицы села Колоски пустынны, народ на улицах можно видеть лишь утром и вечером. Около 8 часов утра, когда в пять магазинов привозят хлеб, люди идут по центральной улице, как на демонстрацию. Через полчаса движение прекращается, и село замирает до вечера. Людей еще можно видеть на автобусных остановках за 5–10 минут до прибытия автобуса.

Зато в выходные дни по вечерам из радиоприемников гремит музыка, всюду запах шашлыков, по улицам проходят люди. Это из Евпатории приезжают к родителям дети и родственники на отдых или сыграть здесь свадьбу. Местные играют свадьбы и отмечают праздники в Колосках на природе и просторе, а не в душных городских кафе и ресторанах. Здесь мы с удовольствием слушаем музыку с татарской свадьбы, иногда украинские мелодии, но чаще всего русские песни.

До 2014 года многие пенсионеры приходили в магазин без денег, их не было. Набирали продукты в долг, который продавец записывал в тетрадку. Получив пенсию, долг возвращали магазину, и снова оставались без денег. Ситуация изменилась с 2014 года, когда пенсионеры стали получать российскую пенсию, в 3–4 раза больше, чем украинская. Правда, и цены сразу подняли в 2–3 раза, особенно на строительные материалы.

Дел в деревенском доме и в саду много, когда становилось прохладнее, мы с женой работали с утра до позднего вечера. Наша соседка Мария Александровна, глядя на нас, говорила: «*А в Твери думают, что вы здесь на курорте отдыхаете с утра до вечера. А вы все трудитесь, как пчелки*».

В первый год после покупки дома я разобрал четыре деревянных и четыре каменных сарая, все дерево распилил на дрова, которых хватило нам для бани лет на пятнадцать. Мы построили новую летнюю кухню с мансардой, новую баню, установили два металлических забора, заменили ворота и калитки. Посадили новый сад, который нам дался с большим трудом, так как каждый год некоторые деревья приходилось пересаживать.

Здесь, в Колосках, смесь степного и морского воздуха настояна на аромате разных трав, цветов и роз, взгляд радует сад и молодая зеленая трава. Восьмилетняя внучка Саша, проживающая в Москве, дышащая там угарным воздухом, однажды у нас в саду заткнула нос. В это время по дороге проехала единственная легковая машина, внучка заявила, что от запаха бензина ей здесь дышать нечем, а в Москве ей дышится нормально. Такие вот контрасты.

К концу лета мы сильно уставали от южной жары, хотелось прохлады, хотелось побродить по лугам, полям и лесам нашей средней полосы. Скучно жить в местности, особенно детям, где нет лесов, рек, озер, а только степи да лесополосы. Нам повезло с малой родиной, там для нас забав было достаточно. Нас окружали леса разных видов, речки с крутыми берегами, красивые луга и поля. Из степных жителей мало кто видел цветущее льняное поле, ромашковый луг или поляну с незабудками, а мы выросли среди них.

Не очень часто, но я с женой или внучками находил возможность летом ездить на море. Отдыхающих, прибывших в основном с русского севера и центра России, летом в Евпатории очень много. Они приезжают отдыхать, тратить деньги и делают это с желанием. Этим пользуются местные жители, одни зазывают к себе жить, другие предлагают разные сувениры, третьи – экскурсии.

Здесь на юге нам обоим мила красота человеческих отношений. К тому же нет никакого беспокойства за службу, но осталось наработанное годами чувство ответственности, которое не дает душе отды-

хать. Каждый день есть желание сделать что-то полезное, оставленное потом детям и внукам. Здесь в селе, при деревенском укладе жизни, нет ни коварства, ни интриг, ни сплетен, почти все люди на виду.

Каждую осень мы провожаем дальше на юг журавлей, которые с грустным криком сначала кружатся над степью, а потом летят вдоль побережья моря к Черноморскому поселку. Как завороженный я долго смотрю на них, вспоминая свое детство. Тогда каждую весну мы с радостью встречали журавлей, и каждую осень с грустью провожали обратно на юг. Живя в городе, журавлей не видел, над городом они не пролетают.

Здесь в степи рано утром я видел, как на востоке из-за горизонта, будто на ладони, поднимается солнце, а вечером видел его закат. В своей родной деревне мы никогда не видели, как солнце отрывается от горизонта. Оно вставало над лесом, и мы видели его из-за верхушек деревьев, когда оно уже вовсю светило, а вечером оно снова пряталось за деревьями.

Апрель, май, июнь мы здесь переносим спокойно, даже радостно, много работаем в саду и огороде. Наши мученья начинались в июле и продолжались в августе, когда на солнце температура доходила до 50 градусов. На улице можно было работать утром до 9 часов, да вечером после 7 часов, а весь день страдаем от жары, вспоминая прохладу нашей средней полосы. В сентябре снова наступало прохладное время, радостное для нашей души. Мы его используем для поездок на море.

На зиму мы на юге не оставались, каждый год в конце октября уезжали к себе в Тверь. По рассказам местных жителей, зима здесь гнилая, бесснежная, погода зимой в Крыму переменчива. Выпавший снег может лежать сутки – двое, потом тает, бывают сильные морозы, но без снега. У нас на севере все делается правильно: сначала снег укутает землю и деревья, а уж потом наступают морозы.

Потом снег в Крыму сменяется дождем, в степи грязь, не пройти, не проехать. Зимой здесь наступает скучный период, одни занимаются строительством построек, но многие мужчины увлекаются пьянством, от алкоголизма умирают молодыми. Так продолжается до средины февраля, когда пригреет солнце, приступают к первому весеннему севу. Потом – обрезка виноградника и садов, а затем и все остальные полевые работы на своих приусадебных участках и выделенных паях, если их не сдали в аренду фермерам.

Кроме дома и земельного участка, мы с женой оставляем детям и внучкам сад, заложенный нами с любовью и нежностью 13 октября 2007 года. От той посадки осталось 10 деревьев из 16, но мы с женой еще несколько раз сажали новые деревья на месте засохших или погибших. Сейчас в саду 28 деревьев и 20 лоз винограда, которые, хотя и с трудом, но мы выпестовали.

В российском Крыму

Укко в середине неба,
на краю гремящей тучи,
поспеши судьбе на помощь,
на призыв приди скорее…
«Калевала», песнь 17, стр. 186

Мы с женой и наши современники стали свидетелями и участниками исторического события – воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 года. О Крыме заговорили даже те, кто ничего о нем не слышал и не знал. До конца 2013 года все жители полуострова полагали, что будущее Крыма по-прежнему будет тесно связано с будущим Украины.

18 марта 2014 года в торжественной обстановке в 16 часов по московскому времени был подписан Договор о присоединении к Российской Федерации Республики Крым и города Севастополя на правах ее субъектов.

20 марта Государственная Дума ратифицировала этот Договор и одновременно приняла федеральный конституционный закон «О принятии Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации». Совет Федерации 21 марта утвердил ратификацию Договора и одобрил федеральный закон о принятии Крыма и Севастополя в состав России. Таким образом, все юридические процедуры были закончены.

Этот договор войдет во все исторические аналоги и станет в дальнейшем определяющим документом для многих других народов и государств. События в Крыму изменили ситуацию и в России, где активно сплотилось гражданское общество независимо от национальности, политических взглядов и идеологии.

Международный фон в период присоединения Крыма к России был резко отрицательным, как со стороны ООН, так и со стороны Евросоюза и Совета Европы. Присоединение Крыма стало историческим событием для европейской политики и глобальной политики в целом. Оно вызвало злобу и агрессию со стороны Запада и США, которые вступили в противостояние с Россией. В ответ на действия России в Крыму Европейский союз, США, Канада и ряд других стран объявили о введении санкций. Меры включали замораживание активов и введение визовых ограничений для лиц, включённых в специальные списки, а также запрет компаниям стран, наложивших санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, включёнными в списки.

С 4 апреля 2014 года жители Крыма начали получать зарплаты в российских рублях. На территории республики начали функционировать представительства ряда российских банков, через которые жители полуострова могли переводить гривны в российскую валюту. Правительство Крыма дало распоряжение заведующим магазинами и частным предпринимателям зарегистрироваться в качестве юридических лиц на основе российского законодательства и переходить в новую зону расчётов.

Мы с женой прилетели уже в российский, а не украинский Крым 24 апреля самолетом. Поезда из Москвы в Крым еще ходили, но ехать на поезде было опасно. Власти Украины требовали, чтобы въезд в Крым был только с согласия украинских властей, то есть нужно было оформлять визу в украинском посольстве в Москве, и ехать по заграничному паспорту. В поезде украинские таможенники могли отобрать все, что хотели, а то и высадить пассажира с поезда.

Утром 8 мая мы ходили у себя в селе на митинг, посвященный Дню Победы. Не было докладов, был небольшой концерт учащихся Ромашкинской средней школы, потом смотр строя и песни. Во время митинга развевалось много российских флагов, звучал гимн России. Народу на митинг собралось значительно больше, чем в прошлые годы. Настроение лучше, голоса звучали увереннее, кроме представителей местной власти. Лидер местного отделения «Партии регионов» Украины быстро сориентировался, на митинге он вручал подарки ветеранам уже от имени российской партии «Единая Россия». После митинга по всем улицам села, а их здесь шесть, прошел автопробег легковых автомобилей с двумя российскими флагами на каждой машине.

Очевидцы вспоминали и делились с нами подробностями событий по воссоединению Крыма с Россией. Особенно ярко рассказывали о дне 25 февраля 2014 года, когда к Перекопу подошли украинские автобусы с бандеровцами. Навстречу им со всего Крыма ринулись добровольцы с оружием, которое они добыли в военных арсеналах крымских городов, или с охотничьими ружьями. Перед такой силой бандеровцы не рискнули, да и не смогли бы прорваться через перешеек в Крым. Четыре украинских автобуса, которые попытались прорваться, ополченцами были сожжены.

Жители села Колоски говорили, что в четверг, 6 марта, за несколько дней до референдума возле местного дома культуры собралась большая группа татар из ближайших сел, говорили, что их было около тысячи. Выступающие татары на этом собрании призывали не ходить на референдум 16 марта, бойкотировать его. Среди выступающих, была замечена заместитель председателя Ромашкинской сельской рады, татарка по национальности.

В ответ на это молодые люди из русских, украинцев, белорусов, армян числом около 150, в день голосования 16 марта подошли к открытию избирательного участка, чтобы не допустить провокаций. Из милиции было лишь два участковых инспектора.

Как говорили местные очевидцы, татары небольшими группами подходили к избирательному участку, но никаких противоправных действий не совершали. На избирательный участок шли даже те престарелые люди с палочками, которые в последнее время по состоянию здоровья не могли выходить на улицу.

Очевидцы событий рассказали, что 18 мая в Крым с территории Украины хотел приехать бывший руководитель меджлиса Джемилев.

Около одной тысячи татар собрались возле пограничного пропускного пункта на Перекопе, требуя пропустить их на украинскую сторону. Через некоторое время они прорвали пограничный заслон из 40 пограничников и пересекли границу.

Пограничники попросили подкрепления, милиция прибыла вооруженная, на БТРах. Когда татары решили провести Джемилева через границу в Крым, их каждого по одному фотографировали, записали их данные и взяли объяснения. За незаконный переход границы некоторых организаторов привлекли к административной ответственности, а других предупредили о противозаконности и недопустимости подобных действий. Джемилева в Крым не пустили.

Уже при нас в воскресенье, 1 июня, в Крыму полностью перешли на российские рубли, до этого в обороте была и гривна. Сразу же многие услуги и товары подорожали. Билет от Колосков до Евпатории был 4 гривны или 12 рублей, стал – 15 рублей. Некоторые покупатели не хотели брать в магазинах деньги 1997 года выпуска, просили 2013 года. Постоянно звучал вопрос: почему на российских денежных купюрах указан 1997 год?

Началась проблема с российской мелочью от 1 до 10 рублей. Мелочь завезли в Крым несколькими фургонами, но получить ее смогли те магазины и частные предприниматели, которые уже имели российские лицензии, другим лицензию начали выдавать с 15 июня. Кроме того, магазинам нужно было выкупать мелочь из расчета 10% ее стоимости, эту сумму они уже включили в стоимость товаров. Украинские продуктовые сети, у которых остались в Крыму магазины, моментально повысили цены на продукты вдвое.

В конце мая – начале июня нам знакомые жители села говорили, что им из Львова, Полтавы, Чернигова, Винницы звонят по телефону и спрашивают: что творится в Крыму? По украинским телевизионным каналам показывают, что по Крыму ходят русские оккупанты с автоматами, в магазинах нет продуктов, нет воды, нет работы.

Им крымчане отвечали, что это все брехня, сейчас они живут, как в раю. В отличие от прошлых лет они закупают себе продукты, какие хотят, и все равно от пенсии еще остаются деньги. Продукты в магазинах есть, цены повысились ненамного.

Когда одна жительница Львова приехала сама лично удостовериться, то сказала, что попала после Украины в рай. Если она будет все рассказывать на львовщине, что видела и знает, ей не поверят, но она все равно скажет правду.

1 августа из Крыма пошел первый поезд Симферополь-Москва через Керченский пролив. В пути 46 часов, стоимость билета в купе – 6464 рубля. Билет на самолет в это время 3600 рублей при перелете в течение 2,5 часов.

Россия долго терпела издевательства со стороны США, Канады и Евросоюза в виде их санкций, из-за воссоединения Крыма. Правительство нашей страны, выполняя поручение президента В.В. Путина, с 7 августа ввело запрет на ввоз из США, стран Евросоюза, Канады, Норвегии и Австралии мяса говядины, свинины, кур, всех мясопродуктов, молока и молочных продуктов, овощей и фруктов.

Запретило пролет над территорией России всех украинских самолетов. Предупредило Евросоюз о возможном закрытии транссибирской трассы для перелета самолетов их стран через нашу страну в страны Азии. Первыми заволновались предприниматели Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Италии, Ирландии, чьи поставки рыбы, овощей и фруктов в Россию достигали от 25% до 100% от всех поставок.

Видимо, страны Евросоюза, вводя санкции против России, полагали, что для них все останется безнаказанным. Экономисты уже успели подсчитать, что ущерб для стран Евросоюза в 2014 году составил около 40 млрд евро. Такого потребителя, как Россия, им никогда и нигде не найти.

С 1 сентября 2014 года крымские школьники начали заниматься по российским программам, становясь значительно богаче знаниями и возможностями, изучая российскую литературу и историю.

7 сентября мы вместе с женой ходили на встречу с кандидатами в депутаты в местный Ромашкинский сельский совет. Кандидатов было 10 человек, все самовыдвиженцы, кандидаты о партии «Единая Россия» на встречу с избирателями не пришли, надеясь на свой успех. Избирателям нужно было 14 сентября из 22 кандидатов избрать 10 депутатов, а те избирали председателя сельсовета. На встрече мне предоставили слово, где я ратовал за избрание новых молодых сил, а не тех, кто все последние годы ничего не делал, а сейчас быстро сориентировался и идет в депутаты под знаменем российской партии «Единая Россия».

19 сентября появились первые официальные результаты выборов депутатов в Госсовет Крыма, а также в органы местного самоуправления. Партия «Единая Россия», набрав 70,18% голосов, получила 70 мандатов в Госсовет Крыма по партийным спискам и еще 25 мандатов по одномандатным округам. ЛДПР набрала 8,49% голосов и по-

лучила 5 мандатов. Никакие другие партии, в том числе и парламентские – КПРФ и «Справедливая Россия» не преодолели необходимый пятипроцентный барьер. Явка избирателей по Крыму составила около 53%. Особенность выборов в Симферополе в том, что там в каждый участковый избирком был включен «представитель трудового коллектива» городского или районного исполкома.

В селах Колоски и Ромашкино избирали депутатов сельского совета Ромашкинского сельского поселения Сакского района первого созыва. На 10 депутатских мест претендовали 22 кандидата, из них были выдвинуты партиями: «Единая Россия» – 10 кандидатов, «Справедливая Россия» – 2, КПРФ – 1, самовыдвиженцев – 9 человек.

Депутатами сельского совета стали 4 представителя партии «Единая Россия» и шесть самовыдвиженцев. В состав нового депутатского корпуса вошли: два предпринимателя, двое безработных, двое пенсионеров, четверо рабочих и служащих.

17 октября к нам приходил переписчик, переписывал нас и наше хозяйство. В Крыму с 14 по 25 октября проходила перепись населения. Вопросы общие: возраст, гражданство, национальность, с какого времени живем в Крыму? Также вопросы по условиям жизни: какую имеем жилплощадь, есть ли вода, газ, свет, интернет, сколько земли? Запомнился вопрос: почему мы не работаем? Наш ответ, что оба на пенсии и не работаем по возрасту, переписчика не устроил, она нам записала, что работать не хотим. Хотя какая работа могла быть в Крыму, когда даже молодым и здоровым людям нет работы, поэтому они спивались, употребляя самогон и разные гадости, выколачивая последние рубли из пенсии родителей или детских пособий.

Мы с женой первый раз в 2014 году наблюдали такую холодную погоду в Крыму. Шквалистый ветер, ночью с дождем, а утром – с заморозком, достигал 30 метров в секунду. Ветки акации возле бани сгибались под углом 90 градусов. Как крепки еще деревья в земле и листья на них, что держаться и не падают. Наши сосны и ели при таких ветрах давно бы были выворочены с корнем.

Обычно мы уезжали из Крыма 18–20 октября, когда заканчивался срок нашего пребывания на Украине. С 2014 года мы были в России, срок пребывания в Крыму не ограничен, остались до 29 октября, и я пожалел, что не уехали неделей раньше.

Осенью 2014 года поезда из Крыма в Москву еще ходили. Но когда покупали билеты, на вокзале нам работники железной дороги сказали,

что украинцы снимают с поезда на границе тех граждан России, которые приехали в Крым, минуя Украину. Мы с женой купили единые проездные билеты и по ним выехали из Крыма 29 октября 2014 года, стоимость одного единого билета 6315 рублей.

Из дома мы выехали накануне поздно вечером в Евпаторию, переночевали у Хлыбовой Маргариты Александровны. Выехали из Евпатории на автобусе в Керчь в 5:25, пассажиров было 6 человек на 50 мест, в Симферополь прибыли в 6:30, там к нам сели еще 7 пассажиров из Севастополя. В Феодосии к нам присоединились еще 12 пассажиров. Керченский полуостров мало обжит, лишь голая степь без лесополос и кустарников. Местами виднелись редкие холмы – или древние курганы, или естественные насыпи. Город Керчь за последний год резко изменился, улицы стали благоустроенными, автовокзал отремонтирован, кругом чисто.

Автобус привез нас в морской порт «Крым» в 11:30.Посадка на паром началась в 12:15, ожидали отплытия до 13:40. Паромы 29 октября начали ходить первый день после шторма, не ходили они 5 суток. Скопилось много машин, с крымской стороны около 300, с другой – более 400 машин, в том числе большегрузы.

От парома в Краснодар мы выехали в 14:40 на другом автобусе, сначала взяли тех, кто еще не опаздывал на поезд, ведь другим пассажирам из-за шторма пришлось ждать несколько суток, их по билетам сажали на другие поезда. Местность Краснодарского края, по которой мы проезжали – это степи с редкими станицами и хуторами. Вдоль дороги много виноградников и обработанных участков ухоженной земли.

На железнодорожный вокзал прибыли около 19 часов, целый час пробирались по городу из-за больших пробок. Город видели лишь с окна автобуса. Заметил, что улицы чистые, дороги хорошие, город ухоженный, но очень много рекламы на иностранных языках, и мало зелени. В Краснодаре пересели на поезд до Санкт-Петербурга, отправлением в 20 часов 08 минут, в Тверь прибыли в 4 часа утра 31 октября. Вот так нам приходится страдать из-за Украины, ранее мы добирались домой в течение одних суток на поезде. В 2014 году вместо одних суток пришлось добираться домой двое суток.

Украина взорвала линии электропередач, чтобы жители Крыма остались без электричества. Пришлось им срочно покупать генераторы, многие часы сидеть без света, пока электричество не пришло из Крас-

нодарского края через пролив. Украина перекрыла днепровскую воду, поступающую в Крымский канал, чтобы жители страдали без воды.

Жители Крыма ездили к родственникам на Украину, после возвращения рассказывали, что жизнь на Украине трудная, много приходится платить за коммунальные услуги, а пенсии маленькие. Надеялись на обещанные субсидии, но их пока никто не получал.

Многие украинцы, которых навещали крымчане, во всем винили президента России В.В. Путина, заявляя, что он – агрессор. Захватил Крым, Донбасс и Луганск. Никакое другое мнение ими не принималось, они смотрели только украинское телевидение, российское телевидение на Украине было отключено. Крымчане приглашали своих родственников в Крым, посмотреть, как теперь живет полуостров при России. Заявляли, что купят им на свои деньги путевки в санаторий города Ялты на 15 суток, а потом пусть гостят у них, сколько хотят. Тогда они сами убедятся в том, что жизнь в Крыму стала лучше, чем была при Украине.

С весны 2015 года и до весны 2020 года мы летали из Москвы до Крыма и обратно до Москвы на самолетах. С весны 2020 года вновь пустили поезда в объезд Украины, через новый Крымский мост, построенный от Тамани до Керчи. Как и до 2014 года мы с женой снова стали ездить в Крым и возвращаться обратно в Тверь на поезде.

Большие крымские каникулы

Нет причины для печали,
нет предлога для заботы,
Божье солнышко сияет
и в других краях на свете.
«Калевала», песнь 3, стр. 47

После выхода на пенсию в нашей жизни начались большие крымские каникулы, думаю, что они будут продолжаться до конца наших дней. Пенсионный период хорош тем, что есть возможность снова созерцать, познавая мир, как в детстве. Но это созерцание уже более осмысленное, глубокое, основанное на базе опыта жизни. После выхода на пенсию у человека есть возможность уйти от повседневной жизненной суеты, что-то вспомнить, над чем-то задуматься, о чем-то поразмышлять.

Воспоминания

О своей жизни. Вся моя жизнь и судьба, кроме службы в Военно-морском флоте, связана с Тверской (Калининской) областью. Я прошел в жизни многое, и есть о чем вспомнить, жизнь моя однообразной не была. В своей жизни мне пришлось делать многое: пасти скот, пахать лошадью, косить траву, возить навоз. Когда было нужно, мог быть плотником, электриком, сантехником, печником. Умел работать на токарном, фрезерном, сверлильном, шлифовальном и других станках. Работа в школе, служба в прокуратуре и государственных структурах дали мне много интересного материала для будущих книг.

Родившись в глухой деревне, я 19 лет потратил на познание жизни и учение, еще 41 год потратил на отдачу обществу своих сил, здоровья, знаний и умений, а остальную часть жизни, находясь на пенсии, посвятил созерцанию, размышлениям, воспоминаниям, творчеству и заботам о внуках.

В 22 года я перешел от срочной флотской службы к гражданской работе, это было самое начало нашей совместной семейной жизни.

В 33 года переехал жить и работать из поселка Сонково в город Конаково.

В 44 года победил на выборах в Законодательное собрание Тверской области, был избран председателем комитета по законодательству. Мы переехали жить в город Тверь.

В 55 лет, после полутора лет безработицы, губернатором Д.В. Зелениным был назначен на должность начальника управления административных органов Тверской области.

С 60 лет начался не менее важный этап в моей жизни – продолжение самообразования, чтение книг, работа в архивах, написание и издание своих книг.

У меня были неожиданные повороты судьбы, много ярких и счастливых дней, видел много городов и других стран. Но самым любимым местом была и остается местность вокруг глухой лесной карельской деревни Петряйцево, что на стыке Бежецкого, Краснохолмского и Сонковского районов Тверской области. Мне также памятна грунтовая дорога от моей родной деревни до школы, что была в Карело-Кошево, и до Горбовца, где родилась и жила моя жена Зинаида Ивановна.

Мне дороги города Бежецк и Конаково Тверской области, а также Евпатория в Крыму. К Твери, куда я переехал жить уже в зрелом

возрасте, никак не привыкну, хотя в городе много знакомых. Скорее всего, потому, что все пятнадцать лет активной работы этот город отторгал меня, привнося в мою жизнь немало тяжелых дней и недель. Я трудно переношу Москву, во время учебы в Москве и, позднее, при частых поездках туда, мечтал об одном, скорее бы выбраться из этого города-монстра.

О родной деревне. Когда я слышу или произношу слово «Родина», то представляю наши 13 карельских деревень с селом Карело-Кошево. Представляю свою деревню, ельник рядом с нею, речку Теплинку, лиственный лес с названием «Тропан-Кохта» (Место тропинок), не такой уж глубокий и илистый, как казался в детстве, пруд под названием «Шави-прувду» (Глиняный пруд).

Последний раз при жизни матери я побывал в своей деревне в октябре 1997 года, после этого живу воспоминаниями о ней. С того времени я ездил только на кладбище, а в обезлюдевшую родную деревню, где нет домов, я не приезжал. Не хотел, чтобы чувство любви к малой родине затмили чувство горя, подавленности и безысходности. Без войны умерли все наши карельские деревни, кроме центральной усадьбы Бережки, где еще теплится жизнь. Но все время я мечтал о том, что еще когда-нибудь увижу живыми свою и окрестные деревни, ведь мечтать можно в любом возрасте, хотя знаю, что при моей жизни этого не случится.

Находясь на пенсии, я часто вспоминаю свое детство, юность, те места, где родился и вырос. Часто мысленно я совершаю малые круги вокруг родной деревни, зимой на лыжах, а летом брожу пешком. Сначала дойду до ельника, поброжу по его опушке, вдыхая запах можжевельника. Оттуда через бывший лес «Тропан-Кохта», а теперь изувеченное мелиораторами поле, перехожу на Репенку. Там собираю грибы, ем чернику и вдоль речки Теплинки выхожу на Поцеповскую дорогу. По этой дороге мне идти уже не хочется, так как в начале 1990-х годов деревни Поцеп, родины моей матери, не стало.

Продолжаю свой путь вдоль Теплинки, подхожу близко к омутам, заглядываю в них, есть ли там рыба. Вижу, как наяву, что загораживаю камнями омут с двух сторон, брожу босыми ногами по дну, чтобы намутить воду, и выбрасываю на берег рыбу, подводя под нее руки. Нанизываю рыбу на ольховую рогульку, и иду дальше вдоль Душковской реки к Оносихе. Подхожу к единственной в округе вербе, глажу ее шершавый ствол. Потом сажусь на траву, опершись к вербе спиной,

и какие-то хорошие мысли приходят ко мне. Идти дальше к Оносихе мне уже не хочется, я иду в деревню, которой уже нет.

С 2003 года нет моей деревни Петряйцево, с 2009 года нет деревни жены – Горбовца, на их месте бурьян да мелкий кустарник. На нашей усадьбе осталась лишь сосна, которую я посадил в 12 лет, да посаженные мною березы под окном. Наши речки такие же узкие и мелкие, как здесь в Крыму, но язык не поворачивается назвать их ручьями.

На соседней с нами усадьбе в деревне Петряйцево кто-то лет сто, а может двести назад посадил молодую липку. Она выросла в могучую липу в три обхвата. Сколько раз в нее попадала молния, но весенним соком залечивались раны. Не однажды сильные ветры ломали ее верхушку, но из самого толстого сучка вырастала другая. Липа давала мед пчелам всей деревни, в ее дуплах тоже роились пчелы, и самые смелые жители деревни доставали оттуда мед голыми руками.

Молодые женщины, которые после замужества долго не могли родить ребенка, приходили по вечерам к липе, обнимали ее, прижимались грудью и что-то шептали. По этой или другой причине со временем их желание выполнялось, они начинали рожать детей. Когда у кого-то из женщин болела голова, она приходила к липе, садилась на ее корни, прислоняясь затылком к стволу, и головная боль отступала. Липа разбросала свои семена по всем усадьбам, и около десятка других лип выросло на них. Так и нас, жителей наших деревень, судьба разбросала по всей стране, чтобы там зарождалась новая жизнь.

О своих учителях. В моей жизни было несколько учителей, которые своим примером учили общению. Первым учителем был отчим, человек серьезный, деловой и молчаливый. Он умел делать все: строить дома, класть печи, проводить электропроводку, делать шкафы, стулья, столы и другую мебель, заниматься с пчелами, быстро считать в уме и многое другое. Если его ни о чем не спрашивать, мог промолчать весь день. Я иногда обижался, если он не отвечал на мои вопросы. Думал, что он не расслышал вопрос, не понял его или не хочет отвечать. Повторять вопрос не решался. Ответ звучал в конце дня, на другой день или еще позднее, но неожиданным образом. Отчим умел и любил наблюдать и обычно отвечал не словами, а действиями, примерами или учил слушать, видеть, замечать, делать самому. Он многому научил меня в жизни.

Вторым основным учителем в жизни и общении является моя жена. Мы так привыкли друг к другу, что иногда могли долго говорить друг

с другом, а порою за весь день обменивались десятком предложений, но если кого-то из нас не было дома, ждали, переживали, волновались и чувствовали себя неуютно.

Третьим учителем была школа, два моих кусочка жизни – сначала в Карело-Кошевской школе, где пять лет отработал учителем, потом шесть лет директорства в школе № 1 города Конаково. Женский коллектив – сложный коллектив, он может или быстро научить общаться, или поможет оказаться вне коллектива.

Четвертым моим учителем была прокуратура, где я общался больше всего с людьми не очень высокого интеллекта. Это была хорошая школа общения, где нужно было приложить немало усилий, чтобы не оказаться на их уровне общения. В то же время преступники порою были более порядочными, чем люди высшего общества.

Следующими учителями были депутаты Законодательного собрания Тверской области, каждый из себя являлся личностью с разными интересами и взглядами. Работая над законами, стояла сложная задача взаимоувязать эти интересы, а порою погасить возникающие эмоции, без которых в споре трудно обойтись.

Большую науку дали мне встречи с интересными людьми. Иногда короткая встреча в течение одного часа или одного дня дает столько энергетики, обогащает настолько, что порою не может дать неделя обыденной жизни.

И, конечно же, большую школу общения я прошел среди своих коллег – заместителей губернатора. Никогда не соглашусь, что первая наша команда губернатора Платова была случайной. Случайности, если их много, перерастают в закономерность. Работа в первые четыре года была очень сложной, поэтому интересной, порою непредсказуемой.

Чтобы там ни было, я благодарен судьбе, что в течение шести лет работал на посту заместителя губернатора Тверской области. Эта работа еще раз доказала, что властвовать над людьми всегда может только тот, кто способен властвовать над собой.

Размышления

О ***выходе на пенсию.*** Как хорошо должно быть человеку, который перед поездкой на свою родину или в город, где он раньше жил, вспоминает пережитое им, и ему не стыдно возвращаться туда. Не стыдно перед людьми за свои дела и поступки, которые он здесь совершил.

Он может смело посмотреть в глаза любому, и тот, любой, может вспомнить о нем только хорошее и доброе.

Каждой осенью мы возвращались из Крыма на родину с надеждой, что еще можем здесь пригодиться и чему-то послужить. У нас в первые годы нахождения на пенсии было еще достаточно сил и желания работать, но нас к работе не привлекали. Пенсионеры еще могли бы на общественных началах принести пользу обществу. Но когда власть приближает некоторых пенсионеров-общественников за деньги – это имитация активной общественной жизни в регионе.

По-видимому, при созданной в постсоветский период системе для человека общество открыто, когда он богат или при власти. Если покинул коридоры власти, а денег нет, то общество закрывается. В начале XXI века случилось так, что знания, ум, опыт, имеющиеся силы пенсионеров не стали нужны ни государству, ни обществу. Но они нужны были семье, детям, внукам. Конечно, я не спорю о том, что о прошлом задумываются старики, а молодые люди глядят вперед и думают о своем будущем.

Поэтому, готовясь к возвращению из Крыма в Тверь, уже в августе-сентябре каждого года я начинал думать над темой новой книги, составлял списки фондов, с какими буду работать в архивах, чтобы собирать материалы для нее. Записывал разные черновые наброски, составлял план будущей книги. Если летом в Крыму я много читал и набирал разной информации, делал записи, то в Твери я много работал в архивах, писал книги и проводил встречи с читателями.

Почти у каждого человека возникает страх или даже депрессия стать пенсионером. Такого страха не было в старых патриархальных семьях, где жили три, а то и четыре поколения. У каждого были свои заботы по дому. В последнее время этот страх стать пенсионером означает одиночество вне работы и вне семьи. Пенсионеру остается вступать в какие-то общественные организации или отправляться в дома-интернаты для престарелых людей.

В каждом обществе есть такая тяжелая болезнь, как невостребованность человека, от которой он начинает быстро угасать. И все равно перед каждым пенсионером стоит самая важная задача – сохранить здоровье и подольше пожить. А жить – это значит двигаться, действовать, что-то делать и общаться с другими людьми.

Я считаю, что на пенсии тяжело тогда, когда одинок, когда ничего не делаешь, не читаешь и ни о чем не думаешь. Нахождение на пен-

сии – один из оставшихся самых важных этапов в моей жизни, во время которой я должен выполнить до конца свою миссию. Ее я определил сам для себя – как можно подробнее написать историю своего народа – тверских карел. Я понимал, что сделать это очень трудно, так как мало письменных памятников по ним, особенно за XVIII–XIX века. Судьба дала мне счастливый случай получать достаточно информации из разных источников, чтобы иметь возможность на ее основании написать историю тверских карел.

О жизни в деревне и городе. До моего выхода на пенсию мы с женой прожили 11 лет в сельской местности и 27 лет в городе, сначала в Конакове, затем в Твери (Калинине). Выйдя на пенсию, мы решили снова быть ближе к земле, как это было в нашем детстве и юности. Мы вернулись в деревню, но это была не наша родная северная деревня в тридцать домов, а большое, по нашим меркам, южное село с населением более одной тысячи человек. Мы понимали, что дом в Крыму, земля возле него, сад – это последнее, куда можно вложить свои силы, чтобы было хорошо нашим детям, внукам и будущим правнукам. Наш труд на земле был добровольным, и наказывали мы себя усталостью добровольно, мы сами сделали этот выбор.

Многое уже изменилось в деревенской жизни с момента нашего ухода оттуда. Открыл кран, и течет вода там, где нужно: на кухне, в бане, туалете, огороде. Включил выключатель и появился свет, не нужна ни лампа, ни керосин. Зажег газовую плиту и готовь себе, сколько хочешь. Не нужно топить русскую печь, чтобы ставить туда обед. Не нужно разжигать керогаз, чтобы вечером пожарить грибы, а утром – яичницу. И если надо что-то строить, пожалуйста, тебе электрические инструменты: рубанок, лобзик, дрель, шуруповерт. Экономь время, силы и делай все качественно.

Многому в детстве нас научили родители своим личным примером. Они не заставляли нас, не принуждали, а показывали, что и как надо делать – работали и работали. Мы, глядя на них, начинали делать так же, а потом – лучше, с учетом появившихся возможностей.

Многие городские мужчины переживают кризис, депрессию после ухода на пенсию. Им в отличие от женщин бывает нечего делать в городской квартире. Женщине в городской квартире остается вся прежняя работа – готовить еду, стирать, гладить, убирать и т. д. В деревне до пенсионного возраста доживает мало мужчин, многие спиваются. Но те, кто дожил, живет долго, благодаря повседневным заботам.

Отрыв человека от природы, суетливость создают много ненужных, надуманных условностей и искусственности жизни людей в городе. В городе люди чувствуют себя оторванными друг от друга, им не хватает общения. Они не встречаются, чтобы за чашкой чая обсудить телепередачу, кинофильм или новую книгу, поговорить о житейских проблемах. Ненужность человека обществу приводит к расширению агрессии и зла.

Мы с женой в литературном кафе им. Анны Ахматовой. Евпатория, 13 мая 2017 года

Городской житель нередко мучается и в деревне, ему здесь хорошо только тогда, когда есть мобильный телефон, ноутбук и Интернет. Тогда он живет в своей городской стихии. Но когда этого нет, он не находит себе места, его мало интересует природа, море, земля, сад и окружение. Лечение городского жителя Крымом проходит около месяца, после чего он перестает нервничать, суетиться и переживать за работу. А через два месяца он спокойный, загорелый, любит своих детей и окружающих его людей.

У деревенских людей свои домашние заботы: приготовить обед, постирать, что-то посадить, прополоть, полить, сделать заготовки. Да мало ли забот у деревенского жителя. Можно сказать, что если он один раз пройдется по двору и саду, то найдет работы на один день, а если пройдет два раза – то будет ему работы на неделю.

В деревне при встрече с соседями есть много поводов для разговора – обсудить деревенские новости, поделиться опытом выращивания овощей, подсказать или послушать, как ухаживать за садом, рассказать о своих домашних питомцах. После такого, казалось, малозначительного разговора улучшается настроение, сильнее проявляются положительные эмоции. А еще в деревне от скуки можно читать книги, вести дневник и делать записи для своих будущих книг.

Чтобы жить в большом городе, надо иметь крепкие нервы, город разрушает нервную систему человека, а деревня ее лечит. Где ему жить – в городе или деревне, выбирает сам человек. Если есть хорошая работа в городе, можно жить там. Но когда уходишь на пенсию, а активно жить еще хочется, то лучше переехать в деревню. Здесь всегда есть работа, без работы жить в деревне нельзя, в городе же пенсионеру работу найти трудно.

О месте человека в обществе. Люди всегда жаждали знать о начале и конечной цели своего существования на земле: зачем они живут, какое их отношение к обществу, то ли они делают в короткий срок жизни? При этом важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся.

Все мои предки-крестьяне не были родовитыми или при должностях. То, что я, крестьянский сын, достиг немалых успехов в своей жизни, отношу к вложенному мне предками уму, трудолюбию и старанию. Нам пришлось жить и работать в тот постсоветский период истории, когда деньги и пошлость вытеснили образование и культуру на обочину. Верю, что это временное явление, лишь бы время безнравственности оказалось непродолжительным.

Хотя многие твердят о том, что несгибаемость в своих убеждениях со временем становится диагнозом, но я верю в то, что для человека очень важно оставаться самим собой, со своими принципами и убеждениями до конца своей жизни. Независимость человека всегда дается нелегко. Сильная внутренняя энергия человека, которая обеспечивает успех, одновременно притягивает к себе много недоброжелателей, которые хотят помешать этому успеху. Но эта грязь не пристает к самостоятельному человеку, который продолжает идти по жизни гордо и с достоинством. Практически все люди совершают ошибки, и надо иметь мужество признаваться в них, а не врать и не изворачиваться.

Тогда человека будут окружать люди, которые могут дать толковый совет, которые имеют и умеют отстаивать свое мнение. Люди, которые

не льстят, не лицемерят, не преклоняются перед грубой силой, а могут сказать правду об ошибках, как своих, так и другого человека, в том числе и своего руководителя. Разумно, когда человек умеет отличать неприкрытую лесть от объективной оценки своего труда.

Только врожденный ум вкупе с приобретенными знаниями и составляют талант человека. Откуда он может взяться у тех людей, кто не читает книг, не тренирует память, не желает общения с другими, а лишь тупо на долгое время уставится в экран ноутбука в поисках чего-нибудь легкого и веселого развлечения? Без постоянного самообразования трудно прожить.

О подмене ценностей. Находясь на пенсии, и имея достаточно свободного времени, у нас не было большого желания слушать радио и смотреть телепередачи, так как в постсоветское время поменялись ценности, вместо труда, конкретных дел, физических и умственных усилий стали ценить информацию и слово. Вместо тружеников, которые строили дома, мосты, заводы, растили хлеб, воспитывали детей, на каналах телевидения отыскивали и показывали разную пьянь, рвань и дрань, унижая имидж нашей страны. Как будто бы это делали по заказу иностранцев, ненавидящих нашу страну. Все эти передачи сопровождали комментарии: «Впервые», «Эксклюзив», «Сенсация». Жителям страны такие передачи были не нужны, они нужны только самим журналистам, зарабатывающим на них деньги.

С высоты своего возраста мы видели, что переход от социализма к капитализму показал культурную несостоятельность многих богатых людей. Они не умеют веселиться, их корпоративные вечера превращаются в обыкновенные попойки с разными последствиями. Мы хорошо понимали, что песни, танцы, пляски, беседы бедных людей всегда выше, веселее, культурнее пьяных речей, тостов и откровенной лести представителей состоятельных кругов. Деревенские жители нам говорили, что современные наши бизнесмены, как куры в курятнике: чем выше сидят, тем больше гадят на сидящих внизу.

К началу XXI века в нашей стране были полностью подменены моральные ценности. Кого признают «народными» героями? Ими становятся аморальные антигерои, но которых знают по имени и фамилии, благодаря купленным средствам массовой информации. Это, прежде всего, олигархи, представители шоу-бизнеса, даже бандиты, проститутки и наркоманы.

Новым явлением для России стало появление героев через социальные сети, людей, ничего в жизни не совершивших, но которых знали многие, основной критерий их популярности – число подписчиков. Средства массовой информации три десятилетия вбивают в голову людям идею, что каждый должен жить сам для себя, постепенно вытравливая из человека естественную потребность духовного обогащения, активности, инициативы, взаимопомощи и взаимовыручки.

Элитой, моральными авторитетами стали считать себя порою малограмотные люди с низким уровнем общей культуры. Захватив основные богатства страны и средства массовой информации, они через них пропагандируют среди населения не высокие моральные качества, а пошлость, бескультурье, проституцию, обман с целью обогащения и другие человеческие пороки.

Западная и американская культура заполонили телепрограммы, глянцевые журналы и книги, которые дают разовую прибыль и сразу уходят в небытие. На рубеже XX – XXI веков, резко понижался уровень общей культуры и нравственности в России.

Во-первых, так называемая «элита», взяв за образец западный образ жизни, за основу ее привносит не положительные законы и устои Америки, а то, что внесло в американскую действительность преступное сообщество. Эти отрицательные устои в Америке создавали преступники, отправленные на кораблях туда в ссылку из Англии. В Америку высылали воров, мошенников, насильников, грабителей, бунтовщиков. Из истории известно, что в период с 1607 по 1775 годы из Англии в Америку было вывезено около 50 тысяч преступников.

Новая российская «элита», взяв за основу именно эти американские ценности, пошла по пути создания в нашей стране злобного, агрессивного, лживого общества, ценя деньги больше, чем человеческие жизни. Сколько было убито граждан страны в 1990-е годы за презренные бумажки под названием «доллар», никто уже не скажет. Смерть человека в разных телефильмах и телепередачах стала обыденным делом, как будто жители России постоянно носят с собой пистолеты и автоматы.

Во-вторых, купленные так называемой «элитой» средства массовой информации пытаются или смешить людей, или пугать их, действуя на уровне инстинктов. По американскому образцу российские СМИ, не только выступления артистов, а всю жизнь в стране пытаются превратить в шоу: политику, основные моменты из жизни известных людей

и незнакомых зрителям бизнесменов, «светских львиц», так называемых «звезд» – свадьбу, рождение ребенка, развод, делёж имущества и споры о детях. Дошли до того, что даже судебные процессы, например, по делу артиста Михаила Ефремова, превращались в шоу, которое изо дня в день показывали по многим каналам телевидения.

Одновременно любая передача выставляется, как явление исторического масштаба, каждый участник – как «яркая звезда». Этих «звезд» появилось так много, что народ никого из них не может запомнить. Все-таки искусство и средства массовой информации должны были стать не столько развлекательными, сколько духовными.

В-третьих, вместо труда, конкретных дел, физических и умственных усилий стали ценить информацию и слово. Поэтому богатыми становились не крестьяне и рабочие, не учителя и врачи, не инженеры и конструкторы, а люди, близкие к слову. Вдруг стали богатыми всегда жалующиеся на бедность артисты кино, певцы, журналисты, телевизионщики. Они состязались друг с другом – кто кого. Или журналисты получали большие деньги от так называемых «звезд» за интервью, или, наоборот, «звезда» затребует от журналиста или телекомпании гонорар за свое интервью. Происходило сплошное «словоблудие», доходившее до цинизма, низости, клеветы и все ради денег.

Наше культурное наследие

Нет, герои не исчезли,
Калевы народ не канул.
«Калевала», песнь 47, ст. 533

Я, прямой потомок тверских карел в тринадцатом поколении, начал свою жизнь с изучения русского языка и русской речи в то время, когда дома и в деревне жители разговаривали на родном карельском языке. Хорошо понимая родной язык, но плохо разговаривая на нем, в определенном возрасте и при изменении ситуации в стране, я решил компенсировать этот пробел и оправдаться перед предками серьезным изучением истории своего народа и написанием книг о нем.

За 12 лет работы в прокуратуре мною было написано много разных протоколов осмотров места происшествия, допросов, очных ставок, обысков, изъятия документов и других протоколов в многотомных

уголовных делах. Работая следователем прокуратуры, составляя 5–10 томов хозяйственного дела, понимая, что виновные, скорее всего, по нему получат по одному году исправительных работ, или условное наказание, задумывался – почему я не исследователь? Исследователем стал через 10 лет после ухода из прокуратуры, с 1997 года.

По причине занятости я нечасто приезжал в свой деревенский родительский дом, чтобы утром в полусне наслаждаться неспешным течением карельской речи. И только через 30 лет, будучи уже на высоком областном уровне, вернулся к тверским карелам, чтобы представлять их в Ассоциации финно-угорских народов России и на международном уровне. Чтобы попытаться помочь активистам как можно дольше сохранить красивую карельскую речь и оставшиеся частицы карельской культуры.

Книги по истории тверских карел я начал писать с 1997 года, работая заместителем губернатора Тверской области. Тогда история этого народа была покрыта мраком, а документы надежно сокрыты в архивах, двери которых только-только стали раскрываться. Да и большого интереса к истории тверских карел тогда не было ни у властных структур, ни у представителей самого народа. Времена были трудными, все думали о том, как заработать на хлеб и выжить.

Зарубежные исследователи пытались добыть достоверные факты по истории российских финно-угров, но проводить архивные изыскания им тогда не разрешалось. Они имели некоторые карты, сведения, книги, доклады, изданные при царизме. Ряд этих документов друзья из Финляндии позднее привезли мне, узнав, что я начал писать историю тверских карел.

Например, в сборнике «Финно-угорский мир», посвященном II Всемирному конгрессу финно-угорских народов, проведенном в Будапеште 16–21 августа 1996 года, о тверских карелах было написано буквально несколько строк, которыми в 1996 году располагал автор статьи, венгерский специалист Андраш Берецки. О других финно-угорских народах в сборнике было значительно больше информации. Именно столь малые сведения о нашем народе и подтолкнули меня начать исследовать и писать его историю.

Кроме скудной информации в сборнике «Финно-угорский мир», меня побудили писать книги о тверских карелах два события марта 1997 года. Сначала в Твери прошла научная конференция: «История и культура тверских карел: перспективы развития». Я слушал высту-

пающих и понимал, что достаточно много информации о карелах Республики Карелия, но нет информации о тверских карелах, не написана их история. И сами тверские карелы не знали, откуда пришли на тверские земли наши далекие предки и почему пришли. Были позабыты карельские песни, национальная одежда, письменность, оставался лишь разговорный бытовой язык.

В том же месяце нас с женой пригласили в Финляндию, там, в архиве я прикоснулся своими руками к рукописи Элиаса Лённрота «Калевала», листы которой были перечеркнуты одной линией наискосок. Эта линия означала, что лист рукописи уже напечатан. Знакомство с его рукописями стало для меня вторым потрясением, и я пошел работать в архивы, используя любой свободный час, а также время отпусков.

Трудная работа, интриги, смена губернаторов и новая работа отнимали у меня много сил, отдушину я находил при работе с документами в архивах и написании книг. Начиная с 1997 года, я стал активно искать любые материалы по тверским карелам. Пересмотрел все архивные документы по ним в государственном архиве Тверской области, Тверском центре документации новейшей истории, перечитал большое количество книг, где хоть что-то касалось карел, перелистал множество летописей, изучал карты Карельского перешейка.

Работая с историческими материалами, с архивными документами, я невольно замечал, что после 1917 года, то есть с самого начала советской истории, не было последовательного изложения исторических фактов, в том числе и по Новгородской Руси. Советские писатели очень редко писали книги на исторические темы дореволюционного периода, так как история после революции была сильно искажена политическими деятелями. Недаром говорят, что книги пишет время рукою писателя.

Эпизодические фрагменты истории были основаны на исторических фактах Киевской Руси. Почти все учебники истории тогда состояли из эпизодов войн и конфликтов. История не рассматривалась, как процесс взаимодействия культур, традиций, религий и искусства народов, населявших нашу страну. Ведь в истории любого народа больше взаимоуважения, доброты, участия, взаимопомощи и значительно меньше эпизодов насилия, подавления народных бунтов. Я хотел сделать так, чтобы в памяти карельского народа, прежде всего молодого поколения, история оставалась максимально объективной.

Когда я передавал личные документы на хранение в Государственный архив Тверской области, сотрудница, принимавшая их, сказала: «*О том, что Вы работали заместителем губернатора области, забудут на второй день после Вашего увольнения. А вот Ваши книги по тверским карелам останутся в памяти читателей надолго*». Я тогда же задумался над этими словами, а позднее понял, что судьба любого политика незавидная.

Я решил записывать факты о жизни карел и других финно-угорских народов в современном мире, будучи очевидцем происходящего, чтобы потом включить их в свои книги. Этому способствовало мое участие в работе Международного консультативного комитета финно-угорских народов и исполкоме Ассоциации финно-угорских народов России.

Работая в архивах, приходилось порою перелопатить массу документов, не представляющих для меня какого-либо интереса. Но я их просматривал сплошным порядком, чтобы хоть иногда улыбнулась нужная находка. И это случалось, и нередко.

У карел, как и любого другого народа, есть своя история, но они не знали ее до конца XX века, до появления моих книг. Нам с детства родители говорили, что наши предки пришли на бежецкие земли с Карельского перешейка. Но до недавнего времени об истории карел, города Корелы и Карельского перешейка знали лишь единицы ученых финно-угроведов. Даже в Москве не знали, что в 150 километрах от нее проживают карелы, и долгое время их было значительно больше, чем в Карелии.

Будучи тверским карелом, занимавшим определенные посты в областных структурах власти, я все свободное время занимался изучением истории своего народа, сердцем и душой болел его нуждами, проблемами и страданиями. Когда меня дважды увольняли с должности, потом пытались изгонять снова, я все свои переживания переводил в творчество. Вынужденное свободное время и экстремальные ситуации были самыми интенсивными периодами в моей творческой деятельности. Я начал создавать свой мир под названием «Тверская Карелия».

Кроме основной служебной деятельности, до выхода на пенсию, я выполнял большую общественную работу, связанную с сохранением языка и культуры тверских карел. После выхода на пенсию не оставалось ничего другого, как уединиться и продолжать писать книги.

Мои книги не только о карелах, они об истории русской деревни в центре России. Я писал о карелах и о русских людях, с которыми карелы жили рядом деревнями, а то, и в одних деревнях, при многих родственных связях. Здесь все переплелось и перемешалось. Русские нередко женились на карелках, а карелы женились на русских девушках. В смешанных семьях русские начинали говорить по-карельски, а карелы – по-русски. Со временем случилось так, что потомки карел, родители, бабушки и дедушки которых были карелами, стали называть себя русскими. Но такого, чтобы русские когда-либо назвали себя карелами, никогда не было, шла и продолжает идти активная ассимиляция карел с русским населением.

То, что в разные годы творилось в тверских карельских деревнях, происходило по всей России, поэтому в истории Тверской Карелии, как в зеркале, отражается история всей нашей страны. Таким образом, одновременно с историей карел, я писал об истории Руси, России, писал историю русского народа. В моих книгах упомянуты сотни простых людей, как карел, так и русских, и некоторые исторические личности, среди них знаменитые, но неизвестные доселе карелы, о которых, возможно, больше писать никто и никогда не будет.

Жанр моих книг – документальная проза, основанная на реальных событиях истории, с минимальным включением художественного начала. Внося художественное начало в свои книги, я ставил своей задачей донести исторические факты до читателя с пониманием для него, одновременно, стараясь избегать своей личностной оценки и эмоциональной окраски событий.

Я не приспосабливался к новым современным условиям яркости и саморекламы, в своих книгах, за редким исключением, не размещал фотографий, картинок и рисунков, полагая, что они будут отвлекать читателя от чтения и размышлений. Серьезные книги всегда учат читателей думать и размышлять, а не перелистывать страницы с целью поиска картинок.

В своих книгах я попытался осветить основные факты из жизни карел, а позднее – их тверской ветви, установить их историческую и национальную самобытность. База для дальнейшего исследования этой нации получена, но еще остались «белые пятна», над которыми можно будет работать в дальнейшем. Верю в то, что в будущем откроются закрытые до настоящего времени архивные материалы. Своими книгами я пытался доказать, что карелы, как народ, имеют

право на свою историю, сначала отдельную от России, позднее – тесно связанную с нею.

Когда очередная книга уже была написана, я начинал ее перечитывать, и с высоты пройденного дополнительного жизненного отрезка пути, замечал, что-то не дописано, и что-то надо уточнить, ведь предела совершенства нет. Сколько бы автор не правил рукопись, начинает перечитывать и снова правит, чаще всего – к лучшему. Я понимал, что писать о далеком прошлом можно при условии знания многих исторических аспектов того времени, даже незначительных. Без их глубоких знаний не нужно и начинать, так как реальной исторической действительности тогда не изобразить, и читатель тебе не поверит.

В книге «История Тверской Карелии» я большими штрихами написал о значимых событиях из жизни карел. В остальных 11 книгах попытался расшифровать эти события, происходившие в том или ином периоде времени. В начале XXI века мои книги пользовались популярностью не только в нашей области, но и в других регионах России, а также в Финляндии. Книга «История Тверской Карелии» в сокращенном варианте в 2006 году была издана на финском языке. По моим книгам студенты институтов и учащиеся техникумов писали свои курсовые и дипломные работы. Их использовали при подготовке научных работ на соискание ученой степени кандидата наук.

Руководители Общества друзей тверских карел в 2010 году сказали, что мои книги стали основой формирования Центра истории тверских карел в Государственном архиве Финляндии. Книги были переданы в библиотеки карельских районов области, находятся в личных библиотеках активистов карельского движения. К сожалению, тиражи книг всегда были небольшими от 250 до 500 экземпляров, лишь издание на финском языке краткого исторического очерка «Тверские карелы» вышло тиражом в 1500 экземпляров.

2–3 декабря 2005 года в городе Хельсинки Карельский Союз провел вторую выставку-ярмарку книг. В ее работе принимали участие 62 финские общественные организации, в том числе Общество друзей тверских карел. На выставку мы отвезли книги на карельском языке Н.М. Балакирева, Л.Г. Громовой, М.М. Орлова, З.А. Туричевой, а также семь наименований моих книг по истории Тверской Карелии.

В марте 2009 года вышло третье издание книги «История Тверской Карелии» на 430 страницах, хотя год издания там указан 2008. В начале апреля ее представляли в городе Йоенсуу (Финляндия) на междуна-

родной конференции. Я не смог выехать на эту конференцию, записал свое выступление на электронный диск, его перевели на финский язык и показали там в записи.

Презентация книги «История Тверской Карелии» прошла в Рамешковском районе 16 апреля 2009 года. Она была приурочена к проведению районной конференции тверских карел. Подготовили презентацию работники Рамешковской районной библиотеки во главе с ее директором Л.А. Лебедевой.

Меня радует, что книги, изданные при моей жизни, нужны людям, их читают, используют при написании курсовых, дипломных работ и даже кандидатских диссертаций, на них делают ссылки. Меня приглашают на встречи с читателями, задают много вопросов. Все мои книги рассчитаны на широкий круг читателей, прежде всего на молодежь.

Дороги нашей области длительные, иногда приходилось ехать 3–4 часа в один конец и столько же обратно. Кто-то в дороге дремлет, кто-то разговаривает, кто-то о чем-то думает. Я же, работая начальником управления административных органов, чаще всего в пути сочинял стихи, позволяла обстановка и время. Лист бумаги и ручка всегда были с собою, сначала приходили какие-то мысли, которые ложились в строчки. Потом получалось четверостишие, к концу пути

обычно слагалось завершенное стихотворение с началом и окончанием. Первую подборку стихов опубликовал в книге «Мысли вслух» в 2009 году, вторую – в книге «Свет в окне» в 2012 году.

Я работал над книгами за обычным письменным столом, на котором с 2009 года находился ноутбук, а до того года все рукописи писал от руки. Записи делал в машине при поездках в районы области, в лесу, когда бродил в поисках грибов, на рыбалке, а также во время работы, используя каждую свободную минуту. Когда по вечерам не оставалось сил писать, сидя за столом, писал, лежа на кровати, прислонив картон с листами бумаги к согнутым коленям.

До выхода на пенсию я написал четыре основных книги: «История Тверской Карелии», «Карелы: от язычества к православию», «В краю двух культур» и «Мы отсюда родом». Находясь на пенсии, я смог написать еще 11 книг, в том числе 7 книг по истории тверских карел.

Выйдя на пенсию, я каждый год работал в областных архивах с ноября по март. Это были самые работоспособные дни, когда я уже имел достаточно информации из архивных источников. Писал каждый день с утра до вечера, одновременно что-то правил, изменял, вычеркивал, дополнял. В голове был постоянный шум от мыслей, самые сильные из них прорывались по ночам. Я вскакивал, зажигал настольную лампу, чтобы записать найденные предложения. Не успевал лечь, как требовала бумаги другая мысль или другое предложение. Так постепенно совершенствовались первичные наброски книги, понимая, что предела совершенства нет.

Особенно плодотворной для меня была первая пятилетка после выхода на пенсию, с 2009 по 2014 годы, времени и сил было много. Я работал, как одержимый одновременно над несколькими книгами, возвращаясь от одной книги к другой.

Между началом работы над моей первой полноценной книгой «История Тверской Карелии» в 1997 году и завершением последней книги «Большой круг жизни» в 2021 году, прошла вся моя творческая жизнь в 24 года. Я написал историю карел, неизвестную до того времени никому, кроме немногих специалистов финно-угров, и то в очень небольшой ее части. Изобразил быт народа, борьбу за свою независимость и выживание, тягу карел к русскому языку, русским обычаям и образу жизни.

Я не вправе сравнивать себя с великими русскими историками В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, Н.А. Полевым, С.М. Соловьевым,

Н.И. Костомаровым, В.О. Ключевским. Мои труды очень далеки от трудов зарубежных исследователей, каждый из которых писал историю своего отечества: Вальтер Скотт – историю Шотландии, Дэвид Юм – Англии, Андре Моруа – Франции, Абулгази – историю туркмен, и от других трудов.

Тем не менее, я написал историю Карелии, с момента зарождения карельской нации в IX веке и до 1617 года, а также историю Тверской Карелии с 1618 до 2012 года.

При этом я открыл для читателей неизвестные страницы истории России, ранее сокрытые в архивных материалах. То, что некоторые периоды истории карел в моих книгах не всегда последовательные, а отрывочные, можно объяснить двумя причинами: во-первых, я не мог своими мыслями и рассуждениями дополнять того, чего не нашел в первоисточниках; во-вторых, история тверских карел неотделима от истории русского населения и тверской земли, о чем написано достаточно много. Навсегда останется фактом, что я первым познакомил жителей Тверской области, читателей финно-угорского мира, других регионов России с историей тверских карел, о которой до меня знали только специалисты.

Работая над книгами, прекрасно понимал, что для истории важны не только наблюдение и описание фактов, но и исследования, как конкретного факта, так и общего исторического процесса в определенный период. До 2014 года на встречах с читателями я просил называть меня автором книг, а не писателем. С 2014 года уже не противился, когда сначала в Крыму, а потом в Твери меня стали называть писателем. К тому времени профессию «писатель» исключили из общего реестра профессий. Писательское творчество стало лишь обычной общественной деятельностью.

В 2016 году по предложению редактора Е.В. Смирницкой я подготовил статью «Тверские карелы» для «Большой Российской энциклопедии», она опубликована в одном из ее томов.

17 ноября 2017 года для меня произошло значимое событие – на Дне тверской книги в Москве были представлены 5 моих книг: «История Тверской Карелии», «В краю двух культур», «Жизнь – вот ремесло», «Помнят стены монастыря» и «Жернова. Книга памяти тверских карел». Я был награжден дипломом Ассоциации Тверских землячеств «За вклад в развитие литературных традиций Тверского края».

День тверской книги проходил в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Эта крупная ежегодная встреча землячества собрала выдающихся уроженцев края, проявивших себя в литературе, истории, изобразительном искусстве, краеведении, политике, общественных делах. Участников мероприятия приветствовали: видный поэт, наш земляк А.Д. Дементьев, сенаторы от Тверской области В.П. Лукин и А.Н. Епишин. Я подарил свои книги Дому русского зарубежья и Ассоциации Тверских землячеств.

Достаточно много встреч с читателями и презентаций новых моих книг проходило в библиотеках города Твери и районных центров Тверской области: Бежецка, Лихославля, Максатихи, Рамешек, Сонкова, Спирова и Торжка. Встречи с читателями также прошли в библиотеках города Евпатории и Черноморского района Крыма.

В 2016 году по предложению редактора Е.В. Смирницкой я подготовил статью «Тверские карелы» для «Большой Российской энциклопедии», она опубликована в одном из ее томов.

Я написал и издал 15 книг по истории России и Тверской Карелии, а также книгу стихов «Свет в окне». Написанные и изданные при жизни книги, я доработал и расположил по темам в восьми томах, с надеждой, что это собрание сочинений когда-нибудь будет издано.

Первый том: «История Тверской Карелии», «Карелы: от язычества к православию» и «Карельский национальный округ».

Второй том: «Прошедшие через века», «В краю двух культур» и «Шагнувшие в вечность».

Третий том: «Помнят стены монастыря», «Владельцы мызы Подобино» и «Незавершенная реформа».

Четвертый том: «Деревенские нэпманы», «История одного колхоза» и «Мы отсюда родом».

Пятый том: «На пути в Калос-Лимен» и «Жизнь – вот ремесло».

Шестой том: «Большой круг жизни».

Седьмой том: лекции, статьи, выступления, комментарии и информационный сборник «История Тверской Карелии».

Восьмой том: книга стихов «Свет в окне».

Кроме пятнадцати основных книг я ***оставляю свой личный фонд № Р-289 в Государственном архиве Тверской области***. Все мои рукописи и другие документы хранятся в этом фонде, на 1 марта 2019 года там было 316 дел, много материалов по тверским карелам.

Первые отзывы о моих книгах

Далеко несутся вести,
слух расходится повсюду.
«Калевала», песнь 3, стр. 34

О книге «История Тверской Карелии» (2008 год)

Кременецкая Таисия Николаевна, краевед, кандидат наук, город Москва, март 2009 года: «Из книг А.Н. Головкина я черпаю многое неизвестное. Это пример – как надо любить свой народ и как защищать этот народ. Хотя я проживаю в Москве, но родину приобрела в Рамешковском районе – здесь есть моя земля, мой дом и мой народ. Карелы привели меня к православной вере. Они своим примером показывали, как надо относиться к вере, как любить веру».

Н.В. Антонова, учитель истории, поселок Рамешки Тверской области, март 2009 года: «Как патриот своего родного карельского края и учитель истории по профессии, я с большим интересом приступила к изучению книги А.Н. Головкина «История Тверской Карелии» и не обманулась в своих ожиданиях. Во-первых, очень богатый исторический материал изложен последовательно, логично, с примерами и

разъяснениями. Поэтому не надо быть историком, чтобы понять и, главное, заинтересоваться материалом.

Во-вторых, книга, надеюсь и уверена, станет настольным пособием для учителей истории и краеведения. Ведь это просто редкостная находка, когда в одной книге собран такой интересный документальный, разносторонний материал, касающийся не только истории карел, но и отечественной истории. Вы представить себе не можете, каким бесценным подспорьем в работе станет эта книга для учителей краеведения тех районов, где проживают карелы, потому что в учебнике этой теме отведено всего три страницы сухого официального текста, а найти дополнительный материал весьма проблематично.

В-третьих, книга пробуждает в читателе, будь то русский или карел по национальности, гордость и уважение к карельскому народу. Читаешь и понимаешь, насколько сильный духом, умелый, смекалистый, веселый, самобытный, а главное, преданный своей родине был и остается карельский народ. И хочется уже не стесняться, как это было раньше, своей принадлежности к карельским корням, а восхищаться, гордиться своим малым народом и чувствовать его малой частичкой.

В-четвертых, в книге много интересного, познавательного материала: это касается вопросов карельской письменности, карельских обычаев и обрядов. Читаешь и думаешь: вот жила всю жизнь среди карел, а так много не замечала и не знала, хорошо, что теперь узнала сама и другим расскажу.

В заключении хочется сказать большое спасибо автору книги А.Н. Головкину за его бесконечную приверженность карелам, за его огромный труд по сбору материала и написанию книги о Тверской Карелии».

О книге «Откровения отставного чиновника» (2012 год)

Тверское информационное агентство, 14.08. 2015 года: «Книга очень интересная, советую скачать и почитать. Не в том смысле, что написана остро-публицистически и захватывающе, этого нет, написана скорее осторожно, взвешенно, бесхитростно и весьма откровенно (даже при том, что автор даже сейчас предпочитает не называть некоторые фамилии, тем не менее, понятно, о чем идет речь).

Интерес в том, что А.Н. Головкин работал заместителем Губернатора Тверской области, многое видел изнутри. К тому же это не совсем

обычный чиновник, скорее белая ворона, люди этого типа редко приживаются в коридорах нынешней власти и выглядят в них странно.

Бесхитростность и некоторая непосредственность автора делают его воспоминания только ценнее, становится выше достоверность описываемых событий. Совершенно незаметно никакого лукавства и искажений, при том, субъективизм, конечно, присутствует, но никаких попыток намеренного искажения я не обнаружил.

В общем, тем, кто интересуется новейшей историей нашей области, рекомендую прочитать эту книгу. Не ждите только чего-то жаренного, сенсационно-захватывающих разоблачений, там этого нет, это просто свидетельство, которому в силу ряда причин можно доверять.

В-общем-то, воспоминаний таких людей не так уж много, тем более, когда они написаны не с целью пиара под какие-нибудь выборы. Обычно пишут только тогда, когда им это необходимо для какой-то цели. А вот воспоминаний чиновников такого высокого уровня написанных просто так, для души, совсем немного. Вот в этом основная ценность головкинских воспоминаний, а не в том, что там есть что-то сверхъестественное».

О книге «Помнят стены монастыря» (2016 год)

Клеерова Татьяна Семеновна, председатель Консультативного комитета финно-угорских народов, 15.11.2016 года: «Уважаемый Анатолий Николаевич! Большое спасибо Вам за книгу «Помнят стены монастыря». Как хорошо, что вы оперируете в ней документами, вносите в текст огромные списки имен, фамилий, географических названий. Именно документальная основа, фактура книги является самым достоверным свидетельством существования и воистину трудной судьбы карельского народа в российской и европейской истории второго тысячелетия. Очень надеюсь, что в следующем 2017 году, когда Тверь будет отмечать 400-летие исхода карел с Карельского перешейка и из Приладожья в Тверские, Московские земли и на север, в нынешнюю Карелию, мы с Вами встретимся в Твери. Надеюсь подержать вашу книгу в руках... Сердечный привет Зинаиде Ивановне. Желаю Вам обоим здоровья и хорошего настроения! С уважением, Татьяна Клеерова».

Евгений Пантелеев, газета «Тверская жизнь», 23. 04. 2017 года: «Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь находится в

18 километрах от родной деревни Анатолия Головкина–Петряйцево. Стены ныне разрушенной обители – свидетели событий, происходивших на протяжении многих веков. Помнят они и о приходе в эту местность карел с Карельского перешейка и из Приладожья. А карельская тема – одна из центральных в творчестве Анатолия Головкина. Он затрагивает ее и в книге «Помнят стены монастыря».

Где искать информацию о том, что происходило здесь? Что поможет реконструировать прошлое? За ответами Анатолий Головкин отправился в Государственный архив Тверской области, где хранятся документы, связанные с монастырем, – приходно-расходные книги, древние описи, царские грамоты и грамоты новгородских архиепископов, копия монастырского «Летописца»… В справках и описях Головкин ищет и находит историю населенных пунктов и людей, живших в них.

Попытки Анатолия Головкина описать историю монастыря в связи с историей карел можно назвать поистине героическими. В ходе подготовки издания он просмотрел 4640 архивных дел, материалы которых сопоставил с историческими фактами, известными из других источников. Однако автор задался целью не просто обобщить архивные данные и уже опубликованные работы. Он, как истинный краевед, исходит из важного посыла: чтобы книга получилась убедительной, нужно почувствовать местность, о которой пишешь, – проехать по ней, походить, таким образом, приблизив к себе, – и полюбить ее. Непосредственные впечатления придают документальным свидетельствам совсем иное звучание, окрашенное личным, заинтересованным, а не отстраненным отношением к предмету. Отсюда, возможно, желание автора поместить на страницы своего труда как можно больше имен.

Причем, как не трудно заметить, во главу угла Анатолий Головкин ставит не воевод, не князей, не помещиков и не порфироносных особ (хотя и они, разумеется, в книге присутствуют – куда же без них?!), а простых людей. Автор приводит целые списки карел – откуда они пришли, где селились. Материал подворных переписей позволил автору составить перечень жителей конкретных сел – есть в них и те, кто участвовал в строительстве Санкт-Петербурга. Их имена сейчас, вероятно, никому ничего уже не скажут. Хотя почему не скажут? Кто знает, может быть, те, кто сейчас живет в Кесьме, Сандове, Федоркове, Баскаках, других населенных пунктах, найдут на страницах книги имена своих предков.

Если такое случится, то миссия автора будет выполнена и перевыполнена. В прежних своих работах Анатолий Головкин писал о карельском народе, пришедшем на тверскую землю несколько веков назад. В книге «Помнят стены монастыря» судьба карел тесно переплетается с судьбой одной из самых древних православных обителей нашего края. История монастыря, основанного старцем Антонием, его церкви, служители, события, повлиявшие на развитие, всевозможные реформы, имевшие разные последствия для церковной и нецерковной жизни, – не просто краеведческие материалы, которые можно использовать (например, для изучения собственной родословной), это чтение для тех, кто любит свой край так же, как любит его Анатолий Головкин».

Тарасова Наталья Петровна, историк, Санкт-Петербург, газета «Сельская Новь», № 31 от 11 августа 2017 года: «Попавшееся мне на глаза незначительное упоминание о какой-то неизвестной копии «Летописца» в книге тверского краеведа А. Н. Головкина, не могло не заинтересовать увлеченных своим делом исследователей. Тем более что А. Н. Головкин своей находке должного значения не придал, лишь упомянул о ней и ее местонахождении, следуя за архивными записями на деле и на последней странице рукописи.

Без долгих раздумий мой коллега А.Е. Тарасов одним холодным декабрьским днем 2016 г. отправился из гостеприимной предновогодней Москвы в Тверь, в Государственный архив Тверской области, знакомиться с неизвестным документом.

О том, что в руках необычайной ценности документы, стало понятно сразу: впервые обнаружены рукописные тексты «Летописца»! И в этом была загадка — о том, что такие копии есть, до сих пор никто не знал. Во всяком случае, в литературе мне ни разу не доводилось встречать упоминания о рукописных текстах-копиях, сделанных с «Летописца» в XIX в.

Если один документ впервые смотрел до нас только один исследователь–краевед А.Н. Головкин (он обнаружил рукопись в ГАТО в феврале 2016 г.), то второй с 1989 по 2003 г. просмотрело восемь профессиональных учёных. Но никто не обратил внимания, что в руках у них были списки с монастырского «Летописца», хотя хорошее знание текста позволило А. Е. Тарасову практически с первого же прочтения установить этот факт.

Обнаруженные рукописные списки «Летописца» открывают новые возможности в изучении этого интересного памятника позднего

Средневековья. Все сделанные нами наблюдения над найденными текстами были представлены А. Е. Тарасовым (МГУ) в докладе «Неизвестные списки «Летописца о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева Монастыря»« на научно-практической конференции «Времён связующая нить», которая прошла в Бежецке 29 апреля 2017 года. По факту конференции этим летом был выпущен сборник материалов, в который вошла развернутая научная статья о найденных списках».

Тарасов Аркадий Евгеньевич, историк, Москва, преподаватель МГУ, альманах «Бежецкий край», № 16, 2017 год, стр. 22–23: «В конце ноября 2016 года мы познакомились с только что вышедшей из печати книгой тверского краеведа А.Н. Головкина «Помнят стены монастыря». Наше внимание привлекла фраза из книги: «В архивах монастыря сохранилась копия его “Летописца», подписанного архимандритом Иларионом и монахом писчим Николаем Горбуновым. В примечаниях к этой летописи указано, что архимандрит тринадцатый Иларион, скрепивший своей подписью сей “Летописец», был с 1774 по 1796 годы». А.Н. Головкин продолжил повествование пересказом описания Антониева монастыря владыкой Амвросием (Орнатским) и завершил его не совсем корректно составленной ссылкой: «Государственный архив Тверской области (ГАТО), опись фонда № 186, том 1 и 2, дело № 4648».

Свидетельство А.Н. Головкина произвело на нас ошеломляющее действие – неужели это один из списков «Летописца», который в течение десятилетий изучался только по публикациям!? Если так, то какой список: XVIII века – один из тех, что были положены в основу публикаций? Или неизвестный поздний список, ранее не попадавший в поле зрения ни одного из исследователей? А может быть, ранняя копия, сделанная с оригинала в конце XVII века и тоже до сих пор неизвестная?

В первое время у нас не было уверенности, что в книге «Помнят стены монастыря» речь вообще идёт о «Летописце». Чтобы с этим разобраться, предстояло самим ехать в ГАТО. Возможность отправиться в командировку представилась в середине декабря 2016 года. Итак, во второй половине 2016 года, после посещения ГАТО, в нашем распоряжении оказались два рукописных списка знаменитого памятника книжности. Уже первое знакомство с документами показало, что обнаружены ранее неизвестные списки «Летописца», относящиеся к XIX столетию».

О книге «Владельцы мызы Подобино» (2018 год)

Сотрудники Краеведческого информационного центра Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького, 23.09.2019 года: «Убедительная фактография на прочной документальной платформе. Емкая, концентрированная аналитика, в которой как модель вселенной в капле воды, отражён огромный контент жизни российского общества в значимый исторический период. Лейтмотив – разрушенные, утраченные тверские усадьбы. Горечь нашей истории. Особенно горько от того, что за безжалостно и безвозвратно «стёртыми» местами обитания классовых врагов забвению предназначались и имена их владельцев. Такова история мызы Подобино и её владельцев – представителей почтеннейшего российского дворянского рода Неведомских. Большинство же удельных крестьян на представляемой территории составляли карелы. Автор – несомненно, маститый исследователь истории Тверской Карелии».

Кукина Елена Викторовна, г. Бежецк, 03.08.2019 г.: «Книга А. Головкина «Владельцы мызы Подобино» интересна не только как историческая, но и как краеведческая книга. Она ценна подлинным материалом, любовью к своей малой родине. Высокий профессионализм автора делает книгу настоящим учебником периода реформирования России во второй половине XIX века».

О книге «Деревенские нэпманы» (2019 год)

Заведующая методико-краеведческим сектором Лихославльской библиотеки Макарова Е.А.: «Эпоха НЭПа – один из самых противоречивых периодов российской истории. Его изучение невозможно без огромного количества архивных документов, зачастую мало доступных. Но именно использование таких источников – главное достоинство новой книги тверского историка-краеведа А.Н. Головкина. «Деревенские нэпманы» – весомый вклад в историю тверских карел, пожалуй, её самую малоизученную страницу. Крепкие, основательные, трудолюбивые хозяйственники (отличительная национальная черта карел), карелы поверили в НЭП – и тем трагичнее были последствия, к которым привела эта вера… Книга А.Н. Головкина «Деревенские нэпманы» предлагает читателю правдивый анализ эпохи, уникальный фактографический материал. Лихославльская библиотека имени

В. Соколова представит её пользователям в электронном варианте. Несомненно, эта глубокая и интересная книга найдёт множество читателей».

Евгений Шимин, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Российской Федерации: «Я давно и хорошо знаю творчество историка и краеведа Анатолия Николаевича Головкина. И вот в тверском издательстве «Триада» вышла его новая книга «Деревенские нэпманы». Ранее автор, исследуя историю тверской деревни, в книге «Владельцы мызы Подобино» рассказал о крестьянской реформе 1860-х годов и ее влиянии на сельских жителей Тверской губернии, а в книге «История одного колхоза» – о колхозном строительстве в Тверской Карелии. Новая книга как бы образует вторую часть крестьянской трилогии Анатолия Головкина, повествуя о кратковременном периоде осуществления новой экономической политики в деревне на примере двух волостей Бежецкого уезда Тверской губернии. Исследование автора, вылившееся в книгу «Деревенские нэпманы», базируется на основательном документальном фундаменте – решениях органов партийной и советской власти, архивных источниках. Автор отмечает не только оживление экономики в деревне в период НЭПа, но и показывает принципиальное отличие крепкого хозяйственника и неутомимого сельского труженика от городского нэпмана, увлеченного, по мнению исследователя, по преимуществу лишь жаждой обогащения. По утверждению Анатолия Головкина, именно деревенские нэпманы сумели накормить изголодавшую после революции и гражданской войны страну. Написана книга простым и понятным языком. Она имеет большое познавательное значение, приоткрывая малоисследованную страницу истории отечественного крестьянства».

Сотрудники Краеведческого информационного центра Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького: «Каждое новое историческое исследование А.Н. Головкина – всегда значимое событие и всегда открытие. Разрабатываемые им темы ранее широко не обнародовались, а фактография была сокрыта в архивных документах. Обращения Анатолия Николаевича к «своим» темам – не случайные изыскания – он сам их неотъемлемая принадлежность, выросший и сформировавшийся в культурной среде своего народа и при личной причастности к его исторической памяти. Несмотря на обладание автором особой научной проницательностью и реальным знанием материала, для него

непреложна документальность. Воссозданию целостной картины освещаемой эпохи неизменно сопутствует титаническая работа с архивными массивами.

Основательно документальна и новая книга А.Н. Головкина «Деревенские нэпманы». Поэтому так несомненны её истинность и достоверность, и так доверительно отношение к авторской трактовке сложнейшей темы – миссии крестьянства периода НЭПа на примере русского и карельского населения Тверской губернии. И пронизывающим лейтмотивом – трагизм судеб тех, кто своим отчаянным трудом позволил устоять растерзанной стране в те перемалывающие годы. Достойнейшая книга – соискатель Общероссийской премии «На благо мира» 2020 года в номинации «Познавательная литература».

Вообще о моих книгах

Вейо Салохеймо, историк, профессор, Йоенсуу, Финляндия, 16 ноября 2016 года: «Дорогой брат Анатолий! Большое спасибо за твои книги! Здоровья тебе, Зинаиде и детям».

Андраш Берецки, историк, писатель, Будапешт, Венгрия, 16 ноября 2016 года: «Уважаемый Анатолий Николаевич! Большое спасибо Вам за интересную книгу («Помнят стены монастыря»)! Желаю Вам всего доброго! С уважением: Андраш Берецки, (Будапешт) «.

Ноябрь 2017 года: «Уважаемый Анатолий Николаевич! Большое спасибо Вам за вашу новую книгу «Жернова. Книга памяти тверских карел»! Эти книги очень важные источники и для нас. Я обязательно показываю её и коллегам. Желаю Вам всего доброго!»

Ноябрь 2018 года: «Уважаемый Анатолий Николаевич! Большое спасибо Вам за вашу новую книгу «Владельцы мызы Подобино» и поздравляю Вас! Как Вы сможете так быстро и эффективно работать? Желаю Вам всего доброго! С уважением Андраш Берецки».

Яаак Прозес, руководитель общественной организации «Фенно-Угрия», Таллин, Эстония, март 2019 года: «Здравствуйте! Но Вы очень продуктивный, одна книга за другой! Вы сделаете ведь огромный и очень большой труд. Если бы не Вы, кто мог бы заняться этими проблемными вопросами? Обязательно прочитаю Вашу книгу. В 2020 году два очень важных финно-угорских мероприятия. В июне в Тарту Все-

мирный конгресс финно-угорских народов, в августе в Вене (Австрия) конгресс финно-угроведов. Может быть, был бы и Ваш интерес выступить, например, на тему: «Проблемы переселения карел на тверские земли в XVII веке». С уважением Яаак Прозес».

Т.Г. Леонтьева, доктор исторических наук, декан исторического факультета ТвГУ, Вестник ТвГУ. Серия «История», 2017 г. № 2: «Существенный вклад в изучение истории тверских карел вносит А.Н. Головкин, краевед-энтузиаст, член исполкома Ассоциации финно-угорских народов России, член Консультативного комитета финно-угорских народов.

На сегодняшний день он лидирует по количеству публикаций на интересующую нас тему. Опираясь на упомянутые выше исследования и выводы, опубликованные источники и некоторые архивные данные, он создаёт «оптимистичную» историю карел. В неоднократно переизданной и дополненной книге «История Тверской Карелии», которая в последнем варианте именуется «История Тверской Карелии; Карелы от язычества к православию» (Тверь, 2008), автор освещает практически все сферы жизнедеятельности тверских карел, обращается к вопросу становления православия, включая историю строительства карелами монастырей и церквей на Тверской земле.

Основные тезисы автора указывают на «особость» этого народа: прочность и самодостаточность карельского крестьянского хозяйства, высокую организованность быта, утонченную православность. Нельзя отрицать, что поводы для подобных утверждений находятся в источниках. Например, в «Генеральном соображении по Тверской губернии», составленном в 1783–1784 гг., где отмечалось, что дворцовые карелы Бежецкого уезда «живут избыточно», прочие же крестьяне или достаточно, или посредственно. Однако очевидно, что А. Н. Головкин, как и другие авторы, это утверждение экстраполирует на весь «карельский мир», переносят его в контекст XIX в., когда социальные (и соответственно экономические) статусы его представителей существенно изменились. Так обозначается ещё одна задача для современных исследователей – уточнить сложившиеся историографические императивы».

Полвека вместе

Славная – с тобою рядом,
краснощекая – под боком.
«Калевала», песнь 24, стр. 280

1 июня 2020 года исполнилось полвека нашей совместной жизни с женой Зинаидой Ивановной. Наша «золотая свадьба» пришлась на очень тяжелый период пандемии коронавируса. До приезда в Крым мы 24 дня находились в Твери на самоизоляции, редко выходя из квартиры в магазин да больницу. Потом еще полтора месяца самоизоляции в Крыму, где можно было хотя бы работать в саду и огороде.

К своему юбилею мы с женой подготовили для себя подарок – провели косметический ремонт дома, летней кухни и беседки, чтобы они выглядели нарядно и торжественно. Дом и кухню шпатлевали, грунтовали и красили Игорь Майор с сыном Максимом, беседку покрасила сама жена, а я побелил забор и гараж. Ремонт обошелся нам в сумму более чем трехмесячная пенсия жены.

В день полувекового юбилея мы поехали в Евпаторию, прошлись по магазинам, купили некоторые подарки Зинаиде Ивановне, а мне – книги. Сходили на море, где все пляжи были закрыты из-за пандемии, море слегка штормило, у берега плавало много лебедей. В Евпатории были закрыты все кафе и рестораны, работники ресторана «У Гамлета», в котором мы ранее отмечали некоторые свои даты, сказали, что ресторан откроется в ближайшие дни, но пока еще не работает.

С нами в этот торжественный день не могли воссоединиться, чтобы отпраздновать такое важное событие для всей семьи, наши дети и внуки. Они также находились в режиме самоизоляции в Твери и Москве. Никто из нас не хотел случайно заболеть коронавирусом, от которого еще не придумали к этому времени вакцины. Вот поэтому полувековой юбилей нашей совместной жизни мы с женой скромно отметили дома, говоря друг другу добрые слова и угощая друг друга виноградным вином собственного приготовления и закусками праздничного стола, приготовленные женой.

Лишь через два с половиной месяца после даты «золотой свадьбы», наша семья смогла собраться 16 августа в ресторане «У Гамлета» на улице Фрунзе в Евпатории, чтобы отметить это важное для нас событие.

Слева направо сидят: дочь Галина, мы с женой и дочь Марина, стоят: внучка Саша, зять Тимофей (муж Галины), дочь Татьяна, внучки Оля и Настя, зять Дмитрий (муж Насти).

Общую фотографию наша семья сделала 20 марта 2021 года в Твери, после проведения вакцинации от коронавируса, когда внучка Настя организовала всех нас для проведения фотосессии.

Не случайно говорят, что за каждым успешным мужчиной стоит мудрая женщина. Моя жена – это вся моя дальнейшая судьба после службы в Военно-морском флоте. Я просто не могу себе представить, если бы она не дождалась меня! Полвека нашей супружеской жизни доказали, что любовь – это, прежде всего, душевная близость, радость от нее, ответственность за семью, переживание за любимого человека, и только потом – страсть и ее удовлетворение. А не наоборот. Я читал у писателя Н.С. Лескова, что умных женщин вообще-то немного, они понимают больше других, из-за этого и страдают больше других. К ним в полной мере относится моя жена Зинаида Ивановна.

Нам с женой было легко привыкать друг к другу. Оба родились и выросли в деревне, знали и принимали деревенский уклад жизни. Зина выросла без отца и матери, я – без отца, поэтому с детства познали чувство ответственности за себя и других. Несомненно, степень ответственности, хозяйственности, порядка у жены была значительно выше. Учительских денег нам едва хватало на семью из четырех человек. Очень помогало подсобное хозяйство тещи: картошка, другие овощи, яйца, молоко, мясо. Маленькие дочери питались здоровой деревенской пищей.

Зинаида Ивановна стала настоящим верным другом, соратником, надежным человеком. Хрупкая, нежная, она болезненно реагировала на любое проявление несправедливости, оказалась доброй, заботливой женой, хорошей матерью. Жена моя умна незаметным, непоказным умом, который проявлялся в любом деле. Поэтому, прежде чем начать что-либо делать, я всегда советовался с женой. Она по-хозяйски все заранее обдумывала, предугадывала, видела и знала, что и как нужно сделать любую работу. Недаром раньше говорили: «Женский ум лучше многих дум».

Если я был запрограммирован на житейские действия – работа, учеба, еда, сон, то Зинаида Ивановна умела вывести себя и меня из этого цикла. Придумывала разное: прогулку на лыжах в лес, катание с горы на санках вместе с дочками, вечерние праздники по разным поводам со сладостями и домашним вареньем. По ее инициативе мы в своей молодости совершали поездки в ближние города, и дальние поездки – в Ленинград, Прибалтику, Винницу, на Черное море.

В своей деревенской юности мы создавали семьи на равных, были хорошими знакомыми с детства, своими деревенскими, одинакового достатка. Если решали что-то изменить в жизни, то только вместе. Вместе думали о конкретных делах, вместе куда-то переезжали, вместе обсуждали будущую работу. Эти совместные цели, заботы, проблемы, поиски укрепляли семью, а достижение очередной цели радовало обоих.

В постсоветский период многое изменилось, стремясь быстро обогатиться или стать известной, многие провинциальные девушки думают о том, какие связи можно использовать, чтобы удачно выйти замуж за богатого человека, еще лучше – за иностранца. Таких же целей не прочь добиться подобным путем и молодые люди. Они не осознают, что браки по расчету – ненадежные, некрепкие, коварные браки, но осознают другое – так можно быстро разбогатеть. Позднее начинают-

ся суды по разделу имущества, детей, склоки и интриги. Надо всегда помнить, что самое большое богатство человека не деньги, а умение любить. Многим из них, видимо, не понять, что любовь несравнимо высокое чувство, чем простое физическое обладание.

Нам с женой пришлось наживать все с нуля: жилье, мебель, одежду, позднее – дачу в Конаково и дом в Крыму. Какого-либо наследства я лично не получил, после болезни и смерти матери, посуду и мебель растащили, дом и двор разобрали по бревнышку и куда-то увезли чужие люди. Деньги родителей, что были на сберкнижках, пропали в 1990-е годы, а при жизни они деньгами нам не помогали, лишь отчим помогал своим трудом. Каких-либо драгоценностей у родителей не было. Жена еще сумела продать родительский дом за небольшие деньги, которые мы полностью потратили на свадьбу старшей дочери.

Когда жена говорила мне, что надо купить что-то из мебели или сделать ремонт, у нее уже все было продумано. Какого цвета, фасона и качества лучше подобрать, куда поставить. До этого она уже обходила все магазины и знала, что где есть. Перед ремонтом дома продумывала, с кем из рабочих договариваться, какие материалы закупить. Часть этих забот я смог взять на себя лишь после ухода на пенсию. Я сам составлял сметы и рабочие чертежи, сравнивал качество и цены стройматериалов. Мною были составлены сметы и рабочие чертежи на строительство летней кухни с мансардой, на строительство бани и кладку печи в ней.

Мы с женой вместе уже 50 лет, наша любовь по-прежнему остается нежной, но без сладострастия, умиления, сюсюканья и слащавости. Мы с самых первых своих встреч понимали, что любовь бескорыстна – это взаимное уважение и согласие, это сотворение добра друг другу. Любит тот, кто заботится о другом человеке, без лишних слов и обещаний. Все годы совместной жизни мы надеялись только на себя и свои силы. Судьба сама благодарила нас за доброе отношение к людям. Она сводила нас с нужными людьми, подсказывала, какой выбор надо сделать из той или иной ситуации.

За долгие годы жизни жена стала мне очень близкой и родной: нежной и строгой, сговорчивой и капризной, податливой и жестокой, но она всегда была величественной. Этим она заставляла меня постоянно работать над собой и соответствовать ей. Такие девушки, как Зина, встречаются только один раз в жизни, здесь важно не пропустить такую встречу и радоваться ей.

Мы вместе уже 50 лет, жена всю жизнь умела ждать, а я всю жизнь стремился домой. Мы прожили жизнь честно, не навязывая себя никому. Воспитали детей, воспитываем внучек, и хотели жить вместе, как можно дольше. Мы никогда ничего ни у кого не просили, не плели интриг, не занимались сплетнями, не поддерживали слухи, не брали и не давали никому взяток. Мы всю жизнь работали каждый на своем месте с полной самоотдачей. Я радовался удачам и успехам жены, а она во всем старалась помогать мне. Мы никогда не соревновались друг с другом – кто умнее, кто популярнее, кто талантливее, так как все это – суета и глупости.

Жена не любила жить напоказ, говорить о своих проблемах, нагружать ими других людей. Когда я уходил на массовое мероприятие или презентацию своей книги, она просила меня меньше говорить о себе и не хвастать своими успехами. Иногда она высказывалась резко и жестко, без дипломатии, но эта жесткость быстро проходила, я даже не успевал всерьез на нее обидеться.

Мы никогда никому не завидовали и не считали это качество достоинством. Мы убеждены в том, что отсутствие зависти – естественное состояние человека. Для нас нет никого более значимого человека, чем наша вторая половина. Всегда принимали близко к сердцу критику другого партнера. В нашей жизни было очень много испытаний, но мы умом понимали, что испытания даются не всем, а лишь тем, которые могут стать авторитетами для близких, а может и незнакомых людей.

Мы с женой заканчиваем свой «большой круг жизни». Мы родились в то время и в том месте, где было суждено. Общественное положение родителей от нас не зависело. Наше время внесло определенный отпечаток на наши судьбы. Самый главный подарок судьбы в том, что за всю нашу жизнь страна не находилась в состоянии войны с другими странами, кроме локальных конфликтов.

Пройдя голодное детство, мы оказались в более благополучном зрелом возрасте. Нам была представлена возможность строить свою судьбу самим. Кто-то хотел этого, кто-то нет, заявляя, что все равно мы – винтики большой государственной системы. Этим можно было прикрыть леность, пьянство, неухоженность и безответственность.

Вместе с женой воспитали трех дочерей, не последнюю роль сыграли в воспитании трех внучек. Сами себе построили дом – дачу возле города Конаково, где 24 года проводили выходные дни. Посадили деревья в деревне, потом на даче, но свой основной сад посадили в

Крыму. Таким образом, свою миссию своей жизни мы выполнили. Мы ведь и нашли друг друга для того, чтобы наш жизненный путь стал одним для двоих.

Зинаида Ивановна стала хорошей женой, матерью и бабушкой, все дочери и внучки росли под ее надежным вниманием. Привыкшая работать и наводить порядок в доме с детства, она была хорошо организованной хозяйкой. Все у нее в порядке лежало там, где необходимо, откуда можно взять вещь, не раздумывая и не теряя времени.

С большой долей уверенности считаю, что пример нашей жизни может вселять в молодом читателе веру в вечную и неизменную любовь.

Наше постоянство, наша преданность друг другу, любовь, ответственность друг за друга, по-видимому, были заложены при нашем рождении.

Не все умеют высоко и самозабвенно ценить любовь, не все могут разглядеть, что она рядом. Это умение дано не каждому из-за его человеческих пороков, бытовые проблемы порою не объединяют семьи, а разрушают их. В последние годы нередко сначала мужчина и женщина становятся близки друг с другом физически, и лишь потом начинаются знакомиться духовно. Это неправильный порядок вещей, поэтому многие пары быстро разбегаются. По своему разуму они не хотят понимать, что особенно ярко любовь проявляется днем, а ночью ее заменяет страсть.

Прочны те браки, когда мужчина и женщина близки друг с другом как умственно, так и телесно. Такие браки равные независимо от бывшего благополучия того и другого партнера до свадьбы. Талант терпеливой любви и преданности встречается значительно реже, чем необузданная страсть. Но любовь – это не страсть, заканчивающаяся изменой, разрывом или даже трагедией, о чем писали во многих романах. Это терпение, самоотдача и большой постоянный труд.

Как для любого растения нужны вода и солнце, так и для любого человека – дом, семья, любовь. Мы с Зинаидой Ивановной считали и считаем, что государство может быть счастливо и богато лишь при укреплении семьи. Когда моральными авторитетами для других станут семьянины: землепашцы, рабочие, инженеры, конструкторы, творческая интеллигенция, но не блудницы из шоу-бизнеса и не телевизионные болтуны.

Многие из них хвастливо заявляли, что к 20–22 годам уже пожили с 3–4 мужчинами в гражданском браке. Мужчинам надо остерегаться таких женщин: они расчетливы, корыстны и коварны. Понятием «гражданский брак» прикрывается простое сожительство мужчины и женщины, которое раньше в деревне называли одним метким русским словом. Многие из них не знают или не хотят знать, что гражданским браком русская православная церковь всегда считала брак, зарегистрированный органами власти без венчания. Венчание, как духовный брак, вкупе с гражданским зарегистрированным браком как раз и есть зарождение новой семьи.

Нас с женой удивляет распространенное понятие «девушка», которым называют даже тех женщин, на ком печать некуда ставить из-за беспорядочных связей с множеством мужчин. Они, так и не создав семьи, оставались девушками до преклонного возраста, называя своих сожителей мужьями. И вот такие не узаконенные ни властью, ни церковью отношения они выставляли напоказ. При этом престарелые «девушки» нередко плакали о том, как им было трудно с одним, вторым, третьим и другими сожителями. Что на старости лет они остались одни, и никто им не помогает.

Средства массовой информации берут эти низкие аморальные отношения за основу строя, за образец поведения, за эталон и распространяют их на всю страну. В произведениях современных писателей редко пишут о любви мужчины и женщины, а больше – об отношениях между ними и браках по расчету.

Если подобная ситуация будет долго массово продолжаться, то не будет крепкой семьи. А если не будет семьи и нравственных устоев, не будет сильной, могущественной России. Любовь – это не только ответственность за себя и свою семью, но и большой труд по ее сохранению. Те люди, которые постоянно меняют партнеров, они не влюбляются, не умеют любить и не хотят этого труда, это ленивые люди.

Женщина – это загадка, это тайна, а тайна всегда прикрыта, всегда под одеждой. Вспомните классиков XIX века, которые писали, как волновались мужчины, целуя руку женщины выше перчатки, как возбуждались они, видя открытую шею, вырез на груди или открытое плечо у женщины. Как трепетали, когда из-под длинного платья появлялась маленькая женская ножка. В XXI веке женщины разделись, загадки не стало, тайна исчезла.

Когда певицы выступают на сцене в ночной сорочке, купальнике или накрытые двумя лоскутами ткани, мужчины видят – тайны нет. Лицо из-за излишней косметики – кукольное, губы и грудь искусственно накачены, ноги голенастые и с кривинкой, на бедрах и животе – складки. У мужчин сразу пропадает вдохновение, они становятся малоспособными. Что делать? Женщинам снова надо одеваться, прикрывать изъяны и снова становиться тайною для мужчин.

Я пришел к убеждению, что семейное счастье – это разумное согласие с другим человеком, необходимые уступки и отсутствие желания ставить себя выше второй половины. Счастье само по себе не приходит, его добиваются и лелеют.

Семья – это обсуждение и советы при принятии важных решений, это – превращение при необходимости обычного буднего дня в праздник. Семья – это преодоление бытовых проблем, когда надо рано вставать, готовить еду, стирать, мыть и идти на работу. После работы – обеды, ужины, занятия с детьми, стирка, глажка и так до поздней ночи. Об этот быт разбились многие пары, считавшие себя счастливыми до замужества.

Изнурительный труд, неудачи на службе, даже болезнь не так страшны для человека, как несправедливо сказанное слово, упрек или издевка со стороны любимой жены, с которой прожил много лет. Сразу же теряются силы, пропадает желание что-то делать, тем более – творить.

Человек рожден для того, чтобы быть рядом с кем-то, иметь возможность о ком-то заботиться, чтобы рядом была жена, семья. Только

не нужно спешить, надо подождать, ожидание – ветер для любви, совсем погасит слабую или раздует сильным пламенем сильную любовь, и тогда будет крепкая семья. Тогда человек полноценен, он радуется каждому дню своей жизни. Каждому человеку в какой-то период жизни захочется, чтобы его род продолжался. Хорошо, когда это желание проявляется вовремя и плохо, когда сожаление о бездетности приходит лишь в старости.

Долгие века и годы у мужчины были две основные цели. Первая – накормить, одеть и обуть свою семью. Вторая – защищать родных и близких, а вместе с ними защищать свой дом, свою малую родину, свою землю от врагов. В XX веке пытались изменить цель жизни человека – отдать свои силы, здоровье и время обществу: коммуне, колхозу, государственному социалистическому строю. В конце XX века появилась новая цель – жить ради денег, ради наживы. Для достижения этой цели нередко использовались негодные средства: мошенничество, поборы, обман, подкупы.

Специалисты-врачи утверждают, что прожить с одной женщиной всю жизнь может только здоровый мужчина – как физически, так и духовно. Когда женщина перестает обнимать мужчину, он быстро стареет, особенно, когда у него есть проблема «свободного времени», которое он не знает, куда деть. Здесь важно недобрыми словами не усугубить положение, самым целительным лекарством для меня всегда были добрые слова жены. Мне не претила, а нравилась чуткость моей жены, готовность понять меня, уверенность в том, что она знает состояние моей души. Мне всегда нравилась та уверенность, с которой она вела и хранила домашний очаг.

За свою большую жизнь я выработал в душе чувство ответственности. Но если это чувство уже нельзя применять на работе из-за пенсионного возраста, вся его мера перешла в семью. Я переживаю, что мне скажет жена на мои слова, действия, как она отреагирует. Если у меня что-то не получается, я терзаюсь и переживаю, состояние депрессии не проходит до конца дня, если даже мне ничего никто дурного не говорит. Но если жена похвалит, что бывает не часто, я готов работать, творить целый день, без перерывов на отдых.

Сохранение семьи, сохранение любви во многом зависит от мужчины, от того, как он поможет жене справляться с бытовыми проблемами. По моему мнению, в начале XXI века была потеряна ответственность многих мужчин при создании семьи. Первые страстные

влечения признавались за любовь. Многие мужчины не задумывались, что во время развода мир родившихся детей делится, раскалывается на две части. Трудно определить, какая из этих частей для ребенка важнее и нужнее. Здесь важно не откупиться нравоучениями, сюсюканьем, поцелуями и разными игрушками, а быть рядом с детьми.

Счастливы те семейные пары, которым любовь удалась с первого раза. Им трудно понять, как можно жениться, или выходить замуж несколько раз, особенно в престарелом возрасте. Да еще о своем неудачном опыте кричать по телеканалам, особенно когда в глубокой старости они оставались одинокими, никому не нужными, наедине с собой.

Я считаю, что хорошее, настоящее чувство обычно дается только один раз в жизни и не больше. Дальше могут быть: губительный многократный опыт отношений, пустые слова о любви, привычки, материальные расчеты, разочарования, суды и споры о деньгах и детях, но не большая настоящая любовь.

Самое важное в жизни, – не пропустить момент встречи с любимой, и не разбегаться при первой семейной неудаче или трудности. День нашей встречи 9 октября 1966 года стал судьбоносным, поэтому мы ежегодно отмечаем этот день календаря, как наш счастливый день. Часто пишут, что пенсионер такой-то спокойно доживает свой век там-то. Мы с женой доживаем свой век в двух местах: полгода в Твери и полгода в Крыму. На вопрос, спокойно ли доживаем? – пока однозначно ответить не могу.

Но то, что каждый мужчина должен быть в жизни не один, а с любимой женщиной, не подлежит никакому сомнению. Сама природа к этому зовет. Моя жена, как древнегреческая покровительница истории Клио, черпала чистую нежность, и большое богатство своей души и одаривала ими меня. Изведав этой живительной нежности и доброты, я неожиданно для себя, начал писать книги по истории тверских карел и даже сочинять стихи.

Ведь стремление к прекрасному чувству, не всегда даже осознанно, живет в каждом человеке. Образно говоря, идти по жизни рядом, рука в руке, защищая, оберегая, поддерживая друг друга, вместе выходить из любых сложных житейских ситуаций, думать и смотреть в одном направлении, и приучать себя к терпению – это, наверное, и есть формула любви. Любить друг друга мужу и жене до самой смерти, жить в постоянном труде и в заботах о семье – такой смысл жизни, передаваемый из поколения в поколение, был у наших предков.

Заключение

Завершать пора преданье,
привязать язык покрепче,
песнопение закончить,
заклинание оставить…
«Калевала», песнь 50, стр. 566

20 марта 2020 года по пути из Сонкова в Бежецк двоюродный брат моей жены Лучинский Вячеслав предложил свернуть с дороги и заехать в деревню Горбовец. Там сиротливо еще стояли шесть полуразрушенных домов с украденными полами и потолками. Мы от знакомых и родственников уже знали, что к деревне со всех сторон подошел молодой березняк, что возле домов иногда бродят медведи, оставляя свои следы и помет. Лет пять тому назад мы последний раз заезжали в деревню, выкорчевали прутик ирги. Она сейчас растет в нашем крымском саду, радуя нас и навевая думы о родине.

Я категорически отказался заезжать в Горбовец, где начиналось наше счастливое время вместе с женой. Не хотел снова бередить душу, видя смерть деревни. Всеми силами пытаюсь сохранить в своей памяти наши деревни такими, какими они были в годы моего детства и юности. Осталось совсем недолго, мы снова вернемся в Карело-Кошево, где учились, а потом работали в школе, где прошло наше детство и молодость. Ведь покоиться надо там, где покоятся наши предки.

Моя жизнь заканчивается. Как быстро пролетела жизнь в постоянном ожидании чего-то. Оказывается, что жизнь – это постоянное ожидание. В детстве торопили ее, чтобы быстрее пойти в школу, потом ожидали каникулы, торопились стать взрослыми и самостоятельными, уехать от родителей. Ждал окончания учебы в техникуме, службы в Военно-Морском флоте, возвращения домой и встречи с любимой девушкой.

Потом были ожидания рождения детей, изменений в работе и службе. Ждал выходного дня, отпуска, пенсии, и вот дождался. Теперь ждать уже нечего, помочь никто не сможет, осталось с пользой прожить оставшиеся дни, недели, месяцы и не быть в тягость детям. Но мы с же-

ной по-прежнему в постоянном ожидании: летом ждем приезда детей и внуков, осенью встречи с родиной, а весной – с Крымом.

Каждому человеку в жизни даны испытания: любовью, пороками, верностью, переживаниями, работой, терпением, принципами. Я прошел все это и прошагал по жизни широкими шагами, такая походка выработалась с детства, когда нужно было вышагивать не по асфальту, а по лесным и полевым тропинкам, по заснеженной дороге до школы и обратно. С возрастом мой путь все увеличивался, шагать по нему приходилось широко, быстро и уверенно. Ненужных дел, думаю, я не делал, а вот напрасные слова иногда бывали.

Жизнь моя была интересной, разнообразной и не скучной. Лучшую половину жизни прожил при социализме со всеми его плюсами и минусами, о чем я поведал в этой книге. Вторая половина жизни пришлась на становление капиталистических отношений, сначала «диких», позднее – более цивилизованных. Я был не только свидетелем, но и участником многих событий перехода от построения социализма в нашей стране к капитализму, поэтому постарался устами очевидца рассказать о драматических изменениях, происходивших в России, Тверской области и городе Твери при смене социального строя на переломе веков и тысячелетий.

При советской власти у меня было три цели в жизни: дожить до 100-летия Октябрьской революции в 2017 году, дожить до «золотой» свадьбы в 2020 году и дожить до 50-летия пребывания в КПСС в 2021 году. После распада СССР в 1991 году и ликвидации советской власти осталась одна цель – дожить до «золотой» свадьбы.

1 июня 2020 года мы с женой отметили полувековой юбилей совместной жизни. Казалось бы, что последняя поставленная мною цель в жизни достигнута. Но остались другие цели – хотелось бы при жизни увидеть вхождение в жизнь внучек, увидеть своих правнуков, и увидеть изданной эту книгу под названием «Большой круг жизни», а может и несколько томов собрания своих сочинений.

Считаю, что я достиг цели жизни, пройдя всю её, совершив то, что было предназначено судьбой, а написав книги, оставляю последующим поколениям память о нашем времени и о себе. Я не столь наивен, чтобы в период нынешнего бесчестия и безнравственности, как в литературе, так и в жизни, писать о высоких отношениях между людьми. Но пройдут ведь нынешние времена, когда по телевизору, в кино, театрах и книгах показывают и пишут не лучшее, а худшее,

низменное, что есть в человеке. Уверен я, что наступят другие времена в нашей стране, вот тогда и пригодятся читателям мои книги.

Эта вера основана на том, что быстрая слава держится недолго, а постепенное признание автора, наоборот, сохраняется в памяти читателей значительно дольше, и только время может определить ценность той или иной книги. Пока будут читать мои книги, я буду жить в памяти людей.

Умирают знакомые люди, умирают родные деревни, о делах, совершенных нами при жизни, скоро забудут, да и сейчас нередко стараются забывать. Но рождаются новые поколения, и жизнь продолжается. Остаются дочери, внучки и книги. В книгах остается память, как отражение нашей жизни. Как бы там ни было, я останусь первым автором книг по истории тверских карел.

Меня лично утешает то обстоятельство, что мною выбрано практически одно направление, по которому следую из книги в книгу. В этих книгах нет вымышленных лиц и событий, все они основаны на письменных памятниках и других первоисточниках. Многие писатели в своих книгах уделяют большое внимание монологам и диалогам, то есть словам, а не действиям и фактам. Но слова – это надстройка, а база нашей жизни – дела. Я в своих книгах уделяю больше внимания фактам и конкретным делам людей. С годами я стал писать смелее и увереннее, так как родился карелом, долго жил среди карел, понимал карельскую речь, хорошо знал их деревенскую жизнь, поэтому имел полное право рассказывать и писать о жизни тверских карел.

Я думаю, что писатель может писать хорошие книги тогда, когда у него за плечами есть богатый жизненный опыт и достаточные знания. Отсутствие жизненного опыта нельзя заменить ни одаренностью, ни старанием. Сложность для писателя в начале XXI века в том, что его умертвляли молчанием. Молчали критики, молчали читатели, молчала и сама литературная среда.

Нередко бывает, что самая первая книга начинающего автора, оказывается его последней книгой. За последние два с половиной века разных мужских и женских образов, их характеров и отношений, писателями написано достаточно, многие образы в разных книгах даже похожи, лишь повторяются под разными именами и фамилиями, они в наше время читателей интересуют меньше, чем было ранее.

Сейчас читателям интересна документальная проза, учитывая, что при советской власти последовательной истории нашей страны не изу-

чали ни в школах, ни в институтах. Читатели хотят получать больше информации об истории нашей страны, обычаях и традициях людей разных национальностей, о жизни, культуре и быте народов других стран. Эту потребность читателей я попытался частично удовлетворить в своих книгах.

Я понял, что задача автора книги не только и не, сколько сочинительство, сидя за столом, а быть внимательным наблюдателем и записывать эти наблюдения. Художественная правда полноценна при описании конкретного места, конкретного события и конкретных людей в определенное время. При работе с документами надо уметь рассмотреть и не упустить важный факт, даже если в первый момент он показался мелочным и ничтожным. Такова ведь логика жизни – от частного к общему, а это общее читатели могут привести к своей конкретной частности.

Я хорошо помнил о том, что еще в XIX веке не считалось профессией рисовать картины, писать стихи и книги, заниматься музыкой и другим творчеством. Человек должен был работать или служить, а творчество его считалось отдыхом в свободное от службы или работы время. Поэтому когда был государственным служащим, книгу обычно писал во время отпуска, болезни, в выходные дни, по вечерам.

Я никогда не зарабатывал денег своим творчеством, не писал по заказу и не хочу этого делать. Не получил за свои книги ни одного гонорара, его мне не предлагали. Точно по Владимиру Маяковскому: «Мне ни рубля не накопили строчки». Среди писателей бытует байка: «Если прославляешь власть, то будешь сыты й, но не свободный, как пес на цепи. Если ты свободный и пишешь то, чего хочешь, то часто будешь голодным, как волк». Выбор за писателями.

Мысли и творчество – мои, поэтому не хочу по коммерческим проектам выставлять их на продажу. Если их выставлю на продажу, появится зависимость от заказчика, от издательства, от условий. Для творческого человека самое большое богатство – это свобода творчества.

Трудно издать книгу на свою пенсию, я несколько раз обращался во властные структуры Тверской области, к руководителям карельских районов, чтобы включить издание той или иной книги в какой-либо проект за счет областного или муниципального бюджета, но результата не было. Тогда я стал искать спонсоров и находил их. Издав в общей сложности около 20 книг, я не потратил ни рубля бюджетных денег.

Оставляю для памяти последующих поколений имена спонсоров, благодаря которым были изданы мои книги, о ком ранее я не писал и никому о них не говорил.

1. Тверская областная национально-культурная автономия тверских карел, председатель Головкина Зинаида Ивановна – «История Тверской Карелии» (1999, 2001 и 2008 годы), «Рождение карельской письменности» (2000 год), «В краю двух культур» (2005 год), «Tverin karjalaiset», на финском языке, переводчик Матти Йесконен (2006 год).
2. Издательская фирма «Альба», директор Зыков Евгений Маркович – «Прошедшие через века» (1998 год), «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2000 год).
3. Мемориальный комплекс «Медное», директор Ещенко Борис Николаевич – «Дорога в Медное» (2000 год).
4. Издательство «Студия-С», директор Послухаев Александр Васильевич – «Карелы: от язычества к православию» (2003 год), «Мы отсюда родом» (2007 год).
5. ЗАО «Хлеб», директор Болгова Нина Петровна – «Ушли, чтобы вернуться» (2010 год).
6. ООО «Фирма «Ремстрой», город Бежецк, директор Арсеньев Сергей Викторович – «Откровения отставного чиновника» (2012 год).
7. ООО «Тверские инновационные системы», председатель совета директоров Панкратьев Николай Александрович – книга стихов «Свет в окне» (2012 год).
8. Издательство «Триада», директор Захаров Игорь Юрьевич – «Помнят стены монастыря» (2016 год).
9. Пансионат им. Гагарина города Евпатории, директор Махнаков Анатолий Иванович – «Жизнь – вот ремесло» (2016 год).
10. Издательство «Итака», директор Шишкова Ирина Львовна – трилогия «Прошедшие через века» (2017 год).
11. ОАО «Ритм», генеральный директор Врасский Константин Георгиевич, заместитель директора Врасская Ирина Алексеевна – дилогия «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2017 год), «Владельцы мызы Подобино» (2018 год), «Деревенские нэпманы» (2019 год).

Как хорошо было бы, если в стране каждый делал свое дело: писатель – писал, издатель издавал на свои деньги, затем искал покупателей и платил гонорар писателю. Но ничего подобного нет. И все-таки желание писать остается, несмотря на парадоксы нашей жизни. Поэтому я много писал о тверских карелах, о своей жизни, полагая, что мои книги будут читать мои современники. Обо всем уже много писано-переписано книг, но мне посчастливилось в том, что до меня книг по истории тверских карел не было.

В глубине души я надеюсь, что мои книги будут читать далекие потомки и открывать для себя страницы истории к тому времени почти исчезнувшего народа – тверских карел. Сейчас многие хотели бы иметь мои книги, но, во-первых, они издаются мизерными тиражами в 250–500 экземпляров. Во-вторых, когда я разговаривал с обладателями моих книг, то из разговоров понимал – они их не читали. Я надеюсь на своих внучек, полагая, что когда они вырастут, ситуация в стране изменится. Вновь будет востребована литература, и мои книги напечатают значительными тиражами и не только в городе Твери, где я живу.

Что будет с моими книгами через 20–30 лет? Читать их, несомненно, будут, но не исключаю, что кто-то напишет на их основе кандидатскую или докторскую диссертацию. Например, будет этот «исследователь» уточнять «сложившиеся историографические императивы», правильно ли они указаны в моих книгах, или придумает другую подобную тему. Потом другие исследователи будут ссылаться уже на него, как ученого мужа, а не на меня – автора без степени. Ведь чаще вспоминают тех, кто еще живой и сам нередко напоминает о себе. Так было уже при моей жизни, когда при написании кандидатских диссертаций, а также при подготовке статей о тверских карелах для конференций или публикаций в сборниках, авторы иногда использовали собранные мною материалы без каких-либо ссылок на мои книги.

Но все равно, в конце концов, справедливость восторжествует, кто-нибудь из моих потомков или молодых исследователей поднимут на щит и мои книги. С этой уверенностью я продолжаю жить дальше. Верю, что историю тверских карел, когда их уже не будет вообще, еще будут изучать маститые ученые, не только финские, но и русские. Это потому, что тверские карелы были убежденными носителями и хранителями христианской веры и российского патриотизма. По словам

академика Д.С. Лихачева, настоящие культурные ценности всегда развиваются в соприкосновении с другими культурами, учитывая опыт соседей. Этим исследователям жизни тверских карел будут нужны мои книги.

Воспитав детей, посадив сад, имея свой дом, написав серию книг по истории тверских карел и создав личный фонд в областном архиве, я выполнил свою миссию на земле. Двадцатилетняя Марина Цветаева 13 мая 1913 года, находясь в Коктебеле, написала: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». Я немного перефразирую слова М. Цветаевой и также поверю, что «моим книгам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Тверь–Крым, село Колоски,
2011–2014 годы,
дополнения 2021 год

Список источников

1. Из личного архива автора.
2. ГАТО, ф. Р-289, оп. 1, д. 56, л. д. 2.
3. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 35, д.59, л.д. 5, 15–16.
4. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 35, д.65.
5. ТЦДНИ, ф. 141, оп. 38, д. 126, л.д. 4, д.д. 135 и 136.
6. ГАТО, ф. Р-289, оп. 1, д. 56, л. д. 8.
7. Москва. Осень-93. Хроника противостояния. Москва: Республика, 1995 г., стр. 7.
8. Там же, стр. 254.
9. Там же, стр. 370.
10. Там же, стр. 385.
11. Там же, стр. 465.
12. Там же, стр. 109.
13. Там же, стр. 413.
14. Там же, стр. 404.
15. Там же, стр. 524.
16. ГАТО, ф. Р-289, оп. 1, д. 132, л. д. 26.
17. *М.А.Ильин и др.* Тверские губернаторы. Тверь, 1996 г. Стр. 75–76.
18. ГАТО, ф. Р-289, оп. 1, д. 56, л. д. 32.
19. Газета «Вече Твери» от 06.04.2002 г.
20. Газета «Вече Твери» от 22.06.2003 г.
21. Газета «Вече Твери» от 15.04.2003 г.
22. Из личного архива автора.
23. Журнал «Тверца», № 1 за 2003 г., стр. 3.
24. Газета «Коммерсант», № 160 от 05.09.2003 г.
25. Газета «Вече Твери», № 164 от 06.09.2003 г.
26. Газета «Вече Твери», № 166 от 10.09.2003 г.
27. Газета «Вече Твери», № 165 от 09.09.2003 г.
28. Газета «Тверская жизнь», № 164 от 09.09.2003 г.

29. Газета «Коммерсант», № 160 от 05.09.2003 г.
30. Газета «Вече Твери», № 167 от 11.09.2003 г.
31. Газета «Комсомольская правда. Тверь», № 75 от 26.05.2006 г.
32. Газета «Вече Твери» от 14.03.2002 г.
33. Парламентская газета, № 148 от 25.08.2005 г.
34. Газета «Ведомости» № 132 от 21.07.2005 г.
35. Из доклада Тверского отделения общества «Мемориал» за 2004–2005 гг.

Оглавление

стр.

Введение 5

Глава I. Из карельского рода.....9

Из воспоминаний моей матери.....9

Немой..... 13

Познание жизни..... 18

Деревенское детство 27

Памятные рассказы..... 34

Учеба в школе..... 39

Глава II. Мы – дети природы 45

Наши детские заботы 45

Одежда деревенских мальчишек 51

Летний день в деревне..... 55

Гроза..... 63

Забавы деревенского мальчика 68

Первая влюбленность..... 74

Глава III. Любовь и семья 79

Учеба в техникуме..... 79

В поисках любви 89

Пришла любовь..... 98

Преодоление 107

Немного о военной службе 114

О самом главном..... 122

Свадьба 127

Глава IV. Начало совместной жизни 133

Работа в школе 133

На пути к намеченной цели 144

Житейские будни 150

Обручальное кольцо – символ любви 155

Наши первые поездки 160

Глава V. Служба в прокуратуре 165

Помощник прокурора 165

Следователь районной прокуратуры 169

Прокурор района 174

Прокурорские будни 181

Уполномоченный 185

Переезд в город Конаково 189

Глава VI. Дорога в большую жизнь 200

Директор школы 200

Революция 1991 года 206

Беда не приходит одна 214

Надо было как-то выживать 223

Противостояние 1993 года 229

Работа в Законодательном Собрании 235

Подарки судьбы 242

Глава VII. Губернская власть на переломе эпох 249

Тверской губернатор из Бежецка 249

Приезд Б.Н. Ельцина в Тверь 256
Попытки изменить ситуацию 261
Встречи, которые запомнились 273
Поездка в США 284

Глава VIII. Трагедии местного значения 290
Конфликт властей в начале века 290
Поездки на историческую родину 297
Создание мемориала памяти «Медное» 303
Было время на раздумья 311
Встречи с А.П. Белоусовым 319
Работа в администрации города Твери 321
Травля А.П. Белоусова 325
Медновская трагедия 330
В ночь Ивана Купалы перед выборами 334
Дождливое лето 2003 года 339
Сотворение кумира 347

Глава IX. Новая страница в истории Тверской области 353
Работа над ошибками 353
Последние выборы губернатора Тверской области 359
Выборы губернатора в Бежецке 364
Хуже уже не будет 368
Начальник управления 372
Создание мировой юстиции 382
Создание системы профилактики преступлений 388
Чужой 401

Войдя во власть, достойно выйти из нее 404
Взгляд с высоты «областной колокольни» 411

Глава X. На пенсии 421
Дом в Крыму 421
В деревне Колоски 427
В российском Крыму 435
Большие крымские каникулы 442
Наше культурное наследие 453
Первые отзывы о моих книгах 463
Полвека вместе 473

Заключение 483

Список источников 490

Анатолий Головкин

Большой круг жизни

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 504, тел./факс: (4822) 42-90-22, 35-41-30
E-mail: triadatver@yandex.ru http://www.triada.tver.ru

Подписано к печати 30.07.21. Формат 62×94 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31. Тираж 50 экз. 12+.

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, к. 5. Тел. 8 (499) 322-38-30.

Анатолий Николаевич Головкин родился 13 мая 1949 года в деревне Петряйцево Сонковского района Калининской (Тверской) области в карельской семье.

Прошел жизненный путь от учителя Карело-Кошевской восьмилетней школы Сонковского района Калининской (Тверской) области до заместителя губернатора Тверской области.

С 1996-го по 2001 год был сначала членом, а затем заместителем председателя Координационного комитета по увековечению памяти жертв тоталитарных режимов при Правительстве РФ.

Представлял тверских карел в Ассоциации финно-угорских народов России с 1995-го по 2005 год, в Международном консультативном комитете финно-угорских народов – с 1996-го по 2009 год. Возглавлял делегации тверских карел на II (Будапешт, 1996 год), III (Хельсинки, 2000 год), IV (Таллин, 2004 год) и V (Ханты-Мансийск, 2008 год) Всемирных конгрессах финно-угорских народов.

За свою служебную и общественную деятельность награжден государственными наградами СССР, Республики Польша и Республики Финляндия, а также знаком «За заслуги в развитии Тверской области».

Написал пятнадцать книг по истории России и Тверской Карелии, а также книгу стихов «Свет в окне».

Дипломант литературных конкурсов: I Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие» в номинации «Малые народы» (2007 год); Международного конкурса «Крымское приключение 2018»; II Международного конкурса «Этномир – радуга созвучий» (2019 год); Премии «На благо мира» в номинации «Познавательная литература» (2020 год).